

1801—1901.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

Поманіхъ дні дрѣвнїа, поСчіхуа...  
(Пс. 142).

*Утвержденіе*  
**РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА**  
НА КАВКАЗЪ.

Томъ II-й.

Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣляскаго.

составленъ въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ

подъ редакціей генералъ-маіора Петтиса.

ТИФЛИСЪ.

Типографія штаба Кавказскаго военнаго округа, Лорисъ-Меликов. ул., д. казенный.

1902.

1801—1901.

Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи.

Поманѣхъ дни дрѣвнїа, повѣхъ...  
(Ис. 142).

*Утвержденіе*  
**РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА**  
НА КАВКАЗЪ.

Томъ II-й.

Подъ руководствомъ начальника штаба Кавказскаго военнаго округа ген.-лейт. Н. Н. Бѣлявскаго.

составленъ въ Военно-Историческомъ отдѣлѣ

подъ редакціей генераль-маіора Пото.

ТИФЛИСЪ.

Типографія штаба Кавказскаго военнаго округа, Лорисъ-Меликов. ул., д. казенный.

1902.



Панечатано по распоряженію командующаго войсками Кавказскаго военнаго округа.

# ВРЕМЯ

Тормасова, Паулуччи и Ртищева.

1809—1817 годы.

„Исторія—не романъ, и міръ—не  
садъ, гдѣ все должно быть пріятно“:

Карамзинъ.

Составилъ, по порученію Военно-Историч. отдѣла, Генеральнаго Штаба капитанъ Н. С. Аносовъ.



## О Г Л А В Л Е Н И Е.

**ГЛАВА ПЕРВАЯ.** Отношенія наши къ Персїи въ началѣ 1809 г. Планы Гудовича и Тормасова. Силы Кавказскаго корпуса. Приготовленія на случай перехода персїи нашей границы. Вторженіе персїанъ въ іюль и августѣ въ Намбакецкую область и въ Елизаветпольскій округъ. Переговоры о мирѣ. Смуты въ западныхъ областяхъ Закавказья. Планъ Тормасова. . . . . 1

**ГЛАВА ВТОРАЯ.** Положеніе наше на восточномъ берегу Чернаго моря. Необходимость приобрѣтенія крѣпости Поті. Переговоры съ Кучукъ-бесемъ. Ослаба Поті. Пораженіе трапезундскихъ войскъ Шерифъ-паша. Сдача Поті. . . . . 19

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ.** Полтика Тормасова относительно областей западнаго Закавказья. Утвержденіе внутренняго порядка въ Мингрелїи; заслуги владѣтельской кн. Нины. Переходъ въ наше подданство Гурїи. Событія въ Абхазїи. Взятіе крѣпости Сухума. Принятіе въ наше подданство Абхазїи. Дальнѣйшее распространеніе и упроченіе генераломъ Тормасовымъ нашего владѣчества на восточномъ берегу Чернаго моря. . . . . 35

**ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.** Состояніе Имеретїи ко времени назначенія на Кавказъ генерала Тормасова. Имеретинскій царь Соломонъ II-й и его приближенные. Князя Зураба Церетели и Леонидзе. Отношенія къ намъ Соломона. Дѣятельность генераль-маіора князя Орбеліани въ Имеретїи. Назначеніе Симоновича. . . . . 53

**ГЛАВА ПЯТАЯ.** Новый командующій войсками въ Имеретїи—полковникъ Симоновичъ. Отношенія къ намъ царя Соломона послѣ паденія крѣпости Поті. Дѣятельность князя Зураба Церетели. Письмо Соломона къ Тормасову. Мѣры, принятыя главнокомандующимъ для воздѣйствія на царя Соломона. Сосредоточеніе нашихъ войскъ. Письмо Тормасова къ Соломону и прокламація къ населенію Имеретїи. Командировка въ Варъдике надворнаго совѣтника Могилевскаго. Вторженіе нашихъ войскъ въ Имеретїю. Переговоры съ царемъ Соломономъ. Обнародованіе Симоновичемъ прокламаціи главнокомандующаго и приведеніе къ присягѣ жителей Кутаиса. . . . . 71

**ГЛАВА ШЕСТАЯ.** Письмо князя Зураба Церетели къ Тормасову. Сношенія Соломона съ Симоновичемъ. Дѣйствія нашихъ отрядовъ. Переправа Симоновича черезъ рѣку Рїонъ и занятіе Варъдике. Отступленіе Соломона въ ханійское ущелье. Переговоры его съ Симоновичемъ и Могилевскимъ. Побѣда Соломона на свиданіи съ главнокомандующимъ. Арестъ царя въ селенїи Дирби. Прїбытіе Соломона въ Тифлисъ. Дислокація нашихъ войскъ въ Имеретїи. Бѣгство Соломона въ Ахалцыхъ. . . . . 89

**ГЛАВА СЕДЬМАЯ.** Мѣры принятыя генераломъ Тормасовымъ для сохраненія спокойствія въ Имеретїи. Письма и воззванія царя Соломона. Прокламація Симоновича. Во-  
станіе въ Имеретїи. Положеніе войскъ Симоновича. Назначеніе генераль-маіора князя Орбеліани командующимъ войсками въ Имеретїи. Бой въ альскомъ ущельи. Отступленіе князя Орбеліани къ Сураму. Назначеніе генераль-лейтенанта барона Розена . . . . . 109

**ГЛАВА ВОСЬМАЯ.** Оборона Чхери. Движеніе Розена къ Кутаису. Подавленіе мятежа. Перерывъ сообщенія Имеретіи съ Грузіей. Атака ханійскаго ущелья. Бѣгство Соломона въ Ахалцыхъ. Присоединеніе Имеретіи. Черениска Соломона съ Тормасовымъ. Смерть царя Соломона. . . . . 131

**ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.** Мирные переговоры съ Персіей. Посольство Гуссейнъ-Кербалай-хана. Условія, на которыхъ имѣлось въ виду заключить перемиріе съ Персіей. Инструкціи Тормасова барону Вреде. Свиданіе Тормасова съ Мирзою Безюркомъ въ Аскарани. Пропски англичанъ и турокъ въ Тегеранѣ. Прекращеніе переговоровъ. Силы, которыми располагалъ Тормасовъ для войны съ Персіей. Поведеніе хановъ восточнаго Закавказья и отношеніе къ нимъ главнокомандующаго. Планъ персіанъ. Вторженіе ихъ въ Карабагъ. Командировка баталіона 17-го егерскаго полка для занятія Мигри. . . . . 151

**ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.** Петръ Степановичъ Котляревскій. Командировка его съ баталіономъ 17-го егерскаго полка въ Мигри. Опасенія Тормасова за участь этого баталіона. Штурмъ Мигри. Заботы о благополучномъ выводѣ отряда Котляревскаго изъ Мигри. Попытка персіанъ вернуть Мигри. Пораженіе ихъ на Араксѣ. Уходъ Аббасъ-Мирзы къ Эривани. Усиленіе мигриискаго гарнизона. Поведеніе хана карабагскаго. Письмо къ нему Тормасова. Набѣги персіанъ въ Карабагъ. Подвигъ рядоваго Орѣхова. . . . . 173

**ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.** Движеніе Аббасъ-Мирзы къ Эривани. Планы его. Расположеніе нашихъ войскъ, прикрывавшихъ памбакскую и шугагелъскую области. Мѣры Тормасова для обезпеченія нашихъ предѣловъ со стороны Ахалцыха. Движеніе Гуссейнъ-Кули-хана эриванскаго въ карсскій пашалыкъ. Дѣйствія генераль-маіора Поршнягина. Нападеніе персіанъ на Артикъ. Остановка Гуссейнъ-Кули-хана въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ. Пораженіе его у Ахалкалакъ отрядомъ маркиза Пауллуччи. Дѣйствія Поршнягина на границахъ Памбака и Шугагели. Вторженіе персіанъ въ Шамадиль. Дѣятельность моурава Ладискаго. Отступленіе персіанъ къ Эривани и прекращеніе военныхъ дѣйствій. . . . . 191

**ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.** Стремленія персидскаго правительства взволновать противъ насъ мусульманъ восточнаго Закавказья и горцевъ главнаго хребта. Пропски Шихъ-Али, бывшаго хана кубинскаго. Мѣры принимавшіяся для борьбы съ нимъ. Поведеніе Мустафа-хана ширванскаго. Волненія въ Кубѣ. Движеніе изъ Баку плацъ-маіора Левицкаго. Отступленіе его. Дѣйствія подполковника Тихановскаго. Назначеніе генераль-маіора Лисаневича для подавленія волненій въ Кубѣ. Вторженіе его въ Табасаранъ. Бѣгство Шихъ-Али во внутренній Дагестанъ. Усмиреніе кубинской области. Устройство внутренняго управленія ею. . . . . 207

**ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.** Осетія: характеръ страны и ея обитателей. Причины волнній осетинъ. Появленіе въ Осетіи царевича Левана. Посылка къ нему протоіерея Картвелова. Распространеніе мятежа среди лахвскихъ осетинъ. Нападеніе ихъ на селеніе Шхинвалъ. Посылка къ Левану Давида Абаздзе. Экспедиція Сталя и подавленіе мятежа. Бѣгство Левана къ нарскимъ осетинамъ. Мѣры Тормасова для поиски его. Посылка въ Осетію подполковника Ениколопова. Бѣгство Левана въ Ахалцыхъ и смерть его. . . . . 225

**ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.** Значеніе Ахалцыха относительно областей западнаго Закавказья. Ахалцыхскіе пашы: Шерифъ и Селимъ. Стремленіе Тормасова подчинить ахалцыхскій пашалыкъ; переговоры о подданствѣ. Неудавшійся союзъ Шерифъ-пашы съ персіанами. Намѣреніе Тормасова вторгнуться въ ахалцыхскій пашалыкъ. Планъ похода въ Ахалцыхъ. Прокламація къ населенію пашалыка. Движеніе колоннъ: Симоновича—со стороны Имеретіи, Поршнягина—изъ Памбакской области и Тормасова—со стороны Карталиніи. Осада Ахалцыха. Появленіе чумы. Отступленіе Тормасова обратно въ Грузію. . . . . 243

**ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.** Состояніе Закавказья къ началу 1811 года. Уменьшеніе здѣсь числа нашихъ войскъ. Прошеніе Тормасова объ увольненіи его отъ должности

главнокомандующаго въ Грузіи. Высочайшій рескриптъ. Характеристика дѣятельности генерала Торماسова на Кавказѣ. Назначеніе ген.-лейт. маркиза Паулуччи. Приказы его. . . 269

**ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.** Вступленіе маркиза Паулуччи въ управленіе Закавказья. Приготовленія турокъ и персіанъ къ войнѣ съ нами. Мнѣніе по этому поводу генерала Торماسова. Неудавшійся союзъ противъ насъ Персіи и Турціи. Штурмъ Котляревскимъ Ахацкалакъ. Положеніе нашихъ войскъ въ Карабагѣ. Смерть генераль-маіора Небольсина. Арестъ и бѣгство Джафаръ-Кули-аги. Вторженіе Аббасъ-Мирзы въ Карабагъ. Движеніе отряда капитана Ильяшенко къ Шахъ-булаху. Сдача баталіона Трицкого полка у Султанъ-Буда. Отступленіе Ильяшенко въ Шушу. Успѣхи персіанъ. Прибытіе въ Карабагъ Котляревскаго. Экспедиція его на Араксъ въ мартѣ 1812 года. . . 287

**ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.** Новая попытка Шихъ-Али-хана завладѣть Кубой. Бездѣйствіе военачальниковъ нашихъ войскъ находившихся въ этой области. Командировка туда генераль-маіора Хатунцова. Неудачный бой генераль-маіора Гурьева у Зіахура. Пораженіе Хатунцовымъ скопищъ Шихъ-Али-хана у деревни Рустовъ. Походъ въ Казикумухъ. Штурмъ крѣпости Кюри. Присоединеніе къ намъ кюринской области и образованіе изъ нея отдѣльнаго ханства, подъ управленіемъ Асланъ-хана. . . 315

**ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.** Волненія въ Грузіи въ 1812 году. Причины, подготовившія возстаніе въ Кахетіи: особенныя условія отношеній къ намъ различныхъ классовъ населенія этой области; неудовлетворительный составъ низшихъ чиновъ нашей администраціи; злоупотребленія земской полиціи, интендантовъ и судей; проволочственные затрудненія 1811—1812 года; назначеніе экзекуціи; самоуправство войскъ; поведеніе грузинскаго духовенства и князей. Состояніе и настроеніе населенія Кахетіи въ началѣ 1812 года. . . 335

**ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.** Возстаніе жителей селенія Ахметы. Причины, вызвавшія его. Первые успѣхи мятежниковъ. Происки царевича Александра и персидскаго правительства. Положеніе нашихъ войскъ. Дѣятельность генераль-маіора Поршняина. Отступленіе его изъ Кахетіи въ Тифлисъ. Распространеніе мятежа. Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи. Прибытіе изъ Карабага маркиза Паулуччи. Мѣры принятыя имъ къ подавленію мятежа. Прокламація къ мятежникамъ. Отвѣтъ на неѣ. Пораженіе скопища бунтовщиковъ у мон. Самеба. Движеніе Паулуччи къ Сигнаху. Пораженіе Григорія у деревни Чухлаки. Освобожденіе Телава. Сдача царевича Григорія. Дѣйствія Ушакова со стороны долины р. Арагвы. Подавленіе мятежа и успокоеніе страны. Уходъ Паулуччи съ Кавказа и назначеніе преемникомъ ему генераль-лейтенанта Ртищева. . . 353

**ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.** Новый главнокомандующій, ген.-л. Николай Федоровичъ Ртищевъ. Силы, которыми располагалъ онъ въ Закавказья. Причины новыхъ волненій въ Грузіи. Командировка въ Кахетію ген.-м. Стала. Занятіе имъ Сигнаха и Телава. Прибытіе ген.-м. князя Орбеліани. Временное успокоеніе страны. Прибытіе въ Кахетію царевича Александра. Новый взрывъ всеобщаго возстанія. Дѣйствія Печерскаго, Симоновича и Орбеліани. Пораженіе мятежниковъ у селенія Манави. Бѣгство царевича Александра къ хевсурамъ. Контрибуція, наложенная Ртищевымъ на мятежное населеніе, и взглядъ на это императора Александра I-го. . . 381

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.** Бѣгство царевича Александра къ хевсурамъ. Письмо къ нему Ртищева. Отвѣтъ Александра. Приготовленія къ экспедиціи въ Хевсурію и мѣры принятыя главнокомандующимъ для обезпеченія успѣха. Движеніе колоннъ Симоновича, Стала, Тихановскаго и Казбека. Соединеніе всѣхъ колоннъ у сел. Лабисъ-кари. Движеніе внизъ по Аргуні къ сел. Шатиль. Занятіе послѣдняго. Экспедиція Тихановскаго въ землю кистинъ. Обратное движеніе отряда Симоновича. Карательныя экспедиціи въ ущелья Хевсуріи. Возвращеніе отряда въ Кахетію и роспускъ его. Результаты хевсурскаго похода. Высшая смерть Симоновича. . . 405

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.** Стремления наши заключить, в началѣ 1812 года, миръ съ Персіей. Полномочія, данныя въ этомъ смыслѣ Ртищеву. Командировка въ Персію Фрейганга и Попова. Пріемъ оказанный имъ Аббасъ-Мирзой. Вмѣшательство англичанъ. Предложенія Каннинга. Отвѣтъ нашего правительства. Интриги въ Тегеранѣ англійскаго посла баронста Горъ-Узля. Посольство въ Тифлисъ Роберта Гордона. Отвѣтъ Ртищева. Набѣгъ персіанъ въ Карабагъ. Вторженіе ихъ въ Талышинское ханство. Рѣшеніе Ртищева лично видѣться съ Аббасъ-Мирзой. Письмо его Узлею. Поѣздка Ртищева въ Карабагъ на свиданіе съ Аббасъ-Мирзой. Командировка Ахвердова въ Персію. Отказъ Аббасъ-Мирзы прибыть для свиданія на рѣку Араксъ. Назначеніе уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ въ Асландузѣ. Несообразныя требованія персіанъ и разрывъ мирныхъ сношеній. . . . . 427

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.** Уходъ Ртищева изъ Карабага обратно въ Грузію. Инструкція данная имъ Котляревскому. Положеніе послѣдняго въ Карабагѣ. Приближеніе Аббасъ-Мирзы къ Араксу. Вторженіе персіанъ въ Памбакъ, Шурагелъ и Шеку. Планы Аббасъ-Мирзы. Рѣшеніе Котляревскаго перейти Араксъ для атаки лагеря персіанъ у асландузскаго брода. Подготовка этого предпріятія. Движеніе къ Асландузу. Сраженіе 19-го и 20-го октября 1812 года—разгромъ арміи Аббасъ-Мирзы . . . . . 453

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.** Возвращеніе Котляревскаго изъ-за Аракса. Слѣдствія асландузской побѣды. Попытки убѣдить Ртищева вторгнуться въ предѣлы Персіи. Рѣшеніе главнокомандующаго освободить сначала Талышинское ханство. Предписаніе въ этомъ духѣ Котляревскому. Выводъ мигринскаго гарнизона. Выступленіе Котляревскаго изъ Ахъ-оглана въ Талыши. Переходъ Мугани. Взятіе кр. Аркевани. Мѣры для обезпеченія тыла. Обложеніе Ленкорани. Бомбардировка и двукратныя требованія сдачи. Рѣшеніе штурмовать крѣпость. Приказъ и диспозиція для штурма Штурмъ и истребленіе гарнизона. Раны Котляревскаго. Возвращеніе отряда въ наши предѣлы. Отъѣздъ Котляревскаго въ отпускъ и уходъ затѣмъ въ отставку. Послѣдующая жизнь его. . . . . 471

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.** Отношеніе къ намъ Персіи послѣ Асландуза и Ленкорани. Переговоры о мирѣ. Заключеніе Гюлистанскаго трактата. Отношенія къ Турціи. Претензіи ея на области западнаго Закавказья. Принесеніе присяги на вѣрность Сурхайханомъ и успокоеніе Кюринской области. Переговоры съ царевичемъ Александромъ. Смерть талышинскаго и шекинскаго хановъ. Уволненіе Ртищева и назначеніе преемникомъ ему ген.-лейт. А. П. Ермолова. Общій взглядъ на «до-ермоловскій» періодъ утвержднія владычества нашего на Кавказѣ. . . . . . 501

#### АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

## Оглавление рисунковъ.

### Портреты:

1) Генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ . . . . .	1
2) Наслѣдный Принцъ Персидскій Аббасъ-Мирза . . . . .	150
3) Генераль-отъ-инфантеріи Котляревскій . . . . .	172
4) Генераль-лейтенантъ маркизъ Паулуччи . . . . .	268
5) Генераль-отъ-инфантеріи Ртищевъ . . . . .	352
6) Грузинскій царевичъ Александръ Иракліевичъ . . . . .	380

### Виды и рисунки.

7) Взятіе турецкой кочермы . . . . .	18
8) Памятникъ генералу Котляревскому въ Елизаветпольѣ . . . . .	174
9) Видъ гор. Ахалкалакъ . . . . .	286
10) Штурмъ Ленкорани . . . . .	488
11) Виды музея и часовни надъ могилою генерала Котляревскаго въ Феодосіи . . . . .	500

### Карты и планы:

12) Карта Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи 1810 г. . . . .	52
13) Планъ штурма Минри 15 го іюня 1810 г. . . . .	190
14) Планъ блокады турецкой крѣпости Ахалцыха въ 1810 г. . . . .	242
15) Планъ взятія крѣпости Ахалкалакъ 8-го декабря 1811 г. . . . .	294
16) Карта военныхъ дѣйствій въ Хевсуріи въ 1813 г. . . . .	404
17) Планъ сраженія при Асладузъ 19-го и 20-го октября 1812 г. . . . .	452
18) Планъ штурма крѣпости Ленкорани 1-го января 1813 г. . . . .	464
<hr/>	
19) Карта военныхъ дѣйствій въ Закавказскомъ краѣ съ 1809 по 1817 г	



*Commodore Mervin*



# Глава I.

Отношенія наши къ Персїи въ началѣ 1809 г. Планы Гудовича и Торماسова. Силы Кавказскаго корпуса. Приготовленія на случай перехода персіанами нашей границы. Вторженіе персіанъ въ іюль и августъ въ Памбацкую область и въ Елизаветпольскій округъ. Переговоры о мирѣ. Смуты въ западныхъ областяхъ Закавказья. Планъ Тормасова.

---

Въ началѣ 1809 года вопросъ объ уходѣ графа Гудовича съ Кавказа былъ уже окончательно рѣшенъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, въ январѣ мѣсяцѣ, представилъ государю докладъ, въ которомъ подробно излагалъ свой планъ военныхъ дѣйствій на предстоящей годъ. По этому плану, составленному подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ эриванской неудачи, имѣлось въ виду усилить предварительно наши войска, находившіяся въ Закавказьѣ, снабдить ихъ непремѣнно осадной артиллеріей и затѣмъ уже, съ наступленіемъ весны, идти снова подъ Эривань, овладѣть ею и прочно утвердиться на берегахъ Аракса.

Однако, намѣренія эти совершенно не раздѣлялись преемникомъ Гудовича—генераломъ Тормасовымъ, который, оцѣнивая наше положеніе болѣе хладнокровно и не имѣя особенныхъ для себя причинъ торопиться съ покореніемъ Эривани, находилъ несвоевременнымъ предпринимать наступавшею весною вторженіе въ предѣлы Персїи.

Пажъ императора Петра III, Александръ Петровичъ Тормасовъ началъ служебную карьеру въ 1772 г. и черезъ 12 лѣтъ уже командовалъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ. Въ 1791 г., въ чинѣ генераль-маіора, за блестящую атаку подъ Мачиномъ, онъ получилъ Георгія 3-го класса, не имѣя до того никакого ордена. Польская война доставила ему новыя отличія за Мациовицы и Прагу, и черезъ 7 лѣтъ, въ 1801 г., онъ былъ уже въ чинѣ генераль-отъ-кавалерїи. Хорошо образованный и воспитанный; спокойнаго, нѣсколько замкнутаго характера; весьма трудолюбивый и безкорыст-

ный,—Тормасовъ былъ лично извѣстенъ съ самой лучшей стороны императору Александру I, который и призвалъ его, указомъ 14-го февраля 1809 г., на высокій постъ главнокомандующаго въ Грузіи. Въ Тифлисъ Александръ Петровичъ пріѣхалъ еще въ срединѣ 1808 г., въ качествѣ помощника Гудовича. За это время онъ былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ въ Закавказьѣ, и имѣлъ возможность близко познакомиться здѣсь съ положеніемъ нашихъ дѣлъ.

Неудачный исходъ персидской войны Гудовича совершенно подорвалъ авторитетъ нашъ на южныхъ границахъ Закавказья. Отказаться отъ требованій, предъявленныхъ нами Персіи передъ этой войной—о проведеніи границъ по Курѣ, Араксу и Арпачаю—мы, конечно, не могли; настаивать же на нихъ долѣе, однимъ только дипломатическимъ путемъ, послѣ двукратной неудачи подъ Эриванью,—не обѣщало никакого успѣха, тѣмъ болѣе, что въ началѣ 1809 г. мы даже не были точно освѣдомлены о томъ, чего, собственно, желали персіане: искали ли они съ нами мира, или готовились возобновить войну. Въ срединѣ апрѣля Тормасовъ писалъ графу Румянцеву, что „персіане, не оставляя намѣренія своего искать мира съ Всероссійскою Державою, снова прислали посланца своего съ предложеніями о сѣмъ и съ изъявленіемъ желанія отправить со стороны своей полномочнаго посла въ С.-Петербургъ, для постановленія тамъ полнаго мира“ <sup>1)</sup>. Въ іюнѣ же, Тормасовъ сообщаетъ графу Аракчееву о сосредоточеніи персидскихъ войскъ къ нашимъ границамъ, при чемъ поясняетъ, что: „сіи движенія персіанъ дѣлаются изъ опасенія и предосторожности, дабы войска Россійскія, по прежнему, не вошли въ ихъ границы, но что наступательныхъ дѣйствій они, можетъ быть, не осмѣлятся начать“ <sup>2)</sup>. А между тѣмъ, это были ничто иное, какъ серьезно обдуманная подготовка персіанъ къ вторженію въ наши предѣлы, въ чемъ Тормасову скоро и пришлось убѣдиться самому.

Такою же неопредѣленностью отличались отношенія наши и къ Турціи. Главнокомандующій молдавской арміей, фельдмаршалъ князь Прозоровскій, по этому поводу извѣщалъ, что: „дѣла относительно Порты Оттоманской находятся еще въ совершенной

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 264.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 265.

перѣшимости и на такомъ положеніи, что можетъ быть поднято снова оружіе противъ турокъ“<sup>1)</sup>).

Необезпеченность нашихъ предѣловъ со стороны какъ Персіи, такъ и Турціи осложнялась еще смутами внутри края, гдѣ происки нашихъ сосѣдей всегда находили достаточное количество горючаго матеріала для производства то тамъ, то здѣсь, пожаровъ возстаіи. Приходилось имѣть войска не только противъ внѣшнихъ границъ, но и внутри края, походившаго на временно бездѣйствующій вулканъ. А между тѣмъ, войскъ было до крайности мало, да и тѣ находились въ столь „затасканномъ“ состояніи, что самъ военный министръ предписывалъ заняться устроеніемъ и доведеніемъ полковъ до „настоящей исправности, какъ въ обученіи людей, такъ и въ исправленіи самой амуниціи и одежды, что все, по дошедшимъ свѣдѣніямъ, находится во всѣхъ полкахъ въ большемъ упущеніи“.

Войска Кавказскаго корпуса состояли въ это время изъ 19-й и 20-й пѣхотныхъ дивизій съ ихъ артиллерією, четырехъ гарнизонныхъ баталіоновъ, пяти кавалерійскихъ, девятнадцати донскихъ казачьихъ полковъ и мѣстныхъ (линейныхъ) поселенныхъ казаковъ. Но большая часть этихъ войскъ находилась на Кавказской линіи, въ Закавказьѣ же было всего одиннадцать пѣхотныхъ, два драгунскихъ, одинъ мѣстный казачій и восемь донскихъ полковъ<sup>2)</sup>).

Силы эти, внушительныя сами по себѣ, были, однако, далеко недостаточны для прикрытія длинной внѣшней границы и для занятія многочисленныхъ пунктовъ внутри края, тѣмъ болѣе, что самъ главнокомандующій находился въ полной „неизвѣстности — куда обратить свои дѣйствія, не имѣя доселѣ высочайшаго на то разрѣшенія“, и даже былъ „неизвѣстенъ“ въ случаѣ, напримѣръ, разрыва съ Персіей, — какою родъ войны долженъ съ ними вести: наступательный или оборонительный“<sup>3)</sup>). Желая имѣть на этотъ предметъ соотвѣтственныя указанія, Тормасовъ, тотчасъ же по вступленіи

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 264.

<sup>2)</sup> *Пѣхотные полки* 19-й дивизіи: Бѣленскій и Севастопольскій; 20-й дивизіи: Херсонскій и Кавказскій—гренадерскіе; Кабардинскій, Саратовскій, Тифлисскій и Троицкій—мушкетерскіе; 9-й, 15-й и 17-й—егерскіе.

*Драгунскіе полки*: Нарвскій и Нижегородскій.

<sup>3)</sup> Тормасовъ военному министру графу Аракчееву 19-го іюня 1809 г., № 51.

въ должность главнокомандующаго, вошелъ съ представленіемъ <sup>1)</sup>, въ которомъ, не соглашаясь съ помянутымъ выше планомъ Гудовича о безотлагательномъ утвержденіи прочнымъ образомъ на берегахъ Куры и Аракса, выражалъ свое мнѣніе: „не предпринимая безъ особенной надобности военныхъ дѣйствій противъ Персіи, собрать однако же войска въ одно мѣсто, не оголяя нужныхъ постовъ, и расположить оныя лагеремъ на такомъ пунктѣ, съ котораго они дѣлали бы оказательства къ обѣимъ границамъ и тотчасъ могли бы обратиться въ ту сторону, гдѣ будетъ настоять надобность“ <sup>2)</sup>).

Участіе Россіи въ европейскіхъ событіяхъ того времени не давало возможности усилить войска Кавказскаго корпуса, почему пришлось отказаться здѣсь отъ наступательныхъ плановъ Гудовича и перейти къ системѣ оборонительныхъ дѣйствій, на которой къ тому же настаивалъ и новый главнокомандующій—генераль Тормасовъ. Къ осуществленію плана его, получившаго высочайшее одобреніе, было приступлено немедленно, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, получавшіяся изъ Персіи „черезъ конфидентовъ и посредствомъ шпионовъ“, ясно показывали, что искательство персіянами мира было только предлогомъ для тщательной подготовки къ началу военныхъ дѣйствій.

Подъ влияніемъ англійскаго эмиссара Гарфорта Джонсса, всѣми мѣрами противодѣйствовавшаго заключенію мира съ Россіей, тегранскій дворъ выработалъ широкую программу враждебныхъ намъ дѣйствій, по которой предполагалось заключить союзъ съ Турціей и вторгнуться въ наши предѣлы одновременно съ двухъ сторонъ, поднявъ въ то же время въ тылу у насъ возстаніе—на всемъ пространствѣ отъ Чернаго до Каспійскаго морей. Съ этой послѣдней цѣлью турецкіе эмиссары появились въ Абхазіи, Гуріи, Имеретіи, Мингреліи и среди горскихъ народовъ западнаго Кавказа; агенты же Персіи наводнили мусульманскія провинціи восточнаго Кавказа<sup>3)</sup>. Самъ Баба-ханъ, —какъ доносилъ Тормасовъ, — „долженъ прибыть въ

<sup>1)</sup> Генераль Тормасовъ графу Румянцеву отъ 14-го апрѣля 1809 г.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1062.

Адерсейджанъ съ войсками, имѣя при себѣ сына своего Мамедъ Али-хана, котораго съ частью войска располагасть отрядить къ сторонѣ Карабага и Ширванскаго ханства для набѣговъ и обезпокоиванія съ той стороны нашихъ войскъ; также, — что другой сынъ Баба-хана, наследникъ Аббасъ-Мирза, готовится идти къ нашимъ границамъ со стороны Эривани, имѣя при себѣ, сверхъ конницы, около 10-ти тыс. сарбазовъ или регулярной персидской пѣхоты (обученной чиновниками, бывшаго въ Персїи, французскаго посольства), и что въ Тавризѣ и другихъ мѣстахъ дѣлаются большія собранія войскъ“<sup>1)</sup>. „Съ другой стороны, — доноситъ Тормасовъ нѣсколько времени спустя<sup>2)</sup>, — также вѣрныя извѣстія получены и изъ турецкихъ пашалыковъ, что хотя турки и не совсемъ готовы начать въ здѣшнемъ краѣ военныя дѣйствія, но уже близъ Байзета и Эрзерума собрали до 10-ти тыс. войска и продолжаютъ свои приготовленія“.

Справедливость всѣхъ этихъ свѣдѣній, подтверждавшихся каждаго новымъ донесеніемъ изъ Персїи и Турціи, вынуждала Тормасова обратиться „все попеченіе о томъ, чтобы сохранить цѣлость границъ Его Императорскаго Величества въ здѣшнемъ краѣ“. Во исполненіе этого, онъ, оставивъ, по старому, Небольсина на р. Тертерѣ — противъ Карабага, выдвинулъ другой авангардъ генераль-майора Портиягина въ Памбакскую область — къ Амамламъ, а самыя главныя силы, которыя состояли всего изъ 7-ми баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ казачьихъ полковъ и 8-ми эскадроновъ драгунъ, расположились лагеремъ у Саганлуга<sup>3)</sup>.

Кромѣ того, два баталіона 9-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лисаневича, были поставлены въ урочищѣ Чардахлу и имѣли назначеніемъ, во первыхъ — „секуренговать“ Небольсину, а во вторыхъ, — охранять Елизаветинскій и Шамшадилскій

<sup>1)</sup> Тормасовъ военному министру графу Аркадскому 1800 г. № 51.

<sup>2)</sup> Отношеніе Тормасова къ графу Аркадскому, 11-го апр. № 52.

<sup>3)</sup> Въ авангардъ Небольсина входили по два баталіона Греницкаго и 17-го егерскаго полковъ, гренадерскій баталіонъ Кабардинскаго полка и конной Пелова 16-го полка.

Авангардъ Портиягина состоялъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, одного казачьяго полка, одного эскадрона Нарвскихъ драгунъ и двѣнадцати казачьихъ и бералинскихъ.

Въ составъ главныя силы Тормасова входили по два баталіона 9-го Херсонскаго и Кавказскаго гренадерскихъ полковъ, два баталіона 9-го и одинъ баталіонъ 13-го егерскаго полковъ, по четыре эскадрона Нарвскихъ и Нижегородскихъ драгунъ и два полка казачьихъ полка.

округа и, при помощи казахской милиции, наблюдать за Делижанским ущельем, через которое персияне могли прорваться в наши предѣлы<sup>1)</sup>.

Для охраненія спокойствія въ недавно присоединенныхъ къ намъ ханствахъ восточнаго Закавказья оставлены были, въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, незначительные гарнизоны. Такъ, двѣ роты Троицкаго полка стояли въ Елизаветполѣ, одна—въ Нухѣ и одна съ орудіемъ—въ Шемахѣ; двѣ роты 17-го егерскаго полка—въ Шушѣ и двѣ роты того-же полка—на Загамѣ (Дзегамъ). Силъ этихъ было, конечно, недостаточно для отраженія персіанъ, почему Тормасовъ потребовалъ, чтобы ханы карабагскій, шекинскій и ширванскій сами приняли надлежащія мѣры къ обезпеченію своихъ владѣній собственными средствами, а для содѣйствія русскимъ войскамъ выставили бы по тысячѣ человекъ конницы.

Начальники главныхъ авангардовъ—Небольсинъ и Портнягинъ—были снабжены соответственными инструкціями, причѣмъ Тормасовъ, отлично сознавая, что сила этихъ передовыхъ заслоновъ заключается не въ количествѣ войскъ, входящихъ въ составъ ихъ, а въ испытанныхъ уже доблестяхъ начальниковъ, предоставлялъ послѣднимъ широкую свободу дѣйствій: авангардъ на Тертерѣ онъ уполномочивалъ расположить „въ удобнѣйшемъ, по разсмотрѣнію господина Небольсина, мѣстѣ, откуда бы удобнѣе обратиться къ отраженію персіанъ, если бы они покушались на Карабагъ, Шеку или Ширвань“. Портнягину же писалъ: „рвеніе ваше къ службѣ и добрыя распоряженія, многими опытами доказанныя, оставляютъ меня въ увѣренности, что вы не упустите принять всѣхъ нужныхъ мѣръ къ отверженію непріятельскихъ покушеній“<sup>2)</sup>.

Въ такомъ положеніи Тормасовъ выжидалъ результатовъ мирныхъ переговоровъ съ Персіей, для веденія которыхъ, съ соизволенія государя,<sup>3)</sup> былъ командированъ въ Тавризъ подполковникъ баронъ Вреде съ собственноручнымъ письмомъ главнокомандующаго къ послѣднику персидскаго престола—Аббасъ-Мирзѣ. Въ этомъ письмѣ

<sup>1)</sup> Предписаніе Тормасова генералъ-маіору Ахвердову 17-го іюля 1809 г., № 68.

<sup>2)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа. Журналъ исходящихъ бумагъ ген. Тормасова за 1809 г.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1057. Отношеніе графа Румянцева къ Тормасову.

генераль Тормасовъ весьма наглядно, на примѣрахъ послѣднихъ европейскихъ событій, доказываль всю непрочность англійской дружбы и, по порученію графа Румянцева, ярко рисоваль благодѣтельныя для Персіи послѣдствія искренняго мира съ Россіей, обѣщавшая, на условіи проведенія границъ по Курѣ, Араксу и Арпачаю, возвратить всѣ отнятыя турками персидскія области, окончательно успокоить внутреннія волненія въ странѣ и условленный порядокъ престолонаслѣдія „охранять противъ всѣхъ враговъ его и внѣшнихъ, и внутреннихъ силою того же оружія, которое обращено нынѣ противъ Персіи. Тогда,—писаль Тормасовъ,—нѣтъ сомнѣнія, что всѣ противники, явно и тайно возстающіе противу спокойствія знаменитѣйшаго кадджарскаго колѣна, должны будутъ умолкнуть съ покорностью, и тогда благоденствіе Персіи, также собственное могущество вашего родителя, равно и ваше останется никѣмъ ненарушимо <sup>4)</sup>. Но персидское правительство не только не было склонно уступать намъ Эриванскаго и Нахичеванскаго ханствъ, но не могло помириться съ мыслью о безвозвратной уже потерѣ Грузіи, и повелитель Ирана, собираясь на новую войну съ нами, говорилъ, какъ и передъ всякимъ вторженіемъ въ наши предѣлы, что не повернетъ „узды своего движенія“, пока русскіе не будутъ выгнаны изъ Иверіи.

Прибѣгая къ мирнымъ переговорамъ, какъ къ средству выиграть время и сосредоточить силы, предназначавшіяся къ вторженію въ наши предѣлы, персіане задержали въ Эривани барона Вреде, подъ предлогомъ необходимости дожидаться приказаній изъ Тавриза отъ самого Баба-хана. Этотъ поступокъ не оставлялъ уже никакого сомнѣнія въ истинныхъ намѣреніяхъ персіанъ, и Тормасовъ, въ основательномъ ожиданіи непріятельскаго вторженія, продвинулъ главныя свои силы изъ Саганлуга къ урочищу Думанисамъ, на эриванской дорогѣ, у границъ Ахалцыхскаго пашалыка, какъ къ такому пункту, „съ котораго можно будетъ обратиться къ той или другой сторонѣ (Персіи или Турціи), гдѣ только настоятъ будетъ надобность въ подкрѣпленіи. Сію мѣру,—писаль Тормасовъ графу Аракчееву,—потому болѣе считаю необходимою, что между прочими

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1000.

заграничными извѣстіями подтверждаются слухи о исканіи англійскихъ министровъ, въ Турціи и Персіи находящихся, объ общемъ обѣихъ сихъ державъ предпріятіи военныхъ дѣйствій въ здѣшнемъ краѣ<sup>1)</sup>). Не прошло и недѣли со дня этого донесенія, какъ Памбакская область озарилась заревомъ пожаровъ персидскаго нашествія.

16-го іюля 1809 г., 3-хъ-тысячный авангардъ Мехмедъ-Али-хана перешелъ нашу границу и внезапно напалъ на Амамлинскій постъ, но былъ отбитъ и скрылся въ Вартнавскомъ ущельѣ. Черезъ четыре дня, 21-го іюля, персіане, усилившись конницей Гуссейнъ-хана эриванскаго, снова повторили нападеніе на Амамы и Бекантъ, но и на этотъ разъ были прогнаны въ горы.

На слѣдующій день подошли главныя силы Мехмедъ-Али-хана. Желая сломить сопротивленіе русскихъ, онъ въ теченіе двухъ дней, 22-го и 23-го іюля, настойчиво повторялъ нападенія одновременно на всѣ наши посты: Гумры, Артигъ, Бекантъ и Амамы, но всюду встрѣчалъ стойкій отпоръ саратовскихъ и тифлисскихъ баталіоновъ. Особеннымъ упорствомъ отличался бой подъ Артигомъ, продолжавшійся съ ранняго утра до 6-ти час. вечера и окончившійся тѣмъ, что отбивавшійся здѣсь отъ многочисленнаго противника баталіонъ Тифлискаго полка, подъ начальствомъ маіора Севарсамидзе, бросился въ штыки на персіанъ и обратилъ ихъ въ поспѣшное отступленіе. Видя невозможность сломить сопротивленіе русскихъ, Мехмедъ-Али-ханъ, понеся за эти дни большія потери, отошелъ за р. Абаранъ<sup>2)</sup>).

Тѣмъ временемъ и Аббасъ-Мирза стягивалъ свои силы къ нашей границѣ, въ намѣреніи вторгнуться въ Карабагъ черезъ Худоаферинскую переправу. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Небольсинъ, 24-го іюля, выступилъ изъ своего лагеря на р. Тертеръ и быстро двинулся къ Араксу, чтобы встрѣтить здѣсь персіанъ на самой переправѣ. Этотъ маневръ разстроилъ первоначальныя намѣренія Аббасъ-Мирзы, но въ то же время подалъ ему мысль обойти Небольсина и, пользуясь большимъ промежуткомъ, образовавшимся между

<sup>1)</sup> Отношеніе Торماسова къ графу Аракчееву 11-го іюля 1809 г. № 64

<sup>2)</sup> Арх. окр. штаба кавк. воен. округа. Журналъ исходящ. донесеній на высочайшее имя 1819 г.



нимъ и Тормасовымъ, стоявшимъ у Думанисъ,—прорваться къ Елизаветполю черезъ Нахичевань и Шамхоръ. Въ этомъ намѣреніи, Аббасъ-Мирза отступилъ отъ Худоферинской переправы къ Нахичевани и усиленными переходами, по труднымъ горнымъ дорогамъ, подошелъ 29-го іюля къ Шамхорской долині. Но тутъ, къ великому своему удивленію, увидѣлъ уже ожидаващаго его Тормасова.

Получивъ донесеніе Портнягина о нападеніи персіянъ на наши памбакскіе посты, Тормасовъ двинулся изъ Думаниса къ Амамламъ и сдѣлалъ въ этомъ направленіи уже два перехода, какъ пришло извѣстіе отъ Небольсина о спѣшномъ отступленіи Аббасъ-Мирзы отъ Худоферина къ Нахичевани. Тормасовъ разгадалъ намѣренія наслѣдника персидскаго престола и, перемѣнивъ направленіе на Елизаветполь, въ четыре усиленныхъ перехода подошелъ къ Шамхору, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда персіяне спускались сюда съ окрестныхъ горъ <sup>1)</sup>. Не рѣшась на столкновение съ главными нашими силами, Аббасъ-Мирза спѣшно отступилъ обратно за Араксъ.

Такимъ образомъ, іюльская попытка персіянъ вторгнуться въ наши предѣлы одновременно по двумъ направленіямъ, черезъ Памбакъ и Карабагъ, кончилась на обѣихъ театрахъ полной неудачей. Но это, однако, не отняло у нихъ надежды на болѣе счастливый исходъ вторичной попытки.

Въ срединѣ августа Аббасъ-Мирза, снова перейдя р. Араксъ, кружной и трудной дорогой мимо озера Гокчи, подошелъ ч 7-го августа къ Елизаветполю и остановился съ главными силами верстахъ въ 40-ка отъ него—на урочищѣ Ахъ-булахъ <sup>2)</sup>; передовыя же партіи персіянъ приблизились даже къ городскому форштадту и завязали перестрѣлку съ гарнизономъ Троицкаго полка. Извѣщенный объ этомъ, генераль Тормасовъ, стоявшій въ это время лагеремъ на р. Акстафѣ, спѣшилъ къ Елизаветполю. Персіяне намѣревались было занять позицію на пути Тормасова—у Шамхора, но одного появленія авангарда нашего, подъ начальствомъ генераль-маіора маркиза Паулуччи, было достаточно, чтобы заставить ихъ спѣшно втянуться въ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1075.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1068.

горы. Видя невозможность овладѣть Елизаветполемъ врасплохъ, Аббасъ-Мирза отошелъ къ Эривани.

Одновременно съ появленіемъ персіянъ въ Елизаветпольскомъ округѣ было получено генераль-маіоромъ Портнягинымъ извѣстіе о томъ, что Мехмедъ-Али-ханъ намѣревается прорваться въ Грузію черезъ Карскій пашалыкъ, въ обходъ Памбакской области. Для воспрепятствованія этому высланъ былъ изъ Беканъ къ Лори, „по извѣстному персидскихъ войскъ въ ту сторону слѣдованія“, отрядъ полковника Печерскаго, силою въ 942 челов. при 3-хъ орудіяхъ<sup>1)</sup>. Выступивъ на легкѣ 20-го августа, Печерскій, послѣ двухдневнаго труднаго похода черезъ Безобдаль, пришелъ на лорійскую степь, но не засталъ уже здѣсь персіянъ. Послѣдніе, разграбивъ 8 селеній борчалинскихъ татаръ, отступили обратно по карской же границѣ, мимо кр. Магизберда, къ Эривани.

Такъ кончилось и вторичное вторженіе персіянъ въ наши предѣлы, и „персидское правительство, не видя въ дѣлахъ своихъ успѣховъ“, снова приступило къ веденію мирныхъ переговоровъ. Почти одновременно были получены Гормасовымъ два письма: отъ великаго визиря Мирзы-Безюрка и отъ Аббасъ-Мирзы. Первый изъ нихъ, призывая Бога въ свидѣтели, что „кромѣ дружеслюбія и доброжелательства никакой другой цѣли не имѣеть“, увѣдомлялъ Гормасова, что „Персія не перемѣняетъ желанія своего пріобрѣсти миръ съ Россіей и расположена послать въ С.-Петербургъ своихъ полномочныхъ пословъ, но съ тѣмъ, чтобы тамъ трактовано было о положеніи границъ, а здѣсь оныя не были бы назначаемы, потому что они (персіянс) таковое требованіе считаютъ для себя весьма оскорбительнымъ“<sup>2)</sup>. Такого же рода предложенія заключались и въ письмѣ наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзы. Гормасовъ отвѣчалъ, что, имѣя полномочія заключить миръ только на условіяхъ предварительнаго проведенія границы по Куръ и Араксу, онъ долженъ испросить высочайшаго соизволенія на отправленіе персидскаго посольства въ Петербургъ, „безъ предварительнаго здѣсь постановленія границъ“. При этомъ, главнокомандующій па-

<sup>1)</sup> Рапортъ полковника Печерскаго генералу Гормасову отъ 22-го августа, № 791.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1075.

помнилъ персіанамъ, что они сами „разорвали дружественныя сношенія, вступивъ непріятельски въ наши границы въ то время, когда посланный нами съ объявленіемъ о постоянномъ и искреннемъ желаніи Его Императорскаго Величества возстановить миръ съ Персіей по ся предложеніямъ и о соизволеніи на отправленіе къ высочайшему двору полномочнаго посольства со стороны Персіи — находился въ Тавризѣ, — а потому и меня теперь самый долгъ и честь обязываютъ отвѣтствовать тѣми же непріятельскими дѣйствіями“<sup>1)</sup>. Справедливость этого упрека получала тѣмъ большее основаніе, что Аббасъ-Мирза, отправляя Тормасову письмо, полное завѣреній искренности желанія персидскимъ правительствомъ мира, не покидалъ, однако, со своими войсками нашей территоріи и время отъ времени разорялъ принадлежащія намъ селенія.

Желая вытѣснить персіанъ изъ нашихъ предѣловъ, Тормасовъ, на другой же день по отправленіи отвѣта на письма Безюрка и Аббасъ-Мирзы, присоединилъ къ себѣ Небольсина съ 3-мя баталіонами и 2-мя казачьими полками и, оставивъ всѣ тяжести, налегкѣ, въ ночь на 28-е августа, двинулся по Ясаманскому ущелью къ урочищу Чардахлы, въ намѣреніи „атаковать Аббасъ-Мирзу въ самыхъ горахъ и выгнать его изъ нашихъ границъ“. Всю ночь шелъ отрядъ по узкому каменистому дефиле и только къ утру подошелъ къ горамъ, на которыхъ предполагалось встрѣтить персіанъ, но послѣдніе, узнавъ о движеніи Тормасова, поспѣшно снялись и ушли за нашу границу. Не имѣя никакой возможности преслѣдовать по горамъ коннаго непріятели, „особливо въ собственныхъ его границахъ, тѣмъ болѣе имѣя высочайшее повелѣніе, дабы вести только оборонительную войну“, — Тормасовъ принужденъ былъ остановиться<sup>2)</sup>.

Въ тотъ же день въ Чардахлы прибылъ новый посланецъ съ письмомъ Аббасъ-Мирзы, въ которомъ наслѣдникъ персидскаго престола, объясняя враждебныя дѣйствія персіанъ „слѣдствіемъ образа дѣйствій“ со стороны Тормасова, предлагалъ заключить перемиріе. „Ваше Высокопревосходительство, — писалъ, между прочимъ, Аббасъ-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. пом., т. IV, № 1075.

<sup>2)</sup> Отношеніе къ графу Румянцеву 10-го сентября 1809 г., № 88.

Мирза, — не взирая на свое уполномочіе, опять рѣшились испросить на отправленіе посла поваго разрѣшенія, требуя прекращенія военныхъ дѣйствій. Вы должны судить по совѣсти, что такой образъ поведенія не согласуется съ обычаями и законами, ибо назначеніе посла имѣетъ цѣлью достиженіе дружбы, а достиженіе дружбы можетъ происходить по прекращеніи вражды, а прекращеніе вражды зависитъ отъ продолжительности перемирія, въ которое послы могутъ разѣзжать между двумя правительствами и тѣмъ достигнется желаемая дружба“ <sup>1)</sup>. Тормасовъ отвѣчалъ, что, не имѣя полномочія на заключеніе перемирія, онъ не можетъ взять это на себя, не испросивъ на то высочайшаго разрѣшенія, до полученія котораго, однако, обѣщаетъ не переходить границу Персіи, если только сами персіяне „нигдѣ не коснутся границъ нашихъ“ <sup>2)</sup>. Результатомъ этихъ переговоровъ было удаленіе, наконецъ, войскъ Аббаст-Мирзы изъ нашихъ предѣловъ, гдѣ они къ тому же терпѣли сильный недостатокъ въ продовольствіи.

Этотъ перерывъ военныхъ дѣйствій на персидской границѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ и самого главнокомандующаго. Война принимала характеръ, не обѣщавшій возможности покончить съ противникомъ однимъ — двумя рѣшительными ударами. Персіяне старательно уклонялись отъ встрѣчи съ нашими войсками и, пользуясь многочисленностью своей конницы, дѣлали большіе обходы, нападали у насъ въ тылу или на флангахъ на беззащитное населеніе, разоряли его и затѣмъ столь же быстро уходили отъ нашихъ преслѣдованій въ горы. Переходить же границу Персіи, чтобы тамъ нанести рѣшительный ударъ персидскимъ скопищамъ, Тормасовъ не могъ, не имѣя, какъ сказано выше, разрѣшенія на веденіе наступательныхъ операцій въ предѣлахъ персидскаго государства. При такихъ условіяхъ, военныя дѣйствія, отвлекавшія наше вниманіе и силы къ персидской границѣ, угрожали затянуться на неопредѣленное время. А между тѣмъ, въ тылу у насъ происходили событія далеко неспокойнаго свойства.

└ Поддерживаемыя англійскимъ золотомъ интриги персидскаго

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 697.

<sup>2)</sup> Военно-ученый архивъ, дѣло № 2420.

правительства и бѣглаго грузинскаго царевича — Александра не только возстановляли противъ насъ приграничныя области Турціи, но сѣлили смуту и въ находившихся подъ нашимъ покровительствомъ областяхъ западнаго Закавказья.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ 1809 г. Тормасову донесли <sup>1)</sup>, что ахалцыхскій паша получилъ изъ Персіи отъ Аббасъ-Мирзы 100 тыс. рублей и „вещами въ матеріалахъ состоящихъ“ на 100 тыс. рублей для раздачи собраннымъ здѣсь войскамъ изъ татаръ, осетинъ и имеретинцевъ, предназначавшихся для вторженія въ наши предѣлы одновременно съ наступленіемъ персидскихъ войскъ, и что Аббасъ-Мирза разсылаетъ „въ Грузіи обитающимъ народамъ наполненные разными обольщеніями фирманы къ возмущенію“.

Ахалцыхскій паша, не располагая силами, достаточными для вторженія въ наши предѣлы, воздерживался пока отъ начала военныхъ дѣйствій, но за то находившіеся у него на жалованьи шайки лезгинъ переходили нашу границу и грабили борчалинскія селенія, вводя пленныхъ и угоняя скоть.

Пашенныя лезгины составляли важнѣйшій контингентъ въ вооруженныхъ силахъ ахалцыхскихъ пашей. Живя въ дикихъ трущобахъ Кавказскаго хребта, не видавшихъ еще никогда русскихъ штыковъ, лезгины считали себя защищенными отъ насъ преградою, которую положила сама природа для безопасности ихъ убѣжищъ. Разбойничій инстинктъ этого народа, сдѣлавшаго грабежи своимъ промысломъ, отвлекалъ его отъ мирныхъ занятій и обращалъ въ насмниковъ, искавшихъ случаи служить одной сторонѣ съ тѣмъ, чтобы грабить другую. Пробираясь „воровскими“ дорогами въ Ахалцыхъ, лезгины нанимались здѣсь служить у пашы, который вмѣсто жалованья обыкновенно платилъ имъ разрѣшеніемъ грабить сосѣднія области Грузіи.

Одна изъ такихъ шайкъ въ 700 человекъ, въ ночь на 4-е августа, скрытно пробравшись мимо Цицикара, внезапно напала на дер. Барбалю, но была совершенно разсѣяна подоспѣвшимъ сюда небольшимъ отрядомъ нашимъ изъ роты херсонцевъ и казаковъ, подъ начальствомъ маіора Данилова.

<sup>1)</sup> Рапортъ маіора Канакова отъ 31-го іюля, № 5 (изъ Гумри).

Не смотря на этотъ кровавый урокъ, ровно черезъ мѣсяцъ, 4-го сентября, тысячная партія лезгинъ, подъ начальствомъ своего предводителя, знаменитаго среди лезгинскихъ наемниковъ „беллада“ (вождя) Нуръ-Магометъ-хана, снова ворвалась въ наши предѣлы и, разграбивъ селенія Пеп и Мухури, съ добычей возвращалась обратно въ турецкіе предѣлы. Въ погоню за ними помчалась грузинская милиція, но, получивъ жестокій отпоръ и потерявъ доблестныхъ своихъ предводителей — князей Авалова, Амираджиби и Палавандова, не могла задержать грабителей. Въ это время къ мѣсту боя на рысяхъ подходилъ, вызванный по тревогѣ изъ Сурама, эскадронъ нижегородцевъ, подъ начальствомъ капитана Саликова. Привыкшіе къ легкимъ побѣдамъ надъ грузинскою конницею, лезгины съ презрѣніемъ смотрѣли на приближавшуюся къ нимъ горсть невиданныхъ доселѣ всадниковъ. Но вотъ — сверкнули шашки, облако пыли, поднятое карьеромъ, окутало эту кучку, и, какъ вихрь, налетѣли драгуны на изумленныхъ лезгинъ. Въ одно мгновеніе нѣсколько десятковъ ихъ лежало на землѣ изрубленными, а остальные, съ самимъ Нуръ-Магометомъ, въ паникѣ бросились къ Куръ, на берегу которой быстро устроили засѣку. Подоспѣвшіе двѣ роты кабардинцевъ ударили въ штыки, а драгуны, переправившись черезъ рѣчку, отрѣзали путь отступленія лезгинамъ. Нуръ-Магометъ былъ убитъ и шайка его истреблена почти поголовно <sup>1)</sup>. Такъ погибъ знаменитый белладъ, о которомъ и теперь еще поютъ грузинскіе сазандары.

↳ Но не одними только набѣгами лезгинъ тревожилъ насъ Ахалцыхскій пашалыкъ. Въ немъ нашелъ себѣ пріютъ бѣглый грузинскій царевичъ Александръ, который, при дѣятельной поддержкѣ турокъ и персіянъ, наводнялъ Грузію, Имеретію, Осетію и другія области своими зажигательными прокламаціями. Последнія, хотя и не вездѣ достигали желаемаго результата, тѣмъ не менѣе всюду сѣяли смуту, а иногда вызывали и открытое возстаніе. Такъ, на письмо, посланное царевичемъ кабардинскимъ князьямъ, въ которомъ онъ объяснялъ свое желаніе: завладѣть „слѣдуемыми сму по смерти царя Ираклія Азербейджаномъ и грузинскими провин-

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа. Журналъ исходящихъ бумагъ. Всеподдан. донесеніе Торماسова 1809 г.

ціями“,—князя отвѣчали увѣреніемъ полной готовности оказать помощь царевичу и писали: „Въ знакъ сего всѣ мы, князя и народы, достойно признали уклонить себя отъ обязанностей невѣрныхъ и послѣдовать единоконному государю, покровителю вселенныя, и служить вамъ, для чего сіе увѣреніе посылаемъ, что мы единодушно вамъ себя предали и не имѣйте въ томъ сомнѣнія<sup>1)</sup>“. Результатомъ этого „признанія“—въ Кабардѣ стали происходить случаи явнаго неповиновенія намъ.

Жителямъ Джавскаго ущелья царевичъ писалъ, что шахъ „отправилъ насъ въ Ахалцыхъ съ такимъ войскомъ и казной, какъ намъ хотѣлось“, и, выражая увѣренность въ обѣщаніи джавцевъ присоединиться къ нему тотчасъ же, какъ онъ спустится въ Карталинію, добавлялъ: „тогда и увидимъ, какъ вы потрудитесь и вновь зажжете свѣчу угасшаго нашего дома . . . Вашъ мечъ былъ всюду извѣстенъ и владѣте честью мужества. Bravo вашей чести и мужеству!“<sup>2)</sup>.

Тагаурцевъ царевичъ Александръ увѣрялъ, что „нынѣшнія приготовления шаха и войска не похожи на прежнія: на этотъ разъ онъ или покончитъ со всѣмъ Ираномъ, или изведетъ русскихъ изъ Грузіи—будьте увѣрены!“<sup>3)</sup>.

Возбужденные этими письмами осетины начали, въ ожиданіи прибытія царевича Александра, запасать въ глубинѣ своихъ ущелій скоть и хлѣбъ. Помѣщики же Горійскаго уѣзда приступили къ укрѣпленію своихъ замковъ къ сторонѣ осетинскихъ ущелій, опасаясь повторенія бывшаго весною 1809 г. возстанія крестьянъ, когда для усмиренія ихъ потребовалось содѣйствіе русскихъ войскъ, штурмовавшихъ въ Ксанскомъ ущельѣ нѣсколько осетинскихъ селеній<sup>4)</sup>.

Не меньшую смуту производили агенты Александра и въ самомъ Тифлисѣ. „Не иду на васъ съ силою и мечемъ,—писалъ Александръ къ грузинскимъ князьямъ, дворянамъ, духовенству и народу,—ни съ враждою противъ тѣхъ изъ васъ, которые много или мало провинились передъ высокимъ домомъ нашимъ; но иду съ си-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 185.

<sup>2)</sup> Тамъ же, №№ 187 и 196.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 188.

<sup>4)</sup> Арх. окр. штаба кавк. воен. округа, дѣло 1809 г., № 79.

люю Божією на враговъ, питая ко всѣмъ вамъ миръ и любовь . . . Я имѣю съ собою силу и казну трехъ сильныхъ и великихъ державъ—всего Ирана, османовъ и англичанъ, для вашего освобожденія изъ рукъ чужихъ“<sup>1)</sup>.

Кромѣ подобныхъ воззваній, агенты персидскаго правительства и царевича Александра, во время военныхъ операций Торماسова противъ Аббасъ-Мирзы, распускали ложные слухи о неудачахъ, которыя якобы повсюду терпѣли русскія войска, и что турки и персіяне не сегодня—завтра войдутъ въ Карталинцію. Это, конечно, смутило населеніе и самый Тифлисъ находился „въ безпокойствѣ и тревогѣ по однимъ пустымъ страхамъ“<sup>2)</sup>.

Точно такія же смуты сѣялись и въ Абхазіи, и въ Имеретіи, и въ Мингрелии.

Все это вынуждало Тормасова обратить серьезное вниманіе на успокоеніе областей, лежавшихъ въ тылу нашихъ войскъ, и сосредоточить всѣ усилія на утвержденіе порядка на правомъ флангѣ Грузіи. Но для этого необходимо было, хотя на время, развязать себѣ руки съ Персіей. Вотъ почему Тормасовъ охотно вошелъ съ Аббасъ-Мирзой въ соглашеніе не переходить взаимно нашихъ границъ и дѣлалъ настоятельныя представленія въ Петербургъ о необходимости заключить миръ или хотя временное перемиріе. „Долгомъ моимъ поставляю,—писалъ Тормасовъ графу Румянцеву 10-го сентября 1809 г. изъ лагеря при р. Мешаверѣ,—изложить здѣсь мое мнѣніе, въ томъ состоящее, что для возможнаго образованія перво-внутренняго порядка въ здѣшнемъ краѣ необходимо нужно имѣть миръ или хотя перемиріе съ Персіей на нѣкоторое время, дабы тогда, занявшись внутреннимъ устройствомъ, обезпечить здѣсь навсегда правый флангъ Грузіи, начиная отъ Абхазіи, отдающей-ся нынѣ въ вѣчное покровительство и подданство Всероссійской Имперіи, и завладѣть крѣпостями Поти, Анакліей и другими, имѣющими въ себѣ турецкій гарнизонъ, чтобы черезъ то освободить Мингрелию отъ непріятели и не имѣть болѣе надобности содержать тамъ большого числа войскъ. Потомъ совершить нужно священ-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 191.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1071.



ную волю Его Императорскаго Величества относительно Имеретіи и ея владѣтеля, который до сихъ поръ не перестаетъ дѣлать безпокойства, входя въ связи съ ахалцыхскимъ Селимъ-пашею и съ персіянами черезъ посредство Александра царевича, отчего царство имеретинское дотолѣ не придетъ въ устройство, пока не рѣшится судьба царя Соломона удаленіемъ его навсегда изъ Имеретіи... Совершивъ же сіе, нельзя будетъ оставить Ахалцыхскій папалыкъ въ нынѣшнемъ его положеніи и нужно будетъ, непременно завладѣвъ симъ гнѣздомъ вѣчныхъ безпокойствъ и хищничествъ, поставить тамъ навсегда твердую ногу. Въ то время и лезгинцы, имѣющіе<sup>с</sup> непремѣнное свое пристанище въ Ахалцыхѣ, откуда дѣлаютъ впаденія въ Грузію, лишась единственнаго своего убѣжища, неминуемо должны будутъ усмириться, и тогда легкими средствами можно ихъ будетъ довести до совершенной покорности. Осстинцы же и<sup>д</sup> другіе горскіе народы, привыкшіе волноваться только по подстреканіямъ изъ Имеретіи и Ахалцыха, какъ народы слабые и безъ способовъ, сами собою успокоятся и будутъ вѣрны, опасаясь лишиться потребностей къ жизни, получаемыхъ изъ Грузіи, и которыя отнять отъ нихъ всегда можно. Такимъ образомъ, утвердя прежде порядкомъ весь правый флангъ Грузіи, удобно уже будетъ обратиться наступательныя дѣйствія на Персію и заняться пріобрѣтеніемъ границъ по р. Куръ, Араксу и Арпачаю, не опасаясь сзади никакихъ безпокойствъ или развлеченій нашихъ силъ“<sup>1)</sup>. Вотъ та программа дѣйствій, къ выполненію которой Тормасовъ имѣлъ намѣреніе приступить, пользуясь временнымъ затишьемъ на нашей персидской границѣ. Слѣдуя этому плану, главнокомандующій оставилъ отрядъ Небольсина у Елизаветполя для защиты Карабага и, предписавъ Портнягину зорко слѣдить изъ Памбакской области за сосредоточившимися къ Эривани войсками персіянъ<sup>2)</sup>, самъ перевелъ свои главныя силы къ м. Квепи, у границъ Ахалцыхскаго папалыка, „чтобы тѣмъ отвратить предпріятіе ахалцыхскаго паши и заставить его самого опасаться моего вступленія въ его грани-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1075, стр. 696.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1074. Предписаніе генераль-маіору Портнягину 1809 г.

цы“<sup>1)</sup>). Въ то же время приняты были мѣры къ отраженію непріятеля, на случай если бы онъ покусился сдѣлать нападеніе на Карталинію, и приступлено къ упроченію положенія нашего на побережьи Чернаго моря, гдѣ незадолго передъ этимъ была уже занята нами турецкая крѣпость Поти.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1075.



*Взятие мускетной корабля.*

## Глава II.

Положеніе наше на восточномъ берегу Чернаго моря. Необходимость приобрѣтенія крѣпости Поти. Переговоры съ Кучукъ-бесемъ. Осада Поти. Пораженіе трапезундскихъ войскъ Шерифъ-паша. Сдача Поти.

~~~~~

Величественную картину представляютъ собою восточные берега Чернаго моря. Громадныя горы, то дико-скалистыя, то сплошь покрытыя непролазною чащей дѣвственнаго лѣса, стоятъ, какъ бы прислонившись къ заоблачной стѣнѣ бѣлѣющихъ за ними снѣговыхъ громадъ главнаго Кавказскаго хребта, а внизу, у подножія — шумно плещется морская пучина и вѣчно лижетъ пѣнящейся волной прибрежнаго буруна гранитныя ребра нависшихъ скалъ.

Горе судну, безопасно приближающемуся къ чарующей панорамѣ этихъ береговъ. Морскія волны съ предательской лаской высоко подымутъ его на свои могучіе гребни, какъ бы лучше показать волшебную картину далекаго пейзажа, и бросятъ съ размаху на прибрежныя скалы.... Не много здѣсь такихъ мѣстъ, гдѣ можно было бы укрыться въ непогоду отъ гибельной ярости береговаго прибоя, и мѣста эти извѣстны еще съ глубокой древности, когда сѣдой Кавказъ впервые увидѣлъ мѣдно-блещущіе панцири спутниковъ Язона. Много вѣковъ спустя, властительницы морей—Генуя и Венеція украсили эти берега высокими башнями своихъ факторій и маяковъ, а ко времени нашего прихода на Кавказъ здѣсь господствовали турки, укрѣпившіе наиболѣе доступныя и важныя пункты берега своими крѣпостями: Поти, Анакля, Сухумъ, Суджукъ-кале и Анапа. Пользуясь этими крѣпостями, какъ опорными пунктами, турки распространяли свое вліяніе на прибрежныя области Закавказья: Гурію, Мингрелію, Имеретію, Абхазію, на земли закубанскихъ горцевъ и, ведя съ ними торговлю, на-

полняли гаремы обширной турецкой империи невольницами Кавказа, славившимися во всей Малой Азии красотой магометовых гурій.

Начавшаяся, съ присоединеніемъ Грузіи, борьба за упроченіе владычества нашего на Кавказѣ привела насъ здѣсь въ столкнове- ніе съ турками и вызвала естественное желаніе вытѣснить ихъ съ восточныхъ береговъ Чернаго моря и тѣмъ избавиться отъ сосѣд- ства, постоянно возмущавшаго противъ насъ приморскія области Закавказья и черкесскія племена закубанскихъ горъ. Съ этою цѣлью, еще въ 1804 году нами было возведено въ устьѣ р. Хопи неболь- шое укрѣпленіе—Редуть-кале, а въ апрѣлѣ 1807 г. взята Анапа эс- кадрой черноморскаго флота, подъ начальствомъ контръ-адмирала Пустошкина. Присутствіе въ Редуть-кале нашего гарнизона, силь- но стѣснявшаго дѣятельность турокъ въ прибрежной части Миш- греліи, вызывало съ ихъ стороны попытки вытѣснить насъ изъ это- го пункта, почему, особенно послѣ неудачнаго нападенія турокъ 8-го февраля 1807 г., гарнизонъ Редуть-кале былъ усиленъ и само укрѣпленіе значительно увеличено. Что же касается Анапы, то стратегическая важность этой крѣпости, являвшейся связующимъ звеномъ турокъ съ закубанскими горами, побудила Тормасова не оставлять ее, какъ это сдѣлалъ Гудовичъ послѣ кроваваго штурма 1791 г., а наоборотъ—возможно болѣе укрѣпить ее съ сухого пути—со стороны горцевъ, и занять сильнымъ подвижнымъ гар- низономъ. Комендантомъ въ Анапу назначенъ былъ генералъ-маіоръ Бухгольцъ, на которомъ Тормасовъ остановился, какъ на человѣкѣ испытаннаго мужества и рѣдкихъ душевныхъ качествъ, притомъ женатомъ на черкесской княжнѣ, еще ребенкомъ вывезенной изъ той же Анапы, при разгромѣ ея Гудовичемъ. Это обстоятельство имѣло немаловажное значеніе ввиду того, что подъ вліяніемъ жены Бухгольца, имѣвшей многочисленную знатную родню среди заку- банскихъ черкесовъ, установились между гарнизономъ Анапы и со- сѣдными горскими племенами дружественныя отношенія.

Такимъ образомъ, ко времени описываемыхъ событій мы имѣли на восточномъ берегу Чернаго моря два прочно занятыхъ пункта: Редуть-кале и Анапу, остальные же находились пока въ рукахъ турокъ и, благодаря этому, продолжали оказывать самое невыгодное

для насъ вліяніе на приморскія области Закавказья. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣла крѣпость Поти, сильно затруднявшая упроченіе нашего положенія въ Абхазіи, Мингреліи и Имеретіи. Всѣ эти владѣнія состояли подъ нашимъ покровительствомъ, и положеніе наше въ нихъ обезпечивалось гарнизонами, содержавшимися нами въ наиболѣе важныхъ пунктахъ. Но, къ сожалѣнію, командовавший здѣсь до 1808 г. нашими войсками генераль Рыкгофъ „по своимъ преклоннымъ лѣтамъ“ былъ мало способенъ „какъ духомъ, такъ и тѣломъ къ военнымъ дѣйствіямъ“ и еще менѣе того—къ неусыпному надзору за враждебными намъ интригами турокъ въ этихъ областяхъ и къ энергичной борьбѣ съ ними. Результатомъ этого явился сильный упадокъ здѣсь нашего вліянія, въ чемъ и пришлось лично убѣдиться назначенному сюда, по смерти генерала Рыкгофа въ 1808 г., генераль-маіору князю Дмитрію Орбеліани.

Имеретинскій царь Соломонъ былъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ турками и съ царевичемъ Александромъ и оказывалъ намъ явное и даже рѣзкое неповиновеніе, доходившее до требованія вывезти наши войска изъ Имеретіи. „Нѣтъ словъ удобныхъ, доносили князь Орбеліани, выразить всю ядовитость, коею человѣкъ сей (царь Соломонъ) дышетъ на русскихъ, и ежели бы нашелъ удобность избить ихъ какимъ нибудь способомъ, то, конечно, не пожалѣлъ бы ничего на сіе усовершеніе“<sup>1)</sup>.

Мингрелія, управлявшаяся за малолѣтствомъ князя Левана Дадіани матерью его кн. Ниной, была настолько распущена, что „неислушаніе подданныхъ ся (кн. Нины) князей и дворянства лишило ее даже нужнаго содержанія для ея дома и прислуги“<sup>2)</sup>. О населеніи же, никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемомъ и находившемся подъ растлѣвающимъ вліяніемъ сосѣднихъ турокъ, князь Орбеліани доносилъ, „что подобнаго народа въ развратѣ и свосвольствѣ я еще въ жизни своей не видѣлъ, и что смѣю свосвольнымъ народомъ не только управлять женщицѣ, но мужчинѣ надобно съ особенно строгою осторожностью“<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 522, стр. 392.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову, 19-го мая 1809 г. № 219.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

Въ Абхазіи пылала вражда двухъ братьевъ—сыновей покойнаго владѣтеля Келешъ-бея. Одинъ изъ нихъ, отце-убійца и брато-убійца—Арсланъ-бей пользовался поддержкой турокъ, другой же—Сеферъ-бей, объявленный наслѣдникомъ еще при жизни Келешъ-бея, свято хранилъ завѣтъ послѣдняго: „быть въ повиновеніи Его Императорскаго Величества и изыскивать его высокое покровительство“<sup>1)</sup>. Абхазія раздѣлилась на два лагеря: поддерживаемые турками сторонники Арсланъ-бея владѣли крѣпостью Сухумъ-кале, партія же Сеферъ-бея, тайно исповѣдывавшаго христіанство, искала покровительства и поддержки Россіи.

Такое положеніе дѣлъ въ западныхъ областяхъ Закавказья ясно показывало, что упрочить положеніе наше въ нихъ можно было только путемъ огражденія этихъ областей отъ вліянія турокъ, опиравшихся здѣсь на свои приморскія крѣпости, въ ряду которыхъ наибольшее значеніе имѣла крѣпость Поті. Послѣдняя была важна намъ еще въ томъ отношеніи, что, владѣя ею, какъ удобнымъ портомъ, мы могли бы довольствоваться наши войска, расположенныя въ Мингреліи и Имеретіи, подвозомъ провіанта изъ Крыма на судахъ нашей черноморской флотиліи и тѣмъ пріобрѣтали бы болѣе независимое и обеспеченное положеніе въ западныхъ областяхъ Закавказья. Правильно оцѣнивая значеніе кр. Поті, кн. Орбеліани доносилъ, что, „будучи намъ самая нужная, какъ для выгрузки провіанта съ судовъ и безопасной онаго по Ріону доставки въ Имеретію, такъ и для пресѣченія хищническихъ сообщеній турокъ съ Имеретією и Мингрелією,—которою (кр. Поті) овладѣвъ, совершенно можно запретить всѣ пронырства, нынѣ дѣлаемая неблагорасположенными къ Россіи людьми“<sup>2)</sup>.

Самъ главнокомандующій ясно сознавалъ, что, съ занятіемъ нами турецкихъ крѣпостей на восточномъ берегу Чернаго моря, будетъ „положена преграда Оттоманской Портѣ имѣть свободное сношеніе“<sup>3)</sup> съ приморскими областями Закавказья, и что будутъ пресѣчены „всѣ злоупотребленія, доселѣ существовавшія въ раз-

<sup>1)</sup> Рапортъ Рыкгофа гр. Гудовичу 6-го мая, 1808 г. № 83.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову, 30-го мая 1809 г. № 239.

<sup>3)</sup> Акты Кавк. археогр. ком., т. IV, № 617.

сужденіи плѣннико-продавства христіанъ, увлекаемыхъ изъ Имеретіи, Гуріи и Мингреліи и оттоль отвозимыхъ на продажу въ Персію, Турцію и Египетъ“<sup>1)</sup>). Но для овладѣнія этими крѣпостями въ распоряженіи Тормасова не было достаточныхъ силъ. Въ Редутъ-кале и во всей Мингреліи стояло только шесть ротъ Бѣлевскаго полка, которыя даже не могли быть поддержаны нѣсколькими ротами, находившимися въ Имеретіи. Поэтому, Тормасовъ предписывалъ генералу Орбеліани попытаться овладѣть кр. Поти мирнымъ путемъ, склонивъ владѣльца ея Кучукъ-бея къ принятію нашего подданства. „Возлагаю на васъ, писалъ главнокомандующій, истощить всевозможные способы, чтобы убѣдить Кучукъ-бея вступить въ подданство Россіи, дабы черезъ то пріобрѣсть намъ въ руки крѣпость и пристань потійскую. При чемъ, если на приласканіе его потребно вамъ будетъ имѣть какіе подарки изъ дорогихъ вещей или матерій, то увѣдомьте меня, что именно нужно, и я не умедлю вамъ оныя прислать“<sup>2)</sup>). По представленію князя Орбеліани, послѣднему было прислано для „обласканія потійскаго владѣльца Кучукъ-бей“: золотая сабля въ 1 тыс. руб., двѣ—болѣе простыхъ по 100 руб. каждая, одинъ дорогой кинжалъ съ камнями въ 750 руб. и два—обыкновенныхъ по 80 руб. каждый; два брилліантовыхъ перстня—одинъ въ 550, а другой—въ 450 руб. и 5 медалей—3 золотыхъ и 2 серебряныхъ, при чемъ предписывалось: „употребить сіи вещи въ подарки со всею осторожностью. . . . чтобы не раздать оныхъ безъ всякаго успѣха“<sup>3)</sup>). Кромѣ подарковъ, имѣлось также въ виду вліять на Кучукъ-бея, происходившаго изъ абхазской владѣтельной фамиліи князей Шервашидзе, черезъ многочисленныхъ его родственниковъ Абхазіи и Мингреліи. Съ этой цѣлью, въ Поти были посланы княземъ Орбеліани: подполковникъ кн. Эривостъ, кн. Вахтангъ Гуріели и привлечены къ содѣйствію намъ двоюродный братъ Кучукъ-бей—Сосланъ-бей, имѣвшій „обстоятельный разсудокъ“, и зять правительницы Мингреліи—Манучаръ Шервашидзе<sup>4)</sup>).

Но ни подарки, ни убѣжденія вліятельныхъ родственниковъ не

<sup>1)</sup> Акты Кавк. археогр. ком., т. IV, № 1159.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова кн. Орбеліани 2-го іюня 1809 г. № 30.

<sup>3)</sup> Акты Кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 554 и 555.

<sup>4)</sup> Тамъ же №№ 550 и 553.



могли заставить Кучукъ-бея разстаться съ положеніемъ почти независимаго владѣтеля одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ на всемъ восточномъ побережьи Чернаго моря. Къ тому же, турецкое правительство, встревоженное извѣстіями о намѣреніи Арсланъ-бея абхазскаго слать намъ Сухумъ и о стремленіяхъ нашихъ завладѣть крѣпостью Потти, поспѣшило прислать сюда своихъ эмиссаровъ, которые подарками и щедрыми обѣщаніями поддержки со стороны Порты старались воспрепятствовать намѣреніямъ Арсланъ-бея и возбуждали упорство Кучукъ-бея. Послѣдній обращался даже къ сосѣднимъ турецкимъ владѣтелямъ „съ просьбою вспомогательныхъ войскъ для защищенія крѣпости и нападенія на Редуть и Мингрелию“<sup>1)</sup>. Видя бесполезность дальнѣйшихъ переговоровъ и „ласкательствъ“ съ Кучукъ-беемъ, генераль-маіоръ князь Орбеліани рѣшилъ овладѣть кр. Потти открытою силою, тѣмъ болѣе, что, по имѣвшимся у него свѣдѣніямъ, гарнизонъ крѣпости не превышалъ 400 человекъ<sup>2)</sup>.

12-го августа 1809 г., поздно вечеромъ, изъ Редуть-кале выступилъ, подъ начальствомъ князя Орбеліани, отрядъ, изъ шести ротъ Бѣлевскаго полка, одной роты 9-го егерскаго полка, 50-ти казаковъ, пяти орудій, и направился по потійской дорогѣ къ переправѣ черезъ р. Ріонъ, куда и прибылъ на другой день, 13-го августа. Здѣсь къ отряду присоединились гурійская, мингрельская и абхазская милиціи, подъ предводительствомъ преданныхъ намъ князей.

Дорога къ крѣпости шла по лѣвому берегу Ріона, среди дремучихъ лѣсовъ и непролазныхъ болотъ, широкой полосой тянувшихся вдоль Чернаго моря, отъ р. Чурукъ-су до р. Кодора. Ливніи передъ этимъ дожди и вызванный ими разливъ рѣки настолько испортили эту узкую и топкую тропу, что не было никакой возможности двигаться по ней съ тяжестями и въ особенности съ артиллеріей. Поэтому, Орбеліани рѣшилъ спустить свой отрядъ къ крѣпости на плотяхъ. Для прикрытія же этой операціи, еще 13-го числа, въ день прибытія отряда къ Ріону, были переправлены на лѣвый берегъ послѣдняго три роты пѣхоты съ мингрельской и абхазской милиціей, подъ начальствомъ маіора Шелкачева, коему

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 519.

<sup>2)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 265.

приказано было подойти къ крѣпости и, занявъ верстахъ въ трехъ отъ нея крѣпкую позицію, обезпечить высадку тамъ съ плотовъ остальныхъ силъ отряда и артиллеріи.

Одновременно съ этимъ, по правому берегу Ріона отправленъ былъ съ однимъ 6-ти-фунтовымъ орудіемъ инженеръ-подпоручикъ Фрейманъ съ тѣмъ, чтобы поставить это орудіе противъ крѣпости и обстрѣливать форштадтъ ея фланговымъ огнемъ. Такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ авангарда Шелкачева и одноорудійной батареи Фреймана, главныя силы князя Орбеліани благополучно спустились на плотяхъ къ крѣпости и стали бивакомъ верстахъ въ трехъ отъ форштадта, выставивъ гурійскую милицію, „съ малымъ подкрѣпленіемъ казаковъ“, къ ур. Миртогау, „недопустить непріятеля, ежели бы онъ покусился сдѣлать изъ Батума секурсъ“.

На другой день, 14-го августа, былъ взятъ форштадтъ, „по потеряннѣ убитыми 8-ми человекъ и 12-ти ранеными изъ мингрельцевъ и абхазцевъ, безъ потери одного солдата“ <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ, не прошло и двухъ полныхъ сутокъ съ момента выхода генераль-маіора Орбеліани изъ Редуть-кале, какъ онъ уже стоялъ непосредственно передъ стѣнами Поти. Казалось бы, что еще въ тотъ же вечеръ можно было бы покончить съ этой крѣпостью однимъ ошеломляющимъ штурмомъ. . . . Но тутъ, подъ самыми стѣнами ея, выяснилось, что сила этой крѣпости и средства обороны далеко превосходили тѣ свѣдѣнія, которыя имѣлъ объ этомъ кн. Орбеліани. Какъ это могло случиться, имѣя въ виду долговременныя сношенія наши съ Кучукъ-беемъ и неоднократныя командировки къ нему довѣренныхъ намъ лицъ и въ томъ числѣ подполковника кн. Эристова,—рѣшить, конечно, трудно, но фактъ этотъ подтверждается свидѣтельствомъ самого кн. Орбеліани, писавшаго Тормасову: <sup>2)</sup> „не имѣвъ настоящаго плана о положеніи крѣпости, никогда я не думалъ найти ее столько крѣпкою, снабженною пушками, гарнизономъ и снарядами, сколько теперь вижу“. Объясняя далѣе мотивы, по которымъ пришлось отказаться отъ

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора кн. Орбеліани генералу Тормасову отъ 15-го августа 1809 г., № 432.

<sup>2)</sup> Письмо кн. Орбеліани къ генералу Тормасову 9-го ноября 1809 г. Архивъ кавк. археогр. ком., т. IV, № 523.

штурма послѣ взятія форштадта, Орбеліани пишутъ: <sup>1)</sup> „заняться же было рѣшительностью жребія крѣпости нельзя, съ надеждой на удачу, и при несчастномъ штурмѣ я обратилъ-бы на себя всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ, которые смотрѣли на сію участь. При томъ же, крѣпость такъ высока, что нельзя ручаться, чтобы потери не случилось важной, а я, всегда сберегая людей, не хотѣлъ и одного солдата потерять безъ пользы“.

Послѣ рѣшившись на штурмъ Поті, генераль-маіоръ кн. Орбеліани приступилъ къ осадѣ ея. Обложеніе приморской крѣпости только съ суши само по себѣ не обѣщало вѣрнаго успѣха, положеніе же нашего отряда осложнялось еще всегдашней возможностью появленія турецкихъ подкрѣпленій со стороны Батума и неопасностью тыла, о чемъ свидѣлствуетъ и самъ князь Орбеліани, говоря: <sup>2)</sup> „за всѣмъ симъ, я того не думалъ, чтобы столько найти непріятелей, сколько оказалось ихъ даже въ мингрельскихъ князьяхъ Гуріелѣ и Манучарѣ Дадіани—а особливо въ первомъ, которые, угождая высочеству (царю Соломону имеретинскому), стремились нанести мнѣ несчастіе и, бунтуя народъ Мингрелин, отвлекли оный отъ блокады“. Но особенно важное обстоятельство, отягчавшее положеніе осаднаго отряда, заключалось въ томъ, что самъ главнокомандующій—генераль Тормасовъ рѣшительно ничего не зналъ о предпріятіи генераль-маіора кн. Орбеліани. „Осада сія, писалъ Тормасовъ графу Румянцеву, <sup>3)</sup> продолжается уже болѣе мѣсяца, хотя я генераль-маіору кн. Орбеліани никогда сего не предписывалъ, а поручалъ ему только достать оную (крѣпость) посредствомъ денегъ, склонивъ на сдачу намъ, или когда найдеть вѣрный случай сорвать оную чрезъ нечаянное нападеніе“.

О своемъ намѣреніи овладѣть крѣпостью Поті открытою силою кн. Орбеліани донесъ Тормасову рапортомъ только 12-го августа, т. е. въ день выступленія изъ Редутъ-кале. Извѣстіе же объ осадѣ крѣпости дошло до главнокомандующаго болѣе мѣсяца спустя послѣ начала ея, и Тормасовъ только 24-го сентября могъ выразить

<sup>1)</sup> Письмо князя Орбеліани къ генералу Тормасову 9-го ноября 1809 г. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 523.

<sup>2)</sup> Письмо князя Орбеліани генералу Тормасову. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 523, стр. 393.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 1436, стр. 936.

по этому поводу кн. Орбеліани свое недоумѣніе <sup>1)</sup>). „Сообразивъ неудобства, писалъ Тормасовъ, чтобы безъ главной помощи со стороны моря можно было овладѣть крѣпостью Потти и преодолѣть упорство гарнизона однимъ отрядомъ съ сухаго пути, съ тою рѣшимостью, которую вы уже исполнили, подступивъ къ крѣпости Потти съ одной сухопутной стороны, за неприбытіемъ восннаго фрегата къ мингрельскимъ берегамъ, я долженъ заключить, что ваше сіятельство, по мѣстнымъ вашимъ свѣдѣніямъ, имѣли твердую увѣренность на благополучный успѣхъ овладѣть крѣпостью, не затмивъ славы оружія Его Императорскаго Величества и чрезъ неудачу не умноживъ гордости въ непріятель и безъ того кичливомъ“.

На сколько правдоподобны были эти „мѣстныя свѣдѣнія“ можно уже судить по тому представленію, которое имѣлъ начальникъ отряда о крѣпости Потти до личной рекогносцировки ея, но еще большія неожиданности встрѣтились въ вопросахъ продовольствія отряда и въ особенности—снабжения войскъ боевыми припасами. Скудость мѣстныхъ средствъ не давала возможности основать на нихъ довольствіе отряда, подвозъ же провіанта, при недоброжелательномъ отношеніи къ намъ нѣкоторыхъ мингрельскихъ князей, былъ сопряженъ съ немалыми затрудненіями. И только „неограниченная преданность къ Россіи“ самой правительницы Мингреліи выводила отрядъ изъ тяжелыхъ затрудненій. Княгиня Нина „снабдѣвала нашъ отрядъ нѣсколько разъ порціею, поставляла всегда рабочихъ людей, сколько оныхъ ни было требовано, безъ всякой заплаты и изъ единого своего усердія“ <sup>2)</sup>). Недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ былъ настолько великъ, что „заставилъ меня, доносить кн. Орбеліани, сыскать способъ лить мѣдныя ядра со старыхъ пушекъ и колоколовъ, доставляемыхъ ко мнѣ правительницею Мингреліи и кн. Леваномъ Дадіани, въ доказательство ихъ усердія къ всемилостивѣйшему нашему Государю Императору“ <sup>3)</sup>).

Получивъ донесеніе о начавшейся осадѣ Потти, Тормасовъ ясно

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова кн. Орбеліани отъ 24-го сентября 1809 г., № 447. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1157.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ гр. Румянцеву. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 524.

<sup>3)</sup> Рапортъ генералъ-маіора кн. Орбеліани генералу Тормасову. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 522.

видѣлъ, что прекратитъ эту осаду, приказавъ кн. Орбеліани отступить обратно къ Редутъ-кале, значило бы окончательно подорвать престижъ нашихъ на всемъ побережьѣ Чернаго моря; поэтому, главнокомандующій, сдѣлавъ Орбеліани упрекъ въ превышеніи данныхъ ему полномочій, предоставлялъ довести предпріятіе до конца, говоря, что „теперь остается ожидать только, чтобы ваше сіятельство при помощи Божіей скорѣе совершили сіе дѣло съ желасмымъ успѣхомъ“<sup>1)</sup>. Въстѣ съ тѣмъ, Тормасовымъ приняты были мѣры къ подкрѣпленію кн. Орбеліани. Но успѣху этого препятствовали, во-первыхъ, позднее полученіе свѣдѣній о состояніи и нуждахъ осаднаго отряда, а во-вторыхъ—возстаніе въ Имеретіи, прервавшее сообщеніе Грузіи съ Мингреліей. Высланный изъ Тифлиса транспортъ съ артиллерійскими снарядами былъ у сел. Квеши, въ лѣсу, окруженъ имеретинцами, и слабое прикрытіе въ бо человекъ, устройвъ быстро засѣку, въ теченіе нѣсколькихъ дней мужественно отбивалось, пока не дошло подкрѣпленіе, разсѣявшее мятежниковъ<sup>2)</sup>. На усиленіе генераль-маіора князя Орбеліани главнокомандующій отправилъ сначала двѣ роты кабардинскаго и одну роту 9-го егерскаго полковъ, подъ начальствомъ маіора кн. Орбеліани, а затѣмъ, въ началѣ октября, двинулъ два баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, подъ командой полковника Симоновича, коему было предписано: „не останавливаясь въ Имеретіи и прокладывая себѣ дорогу штыками, поспѣшать къ Поті“<sup>3)</sup>. Но изъ подкрѣпленій этихъ успѣли прийти во время лишь кабардинцы и егеря. Симоновичъ же въ началѣ ноября находился еще въ Кутаисѣ, поэтому всю тяжесть осады пришлось князю Орбеліани выдерживать почти исключительно своими собственными силами и средствами.

Большую помощь нашему слабому отряду оказывали милиціи преданныхъ намъ князей Гуріи, Абхазіи и Мингреліи. Малолѣтній владѣтельный князь послѣдней—генераль-маіоръ Леванъ Дадіани, сопутствуемый старѣйшими іерархами Мингреліи—„первѣйшими“ митрополитами: Чкондидели и древнимъ уже старцемъ Чаишели, „при

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова кн. Орбеліани 24-го сентября 1809 г., № 97. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 289.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1426 и д. 1809 г., № 202 арх. шт. кавк. восн. окр.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

всей опасности“ находился безотлучно при нашемъ отрядѣ, „исполняя, какъ доносилъ кн. Орбеліани, съ рачительностью все, что только мною отъ него требуется“ <sup>1)</sup>).

Сама правительница Мингрелии—княгиня Нина, „чтобы подать примѣръ сыну своему и войскамъ мингрельскимъ къ твердости и вѣрной службѣ, неоднократно, съ опасностію къ жизни, пріѣзжала въ войска, осаждавшія крѣпость, и даже находилась при работахъ, производимыхъ въ устроеніи батарей, каковой твердости духа и истинной преданности еще никогда не было здѣсь примѣра“ <sup>2)</sup>). О гурійскомъ князѣ Давидѣ Гуріели, генераль-маіоръ кн. Орбеліани доносилъ: „что человѣкъ сей съ самага начала блокады усердствуетъ во всѣхъ моихъ препорученіяхъ и по справедливости достоинъ признательности начальства. . . . Давидъ Гуріели пригласилъ вдовствующую свою сестру и многихъ дворянъ, которые были у меня въ самой траншеѣ единственно для того, чтобы дать вліяніе народу къ неустрашимости и усердію“ <sup>3)</sup>).

Но энергія осаждающихъ не могла, однако, поколебать стойкость потійскаго гарнизона. Уже болѣе мѣсяца тянулась осада, не давая надежды на скорое окончаніе ся. Кучукъ-бей, осажденный лишь съ суши, имѣлъ совершенно свободное сообщеніе съ Турціей моремъ и выказывалъ рѣдкое упорство обороны, въ расчетахъ на скорое прибытіе выручки со стороны турокъ, тѣмъ болѣе, что твердость гарнизона поддерживалась происками царя Соломона имеретинскаго и владѣтельнаго князя гурійскаго—Мамія Гуріели, которые всячески побуждали Шерифъ-пашу—сераскира трапезундскаго,—оказать помощь крѣпости, и, въ залогъ единодушныхъ дѣйствій съ нимъ, выдали ему даже аманатовъ: отъ царя Соломона трехъ, а отъ Мамія Гуріели—шесть человѣкъ. Уступая этимъ настояніямъ, Шерифъ-паша сначала выслалъ „на секурсъ крѣпости не такъ важный отрядъ“, который высадился 8-го октября верстахъ въ 4-хъ отъ ур. Миртогау, но былъ 20-го числа того же мѣсяца про-

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора кн. Орбеліани генералу Тормасову отъ 15-го августа 1809 г. № 432.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова графу Румянцеву. Акты какъ археогр. ком., т. IV, № 524.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 521 и 522.

гнанъ обратно гурійскої милиціей кн. Давида Гуріели, прикрывавшаго, какъ сказано выше, наши осадныя работы со стороны Батума <sup>1)</sup>

Это обстоятельство побудило Шерифъ-пашу двинуться съ главными своими силами къ Потю, „кою неодолимая россійскія войска, облегли, держали въ тѣснѣйшей осадѣ“ <sup>2)</sup>. 30-го октября 1809 г. девяти-тысячный отрядъ турокъ высадился въ 20-ти верстахъ отъ крѣпости и, въ ожиданіи присоединенія къ себѣ войскъ царя Соломона, занялъ между рѣками Молтаквой и Григолету сильную позицію, прикрытую лѣсами, болотами и укрѣпленную еще засѣками, батареями и окопами, которые турки быстро возвели на всѣхъ подступахъ къ своему лагерю.

Извѣстіе о приближеніи Шерифъ-пашы поставило нашъ слабый отрядъ въ весьма тяжелое положеніе. Приходилось: или снять осаду, и, отказавшись отъ овладѣнія крѣпостью, тѣмъ самымъ дать сильный толчекъ къ подъему духа враждебныхъ намъ элементовъ всего края,—или же попытаться, оставивъ часть силъ подъ стѣнами крѣпости для продолженія осады ея, съ остальными идти на встрѣчу Шерифъ-пашѣ и разбить его ранѣе, чѣмъ онъ успеетъ усилиться войсками мятежныхъ князей и имперетинскаго царя Соломона. Но, въ случаѣ неудачи, этотъ послѣдній планъ грозилъ полной катастрофой положенія нашего въ западныхъ областяхъ Закавказья. Полагаясь на доблесть своихъ войскъ, на испытанное уже усердіе милиціи и имѣя въ виду, что вниманіе царя Соломона было отвлечено отъ событій въ Мингреліи двумя баталіонами Симоновича, пришедшими въ это время въ Кутаисъ,—кн. Орбеліани остановился на второмъ планѣ: не снимая осады, идти къ Молтаквѣ и разбить Шерифъ-пашу.

Но прежде чѣмъ приступить къ осуществленію своего намѣренія, кн. Орбеліани озаботился принятіемъ мѣръ, кои обеспечивали бы ему успѣхъ этого серьезнаго предпріятія. Двѣ роты Кабардинскаго мушкетерскаго полка съ двумя орудіями, подъ начальствомъ маіора князя Орбеліани, были посланы на поддержку мингрельской, абхазской и гурійской милиціямъ стоявшимъ между

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову, 21-го октября 1809 г., № 598.

<sup>2)</sup> Прокламація генерала Тормасова отъ 24-го ноября 1809 г., № 639.

Ріономъ и Молтаквой, въ шести верстахъ отъ позиціи турокъ. Въ устьѣ Ріона возведена была батарея для прикрытія подступовъ съ моря, а на особенно трудныхъ мѣстахъ дороги, ведущей вдоль берега къ Молтаквѣ, „учреждены пикеты. . . дабы при покушеніи турокъ прорваться въ крѣпость на каждомъ шагу встрѣчали они невозможность къ тому“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая, что положеніе турокъ въ Гуріи обезпечивается, главнымъ образомъ, сообщничествомъ съ ними владѣтельнаго гурійскаго кн. Мамія Гуріели, генераль-маіоръ кн. Орбеліани, „зная нравы тамошняго народа“, обратился къ гурійскому митрополиту Джуматели, „многоуважаемому народомъ и весьма преданному намъ“, чтобы тотъ „отвратилъ отъ злоумышленія кн. Мамія Гуріели и со всѣмъ подвластнымъ ему народомъ преклонилъ въ солдѣйствіе намъ противъ самихъ же турокъ“<sup>1)</sup>). Вліяніе митрополита на народъ было столь велико, что гурійцы, не долго колеблясь, обѣщали ему дѣйствовать за одно съ русскими. Князю Мамію Гуріели, оstarленному, такимъ образомъ, своими подданными, ничего не оставалось, какъ присоединиться къ „гласу народа“ и онъ обѣщаль атаковать турокъ съ тылу, со стороны р. Григолети, одновременно съ тѣмъ, какъ русскіе поведутъ атаку съ фронта. Хотя кн. Орбеліани и не особенно вѣрилъ въ энергичную поддержку со стороны кн. Мамія Гуріели, тѣмъ не менѣе онъ сознаваль, что поведеніе гурійцевъ, во всякомъ случаѣ, будетъ большой неожиданностью для Шерифъ-паши. Поэтому, не желая давать времени гурійцамъ измѣнить своего рѣшенія, а туркамъ провѣдать о немъ, кн. Орбеліани, оставивъ незначительную часть своихъ силъ въ траншеяхъ противъ крѣпости, съ остальными выступилъ къ р. Молтаквѣ на разсвѣтѣ 2-го ноября, нѣсколько часовъ спустя послѣ прибытія отъ Джуматели архимандрита Іосифа, привезшаго въ русскій лагерь обѣщаніе гурійцевъ дѣйствовать противъ турокъ за одно съ нами.

Подходя къ лагеру Шерифъ-паши, кн. Орбеліани услышаль сильную перестрѣлку въ тылу турокъ—то гурійцы честно выполнили даннос намъ обѣщаніе и внезапной атакой со стороны р. Григолети привели турокъ въ такое замѣшательство, что тѣ даже не

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ графу Румянцеву, 4-го января 1809 г., № 132.



оказали серьезнаго сопротивленія мингрельской и абхазской милиціямъ, переправившимся черезъ р. Молтакву въ бродъ, подъ прикрытіемъ артиллеріи маіора кн. Орбеліани. Вслѣдъ за мингрельцами переправились на лодкахъ главныя наши силы, съ своею артиллеріею, и бросились безъ выстрѣла, прямо въ штыки, на фланговое турецкое укрѣпленіе. Одно орудіе, два знамени и нѣсколько плѣнныхъ были трофеями этого перваго удара. Стремительность его сразу привела турокъ въ сильнѣйшее замѣшательство, и черезъ нѣсколько мгновеній, объятые паникой, они бросились къ морю, въ намѣреніи сѣсть на суда и отплыть отъ берега, но энергичное преслѣдованіе велось неотступно по пятамъ за ними. Тысячи потрясеннаго непріятеля столпились на берегу и бросались въ море, топясь сѣсть въ лодки, но послѣднія не могли вмѣстить всѣхъ рвавшихся къ нимъ, и въ водѣ произошла кровавая свалка между своими же: занявшіе уже мѣста въ лодкахъ рубили руки тянувшимся еще къ борту и спѣшили отчалить отъ берега, гдѣ подъ русскими штыками гибли пытавшіеся сопротивляться; многія лодки, „обремененныя непомѣрнымъ числомъ отчаянныхъ людей, учинились жертвою моря со всѣмъ народомъ“<sup>1)</sup>). Наступившая темнота прекратила избіеніе турокъ, потерявшихъ въ этотъ кровавый день болѣе 1500 человекъ убитыми, 300 плѣнными, одно орудіе, двадцать четыре знамени и весь лагерь<sup>2)</sup>). Наши потери состояли изъ 70 человекъ убитыми и 240 ранеными, большая часть коихъ пришла на долю мингрельской и гурійской милицій.

„Сей новый блескъ оружія нашего“ служилъ „предзнаменованіемъ покоренія самой крѣпости Поти“<sup>3)</sup>). Съ уничтоженіемъ турецкаго корпуса Шерифъ-паши, у потійскаго гарнизона была окончательно отнята надежда на выручку. Возвратившись къ крѣпости, кн. Орбеліани сообщилъ Кучукъ-бею объ участи, постигшей след-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1158 и 1161.

<sup>2)</sup> Изъ числа 24 знаменъ два взяты были маіоромъ княземъ Орбеліани и одно—Давидомъ Гуріели; объ остальныхъ же князь Орбеліани доносилъ Тормасову: «Изъ числа-же 21-го взятыхъ гурійцами не могъ отыскать ни одного въ цѣлости и доставить къ вашему высокопревосходительству, ибо народъ жаденъ къ корыстолюбію и, не почитая это важностью, тотчасъ изорвалъ и разобралъ по рукамъ и даже желѣзо обломалъ съ древокъ» (письмо князя Орбеліани генералу Тормасову 9-го ноября 1809 г.).

<sup>3)</sup> Отношеніе ген. Тормасова графу Румянцеву, 4-го декабря 1809 г., № 132.

шія къ нему на помощь трапезундскія войска, и потребоваль сдачи. Но Кучукъ-бей, не вѣривъ первое время извѣстіямъ о полномъ разгромѣ Шерифъ-паши, отвѣтилъ отказомъ. Тогда Орбеліани стѣсниль еще болѣе осаду и, возведя возвышенную батарею, началъ ежедневно усиленно бомбардировать внутренность города. „Побѣдя главнаго непріятеля“, начальникъ осаднаго отряда былъ увѣренъ, „что крѣпость, приходя отъ часу въ тѣсное положеніе, достанется намъ безъ важнаго урона“. Увѣренность же эта вселяла въ осаждающихъ упорную настойчивость, и кн. Орбеліани категорически доносилъ Тормасову: „предпринявъ оную осаду, не отойду безъ покоренія крѣпости“<sup>1)</sup>.

Между тѣмъ, Кучукъ-бей, удостовѣрившись въ участи шедшаго къ нему на помощь турецкаго корпуса Шерифъ-паши и видя энергію осаждающихъ, приступившихъ даже къ заготовкѣ штурмовыхъ лѣстницъ,—рѣшилъ войти въ переговоры о сдачѣ, тѣмъ болѣе, что получились свѣдѣнія о скоромъ прибытіи въ подкрѣпленіе кн. Орбеліани полковника Симоновича съ двумя баталіонами Кавказскихъ гренадеръ. Утромъ 12-го ноября явился въ наши траншеи посланецъ Кучукъ-бея, съ просьбою послѣдняго прислать въ крѣпость одного изъ родственниковъ ему князей Шервашидзе для веденія переговоровъ объ условіяхъ сдачи. Условія эти были выработаны въ теченіе послѣдовавшихъ двухъ дней, и утромъ 15-го ноября Кучукъ-бей торжественно поднесъ кн. Орбеліани ключи города. По условіямъ сдачи, турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 272-хъ человекъ, оставивъ 34 пушки, „военные снаряды, провіантъ и все имущество въ крѣпости заключавшееся“,<sup>2)</sup> отплылъ въ Трапезундъ. Русскія же войска въ тотъ же день, 15-го ноября, съ распущенными знаменами и музыкой, вступили въ крѣпость, уже трижды передъ тѣмъ видѣвшую подъ стѣнами своими безуспѣшныхъ русскихъ генераловъ: Тотлебена, Сухотина и Рыкгофа. „Такимъ образомъ, возвѣщаль Тормасовъ,<sup>3)</sup> сія крѣпость, важнѣйшая по своему мѣстоположенію и укрѣпленіямъ, связующая безпрепятственное сообщеніе Мингреліи съ Тавридою и пресекающая всѣ пути туркамъ въ томъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 523.

<sup>2)</sup> Тамъ же, №№ 1158 и 1161.

<sup>3)</sup> Прокламація генерала Тормасова отъ 24-го ноября 1809 г., № 639.

краю увлекать въ плѣнъ утѣсненный ими мингрельскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру, и обращаться въ богопротивномъ плѣнно-продавствѣ, повергла себя въ вѣчное подданство Всероссійской имперіи“. Виновникъ этого успѣха, генераль-маіоръ кн. Орбеліани, награжденъ былъ золотою, украшенною брилліантами шпагой, съ надписью „за храбрость“.

По занятіи крѣпости, было тотчасъ-же приступлено къ исправленію и усиленію ея укрѣпленій, въ видахъ обезпеченія отъ возможной попытки со стороны турокъ снова завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Опытъ пятилѣтняго пребыванія нашего въ Редутъ-кале показалъ, какую строгую и непрестанную бдительность необходимо имѣть гарнизону укрѣпленія, расположеннаго среди дремучихъ лѣсовъ, подходящихъ со всѣхъ сторонъ почти непосредственно къ самымъ валамъ. Такой же характеръ имѣли и ближайшія окрестности Поти. Поэтому, первымъ распоряженіемъ кн. Орбеліани было приказаніе вырубить лѣсъ вокругъ крѣпости на пушечный выстрѣлъ.

Застучали топоры, и вѣковые гиганты, подъ сѣнью которыхъ гнѣздились мракъ невѣжества, насиліе, жестокость,—распростерлись на землѣ, чтобы пропустить больше солнечнаго свѣта на побѣдно-вѣявшія надъ крѣпостными стѣнами лучезарныя знамена Бѣлаго Царя.

---

## Глава III.

Политика Торماسова относительно областей западнаго Закавказья. Утвержденіе внутренняго порядка въ Мингреліи; заслуги владѣтельской кн. Ниши. Переходъ въ наше подданство Гуріи. Событія въ Абхазіи. Взятіе крѣпости Сухума. Принятіе въ наше подданство Абхазіи. Дальнѣйшее распространеніе и упроченіе генераломъ Тормасовымъ нашего владычества на восточномъ берегу Чернаго моря.

Съ паденіемъ крѣпости Потіи мы пріобрѣли весьма важный пунктъ на восточномъ побережьѣ Чернаго моря, но положеніе наше здѣсь всетаки не могло считаться прочнымъ до тѣхъ поръ, пока остальные крѣпости—порты: Сухумъ и Суджукъ-кале оставались въ рукахъ турокъ и пока не были приведены въ должную покорность владѣтели приморскихъ областей: Гуріи, Мингреліи и Абхазіи.

Политика наша въ отношеніи послѣднихъ не имѣла въ виду полнаго присоединенія ихъ къ нашимъ владѣніямъ, тѣмъ болѣе, что и силы, которыми мы располагали въ Закавказьѣ, далеко не соотвѣтствовали бы такимъ планамъ. Наоборотъ, главнокомандующій генераль Тормасовъ полагалъ, что, „раздѣляя весь тотъ край (западное Закавказье), довольно обширный, на четыре владѣнія, какъ-то: на Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію, изъ которыхъ три послѣднія, управляясь каждая своимъ особымъ владѣльцемъ на ихъ правахъ, законахъ и обычаяхъ края сего,—легче можетъ быть содержимъ въ должномъ повиновеніи тѣмъ числомъ войскъ, какос теперь тамъ находится, тѣмъ болѣе, что силу одного владѣльца можно будетъ противопоставлять другому въ неизбѣжныхъ случаяхъ“<sup>1)</sup>.

Изъ числа приморскихъ областей западнаго Закавказья въ подданствѣ нашемъ состояла пока одна только Мингрелія. За мало-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву, 12-го октября 1810 года, № 195.

лѣтствомъ владѣтельнаго князя ся—Левана Дадіани, управленіе было высочайше поручено матери его—княгинѣ Нинѣ Георгіевнѣ. Но власть послѣдней была настолько ничтожна, что командующіи нашими войсками въ приріонскомъ краѣ—генераль-маіоръ князь Орбеліани, по прибытіи въ мѣстечко Наджихеви къ ся свѣтлости княгинѣ Нинѣ, нашель ея въ весьма бѣдственномъ положеніи. „Князья и дворяне, доносиль Орбеліани, не внимая ся законной власти, утвержденной государемъ императоромъ, совѣмъ выходятъ изъ повиновенія и послушанія; верховный совѣтъ, утвержденный съ высочайшей воли въ помощь ей въ правленіи, до совершеннаго возраста ся сына, не занимается симъ на него возложеніемъ, и народъ останеся безъ всякаго правосудія; сынъ ся—Леванъ Дадіани, по волѣ августѣйшаго монарха пожалованный въ чинъ генераль-маіора, не имѣеть приличнаго ему воспитанія и, будучи окруженъ всегда людьми неблагоразумными и развратными, вмѣсто воспитанія не можетъ-ли вкоренить въ себя подобной привычки и впасть въ мѣру разврата къ оскорбленію неограниченной къ тому милости, оказанной великимъ нашимъ государемъ“<sup>1)</sup>.

Столь ничтожный авторитетъ нами поставленной и покровительствуемой власти, несомнѣнно, сильно вредилъ интересамъ нашимъ не только въ самой Мингреліи, но и въ сосѣднихъ ей областяхъ. Поэтому, генераль Тормасовъ, еще въ маѣ 1809 года, обратился въ верховному мингрельскому совѣту, духовенству, князьямъ и всему народу съ особымъ „обвѣщеніемъ“<sup>2)</sup>, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ: „я за первый долгъ себѣ вмѣнилъ, при вступленіи моемъ въ командованіе всѣмъ здѣшнимъ краемъ, обратить внимательное мое стараніе на то, чтобы учредить порядокъ въ правленіи мингрельскомъ и, обезпеча доходы правительницы Мингреліи—свѣтлѣйшей княгини Нины Георгіевны, коей высочайше поручено управленіе Мингреліи, ввести прежде всего безпрекословное повиновеніе каждаго къ власти, всемилостивѣйше ей дарованной“. Съ этой цѣлью, генераль-маіору князю Орбеліани поручалось, „съ

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 19-го мая 1809 года № 219.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 514.

согласія правительницы Мингреліи и всего верховнаго мингрельскаго правленія сдѣлать постановленіе, на коемъ должна основываться обязанность каждаго къ власти, высочайше дарованной правительницѣ Мингреліи, такъ равно и обязанность членовъ совѣта въ отношеніи къ устройству и благу народа мингрельскаго“<sup>1)</sup>). Первый параграфъ этого постановленія гласилъ, „что всякій, оскорбившій или нанесшій всему ея (княгини Нины) свѣтлѣйшему дому обиду, есть врагъ Его Императорскаго Величества“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по „неотступной“ просьбѣ самой владѣтельницы, при ней назначенъ состоять нашъ офицеръ, „для препорученія сбора дани, смотрѣнія за поступками ея сына и другихъ обстоятельствъ. . . . ибо безъ его понужденія все было бы слабо народу сему къ исполненію его обязательствъ“<sup>2)</sup>).

Мѣры эти, упрочивъ внутренній порядокъ въ Мингреліи, дали возможность правительницѣ ея—княгинѣ Нинѣ проявить особо дѣятельную преданность намъ не только во время осады Поты, но и въ послѣдовавшихъ за симъ событіяхъ въ Имеретіи, Абхазіи и Цесельдѣ, гдѣ она оказывала нашимъ планамъ самое существенное содѣйствіе. Заслуги мингрельскаго владѣтельнаго дома были поощрены съ высоты престола пенсіономъ въ три тысячи руб. ассигнаціями въ годъ, „по разстроенному состоянію сего дома,“ и высочайшимъ соизволеніемъ на пріѣздъ княгини Нины въ С.-Петербургъ. Объ этомъ она неоднократно просила генерала Тормасова, „желая предстать предъ священное лицо Его Императорскаго Величества, для личнаго принесенія вѣрноподданнической благодарности за щедроты, на нее изліяныя, и для представленія малолѣтняго сына своего—князя Георгія, съ нѣсколькими также малолѣтними дѣтьми знатнѣйшихъ въ Мингреліи князей, коихъ она располагаетъ опредѣлить въ кадетскій корпусъ, для доставленія имъ приличнаго воспитанія и для образованія ихъ въ правлахъ чести и вѣрности къ Россіи“<sup>3)</sup>).

Примѣръ князей Ладіани не могъ, конечно, не оказать воздѣй-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 514.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 513.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву, отъ 11-го января 1810 года, № 3.

ствія и на владѣтелей сосѣднихъ областей, гдѣ послѣ паденія крѣпости Потти наше вліяніе получило замѣтное преобладаніе надъ турецкимъ.

Такъ, владѣтельный князь Гуріи—Мамія Гуріели, сильно интриговавшій, вмѣстѣ съ имеретинскимъ царемъ Соломономъ, противъ насъ передъ походомъ князя Орбеліани къ крѣпости Потти, вскорѣ перешелъ на нашу сторону и оказалъ намъ важное содѣйствіе при пораженіи войскъ Шерифъ-паша. Въ продолженіе же осады онъ далъ столь многочисленныя доказательства твердой преданности намъ, что генераль Тормасовъ, ходатайствуя о награжденіи его, писалъ: <sup>1)</sup> „владѣтельнаго же князя Гуріели, который нынѣ весьма твердъ въ своей обязанности и кажется истинно предался къ Россіи, поощрить необходимо нужно всемілостивѣйшимъ пожалованіемъ въ чинъ російскаго полковника, съ окладомъ по чину серебромъ и орденомъ св. Анны 2-го класса“.

Почти въ это же самое время генераломъ Тормасовымъ была получена просьба и самого князя Мамія Гуріели о принятіи его въ русское подданство. Исчисляя бѣдствія, которыя Гурія терпѣла отъ владычества турокъ и интригъ имеретинскаго царя Соломона, Мамія просилъ главнокомандующаго: „возьми меня и поднеси непобѣдимому августѣйшему государю, ходатайствуя по благому разсмотрѣнію вашему, дабы онъ покрылъ меня своею благословеннѣйшею десницею; сопричисли меня, соедини и почти, какъ владѣтеля Дадіани, чтобы я хвалилъ ваше человеколюбіе и благоуправленіе“ <sup>2)</sup>. Вмѣстѣ съ тѣмъ, владѣтель Гуріи удостовѣрялъ „высшею клятвою и религіею, что никогда не предамся другому владѣтелю, а покорюсь государю,—столбу православія, который воздвигнуть нынѣ на земной сферѣ, т. е. Александру I-му“ <sup>3)</sup>.

Для привода къ присягѣ какъ самого владѣтельнаго князя Гуріи, такъ и подвластнаго ему народа, былъ командированъ въ апрѣлѣ 1810 года, въ сел. Гуріамта, Бѣлевскаго мушкетерскаго полка майоръ Щелкачевъ, съ двумя ротами пѣхоты, однимъ орудіемъ и шестью казаками. Начальнику этого отряда было также поручено

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 11-го января 1810 года № 3.

<sup>2)</sup> Письмо князя Мамія Гуріели къ генералу Тормасову отъ 15-го декабря 1809 года.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

взять отъ князя Гуріели аманатовъ и предложить ему подписать просительные пункты, на которыхъ должно было состояться вступленіе его въ російское подданство.

Приведеніе къ присягѣ князя Мамія съ прочими князьями, духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ народомъ совершилось вскорѣ по прибытіи Щелкачева въ сел. Гуріамта <sup>1)</sup>. Что же касается аманатовъ и утвержденія просительныхъ пунктовъ, то вопросъ этотъ нѣсколько затянулся, и только въ октябрѣ 1810 года генералъ Тормасовъ могъ войти съ ходатайствомъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи князю Мамія Гуріели высочайше утвердительной грамоты съ инвеститурою <sup>2)</sup>. вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій, свидѣтельствуя „о преданности и усердіи къ Россіи вдовствующей гуріельской княгини Марины, матери владѣтельнаго князя Мамія“, ходатайствовалъ о назначеніи ей пенсіона по тысячѣ рублей въ годъ.

Въ апрѣлѣ 1811 года послѣдовала высочайшая утвердительная грамота владѣтельному гурійскому князю Мамія на принятіе его „со всѣмъ гуріельскимъ владѣніемъ“ въ подданство Всероссийской имперіи, съ пожалованіемъ ему ордена св. Анны 1-го класса и инвеститурныхъ знаковъ. Послѣдніе состояли изъ сабли, украшенной драгоценными камнями, и знамени съ гербомъ Россійской имперіи <sup>3)</sup>. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ послѣдовалъ высочайшій рескриптъ свѣтлѣйшей княгинѣ Маринѣ Гуріели, съ пожалованіемъ ей пенсіи по 200 червонцевъ въ годъ <sup>4)</sup>.

Такимъ образомъ, и гурійскій владѣтельный домъ, вступившій со всѣмъ народомъ въ наше подданство, былъ „почтенъ, какъ владѣтель Дадіани“, и, осыпанный щедротами монарха, „возложилъ на себя цѣпь правды“ и вышелъ изъ мрака „безпрерывныхъ мукъ и смятеній“.

Почти одновременно съ этимъ вступила въ наше подданство и Абхазія.

По богатымъ дарамъ природы, страна эта могла бы считать-

---

<sup>1)</sup> Рапорты полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 7-го мая и 2-го іюня 1810 года №№ 393 и 520.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 12-го октября 1810 года № 195.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 607.

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 602.



ся однимъ изъ счастливейшихъ уголковъ земного шара. На всемъ протяженіи отъ Ингура до Гагръ ее покрываютъ дѣвственные лѣса вѣковыхъ чинаровъ, бука и каштановъ. Пальмовыя и персиковыя рощи чередуются съ густыми порослями лавра, розъ и чайнаго дерева. Долины и поля покрыты озалиями, наполняющими воздухъ тяжелымъ ароматомъ своихъ желтыхъ цвѣтовъ, а склоны и овраги поросли чащей рододендроновъ, пестрѣющихъ причудливыми листьями и пышными лиловыми букетами. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ мощныхъ зарослей гигантскаго папоротника, какъ въ низкихъ, сырыхъ долинахъ Абхазіи. Обиліе влаги и горячесолнце юга обращаютъ всю эту страну въ колоссальную оранжерею. Но тѣ же причины дѣлаютъ климатъ ея губительнымъ для непривычнаго къ нему человѣка. Подъ сѣнью дремучихъ лѣсовъ и непролазныхъ зарослей папоротника гниютъ обширныя болота, заражающія воздухъ губительными лихорадками.

Богатая почва Абхазіи не требуетъ рѣшительно никакого ухода и даетъ баснословные урожаи. Однако, это благодатное условіе, поощряя въ населеніи страшную лѣнь, нисколько не содѣйствуетъ благосостоянію его. Для того чтобы получить необходимое на годъ количество гоми или кукурузы, абхазцу достаточно было поработать на своей землѣ много 20—30 дней, остальное же время онъ проводилъ въ безпокойномъ скитаніи по роднымъ дебрямъ, добывая пашкой и пистолетомъ то, чего не могла ему дать его тучная, дѣвственная земля. Воровскія наклонности, хищничество и вѣроломство составляли отличительныя черты абхазцевъ, не имѣвшихъ къ тому же никакихъ прочныхъ религіозныхъ убѣжденій. Нѣкогда Абхазія была страной христіанской, но потомъ, подъ давленіемъ турокъ, приняла исламъ. Однако, многіе абхазцы снова возвратились къ христіанству, и въ результатѣ—ни одна изъ этихъ религій не получила здѣсь преобладающаго значенія и не сохранила своей чистоты. Вся жизнь абхазца протекала въ безконечномъ бродяжничествѣ, въ воровствѣ чужаго скота, имущества и даже людей, для продажи ихъ въ неволю. Турецкія кочеры не прерывали бороздили поверхность Чернаго моря между Сухумомъ и малоазіатскими портами, доставляя въ Абхазію оружіе, порохъ, ткани и вывозя от-

туда массы невольниковъ и особенно невольницъ, высоко цѣнившихся на рынкахъ турецкой имперіи.

Управлялась Абхазія своими князьями, происходившими изъ владѣтельнаго дома Шервашидзе. Исповѣдуя магометанство, правители Абхазіи добровольно становились подъ покровительство турокъ, которые приобрѣтали, такимъ образомъ, надежный пріютъ въ этой странѣ, для распространенія своего вліянія на закубанскихъ горцевъ.

Появленіе наше на восточномъ берегу Чернаго моря и начавшаяся здѣсь борьба съ турецкимъ вліяніемъ не могли, конечно, не отразиться и на Абхазіи. Раздоръ произошелъ и въ самой княжеской семьѣ. Престарѣлый владѣтель Келешъ-бей, склоняясь болѣе на нашу сторону, назначилъ своимъ наслѣдникомъ сына своего, Сеферъ-бея, женатаго на дочери княгини Нины мингрельской и тайно принявшаго передъ этимъ бракомъ христіанство. Такое назначеніе не давало туркамъ надежды сохранить и въ будущемъ то вліяніе, которое они имѣли въ Абхазіи до сего времени. Поэтому, они возбудили противъ Келешъ-бея другаго сына его—Арсланъ-бея.

Жестокій, кровожадный Арсланъ, подстрекаемый турками, рѣшилъ истребить отца и всѣхъ братьевъ съ тѣмъ, чтобы потомъ нераздѣльно владѣть Абхазіей. И вотъ, 2-го мая 1808 года Келешъ-бей, поздно вернувшись домой, былъ встрѣченъ выстрѣломъ на порогѣ своего дома. То Арсланъ-бей предательски, изъ-за-угла, послалъ пулю въ своего отца. Но рука убійцы видимо дрогнула, и пуля попала въ брата Арслана—Баталь-бея. Вслѣдъ затѣмъ грянулъ цѣлый залпъ притаившихся въ потьмахъ соучастниковъ Арслана, и Келешъ-бей повалился, смертельно пораженный нѣсколькими пулями. Арсланъ подошелъ къ нему и, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ смерти отца, изрубилъ трупъ его шашкою; въ эту же ночь онъ умертвилъ еще двухъ своихъ братьевъ.

Это позорное преступленіе ужаснуло даже жестокихъ абхазцевъ. Арсланъ-бей не только не нашелъ поддержки въ народѣ, но обратилъ на себя „многихъ знатныхъ и даже черни ненависть“<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 553.

Преслѣдуемый старшимъ своимъ братомъ—Сеферъ-бесемъ, отцеубійца заперся съ немногочисленными своими приверженцами въ крѣпости Сухумѣ. Началась междуусобная война, въ которой на сторону Арслана стали турки.

Не располагая силами, достаточными для того, чтобы овладѣть Сухумомъ, Сеферъ-бей, еще при графѣ Гудовичѣ, обратился къ намъ съ просьбою о принятіи его въ наше подданство, обѣщая обратиться въ христіанство абхазскій народъ. Императоръ Александръ повелѣлъ обнадежить Сеферъ-бея, что просьба его будетъ исполнена какъ только закончатся начатія въ срединѣ 1808 года переговоры съ Турціей о мирѣ <sup>1)</sup>; до тѣхъ же поръ, разрѣшено было правительницѣ Мингрелии оказать помощь своему зятю Сеферу, для изгнанія изъ Сухума Арслана. Но когда мингрельскія войска подошли къ Сухуму, то туда же моремъ прибылъ на помощь Арсланъ-бею двоюродный братъ его—владѣлецъ Поты, Кучукъ-бей—съ вспомогательными турецкими войсками, и мингрельцы должны были отступить.

Положеніе дѣлъ въ Абхазіи не измѣнилось. Арсланъ-бей продолжалъ отсиживаться въ Сухумѣ, а Сеферъ-бей, безсильный завладѣть этой крѣпостью, числился подъ покровительствомъ русскаго императора и ожидалъ высочайшаго утвержденія просительныхъ пунктовъ, на которыхъ должно было состояться формальное принятіе его въ русское подданство.

Тѣмъ временемъ, командующимъ нашими войсками, расположенными въ Имеретіи и Мингрелии, назначенъ былъ генераль-маіоръ князь Орбеліани, которому поручалось овладѣть мирнымъ путемъ крѣпостью Поты и, вообще, осуществить планы новаго главнокомандующаго—генерала Торماسова относительно областей западнаго Закавказья.

Прибывъ въ маѣ 1809 года въ Редуть-кале, князь Орбеліани „вошелъ въ познаніе народовъ Абхазіи, дабы, по узнаніи сего, князей и начальствующихъ можно привлечь къ сторонѣ нашей“ <sup>2)</sup>.

Это было весьма важно въ виду того, что, во-первыхъ, не

<sup>1)</sup> Отношеніе графа Румянцева къ графу Гудовичу 13-го іюля 1808 года.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 5-го мая 1809 года, № 6.

только Сеферъ-бей, но и большинство абхазскихъ князей просили князя Орбеліани о принятіи ихъ въ русское подданство, а во-вторыхъ, князья эти, находясь въ близкомъ родствѣ съ Кучукъ-беемъ потійскимъ, происходившимъ также изъ фамиліи Шервашидзе,—могли весьма содѣйствовать нашимъ домогательствамъ склонить Кучукъ-бея на добровольную уступку намъ крѣпости Поті.

Въ этихъ видахъ, князь Орбеліани, по прибытіи въ Редутъ-кале, пригласилъ къ себѣ для переговоровъ Сеферъ-бея, зятя правительницы Мингреліи—князя Манучара Шервашидзе и князя Сосланъ-бея Шервашидзе, имѣвшаго въ Абхазіи на берегу Чернаго моря „довольно достаточное владѣніе:“ Сосланъ-бей объяснилъ князю Орбеліани, „что съ самаго вступленія войскъ російскихъ въ мингрельское владѣніе, питая вѣрность къ російскому престолу, онъ искалъ удобнаго случая вступить въ число подданныхъ Его Величества“, почему и поторопился теперь на приглашеніе князя Орбеліани прибыть въ Редутъ-кале, „единственно для сего имъ предпринимасмаго дѣла“ <sup>1)</sup>.

Одновременно съ этимъ, княземъ Орбеліани получено было письмо отъ Арсланъ-бея, въ которомъ послѣдній просилъ о принятіи его въ русское подданство, обѣщая за это сдать намъ крѣпость Сухумъ <sup>2)</sup>.

Генералъ Тормасовъ одобрилъ мѣры, принятія княземъ Орбеліани для сближенія съ абхазскими князьями, и поручилъ ему всѣми средствами поддерживать въ нихъ стремленіе перейти въ наше подданство, „обнадеживая (ихъ) защитою и покровительствомъ всемилостивѣйшаго государя императора“ <sup>3)</sup>. Относительно Сеферъ-бея, Тормасовъ предписывалъ князю Орбеліани „имѣть съ нимъ обращеніе, отличное предъ другими абхазскими князьями, какъ съ владѣльцемъ, покровительствуемымъ отъ Его Императорскаго Величества и который, статься можетъ, въ непродолжительномъ времени будетъ высочайше утверждень законнымъ владѣтелемъ всея Абхазіи“ <sup>4)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Рапорты князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 5-го мая 1809 года, № 6, 13-го мая, № 7.

<sup>2)</sup> Тоже, отъ 7-го іюня, № 9.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 19-го іюня 1809 года, № 46.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани, 17-го іюня 1809 года, № 38.

Что же касается предложеній Арсланъ-бея, то таковыя были рѣшительно отвергнуты нами. „Отце-убійщѣ же Арсланъ-бею, писалъ Тормасовъ князю Орбелани, просившему васъ о принятіи въ подданство всероссійской державы, не только не подавайте ни малѣйшей надежды, чтобы онъ послѣ безчеловѣчнаго и звѣрскаго поступка, имъ сдѣланнаго надъ почтеннымъ престарѣлымъ отцемъ своимъ Келешъ-бесемъ, могъ когда-либо быть принятъ подъ покровъ всемилостивѣйшаго россійскаго монарха, но, напротивъ того, старайтесь искуснымъ образомъ возстановить противъ него всѣхъ частныхъ владѣльцевъ Абхазіи, имѣющихъ сколько нибудь силы и вліянія въ народѣ“<sup>1)</sup>).

Такое отношеніе къ Арсланъ-бею, не смотря на всю заманчивость предложеній его сдать намъ крѣпость Сухумъ, имѣло полное основаніе и подсказывалось лишь прямою и правдивостію политики нашей въ областяхъ западнаго Закавказья. Понятно, что весь смыслъ пріобрѣтенія нами Абхазіи сосредоточивался на крѣпости Сухумѣ. Послѣдняя не только „не бесполезна-бы была для Россіи по особенно хорошей морской пристани, въ которой и строеніе кораблей прежде сего было производимо для Оттоманской Порты“,<sup>2)</sup> но и являлась опорнымъ пунктомъ турокъ для распространенія враждебнаго намъ вліянія на Абхазію и сосѣднія племена закубанскихъ горцевъ. Владѣя Сухумомъ, мы подчиняли-бы себѣ и Абхазію, но Абхазія, безъ Сухума, едва-ли представляла для насъ большой интересъ. Однако, принимать эту, хотя-бы и весьма важную для насъ, крѣпость изъ рукъ мятежнаго князя, возстановившаго противъ себя своимъ гнуснымъ преступленіемъ почти все населеніе края, было-бы не совсѣмъ удобно, особенно послѣ того, какъ легальный владѣтель Абхазіи—Сеферъ-бей уже болѣе года считался подъ нашимъ покровительствомъ и въ недалекомъ будущемъ долженъ былъ принять формальное подданство. Актомъ этимъ мы все равно также пріобрѣтали право и на крѣпость Сухумъ, которую, затѣмъ, генераль Тормасовъ имѣлъ въ виду, не

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбелани отъ 17-го іюня 1809 года, № 38.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбелани генералу Тормасову отъ 7-го іюня 1809 года, № 9 и отношеніе генерала Тормасова къ маркизу де-Траверсе отъ 24-го марта 1810 года, № 225.

занимая нашимъ гарнизономъ, предоставитъ Сеферъ-бею, „съ помощью частныхъ абхазскихъ владѣльцевъ и нѣкоторымъ со стороны нашей содѣйствіемъ, вмѣстѣ съ мингрельскими войсками“.

Для того же, чтобы имѣть непосредственный контроль надъ этой крѣпостью, предполагалось послать туда, „подъ видомъ довѣренной особы отъ російскаго правительства, одного надежнаго штабъ-офицера для пребыванія при Сеферъ-Али-бѣ, и, который, выигравъ его довѣренность, можетъ непримѣтно входить въ управленіе крѣпостью и имѣть надъ оною надзоръ. Такимъ образомъ, полагалъ Тормасовъ, не подвергая войскѣ нашихъ опасности, ни ослабленію оныхъ въ Имеретіи и Мингрели, намъ можно будетъ имѣть Сухумъ, такъ сказать, подъ своими руками, доколѣ по обстоятельствамъ или для пользы имперіи будетъ признано нужнымъ занять оную навсегда російскимъ гарнизономъ“<sup>1)</sup>.

Однако, водвореніе нашего вліянія въ Абхазіи и пріобрѣтеніе крѣпости Сухума произошло нѣсколько иначе, чѣмъ предполагалъ главнокомандующій—генераль Тормасовъ.

Въ маѣ 1809 года послѣдовало соизволеніе на принятіе Сеферъ-бея со всею Абхазіею въ вѣчное покровительство и подданство Російской имперіи, съ утвержденіемъ его законнымъ владѣтелемъ Абхазіи, подъ именемъ князя Георгія Шервашидзе<sup>2)</sup>, и со всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ ему на это достоинство высочайшей грамоты, знаковъ инвеституры, а также ордена св. Анны 1-го класса и пенсіона въ 2500 руб.<sup>3)</sup>. Объ этой высочайшей милости было торжественно объявлено Сеферъ-бею полковникомъ Симоновичемъ въ крѣпости Редутъ-кале, въ присутствіи особо приглашенныхъ по этому случаю абхазскихъ князей. Но самые знаки инвеституры, которые наглядно доказывали—бы владѣльческія права Сеферъ-бея, не были при этомъ вручены ему, по той причинѣ, что Тормасовъ не получилъ ихъ еще изъ Петербурга.

Это, повидимому незначительное, обстоятельство послужило поводомъ къ серьезнымъ осложненіямъ и едва ни поставило насъ

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани отъ 17-го іюня 1809 года, № 38.

<sup>2)</sup> Сеферъ-бей Шервашидзе при святомъ крещеніи получилъ имя Георгія.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 568.

въ необходимость „покорять оружіемъ народъ, добровольно предавшійся въ подданство всероссійской имперіи“.

Абхазцы привыкли во время турецкаго господства повиноваться своимъ владѣтельнымъ князьямъ, лишь по утвержденіи ихъ отъ Порты, путемъ всенароднаго врученія султанскаго фирмана и знаковъ владѣльческаго достоинства—меча и шубы. Теперь же они были весьма изумлены, что, послѣ нѣсколькихъ словъ полковника Симоновича, Сеферъ-бей вдругъ обратился въ ихъ законнаго владѣтеля, которому надлежало повиноваться, подъ страхомъ навлечь на себя гнѣвъ великаго русскаго царя. Вслѣдствіе этого, „Абхазскій народъ, какъ доносилъ Тормасовъ <sup>1)</sup>), началъ нынѣ по своему легкомыслію приходить въ колеблемость и непослушаніе къ Сеферъ-Али-бею, всемилостивѣйше утвержденному законнымъ владѣтелемъ Абхазіи, потому что два года уже по вступленіи его въ подданство Россіи не видитъ нужныхъ по обычаю ихъ знаковъ, кои бы удостовѣрить ихъ мѣгли въ томъ, что всемилостивѣйшій государь императоръ удостоилъ дѣйствительно Сеферъ-Али-бея со всѣмъ его владѣніемъ принять въ вѣчное подданство всероссійской имперіи“.

Этой „колеблемостью“ абхазцевъ не упустили воспользоваться турки, всемѣрно старавшіеся „поддерживать отце-убійцу Арсланъ-бея, запершагося въ Сухумской крѣпости, и отвлекать абхазскій народъ отъ повиновенія Сеферъ-Али-бею“ <sup>2)</sup>). Положеніе послѣдняго изъ неловкаго—сдѣлалось опаснымъ. Онъ обратился къ Тормасову съ просьбой помочь ему овладѣть Сухумомъ и взять „аманатовъ отъ разныхъ фамилій, на которыхъ онъ не надѣется, и сихъ бы аманатовъ отобрать посредствомъ одного русскаго чиновника и почетнаго князя отъ стороны правительницы Мингреліи и содержать до устроенія своихъ дѣлъ въ завѣдываніи означенной правительницы“ <sup>3)</sup>). На это Тормасовъ отвѣчалъ, что „всякая помощь со стороны войскъ руссійскихъ будетъ оказана, но не прежде какъ наступающею весною, въ которое время я ожидаю военныхъ

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву, 6-го мая 1810 года, № 65.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV № 561.

нашихъ судовъ къ берегамъ Чернаго моря и тогда удобнѣе будетъ приступить къ овладѣнію крѣпостью Сухумъ-кале<sup>1)</sup>. Для отобранія же аманатовъ былъ командированъ съ Сеферъ-бесемъ Бѣлевскаго мушкетерскаго полка прапорщикъ Болтенко. Но абхазскіе князья на отрѣзъ отказались выдать аманатовъ, говоря, что „не признають его, Сеферъ-Али-бея, утвержденнымъ высочайшимъ повелѣніемъ ихъ владѣтелемъ“<sup>2)</sup>.

Этотъ фактъ не оставлялъ уже никакого сомнѣнія въ истинномъ настроеніи абхазскихъ князей. Послѣдніе мало-по-малу стали переходить на сторону Арсланъ-бея, который, получивъ утвержденіе отъ Порты на право владѣнія Абхазіей, усилился турецкими войсками и рѣшилъ „переселить не малую часть абхазцевъ въ Батумъ“. Для исполненія этого отъ Порты уже присланы были въ Сухумъ 2 корабля и нѣсколько судовъ<sup>3)</sup>.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Сеферъ-бей удалился изъ Абхазіи къ намъ въ Кутаисъ, гдѣ снова „просилъ о дачѣ ему войска для взятія крѣпости Сухума, такъ какъ онъ остается почти совершенно обезсиленнымъ и даже изгнаннымъ“<sup>4)</sup>.

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ представленій генерала Торماسова, были получены въ іюнѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга знаки инвеституры. Но когда Сеферъ-бею предложили отправиться изъ Кутаиса обратно въ Абхазію, для принятія тамъ этихъ знаковъ съ должною церемоніей, то Сеферъ-бей отвѣчалъ, что „весьма для него опасно принять оныя (знаки) въ теперешнее время, когда соперникъ—братъ его, владѣетъ Сухумомъ и слѣдовательно почти всю Абхазію, и что онъ, услышавъ объ утвержденіи его владѣльцемъ, будучи самъ утвержденъ отъ Порты, непременно нападетъ на него съ турецкими войсками, разоритъ и выгонитъ изъ Абхазіи“<sup>5)</sup>. Поэтому, Сеферъ-бей просилъ отложить церемонію принятія имъ высочайшей грамоты и знаковъ инвеституры до того времени, когда русскія войска займутъ крѣпость Сухумъ, и откровенно писалъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 562.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Симоновича къ генералу Тормасову, 5-го апрѣля 1810 года, № 277.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 567.

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 569.

<sup>5)</sup> Рапортъ полковника Симоновича къ генералу Тормасову, 7-го іюня 1810 года, № 550.



Тормасову, что безъ русскихъ войскъ онъ „не осмѣливается даже изъ Мингрелии выѣхать въ свое владѣніе“.

Теперь только Тормасовъ убѣдился въ истинныхъ качествахъ Сеферъ-бея и созналъ ошибочность предположеній и плановъ, на которыхъ разсчитывалъ упрочить наше вліяніе въ Абхазіи и пріобрѣсти крѣпость Сухумъ. „И такъ, писалъ онъ Симоновичу <sup>1)</sup>, сколь сіе обстоятельство по нечаянности своей ни неприятно для меня, но какъ дѣло уже совершено и отступить отъ покровительства его невозможно, то и не остается теперь другого способа для поддержки его, какъ покореніе крѣпости Сухума силою оружія и чтобы симъ же средствомъ Сеферъ-Али-бея ввести во владѣніе Абхазіей“. Симоновичу предписывалось собрать свѣдѣнія и приготовить соображенія для движенія нашихъ войскъ къ Сухуму со стороны Мингрелии. Въ то же время, сознавая крайнюю затруднительность веденія операций въ этомъ направленіи, главнокомандующій ходатайствовалъ о скорѣйшей присылкѣ къ берегамъ Абхазіи черноморской флотиліи, съ помощью которой и предполагалось овладѣть Сухумомъ <sup>2)</sup>.

Еще въ мартѣ 1810 года часть судовъ черноморской флотиліи была командирована къ восточнымъ берегамъ для крейсерованія около Сухума и Суджукъ-кале, имѣя главнымъ назначеніемъ „не допускать никакихъ перевозовъ и прекратить всѣ сообщенія турокъ, а въ случаѣ покушенія къ сему неприятельскихъ судовъ, дѣлать имъ отраженіе. Вслѣдствіе сего крейсерами взято и истреблено нѣсколько купеческихъ судовъ“ <sup>3)</sup>.

Когда же выяснилась необходимость овладѣть Сухумомъ при помощи нашихъ вооруженныхъ силъ, то къ крѣпости этой была командирована, подъ начальствомъ капитана-лейтенанта Додта, эскадра изъ одного военного корабля „Варахилъ“, двухъ фрегатовъ, одного авизо и двухъ канонерскихъ лодокъ, съ баталіономъ 4-го морскаго полка.

Подойдя къ Сухуму 9-го іюля, въ три часа пополудни, капитанъ-лейтенантъ Додтъ началъ громить крѣпость „со всѣхъ орудій батальнымъ огнемъ“. Бомбардировка продолжалась непрерывно до утра слѣдующаго дня, производя въ крѣпости страшныя разрушенія; были раз-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу, отъ 15-го іюня 1810 года, № 550

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова графу Румянцеву, отъ 6-го мая 1810 года, № 65.

<sup>3)</sup> Отношеніе вице-адмирала Языкова къ генералу Тормасову, 10-го іюля 1810 года, № 2710.

биты и развалены брустверы и амбразуры, и „каменьями почти всѣ пушки завалены, а остальные съ лафетовъ упали. . . стоявшіе при форштадтѣ суда всѣ потоплены и нѣкоторые дома загорѣлись и падали, отчего непріятель пришелъ въ великій страхъ и замѣшательство“ <sup>1)</sup>. Тѣмъ не менѣе, когда на другой день, въ 10-ть час. утра, высаженный десантъ, изъ баталіона пѣхоты при двухъ орудіяхъ, двинулся къ крѣпости, то былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ съ полуразрушенныхъ стѣнъ ея. Спустившаяся съ сосѣднихъ лѣсныхъ горъ непріятельская конница и пѣхота пытались атаковать нашу колонну, но были разсѣяны огнемъ съ судовъ. На стѣнахъ появился бѣлый флагъ лишь послѣ того, какъ штурмующія войска начали разбивать крѣпостныя ворота. Въ 11 часовъ утра десантъ занялъ крѣпость, въ которой найдено: 8 знаменъ, 62 пушки, 2 фальконета и большіе склады пороха, ядеръ и оружія. Турки потеряли болѣе 300 человекъ убитыми. Не дешево стоила эта побѣда и намъ: 7 офицеровъ и 102 нижнихъ чина выбыли изъ строя убитыми и ранеными.

Разрушенная крѣпость была наскоро исправлена, вооружена 16 пушками и занята гарнизономъ изъ двухъ ротъ 4-го морскаго полка и роты Бѣлевскаго полка, перевезенной сюда изъ Редутъ-кале <sup>2)</sup>).

Паденіе Сухума сразу прекратило смуты, царившія въ Абхазіи. Арсланъ-бей съ немногими сообщниками бѣжалъ въ горы. Князья и народъ немедленно явились съ изъявленіемъ покорности и съ просьбой о принятіи ихъ въ наше подданство. Прибылъ въ Абхазію и Сеферъ-бей. Препятствія къ выполненію церемоніи вступленія его въ русское подданство были устранены. Поэтому, „знаки монаршей къ нему милости“, хранившіеся до сего времени въ потійской крѣпости у командира Бѣлевскаго полка, полковника Мерлина, были переданы того же полка маіору Моизѣ и, подъ охраной команды изъ 100 рядовыхъ, при одномъ штабъ-офицерѣ и двухъ оберъ-офицерахъ, отправлены въ Абхазію. Здѣсь они были вручены Сеферъ-Али-бею по особому церемоніалу, „при собраніи всѣхъ почетнѣйшихъ абхазскихъ старшинъ и народа, которые, будучи поражены

<sup>1)</sup> Донесеніе капитана-лейтенанта Додта. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 427.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 574.

столь новымъ для нихъ зрѣлищемъ, торжественно признали Сеферъ-бея своимъ владѣльцемъ“ <sup>1)</sup>). Послѣдній, публично присягнувъ „на вѣчную вѣрность подданства Его Императорскому Величеству со всѣмъ абхазскимъ владѣніемъ“, отправился въ покоренную нами крѣпость Сухумъ, которую и избралъ мѣстомъ всегдашняго своего пребыванія, „въ уваженіи, что народъ Абхазіи привыкъ повиноваться тому, кто оною владѣль“ <sup>2)</sup>).

Значеніе Сухума, равно какъ и крѣпости Поти, несомнѣнно, было весьма велико на восточномъ берегу Чернаго моря, и переходъ этихъ крѣпостей въ наши руки почти совершенно лишалъ турокъ того вліянія, которое раньше оказывали они на приморскія области западнаго Кавказа. Но для полнаго огражденія послѣднихъ со стороны Порты намъ необходимо было овладѣть еще крѣпостью Суджукъ-кале, черезъ которую туркамъ оставалась возможность сноситься съ закубанскими горцами. По мнѣнію Тормасова, съ паденіемъ Суджукъ-кале „всѣ горскіе народы, отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ турками, легкими способами будутъ укрощены и должны по необходимости сдѣлаться покорными подданными Его Императорскаго Величества“ <sup>3)</sup>). Поэтому, главнокомандующій, желая воспользоваться пребываніемъ нашей эскадры у береговъ Абхазіи, а также — „страхомъ, наведеннымъ побережнымъ жителямъ черезъ покореніе Сухумской крѣпости“, предписывалъ капитанъ-лейтенанту Додту, не теряя времени, „неуклонительно обратитъ съ флотиліею военныя дѣйствія на Суджукъ-кале“ <sup>4)</sup>).

Побудительной причиною къ скорѣйшему занятію крѣпости Суджукъ-кале служило также и то обстоятельство, что въ это самое время успѣхи нашего оружія на балканскомъ театрѣ принудили Турцію искать мира, и Тормасовъ считалъ „весьма полезнымъ, не упуская времени, обратитъ военныя дѣйствія на Суджукъ-кале и по праву оружія удержать сію крѣпость подъ Россійскою державою до заключенія еще полнаго мира, дабы послѣ избѣжать

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 16-го октября 1810 г. № 202.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 6-го августа 1810 г. № 154.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова капитанъ-лейтенанту Додту отъ 9-го августа 1810 г.

всякихъ затрудненій и имѣть неоспоримо подѣ властію Россіи сіе мѣсто, для насъ весьма нужное“ <sup>1)</sup>).

Другимъ пунктомъ на берегу Чернаго моря, привлекавшимъ къ себѣ наше вниманіе, была турецкая крѣпость Батумъ, которая послѣ паденія Поти и Сухума обратилась въ главный опорный пунктъ турокъ на Кавказскихъ берегахъ. Хотя крѣпость эта и была отдалена отъ Мингреліи, Имеретіи и особенно отъ Абхазіи, тѣмъ не менѣе, вліяніе ея могло распространяться и на эти области, черезъ Гурію и Ахалщыхъ.

По смерти владѣльца Батума—Кучукъ-бея, жители его, „привыкшіе имѣть начальниковъ изъ фамиліи Шервашидзе“, приглашали изъ Абхазіи Сосланъ-бея, чтобы онъ, женись на вдовѣ Кучука, сдѣлался правителемъ Батума. Сосланъ-бей выразилъ на это свое согласіе и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ знать, что желаетъ вступить въ наше подданство на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ былъ принятъ его двоюродный братъ—Сеферъ-Али-бей <sup>2)</sup>). Это дало Торماسову поводъ стремиться къ завладѣнію Батумомъ, при помощи вліянія родственныхъ Сосланъ-бею владѣтельныхъ домовъ Абхазіи и Мингреліи. Въ то же время, Симоновичу дано было разрѣшеніе „овладѣть Батумомъ съ помощью крейсерныхъ судовъ,“ если только это будетъ возможно „безъ особеннаго риска“ <sup>3)</sup>).

Однако, стремленія эти не привели къ желательнымъ результатамъ. Батумъ по прежнему остался во власти турокъ, а намъ удалось овладѣть лишь крѣпостью Суджукъ-кале. Благодаря послѣднему наша береговая линія протянулась отъ устьевъ Кубани до устьевъ Фаза. Здѣсь мы имѣли наши гарнизоны въ Анапѣ, Суджукъ-кале, Сухумѣ, Анаклии, Редутъ-кале, Поти и въ Гуріамтѣ. Охрана же линіи со стороны моря возложена была на особую эскадру, которая крейсеровала отъ Анапы до Батума.

Энергичная дѣятельность этой эскадры, совершенно обезопасивъ приморскія области западнаго Закавказья со стороны турокъ,

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Торماسова капитанъ-лейтенанту Додгу отъ 9-го августа 1810 г. № 765.

<sup>2)</sup> Рапортъ генерала Симоновича генералу Тормасову отъ 6-го мая 1811 г. № 997.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Торماسова генераль-маіору Симоновичу отъ 19-го мая 1811 г. № 502.

дала возможность генералу Торماسову уже въ началѣ 1811 года озаботиться устройствомъ торговыхъ сношеній черноморскаго побережья съ Крымомъ, при посредствѣ особо учрежденной для этого „акціонерной мингрельской компаніи“. Предполагалось, „что сіе новое учрежденіе, покровительствующее полезной торговлѣ, будетъ основаніемъ прочной увѣренности новопокоренныхъ азіатскихъ областей въ продолжительномъ ихъ благосостояніи, черезъ оживленіе тамъ промышленности“ <sup>1)</sup>.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, было обращено вниманіе и на упроченіе нашего положенія во вновь прибрѣтенныхъ областяхъ, путемъ колонизации ихъ болѣе надежными элементами. Съ этой цѣлью, генералъ Тормасовъ вошелъ въ сношеніе съ іерусалимскимъ греческимъ архимандритомъ Венедиктомъ о переселеніи грековъ изъ предѣловъ Турціи на земли, отведенныя нами для этой цѣли у крѣпости Потти, между р.р. Ріономъ и Молтаквою <sup>2)</sup>.

Здѣсь же, у Потти и Редуть-кале, взамѣнъ гарнизоновъ, предположено было поселить двѣ станицы черноморскихъ казаковъ, каждую по 350 семействъ. „Казаки сіи, доносилъ Симоновичъ, какъ извѣстно ведя совѣмъ другой и непринужденный образъ жизни, нежели солдаты и, живучи домами, могутъ тамъ съ пользою къ службѣ быть употреблены“ <sup>3)</sup>.

Такими мѣрами насаждалось и постепенно закрѣплялось дѣятельностью генерала Тормасова русское владычество въ областяхъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Но еще много десятилѣтій суждено было провести намъ здѣсь въ тяжелой, зачастую неравной борьбѣ, пока окончательно не водворились порядокъ и гражданственность на всемъ этомъ побережьѣ, открывшемъ прямое сообщеніе Закавказья съ Новороссіей и Крымомъ.

---

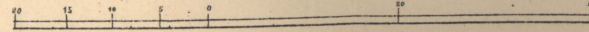
<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 540.

<sup>2)</sup> Тамъ же №№ 528 и 531.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-маіора Симоновича генералу Тормасову отъ 31-го іюля 1811 года № 1887.



# КАРТА ИМЕРЕТИИ, МИНГРЕЛИИ, ГУРИИ и АБХАЗИИ 1810 г.





## Глава IV.

Состояніе Имеретіи ко времени назначенія на Кавказъ генерала Торماسова. Имеретинскій царь Соломонъ II-й и его приближенные. Князья Зурабъ Церетели и Леонидзе. Отношенія къ намъ Соломона. Дѣятельность генераль-маіора князя Орбеліани въ Имеретіи. Назначеніе Симоновича.

~~~~~

Политика, которой мы слѣдовали въ Гуріи, Мингреліи и Абхазіи не могла съ тѣмъ же успѣхомъ примѣниться къ сосѣдней съ Грузіей области западнаго Закавказья—къ Имеретіи.

Причины этого крылись, главнымъ образомъ, въ личности имеретинскаго царя Соломона II-го.

Слабый, безхарактерный, нерѣшительный—Соломонъ былъ совершенно неспособенъ твердо управлять своимъ царствомъ, хотя послѣднее, по выраженію Гудовича, „такое малое, не составляющее и княжества, что, кажется, недостойно называться царствомъ, и царь—царемъ, живущій по образу черкесъ“ <sup>1)</sup>. Тѣмъ не менѣе, Соломонъ имѣлъ исключительное представленіе о царской власти, не обладая, однако, ни единымъ качествомъ, необходимымъ для того, чтобы властвовать и повелѣвать. Безграмотный, безъ личныхъ убѣжденій, онъ обыкновенно терялся въ массѣ чужихъ мнѣній, проявляя всегда болѣе малодушія, чѣмъ твердости. Лукавство было его политикой, трусливая хитрость—защитой. Успѣхъ или неудача одинаково заставляли его терять голову. Въ роли побѣдителя онъ былъ жестокъ; въ тяжелыхъ же обстоятельствахъ плакалъ, какъ ребенокъ, катался по землѣ, царапалъ себѣ лицо <sup>2)</sup> и выказывалъ явную неспособность принять какое-либо рѣшеніе и еще менѣе—привести его въ исполненіе. Расчетъ замѣнялся у него упрямствомъ, а интересы царства ступшевывались передъ капризами личнаго славолубія и безхарактерности.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 270.

<sup>2)</sup> Тоже, т. IV, стр. 231, 232 и Дубровинъ т. V, стр. 307.

Принимая въ 1804-мъ году наше подданство, Соломонъ руководствовался исключительно честолюбивыми планами. Онъ имѣлъ въ виду свои давнишніе счеты съ Мингреліей, почему въ просительныхъ пунктахъ настаивалъ на томъ, чтобы русскія войска по первому требованію являлись къ нему на помощь и чтобы къ Имеретіи присоединены были сосѣднія области—Лечхумъ и Рача. Наконецъ, придавая своему сану особенное значеніе, онъ, вмѣсто выдачи аманатовъ, желалъ отправить въ Петербургъ довѣренное лицо, въ качествѣ посла.

Непреклонная воля и энергія Циціанова были, конечно, лучшей гарантіей безпрекословной покорности намъ многочисленныхъ владѣтелей закавказскихъ царствъ, княжествъ и ханствъ. Но бакинское злодѣяніе сняло съ нихъ эту тяжелую руку, и едва распространилась по Закавказью вѣсть о смерти Циціанова, какъ Соломонъ, однимъ изъ первыхъ, рѣзко измѣнилъ свои отношенія къ намъ. Изъ покорнаго вассала, онъ сразу обратился въ надменнаго азіатскаго владѣтеля. На предложеніе отправить депутатовъ въ Петербургъ для принесенія всеподданнической благодарности, по поводу принятія Имеретіи подъ высокое покровительство русскаго императора, Соломонъ отвѣчалъ отказомъ. Такимъ же образомъ отнесся онъ и къ требованію о выдачѣ намъ аманатовъ. Съ своей стороны, онъ настаивалъ на выводѣ нашего гарнизона изъ Кутаиса, говоря, что „не можетъ быть тамъ, гдѣ только русскія войска есть“ <sup>1)</sup>. Не имѣя мужества лично объясниться съ представителями русской власти, Соломонъ удалился изъ Кутаиса въ замокъ Варъ-цихе, расположенный среди недоступныхъ лѣсовъ и болотъ.

Имеретія въ то время представляла собою дикую страну, наполненную отрогами окружавшихъ ее хребтовъ—кавказскаго, вахтанскаго и др. Дремучіе лѣса, переплетенные ползучими растеніями; мрачныя ущелья, заваленныя обломками скалъ; дикія стремнины, съ шумящими водопадами—составляли обычный пейзажъ царства Соломона. Здѣсь каждая пядь земли ничтожнымъ количествомъ

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 306.



защитниковъ легко могла быть обращена въ громадную вражескую могилу. Самая бѣдность страны и скудость средствъ ея содѣйствовали бы гибели противника. Рѣдкое населеніе жило отдѣльными, далеко отстоявшими одинъ отъ другого дворами. Масса башенъ, замковъ и монастырей, обнесенныхъ массивными каменными стѣнами, вѣнчали вершины неприступныхъ скалъ и обращали всю страну въ одну гигантскую крѣпость. Узкія дороги-тропинки между жилистыми пунктами вились то по лѣсистымъ кручамъ, то по зыбкимъ трясинамъ, пересѣкая множество горныхъ рѣчекъ, мгновенно вздувавшихся, во время дождя или таянія снѣга, въ бурные, стремительные потоки. Только одни коренные жители Имеретіи знали проходы въ тѣ мрачныя тущобы, которыми изобиловала ихъ дикая отчизна.

Этими свойствами страны пользовался, какъ убѣжищемъ отъ насъ, непокорный царь Соломонъ, переходившій изъ одного уединеннаго замка въ другой, съ толпой приближенныхъ къ нему князей. Послѣдніе слѣдовали за скитавшимся царемъ не по долгу вѣрно-подданныхъ, не по чувству глубокой привязанности къ нему, а потому, что за спиной ничтожнаго царя имъ открывался широкій просторъ для произвола, всякаго рода насилій и грабежей, служившихъ къ собственному обогащенію cadaго изъ нихъ.

Самъ Соломонъ, безсильный привязать къ себѣ своихъ подданныхъ личными доблестями, старался достигъ этого щедрыми подарками и главнымъ образомъ—потворствомъ всякому своеволю и безчинству. Понятно, что при такихъ условіяхъ, князья Имеретіи предпочитали строгому русскому подданству распушенное царствованіе Соломона и старались внушить послѣднему необходимость отстаивать всѣми мѣрами свою независимость. По этому поводу, командовавшій нашими войсками въ Имеретіи доносилъ, что „всѣхъ князей и дворянство внушать въ царя противныя мысли заставляетъ то, что народъ сей пользуется теперь отъ него всѣмъ, что ему угодно, и царь удовлетворяетъ требованіе всякаго, хотя иногда и поневолѣ; притомъ же, окружающіе Соломона, обыкшіе къ своевольству и грабежамъ, страшатся и того, что царь, вступивъ въ совершенное наше подданство, съ исполненіемъ обязанностей

россійскому императору, будетъ имѣть отъ Его Величества во всѣхъ случаяхъ защиту и поддержку, а они должны оставаться тогда безъ уваженія царемъ, тѣмъ болѣе, что царь тогда окажется надъ ними сильнѣе и не будетъ имѣть нужды удовлетворять желаніе всякаго, какъ дѣлаетъ онъ теперь. Сверхъ того, всякому извѣстно, что тогда, сдѣланное какимъ бы то ни было княземъ убійство или грабительство наказуемо будетъ по справедливости, и всякій виновникъ не останется безъ должнаго воздаянія. Сіи причины недоброжелателей царя—князей и дворянство вооружаютъ къ недопущенію его до своихъ обязанностей, и народъ сей, привышій къ разнымъ своевольствамъ, не хочетъ быть никогда ограниченнымъ въ своихъ буянствахъ<sup>\*)</sup>.

Въ ряду такихъ злыхъ геніевъ Соломона особенное значеніе имѣли князья Зурабъ Церетели и Леонидзе.

Послѣдній состоялъ ближайшимъ совѣтникомъ царя, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ его и былъ главнымъ вдохновителемъ недоброжелательнаго отношенія къ намъ Соломона, не смотря даже на то, что дочь Леонидзе была замужемъ за грузинскимъ княземъ Меликовымъ, а сынъ воспитывался въ тифлисскомъ училищѣ. Хитрый, пронырливый, испытавшій всевозможныя превратности въ своей бурной жизни, не разъ измѣнявшій царямъ Грузіи и Имеретіи, Леонидзе былъ человѣкомъ, особенно способнымъ всецѣло завладѣть слабохарактернымъ, малодушнымъ, дѣтски-безпомощнымъ Соломономъ. Жадность-же и корыстолюбіе этого авантюриста находили теперь столь богатое удовлетвореніе, что Леонидзе всѣми зависѣвшими отъ него средствами отстаивалъ существовавшій въ Имеретіи порядокъ и болѣе чѣмъ кто либо другой противился полному подчиненію намъ царя Соломона, постоянно возстановлялъ его противъ насъ и усиленно внушалъ не исполнять нашихъ требованій. Леонидзе открыто стоялъ на сторонѣ нашихъ недоброжелателей и, какъ человѣкъ по преимуществу алчный, не входилъ съ нами ни въ какія сдѣлки, отлично понимая, что наши награды не замѣняютъ ему положенія, которое онъ занималъ при Соломонѣ,

---

\*) Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 280.

а цѣнность нашихъ подарковъ никогда не достигнетъ той цифры, которую онъ могъ получить, путемъ грабежей, прикрытыхъ именемъ царя Соломона.

Совершенно въ иныхъ отношеніяхъ къ намъ стоялъ сахлтъ-хуцесъ (министръ двора) царя имеретинскаго—князь Зурабъ Церетели.

Алчность развита была въ немъ не менѣе, чѣмъ и въ остальныхъ князьяхъ, окружавшихъ Соломона. Но онъ превосходилъ всѣхъ своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ. Осыпанный милостями царя, облеченный особымъ довѣріемъ его, Церетели вошелъ въ тайныя сношенія съ нами, въ качествѣ лица, якобы особенно сочувствовавшаго низверженію Соломона. Хотя услуги сахлтъ-хуцеса и не были вполне безкорыстны, тѣмъ не менѣе, не ради одной только алчности онъ оказывалъ ихъ намъ:—князь Зурабъ Церетели лелѣялъ смѣлую надежду занять при нашей помощи мѣсто наслѣдственнаго царя Имеретіи—Соломона Арчиловича. Честолюбивая мечта эта хранилась имъ въ строгой тайнѣ, а такъ какъ съ нашей стороны ему не давалось рѣшительно никакого повода рассчитывать на имеретинскій тронъ, то и услуги князя Церетели отличались поэтому большой сдержанностью и даже давали поводъ подозрѣвать его въ двойной службѣ: и намъ, и царю Соломону. На дѣлѣ, это и было дѣйствительно такъ. Умный, хитрый, осторожный Зурабъ Церетели согласенъ былъ промѣнять свое положеніе при царѣ Соломонѣ только на имеретинскій тронъ и служилъ намъ лишь до тѣхъ поръ, пока имѣлъ на это надежду. Но какъ только послѣдняя умалаялась—Церетели тотчасъ же переходилъ на сторону царя и поддерживалъ его всѣми средствами, предпочитая видѣть Имеретію въ томъ же положеніи, въ какомъ она и была до сихъ поръ. Имеретинскій тронъ по твердому желанію сахлтъ-хуцеса долженъ былъ принадлежать или ему—князю Зурабу Церетели, или, по прежнему, безличному царю Соломону.

Подобными же эгоистическими стремленіями были одушевлены и остальные князья Имеретіи.

Если бы окружающіе царя Соломона и ближайшіе совѣтники его не были бы ослѣплены безмѣрной алчностью и духомъ своево-

лія,—они, конечно, видѣли бы ту пропасть, въ которую влекли царя, а съ нимъ и самихъ себя. Но личныя страсти князей Имеретіи были сильнѣе лежавшаго на нихъ долга, и слабохарактерный Соломонъ, слѣдовавшій внушеніямъ ихъ и не имѣвшій къ тому же яснаго представленія о силѣ и могуществѣ Россіи, становился къ намъ все въ болѣе и болѣе рѣзкія отношенія. Этому не мало также содѣйствовала „слабость“ и „неспособность“ командовавшаго нашими войсками въ Имеретіи—генерала Рыкгофа, не сумѣвшаго создать преданной намъ партіи, съ помощью которой можно было бы вліять на имеретинцевъ и даже на самого Соломона.

Послѣдній, стремясь возстановить свою независимость, возлагалъ большія надежды на помощь дѣятельныхъ въ то время противниковъ нашихъ—турокъ, персіянъ и бѣглыхъ грузинскихъ царевичей. Онъ поддерживалъ постоянныя сношенія съ Селимъ-пашою ахалцыхскимъ, посылалъ довѣренныхъ лицъ къ Баба-хану, велъ переписку и даже устраивалъ свиданія съ царевичемъ Александромъ. Въ то же время, прекративъ личныя сношенія съ нашими начальствующими лицами, Соломонъ высокомерно отвѣчалъ на письма ихъ или же совсѣмъ не удостоивалъ отвѣтомъ.

Въ періодъ возникшихъ у насъ въ 1806 году осложненийъ съ Турціей, въ Имеретію явился посланецъ царевича Александра, съ цѣлью склонить Соломона къ возстанію и уговорить его дѣйствовать совмѣстно съ ахалцыхскимъ пашою, который намѣревался вторгнуться съ наемными лезгинами въ Карталинію. Соломонъ отнесся къ этому предложенію самымъ сочувственнымъ образомъ: волновалъ Имеретію и сосѣднія съ нею области, собиралъ ополченія, заготовлялъ запасы продовольствія, портилъ дороги, по которымъ производилось сообщеніе Грузіи съ Мингреліей, и подготавливалъ нападеніе на нашъ кутаисскій гарнизонъ.

Столь явно-недоброжелательное отношеніе къ намъ имеретинскаго царя не могло не обратить на себя нашего вниманія, тѣмъ болѣе, что при такихъ условіяхъ, въ случаѣ войны съ турками, намъ едва-ли удалось бы сохранить Имеретію. Поэтому, правитель Грузіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Литвиновъ, еще тогда

полагаль необходимымъ немедленно принять мѣры къ удаленію царя Соломона отъ управленія Имеретією<sup>1)</sup>. Однако, графъ Гудовичъ не былъ сторонникомъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ и, не раздѣляя мнѣній Литвинова, предписаль Рыкгофу тщательнѣе слѣдить за поведеніемъ Соломона и только въ случаѣ явной измѣны арестовать его и отправить въ Тифлисъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на это, Соломонъ ушелъ еще далѣе въ глубь имеретинскихъ трущобъ и продолжалъ оттуда противиться намъ съ большимъ упрямствомъ и смѣлостью.

Разгромъ Гудовичемъ турецкой арміи на берегахъ Арпачая въ 1807 году и послѣдовавшее вскорѣ затѣмъ перемиріе съ Портою отняли, на время у царя Соломона надежду изгнать насъ при помощи турокъ изъ Имеретіи. Но вдругъ, онъ получилъ изъ Ахалцыха извѣстіе, что, въ силу статей заключеннаго нами съ Турціей мира, Имеретія яко-бы отходить къ Портѣ Оттоманской. Извѣстіе это озадачило Соломона и онъ, съ обычнымъ ему недостаткомъ личныхъ мнѣній, не зналъ, какъ отнестись къ этому извѣстію: съ радостью, или съ тревогой. Однако, ближайшіе совѣтники царя убѣдили его, что господство турокъ гораздо пріятнѣе и выгоднѣе, нежели русскихъ, и Соломонъ остановился на этомъ убѣжденіи. Напрасно Гудовичъ увѣряль его, что миръ съ турками не былъ еще заключенъ, и что Россія, какъ побѣдительница, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ надобности дѣлать туркамъ какія либо уступки. Соломонъ стояль на своемъ и отвѣчалъ Гудовичу<sup>2)</sup>: „Сегодня явился къ намъ изъ Ахалцыха татаринъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ Селимъ-паши, въ качествѣ посланника и вѣстника, доставивъ письмо паши. По письмамъ этимъ видно, и на словахъ онъ объявилъ, что при заключеніи мира мы достались султану, равно какъ и Крымъ; въ Крымъ султанъ уже назначилъ хана. Самъ паша пишетъ, что послы русскаго императора, французскаго императора и англійскаго царя прибыли къ сераскиру Юсуфъ-пашѣ съ тѣмъ, чтобы русскія войска, находящіяся въ Ганжѣ, Шушѣ,

---

<sup>1)</sup> Рапортъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Литвинова графу Гудовичу 28-го іюля 1806 года № 1103.

<sup>2)</sup> Письмо 28-го сентября 1807 года.

Тифлисъ, Имеретіи и Кудевъ, всѣ собрать вмѣстѣ и изъ Дербента отправить въ Россію“.

Основываясь на подобныхъ свѣдѣніяхъ, Соломонъ объявилъ, что признаетъ себя свободнымъ отъ подданства Россіи и требовалъ удаленія нашихъ войскъ изъ Кутаиса. „Усердная моя просьба есть та, писалъ онъ, чтобы изъ Кутаиса вывести войска, дабы противъ воли нашей ничего противнаго не произошло, а ежели отъ отечскаго вашего о насъ благопопеченія не получимъ удовлетворяющаго мысль нашу отвѣта, то воля ваша“ <sup>1)</sup>. Вмѣстѣ съ этимъ, Соломонъ удалилъ отъ себя князя Зураба Церетели, назначилъ вмѣсто его Ростома Нижерадзе и, окруживъ себя людьми, отличавшимися особой ненавистью къ Россіи, продолжалъ сношенія съ Ахалцыхомъ и содержалъ въ мѣстечкѣ Ачарахъ наемныхъ лезгинъ.

При такихъ условіяхъ, самому графу Гудовичу пришлось, наконецъ, „признать надежнѣйшимъ средствомъ для спокойствія и безопасности того края, также и войскъ, въ ономъ расположенныхъ, чтобы царя Соломона вовсе удалить отъ управленія Имеретією“ <sup>2)</sup>. Но политическія обстоятельства того времени въ Закавказьѣ вынуждали насъ отложить упорядоченіе имеретинскихъ дѣлъ до болѣе благопріятной минуты. Пока же, необходимо было крайней мѣрѣ усилить кутаисскій гарнизонъ. Съ послѣдней цѣлью, въ январѣ 1808 года отправленъ былъ туда изъ Грузіи баталіонъ 9-го егерскаго полка.

Мѣра эта привела Соломона въ сильнѣйшее смятеніе. Полагая, что войска посланы въ Имеретію съ тѣмъ, чтобы насильственно лишить его царства, Соломонъ поспѣшно вызвалъ къ себѣ Зураба Церетели и отправилъ его въ Кутаисъ объявить намъ, что „царь Имеретіи Соломонъ, искренно раскаиваясь въ прошлыхъ своихъ заблужденіяхъ, обѣщаетъ быть вѣрнымъ подданнымъ русскаго императора“. Но какъ только отъ Соломона, въ залогъ его вѣрности, потребовали аманатовъ, такъ онъ снова удалился въ глушь лѣсовъ къ ахалцыхской границѣ и опять заговорилъ о возвращеніи ему Лечхума и о выводѣ нашихъ войскъ изъ Кутаиса.

<sup>1)</sup> Письмо Соломона графу Гудовичу отъ 27-го ноября 1807 года.

<sup>2)</sup> Отношеніе графа Гудовича графу Румянцеву отъ 4-го декабря 1807 года.

Въ это время въ Варъ-цихе прибылъ съ богатыми подарками посланникъ ахалцыхскаго паши, предлагавшій Соломону, отъ имени султана, перейти въ подданство Турціи и дозволить турецкимъ войскамъ занять Имеретію. Посоль объявилъ, что султанъ, въ несомнѣнной надеждѣ на согласіе Соломона, приготовилъ ему, по обычаю, фирманъ, саблю и шубу <sup>1)</sup>). Царь Имеретіи придалъ посольству ахалцыхскаго паши столь важное значеніе, что, на запросъ нашъ по этому поводу, отвѣчалъ съ нескрываемымъ раздраженіемъ. „Со стороны Россіи, писалъ онъ Рыкгофу<sup>2)</sup>), мы сдѣлались столь безнадежными на счетъ всякой милости и счастья, что уже столько времени ходатайствуемъ о неоставленіи въ нашемъ престольномъ городѣ Кутаисѣ войска и о предоставленіи намъ нашего дворца, но когда и эта просьба не исполнена, то какъ мы можемъ питать надежду на другую милость и счастье. Будучи такъ оставлены и довѣряясь собственно вамъ, мы теряемъ счастье со всѣхъ другихъ сторонъ; вы и словомъ, и письмомъ, и клятвою обѣщаете намъ счастье, а на дѣлѣ мы видимъ противное: земли нашего владѣнія—Лечхумъ и крѣпости отъ насъ отобрали и отдали Дадіани; Кутаиса и дворца не уступаете намъ, и столько уже лѣтъ мы терпимъ съ нашей фамиліей, зимою и лѣтомъ, пребываніе въ другихъ мѣстахъ и селахъ. Какое еще можетъ быть униженіе свыше этого?“

Почти четырёхлѣтній опытъ ясно показывалъ полную невозможность привести Соломона къ должной покорности мѣрами кротости и уступчивостью. Дальнѣйшее потворство безконечнымъ претензіямъ имеретинскаго царя, бывшаго игрушкой въ рукахъ окружавшей его толпы алчныхъ интригановъ, не соотвѣтствовало ни интересамъ, ни достоинству Россіи. Поэтому, Императоръ Александръ I-й, раздѣляя уже установившееся мнѣніе главнокомандующаго графа Гудовича, повелѣлъ ему устранить царя Соломона отъ управленія Имеретіей и со всѣмъ семействомъ и царевичемъ Константиномъ выслать на жительство въ Россію <sup>1)</sup>). Взамѣнъ же царской власти, образовать „временное правленіе имеретинской области“ изъ преданнѣйшихъ намъ князей и одного

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генерала Рыкгофа графу Гудовичу отъ 26-го августа 1808 года № 160.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. III, № 307.

русскаго штабъ-офицера изъ состава войскъ, находившихся въ Имеретіи.

Мѣра эта, понятно, не могла пройти безъ крупныхъ осложненій. Устранить послѣднія имѣлось въ виду при помощи Зураба Церетели, которому, въ примѣръ населенію всей Имеретіи, за „испытанную преданность намъ“, высочайше пожалованъ былъ чинъ полковника, съ жалованьемъ по 1200 руб. въ годъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, генералу Рыкгофу поручено было— „съ тонкимъ искусствомъ“ дать понять Зурабу Церетели, что за содѣйствіе намъ въ проведеніи новаго порядка управленія Имеретіей, ему будеть предоставлено первое мѣсто во „временномъ областномъ правленіи“. Однако, такая перспектива далеко не удовлетворяла честолюбивыхъ замысловъ князя Церетели: слишкомъ ужъ большая разница была между предсѣдательскимъ кресломъ областного правленія и имеретинскимъ трономъ, о которомъ мечталъ князь Зурабъ. Удалившись въ свое имѣніе, онъ поцѣловалъ нѣсколько разъ, доставленный туда къ нему, рескриптъ Императора и повелъ дѣло такъ, что, не возбуждая нашего подозрѣнія, скорѣе содѣйствовалъ Соломону, чѣмъ намъ.

Единственное средство, которое могло бы сразу прекратить имеретинскую неурядицу, заключалось въ удаленіи царя силою. Но силы этой не было въ распоряженіи Гудовича, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда приходилось удѣлять наибольшее вниманіе дѣламъ на нашихъ границахъ съ Турціей и Персіей.

Оставалась еще возможность захватить Соломона при помощи кого либо изъ его приближенныхъ. Гудовичъ остановился на этой мысли и, воспользовавшись смертью генерала Рыкгофа, назначилъ командующимъ войсками въ Имеретію генераль-маіора князя Орбелиани, какъ человѣка, близко знавшаго условія того края и имѣвшаго въ немъ вліятельныя родственныя связи.

Новому представителю интересовъ нашихъ въ западныхъ областяхъ Закавказья поручалось возстановить спокойствіе въ Имеретіи и захватить непокорнаго намъ царя ея—Соломона II-го. При

---

\*) Рескриптъ графу Гудовичу отъ 10-го февраля 1808 года.



этомъ, князю Орбеліани рскомсдовалось избѣгать употребленія силы, а, наоборотъ—дѣйствовать „самыми секретными пружинами“ <sup>1)</sup>, склоняя къ содѣйствию намъ приближенныхъ къ царю лицъ и особенно главнѣйшаго изъ нихъ—князя Зураба Церетели. Послѣднее, однако, оказалось почти совершенно неисполнимымъ, вслѣдствіе старинной фамильной вражды, существовавшей между княжескими домами Церетели и Орбеліани, что упустилъ изъ виду фельд-маршалъ Гудовичъ, приискивая наиболѣе подходящаго замѣстителя генералу Рыкгофу. По этой то причинѣ, князь Орбеліани въ своей миссіи не только не встрѣтилъ содѣйствія со стороны Зураба Церетели, но, наоборотъ—последній, рѣшивъ, по своимъ соображеніямъ, поддерживать царя Соломона, не останавливался даже передъ перспективой вызвать, наконецъ, съ нашей стороны вооруженное воздѣйствіе. Побывавъ уже однажды въ Петербургѣ, въ званіи имеретинскаго посла, Зурабъ Церетели, конечно, зналъ что такое Россія и чѣмъ неминуемо должна кончиться открытая борьба съ нсю Соломона. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ и всѣ окружавшіе царя, возлагалъ большія надежды на исключительныя топографическія условія Имеретіи и на возможную поддержку со стороны Турціи.

Прибывъ въ Кутаисъ, князь Орбеліани далъ знать скитавшемуся по лѣсамъ царю Соломону о своемъ желаніи видѣться съ нимъ и лично передать ему письмо главнокомандующаго—графа Гудовича. Но подозрительный Соломонъ долго не соглашался на это свиданіе. Опасаясь какой нибудь измѣны, онъ ни самъ не ѣхалъ къ Орбеліани, ни его не допускалъ къ себѣ. Наконецъ, свиданіе состоялось на рѣкѣ Квирилѣ. Три дня князь Орбеліани объяснялся съ Соломономъ черезъ раздѣлявшую ихъ рѣку и только на четвертый день получилъ разрѣшеніе подъ охраной сильнаго караула переправиться на противоположный берегъ. Но и здѣсь переговоры шли не болѣе успѣшно. Соломонъ категорически отказался переѣхать въ Кутаисъ, пока тамъ будетъ нашъ гарнизонъ, а на предложеніе отправить депутатовъ въ Петербургъ къ высо-

---

<sup>1)</sup> Секретное предписаніе князю Орбеліани отъ 10-го февраля 1809 года № 15.

чайшему двору повторилъ обычныя свои требованія, чтобы ему отдали Лечхумъ, составили новыя условія подданства и вывели войска изъ Кутаиса. „Тогда, писалъ Соломонъ въ отвѣтъ на переданное ему княземъ Орбеліани письмо Гудовича, отправлю депутатовъ. Если же изъ моихъ просьбъ ни одна не будетъ исполнена, то мнѣ невозможно служить Россіи“.

Таково было положеніе дѣлъ въ Имеретіи ко времени назначенія на Кавказъ генерала Торماسова.

Желая ознакомиться со взглядами новаго главнокомандующаго на дѣла Имеретіи, царь Соломонъ, по совѣту, конечно, приближенныхъ къ нему лицъ, отправилъ князя Зураба Церетели къ Тормасову съ порученіемъ убѣдить послѣдняго въ правильности своихъ претензій. Генераль Тормасовъ согласенъ былъ водворить порядокъ въ Имеретіи путемъ возможныхъ и справедливыхъ уступокъ царю ея. Но въ то же время, онъ не могъ не признать претензій Соломона чрезмѣрными и не совмѣстимыми ни съ интересами нашими, ни съ нашимъ достоинствомъ. Поэтому, новый главнокомандующій повторилъ князю Зурабу Церетели тѣ же требованія, которыя предъявлялись и его предшественникомъ—графомъ Гудовичемъ, напомнивъ при этомъ, что уже состоялось высочайшее соизволеніе на удаленіе царя Соломона изъ Имеретіи.

Изъ пріема, оказаннаго генераломъ Тормасовымъ князю Церетели, послѣдній увидѣлъ, что не остается никакой надежды на осуществленіе его собственной честолюбивой мечты. Соломонъ долженъ былъ или безпрекословно покориться намъ, или навсегда потерять свой тронъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ неизбежно наступалъ конецъ своеволю имеретинскихъ князей. Имъ необходимо было, въ личныхъ интересахъ, какъ можно долѣе отстаивать царя. Но для возможности продолжительной борьбы съ нами нужна была единодушная сплоченность вокругъ Соломона всего населенія Имеретіи. И вотъ, предательски-лукавый Зурабъ Церетели далъ Тормасову совѣтъ обратиться съ воззваніемъ къ духовенству, князьямъ и дворянамъ Имеретіи, приглашая ихъ, „соединясь единодушнымъ побужденіемъ ко благу Имеретіи, ихъ отечества, убѣдить царя Соломона на неукоснительное исполненіе

имъ высочайшей воли и на преданіе себя въ безмолвное повиновеніе Государя Императора“<sup>1)</sup>. Мѣра эта, по увѣреніямъ князя Зураба Церетели, должна была оказать самое существенное вліяніе на слабохарактернаго царя Соломона. Тормасовъ согласился. Но, посылая прокламацію князю Орбеліани, онъ предписывалъ обнародовать ее лишь послѣ того, какъ Соломонъ откажется исполнить требованія, выраженныя въ особомъ къ нему письмѣ главнокомандующаго.

Передавая это письмо царю Соломону, князь Орбеліани получилъ отъ него обѣщаніе прислать отвѣтъ черезъ десять дней. Но срокъ этотъ прошель, а отвѣта не получалось. Тогда Орбеліани обнародовалъ прокламацію.

Дѣйствіе ся, какъ и слѣдовало ожидать, было совершенно противоположно расчетамъ Тормасова и, „вмѣсто обращенія народа къ тому, чтсбы дать внушеніе царю къ непремѣнному выполненію обязанности, какъ подданнаго Россіи, возымѣло совсѣмъ другой видъ“<sup>2)</sup>. Совѣтники Соломона, въ числѣ которыхъ, несомнѣнно, былъ и Зурабъ Церетели, внушили царю, что обнародованная прокламація „уничтожаетъ власть его, и что Россійское правительство, не считая его, царя, обратилось къ подданнымъ его съ тѣмъ требованіемъ, въ которомъ отъ него настаиваетъ“<sup>3)</sup>. Глубоко оскорбленный Соломонъ призвалъ къ себѣ въ глушь лѣсовъ всѣхъ имеретинскихъ князей и толпы вооруженнаго народа и прямо обратился къ нимъ съ вопросомъ: желаютъ ли они имѣть его своимъ царемъ, и если да, то потерпятъ ли тѣ притѣсненія и поношенія, которыя причиняютъ ему русскіе? Не смотря на личныя качества Соломона, обаяніе царской власти было все таки настолько сильно въ массѣ имеретинскаго народа, что послѣдній тутъ же выразилъ своему царю полную преданность, и вооруженная толпа въ нѣсколько сотъ чловѣкъ, съ которой Соломонъ бродилъ до сего времени по лѣсамъ Имеретіи, сразу возросла до шести тысячъ.

Сдѣланная нами неловкость была очевидна. Но Тормасовъ, однако, не относилъ этого къ себѣ. „О худомъ обротѣ, писалъ

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 2-го мая 1809 года № 14.

<sup>2)</sup> Рапортъ генералъ-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову 12-го іюня 1809 года № 10.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

онъ князю Орбеліани, каковой приняло обнародованіе вами моего письма къ имеретинскому духовенству и дворянамъ, я долженъ судить двояко: либо что письмо мое они поняли не въ настоящей его силѣ, либо что, ваше сіятельство, до сихъ поръ еще не приобрѣли себѣ никакой партіи, черезъ которую могли бы внушить, что мѣра сія признана російскимъ начальствомъ нужною съ самымъ полезнѣйшимъ намѣреніемъ для царя имеретинскаго и для самого народа и клонится отнюдь не къ возстановленію имеретинцевъ противу законнаго ихъ владѣтеля, а для того единственно, чтобы народъ привлечь къ большей еще приверженности къ царю, черезъ убѣжденіе его не отклоняться отъ священной воли Его Императорскаго Величества, а слѣдовательно и отъ ожидающаго его постоянного счастья. Убѣжденія эти были бы ничто другое, какъ чистосердечное обнаруженіе ихъ истинной преданности къ царю<sup>1)</sup>. Въ заключеніе, главнокомандующій высказывалъ естественное недоумѣніе по поводу поведенія князя Зураба Церетели. „Впрочемъ, я не вижу также, писалъ Тормасовъ, чтобы и князь Зурабъ Церетели, по совѣту коего было написано сіе письмо, старался дать оному между духовенствомъ и князьями настоящее понятіе о сохраненіи его и преклонить ихъ къ правильному сужденію“<sup>2)</sup>.

Двуличіе сахлтъ-хуцеса, повидимому, начинало выясняться и самому генералу Тормасову. По всему было замѣтно, что удалить Соломона изъ Имеретіи можно только силой, но при ограниченности нашихъ войскъ успѣхъ могъ быть достигнутъ не иначе, какъ при дѣятельномъ содѣйствіи намъ вліятельныхъ князей Имеретіи. Въ этихъ видахъ, Тормасовъ потребовалъ отъ князя Зураба Церетели письменнаго заявленія о желаніи его содѣйствовать удаленію Соломона изъ Имеретіи. Но хитрый сахлтъ-хуцесъ, въ расчеты котораго совершенно не входили такіе планы, отвѣчалъ настолько уклончиво, что Тормасовъ почти окончательно убѣдился въ полномъ нежеланіи князя Церетели оказывать намъ энергичное содѣйствіе.

Не имѣя ни достаточнаго количества войскъ, ни безусловно

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани отъ 18-го іюля 1809 года № 42.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

преданныхъ намъ людей въ самой Имеретіи, главнокомандующему приходилось волей-не-волей дѣйствовать на Соломона пока лишь силою убѣжденій, постепенно подготавливая тотъ моментъ, когда „сѣверные орлы войдутъ въ царство премудраго въ древности Соломона“.

Между тѣмъ, царь Имеретіи возобновилъ дѣятельныя сношенія съ турками. Пользуясь тѣмъ, что находившіяся въ Мингреліи войска наши были заняты осадой Поты, Соломонъ выѣхалъ на границу ахалцхскаго пашалыка и имѣлъ здѣсь личное свиданіе съ царевичемъ Александромъ. Въ то же время онъ отправилъ къ пашѣ ахалцхскому зятю своего—князя Малхаза Андроникова и князей Ростомъ Нижерадзе и Рачиса Эристова, которымъ поручилъ склонить Селимъ-пашу на совмѣстныя дѣйствія противъ нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Имеретіи. Столь же настойчиво возбуждалъ Соломонъ и эрзерумскаго сераскира Шерифъ-пашу оказать содѣйствіе осажденному гарнизону крѣпости Поты. Въ самой Имеретіи агенты царя—Кайхосро Церетели, Сехніа Цулукидзе и другіе возбуждали почти поголовное возстаніе противъ насъ. Они заключили союзъ съ жителями Одиши и Лечхума, собрали въ селеніе Апхалаури высшее имеретинское духовенство, князей, дворянъ и народъ, привели ихъ къ присягѣ на вѣрность царю Соломону и взяли съ нихъ клятву не давать нашимъ войскамъ „ни хлѣба, ни воды; ничего имъ не продавать и не впускать въ свои селенія“.

Враждебное намъ настроеніе народа не замедлило сказаться въ самой рѣзкой формѣ. 5-го іюля 1809 года толпа имеретинъ напала у деревни Кгудуани на небольшую команду донскихъ казаковъ, возвращавшихся съ квирильскаго поста въ селеніе Сурамъ <sup>1)</sup>.

Въ концѣ сентября вооруженная партія, подъ предводительствомъ князя Ростомъ Церетели и двухъ бѣглыхъ грузинскихъ князей-преступниковъ Левана и Дмитрія Абашидзе, вторгнулась въ предѣлы Карталиніи и, у селенія Квеби, напала на нашъ артиллерійскій транспортъ, шедшій изъ Тифлиса въ Поты, подъ начальствомъ прапорщика Севарсамидзе. Только благодаря особой стойкости немногочисленнаго прикрытія этого транспорта и подослѣвшей выручки изъ Сурама, удалось отбить нападавшихъ имеретинъ.

<sup>1)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1809 года № 202.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, при слѣдованіи въ Мингрелію баталіона 9-го егерскаго полка, имеретины портили дороги, устраивали на пути баталіона засѣки, разрушали мосты, и вооруженныя толпы ихъ постоянно слѣдовали за колонной, въ безопасномъ, однако, разстояніи отъ нея.

Получивъ извѣстіе о движеніи къ Поти трапезундскаго сраскира Шерифъ-паши, главнокомандующій двинулъ въ Мингрелію два баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Симоновича. Послѣднему предписывалось прежде всего оказать поддержку нашимъ войскамъ, осаждавшимъ крѣпость Поти, пробившись къ нимъ хотя бы „силою оружія“, а затѣмъ вернуться въ Имеретію и всѣми мѣрами водворить въ ней порядокъ. „Зная нѣсколько уже разъ испытанное усердіе ваше къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества, писалъ Тормасовъ Симоновичу, и вашу опытность, я призналъ за нужное избрать васъ къ исполненію священной воли Государя Императора, мнѣ предписанной, дабы рѣшить судьбу имеретинскаго царя Соломона, законнѣлаго въ непокорности и вредныхъ замыслахъ противу войскъ Его Императорскаго Величества, и навсегда удалить его изъ Имеретіи, доставъ въ наши руки непременно, какими бы то ни было мѣрами“ <sup>1)</sup>. При этомъ Симоновичу рекомендовалось на сколько возможно дѣйствовать „съ кротостью и безъ пролитія крови намъ единовѣрныхъ“, прибѣгая къ вооруженной силѣ лишь въ совершенно необходимыхъ къ тому случаяхъ.

Въ помощь Симоновичу посланъ былъ въ Имеретію зять Зураба Церетели, князь Тархановъ, котораго Тормасовъ рекомендовалъ, какъ человѣка, „извѣстнаго по преданности Россіи и посвященнаго еще графомъ Гудовичемъ въ тайны предположенія нашего относительно Имеретіи и владѣтеля ея“. Симоновичу предписывалось дѣйствовать сообща съ Тархановымъ и княземъ Зурабомъ Церетели и „по взаимному совѣту предпринимать рѣшительное дѣло противъ извѣстнаго вассала Россіи, носящаго имя премудраго Соломона“ <sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 11-го октября 1809 года № 103.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Вмѣстѣ съ симъ, озабочиваясь безпрепятственнымъ проходомъ кавказскихъ гренадеръ черезъ Имеретію, Тормасовъ послалъ царю Соломону письмо, въ которомъ просилъ оказать полковнику Симоновичу возможное содѣйствіе. „Къ этому обязываетъ ваше высокочество, писалъ Тормасовъ, данная вами предъ Богомъ присяга на вѣчную вѣрность всемилостивѣйшему и великому нашему Государю Императору, также собственная безопасность и польза царства вашегр“<sup>1)</sup>. Но Соломонъ не только не оказалъ Симоновичу никакого содѣйствія, но, наоборотъ, явно старался затруднить движеніе его черезъ Имеретію.

Выступивъ 23-го октября 1809 года изъ урочища Али, кавказскіе гренадеры 5-го ноября прибыли въ Кутаисъ, преодолевая почти на каждомъ переходѣ воздвигнутыя имеретинами препятствія, въ видѣ засѣкъ, перекопанныхъ дорогъ, разрушенныхъ мостовъ и т. п. У деревни же Нинезаври собрались, подъ предводительствомъ князя Койхосро Церетели, вооруженныя толпы имеретинъ, которые, однако, не отважились напасть на нашихъ гренадеръ. Простоявъ пять дней въ Кутаисѣ, Симоновичъ двинулся далѣе къ Поті, куда и прибылъ 16-го ноября. Но такъ какъ къ этому времени крѣпость была уже взята нами, то Симоновичъ, исполняя предписаніе Тормасова, возвратился обратно въ Кутаисъ и расположилъ свои войска частью въ горійскомъ уѣздѣ, а частью—въ деревняхъ, принадлежавшихъ князю Зурабу Церетели.

Въ это время главнокомандующій, снисходя къ просьбѣ генералъ-маіора князя Орбеліани, уволил его отъ командованія нашими войсками, расположенными въ приріонскомъ краѣ, и вмѣсто него назначилъ полковника Симоновича. Извѣщая послѣдняго объ этомъ назначеніи, Тормасовъ присовокуплялъ, что „я никакъ не отступаю отъ прежняго плана, развѣ бы только, при вашемъ усердіи къ службѣ, вы предусмотрѣли, что никакимъ образомъ нельзя будетъ имѣть въ нашихъ рукахъ царя Соломона, что послѣдствія при открытыхъ вашихъ дѣйствіяхъ могутъ быть вредны для того края и что по обстоятельствамъ гораздо полезнѣе можетъ быть признано, чтобы, съ главою царства примирясь, оставить его при

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 209.

прежнемъ управленіи, но ограничивъ его сколько можно больше. Тогда, можеть быть, я дамъ вамъ особья повелѣнія, но никогда я не соглашусь на другія условія, какъ только, чтобы Соломонъ немедленно избралъ пребываніемъ своимъ Кутаисъ, даль-бы по мосму выбору депутатовъ, прислалъ-бы въ Тифлисъ аманатовъ по мосму же назначенію, выдалъ-бы царевича Константина съ его семействомъ и обязался-бы на правилахъ, кои я ему предложу въ дополненіе прежде уже заключеннаго съ нимъ трактата на вѣчное подданство всероссійской имперіи, никогда не отступать отъ сихъ правилъ и вести себя, какъ прилично истинному вѣрноподданному Его Императорскаго Величества“ <sup>1)</sup>).

Очевидно, главнокомандующіи все еще не терялъ надежды ограничиться мирнымъ улаженіемъ имеретинскихъ дѣлъ.

Но безразсудно-упрямый Соломонъ рѣшительно не хотѣлъ идти на встрѣчу желаніямъ генерала Торماسова, и чаша терпѣнія нашего вскорѣ была переполнена.

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Торماسова полковнику Симоновичу отъ 16-го декабря 1809 года № 143.



## Глава V.

Новый командующий войсками въ Имеретіи—полковникъ Симоновичъ. Отношенія къ намъ царя Соломона послѣ паденія крѣпости Поті. Дѣятельность князя Зураба Церетели. Письмо Соломона къ Тормасову. Мѣры, принятыя главнокомандующимъ для воздѣйствія на царя Соломона. Сосредоточеніе нашихъ войскъ. Письмо Тормасова къ Соломону и прокламація къ населенію Имеретіи. Командировка въ Варъ-цихе надворнаго совѣтника Могилевскаго. Вторженіе нашихъ войскъ въ Имеретію. Переговоры съ царемъ Соломономъ. Обнародованіе Симоновичемъ прокламаціи главнокомандующаго и приведеніе къ присягѣ жителей Кутаиса.

Полковникъ Симоновичъ, искусству котораго главнокомандующій вручилъ дѣло успокоенія Имеретіи, уже пользовался въ кавказскихъ войскахъ репутаціей офицера, выдающагося по способностямъ, энергіи и личной храбрости.

Происходя изъ балканскихъ славянъ, Симоновичъ получилъ военное образованіе въ рядахъ австрійской арміи, изъ которой въ 1793 году перешелъ въ русскую службу поручикомъ. Босвая репутація его начинается съ того времени, какъ въ 1801 году Кавказскій гренадерскій полкъ, въ которомъ Симоновичъ былъ уже подполковникомъ, пришелъ въ Грузію и выдѣлилъ одинъ изъ своихъ баталіоновъ къ границамъ Имеретіи—въ Сурамъ и Гори. Здѣсь кавказскимъ гренадерамъ, подъ начальствомъ Симоновича, пришлось сразу упрочить свою боевую репутацію смѣлыми побѣдами надъ лезгинами, служившими наемниками въ пограничныхъ турецкихъ пашалыкахъ. Трудная экспедиція въ Осетію, среди зимы 1802 года, доставила подполковнику Симоновичу весьма рѣдкую для его чина награду—св. Владиміра 3-й степени, а циціановскій штурмъ Ганжи далъ ему и Георгіевскій крестъ. Въ войнахъ Гудовича Симоновичъ принимаетъ дѣятельное участіе и оказываетъ выдающіяся качества военачальника при осадѣ Ахалкалакъ, въ сраженіи на Арпачаѣ и, наконецъ, на штурмѣ Эривани, гдѣ онъ былъ

тяжело раненъ въ голову. Энергичный, смѣлый, одаренный большими способностями—Симоновичъ вполне соответствовалъ трудной задачѣ, возложенной на него генераломъ Тормасовымъ, и обѣщаль болѣе рѣшительные успѣхи, чѣмъ то было при генераль-маіорѣ Орбеліани. Преимущества Симоновича заключались еще и въ томъ, что назначенія его командующимъ войсками въ Имеретіи весьма желалъ князь Зурабъ Церетели, на котораго мы встаки продолжали возлагать нѣкоторыя надежды, несмотря на неоднократныя доказательства сомнительной вѣрности намъ этого двуличнаго честолюбца.

Съ паденіемъ крѣпости Поти мы приобрѣтали возможность обратить противъ Имеретіи всѣ наши силы, находившіяся въ западномъ Закавказьѣ, и получали, вообще, большую свободу дѣйствій въ этомъ краѣ. Такая перемѣна въ нашемъ положеніи, конечно, не могла укрыться отъ царя Соломона, потерявшаго къ тому же надежду на поддержку турокъ. Разбитый у Поти, Шерифъ-паша бросился въ Ахалцыхъ, изгналъ оттуда Селимъ-пашу и занялъ былъ теперь болѣе упроченіемъ своего собственнаго положенія, чѣмъ мыслью о поддержкѣ Соломона. Видя приближеніе роковой развязки, царь Имеретіи рѣшилъ оттянуть время до весны, когда разлившіяся рѣки, распустившіяся болота и покрытые листвою лѣса дадутъ въ его руки болѣе средствъ обороны. Въ этихъ цѣляхъ, вскорѣ послѣ разгрома Шерифъ-паши, князь Зурабъ Церетели, несомнѣнно по порученію царя Соломона, обратился къ Тормасову съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „царь нашъ старается всѣми своими силами быть покорнѣйшимъ рабомъ Его Величества и просить, чтобы вы, обративъ на него милостивое вниманіе, доставили ему надежду въ царствованіи его и въ безпечномъ житіи“<sup>1)</sup>.

На это генераль Тормасовъ отвѣчалъ, что послѣ четырехлѣтняго несоотвѣтственнаго поведенія царя Соломона и того открыто-враждебнаго отношенія къ намъ, которое выказывалось имъ въ самое послѣднее время,—трудно вѣрить, чтобы онъ могъ когда-либо искренно обратиться на путь истинный и чистосердечно быть преданнымъ Россіи. „Поэтому, писалъ Тормасовъ, считаю необходи-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 292.

мымъ въ нынѣшнее время привести въ дѣйстви́е священную волю Его Императорскаго Величества и, единожды навсегда рѣшивъ участь царя Соломона, возстановить прочное спокойствіе въ Имеретіи, которое никогда не могло бы существовать при его управленіи“<sup>1)</sup>). При этомъ Тормасовъ, какъ бы разгадывая истинное значеніе полученнаго имъ отъ князя Зураба Церетели письма, добавлялъ: „сказать вамъ откровенно, что я удивился, увидѣвъ изъ письма вашего ко мнѣ, что вы въ то самое время, когда настала теперь удобнѣйшій случай кончить извѣстное вамъ предпріятіе и исполнить волю Его Императорскаго Величества наклонны къ тому, чтобы оставить царя Соломона при прежнемъ его правленіи“.

На упреки главнокомандующаго въ нерѣшительности, князь Церетели оправдывался, говоря: „въ настоящее время я не могу открыто дѣйствовать, ибо не знаю, въ кой часъ убьютъ меня за вѣрность вамъ; даже и теперь намѣревались меня убить, для чего племянникъ мой Кайхосро, по азіатскому коварству, уже обязалъ клятвою подобныхъ себѣ людей“<sup>2)</sup>). Однако, увѣренія князя Церетели въ опасности, угрожавшей жизни его, были совершенно напрасны. Не становясь открыто на нашу сторону, онъ продолжалъ двуличничать: Симоновича убѣждалъ прекратить преслѣдованіе Соломона и оставить его, по прежнему, царемъ Имеретіи; Тормасова же, наоборотъ, торопилъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. „Опять скажу, писалъ Церетели главнокомандующему, что не нужно медлить съ этимъ дѣломъ, ибо непріатели ждутъ лѣта, когда васъ отвлекутъ различныя дѣла, а они въ распустившихся лѣсахъ укрѣпятся, а затѣмъ придетъ Баба-ханъ, который наказывалъ посланцу Соломона сказать отъ его имени, что „если-де я ношу бороду, то долженъ исторгнуть васъ изъ подъ власти русскихъ“. Знайте, государь мой, добавлялъ Церетели для большей убѣдительности, дураку нужна палка для его образумленія; эту мысль не надо упускать изъ виду, ибо, какъ уроженецъ этой земли, я знаю, какимъ путемъ болѣе можно привлечь здѣшнихъ людей“<sup>3)</sup>).

Благодаря такому противорѣчію, Тормасовъ рѣшительно не зналъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 293.

<sup>2)</sup> Письмо князя Зураба Церетели генералу Тормасову 30-го декабря 1809 года.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 214.

къ какому соглашенію пришли, наконецъ, въ Имеретіи Симоновичъ и князь Церетели. Эта неизвѣстность ставила главнокомандующаго въ тѣмъ большее затрудненіе, что какъ разъ въ это время прибылъ въ Тифлисъ дворянинъ Мачаваріани съ письмомъ Соломона, и Тормасовъ, не зная какъ отвѣчать на это письмо, продержалъ Мачаваріани 10 дней, въ ожиданіи извѣстій отъ Симоновича, но, такъ и не дождавшись ихъ, отпустилъ, наконецъ, посланца „съ отвѣтомъ, ничего въ себѣ не заключающемъ“ <sup>1)</sup>.

Между тѣмъ, Соломонъ, вѣрный своему плану—оттянуть время до весны, прислалъ Тормасову, въ началѣ января 1810 года, второе письмо, доставленное въ Тифлисъ митрополитомъ Софроніемъ, княземъ Ростомомъ Абашидзе и протопопомъ Николасмъ Габони. Въ письмѣ этомъ, перечисляя всѣ обиды и притѣсненія отъ насъ, Соломонъ доказывалъ, что не онъ первый нарушилъ условія, на которыхъ вступилъ при Циціановѣ въ русское подданство.

„Милостивый государь мой, писалъ онъ Тормасову <sup>2)</sup>, повѣрь мнѣ, какъ особѣ честной и какъ царю-христіанину, что я съ великимъ усердіемъ желаю служить со всею возможностью моею и моего царства войскамъ россійскимъ. Я многократно объявлялъ вамъ въ письмѣ, что предшественники ваши нарушали клятву, условіе и обязательство и не соблюли ихъ свято. Если же свято сохранили, то—

1. Гдѣ наслѣдственное владѣніе мое Лечхумъ, съ коимъ я вошелъ подъ покровительство и о коемъ я имѣю подъ страшною клятвою обѣщаніе и подписку кн. Циціанова?

2. Если соблюдали свято, то въ центрѣ Лечхума мы имѣли крѣпость Дехвири, гарнизонъ которой былъ истребленъ тамошними обывателями; мы просили по этому дѣлу суда, но вмѣсто того отобрали отъ насъ крѣпость и отдали ее Дадіани?

3. Если соблюдали свято, то мы запечатали въ нашемъ городѣ Кутаисѣ лавку нашего торговца; но, въ противность намъ, статскій полковникъ <sup>3)</sup> сорвалъ царскую нашу печать, сломалъ лавку, взялъ изъ нея товаръ и отдалъ купцу, бывшему подъ нашимъ гнѣвомъ.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 294.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 299 стр. 216. Письмо царя Соломона генералу Тормасову отъ 5-го января 1810 года.

<sup>3)</sup> Вѣроятно, правитель Грузіи, с. с. Литвиновъ.

4. Если соблюдали свято,—Цшцшповъ объявилъ намъ между прочими пунктами, чтобы въ нашемъ царствѣ стояла малая часть войска,— одна рота въ 120 человѣкъ, гдѣ я пожелаю, въ силу чего и былъ поставленъ одинъ маіоръ съ 120 солдатами. А теперь, безъ моего спроса и тамъ, гдѣ я не желаю, стоитъ множество войска?

5. Если сохранили свято,—мы имѣемъ подписку и обѣщаніе фельдмаршала Гудовича, что кромѣ рекрутъ, на мѣсто умершихъ въ Имеретіи, не войдетъ ни одинъ вооруженный солдатъ. А теперь полки тамъ зимуютъ?

6. Если сохранили свято, то почему отняли у насъ городъ нашъ Кутаисъ, гдѣ уже столько лѣтъ мы не имѣемъ пребыванія?

7. Если сохранили свято,—въ Кутаисѣ, во дворцѣ нашемъ, въ самой спальнѣ нашей, нижніе чины держатъ наложницъ—служанокъ, отнятыхъ у нашихъ же князей?

8. Если сохранили свято,—для чего разрушили до основанія царскій нашъ дворецъ въ Кутаисѣ?

9. Если сохранили свято,—почему солдаты схватили въ Кутаисѣ самого зятя моего, изъ первыхъ князей Имеретіи, Давида Цулукидзе, волочили его, били, расшибли ему голову, и онъ, весь окровавленный, предсталъ предъ нами? Поэтому случаю мы просили суда, но намъ отвѣчали, что хотя Цулукидзе не имѣлъ никакой вины, но солдаты узнать его не могли, иначе они его-бы не побили.

10. Если сохранили свято, то русскія войска столько лѣтъ стоятъ въ нашемъ царствѣ, какъ у себя дома, продовольствуясь отъ насъ дровами, квартирами, провіантомъ, фуражомъ, быками, лошадьми, арбами, пищею и питьемъ, мирно проводя лѣто и зиму; между тѣмъ, вмѣсто благодарности, ругаютъ насъ и презираютъ нашихъ князей и благородныхъ.

„Чтобы не распространять письма, продолжалъ Соломонъ, не описываю многихъ другихъ обидъ, наносимыхъ мнѣ безъ пользы для Россіи; но спрашиваю, ваше высокопревосходительство, милостивый государь мой! взглянувъ на вышеописанное, скажите: гдѣ святость соблюденія и неизмѣнность условій и обязательствъ вашихъ предшественниковъ? Но я, по единоврѣію и изъ боязни все-

милостивѣйшаго государя моего, изложилъ вновь тѣ же пункты, Циціановымъ написанныя, за исключеніемъ невозможнаго, такъ какъ невозможное безосновательно и подвержено скорому нарушенію, и, желая навѣки неизмѣнно пребывать въ возможномъ для меня обязательствѣ, представляю тѣ пункты на благочестивое ваше разсмотрѣніе. О депутатахъ же (которыхъ вы требуете поименно) разумѣю, что правило должно быть таково, чтобы царскими депутатами были тѣ лица, на которыхъ можетъ успокоиться мысль царя ихъ; но изъ уваженія къ вамъ, пусть одинъ будетъ назначенъ по вашему выбору, а остальные будутъ избраны мною и отправятся, по утвержденіи высочайшею грамотою сихъ новыхъ пунктовъ. Относительно аманатовъ никогда мною не было говорено ни вашимъ предмѣстникамъ, ни здѣсь находящимся военачальникамъ. Да и къ чему нуженъ мой аманатъ великому императору? Если же гдѣ нибудь есть мое письмо объ отдачѣ аманата, кромѣ отказа въ этомъ, то я представлю его вашему высокопревосходительству. Въ заключеніе, усердно прошу васъ, въ довершеніе сего вѣчнаго благоустройства и для изясненія предъ вами благопріемлемыхъ думъ моихъ, прислать ко мнѣ г. Павла Могилевскаго<sup>1)</sup>.

Къ письму были приложены „пункты новой обязанности“, на которыхъ царь Имеретіи находилъ возможнымъ состоять въ нашемъ подданствѣ<sup>2)</sup>.

Таковы были претензіи царя Соломона. Удовлетворить большую часть ихъ, конечно, не представилось бы никакого затрудненія, если бы Соломонъ согласился возвратиться въ Кутаисъ и лично объяснялся-бы здѣсь съ представителями нашей власти. Объ этомъ не разъ писали ему и Гудовичъ, и Тормасовъ. Но Соломонъ упорствовалъ и продолжалъ скитаться въ глухихъ лѣсныхъ трущобахъ, боясь какой-либо съ нашей стороны „измѣны“.

Въ этой подозрительности постоянно утверждали царя и сопутствовавшіе ему князья. Послѣдніе всегда были хорошо освѣдомлены относительно нашихъ плановъ, тѣмъ болѣе, что князь Орбс-

---

<sup>1)</sup> Надворный совѣтникъ Могилевскій былъ правителемъ канцеляріи главнокомандующаго, генерала Тормасова.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 217.

ліани велъ дѣло такъ, что самъ главнокомандующій долженъ былъ въ концѣ концовъ сдѣлать ему упрекъ въ большой неосторожности. „Вижу, писалъ Тормасовъ, что главная цѣль вашей миссіи (захватить Соломона) извѣстна стала не только царю, но и цѣлому свѣту“ <sup>1)</sup>. Назначенному-же вмѣсто Орбеліани Симоновичу предписано было дѣйствовать не иначе, какъ сообща съ княземъ Зурабомъ Церетели. А это, при извѣстномъ двуличіи сахлтъ-хучеса, становилось равносильнымъ открытому оповѣщенію Соломона о нашихъ планахъ. Одинъ изъ таковыхъ, между прочимъ, былъ выработанъ Симоновичемъ совмѣстно въ княземъ Зурабомъ Церетели и состоялъ въ томъ, чтобы, „посредствомъ ласковаго обращенія съ царемъ, надеживая его въ безопасности и въ вознагражденіи за Лечхумъ и разоренный его здѣсь (въ Кутаисѣ) дворецъ, успѣть довести до такой довѣренности, чтобы онъ согласился: переѣхать жить въ Кутаисъ, послать въ С.-Петербургъ депутатовъ, дать въ аманаты царевича Константина и важнѣйшихъ, по назначенію, князей, а затѣмъ, когда все сіе было бы исполнено, тогда, избравъ удобное время, схватить его и препроводить въ Тифлисъ“ <sup>2)</sup>.

Развитію подозрительности царя не мало способствовало и постепенное сосредоточеніе нашихъ войскъ въ Имеретію, что мы объясняли желаніемъ обезпечить эту область со стороны ахалцыхскихъ турокъ. Но Соломонъ на это возражалъ: „говорятъ, что въ Кутаисѣ войско стоитъ для охраненія города отъ опасности со стороны Ахалцыха. Но, во-первыхъ, ни зимою, ни лѣтомъ нѣтъ дороги отряду изъ Ахалцыха въ Кутаисъ и не можетъ быть. Непріятель можетъ угрожать имеретинскимъ деревнямъ развѣ только по карталинской дорогѣ—со стороны Сурама. Во-вторыхъ, въ мое царствованіе еще не было нашей землѣ никакого изъяна отъ татаръ, да мы ихъ и не боимся“ <sup>3)</sup>,

Однако, каковы бы ни были претензіи царя Соломона, тѣмъ не менѣе, настаивать на измѣненіи статей уже утвержденнаго въ 1804

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани, 17 іюля 1800 года № 66.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 12-го декабря 1809 г. № 1480.

<sup>3)</sup> Письмо Соломона отъ 11-го іюля 1808 года. Акты кавк. археогр. ком., т. III.

году договора о подданствѣ было съ его стороны большимъ легкомыслиемъ, особенно послѣ того, какъ Тормасовъ совершенно определенно высказалъ ему на это свой взглядъ. „Не могу даже помыслить, писалъ онъ Соломону еще въ декабрѣ мѣсяцѣ, всеподданнѣйше донести и утруждать всеавгустѣйшаго монарха о перемѣнѣ трактата, съ вашимъ высочествомъ уже заключеннаго на подданство ваше всероссійской имперіи, и о постановленіи новыхъ пунктовъ, и осмѣлится когда либо рѣшиться самъ собою приступить къ заключенію съ вами новаго постановленія, увѣренъ будучи, что сіе никогда не будетъ благоугодно Его Императорскому Величеству, поколику всякій трактатъ, однажды заключенный не только со столь сильнымъ и могущественнымъ монархомъ, каковъ нашъ Всероссійскій Государь Императоръ, но хотя-бы сіе было и съ партикулярнымъ человѣкомъ, долженъ быть на вѣки святъ и непремѣняемъ“<sup>1)</sup>.

Предвидя невозможность склонить Соломона къ безусловной покорности одними убѣжденіями, Тормасовъ предписывалъ Симоновичу принять всѣ мѣры къ ослабленію царя. Въ этихъ цѣляхъ, въ Кутаисъ посланы были грузинскіе князья Елизбаръ Эристовъ и капитанъ Амираджибовъ съ тѣмъ, чтобы, при помощи имѣвшихся у нихъ въ Имеретіи родственныхъ связей, содѣйствовать Симоновичу въ образованіи преданной намъ партіи, особенно среди вліятельнаго въ народѣ духовенства. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Тормасовъ предписывалъ заручиться содѣйствіемъ намъ гурійцевъ и мингрельцевъ и возбудить противъ Соломона населеніе Рачи, обѣщая отдать потомъ эту область въ управленіе князю Зурабу Церетели. „Особливо старайтесь, писалъ главнокомандующій Симоновичу, по всей вашей возможности склонить къ себѣ князя Леонидзе, который, будучи человѣкъ пронырливый и хитрый, привыкъ уже къ разнымъ перемѣнамъ, измѣнивъ семи царямъ, и который за деньги и обѣщанія можетъ и теперь сдѣлать тоже“<sup>2)</sup>.

Всѣ эти мѣры должны были облегчить задачу нашимъ вооруженнымъ силамъ, которыя Тормасовъ сосредоточилъ къ Гори и Сураму, поручивъ начальствовавшему этими войсками полковнику

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова къ царю Соломону, отъ 12-го декабря 1809 года.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу 20-го января 1810 года № 9.



Стало двинуть ихъ, по первому требованію Симоновича, въ предѣлы Имеретіи. При этомъ предписывалось: <sup>1)</sup>

Расположенному въ Гори баталіону 9-го егерскаго полка, съ двумя орудіями, подъ командою маіора Прибыловскаго, двинуться черезъ селеніе Али на Картохти, въ имѣнія князя Зураба Церетели. Двѣ роты, съ однимъ орудіемъ, должны занять селеніе Сачхери, а другія двѣ роты, также съ однимъ орудіемъ—селеніе Свири.

Стоявшій въ Сурамѣ, подъ начальствомъ маіора Реута, другой баталіонъ 9-го егерскаго полка, съ двумя орудіями, долженъ былъ двигаться, черезъ селеніе Кетинисхеви, на селеніе Шсмавали, причѣмъ въ послѣднемъ останавливались двѣ роты, съ однимъ орудіемъ, а другія двѣ роты, также съ орудіемъ, двигались далѣе, черезъ Ваханъ, на Зедубани и Лосіатхеви.

Войска эти должны были по пути своего движенія приводить населеніе къ присягѣ. Для этого, въ составъ колоннъ командировались главнокомандующимъ: горійскій маршалъ князь Амилахвари, подполковникъ князь Луарсабъ Орбеліани, маіоръ князь Авесаломъ Бсбутовъ и капитанъ князь Абамеликовъ, на которыхъ возложено было „внушать силу прокламаціи главнокомандующаго въ подробности жителямъ имеретинскимъ“ <sup>2)</sup>. Кромѣ того, генераль Тормасовъ предписывалъ Симоновичу: „подъ предлогомъ предпріятія на Ахалцыхъ, соберите вашъ полкъ и два баталіона Бѣлевскаго полка, оставя третій въ Поті и Редуть-кале, и имѣйте все въ готовности, чтобы окружить сими войсками убѣжище царя со всѣхъ сторонъ, развѣдавъ заблаговременно о тѣхъ дорогахъ, коими бы онъ могъ предпринять скрыться въ Ахалцыхъ или въ горы къ кабардинцамъ“ <sup>3)</sup>.

Принимая указанныя выше мѣры, генераль Тормасовъ все еще не покидалъ надежды убѣдить Соломона добровольно покориться нашимъ требованіямъ. Съ этой цѣлью, Симоновичу предписывалось исправить на счетъ казны разрушенный царскій дворецъ въ Кутаисѣ и настоять на скорѣйшей присылкѣ въ Тифлисъ, для личныхъ перего-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу 20-го января 1810 года № 9.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 307.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 308.

воровъ съ главнокомандующимъ, митрополита Генатели, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Имеретіи и отличавшагося въ то время несомнѣнной преданностью намъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Тормасовъ еще разъ обратился къ царю Соломону съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Не скрою болѣе предъ вами, что долготерпѣніе Его Императорскаго Величества въ продолженіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, въ кои вы осмѣлились послушаться непремѣнной воли всемилостивѣйшаго и великаго государя императора, преобратилось нынѣ въ праведный его гнѣвъ, почему я имѣю обязанностью объявить нынѣ вашему высочеству, что Его Императорское Величество повелѣтъ мнѣ соизволилъ безотлагательно привести васъ въ покорность, а, въ случаѣ упорства вашего, удалить навсегда отъ управленія царствомъ имеретинскимъ, для спокойствія и блага народа. Я, однако же, зная неизрѣченно-милосердное и чловѣколюбивое сердце моего всеильнаго государя императора, почелъ за долгъ, изъ единаго моего къ вамъ усердія, еще въ послѣдній разъ предложить вашему высочеству, прежде нежели приступлю къ формальному исполненію моей обязанности, слѣдующія условія, которыя, если будутъ вами исполнены, то поведутъ васъ къ незыблемому счастью и благоденствію, поколику кроткое сердце Его Величества всегда готово миловать чистосердечно кающихся въ своихъ поступкахъ“<sup>1)</sup>).

Далѣе слѣдовали условія:

1. Представить Симоновичу не болѣе какъ черезъ три дня въ аманаты и для отправленія въ С.-Петербургъ депутатами къ высочайшему двору: царевича Константина, зятя царя—Малхаза Андроникова, и князей: Соломона Леонидзе, Сехніа Цулукидзе, Кайхосро Цертели и Ростома Нижерадзе.

2. Переѣхать немедленно на жительство въ Кутаисъ.

и 3. Отправить съ депутатами всеподданнѣйшее прошеніе, въ коемъ, по принесеніи вѣрноподданнической благодарности за принятіе имеретинскаго царства въ вѣчное покровительство и подданство всероссійской имперіи, просить отъ милосердія государя императора прошенія въ прежнихъ поступкахъ и обязаться на будущее

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова къ царю Соломону 21-го января 1810 года № 7.

время сохранять долгъ вѣрнопопданнаго въ безмолвномъ повиновеніи, не отступая даже и помышленіемъ отъ присяги и силы заключеннаго трактата.

„Тогда я, продолжалъ Тормасовъ, клянусь живымъ Богомъ и священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества, что ваше высочество не только останетесь безвредны при управленіи царствомъ, высочайше вамъ ввѣреннымъ, со всѣми правами и преимуществами, трактатомъ вамъ предоставленными, но и удостоитесь еще отъ неисчерпаемыхъ щедротъ государя императора получить обильныя милости. Въ противномъ же случаѣ, я обязанъ буду исполнить волю всесильнаго моего монарха, имѣя мечъ уже поднятый для казанія преслушныхъ священной волѣ Его, и, удаливъ васъ навѣки отъ управленія царствомъ имеретинскимъ, займусь устроченіемъ блага вѣрнопопданнаго Россіи народа имеретинскаго“.

Далѣе Тормасовъ, перечисляя всѣ преступленія противъ насъ царя Соломона, писалъ: „Преступленій же вашихъ, въ противность обязанностей и присяги, во имя всемогущаго Бога вами данной, считаю за излишнее пояснять здѣсь, увѣренъ будучи, что собственная совѣсть ваша напомнитъ вашему высочеству, что цѣлыя пять лѣтъ вы упорствовали по силѣ трактата и присяги своей отправить депутатовъ, имѣли непріятельскія сношенія съ персидскимъ правительствомъ, съ бѣглымъ бывшимъ царевичемъ Александромъ, также съ ахалцыхскимъ Селимъ-пашою и съ сераскиромъ трапезондскимъ, предлагавши сему послѣднему дать и аманатовъ въ залогъ вашего съ нимъ согласія на вредъ російскимъ войскамъ, осаждавшимъ кр. Поті; наконецъ, чтобы пресѣчь сообщеніе съ сими войсками, приказали разграбить казачій постъ, гдѣ и убить одинъ казакъ, также непріятельски атаковать пороховой транспортъ и заградить дорогу полковнику Симоновичу, слѣдовавшему съ войсками на вспоможеніе отряду, осаждавшему кр. Поті“.

Письмо заканчивалось словами: „молю благость всемогущаго Бога, чтобы Онъ святою силою вселилъ въ васъ спасительныя мысли и даровалъ вамъ черезъ то спокойствіе и ненарушимое благоденствіе, коего лишаютъ васъ злые ваши совѣщатели, желающіе гибели вамъ и собственному своему отечеству“.

Симоновичу предписывалось, передавая это письмо царю Соломону, потребовать въ трехдневный срокъ исполненія условій, выраженныхъ въ немъ, и, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства царя, двинуть войска въ предѣлы Имеретин, обнародовавъ вмѣстѣ съ тѣмъ присланную главнокомандующимъ прокламацію. Въ послѣдней оповѣщались приведенныя выше преступленія, за которыя высочайше повелѣвалось „удалить царя Соломона вовсе отъ управленія имеретинскимъ царствомъ, какъ явнаго противника священной волѣ Его Императорскаго Величества, нарушителя народнаго спокойствія и трактата, имъ заключеннаго, и какъ клятвопреступника, измѣнившаго государю императору и данной имъ передъ Богомъ на св. евангеліи присягѣ“<sup>1)</sup>. Поэтому, главнокомандующій обращался къ „благороднѣйшимъ сословіямъ Имеретіи—духовенству, князьямъ и дворянамъ, призывая, обще со всѣмъ народомъ, именемъ великаго государя императора, не обинуясь, принявъ присягу на вѣчную вѣрность подданства его императорскому величеству, признать и покориться единой и непремѣнной верховной власти могущественнѣйшаго и славнѣйшаго Россійскаго государя императора, отвергнувъ навсегда всякую зависимость отъ бывшаго царя Соломона, правосудіемъ его величества отчужденнаго отъ управленія царствомъ, и навсегда прекратить съ нимъ всякія явныя и тайныя связи, сношенія или даже переговоры черезъ постороннихъ людей, опасаясь навлечь на себя несминусмыя бѣдствія, когда сіе будетъ открыто“. Далѣе въ прокламаціи объявлялось объ учрежденіи „временнаго имеретинскаго правленія“ изъ почетнѣйшаго имеретинскаго дворянства, съ предсѣдательствованіемъ россійскаго чиновника, кои, „сообразуясь умоначертанію и народнымъ обычаямъ, будутъ управлять съ кротостью и милосердіемъ и займутся единственно благоустройствомъ и счастьемъ народнымъ“.

Приведенныя выше письмо и прокламація генерала Торماسова были отправлены Симоновичу, еще до полученія главнокомандующимъ просьбы царя Соломона прислать въ Имеретію надворнаго совѣтника Могилевскаго. Уступая этой просьбѣ, Тормасовъ написалъ Симоновичу повременить передачей письма и обнародова-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 219.

пісмъ прокламаціи до выясненія результатовъ свиданія Соломона съ Могилевскимъ. Послѣднему, передъ отправленіемъ его въ Имеретію, Тормасовъ поручилъ лично передать царю особое письмо, въ которомъ категорически отказывалъ принять „пункты новой обязанности“ и совѣтывалъ Соломону немедленно исполнить не разъ уже предъявлявшіяся къ нему требованія <sup>1)</sup>).

Командировка Могилевского ускорила развязку имеретинскихъ дѣлъ.

Во время переговоровъ въ Варъ-цихе Соломонъ былъ въ крайне-удрученномъ состояніи. Съ сильнымъ волненіемъ принялъ онъ изъ рукъ Могилевского письмо Тормасова и даже не сразу рѣшился распечатать его. Обычное малодушіе и нерѣшительность охватили царя. Онъ не зналъ на чемъ остановиться: исполнить ли требованіе Могилевского, или послѣдовать совѣту окружавшихъ его князей, особенно—Леонидзе и Кайхосро Церетели, всѣми мѣрами возбуждавшихъ упрямство царя. Соломонъ колебался, находясь подъ гнѣтомъ тяжелыхъ душевныхъ мукъ. Минута была рѣшительная. И, быть можетъ, при большемъ искусствѣ и терпѣніи, Могилевскому удалось бы найти, наконецъ, пункты къ взаимному соглашенію, тѣмъ болѣе, что и самъ Соломонъ мало-по-малу начиналъ выказывать нѣкоторую уступчивость. Но Могилевскій придалъ своей миссіи слишкомъ оффиціальныи характеръ и настойчиво добивался лишь категорическаго на свои требованія отвѣта: „да, или нѣтъ“, а въ понятномъ колебаніи царя видѣлъ лишь намѣреніе „провоlochъ время“.

Прошли сутки въ безконечныхъ переговорахъ, которые Соломонъ велъ съ Могилевскимъ и лично, и черезъ довѣренныхъ лицъ. На попытки царя прійти къ соглашенію, путемъ нѣкоторыхъ взаимныхъ уступокъ, Могилевскій отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ ни прибавлять, ни умалять что либо изъ объявленныхъ уже имъ предложеній, и что онъ посланъ не съ чѣмъ либо другимъ, какъ только „въ уваженіе желанія царя видѣться съ нимъ, для открытія сокровенныхъ своихъ мыслей, для объясненія съ своей стороны послѣднихъ рѣшительныхъ предложеній главнокомандую-

---

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова царю Соломону, отъ 29-го января 1810 года № 20.

шаго и для узнанія отъ царя прямого на оныя отвѣта“ <sup>1)</sup>). При этомъ Могилевскій прибавилъ, что въ угодность царю онъ можетъ сдѣлать только то, что немедленно отправить къ Торماسову нарочнаго курьера, съ донесеніемъ о мысляхъ и желаніяхъ Соломона, на тотъ случай, что, быть можетъ, главнокомандующій найдетъ возможнымъ сдѣлать ему „какое либо уваженіе“.

„Сей отвѣтъ мой, доносилъ Могилевскій Тормасову <sup>2)</sup>), былъ принятъ съ удовольствіемъ, и я позванъ былъ къ царю, гдѣ опять, при полномъ уже собраніи князей и духовенства, повторилъ, что одно безотлагательное исполненіе сихъ предложеній можетъ доставить его высочеству истинное счастье, и что нѣтъ уже ему другихъ путей къ умиловленію государя императора, какъ только единая во всемъ покорность священной его волѣ. Послѣ чего я тотчасъ началъ откланиваться царю, который крайне удивился, что я уѣзжаю въ Кутаисъ, и убѣдительно просилъ меня остаться у него въ Варъ-цихе, до полученія отвѣта отъ вашего высокопревосходительства на мое донесеніе; но я подъ разными предлогами отъ того отказался, сказавъ, что я всегда въ распоряженіяхъ его высочества, и что могу изъ Кутаиса пріѣзжать къ нему въ Варъ-цихе, когда случится какая надобность или угодно ему будетъ со мною говорить. Симъ окончилось послѣднее свиданіе, и я уѣхалъ“.

Донося пространно главнокомандующему о подробностяхъ пребыванія своего въ Варъ-цихе, Могилевскій сообщалъ, что въ Имперіи стоитъ уже весна, рѣки начали разливаться и деревья распускаются. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ добавлялъ: „Странно мнѣ показалось то, что изъ чиновниковъ царскихъ, съ которыми я имѣлъ случаи говорить наединѣ, каждый хвалился, что онъ все можетъ сдѣлать у царя, да и дѣйствительно, они говорятъ правду, потому что царь слушаетъ совѣтовъ даже и послѣдняго человѣка, кто только шутаетъ его русскими. Слѣдовательно, мудроно весьма учредить тамъ благоустройство и порядокъ, гдѣ управляетъ человѣкъ, болящій духомъ и тѣломъ, коего умомъ и даже помышленіемъ владѣютъ другіе“ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Рапортъ надворн. совѣтн. Могилевскаго генералу Тормасову отъ 12-го февраля 1810 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 228.

Таковы были впечатлѣнія Могилевскаго, вынесенныя имъ изъ суточного пребыванія въ Варъ-цихе.

Въ Кутаисъ онъ вернулся 11-го февраля и, одновременно съ отправленіемъ донесенія Торماسову о результатахъ переговоровъ своихъ съ Соломономъ, не выждавъ отвѣта главнокомандующаго, тутъ же сообщилъ Симоновичу о необходимости приступить къ принятію рѣшительнаго воздѣйствія на царя Имеретіи. Симоновичъ въ тотъ же день послалъ нарочныхъ къ правителямъ Мингреліи и Гуріи, а также въ Сурамъ къ полковнику Сталю, прося первыхъ приблизиться къ границамъ Имеретіи, а послѣдняго—двинуть егерскіе баталіоны къ пунктамъ, указаннымъ ранѣе въ предписаніи главнокомандующаго, и попутно приводить къ присягѣ мѣстное населеніе. Что же касается до письма Торماسова къ Соломону, съ категорическимъ требованіемъ отвѣта въ трехдневный срокъ, и прокламаціи къ имеретинскому народу, то Симоновичъ задержалъ пока эти документы у себя съ тѣмъ, чтобы предварительно придвинуть войска къ резиденціи Соломона, и только 17-го февраля послалъ царю означенное письмо.

Такимъ образомъ, двадцатое февраля было назначено Симоновичемъ крайнимъ срокомъ, по истеченіи котораго надлежало приступить къ насильственнымъ мѣрамъ противъ царя Соломона <sup>1)</sup>.

Между тѣмъ, полковникъ Сталь, получивъ 14-го февраля требованіе Симоновича двинуть егерскіе баталіоны въ предѣлы Имеретіи, на другой же день направилъ туда колонну маіора Прибыловскаго изъ селенія Али, а колонну маіора Реута—изъ Сурама. Въ послѣднемъ, въ это время находился и самъ главнокомандующій, генераль Тормасовъ, прибывшій сюда не за долго передъ тѣмъ изъ Тифліса.

Колонна маіора Прибыловскаго, преодолевая трудности зимняго похода черезъ вахтанскій хребетъ, безъ дорогъ, по глубокому снѣгу, подошла 20-го февраля къ селенію Сачхери и Свири. На слѣдующій день сюда явились: архіерей Кутатели, князь Зурабъ Церетели съ сыномъ и многіе изъ почетныхъ князей и дворянъ, кои, выслушавъ прокламацію Тормасова, присягнули на вѣрность госу-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 300, 308 и 309.

дарю императору. Къ тому же времени, колонны маіора Рсута дошли до селеній Квеби и Чхери, приведя къ присягѣ попутное населеніе.

Соломонъ, извѣщенный о движеніи русскихъ войскъ со стороны Сурама, снова возобновилъ переговоры съ Могилевскимъ. Между Кутаисомъ и Варъ-цихе непрерывно ѣздили уполномоченные царя, въ число коихъ, какъ доносилъ Могилевскій, „употреблены были всѣ митрополиты и духовные царскіе отцы, преисполненные лжи и обмановъ“ <sup>1)</sup>.

Приближался конецъ трехдневнаго срока. Предвидя неизбежность роковой минуты, царь Соломонъ глубоко мучился. Съ одной стороны, онъ ежедневно получалъ извѣстія о быстромъ движеніи русскихъ войскъ и о томъ, что по пути ихъ народъ добровольно принимаетъ присягу на подданство Россіи, а съ другой—настойчивыя внушенія „злыхъ совѣтниковъ терзали его душу“ и наталкивали на гибельное сопротивленіе намъ. Изнемогая подъ бременемъ душевной муки, царь наканунѣ 20-го февраля рѣшилъ было явиться въ Кутаисъ и исполнить всѣ наши требованія. Но въ самую послѣднюю минуту царевичъ Константинъ и князь Леонидзе успѣли таки отговорить царя отъ принятаго имъ рѣшенія, и Соломонъ послалъ Симоновичу послѣдній, роковой отказъ.

„Царевичъ Константинъ, доносилъ Могилевскій, повсюду разглашаетъ, что онъ, будучи теперь человекъ потерянный, на все отважится, и поставилъ себѣ закономъ—мщеніе русскимъ. Дѣйствительно, онъ кидается повсюду и старается привлечь къ себѣ партіи, чтобы испытать счастье противъ русскихъ войскъ. Онъ-то и Леонидзе причиною всего зла“ <sup>2)</sup>.

Настало 20-е февраля. Не получивъ отъ царя Соломона желаннаго отвѣта, Симоновичъ въ тотъ же день обнародовалъ во всѣхъ церквахъ Кутаиса прокламацію главнокомандующаго и привелъ жителей къ присягѣ. Послѣдняя произведена была торжественнымъ порядкомъ, въ присутствіи въ каждой церкви „штабъ-офицера, ка-

---

<sup>1)</sup> Рапортъ надворнаго совѣтника Могилевскаго генералу Тормасову 21-го февраля 1810 года.

<sup>2)</sup> Письмо Могилевскаго Тормасову отъ 24-го февраля 1810 года.



питановъ, при приличныхъ на сей случай командахъ для параду“ <sup>1)</sup>). Населеніе Кутаиса отнслось къ происшедшему перелому съ паразительнымъ равнодушіемъ и, по принесеніи присяги, спокойно разошлось изъ церквей съ тѣмъ, чтобы беззаботно придаться развлеченіямъ масляничной недѣли.

На другой день, 21-го февраля, прибылъ въ Кутаисъ архимандритъ Гелатскаго монастыря Давидъ, который, какъ доносилъ Могилевскій, „объявилъ, что царь приказалъ ему явиться къ полковнику Симоновичу и объяснить, что Соломонъ находится въ сокрушеніи и даже отчаяніи, проливая безпрестанно слезы раскаянія за свои преступленія, и просить помилованія. Однако же, нельзя вѣрить, добавлялъ Могилевскій, чтобы сіе сокрушеніе его было чистосердечно, ибо въ тотъ же день нашъ лазутчикъ принесъ извѣстіе, что царь 19-го числа отправилъ къ Шерифъ-пашѣ въ Ахалцыхъ князей Кайхосро, Семена и Бери Церетели съ подарками и убѣжденіемъ дать ему лезгинъ въ помощь противъ нашихъ войскъ, что я думаю Шерифъ-паша и исполнить по тѣснымъ между ними связямъ“ <sup>2)</sup>).

Насколько справедливы были донесенія лазутчика сказать, конечно, трудно. Но возможно, что, окончательно лишившись всякаго самообладанія, царь Имеретіи былъ способенъ одновременно лить слезы раскаянія и искать помощи противъ насъ у турокъ. Несомнѣнно, что нравственныя муки, переживавшіяся въ эти дни царемъ Соломономъ, заставляли его совершенно терять голову и страдать глубоко и искренно. Всѣ, видѣвшіе въ это время царя въ Варцихе, единогласно утверждали, что онъ въ отчаяніи бросался на полъ, царапалъ себѣ лицо, рыдалъ и бѣсновался до такой степени, что приходилъ въ полное безсиліе. Въ такомъ состояніи царь не могъ, конечно, уже руководить не только событіями, но и самимъ собою, и являлся жалкою игрушкой въ рукахъ своихъ приближенныхъ. „Грѣшно было-бы, писалъ Могилевскій, признавать его преступникомъ наравнѣ съ его любимцами, которые, овладѣвъ даже и помышленіями его, испивали кровь несчастныхъ жителей, подъ

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 310.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 310 стр. 231.

видомъ преданности своей къ нему, и одни болѣе достойны небеснаго гнѣва. Теперь царь клянеть своихъ совѣтниковъ, но при всемъ томъ, по привычкѣ и вліянію ихъ на его умъ, не можетъ разлучиться съ сими сокровищами, особливо съ княземъ Леонидзе, достойнымъ висѣлицы, и съ нимъ-же совѣщается“ 1).

---

---

1) Государственный арх. XI, № 1049.

## Глава VI.

Письмо князя Зураба Церетели къ Тормасову. Сношенія Соломона съ Симоповичемъ. Дѣйствія нашихъ отрядовъ. Переправа Симоповича черезъ рѣку Рионъ и занятіе Варъ-дихе. Отступленіе Соломона въ ханійское ущелье. Переговоры его съ Симоповичемъ и Могилевскимъ. Поѣздка Соломона на свиданіе съ главнокомандующимъ. Арестъ царя въ селѣнн Дирби. Прибытіе Соломона въ Тифлисъ. Дислокація нашихъ войскъ въ Имеретіи. Вѣстиво Соломона въ Ахалцхъ.

-----

Движеніе нашихъ войскъ со стороны Сурама и попутное приведеніе ими населенія къ присягѣ на вѣрность намъ ясно показывали, что близится конецъ безначалію и алчному своеволію, въ теченіе уже многихъ лѣтъ господствовавшему въ Имеретіи, подъ прикрытіемъ имени дѣтски-слабаго царя. Теперь главные виновники несчастья, собиравшагося разразиться надъ головой Соломона, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности отдалить надвигавшуюся грозу. Одни убѣждали царя сопротивляться, въ надеждѣ на неприступность своихъ убѣжищъ и на помощь турокъ, другіе-же старались умилостивить главнокомандующаго и тѣмъ, хотя-бы временно, еще продолжить существовавшій въ Имеретіи порядокъ. Къ числу имеретинскихъ князей второй категоріи принадлежалъ и двуличный Зурабъ Церетели.

Видя, что событія принимаютъ рѣшительно острый характеръ, князь Церетели, по обыкновенію ведя съ нами двойную игру, обратился 22-го февраля къ генералу Тормасову съ письмомъ, въ которомъ рисовалъ трудности веденія войны въ Имеретіи весною и совѣтывалъ отложить ее до зимы, или еще лучше—покончить дѣло съ Соломономъ миромъ. „Мое нижайшее и твердое представленіе таково, писалъ Церетели: зная здѣшнія обстоятельства, признаю лучшимъ, чтобы нынѣшнее предположеніе ваше было отложено до другого времени. Если бы дѣло это привести въ исполненіе зимою, тогда легче

было бы получить требуемое. Почтительно прошу взять моему совѣту и позволить мнѣ постараться, чтобы дѣло кончилось миромъ, взять отъ царя аманатовъ и депутатовъ, за подпиской архіереевъ и князей объ исполненіи вашей воли. Не требуйте отъ царя прибытія въ Кутаисъ въ настоящее время, а удовольствуемся аманатами, депутатами и подпиской. Если же моему представленію не внемлете, то вижу, что время прошло,—царя вы не захватите и дѣло больше затруднится. Не обращайтесь же вниманія на безразсудство царя, простите ему по божескому милосердію и не лишайте его царства, ибо я увѣренъ, что его величество милуетъ безсильныхъ и невѣжественныхъ прощастъ. А потому, позвольте мнѣ нынѣ-же увѣрить царя, что, пока онъ живъ, не будетъ лишенъ царства, согласно вашему обѣщанію, и я возьму съ него подписку“<sup>1)</sup>).

На это Тормасовъ отвѣчалъ Зурабу Церетели, что только безпрекословное исполненіе царемъ Соломономъ нашихъ требованій можетъ измѣнить готовящуюся ему участь. „Священная воля великаго государя, писалъ главнокомандующій, должна быть во всякое время непремѣнно исполнена, и какъ милости его изливаются вездѣ, такъ и отъ справедливаго гнѣва его ничто избѣгнуть не можетъ. Но за всѣмъ тѣмъ, зная милосердное сердце Его Величества, я клянусь живымъ Богомъ и моею честью, которая мнѣ всего дороже, въ томъ, что ежели царь Соломонъ исполнитъ немедленно священную волю государя, то ему ни малѣйшаго вреда не будетъ, и что онъ оставленъ будетъ въ спокойномъ владѣніи царствомъ до конца жизни его, подъ покровительствомъ сильнаго и благодѣтельнаго императора“<sup>2)</sup>).

Письмо это было написано генераломъ Тормасовымъ 25-го февраля изъ Сурама, до полученія отъ полковника Симоновича донесенія о томъ<sup>3)</sup>, что еще 21-го числа, т. е. на другой день по истеченіи срока, даннаго Соломону на окончательный отвѣтъ, явился посланникъ царя, съ извѣстіемъ о желаніи послѣдняго безпрекословно исполнить

<sup>1)</sup> Письмо князя Зураба Церетели генералу Тормасову, отъ 22-го февраля 1810 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 311.

<sup>2)</sup> Собственноручное письмо генерала Тормасова князю Зурабу Церетели отъ 25-го февраля 1810 года № 33.

<sup>3)</sup> Послано было изъ Кутаиса лишь 24-го февраля.

всѣ наши требованія. „Но я на сіе отвѣчалъ, доносить Симоновичъ, что раскаяніе его теперь уже поздно, когда онъ отвергъ всѣ снисхожденія, ему дѣланныя, и что по обнародованіи уже священнымъ именемъ Его Императорскаго Величества, что онъ удаленъ отъ имеретинскаго царства, и что уничтожена отнынѣ навсегда его власть надъ Имеретіей, я подать ему не могу ни малѣйшей помощи и долженъ теперь исполнить въ полной мѣрѣ повелѣнія вашего высокопревосходительства, сообразныя съ волею монарха, устроая здѣсь порядокъ и благосостояніе имеретинскаго народа, воспрятаго въ непосредственное управленіе и самодержавіе російскаго государя императора. Когда же архимандритъ сей, говоря словами своего царя, началъ умолять меня именемъ Бога и христіанскою вѣрою, чтобы я показалъ путь, черезъ который царь Соломонъ могъ бы себя спасти отъ пропасти, въ которую низвергла его строптивость и непокорство, то я отвѣчалъ ему, не въ видѣ требованія моего, но какъ будто предлагая свой совѣтъ, что царь Соломонъ можетъ еще быть счастливъ, если, покорясь своей судьбѣ и власти російскаго государя императора, съ чистымъ раскаяніемъ поѣдетъ самъ въ Тифлисъ для личнаго испрошенія сильнаго вашего предстательства за него передъ государемъ императоромъ“<sup>1)</sup>).

Вслѣдствіе этого совѣта, черезъ три дня, 24-го фѣвраля, прибыли въ Кутаисъ митрополитъ Генатели и князь Сехніа Цулукидзе съ письмомъ царя Соломона. Послѣдній, выражая готовность исполнить всѣ наши требованія, просилъ Симоновича, во-первыхъ, доставить посланнымъ его возможность проѣхать къ главнокомандующему съ тѣмъ, чтобы испрахать у него согласіе на свиданіе съ царемъ въ селеніи Ваханѣ, а во-вторыхъ, до возвращенія Генатели обратно, просилъ прекратить военныя дѣйствія и не приводить жителей къ присягѣ.

Въ послѣднихъ двухъ просьбахъ Соломону было, конечно, отказано, митрополитъ же Генатели и князь Сехніа Цулукидзе, снабженные открытыми листами, въ сопровожденіи казаковъ, отправились въ Сурамъ. Но съ дороги они вернулись обратно, такъ какъ получено было извѣстіе объ отъѣздѣ Гормасова въ Тифлисъ.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 313.

Главнокомандующій выразилъ сожалѣніе, что не былъ предупрежденъ о прїѣздѣ митрополита Генатели и князя Сехіи Цулукидзе, почему и лишень былъ „удовольствія познакомиться съ сими почтенными особами“. Въ то же время, Тормасовъ изъявилъ согласіе видѣться съ Соломономъ, но не ранѣе, какъ послѣдній исполнитъ волю государя. „Тогда, писалъ онъ, или я въ Кутаисъ прїѣду для свиданія съ его высочествомъ, или, если угодно будетъ назначить время и мѣсто свиданія, то я не премину явиться и увѣрить его лично въ милостивомъ Государя Императора расположеніи ко всему имеретинскому царству и въ моемъ истинномъ почтеніи къ особѣ его высочества“ <sup>1)</sup>.

Тѣмъ временемъ, войска наши со всѣхъ сторонъ подвигались къ убѣжищу царя Соломона. Шедшія изъ Грузіи колонны Прибыловскаго и Реута быстро привели къ присягѣ населеніе восточной Имеретіи. Большая часть жителей встрѣчныхъ селеній оставляли свои жилища и, укрывая семьи и имущество въ лѣсахъ, запирались въ крѣпостцахъ или укрѣплялись въ труднодоступныхъ ушеляхъ. Но, видя „кроткое и безобидное“ обращеніе нашихъ войскъ съ тѣми, кто оставался на своихъ мѣстахъ, возвращались обратно и добровольно присягали на вѣрноподданство.

Одинъ только Кайхосро Церетели съ толпами вооруженныхъ имеретинъ пытался оказывать сопротивленіе. Оставивъ свою семью съ нѣсколькими десятками вооруженныхъ крестьянъ въ крѣпости Модинахе, на пути движенія колонны Прибыловскаго, Церетели, съ пятисотенной толпой, встрѣтилъ 24-го февраля колонну Реута у селенія Базалети. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ имеретины бросились было въ шашки, но, не выдержавъ встрѣчной атаки егерей, быстро отступили и разсѣялись въ окрестныхъ лѣсахъ. Самъ Кайхосро Церетели ушелъ къ Соломону, оставивъ на пути движенія колонны Реута, въ крѣпостцѣ Чхери, князя Ростома Мачаваріани. Послѣдній, однако, послѣ непродолжительной бомбардировки, сдалъ намъ крѣпость, выпросивъ за это у маіора Реута 16-ть червонцевъ.

Столь же успѣшно дѣйствовалъ и маіоръ Прибыловскій. 23-го февраля онъ подошелъ къ замку Модинахе, расположенному

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова князю Зурабу Церетели отъ 7-го марта 1810 года № 37.

на высокої, уединенной скалѣ. Само названіе „Моди-да-нахе“, значущее буквально „поди, да посмотри“, вполнѣ соотвѣтствовало неприступному положенію замка, дозволявшему неприятелю дѣйствительно развѣ только подойти, да посмотрѣть на него. Оборону этого „орлинаго гнѣзда“ приняла на себя жена Кайхосро Церетели— княгиня Екатерина, происходившая изъ рода князей Абашидзе. Она воодушевила свой незначительный гарнизонъ, вооружила стѣны шестью пушками и встрѣтила русскія войска орудійнымъ огнемъ. Защитники твердо уповали на неприступность Модинахскаго замка. Въ народѣ живо помнили время, когда, почти за сто лѣтъ передъ тѣмъ, владѣтель этихъ мѣстъ—князь Папуна Церетели былъ вызванъ къ царскому двору и тамъ измѣннически умерщвленъ, а для истребленія всего церетелскаго рода и для захвата его имущества пришло къ Модинахе царское войско. Тогда вдова Папуны, также урожденная княжна Абашидзе, заперлась въ этомъ самомъ же замкѣ и выдержала продолжительную и упорную осаду, такъ что пораженный царь принужденъ былъ, наконецъ, оставить свое намѣреніе и даже простилъ воинственную женщину.

Теперь, однако, были уже не тѣ времена, и передъ замкомъ стоялъ другой неприятель. Спротивленіе не могло предотвратить неминуемаго паденія его. Избѣгая напрасныхъ жертвъ, Прибыловскій въ теченіе пяти дней уговаривалъ защитниковъ Модинахе положить оружіе. Наконецъ, Тормасовъ приказалъ: „буде крѣпость Модинахе добровольно не сдастся, то стараться взять оную военной рукой“ <sup>1)</sup>. Состоявшему-же при колоннѣ Прибыловскаго, маіору князю Амилахвари предписывалось склонить семейство Кайхосро Церетели къ сдачѣ обѣщаніемъ „оставить его на спокойное жительство въ домѣ своемъ“. Видя приготовленія къ штурму, княгиня Екатерина согласилась на предложенія Амилахвари, и защитники Модинахе, положивъ оружіе, принесли намъ присягу. Всесокрушающее время не успѣло еще окончательно сгладить съ лица земли историческій замокъ, памятный въ народѣ геройской обороной двухъ женщинъ. Высокія башни его уже обвѣтшали и какъ-бы поникли подъ бременемъ лѣтъ, зданія внутри разрушились, но

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 315.

грозныя нѣкогда стѣны все еще стоятъ, драпируясь въ пышную зелень столѣтняго плюща.

Одновременно съ приведеніемъ въ покорность восточной части Имеретіи, другіе отряды, руководимые полковникомъ Симоповичемъ, приводили къ присягѣ населеніе западной и сѣверной частей царства Соломона.

Со стороны Мингреліи двигались два отряда: первый—маіора Щелкачева, состоялъ изъ трехъ ротъ Бѣлевскаго полка и милиціи: мингрельской—князя Леваша Дадіани и гурійской—князя Мамія Гуріели. Въ составъ второго отряда, маіора Гендримовича, входили также три роты Бѣлевскаго полка и лечхумская милиція Боро-Геловани. Отрядъ Щелкачева, почти не встрѣчая сопротивленій, занялъ селеніе Джихаиши. Отрядъ-же Гендримовича, „двукратнымъ искуснымъ движеніемъ по труднѣйшимъ дорогамъ и хитростью“, обошелъ лежавшіе на пути его сачхерскіе и лихидарскіе проходы и занялъ Рачу.

Со стороны Кутанса дѣйствовали части Кавказскаго гренадерскаго полка, подъ начальствомъ маіора Ушакова и капитана Титова. Послѣдній, съ ротою при одномъ орудіи, разсѣялъ большое скопище имеретинъ близъ крѣпости Чхери, принадлежавшей царевичу Константину, и занялъ ее.

Такимъ образомъ, къ началу марта 1810 года только населеніе южной имеретіи не признавало еще нашей власти и, собравшись около царя, готовилось къ упорному сопротивленію.

Видя надвигавшуюся грозу, Соломонъ еще 20-го февраля отправилъ свою семью и имущество въ горы „въ крѣпкія мѣста“, а самъ, съ четырехтысячною толпою вооруженныхъ имеретинъ, заперся въ своемъ замкѣ, расчитывая на непроходимость болотъ, лѣсовъ и на глубину разлившихся уже рѣкъ Ріона, Квирилы и Хони. Послѣднія окружали почти со всѣхъ сторонъ кругую возвышенность, на которой, среди дремучаго лѣса, стоялъ замокъ Варъ-цихе—убѣжище мятежнаго царя Имеретіи. Приближенные Соломона всѣми мѣрами старались возбудить противъ насъ населеніе: вооружали его, заставляли присягать царю, строить засѣдки, укрѣпленія, портить дороги. И напуганные жители, опасаясь съ одной стороны царска-



го гнѣва, а съ другой—приближавшихся русскихъ войскъ, находились въ сильной тревогѣ. Послѣ-же нѣсколькихъ крупныхъ поражений, нанесенныхъ царскимъ войскамъ, простой народъ замѣтно началъ переходить на нашу сторону. Упорствовали еще духовенство и князья <sup>1)</sup>. Но по обнародованіи прокламаціи Сомоновича <sup>2)</sup>, объявлявшей, что у тѣхъ князей и дворянъ, которые не изъявятъ намъ покорности, будетъ навсегда отобрано имущество и крестьяне,—число сторонниковъ Соломона стало быстро рѣдѣть. „Благодареніе Богу, писалъ Могилевскій Тормасову <sup>3)</sup>, всѣ дѣла здѣшнія идутъ чрезвычайно успѣшно и счастливо. Многіе изъ важныхъ и ближнихъ къ царю князей, носившіе на себѣ личину твердой къ нему преданности, отстали отъ него, вѣроятно, боясь потерять свои имѣнія и присягнули на вѣрность. Можно полагать, что въ непродолжительномъ времени и всѣ его любимцы, также мудрые совѣтники оставятъ сего слабого несчастливца. Развѣ одно сокровище и великій мудрецъ—Соломонъ Леонидзе неразлучно будетъ испивать чашу горести съ малымъ царемъ Соломономъ Арчиловичемъ и небольшимъ числомъ другихъ людей, ему подобныхъ, которые чувствуютъ, что имъ, при русскихъ, будетъ не масленица,—а великій постъ“.

Для окончательнаго успокоенія страны и водворенія въ ней порядка оставалось теперь лишь овладѣть замкомъ Варъ-цихе и захватить самого Соломона. Прямое движеніе къ убѣжищу царя могло дать ему возможность бѣжать въ Ахалцыхъ или въ горы Осетіи. Поэтому, Симоновичъ рѣшилъ предварительно окружить Соломона и затѣмъ уже идти на Варъ-цихе.

Съ этой цѣлью, шефъ 9-го егерскаго полка полковникъ Лисаневичъ, съ отрядомъ егерей, направленъ былъ изъ Мосіатхеви, по горамъ, черезъ зеганское ущелье, въ селеніе Хани, лежащее на дорогѣ въ Ахалцыхъ.

Маіору Калатузову и штабсъ-капитану Сагинову, съ двумя ротами Кавказскаго гренадерскаго полка, поручалось занять противъ Варъ-цихе переправы черезъ рѣки Ріонъ и Квирилу съ тѣмъ, что-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 313.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 233.

<sup>3)</sup> Рапортъ надворнаго совѣтника Могилевскаго къ генералу Тормасову, отъ 28-го февраля 1870 года.

бы воспрепятствовать Соломону укрыться въ крѣпость Мухури или бѣжать въ горы.

Маіору Реуту, стоявшему у селенія Чхери, предписано было, съ баталіономъ егерей и ротой Кавказскаго гренадерскаго полка, направиться черезъ рѣку Квирилу и берегомъ ея идти на Варъ-цихе.

Для движенія туда-же, Симоновичъ сосредоточилъ къ селенію Джигаиши отрядъ изъ баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, трехъ ротъ бѣлевцевъ и трехъ тысячъ мингрельской милиціи князя Левана Дадіани <sup>1)</sup>. Отряду этому, по пути къ Варъ-цихе, предстояло совершить „отважную“ переправу черезъ сильно разлившійся, глубокой, бурный Ріонъ, ниже слиянія его съ Квирилой. Всѣ лодки были уничтожены Соломономъ или пригнаны къ противоположному лѣвому берегу рѣки. Однако, Могилевскому, находившемуся при колоннѣ Симоновича, удалось привлечь на нашу сторону нѣсколькихъ князей изъ свиты Соломона, которые и доставили намъ 17-ть большихъ лодокъ. Это были единственныя средства для переправы цѣлаго отряда. Приходилось изыскивать способы, которые могли бы обезпечить успѣхъ этой не легкой операціи.

Сама природа пришла на помощь Симоновичу.

Въ ночь на 5-е марта неожиданно разразилась жестокая буря съ сильнымъ проливнымъ дождемъ. Раскаты грома, вой вѣтра и ревъ разбушевавшейся рѣки заглушали шумъ движенія на берегахъ ея, и только ослѣпительныя молніи временами прорѣзывали непроглядную тьму страшной ночи. Симоновичъ воспользовался этимъ моментомъ и перебросилъ на другой берегъ свой авангардъ, изъ двухъ ротъ Бѣлевскаго полка, подъ командою капитана Цурикова. Изумленные неожиданнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, стоявшіе у берега имеретины разбѣжались, и Цуриковъ безъ сопротивленія занялъ селеніе Чквиши. Къ утру переправился весь отрядъ и, немедленно, двинулся къ замку Варъ-цихе. Соломонъ бѣжалъ въ селеніе Багдадъ.

У окружавшей царя толпы имеретинскихъ князей не нашлось мужества защищаться за нескончаемымъ рядомъ укрѣпленій, зава-

---

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова къ военному министру Барклаю-де-Толли отъ 15-го апрѣля 1810 года № 59.

ловъ и засѣкъ, которые были нагромождены вокругъ замка и, вмѣстѣ съ прилежавшими къ нему болотами и лѣсами, до крайности затруднили бы эскаладу. Одного извѣстія о приближеніи горсти русскихъ войскъ было достаточно для того, чтобы заставить многія сотни защитниковъ имеретинскаго царя искать спасенія въ паническомъ бѣгствѣ.

Преслѣдуемый нашими отрядами, Соломонъ съ немногими уже приверженцами бросился въ ханійское ущелье, черезъ которое пролегла едва проходима въ то время года тропа въ ахалцыхскій пашалыкъ <sup>1)</sup>). Остановившись въ селеніи Зикари, онъ быстро привелъ его въ оборонительное положеніе съ помощью присоединившихся жителей ханійской волости. Здѣсь Соломонъ рассчитывалъ дожидаться выручки со стороны турокъ. Но внезапное появленіе въ тылу имеретинъ Лисаневича, спустившагося къ селенію Хани, черезъ персатскій хребетъ, разсѣяло послѣднія надежды Соломона. Путь въ Ахалцыхъ былъ окончательно отрѣзанъ, и положеніе царя сдѣлалось безвыходнымъ. „Дѣла здѣшнія, доносилъ Могилевскій <sup>2)</sup>), идутъ съ невѣроятнымъ успѣхомъ. Варъ-цихе и Багдадъ заняты. Рачинскій уѣздъ присягаетъ. Князья всѣ оставили несчастнаго царя. Только пять человекъ изъ важныхъ фамилій находятся еще при немъ, да и до 40 человекъ дворянъ; но и сіи, безъ сомнѣнія, его оставятъ, кромѣ царевича Константина и Соломона Леонидзе, ибо сердарь, князь Кайхосро Церетели, уже къ сему наклоненъ и присылалъ своихъ людей. Теперь царь загнанъ въ ханійское ущелье, по которому лежитъ дорога въ Ахалцыхъ, въ сіе время еще почти не проходима. Полковникъ Симоновичъ идетъ туда налегкѣ, и послѣ завтраго непремѣнно рѣшится судьба царя. Имеретія-же вся спокойна и покорна священной волѣ Его Императорскаго Величества“.

Видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ нашими войсками и не имѣя уже никакой возможности скрыться ни въ Ахалцыхъ, ни въ какую либо изъ трехъ крѣпостей—Мухури, Сапайчаво и Чквиши <sup>3)</sup>), остававшихся еще въ рукахъ имеретинъ,—Соломонъ

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшее донесеніе Торماسова отъ 30-го апрѣля 1810 года.

<sup>2)</sup> Рапортъ надворнаго совѣтника Могилевскаго генералу Тормасову отъ 9-го марта 1810 г.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 324 и 327.

вошелъ съ Симоновичемъ въ переговоры. 8-го марта въ сел. Зейндаръ явились посланцы царя—митрополитъ Генатели и Сехніа Цулукидзе, которые были уполномочены объявить, что Соломонъ „откажется отъ управленія царствомъ и дастъ формальную отъ себя на сіе подписку, если только оставятъ его до конца дней жить въ Имеретин и дадутъ ему удѣлъ, по его назначенію“ <sup>1)</sup>). Предложеніе это было, конечно, отвергнуто Симоновичемъ, который категорически объявилъ посланцамъ, что „если царь не желаетъ погубить себя невозвратно, то ему остается теперь одна только дорога, чтобы, положась на честность и добродѣтель главнокомандующаго, съ полнымъ довѣріемъ ѣхать въ Тифлисъ и тамъ оставаться до высочайшаго рѣшенія государемъ императоромъ его участи“ <sup>2)</sup>).

Соломону дѣйствительно ничего не оставалось, какъ только покориться. Онъ выразилъ желаніе лично видѣться съ Симоновичемъ и Могилевскимъ. Послѣдніе, въ намѣреніи скорѣе достигнуть желаемыхъ результатовъ, рѣшились исполнить желаніе царя. Взявъ отъ него трехъ аманатовъ изъ князей и поручивъ начальство надъ войсками полковнику Лисаневичу, Симоновичъ и Могилевскій, съ четырьмя казаками, 12-го марта спустились въ ханійское ущелье, гдѣ и были встрѣчены Соломономъ <sup>3)</sup>). Предстояло сломить обычную подозрительность царя и убѣдить его въ полной безопасности пребыванія среди нашихъ войскъ. Соломонъ требовалъ клятвъ. И Симоновичъ съ Могилевскимъ неосторожно дали ихъ, превысивъ тѣмъ самымъ свои полномочія.

Принесли крестъ и евангеліе. Симоновичъ подошелъ, перекрестился и въ присутствіи многочисленной толпы, окружавшей Соломона, далъ клятву, что царь не будетъ арестованъ. Могилевскій такимъ же образомъ поклялся, что со стороны русскаго правительства не будетъ сдѣлано Соломону никакого насилія, что во время проѣзда его въ Грузію будутъ отдаваться ему царскія поче-

---

<sup>1)</sup> Рапортъ надворнаго совѣтника Могилевскаго къ генералу Тармасову, отъ 9-го марта 1810 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тармасова къ графу Румянцеву, отъ 13-го апрѣля 1810 года № 58.

сти и войска его получаютъ прощеніе <sup>1)</sup>). Большеі клятвы быть не могло, и Соломонъ сдался на нее. Онъ только просилъ видѣться съ главнокомандующимъ не въ Тифлисѣ, а въ какомъ нибудь карталинскомъ селеніи, возлѣ Гори.

15-го марта Соломонъ, въ сопровожденіи Могилевского, выѣхалъ въ деревню Сазано—родовое имѣніе своей жены. Дорога проходила черезъ бивакъ отряда Симоновича. Но трусливо-подозрительный Соломонъ объѣхалъ стороною русскія войска, не смотря на то, что для этого надо было карабкаться по головоломной тропинкѣ среди отвѣсныхъ скалъ. Покидая послѣднее свое укрѣпленное убѣжище—сел. Зикари, царь вывелъ съ собою изъ ханійскаго ущелья всѣхъ бывшихъ при немъ имеретинъ. Въ числѣ послѣднихъ не было, однако, ближайшихъ совѣтниковъ царя—„преисполненнаго сатанинскимъ духомъ“ князя Соломона Леонидзе и Малхаза Андроникова. „Только царь бѣсовъ Леонидзе, писалъ Могилевскій <sup>2)</sup>), измѣнивши, наконецъ, и царю, бѣжалъ третьяго дня въ Ахалцыхъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ по адскимъ дѣламъ, патеромъ Николаемъ“. Однако, Симоновичъ смотрѣлъ иначе на исчезновеніе Леонидзе и Андроникова. „Удаленіе ихъ въ Ахалцыхъ, доносилъ онъ Тормасову, я не столь бѣгствомъ, какъ вреднымъ для насъ замысломъ почитаю, по коему бы они въ какомъ ни есть случаѣ царю черезъ Шерифъ-пашу могли сдѣлать оттолъ пособіе“ <sup>3)</sup>).

Что касается остальныхъ князей и духовенства изъ свиты царя, то всѣ они были тутъ же приведены къ присягѣ на вѣрность намъ. Соломонъ этому не противился и передъ отъѣздомъ изъ селенія Зикари поручилъ преданнымъ людямъ увѣрить имеретинъ, что „сдѣланная ими присяга ничего не значитъ, потому что они и ему самому присягали уже нѣсколько разъ, и что онъ не въ домѣ, а въ полѣ будетъ имѣть свиданіе съ главнокомандующимъ, дабы ему, на случай отказа въ его просьбѣ, опять можно было возвратиться въ Имеретію, гдѣ онъ въ гористыхъ и крѣпкихъ мѣстахъ намѣренъ удерживаться, а они тогда должны ему вспомошествовать“. Такого

<sup>1)</sup> Тамъ же и рапортъ Симоновича къ генералу Тормасову, 5-го іюля 1810 года № 1621.

<sup>2)</sup> Письмо Могилевского генералу Тормасову, 14-го марта 1810 года.

<sup>3)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 23-го марта 1810 года № 233.

же рода извѣщенія посланы были и гарнизонамъ еще не сдавшихъ намъ крѣпостей—Сапайчаво и Мухури, начальниковъ которыхъ Соломонъ убѣждалъ держаться до возвращенія его обратно въ Имеретію. Это было, между прочимъ, причиною того, что даже по отъѣздѣ Соломона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имеретіи населеніе продолжало сопротивляться намъ, и только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сдалась Лисаневичу послѣдняя крѣпость Мухури.

Пробывъ три дня въ селеніи Сазано, Соломонъ отправился въ Карталинію, въ сопровожденіи надворнаго совѣтника Могилевскаго, нѣсколькихъ казаковъ и болѣе 500 вооруженныхъ имеретинъ <sup>1)</sup>). Питая къ русскимъ войскамъ какой то непроборимый страхъ, Соломонъ все время выбиралъ наиболѣе глухія дороги и далеко объѣзжалъ по лѣсамъ и болотамъ тѣ мѣста, въ которыхъ стояли наши гарнизоны. Наконецъ, 21-го марта, царь прибылъ въ селеніе Бекамъ, находящееся въ  $\frac{1}{2}$  верстѣ отъ Сурама. Здѣсь получено было извѣстіе, что главнокомандующій охотно выражаетъ согласіе на свиданіе съ царемъ Соломономъ въ мѣстечкѣ Гори, „такъ-какъ, городъ сей, писалъ Тормасовъ, лежитъ по дорогѣ вашей къ Тифлису, въ которомъ, по обѣщанію вашего высочества, вы ожидать должны все милостивѣйшаго рѣшенія о вашей участи“ <sup>2)</sup>).

Дорога отъ селенія Бекамъ въ Гори проходила черезъ селеніе Дирби, лежавшее почти на половинѣ этого пути. Здѣсь оканчивались лѣса, по которымъ до сихъ поръ ѣхали путешественники, и начинались открытыя долины Карталиніи. Это обстоятельство пугало Соломона. Доѣхавъ 27-го числа до опушки имеретинскихъ лѣсовъ, онъ отказался ѣхать далѣе, говоря: „надѣюсь, главнокомандующій, изъ уваженія къ моему несчастью, окажетъ мнѣ должную почестъ и пріѣдетъ въ Дирби“. Но Тормасовъ сдѣлалъ уступку Соломону лишь въ томъ, что предложилъ встрѣтиться съ нимъ въ селеніи Вазіани, лежащемъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка Гори.

Самообладаніе и благоразуміе снова покинули царя Соломона, и онъ рѣшилъ бѣжать изъ Дирби въ горы Осетіи. Но двукратныя

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву, отъ 13-го апрѣля 1810 года № 58.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 320.

попытки къ этому, въ ночь на 27-е марта, кончились полной неудачей, такъ какъ селеніе Дирби оказалось окруженнымъ двойной цѣлью нашихъ войскъ. Зная легкомысленное непостоянство царя Имеретинъ, Симоновичъ, вскорѣ послѣ выѣзда Соломона изъ деревни Сазано, распорядился занять войсками всѣ дороги, по которымъ Соломонъ могъ бы ѣхать съ пути своего слѣдованія въ Карталинію. Благодаря этой мѣрѣ, кортежъ Соломона всегда былъ незамѣтно окруженъ. Кромѣ того, командиръ Нижегородскаго полка, полковникъ Сталь, увѣдомленный Симоновичемъ о предстоящемъ проѣздѣ Соломона, незамѣтно оцѣплялъ пункты ночлеговъ царя. Вотъ почему послѣдній, не подозрѣвая о разставленныхъ ему сѣтяхъ, выдалъ въ селеніи Дирби свои намѣренія. На другой же день утромъ ему было объявлено Могилевскимъ, что теперь, безъ всякихъ уже условій, онъ долженъ ѣхать въ селеніе Вазіани и дальнѣйшій путь будетъ продолжать подъ конвоемъ нашихъ войскъ<sup>1)</sup>.

Утромъ 28-го марта Соломонъ, „какъ знаменитый плѣнникъ“ подъ конвоемъ собранныхъ близъ Дирби войскъ, прибылъ въ селеніе Вазіани. Здѣсь-то, наконецъ, состоялось свиданіе, которое нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, быть можетъ, могло бы сохранить Соломону тронъ и устранить „пролитіе неповинной христіанской крови имеретинскаго народа, разореніе жилищъ, потерю стяжаній обитателей Имеретіи, плачь женъ и вопль несчастныхъ сиротъ,—какія слѣдствія ведетъ за собою война“<sup>2)</sup>. Но теперь передъ Тормасовымъ стоялъ плѣнникъ, приведенный вооруженной рукой, въ дальнѣйшей судьбѣ котораго былъ воленъ лишь государь императоръ. Тормасовъ объявилъ Соломону, что „не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, какъ только въ Тифлисѣ долженъ онъ ожидать высочайшаго рѣшенія о своей участи“<sup>3)</sup>.

На другой день Соломонъ былъ доставленъ въ Гори. Здѣсь находившіеся при немъ князья и дворяне были приведены къ присягѣ и отпущены обратно въ Имеретію, кромѣ 100 человекъ, оставленныхъ при царѣ, въ качествѣ людей „ему нужныхъ“<sup>4)</sup>. Вскорѣ

<sup>1)</sup> Письмо Могилевскаго генералу Тормасову отъ 27-го марта 1810 года.

<sup>2)</sup> Изъ прокламаціи Симоновича отъ 21-го февраля 1810 года.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 330.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

затѣмъ, Соломонъ, подѣ прикрытіемъ обычнаго кошвоа, прибыль въ Тифлисъ и помѣщенъ былъ здѣсь въ домѣ князя Сумбатова. Къ мѣсту заключенія царя приставили карауль. Это распоряженіе Тормасова привело въ недоумѣніе князей и дворянъ Имеретіи, помнившихъ клятвы и обѣщанія Симоновича. Соборъ имеретинскихъ митрополитовъ просилъ о возвращеніи царя Соломона обратно въ Имеретію, но главнокомандующій на это объявилъ, что Имеретія навѣки присоединяется къ составу имперіи, и что уничтоженная навсегда власть царя будетъ замѣнена въ ней особымъ „временнымъ правленіемъ“.

Признавая, что присутствіе членовъ царской семьи не только въ самой Имеретіи, но даже и вблизи границъ ся можетъ послужить причиной высшихъ смуть, Тормасовъ вызвалъ въ Грузію, яко-бы только на время, царевича Константина и предписалъ Симоновичу „взять мѣры, чтобы вдовствующая имеретинская царица находящаяся въ Мингреліи, была доставлена съ ея дѣтьми въ Тифлисъ“<sup>1)</sup>. Въ то же время, главнокомандующій, озабочиваясь дальнѣйшей участью членовъ имеретинскаго царскаго дома, ходатайствовалъ о выселеніи царя Соломона и царевича Константина на жителство въ Россію. „Соображая съ пользою дѣль здѣшняго края, писалъ Тормасовъ<sup>2)</sup>, съ ненадежностью на царя, черезъ цѣлыя пять лѣтъ противившагося священной волѣ Его Императорскаго Величества, также съ легкомѣніемъ многихъ изъ князей и дворянъ, ему предан-

---

<sup>1)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года №№ 207 и 590. Вѣроятно, царица Дареджана, вдова умершаго въ С.-Петербургѣ отъ оспы побочнаго царевича Георгія Александровича. У нея было двое сыновей: Александръ и Дмитрій.

*Остальные члены царскаго дома:*

Царица Марія Кашіевна—жена Соломона II-го.

Царица Марія—сестра Соломона II-го, замужемъ за княземъ Малхазомъ Андришниковымъ.

» Елизавета, замужемъ за сыномъ князя Зураба Церетели—Семеномъ.

» Анастасія, замужемъ за княземъ Агіа-швили.

Царевичъ Давидъ, сынъ Баграта Александровича (слабоумный).

Сестра царицы Маріи, замужемъ за княземъ Микеладзе.

Царица Дареджана, замужемъ за княземъ Кайхосро Абашидзе.

» Марія, замужемъ за княземъ Елизбаромъ Эристовымъ.

» Тамара, замужемъ за княземъ Симономъ Эристовымъ.

» Елена, вдова.

» Дарья, замужемъ за княземъ Семеномъ Абашидзе.

Вдова царя Давида, царица Анна Матвѣевна (жила въ Петербургѣ).

Сынъ ея—царевичъ Константинъ.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 13-го апрѣля 1810 года № 58.



ныхъ, и съ тою приверженностью, какой народъ имеретинскій всегда имѣлъ къ своимъ царямъ, конечно, не можетъ быть иного, какъ удалить его (Соломона) въ Россію на жительство, опредѣливъ достаточное и приличное сану его содержаніе или всемілостивѣйше пожаловавъ въ какой либо изъ російскихъ губерній деревню, по смерти его, такъ какъ онъ бездѣтенъ. Сн же самыя причины подають мысль, что лучше гораздо было бы имѣть въ Россіи и царевича Константина“.

До полученія высочайшаго соизволенія на свое ходатайство, главнокомандующій занялся устройствомъ въ Имеретіи „временнаго правленія“.

Такимъ образомъ, прошло нѣсколько болѣе мѣсяца со дня открытія военныхъ дѣйствій противъ царя Соломона, и волненія въ Имеретіи были подавлены. Многочисленныя крѣпости-замки, служившія оплотомъ возставшему населенію, были въ нашихъ рукахъ и частью взорваны нами. Имеретинскіе князья, духовенство и народъ, въ числѣ 40 тысячъ дворовъ, присягнули на вѣрность намъ. Мятежный же царь Соломонъ, въ теченіе пяти лѣтъ кичливо отвергавшій наши требованія и причинявшій немаловажный ущербъ нашимъ интересамъ и престижу, сидѣлъ въ Тифлисѣ плѣнникомъ подъ русскимъ карауломъ.

Нельзя сказать, чтобы этотъ быстрый и полный успѣхъ былъ достигнутъ нами путемъ крупныхъ жертвъ. За все время веденія военныхъ дѣйствій въ Имеретіи потери наши состояли изъ шести убитыхъ и 17-ти раненыхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ. Имеретины же потеряли около ста человекъ. Относя успешные результаты этой экспедиціи къ доблести нашихъ войскъ, энергіи и предусмотрительности начальниковъ и, главнымъ образомъ—самого Симоновича, Тормасовъ выражалъ имъ полное свое уловольствіе. „Нижнимъ чинамъ препоручаю сказать черезъ приказъ, предписывалъ главнокомандующій Симоновичу <sup>1)</sup>, что одни только російскіе воины могутъ преодолевать таковыя всякаго рода препятствія, какія имъ предстояли“. За успешное окончаніе имеретин-

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 18-го марта 1810 года № 45.

скихъ дѣлъ Симоновичъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и назначенъ „управляющимъ по дѣламъ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи“ и командующимъ нашими войсками, расположенными въ этихъ областяхъ.

Для поддержанія внутренняго порядка въ Имеретіи и для защиты границъ ея со стороны Турціи оставлены были, кромѣ роты Бѣлевскаго полка, еще два баталіона кавказскихъ гренадеръ и сотня казаковъ. Остальныя же войска отправлены были въ Грузію <sup>1)</sup>.

Казалось, что Имеретія окончательно вступила на путь мирнаго развитія и безповоротно успокоилась отъ смуть, волновавшихъ ее въ теченіе уже многихъ лѣтъ. Какъ вдругъ, неожиданное событіе не только разстроило дальнѣйшіе наши планы, но и лишило насъ достигнутыхъ уже результатовъ.

Въ ночь на 11-е мая 1810 года царь Имеретіи Соломонъ бѣжалъ изъ Тифлиса и, не смотря на мѣры, тотчасъ же принятія къ его задержанію, успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія.

Домъ Сумбатова, въ которомъ содержался Соломонъ, находился на правомъ берегу Куры, недалеко отъ авлабарскаго моста, и представлялъ собою обширный особнякъ, расположенный среди большого сада. Послѣдній обнесенъ былъ высокой оградой, съ однимъ лишь выходомъ черезъ узкую калитку. Шагахъ въ шести отъ этого выхода находилась полуразвалившаяся мечеть, а рядомъ, недалеко уже отъ берега Куры,—конюшня. По приказанію Тормасова, Соломонъ содержался въ домѣ Сумбатова „подъ непримѣтнымъ, но строгимъ карауломъ“. Непосредственное наблюденіе за исполненіемъ предписаній главнокомандующаго возложено было на Тифлисскаго коменданта, маіора Комнена, который съ перваго же дня организовалъ строгій надзоръ за Соломономъ. У калитки сада стоялъ часовой. Князю

---

<sup>1)</sup> Части, оставшіяся въ Имеретіи, заняли слѣдующіе пункты:

*Кутаисъ*—три роты Кавказскаго гренадерскаго полка, при двухъ орудіяхъ, и 25-ть казаковъ.

*Рача*—рота Кавказскаго гренадерскаго полка, при одномъ орудіи, и рота Бѣлевскаго мушкетерскаго полка.

*Багдадъ*—баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка, при двухъ орудіяхъ, высшая отдѣльная команда въ Варъ-цихе и ханійское ушелье.

*Сачхери*—рота Бѣлевскаго мушкетерскаго полка.

*Казаки содержали посты:* въ Багдадѣ—24 человекъ; въ Варъ-цихѣ—6 человекъ; на квирильскомъ посту—9 человекъ; въ Марави—6 человекъ; Чхери—14 человекъ.

Сумбатову, какъ хозяину дома, приказано было доставлять ежедневные списки лицъ, навѣщавшихъ Соломона, и слѣдить „за поведеніемъ и злыми его намѣреніями, примѣчать, что можетъ относиться до худыхъ послѣдствій“, а съ наступленіемъ темноты, никого, кромѣ лицъ свиты, не впускать въ домъ. Тифлисскому полицеймейстеру, князю Баратову, предписано было назначить къ Соломону для посылокъ и услугъ двухъ надежныхъ десятниковъ, при сотникѣ, которымъ вмѣнялось въ обязанность докладывать о всѣхъ посѣтителяхъ царя и слѣдить за выходами изъ его половины; съ закатомъ же солнца наряжать къ садовой калиткѣ трехъ полицейскихъ, для указанія часовому тѣхъ лицъ, коимъ не возбранялся въ такое время дня доступъ къ царю. Всѣ лошади лицъ свиты Соломона паслись въ табунѣ на противоположномъ берегу Куры и безъ записки полицеймейстера не могли переводиться на эту сторону. Почетный караулъ, назначавшійся къ Соломону, имѣлъ главной обязанностью допускать къ нему и выпускать изъ дома только опредѣленныхъ лицъ. Кромѣ того, въ теченіе всего дня при царѣ безотлучно находился одинъ офицеръ-ординарецъ.

Вся эта система охраны не воспрепятствовала, однако, Соломону „черезъ многія обдуманныя хитрости“ выйти ночью на улицу и бѣжать изъ Тифлиса. Конечно, здѣсь не обошлось безъ содѣйствія оффиціальныхъ лицъ, на служебной обязанности которыхъ лежало окарауливаніе выходовъ изъ дома царя. Такъ, за нѣсколько дней до побѣга, изъ имеретинскаго табуна было переведено, безъ разрѣшенія полицеймейстера, около 20-ти лошадей на правый берегъ Куры, за рѣчку Веру. Наканунѣ бѣгства, имеретинскіе князья Ростомъ Церетели и Григорій Эристовъ лично приказали своимъ людямъ, находившимся при табунѣ, привести въ сумерки къ мечети шесть лошадей. При этомъ, князь Какуца Абашидзе объяснилъ полицеймейстеру Баратову, что лошади эти предназначались для лицъ свиты, отправлявшихся въ Имеретію, въ удостовѣреніе чего Абашидзе показалъ Баратову, подъ видомъ билета отъ коменданта на свободный проѣздъ, клочекъ простой бумаги. Отъѣзды имеретинскихъ князей и дворянъ происходили довольно часто, по той причинѣ, что Тормасовъ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ

на содержаніе царской свиты, приказалъ Комнени, „не принуждая, а совѣтуя“, поощрять имеретинъ къ возвращенію на родину и выдавать имъ на свободный проѣздъ билеты.

Въ день бѣгства почетный караулъ былъ отъ херсонскаго гренадерскаго полка. По обыкновенію, у калитки стоялъ часовой, къ которому съ закатомъ солнца явились три полицейскихъ. Но двое изъ нихъ вскорѣ улеглись спать на плоской крышѣ конюшницъ, а третій—забрался на всю ночь въ мечеть. Поэтому, проходившихъ мимо часового лицъ никто не осматривалъ.

Въ этотъ вечеръ Соломонъ, сказавшись больнымъ, ушелъ въ свою спальню противъ обыкновенія очень рано—вскорѣ послѣ вечерней зари. Поужинавъ съ Кайхосро Церетели, онъ раздѣлся и легъ спать. Церетели вышелъ изъ царской опочивальни, но часовъ около 10-ти возвратился въ нес и сообщилъ Соломону, что лошади готовы. Старый царскій слуга Табукашвили подалъ ранѣе приготовленное простое платье. Послѣднее доставилъ тифлисскій лавочникъ Бежанъ Мурасовъ, получившій взаменъ отъ Соломона его дорогой царскій костюмъ. Одѣвшись въ простой верхній кафтанъ и вымазавъ лицо золою, Соломонъ взялъ въ руки кувшинъ для воды и вышелъ въ садъ черезъ комнаты Кайхосро Церетели. Предстояло пройти мимо двухъ часовыхъ. Оба опросили Соломона, но онъ увѣренно отвѣчалъ, что состоитъ слугою у царя и идетъ на Куру за водой. Часовые не признали его и Соломонъ свободно вышелъ за калитку. На улицѣ поджидалъ его полицейскій изъ имеретинъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ „по подозрѣнію“ отставленный комендантомъ отъ нарядовъ къ царскому дому. Онъ провелъ Соломона черезъ городъ. У городскихъ воротъ ихъ опять остановилъ караульщикъ, но, услышавъ, что это полицейскіе, посланные по службѣ на форштадтъ, пропустилъ ихъ за стѣны. Здѣсь встрѣтили царя съ готовыми уже лошадьми четыре князя Церетели, въ числѣ коихъ былъ и сынъ Зураба, два брата Эристовыхъ, Абашидзе и 23 всадника, въ сопровожденіи которыхъ Соломонъ помчался по имеретинской дорогѣ <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ графу Румянцеву отъ 25-го мая 1810 года № 69.

Тормасова въ это время въ Тифлисѣ не было. Опъ выѣзжалъ въ Карабахъ для переговоровъ съ персидскимъ каймаканомъ мирзою Безюркомъ о перемиріи. Поэтому, первыя распоряженія, по обнаруженіи побѣга Соломона, были сдѣланы правителемъ Грузинъ—генераль-маіоромъ Ахвердовымъ и тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, начальникомъ 20-й дивізіи, генераль-лейтенантомъ барономъ Розеномъ. Борчалинскому моураву послано было приказаніе тщательно охранять всѣ дороги, ведущія изъ селенія Думанисъ въ ахалскихій пашалыкъ. Къ Симоновичу отправленъ нарочный съ предписаніемъ принять всѣ мѣры для поимки Соломона, если бы онъ вернулся въ Имеретію. Въ первый же моментъ, была послана погоня изъ тридцати доброконныхъ грузинъ и караульщиковъ, которые въ этотъ день видѣли царя въ 16-ти верстахъ отъ Тифлиса.

Но всѣ эти мѣры не привели къ желательнымъ результатамъ. Соломонъ исчезъ безслѣдно.

Побѣгъ имеретинскаго царя произвелъ сильно<sup>е</sup> впечатлѣніе на императора Александра I-го. Помимо политической важности этого событія, государь усмотрѣлъ „сугубое доказательство неуваженія Соломона къ монаршимъ милостямъ“ въ томъ фактѣ, что царь, при побѣгѣ изъ Тифлиса, оставилъ въ своей комнатѣ, въ числѣ разныхъ вещей, и брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, высочайше пожалованные ему еще въ 1804 году <sup>1)</sup>. Получивъ о бѣгствѣ Соломона донесеніе отъ генерала Тормасова, государь повелѣлъ арестовать и предать военному суду генераль-лейтенанта Розена, какъ оставившагося, за отсутствіемъ Тормасова, старшимъ начальникомъ войскъ, находившихся въ Тифлисѣ; остальныхъ же лицъ, „кои прикосновенны къ побѣгу бывшаго имеретинскаго царя, судить строжайшимъ судомъ и судъ надъ ними окончить въ самоскорѣйшемъ времени“ <sup>2)</sup>.

По тщательномъ разслѣдованіи дѣла, генераль Розенъ былъ признанъ невиновнымъ и освобожденъ отъ суда. Остальныя же лица понесли тяжкія наказанія: <sup>3)</sup>. Тифлисскій комендантъ—маіоръ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 376.

<sup>2)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 207.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

Комненъ, высидѣвъ пять мѣсяцевъ подъ арестомъ, исключенъ былъ изъ службы, безъ права опредѣленія вновь. Начальникъ караула, подпоручикъ Поскочинъ, разжалованъ въ рядовые. Полицеймейстеръ Тифлиса, князь Давидъ Баратовъ, лишенъ дворянства и „написанъ“ въ рядовые въ отдаленный гарнизонъ. Совѣтникъ казенной экспедиціи, князь Ноніа Сумбатовъ, приговоренъ къ аресту, безъ опредѣленія впредь „ни къ какимъ дѣламъ“.

Главнѣйшіе участники и пособники въ бѣгствѣ Соломона, полицейскіе сотники: Автандиловъ и Пентелевъ, десятникъ Эриванскій и лавочникъ Бежанъ Мурасовъ приговорены были къ смертной казни. Царскій служитель Табукашвили и цырюльникъ Саламидзе приговорены были судомъ къ четвертованію, но Тормасовъ замѣнилъ это наказаніе ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Что-же касается полицейскаго сотника Полавандова, обвинявшагося въ предварительномъ переводѣ лошадей изъ имеретинскаго табуна на правый берегъ Куры, за рѣчку Веру, то судъ, найдя это обвиненіе недоказаннымъ, постановилъ: „полицейскаго сотника Полавандова отъ наказанія оставить свободнымъ и дѣло объ немъ предать волѣ Божіей“. Но Тормасовъ противъ этой резолюціи собственноручно написалъ: „разстрѣлять“ <sup>1)</sup>.

Дорогой цѣной доставили тифлисскіе имеретины свободу своему царю, но это было лишь ничтожнымъ предвѣстіемъ тѣхъ громаднѣхъ жертвъ, которыхъ вскорѣ потребовалъ Соломонъ отъ своего истерзаннаго царства.

---

<sup>1)</sup> Дѣло штаба отд. кавк. корп. по дежурству. 1-го отдѣленія. 1810 года № 3. Приговоръ надъ всѣми осужденными къ смертной казни былъ «при собраніи народа» приведенъ въ исполненіе 30-го декабря 1810 года въ 10-ть часовъ утра. (Рапортъ генераль-маіора Ахвердова генералу Тормасову отъ 30-го декабря 1810 года № 4979. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 455). Изъ документовъ, уцѣлѣвшихъ еще въ Тифлисскихъ архивахъ, не было возможности выяснить какой отвѣтственности подверглись часовые. Но по нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, что они были оправданы судомъ, ввиду того, что, безъ содѣйствія полицейскихъ чиновъ, не могли узнавать лицъ, выходившихъ изъ дома Сумбатова—отъ царя Соломона.

## Глава VII.

Мѣры, принятыя генераломъ Тормасовымъ для сохраненія спокойствія въ Имеретіи. Письма и воззванія царя Соломона. Прокламація Симоновича. Возстаніе въ Имеретіи. Положеніе войскъ Симоновича. Назначеніе генераль-маіора князя Орбеліани командующимъ войсками въ Имеретіи. Бой въ альскомъ ущельи. Отступленіе князя Орбеліани къ Сураму. Назначеніе генераль-лейтенанта барона Розена.

Получивъ извѣстіе о бѣгствѣ царя Соломона, генераль Тормасовъ поспѣшно вернулся изъ Карабаха въ Тифлисъ. Здѣсь онъ немедленно принялъ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать замысламъ царя и сохранить спокойствіе въ Имеретіи. Симоновичу предписывалось <sup>1)</sup> тщательно наблюдать за проходами въ Ахалскихъ, особенно за ханійскимъ и загамскимъ ущельями, занять нашими войсками наиболѣе важные пункты страны и пресѣчь возможность сношеній Соломона съ населеніемъ Имеретіи. Съ этой послѣдней цѣлью, предписано было, между прочимъ, заключить въ крѣпость Поти царицу Марію, сестру ея—княгиню Микеладзе и жену князя Малхаза Андроникова, стараясь выполнить это „нечаянно, но самымъ скромнымъ образомъ“. Семейства же князей, бѣжавшихъ съ Соломономъ, предписывалось содержать въ крѣпостяхъ Имеретіи подъ строгимъ надзоромъ, отобравъ имѣнія ихъ въ казну съ тѣмъ, чтобы потомъ награждать ими людей, „доброусердствующихъ и отличающихся вѣрностью намъ“.

„Справедливая строгость, писалъ по этому поводу Тормасовъ, служила по большей части обузданіемъ отъ вредныхъ предпріятій, какъ бы народъ ни былъ легковѣренъ, а награжденія честныхъ и вѣрныхъ людей поощряли многихъ къ усердію“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій обратился съ особымъ

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 17-го мая 1810 года № 395.

„объявленіемъ“ къ собору имеретинскихъ митрополитовъ, которымъ совѣтывалъ „не только отложить всякія помышленія о томъ, чтобы на пагубу Имеретіи желать возвращенія на царство бывшаго царя Соломона, который послѣ богопротивнаго поступка навсегда уже лишился всякаго права ожидать себѣ прощенія отъ государя императора, но потщиться всемѣрно утверждать въ вѣрности къ Его Императорскому Величеству управляемыя паствы и отвращать ихъ отъ всякихъ вредныхъ намѣреній входить въ сношенія съ бывшимъ царемъ“<sup>1)</sup>).

Тѣмъ временемъ, Соломонъ благополучно достигъ ахалцхской границы и 13-го мая прибылъ въ селеніе Котели, гдѣ въ это время находился царевичъ Александръ. Послѣдній тотчасъ же послалъ въ Имеретію оповѣщеніе о бѣгствѣ Соломона: „Богъ прозрѣлъ на насъ, писалъ Александръ князю Отія Лордкипанидзе, и счастье дома нашего началось. Сегодня, т. е. 13-го мая, царь Соломонъ, бѣжавъ отъ русскихъ изъ Тифлиса со своими князьями, какіе тамъ при немъ находились, пожаловалъ въ Котелію. Отъ паши и отъ насъ отправлены во всѣ стороны вѣстники и письма. Знаемъ, что и вы изволите быть вѣрны дому Багратіоновъ. Нынѣ часъ и время выказать вамъ свое мужество, дѣйствуя въ той сторонѣ, чѣмъ вы на вѣки одолжите нашъ домъ“<sup>2)</sup>).

Съ своей стороны и царь Соломонъ началъ наводнять Имеретію своими воззваніями. Съ обычной непослѣдовательностью и легкомысліемъ онъ въ одно и тоже время просилъ старѣйшихъ іерарховъ Имеретіи, митрополитовъ Генатели и Софронія, быть ходатаями за него передъ русской властью<sup>3)</sup> и призывалъ къ возстанію жителей Лосіатхевской волости. „Я ожидаю отъ вашей преимушественной вѣрности ко мнѣ, писалъ Соломонъ лосіатхевцамъ, что положите за меня ваши головы, да и родственные вамъ дома и сосѣдей вашихъ ободрите, чтобъ не погибнуть вамъ подобно Грузіи, жители которой подъ властью русскихъ духовно ѣдятъ мясо въ великую пятницу, а тѣлесно въ горькихъ мученіяхъ вздыха-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 267.

<sup>2)</sup> Письмо царевича Александра князю Отія Лордкипанидзе отъ 13-го мая 1810 года.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 342. Письма Соломона митрополитамъ Генатели и Софронію отъ 17-го мая 1810 года.



ють о смерти. Сперва и ихъ обманули клятвою и золотомъ, а нынѣ грузины не рады ни богатству, ни домамъ своимъ; теперь съ бѣдныхъ даже за каждаго мертвеца по 3 рубля взыскивають, а безчестіе домовъ и семей заставляетъ ихъ горько вздыхать и стонать, и дома ихъ день-ото-дня приходятъ въ униженіе. Когда рускіе успѣють поработить и васъ, тогда ваше положеніе будетъ еще горьше и труднѣе,—и тѣ, которые сегодня сулятъ вамъ золото, завтра лишатъ васъ насущнаго; сегодня съ честью обходятся съ вами, а завтра, знайте, они уронятъ достоинство и честь вашихъ семей,—качества, коими они отличаются противу всѣхъ другихъ земель. Если я въ чемъ другомъ не служилъ Имеретіи, то по крайней мѣрѣ извѣстно всѣмъ, что любовью и почтеніемъ къ вамъ сердце мое никогда не насыщалось. Будьте также увѣрены, что съ неба ли, или съ земли, но свою жизнь долженъ окончить за Имеретію.—Поспѣшите прислать намъ немного вина и водки<sup>1)</sup>.

Подобнаго же содержанія было письмо Соломона и къ митрополиту Досифею. „Когда сердце мое рѣшительно убѣдилось, писалъ Соломонъ, что меня хотѣли отправить въ Россію, его объялъ огонь разлуки съ вами и вѣчнаго удаленія изъ Имеретіи. Всякой поднебесной славѣ я предпочелъ быть съ вами, радоваться съ вами, жить и умереть съ вами, почему и рискнулъ своею головою, уйдя изъ города (Тифлиса). Невозможно выразить общую радость большихъ и малыхъ по случаю моего пріѣзда сюда. Теперь мое желаніе обращено къ вамъ и ко всей Имеретіи. Клятвою васъ увѣряю, что если бы моя ссылка доставила Имеретіи счастье и свободу, то я принялъ бы ее съ радостью, какъ теперь рискнулъ своей головою, чтобъ только съ вами не разлучаться“<sup>2)</sup>. Далѣе въ этомъ письмѣ Соломонъ, предостерегая имеретинъ, описывалъ мнимыя бѣдствія Грузіи подъ нашимъ владычествомъ и заканчивалъ письмо обычной просьбой: „подошлите къ намъ немного вина и водки, господинъ мой“. Стараясь возбудить сочувствіе къ себѣ вліятельныхъ людей Имеретіи, Соломонъ не упустилъ изъ виду и князя Зураба Церетели, къ которому также обратился съ письмомъ, прося по-

<sup>1)</sup> Письмо Соломона лосіатхевцамъ отъ 17-го мая 1810 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 343.

<sup>2)</sup> Письмо Соломона къ Кутатели—митрополиту Досифею отъ 17-го мая 1810 года.

содѣйствовать къ возвращенію его въ Имеретію. „Вы видите, писалъ Соломонъ, и страна видить, какая тяжкая бѣда день-ото-дня постигаётъ ихъ безъ царя“ <sup>1)</sup>).

Для того, чтобы отвратить тѣ вредныя послѣдствія, которыя неминуемо должны были произойти отъ обращенія среди населенія Имеретіи писемъ Соломона, Симоновичъ, 22-го мая, обнародовалъ прокламацію къ духовенству, князьямъ, дворянству и всему имперетинскому народу, приглашая ихъ прекратить всякія сношенія съ царемъ и лицами, находившимися съ нимъ въ Ахалцыхѣ. За доставленіе русскимъ начальникамъ писемъ Соломона и пронесителей ихъ обѣщалось награжденіе чинами, землями и прочимъ. Всякій же, кто не исполнитъ этого или будетъ уличенъ въ сношеніяхъ съ царемъ, не смотря ни на какое состояніе „признанъ будетъ, говорилось въ прокламаціи, за измѣнника, исторженъ изъ нѣдръ своего семейства и увлеченъ на тяжкое и вѣчное заточеніе въ отдаленнѣйшіе предѣлы Сибири, а имѣніе его движимое и недвижимое, все безъ изъятія, раздается имеретинамъ, благонамѣреннымъ и усерднымъ къ пользѣ службы Его Императорскаго Величества“ <sup>2)</sup>. Людей, пронесившихъ письма Соломона изъ Ахалцыха, главнокомандующій предписывалъ ловить, „производить надъ ними короткій судъ и, тотчасъ по прогнаніи шпицрутенами, въ страхъ другимъ, отсылать въ Потійскую крѣпость для содержанія ихъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ, употребляя при томъ въ тяжелья работы, а имѣнія ихъ, буде не важны, раздавать наиболѣе усерднымъ и вѣрнымъ людямъ“ <sup>3)</sup>.

Однако, ни строгій надзоръ за путями въ Ахалцыхъ, ни угрозы прокламаціи,—ничто не могло прекратить дѣятельныхъ сношеній, завязавшихся между царемъ Соломономъ и князьями Имеретин. Послѣдніе въ своскорыстныхъ цѣляхъ искренно желали возвращенія порядковъ, существовавшихъ въ Имеретіи при царѣ Соломонѣ. Духовенство было не мало смущено оборотомъ, который приняли отношенія наши къ Соломону тотчасъ же послѣ того, какъ онъ вы-

<sup>1)</sup> Письмо Соломона князю Зурабу Церетели отъ 23-го мая 1810 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 396.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 271.

<sup>3)</sup> Пред писаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 8-го іюня 1810 года № 537.

ѣхаль изъ Имеретіи на свиданіе съ Тормасовымъ. Что же касается простаго народа, то, послѣ всего происшедшаго съ Соломономъ, личность послѣдняго приобрѣла особое обаяніе, и народъ сталъ настолько сочувственно относиться къ судьбѣ своего царя-скитальца, что письма его съ жадностью читались въ самыхъ глухихъ тущахъ Имеретіи, вызывая въ сердцахъ слушателей порывы неподдѣльной преданности къ бѣдствующему представителю своей древней династіи. Волненіе начинало охватывать населеніе, признавшее теперь священнымъ для себя долгомъ откликнуться на призывъ своего царя. Этому не мало способствовало и то обстоятельство, что заведенный нами, взаимѣнъ царской власти, порядокъ управленія страной, съ первыхъ же дней рѣшительно не приобрѣлъ себѣ симпатій народа, не смотря даже на то, что управленіе это оставлено было нами, по старому, въ рукахъ имеретинскихъ князей, моуратовъ, бокауловъ и проч. царскихъ еще чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ лишь „Россійскаго военнаго начальника“ <sup>1)</sup>). „На вопросъ мой, доносилъ Симоновичъ, о причинѣ возмущенія жителей, они черезъ здѣшнихъ митрополитовъ отвѣтствовали, что, взявъ отъ нихъ одинъ разъ царя, лучше бы мы сдѣлали, если бы умертвили его или отправили бы въ Сибирь, и они оставались бы навсегда спокойными; но теперь, когда прежній ихъ повелитель, безъ согласія народа удаленный, опять пришелъ и требуетъ помощи, они священнымъ себѣ вмѣняютъ долгомъ оказать ему всѣ опыты своего усердія и не престанутъ до тѣхъ поръ бунтовать и проливать кровь, пока не будетъ Соломонъ по прежнему возстановленъ на царствѣ, и что другого царя они никакъ имѣть не согласны“ <sup>2)</sup>).

Положеніе наше въ Имеретіи было тѣмъ болѣе затруднительно, что мы не имѣли тамъ рѣшительно ни одного преданнаго намъ человѣка. „Истинно преданныхъ намъ, доносилъ Симоновичъ, нѣтъ ни одного, ни изъ князей, ни изъ дворянъ. Сахлтъ-хуцесь Церетели, не говоря уже о прочихъ, вмѣсто того, чтобы составить въ семь случаѣ свою партію и вліяніемъ своимъ, какое имѣетъ онъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 438.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 7-го іюня 1810 года № 770. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 278.

на народъ, быть намъ полезнымъ, остается какъ будто безпристрастнымъ зрителемъ и если не содѣйствуетъ тайно бунтовщикамъ, то, по крайней мѣрѣ, намъ ничѣмъ не помогаетъ“ <sup>1)</sup>). Къ этому надо прибавить, что и самъ Симоновичъ, какъ представитель нашей власти въ Имеретіи, далеко не пользовался должнымъ довѣріемъ со стороны населенія ея. „Не могу я, писалъ онъ въ послѣдствіи генералу Торماسову, <sup>2)</sup> хвалиться особенною къ себѣ довѣренностью имеретинцевъ, хотя съ своей стороны и стараюсь оную въ нихъ вселять и едва ли скоро въ этомъ успѣю послѣ того, какъ присягалъ царю въ присутствіи народа передъ крестомъ и евангеліемъ, что онъ не будетъ взятъ нами подъ караулъ, но онъ былъ взятъ и изъ подъ онаго бѣжалъ. Точно также, царицу Марію клятвенно увѣрялъ я, что она будетъ жить въ Тифлисѣ, между тѣмъ какъ она уже отправлена въ Россію. Оказавшимъ намъ усердіе и вѣрность, а многимъ за оныя жестоко пострадавшимъ обѣщаль милости и награды, но они ихъ доселѣ не получаютъ“. Это донесеніе сильно задѣло генерала Торماسова и онъ, потребовавъ отъ Симоновича „болѣе ясныхъ по этому поводу объясненій“, отстранялъ отъ себя всякую отвѣтственность. „Изъ рапортовъ вашихъ, писалъ онъ Симоновичу, <sup>3)</sup> я никогда не видалъ, чтобы вы въ сей силѣ давали присягу бывшему царю, да и правитель канцеляріи моей, надворный совѣтникъ Могилевскій, вмѣстѣ съ вами присягавшій, донесъ мнѣ сходно съ вашимъ рапортомъ, что присяга сія состояла въ томъ, что царь, по прибытіи его ко мнѣ, будетъ принять съ почестью, приличною его сану, что особа его будетъ въ совершенной безопасности, и что въ Тифлисѣ онъ свободно дождется высочайшаго объ его участи рѣшенія. И такъ, сходно съ симъ, онъ былъ принять со всѣми приличными почестями; караулъ, соответствующій его сану, при его домѣ былъ поставленъ также для почести, а не для его ареста, ибо онъ всегда по его волѣ имѣлъ свободный выѣздъ изъ дому куда только хотѣлъ, а что было секретное изъ подъ руки за нимъ примѣчаніе,

<sup>1)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 7-го іюня 1810 года № 670. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 278.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 501.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 503.

то сіе не означаетъ ареста, и мѣра сія быти нужна послѣ покушенія его ѡбжаты изъ селенія Дирби. Особа его, сообразно вашей присягѣ, была также охранена всякою безопасностью и ему не только не сдѣлано ни малѣйшаго принужденія, но еще онъ пользовался всѣми возможными выгодами и большимъ содержаніемъ; если же онъ, не дождавшись высочайшаго ѡбъ участи его рѣшенія, которос, конечно, было бы въ его пользу, ѡбжалъ изъ Тифлиса, то въ этомъ есть вина—слабый его расудокъ, врожденная недовѣрчивость, злобныя совѣтниковъ его внушенія и недовѣріе къ благостямъ всемилостивѣйшаго государя императора. Слѣдовательно, я съ моей стороны ни въ чемъ не отступилъ отъ данной вами присяги и сохранилъ всю ея силу, но отъ чего теперъ вы выводите такую разницу въ присягѣ,—я совсѣмъ того не понимаю“. Такого же рода были объясненія Тормасова относительно и остальныхъ пунктовъ приведеннаго выше донесенія Симоновича. Послѣдній, очевидно, самъ ставилъ себя въ неловкое положеніе, не умѣя объяснить народу происходившіе факты съ точки зрѣнія высшихъ государственныхъ интересовъ, въ преслѣдованіи которыхъ главнокомандующій поступался иногда правилами обычной морали. Въ этомъ смыслѣ, Тормасовъ приведенными выше объясненіями несомнѣнно лишь указывалъ Симоновичу ту точку зрѣнія, которой онъ долженъ былъ держаться въ роли представителя интересовъ нашихъ въ Имеретіи.

Желая привлечь лицъ, на преданность которыхъ мы рассчитывали, къ болѣе дѣятельному участію въ успокоеніи распространявшагося волненія, главнокомандующій предложилъ князю Зурабу Церетели переѣхать на жительство въ Кутаисъ „и вспомошествовать полковнику Симоновичу въ управленіи дѣлами Имеретіи“ <sup>1)</sup>. Но двуличный сахлъ-хуцесь уклонился отъ этого подъ благовиднымъ предлогомъ бракосочетанія дочери своей съ владѣтельнымъ княземъ Мингреліи Леваномъ Дадіани и уѣхалъ въ свой сачхерскій замокъ, куда собралась большая часть князей и дворянъ Имеретіи. Донося ѡб этомъ, Симоновичъ добавлялъ: <sup>2)</sup> „я и прежде нѣсколько разъ

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова князю Зурабу Церетели 8-го іюня 1810 года № 643. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 362.

<sup>2)</sup> Рапортъ Симоновича генералу Тормасову отъ 10-го іюня 1810 года № 562.

замѣтилъ, что въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ онъ (князь Зурабъ Церетели) всегда уклонялся подъ разными предлогами отъ содѣйствія намъ; въ теперешнемъ случаѣ онъ слѣдуетъ прежней своей политики. Я почти совершенно увѣренъ, что Церетели если не совсѣмъ намѣренъ содѣйствовать царю въ достиженіи его намѣренія, то, по крайней мѣрѣ, не должно намъ многого ожидать отъ его къ намъ преданности и вѣрности“. Отстранившись отъ дѣятельнаго содѣйствія намъ, князь Зурабъ Церетели ясно доказывалъ сколь преувеличены были всегда надежды, возлагавшіяся нами на него. Однако, нельзя отрицать, что при настоящихъ обстоятельствахъ онъ былъ совершенно безсиленъ остановить стихійный напоръ народнаго чувства.—Имеретію охватывалъ пожаръ всеобщаго возстанія.

Борьба съ цѣлымъ народомъ, воодушевленнымъ исключительной идеей, составляетъ одно изъ наиболѣе тяжкихъ проявленій войны и, при богатствѣ театра средствами обороны, обращается обыкновенно въ кровавое испытаніе для вторгнувшихся войскъ. Въ такихъ именно условіяхъ очутились и полки Симоновича, разбросанные незначительными частями по всей Имеретіи. Сообщение прервалось. Сборъ свѣдѣній затруднился до крайности. Исчезла возможность пользоваться услугами мѣстныхъ жителей. „Не черезъ кого даже отправлять бумагъ, доносилъ по этому поводу Симоновичъ, которыя вездѣ перехватываются бунтовщиками, отъ чего и настоящихъ свѣдѣній о мѣстопробываніи царя и о его войскахъ имѣть не можно; казаковъ же употреблять на сіе нельзя, въ противномъ случаѣ, должно всѣхъ ихъ въ скоромъ времени даже въ одинъ разъ лишиться“ <sup>1)</sup>.

Къ срединѣ іюня возставшее населеніе сгруппировалось въ нѣсколько болѣе или менѣе крупныхъ шаккъ, которыя начали нападать на наши гарнизоны и команды. Одна изъ такихъ шаккъ, въ числѣ около 2-хъ тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ князя Кайхосро Абашидзе, собралась въ лѣсахъ Лосіатхевской волости. Узнавъ объ этомъ, полковникъ Симоновичъ командировалъ изъ квирильскаго поста къ селенію Аргусти маіора Калатузова съ

<sup>1)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 7-го іюня 1810 года № 670.

двумя ротами Кавказскаго гренадерскаго полка, при одномъ орудіи<sup>1)</sup>. Но Калатузовъ, вмѣсто точнаго выполненія полученнаго имъ предписанія, по собственной инициативѣ направился къ селенію Сакаро и безъ надлежащихъ предосторожностей вошелъ, 22-го іюня, въ лѣсисто-болотистое дефиле, по которому проходитъ здѣсь лосіатхевская дорога. Едва колонна втянулась въ узкій корридоръ лѣсной чащи, какъ была осыпана градомъ пуль засѣвшаго здѣсь противника. Въ первое же время изъ строя выбыло около 50-ти человекъ убитыми и ранеными, при чемъ однимъ изъ первыхъ палъ и самъ начальникъ колонны, маіоръ Калатузовъ. Принявшій послѣ него команду капитанъ Титовъ, видя бесполезность перестрѣлки, бросился на мятежниковъ въ штыки и послѣ рукопашной схватки, въ которой имеретины потеряли около 100 человекъ, вогналъ ихъ въ глубину лѣса. Однако, дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля становилось опаснымъ, и капитанъ Титовъ вывелъ свой отрядъ обратно изъ лѣса. Разсѣянные было мятежники снова собрались въ сильно-укрѣпленномъ селеніи Сакаро<sup>2)</sup>.

Это первое столкновеніе, въ которомъ мы не достигли рѣшительнаго успѣха, имѣло крайне невыгодныя для насъ послѣдствія. Мятежъ началъ разливаться по всей странѣ неудержимой волной и совершенно прервалъ сообщеніе съ Грузіей<sup>3)</sup>. Но главнокомандующій въ это время еще не имѣлъ положительныхъ свѣдѣній объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Имеретіи и о разгорѣвшемся уже мятежѣ узналъ лишь 22-го іюня, изъ письма князя Зураба Церетели. „Содержаніе сего письма весьма меня удивило, писалъ Тормасовъ Симоновичу<sup>4)</sup>, потому что я и по заключеніямъ моимъ изъ вашихъ рапортовъ, и по извѣстіямъ, съ разныхъ сторонъ получаемымъ, полагалъ, что дѣла у васъ въ надлежащемъ порядкѣ, и народъ имеретинскій спокоенъ. Хотя же и теперь не даю я полной вѣры симъ извѣстіямъ и считаю оныя мало основательными, однако же, безпокоюсь отчасти, чтобы и въ самомъ дѣлѣ легковѣрный народъ черезъ вредныя обольщенія не поддался

<sup>1)</sup> Рота тогдашняго состава имѣла, во всякомъ случаѣ, не болѣе ста человекъ.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Симоновича генералу Тормасову отъ 23-го іюня 1810 года № 647.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 369 и 371.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 22-го іюня 1810 года № 98.

къ волненію, для чего предписываю какъ наипоспѣшнѣе увѣдомить меня о нынѣшнемъ вашемъ положеніи и сколь справедливы сіи извѣстія“.

Между тѣмъ, положеніе Симоновича въ это время было до крайности труднымъ. Опасаясь за свои разбросанныя войска, онъ счелъ необходимымъ, послѣ неудачи сакарскаго столкновенія, оставить охрану проходовъ въ Ахалцыхъ и занять болѣе сосредоточенное положеніе, для „успѣшнѣйшаго дѣйствія противу внутренняго непріятели“ <sup>1)</sup>. Но мѣра эта, предоставлявшая нашимъ противникамъ широкую арену для свободной агитации, способствовала лишь еще большему развитію мятежа.

24-го іюня маіоръ Княжевичъ, конвоировавшій, съ двумя ротами 15-го егерскаго полка и однимъ орудіемъ, два единорога, которые были отправлены Тормасовымъ изъ Грузіи въ войска Симоновича, подвергся нападенію имеретинъ въ узкомъ, лѣсистомъ чешурскомъ ущельѣ. Въ теченіе двухъ дней незначительный отрядъ Княжевича пробивался черезъ массы засѣвшаго въ лѣсу противника и 26-го іюня прибылъ въ Кутаисъ, потерявъ 10-ть человѣкъ убитыми, 48-мь ранеными и одинъ зарядный ящикъ, завязшій въ болотѣ при переправѣ отряда черезъ рѣку Чешури. На сколько упоренъ и жарокъ былъ этотъ двухдневный бой, можно судить по тому, что незначительнымъ отрядомъ маіора Княжевича было выпущено около 25-ти тысячъ патроновъ и 90 артиллерійскихъ снарядовъ—цифра для тогдашняго состоянія огнестрѣльнаго оружія весьма высокая <sup>2)</sup>.

Почти одновременно съ этимъ, рота Кавказскаго гренадерскаго полка, отходившая подъ командою капитана Суханова изъ селенія Свири въ Кутаисъ, также подвергалась нападеніямъ мятежниковъ у Багдада и на переправѣ черезъ рѣку Квирилу, потерявъ убитыми и ранеными 10-ть человѣкъ. 29-го іюня три роты того же полка, шедшія подъ командою маіора Ушакова въ Сакинскую область, наткнулись у крѣпостцы Тхачири на засаду, устроенную мятежниками въ лѣсу, и потеряли изъ строя 15-ть человѣкъ. Еще болѣе

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 373.

<sup>2)</sup> Дѣло архива окр. штаба 1810 года, №№ 59 и 207.



часты сдѣлались нападенія на наши разѣзды и одиночныхъ людей. 26-го іюня имеретины убили въ селеніи Маглаки казака, посланнаго изъ Марани въ Кутаисъ. Въ тотъ же день были убиты еще два казака по дорогѣ въ Варъ-цихе, а нѣсколько дней спустя, мятежники напали на нашъ разѣздъ и убили начальника сго—сотника Наумова. Возстаніе разлилось по странѣ съ еще большею силою послѣ того, какъ, въ началѣ іюня, прибылъ въ Имеретію изъ Ахалцыха царь Соломонъ съ толпами лезгинъ и турокъ. Въ видѣ благодарности за помощь, полученную отъ турокъ, Соломонъ тотчасъ же послалъ въ Ахалцыхъ нѣсколько головъ, отрубленныхъ отъ убитыхъ русскихъ солдатъ. Шерифъ-паша принялъ ихъ съ благодарностью и просилъ Соломона, котораго величалъ „отцомъ“, прислать еще такой же подарокъ для поднесенія султану <sup>1)</sup>).

Таково было положеніе дѣлъ въ Имеретіи, когда Тормасовъ, убѣдившись, наконецъ, въ критическомъ положеніи войскъ Симоновича, рѣшилъ послать на помощь имъ два баталіона Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Орбеліани, хорошо знакомаго съ мѣстными условіями имеретинскаго театра. Сознавая нѣкоторую запоздалость этой мѣры, Тормасовъ предписывалъ князю Орбеліани „поспѣшить форсированными маршами въ Имеретію“ и, по прибытіи туда, принять „командованіе надъ всѣми войсками, тамъ расположенными“ <sup>2)</sup> Это послѣднее условіе неизбѣжно вызывало подчиненіе полковника Симоновича <sup>3)</sup> генераль-маіору князю Орбеліани. Но Тормасовъ почему то нашелъ возможнымъ поставить этихъ двухъ восначальниковъ въ довольно неопредѣленные одинъ къ другому отношенія. Князю Орбеліани предписывалось „располагать дѣйствія, согласно съ полковникомъ Симоновичемъ, требуя отъ него содѣйствія и оказывая ему такое же по сго донесеніямъ. Впрочемъ, добавлялъ Тормасовъ, я не связываю васъ ни въ какихъ распоряженіяхъ и поручаю вамъ самимъ распорядиться, сообразно съ мѣстными обстоятельствами и

---

<sup>1)</sup> Дѣло архива окр. штаба 1810 года, № 59.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору князю Орбеліани отъ 28-го іюня 1810 года № 104.

<sup>3)</sup> Приказъ о производствѣ Симоновича въ генераль-маіоры состоялся лишь въ августѣ 1810 года.

съ пользами службы Его Императорскаго Величества. Зная же ревность вашу къ службѣ, дѣятельность и опытность въ дѣлахъ военныхъ, не сомнѣваюсь ни мало, что, ваше сіятельство, не упустите изъ виду ничего, что только будетъ полезно для нашихъ дѣйствій и для службы все милостивѣйшаго нашего государя императора, и что вы въ семь разѣ отличите себя съ такою же похвалою, какъ показали прежде многія заслуги отечеству въ продолженіе долговременнаго вашего служенія<sup>1)</sup>. Одновременно съ этимъ, главнокомандующій писалъ Симоновичу: „По вступленіи своемъ въ границы Имеретіи, генераль-маіоръ князь Орбеліани, какъ старшій чиномъ, приметъ командованіе надъ всѣми войсками, въ томъ краю расположенными. Сего требуетъ порядокъ службы, но я знаю, что вы, любя сами порядокъ службы, а паче по отличному вашему усердію къ оной, котораго показали многіе уже похвальные опыты, не только не примите сего въ оскорбленіе себѣ, но, напротивъ, приложите всѣ свои попеченія содѣйствовать ему какъ военными подвигами, такъ и благоразумными вашими совѣтами въ распоряженіяхъ. Впрочемъ, когда утушенъ будетъ пожаръ, возгорѣвшійся въ легковѣрномъ народѣ, и покой въ Имеретіи восстановится, то войска сіи взяты будутъ назадъ, и вы останетесь по прежнему начальствующимъ въ томъ краю, такъ какъ я нахожу васъ наиболѣе достойнымъ сего почтеннаго званія“<sup>2)</sup>.

Такимъ образомъ, въ критическую минуту, когда рѣшался вопросъ объ участи нашего положенія въ Имеретіи, Тормасовъ создавалъ здѣсь нѣчто въ родѣ двосвастія и почему то находилъ болѣе соответственнымъ расточать похвалы обоимъ восначальникамъ, взаимнѣнъ категорическаго предписанія одному изъ нихъ безпрекословно подчиниться другому. Послѣднее было тѣмъ необходимымъ, что Симоновичъ и Орбеліани уже хорошо знали одинъ другаго по предшествовавшей дѣятельности ихъ въ той же самой Имеретіи, а при такихъ условіяхъ, интимныя аттестаціи главноко-

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генерал-маіору князю Орбеліани отъ 28-го іюня 1810 года № 104.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Симоновичу отъ 28-го іюня 1810 года № 636.

мандующаго едва ли могли содѣйствовать установленію надлежащихъ отношеній между этими двумя военачальниками.

Отправляя князя Орбеліани съ кабардинскими баталіонами въ Имеретію, Тормасовъ имѣлъ въ виду привлечь къ содѣйствію намъ и владѣтельныхъ князей Мингреліи и Гуріи. „Тотчасъ по вступленіи вашемъ въ Имеретію, писалъ онъ по этому поводу князю Орбеліани <sup>1)</sup>, требуйте отъ владѣтельныхъ князей Мингрельскаго и Гуріельскаго скорого содѣйствія ихъ войсками, коимъ въ наказаніе бунтовщиковъ и въ страхъ другимъ дозвольте грабить бунтующія селенія, также какъ и самимъ имеретинцамъ, кои будутъ на нашей сторонѣ, дайте волю то же дѣлать. Но однако же не оставьте при томъ первоначально обезпечить войска Его Императорскаго Величества продовольствіемъ, забирая у мятежниковъ скотъ и всякіе съѣстные припасы безденежно. Только всемѣрно старайтесь отвращать, чтобы не пострадали невинные жители, коихъ оградите всею безопасностью. Надъ бунтовщиками же разрѣшаю вамъ оказать примѣрную строгость, не взирая ни на какое лицо и не дѣлая имъ никакой пощады. Пойманныхъ въ сихъ волнующихся скопищахъ князей или важныхъ дворянъ, кто бы они ни были, предписываю заковывать въ желѣзо и, буде нельзя отправлять ихъ тотчасъ въ Тифлисъ, то посадите въ надежныя крѣпости и прикажите имѣть за ними самый строгій присмотръ до отсылки ихъ въ Сибирь, а простыхъ бунтовщиковъ—можете нѣсколькихъ въ страхъ другимъ и повѣсить, буде сіе по обстоятельствамъ признаете надобнымъ и полезнымъ, но со всѣми вообще мятежниками, кои будутъ пойманы живыми, поступайте со всею строгостью и держите оныхъ закованными“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Тормасовъ не упускалъ изъ виду и самого царя Соломона. Еще въ половинѣ іюня предписывалъ онъ Симоновичу слѣдить за „бѣглымъ царемъ и имѣть при немъ въ Ахалцыхѣ, хотя бы то было и за значущія издержки, шпіоновъ изъ надежныхъ людей, кои, замѣчая за каждымъ его шагомъ, предварительно бы обо всемъ извѣщали. Нынѣ же, добавлялъ Тормасовъ, поручаю вамъ еще объясниться съ княземъ Елизбаромъ

---

<sup>1)</sup> Предписаніе отъ 28-го іюня 1810 года № 104.

Эристовымъ, чтобы онъ сообщилъ вамъ весь бывшій его разговоръ съ полковникомъ Лисаневичемъ въ Тифлисѣ по моему приказанію, и если вы послѣ сего разговора то или другое средство будете предвидѣть возможнымъ къ вѣрному исполненію, то, не жалѣя золота, можете найти людей, кои бы взялись привести сіе въ дѣйствіе, для спокойствія народнаго и во избѣжаніе тѣхъ замѣшательствъ и безпокойствъ для войскъ, кои всегда будутъ случаться, доколѣ бѣгленецъ будетъ въ Ахалцыхъ“<sup>1)</sup>).

29-го іюня 1810 года отрядъ генералъ-маіора князя Орбеліани выступилъ изъ саганлугскаго лагеря и, послѣ четырехъ форсированныхъ переходовъ, прибылъ въ Сурамъ. Здѣсь было получено извѣстіе, что дальнѣйшій путь въ Имеретію прегражденъ большими силами мятежниковъ, къ которымъ присоединилось много лезгинъ и ацхурскихъ татаръ.

Изъ Сурама въ лосіатхевскую волость, куда имѣлъ въ виду вторгнуться Орбеліани, можно было пройти только по двумъ направленіямъ: или по ваханскому ущелью, черезъ селеніе Зедувань, или же альскимъ ущельемъ, черезъ селеніе Картохти. Обѣ эти дороги, въ особенности первая, тянулись по узкимъ, лѣсистымъ тѣснинамъ, заваленнымъ мѣстами обломками окружаюшихъ скальи, благодаря этому, изобиловали такими позиціями, на которыхъ ничтожныя силы могли съ успѣхомъ задерживать многочисленнаго противника. На этомъ то участкѣ имеретинской дороги нѣсколько тысячъ мятежниковъ, подъ предводительствомъ князей: Малхаза Андроникова, сына Зураба Церетели—Семена и дворянина Годобралидзе, рѣшили преградить путь князю Орбеліани. Съ этой цѣлью, въ обоихъ ущельяхъ они возвели множество заваловъ и засѣкъ.

Желая развлечь силы бунтовщиковъ, князь Орбеліани рѣшилъ пройти въ Лосіатхевскую волость одновременно по двумъ направленіямъ, для чего раздѣлилъ свой отрядъ и одинъ баталіонъ съ двумя орудіями, подъ командою маіора Тихоцкаго, двинулъ альскимъ ущельемъ на Картохти и Чалуани, а самъ съ другимъ баталіономъ и однимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ направился по ваханскому ущелью, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить главныя силы мятежниковъ.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 366.

5-го іюля 1810 года гренадерскій баталіонъ Кабардинскаго полка, подъ начальствомъ шефа своего, генераль-маіора князя Орбеліани, выступилъ изъ Сурама. 8-го числа онъ безпрепятственно достигъ урочища Эльзнаури, гдѣ присоединилъ къ себѣ находившіяся тамъ, подъ общимъ начальствомъ маіора Прибыловскаго, двѣ роты Бѣлевскаго и двѣ роты 9-го егерскаго полковъ. На другой день, 9-го іюля, князь Орбеліани собирался уже перейти въ селеніе Марилісы, занятое по слухамъ значительными силами мятежниковъ, какъ вдругъ получило донесеніе Тихоцкаго: „Преслѣдуемый сильнымъ огнемъ имеретинскихъ и осетинскихъ войскъ, доносилъ начальникъ альской колонны, съ большимъ усиліемъ пробился сквозь толпы бунтовщиковъ до урочища Картохти, гдѣ и остановился, не имѣя болѣе силъ бороться съ мятежниками, окружившими и атаковавшими отрядъ“<sup>1)</sup>).

Орбеліани немедленно взялъ три роты кабардинцевъ, роту егерей, одно 3-хъ фунтовое орудіе и двинулся съ ними въ альское ущелье на выручку Тихоцкому, пославъ предписаніе идти туда же ротѣ егерей и ротѣ херсонскихъ гренадеръ, стоявшихъ въ селеніи Карели. Всѣ тяжести были оставлены въ селеніи Зедувани, подъ прикрытіемъ роты Кабардинскаго и двухъ ротъ Бѣлевскаго полковъ.

Въ это время въ альскомъ ущельѣ кипѣлъ неравный бой одного кабардинскаго баталіона съ тысячами мятежныхъ имеретинъ.

Выступивъ на разсвѣтѣ 5-го іюля изъ Сурама, Тихоцкій въ тотъ-же день дошелъ до селенія Али и на другое утро втянулся со всѣми предосторожностями въ тѣсное, лѣсистое ущелье. Едва колонна отошла верстъ семь отъ мѣста ночлега, какъ была встрѣчена сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ укрѣпленныхъ засѣлками садовъ селенія Питахты, въ которыхъ засѣло свыше двухъ тысячъ мятежниковъ. Кабардинцы безъ выстрѣла ударили въ штыки и въ теченіе часа овладѣли всѣми питахтскими садами и прилегавшими къ нимъ укрѣпленными высотами. Мятежники, подкрѣпляемые все новыми и новыми партіями, отступали по ущелью шагъ за шагомъ, осыпая кабардинцевъ мѣткими выстрѣлами изъ-за-каменей, деревьевъ и многочисленныхъ засѣкъ. Приходилось работать исключительно

<sup>1)</sup> Дѣло архива окр. штаба 1810 года, № 59.

штыками, такъ какъ для провоза орудій необходимо было предварительно расчищать дорогу. На протяженіи болѣе восьми верстъ колонна Тихоцкаго, окруженная со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріателемъ, съ „неизъяснымъ трудомъ“ продвигалась впередъ, прокладывая себѣ путь штыкомъ и топоромъ.

Мятежники насѣдали отовсюду, и въ то время, какъ головныя части колонны штыками выбивали ихъ изъ-за-заваловъ, въ хвостѣ прорубали просѣку для орудій, ведя съ противникомъ не менѣе упорный бой. Къ вечеру колонна подтянулась къ селенію Картохти. Измученныя тяжкимъ, неравнымъ боемъ люди нуждались въ отдыхѣ. Но непріатель всю ночь перестрѣливался со сторожевыми постами и поминутно тревожилъ нашъ бивакъ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, 7-го іюля, Тихоцкій двинулся дальше. Здѣсь дорога, сильно испорченная мятежниками, пролежала среди густого, дѣвственнаго лѣса, перевитаго колочими вьющимися растеніями (держидерева). Фланкерамъ приходилось идти лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сомкнутыхъ частей. Мятежники воспользовались этимъ, окружили колонну и бросались на нее съ самаго близкаго разстоянія. Встрѣчая непріателя штыками, ружейнымъ и картечнымъ огнемъ и поминутно выбивая его изъ заваловъ, колонна медленно подвигалась впередъ, расчищая подъ орудія дорогу. Послѣдняя, чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ болѣе становилась непроходимѣе. Потери росли. Офицеры, воодушевлявшіе солдатъ, гибли одними изъ первыхъ. А между тѣмъ, мятежники все болѣе усиливались вновь прибывавшими съ горъ толпами. Идти далѣе было непосильно тяжело. Около полудня отрядъ вступилъ на урочище Дампаль, представляющее небольшую открытую лѣсную поляну, ограниченную съ двухъ сторонъ глубокимъ оврагомъ. Здѣсь Тихоцкій рѣшилъ остановиться. Стянувъ колонну и прикрывшись густой цѣпью стрѣлковъ, разсыпанныхъ вдоль оврага, онъ приказалъ разбивать здѣсь лагерь. Но до наступленія ночи отряду пришлось огнемъ и штыками отбивать противника, очевидно старавшагося сбить Тихоцкаго съ занятой имъ позиціи. На другой день отрядъ оказался въ блокадѣ. Мятежники за ночь окружили его нѣсколькими рядами заваловъ и засѣкъ. Въ теченіе четырехъ дней, съ 8-го по 11-е іюля, велась непрерыв-

ная перестрѣлка, при чемъ имеретинны неоднократно бросались на нашъ лагерь, но всякій разъ были отбиваемы съ большимъ урономъ. Положеніе отряда становилось критическимъ. Четыре дни люди, не исключая и раненыхъ, не имѣли ни капли воды. На пятый день, состоявшій при отрядѣ дворянинъ Бакрадзе случайно отыскалъ на днѣ оврага небольшой родникъ, но послѣдній находился подъ выстрѣлами мятежниковъ; пришлось выбивать ихъ изъ ближайшаго къ роднику лѣса, что стоило отряду нѣсколькихъ человѣкъ убитыми и ранеными. Обозъ и орудія лишились почти всѣхъ лошадей: часть ихъ была перестрѣлена, а другая—погибала отъ болѣзней, такъ какъ за неимѣніемъ фуража, имъ давали древесныя листья. Истощенный отрядъ, обремененный большимъ количествомъ раненыхъ, лишившійся перевозочныхъ средствъ, находился въ безвыходномъ положеніи: впередъ-ли, почти 50-ть верстъ до Зедувани, или назадъ около 40-ка верстъ къ Сураму—одинаково нужно было пробиваться черезъ многочисленнаго непріятеля и неизбѣжно оставить ему орудія и обозъ.

Спасти отрядъ могла только помощь извнѣ, но для этого Тихоцкому необходимо было черезъ кого нибудь дать знать о своемъ положеніи. Охотникомъ вызвался линейнаго полка казакъ Чуприковъ, который счастливо пробрался черезъ толпы мятежниковъ и доставилъ извѣстіе о положеніи отряда Тихоцкаго, сначала въ Сурамаъ начальнику резервныхъ войскъ въ Карталиніи—маіору Бухвостову, а затѣмъ и въ Эльзнаури—генераль-маіору князю Орбеліани.

Бухвостовъ тотчасъ же командировалъ въ альское ущелье изъ Боржома роту Херсонскаго гренадерскаго полка съ 3-хъ фунтовымъ единогомомъ, а изъ Карельскаго ущелья—роту 9-го егерскаго полка. Присоединивъ къ себѣ по дорогѣ еще пятьдесятъ казаковъ, свѣжія роты эти пробились къ урочищу Дампаль и 11-го числа соединились съ отрядомъ Тихоцкаго. Въ тотъ же день подошелъ сюда изъ Эльзнаури и генераль-маіоръ князь Орбеліани. Проходя по альскому ущелью, онъ лично видѣлъ залитые кровью, заваленные трупами безчисленные завалы и засѣки, черезъ которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ штыками пробивались кабардинцы Тихоцкаго. Отрядъ послѣдняго былъ спасенъ. Теперь на Дампальской площад-

къ собралось около 10-ти ротъ при 4-хъ орудіяхъ<sup>1)</sup>. Войска горѣли желаніемъ идти на мятежниковъ, которые сосредоточились въ ущельи, на пути дальнѣйшаго движенія отряда и сгѣшно начали готовиться къ оборонѣ. Орбеліани рѣшилъ не давать имъ на это времени, и на зарѣ слѣдующаго дня, 12-го іюля, двинулъ свой отрядъ впередъ. Несмотря на сильный огонь мятежниковъ, на множество засѣкъ, преграждавшихъ путь,—мушкетеры, гренадеры, егеря, соревнуня одни передъ другими, неудержимымъ потокомъ стремились впередъ, сбрасывая штыками преграждающаго путь противника. На протяженіи восьми верстъ, до рѣчки Дзерули, велась эта стихійная атака. Но тутъ, съ крутаго берега, внезапно открылась далская и неутѣшительная панорама: перейдя рѣчку по деревянному мосту, дорога сбѣгала въ обширное грязное болото и на ней, насколько хваталъ глазъ, вздымались заваль за заваломъ, засѣка за засѣкой.... Орбеліани повернулъ назадъ къ Сураму, имѣя въ виду провезти весь свой отрядъ въ Имеретію черезъ ваханское ущелье<sup>2)</sup>.

Такъ кончилась неудачная попытка князя Орбеліани дѣйствовать въ сильно-пересѣченной странѣ раздробленными силами. Быть можетъ, онъ рассчитывалъ на содѣйствіе нашихъ войскъ, находившихся въ Имеретіи, такъ какъ Симоновичъ не могъ не знать о томъ, что главныя силы мятежниковъ сосредоточились къ проходамъ изъ Карталиніи съ тѣмъ, чтобы преградить здѣсь путь баталіонамъ Кабардинскаго полка. Но Симоновичъ, стянувъ одинъ баталіонъ къ Кутаису, а другой къ Варъ-цихе<sup>3)</sup>, оставался всѣ эти дни въ полномъ бездѣйствіи, и скопища мятежниковъ, не безпокоимыя съ тыла, свободно возводили завалы на пути князя Орбеліани и принудили его вернуться обратно къ Сураму, съ потерей 117-ти человекъ убитыми и ранеными, при чемъ болѣе 100 человекъ погибло изъ колонны Тихоцкаго<sup>4)</sup>. Потери мятежниковъ за то же время были несравненно больше и достигали нѣсколькихъ сотъ человекъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ во-

---

<sup>1)</sup> Около 800 штыковъ.

<sup>2)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 59.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 402.

<sup>4)</sup> За это время было выпущено 22500 патроновъ, (2 ядра, 21 картечь и израсходовано 115 скорострѣльныхъ трубокъ. (Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 59).



жаковъ возстанія—дворянинъ Годобралидзе. Тѣмъ не менѣе, отступление наше изъ альскаго ущелья вызвало сильный подъемъ духа у возставшихъ имеретинъ. Предводители мятежниковъ, сражавшихся противъ отряда князя Орбеліани—Малхазъ Андрониковъ и Ростомъ Церетели восторженно описывали царю Соломону свои подвиги и поздравляли его „съ побѣдой и счастьемъ“ <sup>1)</sup>).

Узнавъ о неудачѣ, постигшей князя Орбеліани въ альскомъ ущельѣ и сознавая, что она неизбежно „ободритъ мятежниковъ, кои разгласятъ объ этомъ между всѣми непріязненными Россіи сосѣдями“ <sup>2)</sup>),—Тормасовъ пришелъ въ сильное раздраженіе. „Неужели, писалъ онъ Орбеліани, я долженъ всегда мучиться черезъ ошибки другихъ? Боже мой, сколько напрасно потеряно людей и наипаче времени, ибо вы давно могли бы уже быть внутри самой Имеретіи, ежели бы не разсѣялись въ своихъ силахъ. Я не могу придумать, какія вы находили пользы отъ сего раздѣленія и, имѣя въ виду непріятеля, превосходнѣйшаго въ силахъ, защищаемаго горами, лѣсами и засѣками, изъ какихъ военныхъ правилъ вы взяли, что лучше вы можете пройти, раздѣлясь и ослабивъ себя? Между тѣмъ какъ цѣлою массою войскъ, съ которыми вы отсель выступили, и которыя еще послѣ къ вамъ присоединились, вы могли бы пробиться сквозь всѣ преграды, бунтовщиками поставленныя, и уже много бы выиграли надъ непріателемъ. Двѣ важныя ошибки я долженъ вамъ замѣтить: первая и главная—ваше раздѣленіе, а вторая, что, не узнавши въ какомъ положеніи теперь альская дорога и какія взялъ непріятель мѣры къ защищенію оной, послали туда маіора Тихоцкаго, зная его слабость и неопытность. Если бы онъ имѣлъ военный духъ, то, увидѣвъ себя окруженнымъ отъ непріятеля, не останавливался бы безъ воды, безъ корму и не далъ бы себя бить изъ-за-кустовъ по напрасну, а ударилъ бы въ штыки, и съ цѣлымъ баталіономъ грудью проложилъ бы себѣ дорогу гораздо съ меньшею потерсю,—какъ сдѣлалъ то въ подобномъ случаѣ храбрый капитанъ Титовъ, съ двумя только ротами Кавказскаго полка, въ которыхъ уже было потери въ людяхъ до пятидесяти чело-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 395 и 398.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани отъ 15-го іюля 1810 года № 703.

вѣкъ. Теперь же, вы должны были ходить сами на выручку сему баталіону и, бывъ впереди, возвращаетесь опять на старое только мѣсто и то съ роздыхами и остановками, когда, однако, только быстротою въ дѣйствіяхъ можно еще поправить то, что при первоначальныхъ распоряженіяхъ произвело сей безпорядокъ, отняло время и ободрило непріятели“ <sup>1)</sup>).

Но покоритель Поти рѣшительно не желалъ сознаться въ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ и, глубоко задѣтый упрекомъ главнокомандующаго, оправдывался въ дѣйствіяхъ какъ своихъ, такъ и маіора Тихоцкаго. „Цѣль моя, доносилъ онъ Торماسову, была та, чтобы развлечь мятежниковъ, не дать имъ укрѣпиться въ одномъ мѣстѣ и удерживать одинъ пунктъ; но когда вся Имеретія обратилась на защиту альской дороги, преградивши оную безчисленными завалами, засѣками и засадами, то тогда уже не было возможности пройти всѣ преграды и препятствія. И я долженъ былъ, по пресодолбніи неизвѣстныхъ трудностей, остановиться на мѣстѣ и ожидать секурса. Притомъ, можно ли узнать настоящую цѣль такого непріятели, который въ одинъ день перемѣняетъ свои намѣренія и стремится къ другимъ видамъ. Я ожидалъ главнаго сопротивленія по ваханской, какъ трудной дорогѣ, а оно вышло по альской. Ежели бы путь маіора Тихоцкаго былъ совершенъ благополучно, то тогда была бы изъ того для насъ большая польза. Во-вторыхъ, ваче высокопревосходительство замѣчаете, что маіоръ Тихоцкій, какъ человекъ молодой и неопытный, не долженъ бы посылаться въ такое мѣсто. Я смѣю увѣрить, что баталіонъ, бывшій въ командѣ его, такіа пресодолблъ трудности, которыя надобно приписать одной чрезвычайной храбрости и дѣятельному распоряженію. Онъ не одно мѣсто взялъ грудью и штыками, но цѣлыя пять-надцать верстъ очищалъ себѣ путь неустрашимою храбростію, бралъ стремительностію завалы, вытѣснялъ изъ оныхъ непріятели, оставлялъ вездѣ его трупы и занималъ самыя высоты горъ, защищаясь упорно мятежниками. Когда же, потерявши нѣсколько лошадей подъ орудіями и подъ вьюками и обременивши себя ранами, онъ встрѣтилъ ежечасно увеличивающіяся трудности, умноженіемъ

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Торماسова князю Орбеліани отъ 15-го іюля 1810 года № 704.

заваловъ и въ усиленіи непріятеля, то ему оставалось одно и послѣднее средство — остановясь на мѣстѣ, ожидать себѣ помощи. Я предаюсь на личное вашего высокопревосходительства о семъ разсужденіе и снова смѣю увѣрить, что ежели бы ваше высокопревосходительство были зритель, какія трудности преодолены маіоромъ Тихоцкимъ, какая храбрость предшествовала къ перенесенію оныхъ, то не имя неопытности тогда заслужилъ бы сей храбрый офицеръ“<sup>1)</sup>.

Единственное средство, которое могло бы загладить впечатлѣніе альской неудачи, главнокомандующій видѣлъ въ быстротѣ и энергіи дальнѣйшихъ дѣйствій. „Ради Бога, писалъ онъ князю Орбеліани, стремитесь только производить дѣйствія свои безостановочно“<sup>2)</sup>. Но Орбеліани, отойдя къ Сураму и занявшись здѣсь пополненіемъ своего продовольственнаго запаса, просилъ у Тормасова<sup>3)</sup> командировать возможно скорѣе въ альское ущелье свѣжія войска съ тѣмъ, чтобы, угрожая въ этомъ направленіи новымъ наступленіемъ, отвлечь вниманіе бунтовщиковъ отъ ваханскаго ущелья, по которому Орбеліани имѣлъ теперь въ виду пройти въ Имеретію. Тормасовъ возмущался. „Откуда еще я вамъ могу отдѣлнить войскъ, спрашивалъ онъ князя Орбеліани, да и сколько же я долженъ послать ихъ вамъ, когда ваше сіятельство, по соединеніи вашемъ съ маіоромъ Тихоцкимъ, имѣя у себя цѣлыхъ три баталіона, признали совершенно невозможнымъ преодолѣть трудности сей дороги. Вы въ распоряженіи своемъ имѣете цѣлыхъ восемь баталіоновъ. Какъ же съ симъ числомъ войскъ не дѣйствовать и какъ съ тремя баталіонами, вмѣстѣ теперь у васъ находящимися, не пробиться сквозь непріятеля? Я еще тѣхъ мыслей, добавлялъ Тормасовъ, что съ сими войсками не только не нужно дѣлать никакого отвлеченія непріятелю, но славнѣе гораздо, привлекиши его на себя, вдругъ всю силу его разбить и разсѣять; тогда путь вездѣ будетъ вамъ открытъ, и тогда вы постепенно, соединясь съ разными дру-

---

<sup>1)</sup> Рапортъ князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 18-го іюня 1810 года № 174.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани отъ 15-го іюля 1810 года № 704.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-маіора князя Орбеліани генералу Тормасову отъ 13-го іюня 1810 года № 8.

гими отрядами, въ Имеретіи находящимися, удобнѣе разрушите и ниспровергнете мятежниковъ“ <sup>1)</sup>).

По всему было видно, что князь Орбеліани, придавая чрезмѣрное значеніе силамъ и средствамъ бунтовщиковъ, едва ли можетъ найти въ себѣ достаточно энергіи для осуществленія плановъ главнокомандующаго. По этому, послѣдній передалъ главное начальствованіе надъ всѣми войсками, дѣйствовавшими въ Имеретіи, начальнику 20-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанту барону Розену.

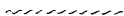


---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Торماسова князю Орбеліани отъ 15-го іюня 1810 года № 704. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 402.

## Глава VIII.

Оборона Чхери. Движеніе Розена къ Кутаису. Подавленіе мятежа. Перерывъ сообщенія Имеретіи съ Грузіей. Атака ханійскаго ушелья. Бѣгство Соломона въ Ахалцыхъ. Присоединеніе Имеретіи. Перешиска Соломона съ Тормасовымъ. Смерть царя Соломона.



Поручая подавленіе мятежа генераль-лейтенанту барону Розену, Тормасовъ предписывалъ ему немедленно отправиться въ Сурамъ, „истрбовать“ отъ князя Орбеліани всѣ получавшіяся послѣднимъ инструкціи главнокомандующаго, экстраординарную сумму и „немедля двигаться прямо на тотъ пунктъ, гдѣ находится главное скопище бунтовщиковъ съ тѣмъ, чтобы разбить и разсѣять его“ <sup>1)</sup>. Въмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій предписалъ князю Орбеліани дожидаться въ Сурамѣ прибытія генераль-лейтенанта барона Розена <sup>2)</sup>.

Но предписаніе это не застало уже здѣсь князя Орбеліани. 16-го іюля онъ снова двинулся въ Имеретію по ваханской дорогѣ. Уже въ семи верстахъ отъ Сурама наши войска были встрѣчены двухтысячной толпой мятежниковъ, укрѣпившихся въ лѣсахъ и скалахъ по обѣ стороны дороги, при чемъ послѣдняя преграждена была рядомъ заваловъ изъ громаднхъ бревенъ. Выбивая противника штыками, колонна медленно двигалась впередъ и къ вечеру подтянулась къ селенію Небозири, потерявъ въ этотъ день 5-ть человекъ убитыми и 18-ть ранеными. Здѣсь была слѣлана дневка, для починки орудіи и патронныхъ ящиковъ, изломавшихся наканунѣ. На слѣдующій день отрядъ перешелъ въ селеніе Зедувани, совершивъ по пути переправу черезъ рѣку Малиту, подъ сильнымъ ог-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту барону Розену отъ 16-го іюля 1810 года № 706.

<sup>2)</sup> Тоже князю Орбеліани отъ 15-го іюля 1810 года № 705.

немъ мятежниковъ, уничтожившихъ мость и сильно укрѣпившихся на противоположномъ берегу рѣки.

Въ Зедувани князя Орбеліани настигло помянутое выше предписаніе Тормасова—сдать командованіе войсками генераль-лейтенанту Розену и дожидаться въ Сурамѣ прибытія его. Последнее оказалось уже неисполнимымъ. Въ тоже время, основываясь на одномъ изъ предшествовавшихъ предписаній главнокомандующаго—„идти стремительнѣ“,—Орбеліани рѣшилъ двигаться форсированными маршами впередъ, не ожидая Розена; последнему онъ только послалъ предупрежденіе, что если онъ пожелаетъ изъ Сурама ѣхать дальше, вслѣдъ за войсками, то ему весьма опасно будетъ „пуститься въ столь бурный путь“. 19-го іюля Орбеліани пришелъ въ селеніе Махилисы, 20-го пробился черезъ многочисленныя толпы мятежниковъ къ селенію Легвани, но здѣсь, вслѣдствіе сильныхъ проливныхъ дождей, долженъ былъ дать своему отряду дневку. Къ вечеру этого же дня получено было свѣдѣніе, что наша команда, стоявшая въ Чхери, находится въ критическомъ положеніи. Это извѣстіе заставило князя Орбеліани утромъ 22-го іюля двинуться на выручку чхерскаго гарнизона.

Оборона крѣпости-замка Чхери составляетъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ эпизодовъ кавказской войны, въ которыхъ особенно ярко выразилась несокрушимая мощь духа русскаго солдата и беззаветная преданность его долгу присяги. Возстаніе, быстро охватившее Имеретію, не дало возможности Симоновичу стянуть всѣ свои войска къ Кутаису. Кое-гдѣ въ укрѣпленныхъ замкахъ оставались еще небольшія наши команды, отрѣзанныя бродившими повсюду толпами мятежниковъ отъ главныхъ нашихъ силъ. Къ числу такихъ гарнизоновъ, предоставленныхъ, силою обстоятельствъ, собственнымъ своимъ силамъ, принадлежалъ и гарнизонъ Чхери, состоявшій изъ 27-ми рядовыхъ Бѣлевскаго полка, подъ командою подпоручика Шенщина 2-го. Еще въ срединѣ іюня трехтысячная толпа вооруженныхъ имеретинъ окружила Чхерскій замокъ и потребовала сдачи его. Но ничтожный гарнизонъ отвѣчалъ на это дружнымъ огнемъ и выказалъ такую рѣшимость отстаивать свой постъ до послѣдняго человѣка, что мятежники, не отваживаясь

штурмовать крѣпость, обложили ее со всѣхъ сторонъ. Тяжелые дни блокады потянулись для осажденныхъ. Недостатокъ продовольствія и ежминутныя тревоги истощали силы защитниковъ. Начавшіяся вслѣдствіе этого болѣзни уменьшали и безъ того немногочисленные ряды ихъ. Но всѣ эти лишенія только укрѣпляли духъ гарнизона и увеличивали стойкость его. Наконецъ, мятежники отвели отъ крѣпости воду. Казалось бы, что это послѣднее испытаніе должно было превысить силы измученнаго уже гарнизона и принудить его къ сдачѣ. Но на дѣлѣ, наоборотъ, осажденные проявили еще большую энергію. Подпоручикъ Шеншинъ приказалъ унтеръ-офицеру Чеботареву взять 12-ть человѣкъ, выйти ночью изъ крѣпости, наполнить изъ невадалекѣ лежавшаго источника нѣсколько боченковъ водой и доставить ихъ обратно въ крѣпость. Приказаніе это было исполнено въ точности, и необычайная смѣлость этой вылазки обезпечила ей успѣхъ, съ потерей всего лишь двухъ человѣкъ ранеными.

Вскорѣ разнесся слухъ, что наши войска не могли пройти изъ Сурама въ Имеретію и отступили обратно изъ альскаго ущелья. Это извѣстіе отняло у защитниковъ Чхери надежду на скорую выручку, а между тѣмъ, увеличивавшаяся болѣзненность среди осажденныхъ все болѣе уменьшала ряды ихъ. Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ подпоручикъ Шеншинъ рѣшилъ, наконецъ, увѣдомить о своемъ положеніи ближайшую войсковую часть. На это отважное предпріятіе вызвались двое рядовыхъ—Терещенко и Никифоровъ, которые незамѣтно пробрались мимо мятежниковъ, доставили донсеніе Шеншина въ находившійся въ то время въ селеніи Легвани отрядъ Орбеліани и возвратились обратно въ крѣпость. Послѣдняя, 22-го іюля, была освобождена, послѣ упорнаго боя отряда князя Орбеліани съ трехтысячной толпой мятежниковъ на горѣ Цхолярисы и подъ стѣнами самой крѣпости.

Императоръ Александръ повелѣлъ объявить въ приказѣ по арміи о доблестной защитѣ Чхери и наградилъ: подпоручика Шеншина слѣдующимъ чиномъ; унтеръ-офицера Чеботарева—знакомъ отличія военнаго ордена, выдачею 100 рублей единовременно и, сверхъ того, жалованьемъ по окладу гвардейскихъ фельдфебелей,

съ обращеніемъ его въ пожизненный пенсіонъ; рядовыхъ Терешенко и Никифорова—званіемъ унтеръ-офицеровъ, знаками отличія военнаго ордена и 50-тью рублями каждаго. Всѣмъ остальнымъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ защитѣ, выдано по 25-ти рублей <sup>1)</sup>).

Между тѣмъ, генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ 20-го іюля прибылъ въ Сурамъ. Не найдя здѣсь князя Орбеліани, онъ взялъ въ конвой себѣ роту 15-го егерскаго полка и въ 4 часа утра 21-го іюля выступилъ по ваханской дорогѣ. Въ селеніи Марилисы къ нему явились присланные княземъ Орбеліани два брата Кипіани, обязавшіеся отвѣчать за „шалости“ имеретинъ по пути слѣдованія Розена. Послѣдній недоумѣвалъ. Тѣмъ не менѣе, онъ воспользовался услугами Кипіани, отправивъ ихъ въ Сурамъ съ своими донесеніями и съ предписаніемъ о скорѣйшей доставкѣ изъ Карталиніи провіанта въ селеніе Зедувани. Двигаясь дальше, Розенъ ежеминутно рассчитывалъ нагнать поджидавшую его колонну князя Орбеліани, но въ селеніи Небозири узналъ, что тотъ спѣшно уходитъ впередъ. Между тѣмъ, по пути стали попадаться толпы мятежниковъ, встрѣчавшихъ небольшой конвой генерала выстрѣлами. На разсвѣтъ 23-го іюля Розенъ почти случайно наткнулся у крѣпости Чхери на передовые пикеты отряда Орбеліани. Найдя ихъ въ страшномъ безпорядкѣ, онъ потребовалъ къ себѣ начальника отряда. Но послѣдній на это требованіе прислалъ рапортъ о болѣзни <sup>2)</sup>).

Положеніе Розена было не изъ легкихъ. Съ одной стороны, онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о числѣ противниковъ, ни о мѣстѣ ихъ нахождения, ни даже о свойствахъ театра, на которомъ предстояло ему дѣйствовать; съ другой же—принятый имъ отъ князя Орбеліани отрядъ, находившійся въ тяжеломъ походѣ уже съ 6-го іюля, былъ сильно утомленъ и не имѣлъ продовольствія; добыть же послѣднее на мѣстѣ не было рѣшительно никакой возможности. Предстояло одно изъ двухъ: или выждать у Чхери прибытія продовольственнаго транспорта изъ Сурама, или, на половинной порціи, пробиваться на соединеніе съ Симоновичемъ

<sup>1)</sup> Дѣло архива окр. штаба 1810 года № 217.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Розена генералу Торماسову отъ 23-го іюля 1810 года № 11.



и затѣмъ уже приступить къ усмирению мятежа. Розень остановился на послѣднемъ, рассчитывая въ Кутаисѣ найти достаточные запасы продовольствія.

Оставивъ въ крѣпости Чхери прежній гарнизонъ и снабдивъ его полумѣсячнымъ запасомъ провіанта, солью и водою, Розень утромъ 24-го іюля двинулся впередъ. Колонна шла съ полною предосторожностью: впереди авангардъ изъ 50-ти егерей, съ легкимъ 3-хъ фунтовымъ орудіемъ, и сто человѣкъ рабочихъ Кабардинскаго полка для расчистки дороги главнымъ силамъ; послѣднія состояли изъ баталіона Кабардинскаго полка и транспорта вьюковъ, подъ прикрытіемъ 200-тъ человѣкъ; по сторонамъ шли команды фланкеровъ изъ двухъ ротъ егерей и сотни казаковъ; въ аррьергардѣ—рота егерей и команды Кабардинскаго полка. На первомъ же переходѣ, у деревни Градо, отряду пришлось выдержать жаркій бой съ пяти тысячнымъ скопищемъ мятежниковъ. Послѣдніе были отброшены, причемъ не успѣли даже захватить трупъ убитаго здѣсь главнаго предводителя своего, князя Дмитрія Абашидзе, въ одеждѣ котораго найдены были письма Соломона, царицы и многихъ другихъ лицъ, руководившихъ возстаніемъ <sup>1)</sup>. Въ теченіе двухъ послѣдовавшихъ дней, 25-го и 26-го іюля, отрядъ Розена двигался по весьма трудной дорогѣ, прегражденной завалами и забросанной камнями. Мятежники непрестанно нападали то на команды фланкеровъ, то на аррьергардъ, прикрывавшій сильно растянувшіеся на тяжелой дорогѣ отрядные вьюки. Здѣсь былъ убитъ „наизлѣйшій врагъ Россіи“—князь Кайхосро Абашидзе. 27-го іюля отрядъ, преслѣдуемый толпами мятежниковъ, предводимыхъ княземъ Кайхосро Церетели, переправился въ бродъ черезъ рѣку Квирилу и на другой день, 28-го іюля, разбилъ семитысячное скопище имеретинъ, турокъ и лезгинъ, занявшихъ узкое ущелье на рѣчкѣ Читурѣ, съ цѣлью не пропустить Розена къ Кутаису. Въ этомъ дѣлѣ палъ предводитель турецкихъ войскъ Сулейманъ-бей, а имеретины, потерявъ болѣе 200 человѣкъ убитыми <sup>2)</sup>, разсѣялись по окрестнымъ лѣ-

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру отъ 12-го октября 1810 года № 196.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

самъ и лишь небольшая часть ихъ, съ предводителемъ своимъ Кайхосро Церетели, ушла къ царю Соломону въ селеніе Маглаки.

Въ этотъ день Розенъ дошелъ до рѣки Цители-цхали, протекающей въ 3-хъ верстахъ отъ Кутаиса. Не имѣя никакихъ извѣстій отъ Симоновича и видя, что городъ окруженъ большими партіями мятежниковъ, Розенъ остановился на ночлегъ на берегу помянутой рѣки. На другой день, 29-го іюня, разсѣявъ мятежниковъ, онъ въ 7½ часовъ утра вступилъ, наконецъ, въ самый Кутаисъ, но здѣсь Симоновича не оказалось <sup>1)</sup>.

Послѣдній въ теченіе двухъ недѣль, съ 11-го по 27-е іюля, пребывалъ въ Кутаисѣ въ полномъ бездѣйствіи, не смотря на то, что въ это время отрядъ князя Орбеліани безуспѣшно пробивался черезъ альское ущелье, а многочисленныя шайки имеретинъ бродили вокругъ самага Кутаиса и блокировали въ Багдадѣ отрядъ маіора Ушакова. 26-го іюля пришло извѣстіе, что Розенъ находится всего лишь въ двухъ переходахъ отъ Кутаиса. Симоновичъ тотчасъ же собираетъ свои войска и, оставивъ часть ихъ гарнизономъ въ Кутаисѣ, съ остальными, утромъ 27-го іюля, выходитъ на помощь Ушакову <sup>2)</sup>. Разсѣявъ нѣсколько скопищъ во время марша и разбивъ главныя силы бунтовщиковъ, блокировавшія Ушакова, Симоновичъ соединился съ послѣднимъ, но здѣсь получилъ предписаніе Розена двинуться по правому берегу рѣки Ріона для преслѣдованія Соломона, который въ это время съ толпами имеретинъ, турокъ и лезгинъ находился, по слухамъ, у селенія Маглаки. Симоновичъ отѣснилъ Соломона, привелъ въ покорность намъ вакинскую и пицискацкую волости, взялъ отъ населенія аманатовъ и 8-го августа возвратился въ Кутаисъ, гдѣ его ожидалъ приказъ по войскамъ кавказской арміи о производствѣ въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ бригаднымъ начальникомъ войскъ, расположенныхъ въ Имеретіи <sup>3)</sup>.

Тѣмъ временемъ, другая колонна, изъ пяти ротъ пѣхоты и пятидесяти казаковъ, подъ начальствомъ маіора Прибыловскаго, была

---

<sup>1)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 59.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 327.

<sup>3)</sup> Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 209.

двинута Розеномъ къ гелатскому монастырю. 4-го августа, у селенія Ріони, Прибыловскій встрѣтилъ большое скопище мятежниковъ, руководимыхъ самимъ Соломономъ. Завязался упорный бой. Сильно пересѣченная мѣстность, поросшая густымъ лѣсомъ, не давала никакого обстрѣла нашей артиллеріи. „Мѣстоположеніе было такъ критически, что по совершенно открытымъ мѣстамъ не можно было противъ мятежниковъ дѣйствовать изъ орудій и болѣе штыками, нежели ружейнымъ огнемъ, надлежало опрокидывать непріятеля“ <sup>1)</sup>. Весь день продолжался жестокой бой. Вечеромъ къ Прибыловскому подошли двѣ роты Кабардинскаго полка, присланныя Розеномъ изъ Кутаиса. Пользуясь темнотою дождливой ночи, войска наши въ полной тишинѣ, безъ выстрѣла, подкрались къ позиціи мятежниковъ и неожиданнымъ ударомъ въ штыки разсѣяли ихъ <sup>2)</sup>. Соломонъ бѣжалъ къ селенію Нагареви. Розенъ двинулъ туда одновременно Симоновича и Прибыловскаго. 9-го августа двухтысячное скопище имеретинъ и лезгинъ, сильно укрупнившихся близъ гелатскаго монастыря, было разсѣяно Симоновичемъ, и Соломонъ бѣжалъ въ селеніе Гокси. Отсюда онъ прислалъ въ нашъ лагерь митрополита Давида съ предложеніемъ, что „если всемилостивѣйшій государь императоръ удостоитъ его прощенія за всѣ его поступки и соизволитъ назначить ему мѣсто въ Имеретіи, гдѣ бы онъ могъ спокойно окончить свои дни, то онъ письменнымъ обязательствомъ откажется навсегда отъ имеретинскаго царства, обяжется не вмѣшиваться ни въ какія внутреннія и политическія дѣла и вѣрною службою своею государю императору противу турокъ будетъ стараться загладить всѣ прежнія свои дѣянія и преклопитъ Его Величество на милость своею покорностью и усердіемъ“ <sup>3)</sup>.

Однако, обѣщаніямъ Соломона не придавалось уже никакой вѣры. „Все сіе, писалъ Тормасовъ, по послѣдствіямъ открылось ложнымъ и было со стороны его одной хитростью, дабы держать приставшихъ къ нему мятежниковъ въ страхъ и послушаніи, чтобы,

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 12-го октября 1810 года № 196.

<sup>2)</sup> Рапортъ барона Розена генералу Тормасову отъ 22-го августа 1810 года.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 439.

когда онъ успѣетъ пріобрѣсть себѣ отъ государя императора прощенье и получить опять въ управленіе царство имеретинское, не быть тогда отъ него истребленными и не пожертвовать своими семействами и имуществомъ“<sup>1)</sup>). Предложеніе Соломона было категорически отвергнуто, и Симоновичъ, вмѣстѣ съ Прибыловскимъ, продолжали энергичное преслѣдованіе царя, „не давая ему покоя ни одного дня“. Разбивъ мятежниковъ 17-го августа въ ущельи Гоги и 26-го августа у деревни Сакаро, Симоновичъ успокоилъ населеніе лосіатхевской волости и попутно освободилъ немногочисленный гарнизонъ крѣпости Мухури, выдержавшей осаду подобную Чхери<sup>2)</sup>). Одновременно съ этимъ, высланные Розеномъ отряды Княжевича и Щелкачева разсѣяли 23-го августа, у селенія Багдада, скопище имеретинъ и турокъ, при чемъ послѣдніе потеряли свыше 400 человекъ.

Такимъ образомъ, къ началу сентября почти вся Имеретія была очищена отъ шаекъ мятежниковъ, и Соломонъ, покинутый большею частью своихъ приверженцевъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Ахалцыха, „пробрался съ малымъ числомъ своихъ сообщниковъ безъ дороги, по непроходимымъ почти крутизнамъ горъ и черезъ лѣса“ въ труднодоступное ханійское ущелье, гдѣ и рѣшили держаться до подхода подкрѣплений изъ Турціи.

Между тѣмъ, главнокомандующій, генераль Тормасовъ, до 9-го сентября не имѣлъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Имеретіи<sup>3)</sup>). Шайка мятежниковъ, скрывавшаяся въ альскомъ и ваханскомъ ущельяхъ, перехватывала буквально всѣхъ курьеровъ, слѣдовавшихъ съ бумагами изъ Грузіи въ Имеретію или обратно. Однако, по странной случайности, обстоятельство это не всегда оказывало вредное вліяніе на ходъ имеретинскихъ дѣлъ. Еще 26-го іюля, т. е. въ то время, когда вновь назначенный ко-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 328.

<sup>2)</sup> Гарнизонъ Мухури состоялъ изъ 12-ти рядовыхъ Бълевскаго полка и двухъ казаковъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера Яковлева. Послѣдній за рѣдкое мужество и распорядительность, проявленныя имъ во время продолжительной борьбы съ многочисленнымъ противникомъ, осадившимъ крѣпость, награжденъ былъ знакомъ отличія военного ордена, 50-тью рублями единовременно и пожизненнымъ пенсіономъ, въ размѣръ жалованья гвардейскихъ фельдфебелей. Въ отданномъ по высочайшему повелѣнію приказѣ по арміи о подвигѣ защитниковъ Чхери былъ указанъ и подвигъ защитниковъ Мухури. (Дѣло арх. окружн. штаба 1810 года № 222).

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 426 и 427.

мандующимъ войсками въ Имеретіи, генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ, не успѣлъ даже дойти до Кутаиса, Тормасовъ послалъ ему предписаніе: „сдать команду надъ всѣми войсками генераль-маіору князю Орбеліани и немедленно возвратиться назадъ ко мнѣ въ лагерь (у Саганлуга), гдѣ я имѣю надобность объявить вамъ высочайшее повелѣніе, сейчасъ мною полученное“ <sup>1)</sup>. Князю же Орбеліани предписывалось принять только командованіе надъ войсками, отнюдь не вмѣшиваясь во внутреннее управленіе Имеретіей <sup>2)</sup>. При этомъ, отъ него требовалось „дѣйствовать стремительно, стараясь какъ можно скорѣе кончить имеретинское дѣло рѣшительнымъ образомъ, не довольствуясь однимъ изгнаніемъ бывшаго царя изъ Имеретіи“. О назначеніи, которое получилъ Орбеліани, сообщено было и Симонovichу. „Такъ какъ вы, писалъ ему Тормасовъ <sup>3)</sup>, высочайше утверждены управляющимъ въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, то внутреннее управленіе и распоряженіе должны и теперь непосредственно отъ васъ зависѣть; подъ командою же у генераль-маіора князя Орбеліани, какъ старшаго чиновника, вы имѣете состоять только по войскамъ, а потому предписываю вамъ о внутреннемъ благосостояніи ввѣренныхъ вамъ провинцій и обо всемъ въ оныхъ происходящемъ доносить прямо мнѣ и какъ можно чаще“.

Всѣ эти предписанія Тормасова, перехваченныя мятежниками, не пошлѣли по назначенію, а благодаря этому, въ Имеретіи сохранилось единовластіе, столь важное при тогдашнемъ остромъ положеніи дѣлъ, и Розенъ, подчинивъ себѣ и Симонovichа, и Орбеліани, благополучно руководилъ усмиреніемъ мятежа, вплоть до бѣгства совершенно уже ослабленнаго Соломона въ ханійское ущелье. Но Тормасовъ, какъ сказано выше, объ этомъ не зналъ рѣшительно ничего. „Ради Создателя, писалъ онъ Симонovichу 3-го сентября <sup>4)</sup>, не оставляйте меня въ безъизвѣстности. Я не знаю, что тамъ дѣлаетъ генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ, котораго я уже три ра-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова барону Розену отъ 26-го іюля 1810 года № 725. Повелѣніемъ этимъ Розенъ арестовывался и предавался суду за побѣгъ Соломона изъ Тифлиса.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова князю Орбеліани отъ 9-го августа 1810 года № 763.

<sup>3)</sup> Тоже генераль-маіору Симонovichу отъ 9-го августа 1810 года № 766.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Симонovichу отъ 3-го сентября 1810 года № 177.

за требоваль, что бы онъ по высочайшему повелѣнію возвратился назадъ, и не извѣстенъ также, чѣмъ занимается генераль-маіоръ князь Орбеліани, которому я также три раза предписываль отъ генераль-лейтенанта барона Розена принять начальство надъ войсками“.

Въ первыхъ числахъ сентября сообщеніе съ Грузіей открылось, и Розень, исполняя въ четвертый уже разъ посланное ему предписаніе главнокомандующаго, выѣхаль въ Тифлисъ, сдавъ команду генераль-маіору князю Орбеліани. Послѣдній, однако, по разнымъ причинамъ не желаль оставаться въ Имеретіи и, подъ предлогомъ болѣзни, просиль Тормасова уволить его обратно въ Грузію. Снисходя къ этимъ просьбамъ, главнокомандующій предписаль ему сдать команду генераль-маіору Симоновичу. Едва это состоялось, какъ въ Тифлисъ получено было высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Розена отъ суда, почему Тормасовъ, поздравляя его „съ благополучною перемѣною сего дѣла“, предписываль „остаться командовать войсками, дѣйствующими въ Имеретіи“ <sup>1)</sup>. Но Розень въ это время уже подѣзжалъ къ Тифлису, и окончательное усмиреніе мятежа перешло, такимъ образомъ, само собою въ руки Симоновича <sup>2)</sup>.

Въ теченіе восьми мѣсяцевъ Тормасовъ семь разъ передаваль командованіе войсками въ Имеретіи въ руки то Симоновича, то Орбеліани, то Розена, и только благодаря случайностямъ и, главнымъ образомъ, прекращенію сообщеній съ Имеретіей устранились тѣ невыгодныя послѣдствія, которыя неминуемо были бы вызваны этой непрестанной смѣной ближайшихъ руководителей борьбы нашей съ Соломономъ, особенно въ наиболѣе трудный періодъ ея— въ августъ и сентябрь 1810 года.

Главнокомандующій былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что окончательное успокоеніе Имеретіи не можетъ быть достигнуто до тѣхъ поръ, пока Соломонъ будетъ сохранять возможность возмущать населеніе ея. Въ этомъ смыслѣ, главнокомандующій неоднократно даваль инструкціи правителю Имеретіи—генераль-маіору Симонови-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова барону Розену отъ 16-го сентября 1810 года № 933.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 408, 417, 427, 428, 429, 432 и 433.

чу <sup>1)</sup>). Придавая успѣху воспныхъ дѣйствиіи пидъ мятежниками второ-степенное значеніе, Тормасовъ настойчиво обращалъ вниманіе Симоновича на самого царя Соломона, какъ на главную причину всего происшедшаго. „Дѣйствуйте неупустительно на сію причину, предписывалъ онъ ему <sup>2)</sup>), преслѣдуйте оную повсюду, не давая ни на часть покою, отрѣзывайте ей дороги, дабы причина не ускользнула, ибо тогда дѣло будеть безуспѣшно, и, гоняя ту причину по всѣмъ мѣстамъ, ослабьте до того, чтобы соумышленники оную оставили. Въ то время все можно будетъ сдѣлать, то есть, или принудить премудраго и хитраго покориться сильнѣйшимъ, или противъ хитрости употребить такую же хитрость, какого бы она рода ни была, ибо противъ извивающей съ улыбкою злости ничего не должно быть священнаго и коварству умышленному всегда позволительно мѣрить тою же мѣрою, особливо для спасенія человѣчества, которое будеть страдать впослѣдствіи, если улыбка въ коварномъ человѣкѣ не изгладится смертнымъ сномъ. Ваше превосходительство теперь знаете, въ чемъ состоитъ дѣло, и такъ дѣйствуйте неослабно, не жалѣя никакихъ орудій къ уничтоженію зла: желѣзо, золото, силу и всякіе обороты употребите на окончаніе дѣла такъ, какъ должно; тогда экспедиція сія назовется успѣшною и многіе будутъ счастливы“.

Переписка подобнаго содержанія между Тормасовымъ и Симоновичемъ не разъ попадала въ руки Соломона въ тотъ періодъ, когда мятежники прервали сообщеніе Грузіи съ Имеретіей. Понятно, что замыслы русскаго главнокомандующаго, обладавшаго для осуществленія ихъ громадными матеріальными средствами, производили удручающее впечатлѣніе на слабохарактернаго, по природѣ трусливаго царя. Дрожая постоянно за свою жизнь, онъ, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, что подозрѣвалъ измѣну повсюду и, не давая вѣры даже самымъ преданнѣйшимъ изъ окружавшихъ его людей, безпрестанно переходилъ съ одного мѣста на другое, не останавливался нигдѣ болѣе одного дня, таился постоянно въ го-

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генералъ-маіору Симоновичу отъ 3-го сентября 1810 года № 177.

<sup>2)</sup> Предписаніе Тормасова генералъ-маіору Симоновичу 9-го сентября 1810 года № 183.

рахъ и ущельяхъ, проводилъ ночи въ самыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, скрываясь даже отъ своихъ войскъ, которыя никогда не знали мѣста ночлега царя. Это было причиной тому, что „всѣ старанія Симоновича достигнуть до мѣста пребыванія Соломона и, окруживъ его, схватить не могли никакъ имѣть успѣха“ <sup>1)</sup>). Но въ тоже время, явное недоувѣріе Соломона къ своимъ приверженцамъ подрывало преданность послѣднихъ, а плохо скрываемая трусость царя возбуждала въ окружающихъ его глубокое пренебреженіе къ нему, и число сторонниковъ царя, по мѣрѣ нашихъ успѣховъ, все болѣе и болѣе уменьшалось.

Ханійское ущелье, въ которое скрылся Соломонъ съ пятисотенной толпой имеретинъ, представляло собою „одно изъ крѣпчайшихъ мѣстъ въ природѣ“ <sup>2)</sup>). Дорога туда вилась въ полугорѣ надъ страшной бездной и была такъ узка, что двумъ человѣкамъ рядомъ не всегда можно было пройти по ней. Эта головоломная тропа то пересѣкала глубокіе овраги съ крутыми, обрывистыми берегами, въ которые „безъ трепета спускаться невозможно“, то скрывалась подъ громадными нависшими глыбами гранитныхъ утесовъ. Густой дѣвственный лѣсъ, покрывавшій скаты горъ, образовывалъ мѣстами длинные зеленые туннели, въ которыхъ пропадала узкая тропинка. Природныя свойства ханійской дороги, на которой горсть защитниковъ смѣло могла бы задержать многочисленнаго противника, были еще тщательно усилены мятежниками искусственнымъ путемъ. Входъ въ ущелье былъ прегражденъ нѣсколькими рядами заваловъ и засѣкъ. На утесахъ, висѣвшихъ надъ дорогой, заготовлены были массы камня и бревенъ для скатыванія на атакующихъ. Сама дорога была перекопана, завалена срубленными деревьями и громадными обломками скаль, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, надъ бездной, и совершенно скрыта. Въ этой то неприступной позиціи Соломонъ, усилившійся 1500 человѣкъ ливанскихъ и ахалцыхскихъ турокъ, имѣлъ намѣреніе обороняться противъ стѣснившихъ его отовсюду войскъ Симоновича. Но послѣдній, „не отступая отъ строгихъ своихъ поисковъ за бывшимъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 330.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру отъ 12-го октября 1810 года № 196.



царемъ“, рѣшилъ атаковать Соломона, не взирая на силу занятой имъ позиціи. Предпріятіе это, свидѣтельствующее о необычайной „храбрости и рѣшительности“ генералъ-маіора Симоновича, было совершенно необходимо въ виду того, что Имретія не могла быть окончательно умиротворена до тѣхъ поръ, пока Соломонъ оставался еще въ предѣлахъ ея.

Раздѣливъ свои войска на три колонны, Симоновичъ двѣ изъ нихъ послалъ въ обходъ фланговъ непріятельской позиціи, третью же, подъ начальствомъ маіора Ушакова, направилъ для атаки мятежниковъ прямо по ханійскому ущелью. Утромъ 24-го сентября Ушаковъ двинулъ свою колонну на штурмъ передовыхъ заваловъ. Атака была настолько стремительна, что мятежники были опрокинуты, не успѣвъ даже нанести намъ чувствительныхъ потерь—колонна потеряла всего четыре человѣка убитыми и ранеными. Входъ въ ущелье былъ открытъ, но далѣе предстояло пройти „по самымъ опаснымъ мѣстамъ“ надъ бездною, подъ нависшими скалами, по краю которыхъ разсыпались мятежники, готовясь сбрасывать приготовленные камни и бревна „для подавленія оными нашихъ войскъ“<sup>1)</sup>. Преодолѣть это мѣсто было положительно невозможно. Каждый человѣкъ неминуемо былъ бы или раздавленъ, или сброшенъ въ пропасть. Положеніе колонны Ушакова, остановившейся передъ этимъ мѣстомъ, становилось критическимъ. Но, къ счастью, на окрестныхъ высотахъ показались обходныя колонны. Появленіе ихъ было столь неожиданно для мятежниковъ, что послѣдніе „пришли въ неописанную робость“ и обратились въ паническое бѣгство, преслѣдуемые неотступно колонной Ушакова. Стоявшіе на самой дорогѣ турки въ бѣгствѣ стѣснились въ самой узкой части ущелья и большею частью были переколоты здѣсь штыками нашихъ гренадеръ; всѣ же остальные защитники ханійскаго ущелья разсѣялись въ окрестныхъ лѣсахъ.

Послѣдняя опора мятежа рухнула. Но главный виновникъ его успѣлъ всетаки ускользнуть изъ нашихъ рукъ. На разсвѣтѣ 25-го сентября Соломонъ, съ небольшимъ числомъ своихъ при-

---

<sup>1)</sup> Отношеніе Торماسова къ военному министру отъ 12-го октября 1810 года № 196.

верженцевъ <sup>1)</sup>, бѣжалъ въ Ахалскихъ „черезъ непроходимую, покрытую лѣсомъ гору, которая отняла всѣ возможности его преслѣдовать“ <sup>2)</sup>. „При всемъ напряженіи силъ, доносилъ Симоновичъ, и при понесенныхъ воинскими чинами въ сію экспедицію несказанныхъ трудахъ, въ коихъ нижніе чины, не получивъ новой аммуниціи, до того обносились, что почти совершенно сдѣлались наги и босы и пришли въ жалостное положеніе, не было возможности достигнуть извѣстной цѣли, ниже сбыть съ рукъ посредствомъ какого либо рѣшительнаго человѣка, чѣмъ бы на всегда могъ быть положенъ конецъ всякимъ безпокойствамъ. Случалось во время экспедиціи, что два и три дня проходило прежде, нежели узнавалъ я о настоящемъ мѣстопребываніи его, между тѣмъ, какъ въ одно и тоже время нѣсколько разныхъ слуховъ получалъ о его находженіи въ разныхъ мѣстахъ. Духъ всеобщей революціи почти никогда не допускалъ склоняться на пользы, какія могъ бы кто получить отъ приверженности къ нашей сторонѣ, и совершенно преданныхъ намъ людей, которые дѣйствіемъ своимъ могли быть намъ полезны, не было никого“ <sup>3)</sup>.

Такъ кончилось вторичное возстаніе въ Имеретіи, стоившее намъ на этотъ разъ двадцати офицеровъ и 392-хъ шикшихъ чиновъ убитыми и ранеными,—цифра по тому времени довольно внушительная <sup>4)</sup>. Большинство этихъ потерь пришлось на долю Кавказскаго гренадерскаго полка. Въ память особенныхъ трудовъ, понесенныхъ этимъ полкомъ въ двукратной борьбѣ съ возставшимъ населеніемъ Имеретіи, въ полковую церковь была передана утварь и евангеліе на русскомъ языкѣ, подаренныя царю Соломону еще императрицей Екатериной и покинутыя имъ въ хайискомъ ущельѣ при поспѣшномъ бѣгствѣ въ Ахалскихъ <sup>5)</sup>.

Для окончательнаго успокоенія края и дабы „навсегда отнять

---

<sup>1)</sup> Съ царемъ Соломономъ бѣжало въ Ахалскихъ 17-ть князей, 8-ми дворянъ съ семействами, 150-ть крестьянъ и «первѣйшій бутловникъ»—священникъ Николай Тевдоріани. (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 436).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 331.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 323. Рапортъ генераль-маіора Симоновича отъ 30-го сентября 1810 года № 1007.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 331.

<sup>5)</sup> Тамъ же, № 436.

мысль и ожиданіе въ легкомысленномъ имеретинскомъ народѣ видѣть когда либо возстановленіе въ Имеретіи царя“, главнокомандующій просилъ объявить манифестомъ о присоединеніи ся на вѣчныя времена къ Россійской имперіи и торопилъ Симоновича скорѣйшимъ устройствомъ въ Имеретіи областного правленія, „коего бы основаніе было приноровлено ближе къ російскому порядку, по примѣру Грузіи“ <sup>1)</sup>).

Одновременно съ этимъ, Тормасовъ озаботился удаленіемъ изъ Имеретіи членовъ царскаго дома, „кои могли бы имѣть вредное вліяніе на народъ“ <sup>2)</sup>. Съ этой цѣлью, жена царя Соломона—царица Марія Каціевна, сестра его—княжна Марія Андроникова, съ сыномъ, и дочь Соломона I-го, царевна Дареджана, были отправлены на жительство въ городъ Воронежъ. Остальные члены царскаго дома, неотличавшіеся благонадежностью, были переведены на жительство въ Тифлисъ. Царевича Давида, какъ человѣка слабоумнаго и не имѣющаго на народъ никакого вліянія, Симоновичъ просилъ оставить въ Имеретіи, но Тормасовъ, исходя изъ того мнѣнія, что „народъ имеретинскій еще того слабоумнѣе и въ обуяніи ума своего можетъ ко всему пристать“, предписывалъ и Давида выслать въ Тифлисъ <sup>3)</sup>).

Главныхъ бунтовщиковъ изъ князей и дворянъ Имеретіи Тормасовъ полагалъ сослать въ Сибирь на поселеніе, а тѣхъ, кто „по вліянію своему можетъ быть вреденъ или ненадежнаго расположенія къ Россіи—удалить подъ разными благовидными предлогами изъ Имеретіи“. Но Симоновичъ находилъ, что мѣра эта едва ли будетъ полезна намъ. „При всякомъ удобномъ случаѣ старался я, доносилъ онъ Тормасову <sup>4)</sup>, внушить имеретинскому дворянству пагубныя слѣдствія мятежа, недроты и милосердіе всероссійскаго государя и, кажется, успѣлъ въ него поселить нѣкоторую къ себѣ довѣренность и падежду, что оно при нашемъ правленіи можетъ быть со временемъ счастливо. Въ такомъ расположеніи умовъ я не

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 458 и 464.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 29-го декабря 1810 года № 227.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генералъ-маіору Симоновичу 19-го октября 1810 года № 1062.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 465.

предвижу изъ того пользы, если изъ среды дворянства вдругъ исторгнуть пять или шесть челоуѣкъ и сослать въ Сибирь. Дикари, едва только начинающіе въ насъ взнаваться и мириться съ нами за потерю прежняго правительства, всѣ отъ насъ отклонятся, мы лишимся навсегда ихъ довѣренности и они, хотя будутъ насъ бояться, но любить никогда не будутъ. По этому я осмѣливаюсь просить всепокорнѣйше ваше высокопревосходительство объ отмѣнѣ даннаго мнѣ на сей предметъ повелѣнія и до получения на сіе разрѣшенія исполненіемъ онаго приостановился“. Нѣсколько дней спустя, Симоновичъ снова по тому же поводу доносилъ Тормасову <sup>1)</sup>: „Изъ бунтовавшихъ есть люди пожилые, имѣющіе по пяти и шести взрослыхъ сыновей. Чѣмъ многочисленнѣе кто имѣетъ семейство, тѣмъ тотъ болѣе могъ имѣть силы въ бунтѣ; если же нынѣ сослать такого старика, то оставшіеся дѣти изъ мщенія одного не преминутъ пристать къ царю и всемѣрно будутъ стараться намъ вредить. Съ другой же стороны, предполагать должно, что прощенный старикъ почувствуется и дѣтямъ своимъ станетъ внушать вѣрность и преданность къ намъ вмѣстѣ съ благодарностью за прощеніе; къ обузданію же таковаго семьянина на будущее время возьмется у него въ аманаты сынъ. По подобнымъ обстоятельствамъ нельзя на сей разъ предполагать пользы отъ отправленія отсель кого либо изъ первыхъ бунтовщиковъ, особливо, когда они по бунтѣ собрались (въ Кутаисѣ для выбора депутатовъ) положась на мое слово о прощеніи ихъ, въ противномъ же случаѣ они бы не пришли“. Соглашаясь съ этими представленіями Симоновича, главнокомандующій объявилъ прощеніе даже лицамъ, бѣжавшимъ съ Соломономъ въ Ахалцыхъ, причемъ имъ было дано четыре мѣсяца на возвращеніе въ Имеретію. Тѣ же, кто не вернется и въ этотъ срокъ, „признаны будутъ, объявлялось въ прокламаціи Симоновича, за государственныхъ измѣнниковъ, и имѣніе ихъ все безъ изъятія будетъ взято въ казну“ <sup>2)</sup>.

Для охраненія спокойствія въ странѣ, изъ числа всѣхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ подавленіи мятежа, были оставлены въ

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Симоновича отъ 15-го февраля 1811 года № 288.

<sup>2)</sup> Прокламація генераль-маіора Симоновича обитателямъ Имеретіи отъ 26-го февраля 1811 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 473.

Имеретіи, подъ начальствомъ полковника Мерлини, 11-ть ротъ, 4 единорога, 5-ть пушекъ и 85-ть казаковъ. Остальныя же войска <sup>1)</sup>, подъ начальствомъ самого Симоновича, были двинуты, 1-го ноября 1810 года, изъ Кутаиса, черезъ Багдадъ, въ Ахалцыхскій пашалыкъ, для совмѣстныхъ дѣйствій съ главными нашими силами, вторгнувшимися туда же, подъ общимъ начальствомъ Тормасова, изъ Грузіи.

Такъ окончило свое существованіе имеретинское царство, въ теченіе семи вѣковъ, подъ владычествомъ династій: Абхазской (786—985 г.) и Багратидской (1259—1810 г.), занимавшее видное мѣсто среди отдѣльныхъ владѣній Закавказья.

Бѣжавъ изъ ханійскаго ущелья въ Ахалцыхъ, бывший царь Соломонъ рассчитывалъ еще заручиться содѣйствіемъ турокъ и снова явиться въ Имеретію. Но вступленіе нашихъ войскъ, въ ноябрѣ 1810 года, въ предѣлы ахалцыхскаго пашалыка вынудило Соломона бѣжать въ Эривань. Оставшіеся же въ Ахалцыхъ нѣсколько чело-вѣкъ преданныхъ Соломону имеретинскихъ князей, въ томъ числѣ и сынъ Зураба Церетели—Семень, продолжали сношенія съ населеніемъ Имеретіи, поддерживая въ немъ надежду на возвращеніе царя.

Не встрѣтивъ особеннаго сочувствія къ себѣ со стороны персидскаго правительства и, вообще, потерявъ надежду на иноземную помощь, Соломонъ возвратился въ Ахалцыхъ и отсюда, черезъ Диробійскаго греческаго архимандрита Венедикта, прислалъ Тормасову письмо, въ которомъ просилъ пропустить въ Ахалцыхъ его семью и возвратитъ нѣкоторыя вещи, оставшіяся въ Имеретіи. Такого же содержанія письмо было получено Тормасовымъ и отъ князя Леонидзе. При этомъ лицо, доставившее эти письма, передало главнокомандующему на словахъ, что Соломонъ соглашается прибыть въ селеніе Дироби, если не будетъ наказанъ за побѣгъ изъ Тифлиса и получитъ полное прощеніе отъ государя императора.

---

<sup>1)</sup> Два баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, пять ротъ 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, два 3-хъ фунтовыхъ и одинъ 12-ти фунтовый единороги и команды казаковъ. (Рапортъ генераль-маіора Симоновича 1-го ноября 1810 года № 1248. Дѣло арх. окружн. штаба изд. 1810 года № 59).

Тормасовъ на-это отвѣчалъ, что онъ искренно сожалѣеть о непріятностяхъ, „претерпѣнныхъ“ Соломономъ и преслѣдующихъ его, но въ то же время „не считаетъ себя причиною оныхъ“. „Кто же тутъ виною, писалъ онъ Соломону, <sup>1)</sup> если вы, не дождавшись счастливой участи, васъ ожидавшей, были увлечены совѣтами вашихъ приближенныхъ въ море бѣдствій, въ коемъ нѣтъ вамъ другаго спасенія, какъ только прибѣжище къ собственному вашему разсудку“. Въ заключеніе, Тормасовъ, не отвергая просьбы Соломона о возвращеніи ему собственныхъ его вещей, сообщалъ, что „принялъ полезныя мѣры къ ихъ отысканію“. Князю же Леонидзе онъ писалъ по этому поводу, что „какъ вещи сіи были потеряны по собственному произволу и даже съ намѣреніемъ, между тѣмъ обстоятельства сдѣлали большую въ пути переменну, то человѣкъ, сдѣлавшій такую умышленную потерю, отыскивать свои вещи долженъ съ трудомъ, терпѣніемъ, усердіемъ и надеждою на высшую благодать, довольствуясь, между тѣмъ, общаемымъ неложно утѣшеніемъ, мирнымъ пристанищемъ и другою замѣною его потери“ <sup>2)</sup>. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Тормасовъ, очевидно желая разсѣять въ Леонидзе опасенія на счетъ его участи, въ случаѣ добровольнаго возвращенія въ Имеретію, писалъ ему: <sup>3)</sup> „Скажу истину, что стараніе ваше о пользахъ бывшаго въ Имеретіи царя и преданность вашу къ нему даже и въ теперешнемъ положеніи я никогда не порицалъ, а, напротивъ, считаю оную благороднымъ въ васъ чувствованіемъ благодарности за милости, отъ него вамъ оказанныя“.

Вслѣдъ за этими письмами, главнокомандующій командировалъ въ Ахалцыхъ полковника Болецова и архимандрита Венедикта, которымъ поручено было убѣдить царя Соломона прибыть въ Грузію. При этомъ Болецову, какъ лично знакомому съ Соломономъ и пользовавшемуся довѣріемъ послѣдняго, поручалось обѣщать царю, что онъ „получитъ всемилостивѣйшее прощеніе отъ Его Императорскаго Величества во всѣхъ его дѣяніяхъ, удостоенъ будетъ неожп-

---

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова царю Соломону отъ 22-го іюня 1811 года № 123. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 504.

<sup>2)</sup> Письмо генерала Тормасова къ князю Соломону Леонидзе отъ 22-го іюля 1811 года № 124.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

данными имъ милостями государя императора и снисцеть навсегда постоянное для себя счастье и благоденствіе“<sup>1)</sup>. Архимандрита же Венедикта главнокомандующій просить „обратить сію погибшую особу на путь правый“ и вмѣстѣ съ тѣмъ передать Соломону собственноручное письмо главнокомандующаго, въ которомъ говорилось: <sup>2)</sup> „По сохраняемому мною всегда искреннему участию въ положеніи вашемъ, я съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ письмо вашего высочества и вкратцѣ на оное имѣю честь вамъ отвѣтствовать. Раскаяніе, бывъ всегда неразлучною подругою спокойствія, обѣ вмѣстѣ непремѣнно доведутъ васъ въ отверзтый для нихъ храмъ вѣрной ихъ родственницы—безмятежнаго счастья. И такъ, если вы желаете себѣ добра, то послѣдуйте гласу здраваго вашего разсудка и самой истины, примите неотлагательно въ спутники ваши сихъ двухъ пріятельницъ, и тогда самое благоденствіе ваше будетъ съ вами неразлучно. Если же при томъ вы къ храму счастья, по имѣющейся уже у васъ надеждѣ, приведете еще и любимую сестру счастья—усердіе, увѣнчанное успѣхомъ въ вашемъ намѣреніи, то услуга, которую вы тѣмъ окажете сему щедрому божеству, привлечетъ къ вамъ сугубыя неожиданныя милости. Священная особа, вамъ доброжелательная (архимандритъ Венедиктъ), отъ коей вы получите сей залогъ всегдашняго расположенія моего къ вашимъ пользамъ, словесно васъ увѣритъ въ открытыхъ моихъ чувствованійхъ и настоящихъ мысляхъ. Прошу, ване высочество, повѣритъ его словамъ, ибо оныя сопряжены съ моею честью“.

Главнокомандующій даже обѣщалъ принять Соломона со всѣми почестями и ручался, что если бы онъ не пожелалъ имѣть у себя почетнаго караула, то въ окружности занимаемаго имъ дома не будетъ ни одного солдата <sup>3)</sup>.

Но Соломонъ не повѣрилъ обѣщаніямъ Торماسова.

Покинутый большинствомъ послѣдовавшихъ за нимъ изъ Имперіи князей, лишившись даже совѣтовъ Леонидзе, который умеръ

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Торماسова VII класса комисіонеру Болцову отъ 17-го августа 1811 года № 136. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 508 и 1241.

<sup>2)</sup> Письмо генерала Тормасова къ царю Соломону отъ 22-го августа 1811 года № 139. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 383.

<sup>3)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 403.

въ Ахалцыхѣ, не дождавшись отвѣта на приведенное выше письмо свое къ Тормасову,—бывшій царь Имеретіи скитался по турецкимъ владѣніямъ, переходя изъ одного приграничнаго пашалыка въ другой, все еще рассчитывая на улыбку счастья. . . Но судьба не судила уже ему снова увидѣть потерянное имъ наслѣдіе древней династїи Багратидовъ. 7-го февраля 1815 года, въ дали отъ Имеретїи, въ турецкомъ городѣ Трапезондѣ, пресѣклась не долгая, но бурная, полная глубокаго драматизма, жизнь послѣдняго имеретинскаго царя Соломона II-го, скончавшагося на 42-мъ году отъ роду. Надъ прахомъ его, погребенномъ въ оградѣ мѣстной православной греческой церкви, поставленъ былъ скромный памятникъ, въ видѣ каменнаго навѣса, прикрывающаго намогильную плиту, съ грузинскою надписью, на одной сторонѣ:

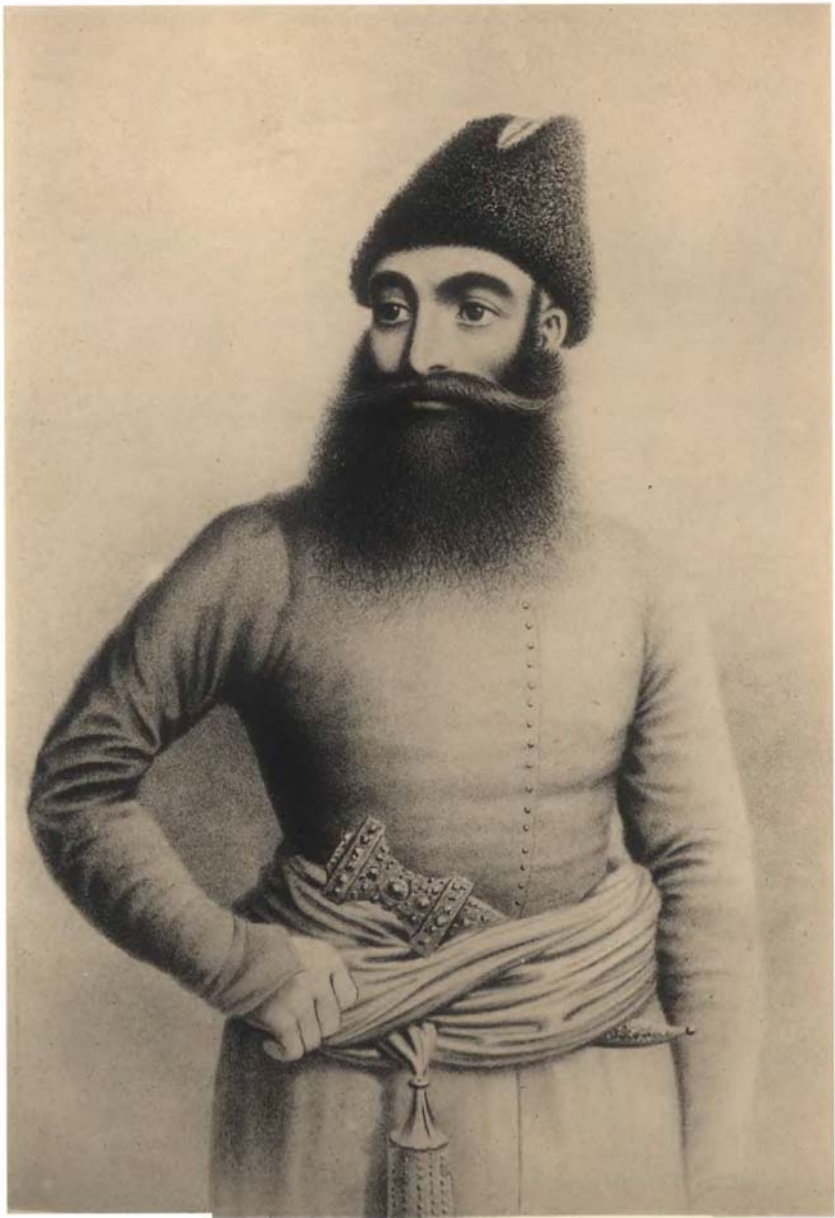
„Совлечена съ меня первобытная доброта и красота и лежу нагъ и покрытый стыдомъ въ семъ гробѣ я, происходящїи изъ племени Давида, Багратїонъ, сынъ Арчила, всея Имеретїи царь Соломонъ, за котораго испрашиваю прощенїе. 7-го февраля 1815 года“.

А на другой:

„Царь Соломонъ.

Суди Господи обидящїя мя, побори борющїя мя. Да постыдятся и посрамятся ищущїе душу мою. (Псал. 34).  
Помяните меня, братїя, въ гробѣ семъ лежащаго царя Соломона“.





*Абас-Мурза.*

## Глава IX.

Мирные переговоры съ Персіей. Посольство Гуссейнъ-Кербалай-хана. Условія, на которыхъ имѣлось въ виду заключить перемиріе съ Персіей. Инструкціи Тормасова барону Вреде. Свиданіе Тормасова съ Мирзою Безюркомъ въ Аскарани. Присилки англичанъ и турокъ въ Тегеранъ. Прекращеніе переговоровъ. Силы, которыми располагалъ Тормасовъ для войны съ Персіей. Поведеніе хановъ восточнаго Закавказья и отношеніе къ нимъ главнокомандующаго. Планы персіевъ. Вторженіе ихъ въ Карабахъ. Командировка баталіона 17-го егерскаго полка для занятія Минри.

Перерывъ военныхъ дѣйствій на персидской границѣ осенью 1809 года далъ возможность генералу Тормасову направить главныя усилія къ упроченію положенія нашего въ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи съ тѣмъ, чтобы обезпечить правый флангъ Грузіи <sup>1)</sup>. Но формальнаго перемирія съ Персіей все таки не было еще заключено, и возобновеніе военныхъ дѣйствій могло послѣдовать въ любой моментъ. А между тѣмъ, перемиріе это, на заключеніе котораго главнокомандующій получилъ, наконецъ, въ ноябрѣ 1809 года, высочайшее разрѣшеніе, было одинаково необходимо обѣимъ сторонамъ: намъ оно временно „развязало бы руки“ въ Закавказьѣ; персидскому же правительству давало возможность привести въ порядокъ разстроенныя продолжительной борьбой силы и заняться внутренними своими дѣлами, особенно прекращеніемъ неурядицы въ самой шахской семьѣ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> См. главу I-ю стр. 16 и 17.

<sup>2)</sup> Въ XVI вѣкѣ персидскій шахъ Аббасъ далъ въ Мазандеранѣ убѣжище турецкимъ дезертирамъ, получившимъ здѣсь названіе калджаровъ (бѣглецовъ). Племя это къ XVIII вѣку распространило свое господство на всю сѣверную Персію, а въ 1794-мъ году Ага-Магометъ-ханъ утвердился и на персидскомъ престолѣ, начавъ собою династію Калджаровъ. Баба-ханъ былъ вторымъ шахомъ изъ этого племени, вообще не пользовавшимся въ тѣ времена любовью народовъ Ирана. Уже одно это обстоятельство заставляло главу новой династіи тревожиться за прочность своего положенія, тѣмъ болѣе, что и личныя качества Баба-хана не располагали къ нему симпатій его подданныхъ. Единственнымъ его достоинствомъ было то, что онъ хорошо писалъ стихи на персидскомъ и арабскомъ языкахъ. Но, какъ правитель, Баба-ханъ былъ жестокъ, скупъ, развратенъ и занимался, главнымъ образомъ, тѣмъ, что «каждый день проводилъ

Кромѣ того, во время перемирія имѣлось въ виду вести переговоры о мирѣ и союзѣ Россіи съ Персіей. Съ этой послѣдней цѣлью, персидское правительство должно было отправить въ Петербургъ особое посольство, но не ранѣе, однако, какъ предварительно договорившись объ условіяхъ мира съ главнокомандующимъ нашими войсками въ Грузіи. Условія эти оставались неизмѣнными, и мы по прежнему настаивали на уступкѣ намъ ханствъ эриванскаго и нахичеванскаго. Персіане же считали эти требованія чрезмѣрными.

Подозрѣвая, что въ данномъ случаѣ условія мира диктуются не русскимъ правительствомъ, а исключительно самимъ главнокомандующимъ нашими войсками на Кавказѣ, персіане рѣшили войти въ переговоры непосредственно съ петербургскимъ кабинетомъ, помимо генерала Торماسова. Съ этой цѣлью, осенью 1809 года, тегеранскій дворъ отправилъ своего посла Гуссейнъ-Кербалай-хана въ Петербургъ кружнымъ путемъ, черезъ Константинополь. Объ этомъ неожиданномъ посольствѣ узнали въ Петербургѣ изъ донесенія главнокомандующаго нашими войсками въ Молдавіи и Валахию, князя Багратиона. Послѣднему было предписано съѣздить ласковый пріемъ Кербалай-хану, но въ тоже время замѣтить ему, что

время въ своихъ гаремахъ, съ веселостію, непозволительною по законамъ мухамедовымъ, и разоряя своихъ подданныхъ, живя и держака богатствами, накопленными разореніемъ». (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1153). Кромѣ того, въ самой шахской семьѣ таились раздоры и зависть. Наслѣдникомъ престола былъ объявленъ одинъ изъ младшихъ сорока сыновей Баба-хана—вѣсма способный Аббасъ-Мирза, въ то время, какъ старшій и наиболѣе честолюбивый сынъ Магометь-Али-ханъ былъ лишентъ права на престолъ, какъ рожденный отъ грузинки. Однажды, Магометь-Али-ханъ спросилъ своего отца, какими образомъ онъ приобрѣлъ себѣ столь обширное царство? «Мечемъ своимъ», отвѣчалъ Баба-ханъ. «Хорошо же, и я послѣдую вашему примѣру». Въ другой разъ, ему хвалили ислдрость его брата—наслѣдника престола Аббасъ-Мирзы. «Мой братъ глупецъ, возразилъ Магометь-Али-ханъ, я поберегу сокровища свои до болѣе благопріятнаго времени». Все это показывало, что честолюбивый и не менѣе способный Магометь-Али-ханъ далеко не желалъ добровольно отказаться отъ персидскаго трона и выжидалъ только благопріятной минуты овладѣть имъ, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ смерти отца, онъ, судя по примѣрамъ прошлаго, не могъ ожидать особыхъ милостей отъ своего болѣе счастливаго брата. Въ Персіи издавно практиковалось одно рѣшительное средство противъ настоячивыхъ претендентовъ на шахской тронъ. Древнимъ закономъ, установленнымъ еще во времена владычества паронинъ, запрещалось возводить на престолъ челоуѣка, потерявшаго глазъ, или руку, ногу и вообще какой либо членъ тѣла. Этими закономъ влаетители Персіи широко пользовались для устранения опасныхъ соперниковъ. Самъ Баба-ханъ, только что взошій на престолъ, приказалъ ослѣпить брата своего Гуссейнъ-хана. Когда оба глаза послѣдняго были принесены шаху на золотомъ блюдѣ, то онъ вполне успокоился, «слезами состраданія заплатилъ дань братской любви и послалъ сказать Гуссейнъ-хану, что всѣми силами постарается облегчить жестокою судьбу его и, не видя уже въ немъ соперника, будетъ почитать его единственнымъ братомъ и другомъ». (Дебу «О кавказской ливніи» С.-Петербургъ, 1829 года, стр. 32 и 36).

„посреди продолжающихся переговоров“ между персидскимъ правительствомъ и главнокомандующимъ кавказскою арміею объ отправленіи въ Петербургъ посольства прямою дорогою, черезъ Кавказъ, „внезапное появленіе“ Гуссейнъ-хана въ молдавской арміи въ званіи персидскаго посла, безъ всякаго предварительнаго о назначеніи его извѣщенія, не могла не произвести въ русскомъ правительствѣ „крайняго удивленія“ и „не навлечь на его счетъ сомнѣнія“. Послѣднее вызывалось особенно тѣмъ, что въ продолженіе переговоровъ и переписки генерала Тормасова съ персидскимъ правительствомъ о посольствѣ къ высочайшему двору никогда о Гуссейнъ-ханѣ, какъ о предполагаемомъ послѣ, не упоминалось. „По симъ уваженіямъ, — писалъ графъ Румянцевъ <sup>1)</sup>, — не можемъ мы приступить съ нимъ къ трактованію, не получа о назначеніи его отвѣта отъ Аббасъ-Мирзы“. Тѣмъ не менѣе, государь императоръ, „во изъявленіе уваженія своего къ его Баба-ханову величеству и искренняго своего къ миру расположенія“, соизволилъ, чтобы Гуссейнъ-Кербалай-ханъ былъ принятъ „съ почестью“ и препровожденъ въ Кіевъ, гдѣ и оставался бы до полученія увѣдомленія о полномочіяхъ его отъ персидскаго правительства <sup>2)</sup>.

Одновременно съ этимъ, предписано было генералу Тормасову немедленно объяснить Аббасъ-Мирзѣ удивленіе нашего правительства и запросить: „дѣйствительно ли оный Гуссейнъ-Кербалай-ханъ назначенъ къ высочайшему двору отъ его Баба-ханова величества и имѣетъ ли на то приличную грамоту и полномочіе, или будетъ отправлено особое посольство; въ семъ послѣднемъ случаѣ, нужно ли чтобы Гуссейнъ-Кербалай-ханъ ожидалъ онаго въ границахъ нашихъ и вмѣстѣ съ нимъ слѣдовалъ въ Петербургъ, или чтобы онъ обратно препровожденъ былъ въ Персію“.

Неожиданный оборотъ, который приняло безтактное посольство персидскаго правительства, поставило Аббасъ-Мирзу въ весьма неловкое положеніе. Сознывая крупную неделикатность, сдѣланную въ отношеніи главнокомандующаго нашими войсками на Кавказѣ, онъ силился придать происшедшему совершенно невинный

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1082 стр. 702.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

смыслъ. Аббасъ-Мирза увѣрялъ Торماسова, что Гуссейнъ-Кербалайханъ вовсе не былъ назначенъ посломъ отъ персидскаго правительства къ высочайшему двору и не имѣлъ никакого полномочія со стороны Персіи вести переговоры о мирѣ съ русскимъ правительствомъ; командировка же его въ Константинополь первымъ министромъ Персіи Мирза-Мамедъ-шефи имѣла единственную цѣль—передать главнокомандующему русскими войсками въ Молдавіи и Валахіи письмо, изъявляющее дружбу и доброе согласіе между обоими дворами; но „такое отправление, —объяснялъ Аббасъ-Мирза,— не заключаетъ въ себѣ никакого важнаго предмета“ <sup>1)</sup>. Въ доказательство этого, наслѣдникъ персидскаго престола просилъ Торماسова переслать Гуссейнъ-Кербалайхану письмо, въ которомъ требовалось возвращеніе его обратно въ Персію, „если только онъ не въ границахъ Россійскихъ“, въ противномъ же случаѣ, ему предписывалось, „не входя ни въ какія дѣла“, ожидать въ Кіевѣ „важнаго изъ Персіи къ высочайшему россійскому двору посла“. Это послѣднее обстоятельство давало генералу Тормасову основаніе заключить, что персидское правительство имѣетъ „непремѣнное намѣреніе въ скорости отправить къ высочайшему нашему двору чрезвычайное полномочное посольство“ <sup>2)</sup>.

Но предварительно отправления этого посольства, надлежало все-таки заключить формальное перемиріе, такъ какъ военныя дѣйствія были лишь временно пріостановлены по совершенно частному соглашенію Тормасова съ главнокомандующимъ персидскими войсками—Аббасъ-Мирзою. Относительно условій этого перемирія генералу Тормасову даны были соотвѣтственныя инструкціи еще въ концѣ 1809 года. „Объявите, —писалъ ему графъ Румянцевъ <sup>3)</sup>,—что оное перемиріе можетъ быть токмо двоякаго рода, т. е. на два года или на пять лѣтъ, но отнюдь не менѣе срокомъ, и съ распространеніемъ на всѣхъ подвластныхъ его императорскому величеству хановъ и области“. Срокъ этотъ считали необходимымъ для того, чтобы въ теченіе его укрѣпить важныя мѣста на нашей гра-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 8-го марта 1810 года № 38.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> 16-го ноября 1809 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1080 стр. 700.

ницѣ и принять мѣры „къ устройству и спокойствію“ всего края съ тѣмъ, что бы, въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, „имѣть болѣе способовъ къ удержанію силою оружія тѣхъ выгодъ, коихъ можетъ быть нельзя будетъ достигнуть переговорами“.

Въ обезпеченіе прочности перемирія, Торماسову предлагалось употребить всевозможныя старанія чтобы склонить персидское правительство къ уступкѣ намъ, въ видѣ залога, „на срокъ токмо перемирія“, крѣпостей эриванской и нахичеванской, объяснивъ при этомъ персіанамъ, что занятіе этихъ крѣпостей нашими войсками „отнюдь не должно почестъ въ видѣ всегдашней уступки“, но предлагается нами какъ мѣра, долженствующая, наоборотъ, содѣйствовать скорѣйшему заключенію мира. „Къ вѣщшему убѣжденію на сіе“, Тормасову предлагалось указать персіанамъ на бывшій незадолго передъ тѣмъ примѣръ Франціи и Австріи, изъ коихъ послѣдняя, при заключеніи перемирія съ Наполеономъ, ввѣрила ему въ видѣ залога „не только разныя крѣпости, но даже цѣлыя области, что и послужило къ ускоренію мира между ними“ <sup>1)</sup>. Въ томъ случаѣ, если бы Тормасовъ встрѣтилъ со стороны персидскаго правительства рѣшительный отказъ уступить намъ на время обѣ крѣпости, то рекомендовалось стараться получить хотя бы одну изъ нихъ: „сперва—эриванскую, а потомъ—нахичеванскую“. При этомъ, Тормасову поручалось обязаться „священнымъ именемъ и словомъ его императорскаго величества всемилостивѣйшаго государя нашего“, что если бы вопреки нашимъ желаніямъ мирные переговоры по какимъ либо обстоятельствамъ не достигли бы своей цѣли, то „при самомъ подъятіи вновь оружія тѣ крѣпости будутъ опорожнены и возвращены персидскому правительству“.

Трудно, конечно, допустить, чтобы персіане согласились на условія, которыя мы имѣли въ виду предложить имъ для заключенія перемирія. Персидскіе дипломаты, воспитанные на традиціонномъ коварствѣ азіатской политики, едва ли могли усвоить себѣ идеи международныхъ отношеній европейскихъ государствъ и довѣриться обѣщаніямъ, даже скрѣпленнымъ „священнымъ именемъ и словомъ“ русскаго императора. Да и само правительство наше,

<sup>1)</sup> 16-го ноябра 1809 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1080, стр. 700.

очевидно, не было вполне увѣрено въ успѣхѣ дѣлавшихся имъ предложеній и рекомендовало по этому Тормасову особую осторожность „въ разсужденіи домогательства о крѣпостяхъ“. Главнокомандующему предписывалось: во-первыхъ, вести переговоры не иначе, какъ словесно, „дабы, въ случаѣ если бы домогательства оказались безуспѣшными, не было слѣдствъ, что они могли быть не уважены“, а во-вторыхъ, не настаивать на нашихъ требованіяхъ „упорнымъ образомъ“, особенно когда выяснится малая надежда на ихъ исполненіе, „дабы не поваживать персіанъ къ упрямству и не подать имъ повода къ заключенію, что отказами можно и въ другихъ переговорахъ одерживать поверхность надъ ними“<sup>1)</sup>. Для того же, чтобы вообще устранить всякую возможность скомпрометтировать наше правительство, Тормасову предписывалось предложить персіанамъ приведенныя выше условія пятилѣтняго перемирія, „какъ собственную свою мысль“<sup>2)</sup>.

└ Такимъ образомъ, желая заключить съ Персіей миръ, мы хлопотали о предварительномъ перемиріи, но при этомъ ставили такія условія послѣдняго, на которыя завѣдомо персіане не могли согласиться.

Персидское правительство съ своей стороны также мало считывало на возможность заключенія мира. Уже одни требованія наши о проведеніи границы по Куръ и Араксу и о признаніи независимости отъ Персіи талышинскаго ханства, ни въ какомъ случаѣ не могли быть уважены персіанами, особенно если принять еще во вниманіе усиленныя интриги, которыя поддерживались противъ насъ въ Тегеранѣ англійскимъ золотомъ и просками турецкихъ эмиссаровъ. Но персидскому правительству необходимо было, какъ уже сказано, выиграть время для приведенія въ порядокъ своихъ внутреннихъ дѣлъ и для увеличенія средствъ къ дальнѣйшей борьбѣ съ нами. По этому, оно не прекращало переговоровъ объ отправленіи своего посольства въ Петербургъ и въ то же время предложило Тормасову, что бы „трактованіе“ о заключеніи перемирія произведено было въ Карабахѣ на

<sup>1)</sup> Письмо графа Румянцева къ генералу Тормасову отъ 16-го ноября 1809 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

личномъ свиданіи главнокомандующаго съ уполномоченнымъ персидскаго правительства, каймакамомъ Мирзою Безюркомъ. Тормасовъ выразилъ на это свое согласіе и избралъ для свиданія селеніе Талышъ, на рѣкѣ Тертерѣ, между Елизаветполемъ и Шушою, „какъ мѣсто, по всѣмъ отношеніямъ приличное и ближайшее къ границѣ“ <sup>1)</sup>).

Желая приготовить успѣхъ предстоявшихъ переговоровъ, Тормасовъ поручилъ, находившемуся въ это время въ Тегеранѣ, нашему посланнику, подполковнику барону Вреде, убѣдить Мирзу Безюрка въ необходимости искать прочнаго союза съ Россіей. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ этимъ персидскій визирь Фетъ-Али-ханъ-Нури объявилъ барону Вреде, что Турція якобы уступаетъ Персіи карсскай и ахалцыхскій пашалыки, почему персидское правительство, при заключеніи съ нами перемирія, желаетъ оговорить, чтобы „россійскія войска не предпринимали противъ сихъ пашалыковъ военныхъ дѣйствій“ <sup>2)</sup>).

Тормасовъ поручилъ барону Вреде довести „приличнымъ образомъ“ до свѣдѣнія наследника персидскаго престола и Мирзы Безюрка, что заявленіе Фетъ-Али-хана-Нури не доказываетъ искренняго желанія персидскаго правительства приобрести миръ и союзъ съ Россіей. „Внушите, писалъ Тормасовъ барону Вреде <sup>3)</sup>, что хотя всероссійскій дворъ не имѣетъ никакихъ видовъ на карсскай и ахалцыхскій пашалыки, но желаніе Персіи овладѣть ими послужило бы къ охлажденію мирнаго расположенія. Внушите также Мирзѣ Безюрку, что если онъ искренно желаетъ доставить отечеству своему миръ и благоденствіе, то не приобретеніемъ Карса и Ахалцыха долженъ онъ заниматься, ибо сію мысль впредъ ему непріятели Россіи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы произвести болѣе вражды, а стараться долженъ возвратитъ Персіи свои изобильныя и богатыя провинціи—Багдадъ и Бассору, коими завладѣла Турція и въ полученіи коихъ, если Персія будетъ искреннею союзницею Россіи, никакого препятствія не будетъ. Вотъ истинная политика персидскаго двора, о которой

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 8-го марта 1810 года № 38.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова подполковнику барону Вреде отъ 17-го марта 1810 года № 44.

<sup>3)</sup> Тамъ же.



онъ долженъ заниматься, какъ сынъ отечества, и стараться удерживать дворъ свой въ союзѣ съ одною Россією, яко сосѣдною и сильнѣйшею имперією, и, не ссорясь съ другими европейскими дворами, кои желаютъ имѣть съ Персією сношенія, остерегаться отъ ихъ вліянія, которое всегда обратится во вредъ Персіи, подобно тому, какъ и золото англійское обращается въ ядъ, дѣйствуя на удаленіе мира и на возстановленіе пагубной для Персіи войны“.

Само правительство наше, стремясь склонить персіанъ на заключеніе съ нами мира, поручало Торماسову „повторять“ наслѣднику персидскаго престола Аббасъ-Мирзѣ внушенія, что „для Персіи, а еще болѣе для него, Аббасъ-Мирзы, равно какъ и для его родителя, нѣтъ ничего выгоднѣе и естественнѣе союза съ Россіей, и что ни одна держава не имѣетъ столько способовъ обезпечить ихъ спокойствіе“ <sup>1)</sup>.

Однако, правительство наше, будучи далеко не увѣрено въ успѣшности дѣлавшихся имъ предложеній, старалось пріобрѣсти какіе либо другіе пути для болѣе чувствительнаго воздѣйствія на тегеранскій дворъ. „Я не ручаюсь, писалъ по этому поводу графъ Румянцевъ генералу Тормасову<sup>2)</sup>, чтобы сіи наши внушенія могли произвести желаемое дѣйствіе, но убѣжденъ въ томъ, что дѣйствительно настало надобность обратиться къ новымъ способамъ и заняться безъ потери времени пріисканіемъ средствъ, дабы сколько можно болѣе озаботить персидское правительство, стараясь распространить сношенія и сдѣлать связи съ разными народами, которыхъ можно подвигнуть противъ персіанъ, и возбудить въ самой Персіи внутреннія потрясенія посредствомъ претендентскій на престолъ шахскій, или посредствомъ другихъ людей, значущихъ и недовольныхъ Баба-хановымъ правленіемъ“.

Въ этихъ видахъ, Тормасову рекомендовалось воспользоваться, напримѣръ, услугами личнаго врага Баба-хана, Джегангиръ-хана Ишагагскаго<sup>3)</sup>, а также заключить союзъ съ авганцами. „Я не думаю, замѣчалъ Румянцевъ, чтобы, не смотря на дальность разстоянія, въ какомъ

<sup>1)</sup> Отношеніе графа Румянцева къ генералу Тормасову отъ 7-го апрѣля 1810 года.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Бывшій «важный въ Персіи владѣлецъ», бѣжавшій въ наши предѣлы отъ преслѣдованій Баба-хана и поселившійся въ Тифлисъ. (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1093).

они находятся, не было возможности учредить вамъ съ ними сношенія посредствомъ армянъ“ <sup>1)</sup>). Союзъ этотъ казался нашему правительству полезнымъ въ виду того, что давалъ бы возможность дѣйствовать сообща съ авганцами „для развлеченія силъ и во вредъ общаго непріятели“. „Я тѣмъ болѣе нахожу,—писалъ Румянцевъ Тормасову,—сіи мѣры необходимыми и сообщаю ихъ къ соображенію вашему, что, на случай возобновленія военныхъ дѣйствій противу Персіи, ввѣренная вамъ армія не можетъ быть усилена при настоящихъ обстоятельствахъ и потому заблаговременно нужно замѣнять недостатокъ въ силахъ всѣми изворотами, какіе представить могутъ мѣстное положеніе дѣлъ и слабыя стороны непріятели“ <sup>2)</sup>).

Но, къ сожалѣнію, для пріисканія этихъ „изворотовъ“ мы не имѣли достаточныхъ средствъ: самъ главнокомандующій, генералъ Тормасовъ, былъ въ это время всецѣло поглощенъ имеретинскими дѣлами, а посланный нами къ персидскому двору подполковникъ баронъ Вреде, повидимому, не держался надлежащаго тона въ роли твердаго представителя нашихъ интересовъ; по крайней мѣрѣ, проживавшій въ Тегеранѣ и сильно интриговавшій тамъ противъ насъ грузинскій царевичъ Теймуразъ писалъ брату своему Левану <sup>3)</sup>): „клянусь вамъ, что никакого счастья не можетъ быть отъ русскихъ. Русскій посланецъ, баронъ Вреде, и съ нимъ бывшій грузинъ, кизлярскій житель Ѳедоръ Романовичъ <sup>4)</sup>), коего называютъ Оручъ-бекомъ, день и ночь у меня были; изъ нихъ ни одинъ не русскій: одинъ нѣмецъ, другой грузинъ, и отъ нихъ мнѣ ничего скрытнаго не могло быть; они имѣли позволеніе отъ шахъзаде ходить всегда ко мнѣ“.

Этотъ-же самый бѣглый царевичъ Теймуразъ, вмѣстѣ съ многочисленными сообщниками своими, распространялъ самыя невыгодныя для насъ сплетни не только по всей Персіи, но и далеко за предѣлами ея, благодаря тѣмъ связямъ и знакомствамъ, которыя онъ имѣлъ почти повсюду. Человѣкъ, на сколько кажется, весьма

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1093.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 1089.

<sup>4)</sup> Переводчикъ барона Вреде.

для своего времени образованный, читавший даже Квинта-Курция Теймуразъ, по его собственному увѣренію, получалъ „извѣстія изъ всѣхъ мѣстъ, т. е. изъ Парижа, Петербурга, Константинополя, Тифлиса, и весьма старался о незаключеніи мира между Россіей и Персіей.“<sup>1)</sup>

Таковы были шансы, съ которыми мы собирались вступить въ переговоры съ персіанами сначала о перемиріи, а затѣмъ и о мирѣ.

Подавленіе возстанія въ Имеретіи и арестъ царя Соломона дали возможность генералу Торماسову отправиться на свиданіе съ уполномоченнымъ отъ персидскаго правительства, каймакамомъ Мирзою Безюркомъ, для личнаго веденія переговоровъ о перемиріи. Свиданіе это состоялось не въ селеніи Талыши, какъ предлагалъ Тормасовъ, а въ крѣпости Аскарани, на чемъ настаивало съ своей стороны персидское правительство. Первымъ пріѣхалъ въ Аскарань, 19-го апрѣля, генералъ Тормасовъ, а на слѣдующій день явился туда и Мирза Безюркъ которому главнокомандующій выслалъ „личную встрѣчу, оказалъ почести и принялъ его со всѣми знаками вѣжливости и уваженія“<sup>2)</sup>. Переговоры „о постановленіи артикуловъ, долженствовавшихъ составлять основаніе перемирія“, велись въ теченіе 18-ти дней, и Мирза Безюркъ, хотя и съ трудомъ, но все-таки выражалъ согласіе на всѣ наши предложенія. Даже въ наиболѣе щекотливомъ для персіанъ вопросѣ о талышинскомъ ханствѣ было достигнуто удовлетворительное соглашеніе. Дѣло въ томъ, что на ханство это одинаково претендовали какъ мы, такъ и персіане. Послѣдніе ссылались на то, что талышинское ханство искони составляло достояніе Персіи и никогда не было отнято нами отъ нея силою оружія; мы же опирались на тотъ фактъ, что ханство это уже болѣе 10-ти лѣтъ считалось подъ покровительствомъ Россіи. Дѣйствительно, опасаясь потерять свои владѣнія, талышинскій ханъ Миръ-Мустафа, съ появленіемъ нашимъ въ Закавказьѣ, просилъ принять его въ наше подданство. Просьба эта была уважена, но, не имѣя свободныхъ войскъ для занятія нашими гарнизонами наиболѣе важныхъ пунктовъ ханства и для фактическаго огражденія послѣдняго со стороны персіанъ, мы ограничились лишь

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1089 и т. V, № 66, стр. 40 и 41.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 26-го мая 1810 года № 74.

тѣмъ, что посылали, въ случаѣ надобности, къ талышинскимъ берегамъ военныя суда изъ Баку. Поддержка эта, конечно, всегда оказывалась недостаточной. Персіане же пользовались этимъ и, подъ предлогомъ нежеланія Миръ-Мустафы выдать свою дочь за одного изъ сыновей Баба-хана, вторглись, осенью 1809 года, въ предѣлы ханства и роззорили его. Самъ ханъ со своимъ семействомъ, имуществомъ и приближенными удалился на песчаную косу Каспійскаго моря, подъ покровительство пушекъ и небольшого десанта съ эскадры капитанъ-лейтенанта Чилѣева <sup>1)</sup>).

Разгромъ ханства былъ полный. Однако, Миръ-Мустафа все-таки не поколебался въ выборѣ между Россіей и Персіей и по прежнему добровольно остался подъ нашимъ покровительствомъ. Но и Баба-ханъ не терялъ надежды обратно подчинить себѣ талышинское ханство. Лестныя обѣщанія, угрозы, возмущеніе подданныхъ хана,—все было пушено въ ходъ персіанами для того, чтобы заставить Миръ-Мустафу отказаться отъ нашего покровительства.

Тормасовъ ясно видѣлъ, что заключеніе перемирія съ персіанами, безъ огражденія неприкосновенности талышинскаго ханства, дастъ возможность Баба-хану обратить всѣ свои силы противъ ненавистнаго ему Миръ-Мустафы съ тѣмъ, чтобы силою оружія подчинить его себѣ. По этому Тормасовъ и потребовалъ отъ персидскаго уполномоченнаго признанія независимости отъ Персіи талышинскаго ханства. Но Мирза Безюркъ наотрѣвъ отказался согласиться на наше требованіе. Тогда Тормасовъ предложилъ, не упоминая о талышинскомъ ханствѣ въ трактатѣ о перемирії, „сепаратнымъ актомъ“ обязаться взаимно, до заключенія полнаго мира, обѣимъ сторонамъ не вводить войскъ въ предѣлы ханства. Но Мирза Безюркъ заявилъ, что онъ не беретъ на себя рѣшеніе этого вопроса, безъ вѣдома Аббасъ-Мирзы.

Послѣдній въ это время приблизился къ границѣ и находился въ Нахичевани. Тормасовъ отправилъ къ нему письмо, съ подробнымъ изъясненіемъ своихъ требованій, и нѣсколько подарковъ: часы, осыпанные брилліантами, и дорогой черкесскій лукъ, съ колчаномъ и стрѣлами. Аббасъ-Мирза отвѣчалъ, что

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 875, 880, 884 и 885.

онъ въ теченіе цѣлаго года „не переставалъ стараться къ утушенію пламени вражды, которое казалось неугасимымъ“, и, доказывая права Персіи на талышинское ханство, совѣтывалъ въ тоже время Тормасову не настаивать на чрезмѣрныхъ требованіяхъ. „Достоинство вашего высокопревосходительства, писалъ онъ <sup>1)</sup>, и ваше доброжелательство требуютъ, что бы эта важная цѣль (перемиріе), заключающая въ себѣ громадныя выгоды для обѣихъ державъ, не была бы отложена вслѣдствіе маловажнаго предмета, не имѣющаго связи съ дѣломъ перемирія, и что бы заключеніе его произошло безъ предложенія тяжкихъ условій, дабы тѣмъ отвратить въ отношеніи Россіи дурную славу, которая можетъ произойти вслѣдствіе тяжкихъ требованій и предложеній. Поводомъ этихъ маловажныхъ постороннихъ дѣлъ вы не должны покрыть пылью прозрачное зеркало дружбы, а если по разнымъ обстоятельствамъ замѣтите на немъ потускнѣніе, то по мѣрѣ возможности должны стараться его очистить и тѣмъ уничтожить слѣды вражды въ сердцахъ“.

Получивъ такой отвѣтъ, Тормасовъ, „въ видѣ уваженія къ наслѣднику Персіи и прямаго желанія своего споспѣшествовать искомому персидскимъ правительствомъ союзу съ всероссійскою имперіей“, согласился вовсе не упоминать о талышинскомъ ханствѣ въ статьяхъ перемирія, а „оговорить только, что ни съ той, ни съ другой стороны не будутъ предпринимаемы никакія непріятельскія покушенія на земли, города, ханства и царства, до подписанія акта перемирія пріобрѣтенныя трактатами, покоренные оружіемъ и состоящіе подъ покровительствомъ той или другой державы“. Предложеніе это, послѣ многихъ затрудненій, было, наконецъ, принято Мирзою Безюркомъ.

Такимъ образомъ, по всѣмъ статьямъ перемирія достигнуто было взаимное соглашеніе. Казалось, что состоявшееся послѣ столькихъ домогательствъ свиданіе главнокомандующаго нашими войсками на Кавказѣ съ уполномоченнымъ персидскаго правительства близилось къ благополучному окончанію, и призракъ давно желаннаго мира начиналъ уже пріобрѣтать болѣе матеріальныя очертанія.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1292. Письмо Аббасъ-Мирзы къ генералу Тормасову.

Какъ вдругъ, все это рушилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ тотъ моментъ, когда Тормасовъ изготавилъ уже трактатъ для подписанія его обѣими сторонами „къ полному совершенію дѣла“, Мирза Безюркъ началъ предъявлять такія требованія, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было принять, „по несообразности оныхъ съ достоинствомъ Имперіи“ <sup>1)</sup>).

└ Персидскій уполномоченный потребовалъ, чтобы Россія совершенно отказалась отъ покровительства талышинскому хаңству, съ признаніемъ единственной зависимости его отъ Персіи; чтобы въ помѣщаемомъ въ трактатѣ полномъ титулѣ генерала Тормасова было исключено званіе „главнокомандующаго въ Дагестанѣ“, что несомнѣнно обнаруживало притязаніе персіянъ и на эту область. Кромѣ того, Мирза Безюркъ отъ имени своего правительства потребовалъ, чтобы Персіи возвращены были мигринскій и гюнейскій округа Карабаха, чтобы въ продолженіе перемирія мы не поднимали оружія противъ карскаго и ахалцыхскаго пашалыковъ, которые Персія беретъ подъ свое покровительство и защиту; и, наконецъ, чтобы Мустафа-ханъ ширванскій доставилъ сосѣднимъ съ нимъ персидскимъ провинціямъ полное удовлетвореніе за отогнанные имъ въ предшествовавшемъ году 15-ть тысячъ барановъ, не смотря на то, что сдѣлано было это ханомъ по праву войны, въ теченіе которой разоренія, произведенныя персіянами въ ширванскомъ владѣніи и особенно въ Карабахѣ, по выраженію Тормасова, „были чрезвычайны“, и персидское правительство не представило, однако, за нихъ ни малѣйшаго удовлетворенія <sup>2)</sup>).

└ Всѣ эти требованія, какъ оказалось, были предъявлсны Мирзою Безюркомъ по предписанію изъ Тегерана, полученному, съ нарочнымъ курьеромъ, передъ самымъ подписаніемъ трактата. Причины столь рѣзкой перемѣны и очевиднаго охлажденія персидскаго правительства къ заключенію перемирія, котораго оно, казалось, желало искренно, крылись, какъ доносилъ Тормасовъ, въ „напряженныхъ дѣйствіяхъ англійскаго посольства въ Персіи, а вѣсь золота, щедрою рукою англичанъ разсыпаемаго при персидскомъ кабинетѣ,

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 26-го января 1810 года № 74.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

рѣшили персіанъ преклониться къ ихъ сторонѣ и пріостановить перемиріе, въ коемъ англійскій министръ Гарфордъ Джонсъ съ всѣмъ усиліемъ старался воспрепятствовать черезъ разные интриги и вымыслы, ни съ чѣмъ несообразные“<sup>1)</sup>.

Но не одни только англчане интриговали противъ насъ въ Тегеранѣ. Оттоманская Порта, опасаясь, что, заключивъ перемиріе съ Персіей, мы получимъ возможность направить всѣ наши силы на сосѣднія съ Грузіей области Турціи, также прилагала дѣятельныя старанія къ тому, чтобы разстроить благополучное окончаніе мирныхъ переговоровъ нашихъ съ Персіей. Съ этой цѣлью, Порта отправила „весьма знатные подарки къ тегеранскому двору, съ лестнымъ обѣщаніемъ разныхъ выгодъ и вспомошествованія 12-ю тысячами лучшихъ войскъ изъ Анатолиі, отдавая ихъ въ совершенное распоряженіе наслѣдника Персіи“<sup>2)</sup>.

Вообще, при персидскомъ дворѣ не было недостатка въ настойчивыхъ интригахъ противъ зарождавшагося мира съ Россіей. Ахалцыхскій паша Шерифъ, имеретинскій царь Соломонъ, карскій паша, нѣкоторые ханы Закавказья,— всѣ одинаково хлопотали о томъ, чтобы воспрепятствовать благополучному окончанію мирныхъ переговоровъ въ Аскарани. Даже грузинскій царевичъ Теімуразъ, приписывая себѣ успѣшнѣйшій результатъ этихъ интригъ, сообщалъ своимъ сообщникамъ въ Грузіи: „я весьма старался о незаключеніи мира между Россіей и Персіей и видно, что я сіе дѣло разстроилъ“<sup>3)</sup>.

Такимъ образомъ, соединенныя усилія нашихъ недоброжелателей привели къ тому, что Баба-ханъ и Аббасъ-Мирза, достаточно усилившись противъ внутреннихъ своихъ соперниковъ, снова возымѣли надежду на счастливый исходъ борьбы съ Россіей и, сильно рассчитывая въ этомъ на иноземную помощь, предписали Мирзѣ-Безюрку предложить намъ такія условія, которыхъ мы ни въ какомъ случаѣ принять не могли. Торماسову, „при всѣхъ усиліяхъ и истощенныхъ способахъ снисхожденія“, ничего не оставалось, какъ

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ графу Румянцеву отъ 26-го мая 1810 года № 74.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1089 стр. 708.

только предложить Мирзѣ Безюрку размѣняться полномочіями, безъ заключенія перемирія. Персидскій каймакамъ весьма охотно согласился на это и на другой же день, 8-го мая, „съ почестями“ выѣхалъ изъ Аскарани обратно въ предѣлы Персіи <sup>1)</sup>. Надежды на перемиріе, а съ нимъ — и на столь необходимое намъ продолжительное спокойствіе на нашей персидской границѣ рухнули окончательно.

Такъ же безуспѣшны оказались и выскливанія разныхъ „изворотовъ“, которыми рассчитывали въ Петербургѣ воспользоваться услугами Джегангира Шагагскаго можно было, по мнѣнію Тормасова, только при наступательной войнѣ съ Персіей, „о чемъ нынѣ, писалъ онъ, нельзя и помышлять, поколику предлежитъ теперь оборона собственныхъ границъ на чрезвычайное пространство противу двухъ сильныхъ непріятелей — Персіи и Турціи“ <sup>2)</sup>. Что же касается авганцевъ, то по поводу предполагавшагося союза съ ними Тормасовъ писалъ: „Я не предвижу никакой возможности войти въ связи съ авганскимъ народомъ, а и того меньше, посредствомъ оныхъ получить какіе успѣхи, возставивъ сей народъ противъ персидскаго правительства, ибо сверхъ чрезвычайной отдаленности сего народа отъ здѣшняго края, полагающей неизбѣжныя затрудненія въ вѣрномъ съ ними сношеніи чрезъ пространство всей Персіи, необходимо нужно еще употребить на сіе знатныя издержки, кои ввѣрять армянамъ, чрезъ которыхъ однихъ только можно открыть сіи сношенія, не надежно и опасно потому, что народъ сей націи способенъ обратить все въ пользу своего корыстолюбія“ <sup>3)</sup>. Кроме того, политическая раздробленность народностей Авганистана и междуусобія, непрестанно обуревавшія его, не обѣщали большихъ выгодъ отъ этого союза.

Такимъ образомъ, въ начинавшейся борьбѣ съ Персіей, мы должны были рассчитывать исключительно на тѣ силы, которыми располагали въ Закавказьѣ, при условіи еще, что большую часть

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1092.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 26-го мая 1810 года № 75.

<sup>3)</sup> Тамъ же.



этихъ силъ надлежало выдѣлить, во-первыхъ, въ Имеретію, гдѣ бѣжавшій, во время переговоровъ Торماسова съ Мирзою Безюркомъ <sup>1)</sup>, изъ Тифлиса царь Соломонъ поднялъ поголовное возстаніе, а во-вторыхъ, къ границамъ Турціи, откуда угрожало Грузіи вторженіе соединенныхъ силъ новыхъ союзниковъ—турокъ и персіанъ.

Прервавъ переговоры съ Мирзою Безюркомъ, Тормасовъ поспѣшилъ возвратиться изъ Аскарани въ Тифлисъ, собралъ сколько можно войскъ, „не оголяя вовсе пограничныхъ постовъ“, и рѣшилъ истощить „всѣ свои способы на то, чтобы имѣть полевое дѣло и, разсыпавъ непріятельскія войска, недопустить ихъ ворваться въ наши границы“ <sup>2)</sup>. О надлежащемъ прикрытіи послѣднихъ Тормасовъ озаботился еще въ бытность свою въ Карабахѣ, предвидя возможность разрыва съ Персіей. Благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ, къ началу военныхъ дѣйствій было сосредоточено противъ персидской границы два отряда: одинъ—генераль-маіора Небольсина, въ Карабахѣ (Елизаветполь, Тертеръ, Чардахлу и Шуша)—шесть баталіоновъ пѣхоты, казачій полкъ и милиціи: шекинская, ширванская и карабахская; а другой—генераль-маіора Портнягина, въ Памбакской и Шурагельской областяхъ, у Гумри и Амамловъ—четыре баталіона, два эскадрона и два казачьихъ полка. Общимъ резервомъ всѣхъ нашихъ войскъ, разбросанныхъ вдоль границъ отъ Чернаго до Каспійскаго морей, служилъ, сосредоточенный у Саганлуга, отрядъ генераль-лейтенанта барона Розена, изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, шести эскадроновъ драгунъ и трехъ казачьихъ полковъ <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> См. стр. 107.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 26-го мая 1810 года № 74.

<sup>3)</sup> *Въ составъ отряда генераль-маіора Небольсина входили:* три баталіона Троицкаго мушкетерскаго полка, изъ коихъ два стояли въ мѣстечкѣ Чардахлу, а третій—въ Елизаветполѣ. Три баталіона 17-го егерскаго полка, изъ состава которыхъ двѣ роты находились въ Ширвани, двѣ—на рѣкѣ Тертерѣ, а остальные въ Карабахѣ, въ распоряженіи полковника Ассеева. Донской казачій Попова 16-го полкъ и милиціи: шекинская, ширванская и карабахская.

*Въ отрядѣ генераль-маіора Портнягина входили: въ селеніи Амамлаги—два баталіона Саратовскаго мушкетерскаго полка, два эскадрона нарвскихъ драгунъ, донской казачій Агѣева 2-го полкъ и милиціи: казахская и памбакская. Въ мѣстечкѣ Гумри: два баталіона Тифлискаго мушкетерскаго полка и донской казачій Богачева полкъ. Третьи баталіоны Саратовскаго и Тифлискаго полковъ были расположены постами по персидской и турецкой границамъ.*

*У Саганлуга, въ общемъ резервѣ были: подъ командой генераль-маіора князя Орбеліани—два бата-*

Изъ числа отрядовъ, расположенныхъ вдоль персидской границы, въ наибольшемъ удаленіи отъ главнаго резерва находился отрядъ генер.-м. Небольсина, прикрывавшій Карабахъ. На защиту послѣдняго надлежало обратить особенное вниманіе, въ виду того, что войска Аббасъ-Мирзы сосредоточивались къ Нахичевани, на границахъ Карабаха. Сдѣлать отрядъ Небольсина сильнѣе главнокомандующій не могъ по той причинѣ, что восемью баталіонами, сосредоточенными у Саганлуга, надлежало поддерживать не только передовые наши отряды, но также и Симоновича въ Имеретіи, гдѣ въ это время возстаніе было въ самомъ разгарѣ. Кромѣ того, на этихъ же войскахъ главнаго резерва лежала обязанность обезпечивать спокойствіе внутри края и поддерживать, въ случаѣ надобности, незначительные гарнизоны наши, разбросанные по всему Закавказью. Усиленіе отряда Небольсина могло быть произведено только путемъ привлеченія къ содѣйствію намъ милицій: Карабаха, Шеки и Ширвани. Въ этихъ видахъ, Тормасовъ предложилъ ханамъ, чтобы они собственными силами озаботились охраненіемъ спокойствія въ своихъ владѣніяхъ и кромѣ того выставили бы нѣкоторое количество конницы для содѣйствія нашимъ войскамъ. Такъ, Мехти-Кули-хана карабахскаго главнокомандующій „просилъ“ отправить въ отрядъ Небольсина 250-тъ человекъ конницы, а съ остальными войсками, которыя онъ найдетъ возможнымъ собрать, расположиться на границѣ своихъ владѣній и производить набѣги въ предѣлы Персіи <sup>1)</sup>.

Джафаръ-Кули-хана шекинскаго Тормасовъ „просилъ и требовалъ“ выслать въ отрядъ Небольсина 300 человекъ конницы, а 500 человекъ выставить на рѣку Араксъ, къ Худаферинской переправѣ, для разъѣздовъ по границѣ. Кромѣ того, главнокомандующій просилъ хана „имѣть еще въ самомъ шекинскомъ ханствѣ всегда готовыхъ тысячи двѣ войскъ, какъ для удержанія внутренняго по-

---

ліона Кабардинскаго мущкетерскаго полка; два баталіона 15-го егерскаго полка, изъ состава коихъ двѣ роты командированы были въ селеніе Думанисы для занятія поста противъ ахалцхской границы; два эскадрона нарвскихъ драгунъ, три казачьихъ полка: Донской Денисова 9-го, донской Ежова 1-го и линейный Потапова; десять орудій 20-й артиллерійской бригады, грузинская милиція. *Подъ командой генерала-маіора Титова*; два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, два баталіона 9-го егерскаго полка, четыре эскадрона нижегородскихъ драгунъ.

<sup>1)</sup> Письмо Тормасова Мехти-Кули-хану отъ 20-го мая 1810 года № 426. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 829.

рядка, такъ и для обращенія ихъ туда, гдѣ будетъ въ оныхъ настоять надобность“ <sup>1)</sup>).

Наконцѣ, Мустафа-хана ширванскаго Тормасовъ просилъ со-брать три тысячи войскъ и расположить ихъ на границѣ своихъ владѣній съ тѣмъ, чтобы „на случай какого либо непріятельскаго отъ персіанъ набѣга, могли отразить ихъ“. Впрочемъ, хану не возбранялось, при желаніи, производить набѣги и въ предѣлы Персін, угонять оттуда скотъ и уводить плѣнныхъ, при чемъ послѣднихъ Тормасовъ обѣщаль даже брать у хана взаимѣнъ данн и селить ихъ на „пустопорожнихъ казенныхъ“ земляхъ Грузін, „тѣмъ ване пре-восходительство, писалъ хану главнокомандующій, окажете боль-шую услугу и пользу государственную“ <sup>2)</sup>).

Но стремленія Тормасова привлечь къ содѣйствию намъ ха-новъ восточнаго Закавказья не привели къ желаемымъ результа-тамъ, и требованія его, не смотря даже на скромность ихъ, были исполнены однимъ лишь пекинскимъ ханомъ. Что же касается Мехти-Кули-хана карабахскаго и Мустафы ширванскаго, то оба они находились въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ персіанами и вы-жидали только удобнаго случая открыто стать на сторону ихъ <sup>3)</sup>). Это не составляло тайны для самого главнокомандующаго и онъ не разъ напоминалъ ханамъ о лежавшемъ на нихъ долгѣ вѣрно-подданства. Но черемърно-любезныя письма Тормасова, конечно, не могли производить большого впечатлѣнія на людей, воспитан-ныхъ на суровыхъ циціановскихъ посланіяхъ, въ которыхъ гроз-ный „шпехторъ“ <sup>4)</sup> открыто обзывалъ ихъ „собаками, зайцами, мошенниками съ головой осла и душой лисицы“. Когда тотъ же самый Мустафа ширванскій, въ 1805 году, медлил явиться къ Ци-ціанову, то послѣдній писалъ ему: „не мнѣ ѣхать для свиданія съ

---

<sup>1)</sup> Письмо хану пекинскому отъ 20-го мая 1810 года № 427. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 740.

<sup>2)</sup> Письмо генерала Тормасова Мустафа-хану отъ 19-го мая 1810 года № 423. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 776.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 768, 821 и 829.

<sup>4)</sup> Циціановъ имѣлъ официальный титулъ не «главнокомандующаго войсками въ Грузін и на кавказской линіи», а «инспектора кавказской линіи и астраханскаго губернатора». Подъ этимъ именемъ «инспектора» онъ и былъ извѣстенъ среди хановъ Закавказья, ко-торые называли его не иначе, какъ «шпехторъ».

вами въ Ширвань и прилично ли бы то было“<sup>1)</sup>. Тормасовъ же, намѣреваясь на возвратномъ пути изъ Аскарани въ Тифлисъ познакомиться съ Мустафой, котораго онъ еще ни разу не видѣлъ, пригласилъ его на свиданіе. Но Мустафа, подъ предлогомъ болѣзни, уклонился отъ этого. Тормасовъ выразилъ по этому поводу глубокое сожалѣніе и, въ видѣ любезности, обѣщалъ, при случаѣ, лично навѣстить больного хана. Мустафа же, твердо еще помнившій времена Циціанова, принялъ это за угрозу и, ожидая прибытія русскаго главнокомандующаго съ войсками, поспѣшно началъ укрѣплять свою резиденцію на Фитъ-дагѣ<sup>2)</sup>.

Такою же любезностью отличались сношенія Тормасова и съ Мехти-Кули-ханомъ карабагскимъ, который ни въ какомъ случаѣ не заслуживалъ нашего довѣрія.

Всѣ эти ханы состояли въ генеральскихъ рангахъ, получали приличное содержаніе отъ нашего правительства и любезныя письма отъ Тормасова и, по представленіямъ послѣдняго, время отъ времени удостоивались исключительныхъ, но совершенно не заслуженныхъ наградъ. Такъ, Мустафа ширванскій получилъ отъ Императора Александра I-го брилліантовое перо какъ разъ въ то время, когда тайно отъ насъ отправлялъ Аббасъ-Мирзѣ цѣлый транспортъ оружія, и принялъ эту „высокомонаршую милость не съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ бы должно было“<sup>3)</sup>. Сыну шекинскаго хана—Измаиль-пашѣ пожалована была золотая медаль, усыпанная брилліантами съ надписью: „Наслѣднику шекинскаго ханства“<sup>4)</sup>. Хотя владѣтель этого ханства Джафаръ-Кули-ханъ и давалъ неоднократно доказательства преданности намъ, но постоянная вражда его съ сосѣдними ханами Ширвани и Карабаха причиняла намъ серьезныя безпокойства и, „сѣя развратъ въ подвластныхъ этихъ ханствъ“, препятствовала установленію единодушія въ службѣ намъ владѣтелей областей, ближайшихъ къ персидской границѣ.

Что же касается Мехти-Кули-хана карабагскаго, то измѣны

---

<sup>1)</sup> Томъ I, стр. 220

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 776, 785 и 787.

<sup>3)</sup> Рапортъ подполковника Тихановскаго генералу Тормасову отъ 15-го ноября 1809 года № 188. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 767.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 740.

его намъ были столь же многочисленны, какъ и милости, коими мы его осыпали. Сношенія его съ персіанами не подлежали никакому сомнѣнію. „Обильныя щедроты,—писалъ ему Тормасовъ <sup>1)</sup>), изліянныя на васъ государемъ императоромъ, служили мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше превосходительство должны быть благодарны къ толикому милосердію его императорскаго величества, но къ неожиданному моему удивленію получилъ я извѣстіе изъ самой Персіи, что вы, забывъ присягу на вѣрность Россіи, данную вами предъ лицомъ самого Бога, забывъ вашу обязанность и всѣ щедроты къ вамъ государя императора, имѣли тайныя съ непріятелемъ сношенія, посылали свои письма въ Персію, на которыя получали и отвѣты; людей, коихъ для себя вы употребляли, я знаю имена, состояніе и званіе; знаю и то даже, гдѣ они находятся, а потому дѣла ихъ по заслугамъ получаютъ свое возмездіе“. Однако, самому хану Тармасовъ не угрожалъ никакимъ „возмездіемъ“, а „дружески“ лишь предвараля его быть осторожнымъ и совѣтывалъ „откинувъ всякую непріязненную мысль или надежду, чтобы могло что либо укрыться отъ бдительнаго надзора, отнынѣ навсегда заняться усердіемъ къ службѣ государю императору“<sup>2)</sup>). Но даже и послѣ этого письма Мехти-Кули-ханъ не только не прекратилъ сношеній своихъ съ персіанами, а, наоборотъ, „каждый день“ шли отъ него и отъ Мустафы ширванскаго посланцы къ Баба-хану.

Такимъ образомъ, черемърная мягкость отношеній главнаго начальника края къ азіатскимъ владѣтелямъ, почитавшимъ вѣжливость за слабость, насаждала только распущенность, взаимныя трепетнаго повиновенія, которое поддерживается обыкновенно властью, неумолимой какъ стихіи природы.

Почти пренебрежительное отношеніе хановъ къ требованіямъ главнокомандующаго и недостаточность собственныхъ нашихъ мѣръ по надзору за персидской границей были причиной, что мы не имѣли точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится противникъ даже въ то время, когда онъ уже вторгся въ наши предѣлы. Еще въ періодъ мирныхъ переговоровъ въ Аскарани, Аббасъ-Мирза прибылъ въ На-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 821.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

хичеванъ и началъ постепенно стягивать свои войска къ границамъ Карабаха. Вслѣдъ же за прекращеніемъ переговоровъ, персидское правительство начало спѣшно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ вторгнуться въ наши предѣлы ранѣе, чѣмъ мы могли бы воспрепятствовать этому. Уже въ началѣ юня 1810 года Тормасовъ получилъ свѣдѣнія о сборахъ персидскихъ войскъ. „Персіане, — писалъ онъ Румянцеву, <sup>1)</sup> — дѣлаютъ значительныя приготовленія къ войнѣ. Войска ихъ въ большомъ сборѣ и, по послѣднимъ извѣстіямъ, находятся уже въ движеніи къ тремъ пунктамъ нашихъ границъ, т. е. къ Карабаху, Елизаветполю и Памбакамъ. Самъ Баба-ханъ уже выступилъ со своими войсками изъ Тегерана въ Султанію, гдѣ, остановясь, будетъ наблюдать за дѣйствіями своихъ сыновей и, при удобности, имъ секурсировать“. Въ Тавриздѣ въ это время сосредоточено было около 12-ти тысячъ регулярныхъ персидскихъ войскъ (сарбазовъ) и заготовлялось большое количество продовольствія.

∟ По плану персіанъ, наслѣдникъ престола Аббасъ-Мирза, съ 30-ю тысячами, долженъ былъ вторгнуться въ Карабахъ со стороны Нахичевани и, возбудивъ противъ насъ ханства восточнаго Закавказья, двигаться далѣе въ Грузію съ этой стороны. Одновременно съ нимъ, старшій сынъ шаха Магометъ-Али-ханъ, съ 15-ю тысячами, долженъ былъ, совмѣстно съ эриванскимъ ханомъ, вытѣснить наши войска изъ Памбакъ и Шурагели, соединиться съ войсками ахалцыхскаго и карсскаго пашей и, поддержавъ имеретинскаго царя Соломона, вторгнуться въ Карталинію со стороны Ахалцыха.

∟ Кромѣ того, для развлеченія нашихъ силъ предположено было поднять возстаніе у насъ въ тылу на всемъ пространствѣ отъ Чернаго до Каспійскаго морей. Съ этой послѣдней цѣлью, многочисленныя эмиссары были разосланы съ прокламаціями персидскаго правительства не только по всему Закавказью, но и къ горцамъ главнаго хребта.

Воисполненіе этого плана, Аббасъ-Мирза стянулъ въ началѣ мая 1810 года свои войска къ Нахичевани, а отдѣльныя отряды его, въ числѣ около 2-хъ тысячъ человекъ, подъ начальст-

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 3-го юня 1810 года.

вомъ Марданъ-хана и Абдуль-Фетъ-хана, переправились черезъ Араксъ и 15-го мая заняли наши селенія Мигри и Гюней, угнавъ жителей ихъ въ предѣлы Персіи.

Въ это время въ Карабахѣ ближайшей къ персидской границѣ частью нашей былъ 3-й баталіонъ 17-го егерскаго полка, стоявшій на урочищѣ Кизылдагъ, для прикрытія капанскихъ и бергушетскихъ деревень. Получивъ извѣстіе объ уводѣ персіанами мигринскихъ и гюнейскихъ жителей, Тормасовъ предписалъ командировать этотъ баталіонъ для занятія с. Мигри, которое, какъ узелъ важныхъ дорогъ, считалось „ключемъ Карабаха и Тавриза“. На баталіонъ этотъ возлагалось, занявъ Мигри и Гюней, „производить поиски надъ непріателемъ, дабы не давать ему утвердиться на нашей сторонѣ Аракса“<sup>1)</sup>. Однако, въ это время у Нахичевани и въ приграничной полосѣ Карабаха были уже сосредоточены персіанами столь значительныя силы, что командировка на Араксъ одного баталіона, при невозможности даже, по мѣстнымъ условіямъ, придать ему артиллерію, легко могла кончиться катастрофой, особенно чувствительной для начала войны. Но баталіономъ этимъ командовалъ полковникъ Котляревскій.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1090, 1091, 1094, 1096.



*Генералъ-отъ-инфантеріи  
Котляревскій.*



## Глава X.

Петръ Степановичъ Котляревскій. Командировка его съ баталіономъ 17-го егерскаго полка въ Мигри. Опасеніе Тормасова за участь этого баталіона. Штурмъ Мигри. Заботы о благополучномъ выводѣ отряда Котляревскаго изъ Мигри. Попытка персіанъ вернуть Мигри. Пораженіе ихъ на Араксѣ. Уходъ Абассъ-Мирзы къ Эривани. Усиленіе мигринскаго гарнизона. Поведеніе хана карабахскаго. Письмо къ нему Тормасова. Набѣги персіанъ въ Карабахъ. Подвигъ рядоваго Орѣхова.

О Котляревскій! вѣчной славой  
ты озарилъ кавказскій штыкъ.

*Домантовичъ.*

Однажды, въ глухую зиму 1792 года, сильная мятель, какія не рѣдко бушуютъ на необъятномъ просторѣ степей южной Россіи, заставила проѣзжаго русскаго офицера искать убѣжища въ небольшомъ попутномъ селѣ Ольховаткѣ, Харьковской губерніи. Офицеръ этотъ былъ извѣстный въ послѣдствіи кавказскій герой и жертва грузинской царицы Маріи, Иванъ Петровичъ Лазаревъ; домъ же, въ которомъ онъ нашелъ теплый пріютъ, принадлежалъ мѣстному священнику, отцу Степану Котляревскому. Здѣсь, въ радушной, простой семьѣ сельскаго пастыря, Лазаревъ провелъ цѣлую недѣлю и за это время невольно обратилъ свое вниманіе на пятнадцатилѣтняго сына священника Петра, выказывавшаго исключительныя способности и особо отважный складъ характера. Лазаревъ предложилъ отдать юношу въ военную службу, и въ слѣдующемъ году шестнадцатилѣтній Петръ Котляревскій былъ зачисленъ въ 4-й баталіонъ кубанскаго егерскаго корпуса, которымъ командовалъ тогда подполковникъ Лазаревъ <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Биографъ Котляревскаго, графъ Соллогубъ, считаетъ день рожденія Петра Степановича Котляревскаго 12-е іюня 1782 года. Между тѣмъ, въ формулярномъ спискѣ чиновъ 4-го баталіона Кубанскаго егерскаго корпуса за 1795 годъ значится сержантъ Петръ Степановичъ Котляревскій, изъ дворянъ Воронежскаго намѣстничества, Кулянской округи, слободы Ольховатки, 18-ти лѣтъ отъ роду и въ службѣ сержантомъ съ 19-го марта 1794 года. Въ другомъ-же формулярѣ, именно, въ спискѣ чиновъ 18-го егерскаго полка за 1797 годъ, Котляревскій показанъ 19-ти лѣтъ отъ роду, въ службѣ съ 1793 года и сержантомъ съ 19-го марта 1794 года (Бобровскій «исторія Эриванскаго полка» ч. III. приложенія №№ 32 и 35). Очевидно, что Котляревскій родился не въ 1782 г., а въ 1777 и никакъ не позже 1778 года. Хотя онъ самъ, въ перепискѣ съ княземъ М. С. Воронцовымъ, говорилъ, что родился 12 іюня 1782 г.

Такъ совершенно случайно попалъ на далекій Кавказъ человекъ, которому судьба, взамѣнъ мирной дѣятельности, судила бурное боевое поприще и громкую славу героя, ставшаго гордостью кавказскихъ войскъ.

Два года спустя, въ 1796 году, сержантъ Котляревскій участвовалъ уже въ персидскомъ походѣ графа Валеріана Зубова и подъ Дербентомъ получилъ первое свое „боевое крещеніе“. Походъ этотъ, однако, не далъ Котляревскому особыхъ отличій, и въ продолженіе еще трехъ лѣтъ онъ остался въ непримѣтномъ нижнемъ званіи. Но за то пять лѣтъ, проведенныхъ въ солдатской средѣ, закалили духъ будущаго героя и выучили его глубоко и чутко понимать тѣ массы, которыя онъ впослѣдствіи столь увѣренно водилъ къ громкимъ побѣдамъ.

Только въ 1799 году, 22-хъ лѣтъ отъ роду, Котляревскій былъ произведенъ въ офицеры 17-го егерскаго полка. Въ качествѣ адъютанта Лазарева, онъ совершилъ съ полкомъ достопамятнѣйшій переходъ въ Грузію, гдѣ для молодого, способнаго, храбраго офицера открылось широкое боевое поприще. Сраженіе на Іорѣ въ 1810 году доставило ему разомъ двѣ награды: чинъ штабсъ-капитана и крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Штурмъ Ганжи обратилъ особое вниманіе Циціанова на Котляревскаго, и послѣдній снова получилъ двѣ награды: чинъ маіора и Анну 3-й степени. Здѣсь же онъ былъ раненъ въ ногу настолько тяжело, что едва не остался забытымъ на полѣ сраженія. Къ счастью, его замѣтилъ молодой князь Воронцовъ и поднялъ раненаго; на помощь подскочилъ было рядовой Богатыревъ, но тутъ же былъ пораженъ пулею въ сердцѣ, и Воронцовъ одинъ на своихъ плечахъ вынесъ Котляревскаго изъ боя. Случай этотъ послужилъ началомъ почти полувѣковой неразрывной дружбы двухъ людей, наполнившихъ впослѣдствіи Кавказъ славою своихъ именъ <sup>1)</sup>.

Война съ Персіей въ 1805 году снова выдвигаетъ Котляревскаго въ роли дѣятельнаго участника легендарныхъ подвиговъ Каягина у Шахъ-булаха и Шамхора. Двѣ серьезныя раны, полученные здѣсь Котляревскимъ, не воспрепятствовали, однако, ему отли-

---

<sup>1)</sup> Князь Воронцовъ, уже въ роли намѣстника Кавказа, поставилъ въ Елизаветполѣ памятникъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ нѣкогда поднялъ раненаго Котляревскаго.



Памятникъ Генералу П.С.Котляревскому  
въ Елизаветполѣ.

*Надписи на оборотѣ.*

На памятникъ семъ изображено:

*На одной сторонѣ:* „Близъ сего мѣста 2 декабря 1803 года, при взятіи садовъ и форштадта крѣпости Ганжи, подъ главнымъ начальствомъ и въ присутствіи генерала князя Циціанова, раненъ въ первый разъ пулей въ ногу 17-го егерскаго полка капитанъ Котляревскій“.

*На другой сторонѣ:* „Скромный сей памятникъ герою Асландуза и Ленкорани соорудилъ въ 1850 году, бывшій съ нимъ въ этомъ дѣлѣ, гвардіи поручикъ графъ Воронцовъ, въ послѣдствіи главнокомандующій и намѣстникъ Кавказскій“.

читься въ послѣдующихъ дѣлахъ, и въ 1807 году онъ произведенъ былъ въ подполковники, въ 1808 году—въ полковники, а въ слѣдующемъ, 1809 году, назначенъ командиромъ 17-го егерскаго полка.

Къ началу описываемыхъ событій персидской войны, Котляревскій былъ уже въ роли самостоятельнаго начальника небольшого отряда, располагавшагося на урочищѣ Кизылдагъ и прикрывавшаго Карабахъ со стороны Персїи. <sup>1)</sup> Съ этого времени для Котляревскаго начинается новая эпоха боевой дѣятельности, эпоха самостоятельнаго командованія отдѣльными отрядами и блестящихъ побѣдъ, слава которыхъ принадлежитъ уже нераздѣльно ему одному.

Личныя дарованія и 15-ти-лѣтній опытъ почти непрерывной боевой дѣятельности выработали въ Котляревскомъ высокія качества предводителя закаленныхъ кавказскихъ войскъ. Энергичный, рѣшительный, чрезвычайно отважный, Котляревскій не останавливался передъ подвигами, невѣроятными по своей смѣлости. Но расчетъ его основывался всегда не на одной только чрезвычайной личной отвагѣ. Тонкое знаніе противника, близкое знакомство съ мѣрою силъ и способностей русскаго солдата, тѣсная духовная связь со своими войсками, глубокая взаимная вѣра, рѣшительность дѣйствій, быстрота и внезапность исполненій—вотъ тѣ данныя, на которыхъ Котляревскій строилъ всегда успѣхъ своихъ невѣроятныхъ предпрїятій. Идея стихійнаго движенія впередъ, даже при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ обстановки, внушалась имъ своимъ войскамъ самымъ настойчивымъ образомъ. „Идущему впередъ,—постоянно говорилъ онъ,—одна пуля въ грудь или лобъ, а бѣгущему назадъ—десять въ спину“. „Дѣйствовать стремительно, не обыкновенными, но самыми форсированными маршами, безъ ранцевъ и шинелей“ <sup>2)</sup>—было его неизмѣннымъ правиломъ. Словомъ и примѣромъ Котляревскій воспитывалъ въ своихъ войскахъ тѣ чувства, которыми былъ преисполненъ самъ. Раненый,

<sup>1)</sup> Кизылдагъ находился въ 8-ми верстахъ отъ д. Капаны и приблизительно въ 70-ти верстахъ отъ Аракса (Мягри). Подъ начальствомъ Котляревскаго былъ третій баталіонъ 17-го егерскаго полка, въ составѣ: 2-хъ штабъ-офицеровъ, 9-ти оберъ-офицеровъ, 20-ти унтеръ-офицеровъ, 8-ми барабанщиковъ и 380-ти егерей. Всего 419 человѣкъ и 20 казаковъ. Карабахскій ханъ, вѣзавъ 250-ти миллионеровъ, прислалъ только 50, но и тѣ были «люди плохіе, почти никуда негодные». (Бобровскій. Исторія л. Эриванскаго полка, ч. 3, стр. 263).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 850, стр. 567.

онъ не оставлялъ поля сраженія; того же требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ. Выбирая всегда между побѣдой и смертью, онъ и въ диспозиціяхъ по своимъ войскамъ прямо объявлялъ: „отступленія не будетъ“,—и каждый солдатъ исполнялъ свой долгъ до послѣдняго издыханія. Воинъ-христіанъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ не менѣе строгъ и къ своимъ подчиненнымъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ; въ дисциплинѣ видѣлъ залогъ нравственной силы и неизбѣжнаго съ ней успѣха; но въ то же время, зная глубоко солдата, онъ любилъ и сберегалъ его, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишения, неразлучные съ военнымъ бытомъ,—и солдаты понимали и любили своего отважнаго вождя. Признавая собственнымъ умозрѣніемъ превосходство и авторитетъ его, они беззаветно шли за нимъ на такіе подвиги, знакомясь съ которыми невольно „переносишся воображеніемъ къ героямъ классической Греціи, воспѣтымъ въ Иліадѣ безсмертнымъ Гомеромъ“<sup>1)</sup>.

Таковъ былъ начальникъ небольшого отряда, всего въ 400 человекъ, которому предстояло овладѣть важнымъ по своему стратегическому значенію мѣстечкомъ Мигри, находившимся уже, какъ оказалось, въ рукахъ многочисленнаго противника.

Едва Котляревскій, исполняя предписаніе генераль-маіора Небольсина<sup>2)</sup>, двинулся со своимъ отрядомъ къ Мигри, какъ до главнокомандующаго начали доходить свѣдѣнія о переправѣ большихъ непріятельскихъ силъ черезъ худоаферинскій мостъ на нашу сторону Аракса, о появленіи персидскихъ партій у Аскарани и о сосредоточеніи къ Нахичевани 10-ти тысячнаго корпуса Аббасъ-Мирзы. Тревожась за участь баталіона, отправленнаго для занятія Мигри, Тормасовъ писалъ Небольсину<sup>3)</sup>: „предписаніе мое къ вамъ о занятіи отрядомъ полковника Котляревскаго Мигри было дано въ то время, когда еще не слышно было ни о какихъ непріятельскихъ движеніяхъ, и когда жители мигринскіе находились въ своихъ мѣстахъ. Теперь же, когда жители ушли и защищать некого, зная отдаленность и шиканническія мѣста, отдѣляющія сіе

<sup>1)</sup> Бобровскій. Ист. л. Эриванскаго полка, ч. 3, стр. 513.

<sup>2)</sup> Отъ 2-го іюня № 102. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1096.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Небольсину отъ 24-го іюня 1810 года № 100. Тоже отъ 2-го іюля 1810 года № 646.

селеніе отъ Шуши, между которыми всякое сообщеніе можетъ быть удобно отрѣзано и отрядъ тотъ подвергнется опасности, не слѣдовало бы онаго туда отправлять; теперь же, когда уже сіе сдѣлано, то, по крайней мѣрѣ, посильнѣе возвратитъ сей отрядъ изъ Мигри и поставитъ оный въ томъ мѣстѣ, гдѣ по обстоятельствамъ признаете за полезнѣйшее“. Но въ то время, когда еще только писалось это приказаніе, Мигри было уже давно въ рукахъ Котляревскаго.

Изъ урочища Кизылдагъ, гдѣ стоялъ отрядъ Котляревскаго, въ Мигри (около 60-ти верстъ по прямому направленію) вели двѣ дороги: одна по берегу рѣки Аракса, другая—по рѣчкѣ Мигри. Обѣ эти дороги наблюдались персіанами, были преграждены многочисленными засѣками и прикрывались въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ непріятельскими батареями. Пройти здѣсь незначительному отряду, принимая во вниманіе всегдашнюю возможность сосредоточенія превосходныхъ силъ противника, было весьма рискованно. Поэтому Котляревскій, желая избѣжать излишней потери людей на штурмахъ попутныхъ непріятельскихъ засѣкъ и батарей, рѣшилъ пройти къ Мигри по такимъ тропамъ, за которыми, какъ почти за совершенно недоступными, персіане вовсе не наблюдали. Выступивъ 12-го іюля, въ первомъ часу по полудни, Котляревскій двинулся къ Мигри напрямикъ, черезъ карабахскія горы, по тропинкамъ, извѣстнымъ однимъ лишь туземцамъ. Двое сутокъ карабкались егеря по сожженнымъ солнцемъ скалистымъ горамъ, то спускаясь въ глубокія пропасти, то взбираясь на голые безжизненные утесы. Наконецъ, къ полудню 14-го числа, отрядъ вышелъ въ долину рѣчки Мигри, къ урочищу Гяллору, лежавшему въ пяти верстахъ отъ селенія Мигри. Скрываться далѣе было невозможно, и Котляревскій, оставивъ здѣсь вьючный обозъ и всѣ тяжести, въ тотъ же день, въ три часа по полудни, двинулся впередъ для атаки непріятельской позиціи у селенія Мигри.

Послѣднее было расположено по обѣимъ берегамъ рѣчки того же имени, у подошвы двухъ высокихъ горныхъ кряжей. Природныя свойства этой весьма крѣпкой позиціи были усилены еще многими укрѣпленіями и батареями, возведенными на окружающихъ селеніе

высотахъ. Персіане, занимавшіе эту позицію въ числѣ около 1500 человѣкъ, были размѣщены на ней двумя группами по обѣимъ берегамъ рѣчки Мигри. Весьма крутой и труднодоступный кряжъ на правомъ берегу занималъ Абуль-Фетхъ-ханъ. Здѣсь были возведены двѣ батареи: одна изъ нихъ, на совершенно отвѣсной скалѣ „Сабетъ“, — защищалась двумястами человѣкъ; на другой батарее находилось сто человѣкъ отборныхъ войскъ; впереди было построено много укрѣпленій различной величины и формы, занятыхъ нѣсколькими сотнями персіанъ. Возвышенности на лѣвомъ берегу рѣчки Мигри занималъ Али-Марданъ-ханъ. Здѣсь было возведено пять батарей, защищавшихся гарнизонами по 80-ти и по сто человѣкъ. Само селеніе Мигри, приведенное въ оборонительное положеніе, занималось отрядомъ въ 300 человѣкъ. Подступы къ селенію и прикрывавшимъ его батареямъ преграждены были засѣками, оборонявшимися двумястами персіанъ.

Вся позиція была такъ сильна и по природѣ, и по возведеннымъ на ней укрѣпленіямъ, что когда нѣсколько времени спустя послѣ взятія ея Тормасовъ рѣшилъ имѣть здѣсь постоянный нампъ гарнизонъ и приказалъ для этого какъ можно сильнѣе укрѣпить ее, то Котляревскій отвѣчалъ: „Мигри природой и персіанами такъ укрѣплено, что совершенно недоступно ни для какого числа персидскихъ войскъ и куда бы ни востребовалось обращать команды— всегда будетъ обезпечено отъ нападений непріятели“ <sup>1)</sup>. И вотъ эту то твердыню предстояло теперь самому Котляревскому брать у персіанъ, силы которыхъ превосходили почти въ пять разъ его немногочисленный отрядъ.

Послѣдній для штурма раздѣленъ былъ Котляревскимъ на три части: 150 егерей, подъ начальствомъ маіора Дьячкова, направлены были на высоты лѣваго берега рѣчки Мигри. Сто егерей капитана Абхазова должны были двигаться по долинѣ на селеніе Мигри. Самъ Котляревскій, съ 150-ю егерями, имѣлъ ввиду атаковать наиболѣе сильную часть непріятельской позиціи—на правомъ берегу рѣчки <sup>2)</sup>. Не смотря на утомительность предшествовавшаго похода, егеря, предводимые начальниками карягинской школы, бодро дви-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1130.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора Небольсина генералу Тормасову отъ 29-го іюня 1810 года. Арх. штаба кавк. воен. округа.



нулись впередъ, и передовыя персидскія укрѣпленія одно за другимъ стали переходить въ ихъ руки. Персіане, отстрѣливаясь, медленно отходили на главную свою позицію. До селенія оставалось нѣсколько сотъ шаговъ. Но тутъ Котляревскій близко увидѣлъ силу непріятельскаго расположенія. Было отчетливо видно, какъ персидскіе военачальники передвигали свои войска къ пунктамъ, на которые направлялись наши колонны. Неравенство силъ было подавляющее. Малочисленные колонны наши, не смотря на необычайное мужество каждаго рядоваго, могли растаять ранѣе, чѣмъ подошли бы къ непріятельскимъ батареямъ. Двигаться впередъ было рискованно, и Котляревскій остановилъ колонны въ разстояніи полутора-ружейнаго выстрѣла отъ персидскихъ укрѣпленій, въ намѣреніи подъ покровомъ ночи сдѣлать измѣненіе въ первоначальномъ своемъ планѣ и дать утомленнымъ войскамъ собраться съ силами.

Едва стемнѣло, Котляревскій оставилъ поручика Роговцева съ 50-ю егерями на правомъ берегу рѣчки Мигри, противъ позиціи Али-Марданъ-хана, а самъ, съ 100 егерями, спустился въ долину, къ колоннѣ капитана Абхазова. Новый планъ Котляревскаго состоялъ въ томъ, чтобы съ наиболѣе сильной—средней колонной, въ 200 егерей, прорваться къ селенію Мигри въ то время, какъ колонна Дьячкова штурмовала бы батареи Абуль-Фетхъ-хана, а Роговцевъ демонстрировалъ бы противъ Сабета. Съ занятіемъ селенія, Котляревскій врѣзывался клиномъ въ расположеніе противника и, прорвавъ такимъ образомъ его центръ, могъ бы затѣмъ болѣе свободно дѣйствовать противъ разобщенныхъ фланговъ. Но для исполненія этого плана необходима была необычайная стремительность и отважность атаки на укрѣпленія и засѣки, прикрывавшія подступы къ селенію. Поэтому-то Котляревскій и взялъ среднюю колонну подъ свое личное начальство: онъ зналъ своихъ егерей,—егери вѣрили въ своего начальника.

Съ разсвѣтомъ колонны двинулись на штурмъ, и къ десяти часамъ утра Котляревскій, неудержимымъ потокомъ ниспровергая преграждавшаго ему путь противника, ворвался въ селеніе Мигри. Къ этому же времени Дьячковъ взялъ крайнія три батареи перси-

анъ. Противникъ столпился на двухъ ближайшихъ къ селенію батарейхъ, но, взятый съ двухъ сторонъ колоннами Дьячкова и Котляревскаго, былъ сбитъ и обращенъ въ бѣгство. Такимъ образомъ, къ полудню 15-го іюня, все, что находилось на лѣвомъ берегу рѣчки Мигри, было въ нашихъ рукахъ. Пользуясь воодушевленіемъ егерей и смятеніемъ противниковъ, соединенныя колонны Котляревскаго и Дьячкова, не теряя времени, бросились на высоты праваго берега. Короткій рукопашный бой—и все укрѣпленія перешли въ наши руки. Выбитые персіане спѣшили укрыться на Сабетѣ. Въ порывѣ увлеченія, ожесточившіеся егеря бросились за ними, ворвались на самый гребень горы, но тутъ наткнулись на неодолимую преграду: голый трехъ-саженный утесъ изъ темнаго гранита, на которомъ возведена была эта батарея, горло поднимался къ небу, какъ бы смѣясь надъ горстью смѣльчаковъ, пытавшихся съ боя взобраться на его вершину. У атакующихъ не было ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни артиллеріи. Какъ рой пчелъ облѣпили они подножіе утеса, не видя средствъ взобраться на него. Единственная узкая тропинка на вершину осыпалась пулями и камнями. Котляревскій рѣшилъ взять противника изморомъ. Всю ночь, весь слѣдующій день, 16-го іюня, держалъ онъ непріятеля въ блокадѣ. Томимые голодомъ и жаждой, персіане не выдержали, наконецъ, этого безнадежнаго сидѣнія и въ ночь на 17-е число начали по одиночкѣ сползать съ утеса, надѣясь найти спасеніе въ бѣгствѣ. Но штыкъ или пуля егерей зорко стерегли cadaго бѣглеца. Пользуясь паникой, распространившейся среди защитниковъ Сабета, егеря, наконецъ, ворвались на вершину его, и къ утру 17-го іюня послѣдній оплотъ мигринскаго гарнизона былъ въ нашихъ рукахъ. Пораженіе персіанъ было полное. Больше 300 труповъ ихъ осталось на мѣстѣ боя. Плѣнныхъ не брали. Наши потери состояли изъ трехъ офицеровъ и 32-хъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Въ числѣ послѣднихъ находился и самъ начальникъ отряда, полковникъ Котляревскій<sup>1)</sup>.

Такъ кончился этотъ баснословный штурмъ, въ которомъ ме-

<sup>1)</sup> Арх. штаба казк. воен. округа. Дѣло всеподданнѣйшихъ донесеній генерала Гормасова за 1810 годъ. Репортъ 5-го іюля. При штурмѣ Мигри было вывучено егерями 8425-ти патроновъ. (Репортъ генералъ-маіора Небольсина генералу Гормасову отъ 29-го іюня 1810 года).

нѣе чѣмъ четыреста стерей сломили почти 2-хъ тысячнаго противника, занимавшаго позицію, сильную не только природными своѣствами, но еще и многочисленными искусственными укрѣпленіями. Въ предпріятіи этомъ ярко сказались безиредѣльное мужество и выносливость, на которыя способенъ русскій солдатъ, подъ предводительствомъ отважнаго и понимающаго дѣло начальника. Самъ Котляревскій зналъ цѣну своему славному подвигу въ Мигри: награду за него, георгіевскій крестъ 4-й степени, онъ цѣнилъ всегда выше всѣхъ другихъ отличій, полученныхъ имъ впослѣдствіи, и никогда не разставался съ нимъ, постоянно нося его, даже по оставленіи службы, въ петлицѣ своего сѣраго сюртука.

Между тѣмъ, основываясь на запоздалыхъ свѣдѣніяхъ о распространеніи персидскихъ войскъ по Карабаху, Гормасовъ сильно тревожился за участь отряда Котляревскаго, безъ артиллеріи и конницы отрѣзаннаго отъ Шуши, съ ограниченномъ запасомъ продовольствія. Опасенія главнокомандующаго поддерживались и донесеніями генераль-маіора Небольсина, который въ свою очередь основывался на рапортахъ начальника нашего гарнизона въ Шушѣ, шефа 17-го егерскаго полка полковника Ассѣва. Послѣдній вообще давалъ большую вѣру всевозможнымъ слухамъ о движеніяхъ персидскихъ войскъ и сильно преувеличивалъ вызывавшіяся этимъ опасенія. Встревоженный донесеніями Ассѣва, генераль-маіоръ Небольсинъ, стоявшій въ это время у мѣстечка Чардахлу, двукратно (10-го и 17-го іюня) предписывалъ ему вывести баталіонъ Котляревскаго изъ Мигри и расположить его у Хинзырека <sup>1)</sup>.

Въ тоже время и главнокомандующій, озабочиваясь лучшимъ прикрытіемъ Карабаха, предписалъ Небольсину перейти изъ Чардахлу къ Аскарани и присоединить къ себѣ 2-й баталіонъ 17-го егерскаго полка, шедшій подъ начальствомъ подполковника Парфенова изъ Баку въ Карабахъ, а также и отрядъ Котляревскаго изъ Мигри <sup>2)</sup>. 5-го іюля Небольсинъ прибылъ къ Аскарани и послалъ баталіонъ Парфенова къ Татеву, чтобы, во-первыхъ, облег-

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Небольсина генералу Гормасову отъ 27-10 іюня 1810 года № 140. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 834.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1097.

читать отступление Котляревскому, а во-вторыхъ, снабдить отрядъ его продовольствіемъ. Съ этой послѣдней цѣлью, командировали въ Мигри маіора Терешкевича, съ двумя ротами 17-го егерскаго полка. Но едва приняты были эти мѣры для обезпеченія безопасности отступления отряда Котляревскаго, какъ изъ Шуши снова начали получаться донесенія тревожнаго характера. Полковникъ Ассѣвъ, отъ 4-го іюля, рапортовалъ Небольсину<sup>1)</sup>, „что изъ Нахичевани Келбъ-Али-ханъ со многими числомъ войскъ занялъ дороги, лежащія къ Мигри, и путь къ полковнику Котляревскому пресѣченъ“; что Парфеновъ, командированный, „дабы въ случаѣ надобности дать секурсъ Котляревскому“, по мнѣнію Ассѣва не могъ выбить непріятеля изъ крѣпкихъ мѣстъ; относительно же двухъ ротъ Терешкевича, посланныхъ съ провіантомъ въ Мигри, Ассѣвъ рѣшительно не зналъ, „гдѣ сѣ роты находились, т. е. возвратились ли обратно къ Татеву или задержаны непріателемъ“. Вслѣдствіе всего этого, Ассѣвъ просилъ у Небольсина подкрѣпить баталіонъ Парфенова, „дабы можно было дать секурсъ Котляревскому“, и предупреждалъ, что „въ случаѣ даже малой удачи непріятеля, карабахскій народъ выйдетъ изъ повиновенія“.

Наконецъ, Небольсинъ получилъ успокоительное донесеніе отъ самого Котляревскаго, въ которомъ послѣдній сообщалъ о благополучномъ прибытіи къ нему двухъ ротъ Терешкевича и выражалъ полную увѣренность съ находившимися теперь у него силами дать отпоръ хотя бы самому Аббасъ-Мирзѣ. Тѣмъ не менѣе, Небольсинъ все-таки продолжалъ настаивать на возвращеніе мигринскаго отряда въ Шушу, полагая, что только при такомъ условіи ему можно будетъ снова отойти отъ Аскарани къ Чардахлу, для сближенія съ Тормасовымъ, находившимся въ это время у Елизаветполя. „Я за всѣмъ онымъ, доносилъ Небольсинъ<sup>2)</sup>, предписалъ полковнику Котляревскому не медля выступить изъ Мигри, если онъ не предвидитъ важной опасности при отступленіи въ потерѣ людей . . . въ случаѣ же надобности, въ секурсѣ поставилъ баталіонъ подпол-

1) Рапортъ генераль-маіора Небольсина генералу Тормасову отъ 8-го іюля 1810 года № 162.

2) Тамъ же.

ковника Парфенова въ Татевѣ, откуда можно дать полковнику Котляревскому таковой секурсъ“.

Но Котляревскій въ то время, когда писалось это донесеніе и принимались заботливыя мѣры объ оказаніи ему „секурса“, своими собственными силами покончилъ уже съ персіанами и въ свою очередь, всего лишь съ пятьюстами егерей, оказалъ дѣйствительный „секурсъ“ четырнадцати баталіонамъ Торماسова и Небольсина, все еще продолжавшихъ измышлять способы защиты Карабаха отъ многотысячныхъ полчищъ Аббасъ-Мирзы.

Занятіемъ Мигри нанесенъ былъ персіанамъ тяжелый ударъ. Мало того, что они лишились важнаго опорнаго пункта для набѣговъ въ приграничныя области Карабаха, но и само сообщеніе Тавриза съ Нахичеванью становилось подъ серьезную угрозу нашихъ войскъ, такъ-какъ единственная дорога между этими пунктами стояла отъ Мигри не далѣе 100 верстъ. Получивъ извѣстіе о взятіи нами послѣдняго, Аббасъ-Мирза, бывшій въ это время съ главными своими силами на пути къ Нахичевани, пришелъ въ сильное негодованіе. Всѣмъ „сарбазамъ“, находившимся въ Мигри, онъ приказалъ отрубить головы за то, что допустили русскихъ завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ. Въ то же время, онъ отрядилъ 10 тысячъ отборныхъ войскъ, въ число которыхъ входили 1500 человекъ обученной англичанами пѣхоты, и, вручивъ этотъ отрядъ тавризскому беку Ахметъ хану и сыну Мирзы-Безюрка Мурза-Асану, приказалъ имъ „взять Мигри или умереть“.

Ахметъ-ханъ, оставивъ пушки и фальконеты при Шахъ-Ташѣ подъ прикрытіемъ 3-хъ тысячъ человекъ, остальные свои войска переправилъ 1-го іюля черезъ Араксъ и часть ихъ двинулъ къ селенію Мигри, а другую, около 2-хъ тысячъ человекъ— на встрѣчу маіору Терешкевичу, о движеніи котораго персіане получили точныя свѣдѣнія. Послѣднее предпріятіе ихъ, однако, не удалось, и Терешкевичъ, какъ сказано выше, 2-го іюля благополучно прибылъ къ отряду Котляревскаго. Въ тотъ же день Ахметъ-ханъ, сосредоточивъ всѣ свои силы, приблизился къ селенію Мигри и, не рискуя итурмовать позицію Котляревскаго, обложилъ ее со всѣхъ сторонъ. Первымъ долгомъ персіане попытались отнять у осажденныхъ воду; но заблаговремен-

но возведенныя Котляревскимъ у рѣчки Мигри два укрѣпленія заставили непріятеля отказаться отъ этого намѣренія. Тогда Ахметъ-ханъ открылъ непрестанную стрѣльбу по нашимъ укрѣпленіямъ изъ ружей и фальконетовъ, вѣроятно, въ надеждѣ принудить этимъ средствомъ незначительный отрядъ нашъ къ сдачѣ. Но Котляревскій приказалъ своимъ егерямъ тщательно укрыться въ садахъ, не отвѣчать на выстрѣлы непріятеля и вообще ни чѣмъ не обнаруживать себя. Самъ Котляревскій со своими офицерами обѣдалъ и ужиналъ на особомъ помостѣ, устроенномъ въ вѣтвяхъ огромнаго дерева, стоящаго и понынѣ у древняго мигринскаго монастыря. Отсутствіе у осажденныхъ малѣйшихъ признаковъ жизни изумляло персіанъ. Но сознаніе, что въ зеленой чащѣ этихъ повидимому безлюдныхъ садовъ таится грозный противникъ, останавливало ихъ отъ попытокъ отважиться на открытый штурмъ. Наконецъ, послѣ двухъ дней безуспѣшной блокады, Ахметъ-ханъ, по совѣту находившихся при немъ англійскихъ офицеровъ, послалъ Аббасъ-Мирзѣ донесеніе о томъ, что сила русскихъ позицій у Мигри не дастъ надежды овладѣть ими. Аббасъ-Мирза, вѣроятно, имѣя какой либо другой планъ, согласился отмѣнить данное имъ рѣше суровое приказаніе, и 5-го іюля, въ три часа дня, войска Ахметъ-хана тремя колоннами потянулись внизъ по Араксу. У Мигри не оставалось ни единого противника. Но Котляревскому этого было мало. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что непріятель спокойно отходитъ отъ него въ полномъ порядкѣ и признавалъ успѣхъ лишь въ потрясающемъ погромѣ противника, хотя бы даже и во много разъ превосходящаго числомъ. Тонко зная своего противника, Котляревскій былъ убѣжденъ, что персіане, дойдя до переправы черезъ рѣку, безопасно расположатся на берегахъ ея, полагаясь на свою многочисленность. На этомъ Котляревскій построилъ свой планъ: неожиданно ночью атаковать персіанъ и показать имъ „силу русскихъ штыковъ“. Для этого онъ оставилъ въ Миграхъ сто человѣкъ по преимуществу больныхъ и слабыхъ, а съ остальными 487-ю егерями и 20-ю казаками, въ ночь на 5-е іюля, двинулся вслѣдъ за персіанами.

Ахметъ-ханъ, дойдя до переправы черезъ Араксъ у Шахъ-Таша, успѣлъ еще засвѣтло перевести на противоположный берегъ около

1000 конницы и 1500 человекъ регулярной пѣхоты; всѣ же остальные его войска покойно расположились ночевать на небольшой возвышенности, у самаго лѣваго берега рѣки Аракса. Обычная безпечность персіанъ была на этотъ разъ столь велика, что они не приняли рѣшительно никакихъ мѣръ осторожности. Да и трудно было, конечно, ожидать, что бы незначительный гарнизонъ Мигри, выдержавшій 5-ти дневную блокаду, осмѣлился бы выйти изъ своихъ „норъ“ и напасть на бивакъ 8-ми тысячнаго противника. Но Котляревскій отважился именно на это смѣлое предпріятіе. Тихо, подъ покровомъ ночи, приблизился онъ съ своими егерями къ биваку персіанъ. Послѣдніе спали безмятежнымъ сномъ. Котляревскій раздѣлилъ свой отрядъ на три части и, поручивъ одну изъ нихъ маіору Дьячкову, приказалъ ему безъ шума обойти персіанъ справа; другая колонна, подъ начальствомъ маіора Терешкевича, была направлена въ обходъ слѣва. Самъ Котляревскій, съ сотней егерей, остановился противъ середины, выжидая обхода <sup>1)</sup>). Осторожно, не производя ни малѣйшаго шума, колонны окружили непріятельскій бивакъ и безъ выстрѣла, безъ крика, молча бросились на спящихъ персіанъ. Ужасъ овладѣлъ непріятелемъ. „Штыками, какъ доносилъ Котляревскій, было повсюду пораженіе его“. Куда ни бросались обезумѣвшіе персіане—всюду натыкались на ожесточенныхъ егерей. „Непріятель, встрѣчая вездѣ смерть и ужасъ, доносилъ Небольсинъ, и не имѣя мѣста къ спасенію, принужденъ былъ бросаться въ Араксъ, какъ единственный путь, ему оставленный; но неимѣніе пѣшихъ бродовъ въ Араксъ, заставило плыть внизъ по рѣкѣ, а дабы сколько можно меньше дать ему спастись, провожасмъ былъ пулями далеко по Араксу“ <sup>2)</sup>). Отрядъ Котляревскаго былъ такъ малъ, что онъ отдалъ приказаніе: „плѣнныхъ не брать“. „Едва доставало рукъ, говоритъ очевидецъ, чтобы исполнить это суровое, но необходимое приказаніе“. Въ плѣнъ взято лишь три нашихъ рядовыхъ—дезертира, изъ коихъ одинъ былъ адъютантомъ въ персидской службѣ, а другой поручикомъ<sup>3)</sup>). Истребленіе персіанъ было страшное:

<sup>1)</sup> Рапортъ полковника Котляревскаго полковнику Асѣеву отъ 24-го іюля 1810 года.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора Небольсина генералу Тормасову отъ 20-го іюля 1810 г.

<sup>3)</sup> Бобровскій. Исторія л. Эриванскаго полка, ч. 3, стр. 270.

„число людей въ отрядѣ едва было достаточно дабы успѣвать колоть“. По мнѣнію Котляревскаго, могло спастись не болѣе одной трети персіанъ. Человѣкъ около 500 успѣли прорваться вверхъ по лѣвому берегу Аракса, мимо Мигри, къ Ордубату, но и тѣхъ преслѣдовали казаки, подъ начальствомъ есаула Дударева, который съ „отличною храбростію, отхвата онаго непріятели нѣсколько, успѣлъ обратити въ Араксъ“. Смятеніе, царившее на лѣвомъ берегу рѣки, перешло и на противоположную сторону ея, гдѣ былъ бивакъ уже переправившихся персіанъ. Послѣдніе побросали всѣ пушки, фальконеты, лагерь и въ паникѣ, безъ выстрѣла, бѣжали въ горы. Все захваченное непріятельское оружіе Котляревскій приказалъ потопить въ Араксѣ. Наши потери состояли изъ 4-хъ убитыхъ и 9-ти раненыхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ <sup>1)</sup>.

За эту побѣду Котляревскій награжденъ былъ золотою саблею съ надписью „за храбрость“.

Взятіе Мигри и пораженіе персіанъ на Араксѣ совершенно измѣнили положеніе дѣлъ въ восточной части Закавказья вообще и въ Карабахѣ—въ частности. Аббасъ-Мирза, опасаясь вторженія Котляревскаго въ предѣлы Персіи, поспѣшно приступилъ къ укрѣпленію Тавриза и Нахичевани. Въ то же время, потерявъ окончательно надежду на успѣхъ дѣйствій въ Карабахѣ, онъ рѣшилъ перевести свои войска въ эриванское ханство съ тѣмъ, что бы отсюда вторгнуться совмѣстно съ турками въ Памбакъ и Шурагель. Съ этой цѣлью, въ срединѣ іюля Аббасъ-Мирза двинулся вверхъ по Араксу, оставивъ на границахъ Карабаха значительныя конныя партіи для грабежа пограничныхъ нашихъ областей.

Опасенія за участь отряда Котляревскаго окончательно разсѣялись. Относительно отступленія его изъ Мигри теперь, конечно, не было уже никакого разговора. На запоздалыя предписанія Небольсина Котляревскій доказывалъ, что „если оставить Мигри, то впредь съ такою маловажною потерею, какъ нынѣ, занять оныхъ невозможно, ибо всѣ укрѣпленія должно брать штурмомъ; персіане же, по выходѣ нашихъ войскъ, гораздо противу прежняго тамъ уси-

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа. Дѣло № 207, съ всеподданнѣйшими донесеніями Торماسова за 1810 годъ. Донесеніе отъ 26-го іюля № 20.



лятся, потому что мѣсто сіе для нихъ важно—ключъ Карабаха и Гавриза, и пребываніе тамъ войскъ нашихъ считаютъ они для себя вреднымъ“<sup>1)</sup>).

Да и самъ главнокомандующій, генераль Тормасовъ, получивъ донесеніе о благополучномъ прибытіи въ Мигри двухъ ротъ Терешкевича съ провіантомъ, не зная даже еще о пораженіи персидскихъ войскъ на Араксѣ, находилъ необходимымъ оставить Котляревскаго въ Мигри, „дѣбы не подать персіанамъ повода заключить, что сіе отступление происходитъ отъ страха и, ободряя тѣмъ, дать имъ случай воспользоваться извѣстною ихъ политикою, чтобы вывести изъ сего знаменитую побѣду, одержанную ими надъ русскими отнятіемъ Мигри, что и не упустятъ они повсюду разгласить“<sup>2)</sup>).

Въ видѣ поддержки мигринскому гарнизону, въ селеніи Тативѣ оставленъ былъ баталіонъ 17-го егерскаго полка подполковника Парфенова. Кромѣ того, 7-го сентября было отправлено въ Мигри одно орудіе, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты. Однако, мѣры эти, клонившіяся, глвнымъ образомъ, къ упроченію занятаго нами положенія на самой границѣ Персіи, мало обезпечивали карабахское ханство внутри отъ грабительскихъ налетовъ персидскихъ партій, раззорявшихъ селенія и угонявшихъ у жителей скотъ. Мехти-Кули-ханъ карабахскій не оказывалъ нашимъ войскамъ почти никакого содѣйствія и, не смотря на неудачи персіанъ, все еще находился съ ними въ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Главнокомандующій не разъ напоминалъ хану о лежавшихъ на немъ обязанностяхъ. „Признательно долженъ сказать, ваше превосходительство, писалъ онъ<sup>3)</sup>, что въ нынѣшнее лѣто вы такъ слабо употребляли себя на пользу службы Его Императорскаго Величества, что я вынуждаюсь напомнить вамъ ваши обязанности и сказать истину, которую я имѣлъ только у себя на сердцѣ, т. е. что Государь Императоръ ввѣрилъ вамъ ханство не по другимъ какимъ либо причинамъ, какъ только въ ожиданіи отъ васъ неограниченнаго

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 840.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Небольсину отъ 15-го іюля 1810 года № 702. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1107.

<sup>3)</sup> Письмо генерала Тормасова къ Мехти-Кули-хану отъ 15-го сентября 1810 года № 921. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 845.

усердія, какое вы оказывали до утверженія васъ владѣтельнымъ ханомъ, но теперь вы вовсе не соотвѣтствуете симъ надеждамъ, ибо я знаю, что конницы въ Мигри, кромѣ до бѣдныхъ и на дурныхъ лошадахъ всадниковъ, вы не посылали, не взирая на многократное мое настояніе; знаю и то также, что вы ни при себѣ, ни въ нужныхъ мѣстахъ не имѣли оной во все лѣто и не радѣли ни о караулахъ, ни о почтахъ. Вопрошаю же васъ, кто страждетъ отъ такой безопасности? Народъ, высочайше управленію вашему ввѣренный и который въ васъ долженъ бы былъ находить наибдительнѣйшаго попечителя о ихъ благѣ. Итакъ, отъ сего то происходитъ, что нѣкогда примѣрно-храбрый карабахскій народъ, коего чтитъ сама Персія, а сосѣди трепетали, находится въ столь ослабѣвшемъ положеніи, что 30-ть или 40-къ хищниковъ, ворвавшихся во внутрь самага Карабаха, не наказанно возвращаются назадъ съ грабежомъ, убиваютъ безпечныхъ карабахцевъ и увлекаютъ въ плѣнъ жертвы вашей недѣятельности. Съ огорченіемъ слышалъ я не одинъ разъ отъ достовѣрныхъ особъ, что ваше превосходительство произносили, что Государь Императоръ беретъ отъ васъ дань и потому російскія войска и защищаютъ Карабахъ. Скажите пожалуйста, что вы въ такомъ бы случаѣ дѣлали и для чего же носили бы на себѣ знаменитое достоинство хана? Развѣ только для собранія дани, а больше ни для чего? Нѣтъ, ваше превосходительство, долженъ не закрываясь сказать, что званіе такого хана унизило бы такое знаменитое достоинство. Прошу васъ извинить меня, что я говорю вамъ такъ откровенно; это знакъ дружбы моей къ вамъ, предъ которой не скрываю я ничего, что у меня есть на сердцѣ. Итакъ, самыя сіи выраженія примите не иначе, какъ за усердныя изліянія, вынуждаемыя отъ меня единственно прямымъ къ вамъ расположеніемъ для обращенія васъ къ дѣятельности, ибо я могъ бы, не говоря вамъ ни слова, прямо мысли свои представить Государю Императору. Больно, очень больно видѣть, что Карабахъ, славившійся мужествомъ и храбростью всеобщею, теперь заснулъ. Отъ чего же сіе произошло? Отъ того, что хозяинъ Карабаха, коему ввѣрено благо его народа, говоритъ: пусть русскіе дерутся и защищаютъ землю, отъ щедротъ монаршихъ мнѣ порученную. Если же привес-

ти здѣсь русскую поговорку, что *птицѣй конюму не товарищъ*, то всякій легко увидитъ, что войскамъ, въ Карабахѣ расположеннымъ, состоящимъ изъ побѣдоносной россійской пѣхоты, нужны славная карабахская конница, чтобы поражать опрокинутаго пѣхотнаго непріятеля и недопускать его нигдѣ свободно прорываться. Дойдя теперь до настоящей моей цѣли, прошу ваше превосходительство употребить всю свою власть, высочайше вамъ дарованную, на то, чтобы по требованіямъ самой необходимости конница ваша всегда содѣйствовала войскамъ Его Императорскаго Величества, защищающимъ вашу землю, чтобы разъѣзды и караулы повсюду въ нужныхъ мѣстахъ были поставлены и чтобы почты были во всей исправности“.

Но понятно, что подобныя письма не могли оказывать большого воздѣйствія на азіата, котораго, напримѣръ, Котляревскій въ послѣдствіи приводилъ въ достодолжную почтительность категорической угрозой: „я тебя повѣщу“! Мехти-Кули-ханъ по прежнему не выставлялъ конницы, не наблюдалъ за дорогами въ Персію, не заботился объ исправномъ содержаніи почтовыхъ постовъ. Вслѣдствіе этого, при недостаткѣ у насъ собственной конницы, весь Карабахъ былъ открытъ для непріятельскихъ партій, бороться съ которыми приходилось частью самимъ жителямъ, а частью небольшимъ нашимъ постами, разбросаннымъ по глухимъ дорогамъ Карабаха для поддержанія связи съ отдѣльными отрядами. Одинъ изъ такихъ постовъ, находившійся въ Шахъ-булахѣ и состоявшій изъ 25-ти милиціонеровъ и двухъ донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ рядоваго 17-го егерскаго полка Орѣхова, подвергся 11-го сентября нападению большой конной партіи персіянъ. Изъ числа бывшихъ въ этотъ день на посту 12-ти милиціонеровъ, шесть человекъ разбѣжались. Не видя возможности обороняться въ самомъ Шахъ-булахѣ, Орѣховъ, съ двумя казаками и шестью оставшимися милиціонерами, рѣшилъ, пользуясь горами и сильно пересѣченной мѣстностью, пробиться въ крѣпость Шушу, гдѣ находилась штаб-квартира 17-го егерскаго полка. Около сотни персидскихъ всадниковъ окружили отступавшихъ и потребовали отъ нихъ сдаться. Орѣховъ съ двумя казаками отвѣчалъ на это мѣткими выстрѣлами.

Вскорѣ одинъ изъ казаковъ былъ раненъ и ударомъ пики сбить съ лошади. Его все-таки подобрали и, отстрѣливаясь, медленно отступали по горамъ, поросшимъ тѣсомъ; въ тоже время Орѣховъ убѣждалъ находившихся при немъ шестерыхъ милиціонеровъ не робѣть и защищаться до послѣдняго человѣка. Мѣткіе выстрѣлы двухъ смѣльчаковъ, не смотря на малую скорость стрѣльбы изъ кремневыхъ ружей того времени, сдерживали сотенную толпу персіанъ, и Орѣховъ съ своею командою благополучно добрался до крѣпости <sup>1)</sup>. Объ этомъ геройскомъ подвигѣ главнокомандующій, генералъ Тормасовъ, отдалъ въ приказѣ по кавказскимъ войскамъ. „Признавая таковой подвигъ рядоваго Орѣхова, говорилось въ немъ, знакомъ храбрости и усердія къ службѣ, производжу его въ унтеръ-офицеры и о семь поставляю на видъ войскамъ 19-й и 20-й дивизій“ <sup>2)</sup>. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по представленію главнокомандующаго, государь императоръ пожаловалъ Орѣхову знакъ отличія военнаго ордена <sup>3)</sup>.

Однако, не смотря на мужество нашихъ войскъ, ихъ все-таки было недостаточно для огражденія населенія отъ персіанъ, которые въ числѣ около 6-ти тысячъ человѣкъ разсыпались по всему Карабаху, доходили до самаго Тертера и въ теченіе лѣта и осени 1810 года угнали за Араксъ до 30-ти тысячъ головъ разнаго скота. Разореніемъ Карабаха персіане какъ бы возмѣщали себѣ жестокія пораженія, испытанныя ими въ Мигри и на Араксѣ. Опустошительныя набѣги эти продолжались вплоть до наступленія зимы, когда выпавшій снѣгъ затруднилъ сообщеніе по горамъ Карабаха и заставилъ персидскую конницу уйти обратно за Араксъ.

---

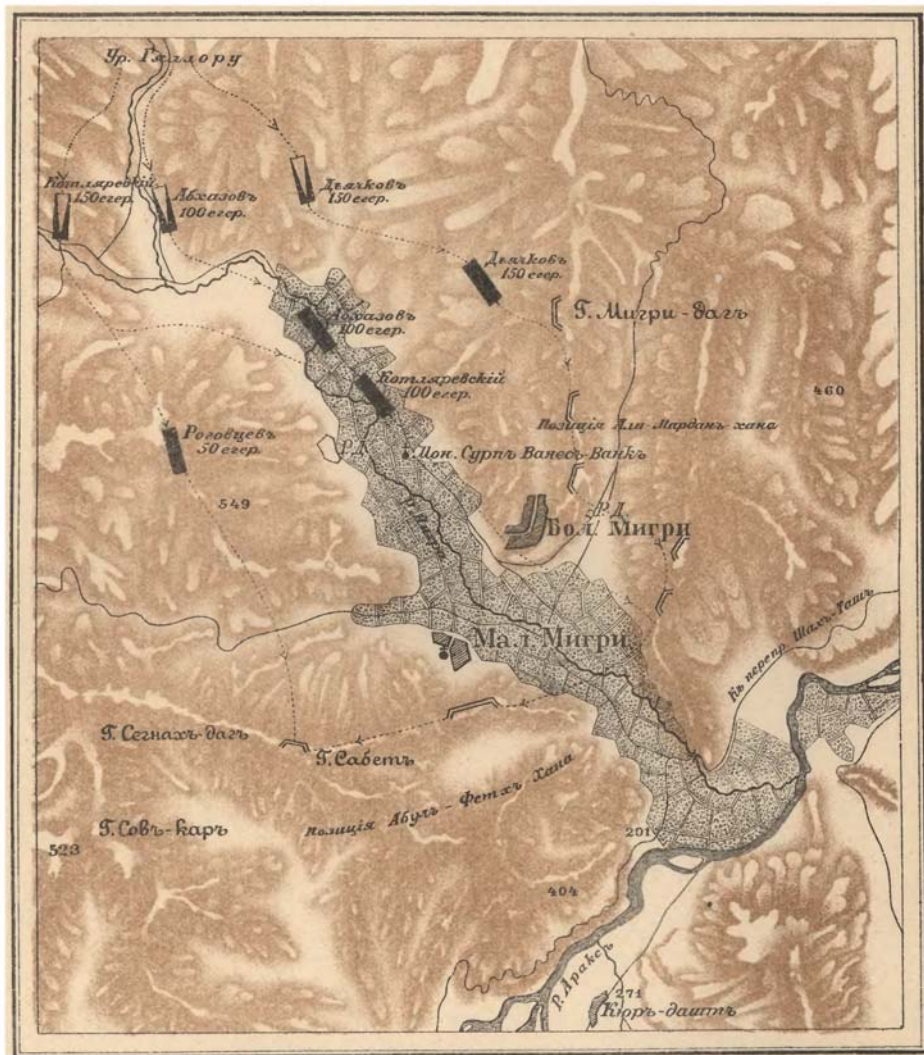
<sup>1)</sup> Рапортъ полковника Ассѣева генералу Тормасову отъ 11-го сентября 1810 года № 290.

<sup>2)</sup> Приказъ главнокомандующаго по 19-й и 20-й дивизіямъ 22 октября № 56. Арх. Штаба кавк. воен. округа дѣло 1810 года № 221.

<sup>3)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа дѣло 1810 года № 222.

# ПЛАНЪ ШТУРМА МИГРИ

15<sup>го</sup> Юня 1810 года.



Са.ж. 1000 900 800 700 600 500 400 300 200 100 0 1 2 вер.

Первое распределение войск по колоннамъ 14<sup>го</sup> Юня

Второе » » » » въ день штурма 15<sup>го</sup> Юня

Персидскіе батареи (3 на лѣвомъ берегу и 2 на прав.)

## Глава XI.

Движеніе Аббасъ-Мирзы къ Эривани. Планы его. Расположеніе нашихъ войскъ, прикрывавшихъ памбакскую и шурагельскую области. Мѣры Тормасова для обезпеченія нашихъ предѣловъ со стороны Ахалдыха. Движеніе Гуссейнъ-кули-хана эриванскаго въ карскій пашалыкъ. Дѣйствія генераль-маіора Портнягина. Нападеніе персіанъ на Артикъ. Остановка Гуссейнъ-Кули-хана въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ. Пораженіе его у Ахалкалакъ отрядомъ маркиза Паулуччи. Дѣйствія Портнягина на границахъ Памбака и Шурагели. Вторженіе персіанъ въ Шамшадиль. Дѣятельность моурава Ладинскаго. Отступленіе персіанъ къ Эривани и прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Потерпѣвъ неудачу въ Карабахѣ, Аббасъ-Мирза, какъ сказано выше <sup>1)</sup>, потянулся вверхъ по Араксу, въ намѣреніи пройти въ эриванское ханство. Отсюда онъ имѣлъ въ виду вторгнуться въ Карталинію совмѣстно съ турками, черезъ Памбакъ и Шурагель, въ то время, какъ царь Соломонъ, поддерживаемый союзниками, двинется туда же изъ Имеретіи, а царевичъ Александръ возбудитъ возстаніе въ тылу нашихъ войскъ. Въ прокламаціяхъ, разосланныхъ по этому поводу наслѣдникомъ персидскаго престола изъ Нахичевани, населеніе Грузіи призывалось „прикрѣпить подолъ старанія къ поясу“ и, собравъ ополченіе, „рѣшиться на помощь высокосановнымъ принцу Александръ-мирзѣ и имеретинскому царю Сулейманъ-хану, въ ожиданіи прибытія побѣдоносной арміи Ирана“ <sup>2)</sup>.

Въ то же время, Аббасъ-Мирза отправилъ своего посланца къ сераскиру эрзерумскому, убѣждая послѣдняго приступить къ выполненію союзнаго договора и поторопиться вторженіемъ въ Грузію со стороны ахалцыхскаго пашалыка <sup>3)</sup>. Но турки, видимо, не желали брать на себя инициативу военныхъ дѣйствій и, съ обычной азіатамъ осторожностью, выжидали результатовъ первоначальныхъ дѣйствій персіанъ. „Ахалцыхскій паша, доносилъ по этому поводу

<sup>1)</sup> См. стр. 186.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1143, 1144 и 1145.

<sup>3)</sup> Репортъ генераль-маіора Портнягина отъ 28-го іюля 1810 года № 256.

Тормасовъ <sup>1)</sup>), не предпринимаетъ ничего противъ Грузіи, ожидая военныхъ дѣйствій отъ персіанъ, а тѣ такими же глазами смотрять на ахалцыхскаго пашу и дожидають, чтобы я, занявшись ахалцыхскими войсками, не могъ усилить тѣхъ отрядовъ, которые противъ нихъ поставлены“. Въ ожиданіи разъясненія окончательныхъ намѣреній нашихъ противниковъ, Тормасовъ, возвратившійся къ этому времени изъ Елизаветполя въ Тифлисъ, держалъ свои войска (около 8-ми баталіоновъ) у Саганлуга, „въ совершенной готовности на все, ожидая со дня на день, что обстоятельства заставятъ въ которую нибудь сторону дѣлать движеніе“ <sup>2)</sup>).

Персіане, между тѣмъ, продолжали сосредоточиваться на Абарани, у Карніара. Здѣсь они стояли двумя лагерями: въ передовомъ—находилась 8-мь тысячъ отборной конницы Гуссейнъ-хана эриванскаго; во второмъ—стояло 10-ть тысячъ, подъ начальствомъ одного изъ сыновей Баба-хана, Али-шахъ-заде <sup>3)</sup>). Противъ нихъ, въ разстояніи около 70-ти верстъ, на границахъ памбакской и шурагельской областей, прикрывая послѣднія, стоялъ отрядъ генералъ-маіора Портнягина, силою въ 3889-ть человекъ, при 18-ти орудіяхъ <sup>4)</sup>).

Слухи о готовившемся нашествіи персіанъ и турокъ производили урочающее впечатлѣніе на пограничное населеніе. Жители покидали свои дома и уходили или въ глубь страны, въ болѣе безопасныя мѣста, или прибѣгали, со всѣмъ имуществомъ, подъ защиту нашихъ постовъ. Такое настроеніе, въ связи съ продолжавшимся усиленіемъ персидскихъ войскъ противъ памбакской области, у Абарани, вынудило главнокомандующаго предписать генералъ-маіору Портнягину перейти въ наступленіе, атаковать персіанъ, разбить ихъ и водворить, такимъ образомъ, спокойствіе въ нашихъ областяхъ, сосѣднихъ съ эриванскимъ ханствомъ. Но Портнягинъ не находилъ возможнымъ исполнить это предписаніе. „Дальнее распо-

<sup>1)</sup> Всеноданный рапортъ генерала Тормасова отъ 6-го іюля 1810 года № 118.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1109 и 1111.

<sup>4)</sup> Въ Амамлахъ находилось 1380 человекъ при 9 орудіяхъ.

» Томардаши	»	600	»	»	4	»
» Гумы	»	367	»	»	1	»
» Артикъ	»	587	»	»	1	»
» Карақлисъ	»	560	»	»	2	»
» Бекантъ	»	395	»	»	1	»

ложеііе персіанъ на Абарани, доносилъ онъ <sup>1)</sup>, предполаііаетъ мнѣ невозможность разбить ихъ; соединить же отрядъ, съ которымъ бы я могъ отойти отъ постовъ къ мѣсту расположенія непріятельскаго лагеря, не иначе возможно, какъ ослабивъ посты, на которые персіане, обошедъ противу ихъ идущихъ, могутъ напасть. При томъ же, такъ какъ сильныя конныя персидскіе пикеты близки отъ насъ, то, при первомъ же нашемъ движеніи, персіане могутъ и лагерь свой перенести далѣе къ Эривани“.

Нерѣшительность Портнягина и желаніе тщательнѣе прикрыть наши границы со стороны Ахалцыха и Эривани вынудили Тормасова выступить, въ ночь съ 11-го на 12-е августа 1810 года, изъ Саганлуга и перейти къ рѣкѣ Цопи. Въ то же время, главнокомандующій приказалъ правителю Грузіи, генераль-маіору Ахвердову, имѣть зоркое наблюденіе за боржомскимъ ущельемъ и карельскими проходами, а въ Карталинію посланъ былъ, съ двумя эскадронами нижегородскихъ драгунъ, 50-ю сгерями, 65-ю каза ами и двумя орудіями, генераль-маіоръ Сталю. Послѣднему предписывалось принять начальство надъ всѣми войсками, расположенными въ Карталиніи и „не теряя времени, немедленно занять главнѣйшіе пункты, черезъ которые непріятель могъ бы пройти въ нее“ <sup>2)</sup>. Для большаго удобства въ достиженіи этой цѣли, Сталю подчиненъ былъ баталіонъ 15-го егерскаго полка, стоявшій, подъ командою полковника Печерскаго, у Цалки и прикрывавшій борчалинскую дистанцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сталю предписывалось „непремѣнно тотчасъ же возстановить вѣрное сообщеніе съ Имеретіей, черезъ Зедубанъ или черезъ Али“ <sup>3)</sup>.

Въ такомъ положеніи Тормасовъ ожидалъ выясненія дальнѣйшихъ намѣреній нашихъ противниковъ.

Между тѣмъ, въ началѣ августа, генераль-маіоръ Портнягинъ получилъ извѣстіе, что Гуссейнъ-Кули-ханъ эриванскій выступилъ съ 5-ю тысячами конницы изъ Карніара и направился кружнымъ путемъ, „черезъ внутренности баязетскаго и карскаго пашалыковъ“,

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 3-го августа 1810 года № 284.

<sup>2)</sup> Предписаніе отъ 14-го августа 1810 года № 162.

<sup>3)</sup> Тамъ же.



къ Магизберду, откуда намѣрень, присоединивъ къ себѣ двѣ тысячи куртинцевъ и войска Кара-бека, пройти въ Ахалцыхъ и по пути „сдѣлать впаденіе на Шурагель“ <sup>1)</sup>). Это извѣстіе заставило генерала Торماسова поспѣшно перейти отъ Цопи къ Квеши—недалеко отъ Цалки, съ тѣмъ, чтобы „занять такое мѣсто, съ котораго удобно было бы обращаться во всѣ стороны, вспомошествова Карталиніи, содѣйствуя отряду на Цалкѣ, расположенному противъ самой ахалцыхской границы, и, въ случаѣ надобности, прямою дорогою сдѣлать то же движеніе къ Эривани, для содѣйствія войскамъ въ Памбакахъ и Шурагели находящимся“ <sup>2)</sup>).

Одновременно съ этимъ, Портнягинъ, съ отрядомъ въ 800 человекъ, при 4-хъ орудіяхъ, выступилъ изъ Амамловъ, для прикрытія Шурагели, и расположился между Артикомъ и Гумрами<sup>3)</sup>. Здѣсь, однако, онъ узналъ, что Гуссейнъ-Кули-ханъ 11-го августа прибылъ въ мѣстечко Зарушадъ, въ 20-ти верстахъ отъ Карса, и намѣревается, послѣ свиданія съ карскимъ пашою, идти „сколько можно поспѣшнѣе“, черезъ Ахалцыхъ, въ Имеретію, гдѣ „по извѣстіямъ, доставленнымъ въ Карсъ, войска російскія, особенно въ Кутаисѣ находящіяся, имѣютъ отъ имеретинъ большой уронъ и всякая помощь изъ Грузіи имъ прервана“ <sup>4)</sup>. Желая угрожать карскимъ союзникамъ Гуссейнъ-Кули-хана, — Портнягинъ перешелъ на Арпачай, къ Гумрамъ, поручивъ прикрытіе памбакской области полковнику князю Уракову <sup>5)</sup>).

Персіане, стоявшіе въ это время въ числѣ около 10-ти тысячъ у Карниара, подъ начальствомъ Али-шахъ-заде, узнавъ о передвиженіи главныхъ силъ Портнягина къ Арпачаю, предположили, что граница памбакской области осталась совершенно открытой. Желая воспользоваться этимъ и въ то же время отвлечь вниманіе наше отъ Гуссейнъ-Кули-хана, персидская конница сдѣлала нападеніе

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 8-го августа 1810 года № 301. Отношеніе генерала Торماسова къ графу Румянцеву отъ 8-го августа 1810 года № 164.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1116 и 1123.

<sup>3)</sup> Тоже отъ 12-го августа 1810 года № 314. Въ отрядѣ, выступившемъ изъ Амамловъ, было 400 человекъ Саратовскаго полка, 140 драгунъ, 100 казаковъ, 4 орудія и казакская конница.

<sup>4)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 12-го августа 1810 года № 314. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1112.

<sup>5)</sup> Тоже отъ 15-го августа 1810 года № 316.

на Артикъ. Портнягинъ въ это время только что пришелъ въ Гумры. Спустя всего лишь часъ, онъ услышалъ пушечные выстрѣлы со стороны Артика и, немедля, двинулся обратно къ этому пункту. Горяція вокругъ послѣдняго поля свидѣтельствовали о вражескомъ нашествіи, но самихъ персіанъ Портнягинъ уже не засталъ здѣсь: отбитые полковникомъ княземъ Ураковымъ, они спѣшно отошли обратно къ Карніару. Предвидя возможность повторенія подобныхъ налетовъ персидской конницы, сжигавшей только-что собранный хлѣбъ, Портнягинъ расположился у Амамловъ, съ тѣмъ, чтобы „прикрыть уборку полей въ Памбакѣ“ <sup>1)</sup>).

Тѣмъ временемъ, Гуссейнъ-Кули-ханъ въ срединѣ августа подошелъ къ Ахалкалакамъ, гдѣ предполагалъ соединиться съ войсками Шерифъ-паши ахалцыхскаго, обѣщавшаго прислать въ помощь персіанамъ до 17-ти тысячъ человекъ. Но прошло болѣе двухъ недѣль, а къ хану эриванскому ни откуда не приходило никакихъ усиленій. Шерифъ-паша, не рассчитывая на прочность своего собственнаго положенія въ Ахалцыхѣ, не рисковалъ покидать послѣдній. Карскій паша, „будучи безсиленъ, удалялся содѣйствіемъ персіанамъ“, боясь, чтобы русскіе не пошли на Карсъ. Сераскиръ эрзерумскій „разстановилъ въ селеніяхъ по сю сторону Эрзерума свое войско не столько для пособія персіанамъ, сколько дабы подать при нашествіи русскихъ помощь Карсу“ <sup>2)</sup>). Положеніе Гуссейнъ-Кули-хана, предоставленнаго, такимъ образомъ, своимъ собственнымъ силамъ, становилось весьма затруднительнымъ и онъ, будучи „весьма недовольнымъ Шерифъ-пашою“, писалъ Аббасъ-Мирзѣ въ Нахичевань, что если не получить отъ турокъ помощи до наступленія холодовъ, то вынужденъ будетъ возвратиться обратно въ Эривань.

Этимъ то отсутствіемъ единопущія среди союзниковъ и рѣшилъ воспользоваться генералъ Тормасовъ, съ тѣмъ, чтобы окончательно разрушить надежды персіанъ на совмѣстныя съ турками дѣйствія противъ Грузіи. Съ этой цѣлью, онъ сформировалъ легкій

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 15-го августа 1810 года № 316.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1125.

отрядъ, изъ двухъ баталіоновъ 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, пяти орудій <sup>1)</sup>), двухсотъ казаковъ, 150 человекъ татарской конницы, и, поручивъ его генераль-квартирмейстеру, маркизу Паулуччи, написалъ послѣднему въ три форсированныхъ перехода, напрямикъ, дойти до Ахалкалакъ, разбить персіанъ и возвратиться назадъ, покончивъ всю экспедицію не болѣе какъ въ десять дней <sup>2)</sup>).

Предпріятіе это было далеко не изъ легкихъ: приходилось пройти черезъ снѣговой хребетъ Самсаръ, считавшійся въ это время года уже непроходимымъ, и съ незначительнымъ отрядомъ, едва превосходившимъ тысячу штыковъ и сабель, атаковать въ десять разъ сильнѣйшаго противника, расположившагося къ тому же въ пяти верстахъ отъ Ахалкалакъ, „подъ протекціею крѣпостныхъ выстрѣловъ“. Но начальникъ отряда, маркизъ Паулуччи, и командовавшіе его баталіонами шефы егерскихъ полковъ: Лисаневичъ и Печерскій, принадлежали къ числу военачальниковъ, знавшихъ секретъ побѣды и, благодаря этому, умѣвшихъ съ ничтожными силами громить сильнѣйшаго противника.

1-го сентября Паулуччи выступилъ изъ Думанисъ и, послѣ труднаго похода по снѣговымъ горамъ, 3-го числа прибылъ въ мѣстечко Ганзу, находившееся въ 26-ти верстахъ отъ крѣпости Ахалкалакъ. Здѣсь Паулуччи узналъ, что въ Ахалцыхъ прибыло двѣ тысячи левантскихъ турокъ Сулейманъ-бека и что самъ Шерифъ-паша пріѣзжалъ въ Ахалкалаки на свиданіе съ Гуссейнъ-Кули-ханомъ <sup>3)</sup>). Паулуччи понималъ, что послѣ этого свиданія всякій лишній день могъ или усилить персіанъ ахалцыхскими войсками, или заставить ихъ отойти обратно къ Эривани. Извѣстіе о скоромъ уходѣ персіанъ отъ Ахалкалакъ подтвердилось новымъ донесеніемъ, полученнымъ 4-го сентября въ два часа утра <sup>4)</sup>). Поэтому, Паулуччи въ тотъ же день, въ пять часовъ пополудни <sup>5)</sup>), выступилъ изъ Ганзы по направленію къ Ахалкалакамъ. Холодный, дожд-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1128 стр. 737. Орудія были: два 6-ти фунтовыхъ и три 3-хъ фунтовыхъ.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1168.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-маіора Паулуччи отъ 3-го сентября 1810 года № 32.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1128.

<sup>5)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Тормасова отъ 19-го сентября 1810 года № 185.

ливый осенній день смѣнился еще болѣе ненастной ночью. Но это только содѣйствовало успѣху предпріятія. Непроглядная темнота скрывала небольшой отрядъ, который, подъ шумъ дождя и завываніе вѣтра, въ сторожайшей тишинѣ обходилъ, прямо по степи, непріятельскую крѣпость, направляясь къ персидскому лагерю: Лисаневичъ съ своимъ баталіономъ—на правый флангъ его, а Печерскій—на лѣвый. Лагерь, убаюкиваемый дождемъ и ненастьемъ, погруженъ былъ въ глубокой предразсвѣтный сонъ. Вдругъ, въ четвертомъ часу утра, въ какихъ-нибудь трехъ стахъ шагахъ отъ крайнихъ палатокъ, раздался залпъ изъ орудій и сотенъ ружей; вслѣдъ за этимъ загремѣло „ура“, и потрясенный неожиданностью непріятель, не понимая откуда происходитъ нападеніе, заметался по лагерю, беззащитно погибая подъ штыками егерей. Одинъ лишь караулъ у ставки сердаря пытался было сопротивляться, но это привело только къ поголовному истребленію его. Самъ Гуссейнъ-Кули-ханъ и царевичъ Александръ при первыхъ выстрѣлахъ выскочили изъ своихъ палатокъ и, не помышляя уже о сопротивленіи, бросились въ глубокой, обрывистый оврагъ, отдѣлявшій лагерь отъ крѣпости, и ускакали безъ одежды, почти нагіе. Въ этомъ же оврагѣ искали себѣ спасенія и обезумѣвшіе персіане; массами валились они съ крутого берега и, толпясь внизу, разстрѣливались сверху нашими егерями. Въ это время, комендантъ Ахалкалакской крѣпости приказалъ запереть всѣ ворота и открыть огонь изъ орудій по персидскому лагерю, уже занятому нашими войсками. Первое разрушило „прожектъ“ Паулуччи, который имѣлъ въ виду, занявъ лагерь, отрядить 300 егерей, съ тѣмъ, чтобы они на плечахъ бѣгущихъ ворвались въ самую крѣпость. Что же касается стрѣльбы изъ крѣпостныхъ орудій, то она въ потьмахъ не причиняла намъ никакого вреда и скорѣе увеличивала смятеніе среди самихъ персіанъ. Къ разсвѣту все было кончено. 800 человекъ убитыхъ и раненыхъ персіанъ оставались на мѣстѣ ночного побоища, 300 труповъ лежало въ оврагѣ<sup>1)</sup>). Плѣнныхъ не брали, „какъ по несообразности числа ихъ съ величиной отряда, такъ и потому, что

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Паулуччи генералу Тормасову отъ 8-го сентября 1810 года № 35.

такое занятие не соответствовало ночному времени“ <sup>1)</sup>). Рѣдкій по азіатской пышности и богатству лагерь, небывалое количество драгоценностей, золота, серебра и оружія достались побѣдителямъ. Захваченное имущество было такъ велико, что, по невозможности забрать его все, половину уничтожили или бросили. „Добыча нашихъ солдатъ, доносилъ Паулуччи, была чрезмѣрна какъ въ деньгахъ, такъ и въ другихъ вещахъ“ <sup>2)</sup>). Тысячи лошадей и лошаковъ, разбѣжавшихся при первыхъ выстрѣлахъ изъ лагеря, были перехвачены карапапахами, жившими въ деревняхъ вокругъ крѣпости. Трофеями этого погрома было четыре знамени, „спасенныхъ, какъ доносилъ Тормасовъ, отъ истребленія самого непріятеля и нашей татарской конницы, не знающей цѣны оныхъ“ <sup>3)</sup>). Въ числѣ этихъ знаменъ было одно сераскирское, съ гербомъ Персіи, хранящееся и до сихъ поръ въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, въ числѣ многихъ другихъ трофеевъ, добытыхъ доблестью русскихъ войскъ на поляхъ Европы и Азіи.

Съ разсвѣтомъ, когда орудійный огонь изъ крѣпости могъ уже наносить потери, Паулуччи отвелъ свой отрядъ верстъ на десять назадъ и расположился у моста Ковурма (Гурма-Керпи) <sup>4)</sup>. Здѣсь онъ оставался до 8-го сентября, ежедневно посылая казачьи и милиціонные патрули къ Ахалкалакамъ, „но ни одинъ непріятель не осмѣлился оставить стѣны вышеозначеннаго мѣста“. Недостатокъ продовольствія, а въ особенности—желаніе возвратиться къ главнымъ силамъ въ срокъ, опредѣленный главнокомандующимъ, вынудили Паулуччи распустить свой отрядъ, при чемъ 9-й егерскій баталіонъ, „который наиболѣе участвовалъ въ удачѣ экспедиціи“, въ десять дней прошелъ 295 верстъ: 136—изъ Думанисъ до Ахалкалакъ и 159—обратно въ Хоченлы <sup>5)</sup>).

Ахалкалацкая побѣда — „сія значительная, какъ доносилъ Тормасовъ <sup>6)</sup>), въ здѣшнемъ краю поверхность въ полевомъ сра-

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Паулуччи генералу Тормасову отъ 6-го сентября 1810 г. № 33.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшее донесеніе Тормасова отъ 19-го сентября 1810 года № 185.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1128.

<sup>5)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1168. Три роты 15-го егерскаго полка, изъ состава стоявшаго у Цалки баталіона полковника Печерскаго, присоединились къ отряду маркиза Паулуччи въ мѣстечкѣ Ганза, 4-я же, изъ Квешпи, прибыла 6-го сентября, т. е. на второй день послѣ разгрома персіанъ (тамъ же).

<sup>6)</sup> Тамъ же, № 1242.

женіи“, пріобрѣтенная нами съ урономъ всего 17-ти человекъ ранеными и 4-хъ убитыми <sup>1)</sup>), имѣла весьма важныя послѣдствія. Побѣдой этой не только было предупреждено весьма опасное для спокойствія Карталиніи соединеніе въ Ахалцыхъ персидскихъ войскъ съ турецкими, но и поселена была сильная вражда между недавними еще союзниками. Гуссейнъ-Кули-ханъ съ остатками своихъ войскъ, безъ одежды, оружія и продовольствія, отошелъ въ карскій пашалыкъ, откуда умолялъ Аббасъ-Мирзу прислать ему свѣжихъ войскъ для отомщенія Шерифъ-пашѣ <sup>2)</sup>). Послѣдняго персіане считали главнымъ виновникомъ постигшаго ихъ несчастья. Усиленію вражды между персіанами и турками способствовало еще и то обстоятельство, что когда, на другой день послѣ пораженія персіанъ, Паулуччи отошелъ къ Гурма-Керпи (Ковурма), то ахалцыхскіе карапахи и „другіе турецкіе подданные“ бросились на оставленный нами персидскій лагерь и окончательно разграбили его, оставивъ персіанъ лишь съ тѣмъ, въ чемъ они успѣли бѣжать въ ночь атаки лагеря. „По мнѣнію моему, писалъ Тормасовъ <sup>3)</sup>), сей послѣдній поступокъ союзныхъ турецкихъ войскъ стоитъ другой побѣды, ибо подтверждаются извѣстія одно за другимъ, что сердаръ эриванскій Гуссейнъ-Кули-ханъ, въ унижительномъ положеніи поведшій свои войска назадъ, безъ оружія, вмѣсто конницы сдѣлавшійся пѣхотою, приписываетъ всю свою неудачу несдержанію слова ахалцыхскаго Шерифъ-паша“. Послѣдній, дѣйствительно, только 6-го числа по утру прибылъ въ Ахалкалаки съ 300-ми человекъ конницы, чтобы пособить сердарю собрать остатки его войскъ и доставить имъ „способъ“ возвратиться въ Эриванъ <sup>4)</sup>). Союзъ персіанъ съ „удѣльными турецкими владѣльцами“ рухнулъ столь быстро, что, напримѣръ, магизбердскій Кара-бекъ, потерявъ подъ Ахалка-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1128. Патроновъ было выпущено: ружейныхъ 24161, штуцерныхъ 3770. Артиллерійскихъ снарядовъ 25. Трубокъ сожжено скоропалительныхъ 20, свѣчей 6 (тамъ же).

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Военному министру отъ 21-го сентября 1810 года.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1168. Гуссейнъ-Кули-ханъ съ оставшимися еще у него войсками отошелъ къ Арпачаю и не рѣшался возвратиться въ Эриванъ до полученія полного прошенія отъ Аббасъ-Мирзы. Въ противномъ случаѣ, онъ имѣлъ въ виду возобновить Кара-аглинскую крѣпость на Арпачаѣ и укрываться въ ней отъ персіанъ, до болѣе благоприятнаго времени. (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1137)

лаками 100 человекъ, на другой же день, 5-го сентября, ушелъ обратно въ свой пашалыкъ, „проклиная персіанъ и ахалцыхскаго пашу“ <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, „неслыханное, какъ писалъ Тормасовъ Симоновичу, въ здѣшнемъ краѣ поражение“, нанесенное подъ Ахалкалаками персіанамъ, разстроивъ окончательно союзъ ихъ съ Турціей, разогнало грозу, собиравшуюся надъ Карталиніей. Относя этотъ успѣхъ къ „искуснымъ распоряженіямъ“ начальника отряда, маркиза Паулуччи, и доблести войскъ, находившихся подъ его начальствомъ, Тормасовъ испрашивалъ высочайшаго воззрѣнія на подвиги ихъ. За ахалкалакскую побѣду генераль-маіоръ маркизъ Паулуччи получилъ двѣ награды: чинъ генераль-лейтенанта и орденъ св. Георгія 3-го класса; полковникъ Лисаневичъ, о которомъ Паулуччи писалъ Тормасову, что „есть польза государю императору довести такого чиновника до такой степени, въ коей могъ бы онъ болѣе имѣть случая одинъ командовать частями и пользоваться надобными главнаго начальства порученіями“ <sup>2)</sup>—произведенъ былъ въ генераль-маіоры; маіору 9-го егерскаго полка Реуту пожалованъ орденъ св. Георгія 4-й степени <sup>3)</sup>. Самъ Тормасовъ получилъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго. Въ то же время, государь императоръ повелѣлъ объявить объ ахалкалакской побѣдѣ въ приказѣ по арміи. „Знаменитая побѣда, говорилось въ немъ, одержанная на границѣ Карталиніи 5-го сентября надъ десяти-тысячнымъ корпусомъ персіанъ и турокъ,—едва ли ни однимъ россійскимъ воинамъ была возможна. . . . . Такой необыкновенный подвигъ долженъ послужить примѣромъ потомству въ томъ, что храбрость, труды и усердіе замѣняютъ численность войскъ, побѣждаютъ природу и торжествуютъ надъ многочислѣннѣйшимъ непріателемъ“.

---

Командируя генераль-маіора маркиза Паулуччи въ предѣлы ахалцыхскаго пашалыка разбить стоявшаго у Ахалкалакъ Гуссейнъ-Кули-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1068.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора Паулуччи генералу Тормасову отъ 6-го сентября 1810 года № 33.

<sup>3)</sup> Реутъ награжденъ за то, что «съ отличною храбростію, будучи впереди, поощрялъ вѣжнихъ чиновъ къ дѣйствию на штыкахъ, когда воровались въ персидскій лагерь».

хана, Тормасовъ предписывалъ въ то же время и Портнягину „сдѣлать наступательный ударъ“ на стоявшія у Карниара войска Алишахъ-заде <sup>1)</sup>). Предпріятіе это надлежало подготовить „въ непроницаемой тайнѣ“, исполнить „съ быстротой“ и, обративъ персіанъ въ бѣгство, „произвестъ безпокойство въ эриванской области, но, не загоняясь далеко въ непріятельскія границы, возвратиться назадъ“. Кромѣ того, Портнягинъ долженъ былъ, „управившись съ Алишахъ-заде“, постараться отрѣзать Гуссейнъ-Кули-хана путь отступления изъ предѣловъ Турціи, не стѣняясь даже, въ случаѣ надобности, „врѣзаться въ самыя карсскія границы и погугать сердаря порядочно“ <sup>2)</sup>).

Но Портнягинъ и на этотъ разъ не рѣшился отойти на 70-ть верстъ отъ прикрывавшихся имъ границъ, не смотря на то, что растояніе это, при энергіи и искусствѣ, можно было бы пройти въ одинъ переходъ, какъ это дѣлали не разъ, даже при болѣе трудныхъ условіяхъ, Котляревскій, Карягинъ, Лисаневичъ и другіе бичи персидскихъ полчищъ. „Не превосходство силъ Алишахъ-заде, доносили Портнягинъ Тормасову <sup>3)</sup> удерживало меня разбить его, но единственно дальнее его расположеніе лагеремъ отъ границъ здѣшняго края, куда я не рѣшился итти единственно отъ предположеній, что персіане, обошедъ отрядъ, противу ихъ идущій, не кинулись бы на посты, которые по обширности своей требуютъ большого прикрытія, а съ малымъ числомъ, не могли противустоять превосходной силѣ, могутъ быть и сорваны“.

Однако, сами персіане вывели Портнягина изъ того выжидательнаго положенія, въ которомъ находился онъ на линіи памбакской границы. Въ послѣднихъ числахъ августа прибылъ, наконецъ, въ Эриванъ Аббасъ-Мирза, приведя съ собою изъ Нахичевани около 15-ти тысячъ войскъ <sup>4)</sup>). Желая, вѣроятно, возбудить большую энергію въ своихъ турецкихъ союзникахъ и въ то же время отвлечь вниманіе наше отъ дѣйствій Гуссейнъ-Кули-хана въ ахалцыхскомъ

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Портнягину отъ 31-го августа 1810 года № 175.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 4-го сентября 1810 года № 407.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1127.



пашалыкъ, Аббасъ-Мирза приказалъ Али-шахъ-заде произвести нападеніе на Артикъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Портнягинъ, въ ночь на 5-е сентября, выступилъ изъ Амамловъ, съ отрядомъ въ 500-тъ человекъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, 140 драгунъ, 100 казаковъ, 35-тъ человекъ казахской конницы, съ 4-мя орудіями, намѣреваясь усилиться еще съ постовъ Шурагели, а затѣмъ, „искать сразиться съ персіанами, равномерно и при проходѣ сердаря, если удастся, дать сраженіе“ <sup>1)</sup>. Но встрѣтиться съ персіанами Портнягину не удалось. Значительная партія ихъ, уничтоживъ у Артика нѣсколько полей съ хлѣбомъ и отогнавъ скотъ, ушла обратно къ Абарани. Въ Артикъ Портнягинъ нашелъ лишь грузинскаго царевича Теймураза, добровольно возвратившагося съ пятью дворянами изъ Персіи, гдѣ онъ „начальствовалъ всею персидскою артиллеріею“ <sup>2)</sup>. Этотъ бѣглый царевичъ, причинявшій намъ не мало вреда своею агитаторскою дѣятельностью, неожиданно явился въ Артикъ къ князю Уракову, съ изъявленіемъ покорности и съ просьбой препроводить его въ Тифлисъ къ главнокомандующему. Просьба эта была охотно уважена и Тормасовъ принялъ бѣглеца „со всею вѣжливостью и благосклонно“, назначилъ ему на содержаніе по 300 рублей въ мѣсяцъ и, сверхъ того, выдалъ единовременно 200 рублей для покупки необходимыхъ ему вещей, „по уваженію тому, что царевичъ выбѣжалъ къ намъ на легкѣхъ и безъ всякаго экипажа“ <sup>3)</sup>. Вскорѣ затѣмъ, Теймуразъ, по собственному его настоянію, былъ отправленъ въ Петербургъ, „желая лично пасть къ стопамъ его императорскаго величества для испрошенія себѣ милостиваго прощенія за сдѣланный имъ побѣгъ въ Персію“ <sup>4)</sup>.

Едва генераль-маіоръ Портнягинъ ушелъ отъ Амамловъ къ Арти-

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Портнягина генералу Тормасову отъ 28-го сентября 1810 г. № 407.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 28-го сентября 1810 года № 191.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 216. Раскаянное возвращеніе къ намъ бѣглаго царевича Теймураза генераль Тормасовъ объяснялъ удачными внушеніями племянника своего, коллежскаго ассесора Тормасова, который еще въ 1809 году былъ командированъ главнокомандующимъ въ Персію «по продолжавшимся тогда сношеніямъ съ персидскимъ правительствомъ о постановленіи перемирія». Каково было отношеніе къ намъ Теймураза во время веденія этихъ переговоровъ о мирѣ, изложено выше—въ главѣ IX. Тѣмъ не менѣе, главнокомандующій ходатайствовалъ о награжденіи коллежскаго ассесора Тормасова орденомъ св. Владиміра 4-й степени. (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 215).

ку, какъ Аббасъ-Мирза снова выслалъ 6-ти тысячный отрядъ для нападенія на Амамлы. Портнягину пришлось обратно торопиться къ этому послѣднему пункту. Но опять онъ не засталъ здѣсь персіанъ: отбитые амамлинскимъ гарнизономъ, они ушли къ Абарани, ранѣе прихода Портнягина. Вообще, дѣятельность послѣдняго въ персидскую войну 1810 года сводилась исключительно къ тому, что онъ неустанно гонялся съ пѣхотнымъ резервомъ за конными персидскими партіями, быстро налетавшими на посты памбакской линіи. Какъ только Портнягинъ спѣшно выходилъ на помощь атакованному посту, персіане уже нападали на пунктъ, изъ котораго онъ только что вышелъ; приходилось, не сдѣлавъ ни единого выстрѣла, торопиться назадъ, съ тѣмъ, чтобы и здѣсь уже не застать быстрого и подвижнаго противника. Въ этихъ форсированныхъ скитаніяхъ отъ одного поста къ другому, по линіи самой границы, ни разу не было видно стремленія пройти глубже по непріятельской территоріи, съ тѣмъ, чтобы отрѣзать путь отступленія зарвавшейся непріятельской партіи. И персіане почти безнаказанно выжигали въ окрестностяхъ нашихъ памбакскихъ и шурагельскихъ постовъ хлѣбъ, угоняли скотъ и благополучно уходили ранѣе, чѣмъ успѣвалъ Портнягинъ. Благодаря такой системѣ защиты нашихъ предѣловъ, онъ не могъ ни содѣйствовать разгрому персіанъ у Ахалкалакъ, ни вторгнуться въ это время въ карсскій пашалыкъ, ни отрѣзать, наконецъ, путь отступленія Гуссейнъ-Кули-хану эриванскому.

Узнавъ о поражении послѣдняго, Аббасъ-Мирза приказалъ Али-шахъ-заде вторгнуться въ Шамшадиль, съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе наше отъ карскаго пашалыка, по которому въ самомъ бѣдственномъ состояніи отходили отъ Ахалкалакъ къ Эривани остатки войскъ Гуссейнъ-Кули-хана. Кромѣ того, разсчитывая на полный успѣхъ вторженія въ совершенно оголенную отъ нашихъ войскъ шамшадильскую дистанцію, Аббасъ-Мирза надѣялся поднять этимъ духъ персіанъ, терпѣвшихъ до сихъ поръ одни лишь поражения на всѣхъ театрахъ: и въ Карабахѣ, и въ Памбакахъ, и въ Ахалцахъ.

Шамшадильская дистанція имѣла для насъ важное политическое и стратегическое значеніе: она прикрывала Елизаветполь со

сторонны озера Гокчи, мимо котораго, черезъ делижанское ущелье, шла единственная дорога отъ Эривани. На прочное занятіе этой горной страны и привлеченіе къ намъ мѣстнаго воинственнаго населенія шамшадильскихъ татаръ обращалось серьезное вниманіе еще со временъ Циціанова. Послѣ овладѣнія Ганжей, въ дзегамскомъ ущельѣ всегда содержалось нами двѣ роты 17-го егерскаго полка; но событія 1810 года, вызвавшія сосредоточенія въ Карабахѣ всѣхъ трехъ баталіоновъ означеннаго полка, оставили шамшадильскую дистанцію безъ нашихъ войскъ. Поддержаніе спокойствія и безопасности этой дистанціи легло, такимъ образомъ, на мѣстнаго моурава, молодого офицера 17-го егерскаго полка, штабсъ-капитана Ладинскаго. Участникъ подвиговъ Карягина, запечатлѣнныхъ тяжелою раною подъ Шамхоромъ, Ладинскій съ 1805 года исполнялъ въ Шамшадиліи разныя порученія начальства. Наблюдательный и способный, онъ быстро изучилъ языкъ, нравы и обычаи шамшадильскихъ татаръ, а твердое безкорыстіе и способность во всякомъ дѣлѣ примѣняться къ образу мыслей и нравамъ населенія завоевали Ладинскому глубокія симпатіи шамшадильцевъ и дружбу не только агаларовъ, но и самого султана Насибъ-бека. Эти лица, какъ „участники блага народнаго“, въ февралѣ 1810 года изложили Тормасову заслуги Ладинскаго и, не смотря на то, что послѣднему было едва 24 года, просили объ опредѣленіи его въ Шамшадиль моуравомъ <sup>1)</sup>). „Снисхожденіе на нашъ докладъ, писали по этому поводу султанъ и агалары, будетъ достовѣрнымъ знакомъ содержанія насъ въ высшей милости, которую потщимся по вѣкъ заслуживать и свято сохранять“ <sup>2)</sup>). Тормасовъ согласился. Въ новой, отвѣтственной должности Ладинскій съ первыхъ же шаговъ проявилъ усердіе и энергичную распорядительность. Съ уходомъ изъ Дзегамы егерскихъ ротъ, защита Шамшадиліи ложилась на само населеніе. Шамшадильскіе татары, храбрые по натурѣ и при томъ сохранявшіе непоколебимую намъ вѣрность и усердіе, представляли прекрасную конницу, не разъ въ составѣ нашихъ отрядовъ бившую персіанъ.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 682.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Этимъ то богатѣмъ матеріаломъ и воспользовался Ладинскій для защиты дистанціи со стороны Эривани.

Получивъ 5-го сентября 1810 года извѣстіе о намѣреніи персіанъ вторгнуться въ Шамшадиль и Казахъ, съ тѣмъ, чтобы отсюда прорваться къ Елизаветполю, Ладинскій вооружилъ все населеніе, укрѣпилъ Кызъ-Каласи—мѣстопребываніе моурава, занялъ удобныя мѣста по всѣмъ рѣчнымъ долинамъ, а дороги, ведшія изъ Эривани, преградилъ застѣками такъ, „чтобы съ трудностью и пѣшему пройти было можно“<sup>1)</sup>. Оставалась свободной одна лишь ясаманская дорога, выведившая въ Чардахлу, гдѣ стоялъ въ это время отрядъ Небольсина.

10-го сентября шесть тысячъ персіанъ Али-шахъ-заде вошли въ Шамшадиль. Благодаря „усердію и распорядительности“ Ладинскаго, татары не только оставались въ непоколебимой вѣрности намъ, но, встрѣтивъ 12-го сентября непріятеля у Дзегамы, стойко защищались въ теченіе двухъ сутокъ, отражая нападенія многочисленнаго противника<sup>2)</sup>. Потерпѣвъ неудачу, персіане отошли отъ Дзегамы и потянулись къ чардахлинской дорогѣ. Небольсинъ отправилъ для преслѣдованія ихъ съ фронта двѣ роты Троицкаго полка, съ 3-мя орудіями и 30-ю казаками, а самъ двинулся на перерѣзъ и встрѣтилъ отступавшаго противника на рѣкѣ Джагорѣ. Взятые съ двухъ сторонъ, персіане 14-го сентября были разбиты и обращены въ бѣгство, при чемъ шамшадильская конница, подъ начальствомъ „отважнаго и распорядительнаго моурава Ладинскаго“, бросилась преслѣдовать непріятеля и одна гнала его на протяженіи 18-ти верстъ. Въ самой узкой части ясаманскаго ущелья бѣжавшіе персіане попали въ заранѣе устроенную Ладинскимъ засаду и потерпѣли здѣсь окончательное пораженіе: болѣе 400 непріятельскихъ труповъ заграждали узкую дорогу, весь обозъ и множество лошадей достались побѣдителямъ. За этотъ подвигъ капитанъ Ладинскій награжденъ былъ чиномъ маіора и орденомъ св. Анны 2-го класса; Насибъ-султанъ шамшадильскій произведенъ былъ въ капитаны, а многіе агалары получили чины или медали за храбрость<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Рапортъ капитана Ладинскаго генералу Тормасову отъ 5-го сентября 1810 года № 141.

<sup>2)</sup> Тормасовъ военному министру отъ 21-го января 1811 года.

<sup>3)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 359. Бобровскій, ч. 3, стр. 279.

Такъ кончилась послѣдняя попытка персіанъ въ войну 1810 года вторгнуться въ наши предѣлы. Потерпѣвъ рядъ крупныхъ неудачъ въ Карабахѣ, не приобрѣтя никакого успѣха со стороны Эривани, потерявъ окончательную надежду на совмѣстныя дѣйствія съ турками—персидское правительство увидѣло себя вынужденнымъ прекратить военныя дѣйствія, тѣмъ болѣе, что и позднее уже время года не оставляло никакихъ расчетовъ на будущее. Приказавъ продолжать начатыя еще въ августѣ мѣсяцѣ работы по укрѣпленію Нахичевани и Ордубада, Баба-ханъ покинулъ мѣстечко Уджанъ-чмень, изъ котораго слѣдилъ все лѣто за ходомъ военныхъ дѣйствій, и отправился въ Тегеранъ. Наслѣдникъ же престола Аббасъ-Мирза оставался пока въ Эривани, безсильный предпринять что-либо противъ насъ рѣшительное. Наоборотъ, персіане серьезно ожидали появленія нашихъ войскъ подъ стѣнами Эривани или Нахичевани. Опасаясь вторженія нашего, персидское правительство прибѣгнуло къ обычной своей уловкѣ—къ искательству мира. Съ этой цѣлью, Мирза Безюркъ, по порученію Аббасъ-Мирзы, обратился письмомъ къ проживавшему въ Тифлисѣ армянскому патриарху Ефрему, прося его взять на себя посредничество въ веденіи мирныхъ переговоровъ<sup>1)</sup>. Но эти искательства мира не привели ни къ какимъ результатамъ и вскорѣ были оставлены самими же персіанами, какъ только послѣдніе удостовѣрились, что вниманіе Тормасова отвлечено отъ плановъ вторженія въ предѣлы Персіи подавленіемъ волненій, вызванныхъ происками тегеранскаго двора, внутри нашихъ собственныхъ границъ.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 427, 1142, 1146 и 1148.

## Глава XII.

Стремленія персидскаго правительства взволновать противъ насъ мусульманъ восточнаго Закавказья и горцевъ главнаго хребта. Происки Шихъ-Али, бывшаго хана кубинскаго. Мѣры, принявшіяся для борьбы съ нимъ. Поведеніе Мустафа-хана ширванскаго. Волненія въ Кубѣ. Движеніе изъ Баку плацъ-маіора Левицкаго. Отступленіе его. Дѣйствія подполковника Тихановскаго. Назначеніе генераль-маіора Лисаневича для подавленія волненій въ Кубѣ. Вторженіе его въ Табасарань. Бѣгство Шихъ-Али во внутренней Дагестанъ. Усмиреніе кубинской области. Устройство внутренняго управленія ея.

Готовясь къ войнѣ съ нами, персидское правительство прилагало особыя старанія къ тому, чтобы, для развлеченія нашихъ силъ, поднять возстаніе не только мусульманскаго населенія Закавказья, но и горцевъ главнаго хребта, обитавшихъ по линіи сообщеній нашихъ съ сѣвернымъ Кавказомъ. Съ этой цѣлью, персидскіе эмиссары, снабженные зажигательными воззваніями Аббасъ-Мирзы и крупными денежными суммами, разбрелись по всему восточному Закавказью, отъ Карабаха до Дагестана, разглашая повсюду о необычайныхъ приготовленіяхъ, дѣлавшихся на этотъ разъ персидскимъ правительствомъ для рѣшительной борьбы съ нами. Возмущеніе же горцевъ главнаго хребта, въ окрестностяхъ военно-грузинской дороги, было возложено на бѣглаго грузинскаго царевича Левана, отправленнаго персіанами въ Осетію. Усердная дѣятельность этихъ агитаторовъ не осталась безуспѣшной и причиняла намъ не мало заботъ въ то самое время, когда большая часть нашихъ силъ была занята борьбой съ самими персіанами, на южныхъ границахъ нашихъ владѣній.

Особенно крупныхъ размѣровъ достигли волненія въ Кубѣ, гдѣ политикой предшественника Торماسова, графомъ Гудовичемъ, былъ созданъ очагъ для безконечныхъ осложненій, развлекавшихъ и безъ того слабыя силы наши въ наиболѣе трудные періоды

борьбы ихъ съ многочисленными противниками. Еще при самомъ Гудовичѣ, въ январѣ 1809 года, бывший кубинскій ханъ Шихъ-Али попытался, при помощи акушинскихъ лезгинъ, вернуть себѣ утерянное ханство, но, разбитый генераль-маіоромъ Гурьевымъ, бѣжалъ въ Табасарань <sup>1)</sup>. Однако, неудача эта не образумила Шихъ-Али. Укрываясь у родственника своего Абдулла-бека, въ табасаранской деревни Эрси, менѣе чѣмъ въ 30-ти верстахъ отъ Дербента, Шихъ-Али не переставалъ время-отъ-времени врываться съ шайками лезгинъ въ кубинскую область, разорялъ жителей ея и нападалъ даже на наши посты <sup>2)</sup>. При самомъ вступленіи Торماسова въ управленіе краемъ, командовавшій нашими войсками въ Баку, Кубѣ и Дербентѣ, бакинскій комендантъ, генераль-лейтенантъ Репинъ, доносилъ главнокомандующему, что „существованіе въ Табасарани лишеннаго ханства Шихъ-Али причиняетъ всегдашнее безпокойство, а при первомъ непріятномъ случаѣ для насъ можетъ учиниться отъ него даже и вредъ“ <sup>3)</sup>.

Казалось бы, что самымъ простымъ средствомъ избавиться отъ столь безпокойнаго сосѣдства было бы—быстро пройти тѣ 30-ть верстъ, которыя отдѣляли Дербентъ отъ убѣжища Шихъ-Али—деревни Эрси, и внезапнымъ нападеніемъ разорить это разбойничье гнѣздо. Въ распоряженіи генераль-лейтенанта Репина было въ это время четыре баталіона: одинъ въ Баку, два—въ Кубѣ и ея окрестностяхъ и одинъ—въ Дербентѣ. Но онъ, „имѣя противъ сихъ многочисленныхъ и военныхъ народовъ, толико малое число войскъ“, не отваживался на рѣшительныя дѣйствія, а лишь „предпринималъ разныя средства, дабы достать Шихъ-Али или истребить его, когда онъ находится въ разбояхъ“ <sup>4)</sup>. Средства же эти состояли исключительно въ подговорѣ разныхъ лицъ, за вознагражденіе въ 500-тъ червонцевъ, какимъ нибудь образомъ избавить насъ отъ Шихъ-Али <sup>5)</sup>. Но всѣ попытки къ этому оставались пока совер-

<sup>1)</sup> См. томъ I, стр. 260, 307 и 308.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 986.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина генералу Тормасову отъ 29-го апрѣля 1809 года № 470.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

<sup>5)</sup> Тоже отъ 22-го мая 1809 года № 574.

шенно безуспѣшными; и предлогъ къ волненіямъ кубинской области оставался неустранимымъ. Самъ главнокомандующій, генераль Тормасовъ, „сообразивъ всѣ обстоятельства, относящіяся до Шихъ-Али“,—приходилъ къ тому заключенію, „что пока чѣмъ не рѣшится его судьба, до тѣхъ поръ не будетъ восстановлено прочное спокойствіе въ Кубѣ и Дербентѣ“ <sup>1)</sup>. Но, опять таки, не рѣшаясь вырвать Шихъ-Али-хана изъ Табасарани вооруженной рукой, Тормасовъ рекомендовалъ Репину такіе же окольные „способы“, для искорененія причинъ къ волненіямъ Кубы. „Первый способъ, писалъ онъ Репину <sup>2)</sup>,—чтобы посредствомъ дагестанскихъ владѣльцевъ, склонивъ ихъ на нашу сторону, достать Шихъ-Али въ наши руки, на что ваше превосходительство можете употребить хотя бы до 1500 червонцевъ, съ тою однако же осторожностью, чтобы деньги не были розданы безъ всякаго успѣха. Второй способъ, чтобы найти рѣшительнаго человѣка, который бы взялся лишить его жизни, выискавъ удобный случай, и которому можно бы обѣщать за сіе до 700 червонцевъ. Послѣдній же способъ, если по мѣстнымъ вашимъ свѣдѣніямъ первые два покажутся ненадежными, то чтобы дѣйствительно признать Шихъ-Али кубинскимъ ханомъ, отдать ему во владѣніе Кубу, съ принадлежащими ей окрестными селеніями, и трактатомъ ввести его въ подданство Россіи“. Однако, самъ генераль Репинъ, рѣшительно протестовалъ противъ послѣдняго „способа“. Донося главнокомандующему, что онъ „не упускаетъ изъ вида ни единого случая поймать или истребить того человѣка, который дѣйствительно вреденъ пользамъ Россіи“, Репинъ добавлялъ: „послѣднее же средство, чтобы признать Шихъ-Али кубинскимъ ханомъ и, по примѣру другихъ хановъ, отдать ему во владѣніе Кубу, съ принадлежащими ей окрестными селеніями, и трактатомъ ввести его въ подданство Россіи,—къ сему приступить никакого пристойнаго случая мнѣ не открывается войти съ нимъ въ переговоры. Развѣ тогда, когда ни единого средства не буду имѣть его уничтожить, и надежда пропадетъ къ тому,—въ то вре-

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 24-го мая 1809 года № 27.

<sup>2)</sup> Тамъ же.



мя изберу человека, будто бы тотъ отъ себя ему предложить, чтобы онъ искалъ со мною знакомства и попробовалъ бы мое корыстолюбіе; пускай онъ думаетъ обо мнѣ какъ хочетъ, лишь бы я могъ исполнить полезное по обязанности моей и вѣрности службы, нежели подать ему поводъ думать, что мы потеряли надежду его усмирить и Кубу удержать въ подданствѣ силою оружія“ <sup>1)</sup>).

Одновременно съ этимъ, генераль-лейтенантъ Репинъ просилъ Торماسова усилить его войска еще не менѣе, какъ двумя баталіонами. Только при такомъ условіи онъ надѣялся, что ни Шихъ-Али и ни кто вообще изъ владѣльцевъ дагестанскихъ не будетъ въ силахъ вредить намъ. „Имѣя оные баталіоны, доносилъ Репинъ, я буду говорить съ владѣльцами, получающими отъ насъ жалованье, громче и доведу ихъ до того, что они сами станутъ усмирять бунтующихъ противу насъ. Вашему высокопревосходительству извѣстно, добавлялъ онъ, что невоспитанный и буйный народъ иначе невозможно удержать, какъ страхомъ, и за шалости его наказывать“ <sup>2)</sup>).

Но главнокомандующій, не имѣя свободныхъ войскъ для усиленія Репина, писалъ ему: „Вредные умыслы вѣтреннаго Шихъ-Али и его сообщниковъ останутся тщетными при благоразумныхъ вашихъ распоряженіяхъ и вредны будутъ для нихъ же самихъ. Но дабы совершенно обезпечить край, начальству вашему ввѣренный, то, по мнѣнію моему, гораздо лучше усилить Кубинскую крѣпость, которая составляетъ центръ нашей коммуникаціонной линіи, по дорогѣ отъ Баку до Кизляра, и которая, сверхъ того, что сомнительна по своей ветхости и неправильному построенію, привлекаетъ къ себѣ все стремленіе вѣтреннаго Шихъ-Али, нѣсколько уже разъ дѣлавшаго на оную свои покушенія“ <sup>3)</sup>. Въ этихъ видахъ, Тормасовъ предписывалъ Репину немедленно исправить Кубинскую крѣпость и сосредоточить въ ней, подъ начальствомъ генераль-маіора Гурьева, оба баталіона Севастопольскаго полка; въ Дербентѣ же, расположить три роты, пришедшія туда къ этому времени изъ Киз-

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина генералу Тормасову отъ 25-го іюня 1809 года № 4.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 995.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 7-го октября 1809 г. № 496.

ляра <sup>1)</sup>). Репинъ все-таки просилъ главнокомандующаго усилить его хоть однимъ „комплектнымъ“ баталіономъ, „съ имѣющимися при немъ пушками“ <sup>2)</sup>). Но Тормасовъ, находя предписанныя уже имѣя мѣры достаточными для обезпеченія кубинской провинціи, вопрошалъ Репина: „я желаю знать точно, на какой предметъ вамъ еще баталіонъ надобенъ; если только для разоренія тѣхъ деревень, которыя имѣютъ сношенія съ измѣнникомъ, то по горному ихъ положенію я считаю сіе не только неудобнымъ, но и бесполезнымъ, потому что таковыя экспедиціи по сіе время были безплодны, а дѣло состоитъ въ томъ, чтобы схватить бунтовщика, или убить его“.

Въ заключеніе, Тормасовъ поучалъ Репина, говоря, „что замыслы, вредные для войскъ нашихъ, ничѣмъ такъ прекратить не можно, какъ строгою осторожностью, и тогда злодѣи, видя неудачу, должны будутъ ихъ покинуть“ <sup>3)</sup>). Такимъ образомъ, нерѣшительность, которую съ самага начала проявляли начальники нашихъ войскъ, расположенныхъ въ кубинской области, какъ бы поощрялась самимъ главнокомандующимъ, настойчиво рекомендовавшимъ осторожность и строго пассивный образъ дѣйствій. Въ этомъ, конечно, и крылась главная причина успѣшной дѣятельности вождей мятежа.

Важнѣйшій изъ нихъ, Шихъ-Али, поддерживаемый персіанами, которые, какъ ходили слухи, послали къ нему цѣлый корабль съ казной и разными товарами для найма лезгинъ <sup>4)</sup>), продолжалъ набѣги на кубинскія селенія и не разъ подходилъ къ Дербенту, нападая подъ самыми стѣнами его на наши посты и кордоны. Попытки изловить его не приводили къ желаемымъ результатамъ по той причинѣ, что какъ онъ, такъ и всѣ находившіеся при немъ беки и служителя имѣли въ самой Кубѣ большое количество родственниковъ и приверженцевъ, черезъ которыхъ получали нужныя свѣдѣнія и своевременно извѣщались о всякихъ передвиженіяхъ нашихъ войскъ <sup>5)</sup>).

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 7-го октября 1809 года № 496.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина генералу Тормасову отъ 12-го октября 1809 г. № 1203.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Тормасова ген.-лейтенанту Репину отъ 16-го ноября 1809 г. № 611.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 987.

<sup>5)</sup> Рапортъ генераль-маіора Гурьева генералу Тормасову отъ 1-го декабря 1809 года № 854.

Желая привлечь къ содѣйствию намъ сосѣднихъ Кубѣ хановъ Закавказья, Тормасовъ обратился къ наиболѣе сильному и вліятельному изъ нихъ, къ Мустафѣ-хану ширванскому, тѣмъ болѣе, что послѣдній, желая оправдаться въ имѣвшихся противъ него уликахъ въ сомнительной вѣрности намъ, самъ напрашивался на какое нибудь порученіе, обѣщая „по усердію своему исполнить его со всею охотою“ <sup>1)</sup>). Тормасовъ, выражая ему благодарность „за столь прямо доброе расположеніе“, съ „особеннымъ удовольствіемъ“ поручалъ Мустафѣ „взять на свое попеченіе возстановленіе спокойствія въ кубинской провинці“, обѣщая за это большія милости и щедрыя награды, какъ самому хану, такъ и людямъ, которыхъ онъ употребить на то, чтобы избавить отъ Шихъ-Али-хана „страждущее чело-вѣчество“ <sup>2)</sup>).

Но хану ширванскому, находившемуся въ тайныхъ сношеніяхъ съ персіанами, не было расчета содѣйствовать намъ въ водвореніи порядка въ кубинской области. Называя Шихъ-Али своимъ „кровнымъ врагомъ“ и увѣряя, что за поимку его онъ самъ далъ бы 10-ть тысячъ рублей, Мустафа-ханъ въ то же время повелъ дѣло такъ, что еще болѣе затруднилъ наше положеніе и умысленно далъ рѣшительный толчокъ къ общему возстанію. Посланный имъ въ Кубу, какъ бы для переговоровъ и увѣщаній Шихъ-Али, Бала-огланъ-бекъ началъ разглашать повсюду, что русскіе, простивъ Шихъ-Али, возвращаютъ ему кубинское ханство <sup>3)</sup>). Вѣсть эта взволновала все населеніе: однихъ, опасавшихся Шихъ-Али, она привела въ страхъ; „другимъ же вѣтренникамъ вскружила головы и произвела колеблемость въ народѣ“. Пользуясь этимъ волненіемъ, Шихъ-Али собралъ „знатную шайку разбойниковъ“ и появился съ ней въ кубинской области. Посланникъ же Мустафы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми „измѣнниками“, разъѣзжалъ въ это время по волостямъ ханства, уговаривая населеніе спѣшить на встрѣчу Шихъ-Али, какъ дѣйствительному хану кубинскому. Тормасовъ увидѣлъ, что порученіе, данное имъ ширванскому хану, „сдѣлано совѣмъ въ превратномъ видѣ“.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 750

<sup>2)</sup> Письмо генерала Тормасова Мустафѣ-хану отъ 22-го іюля 1810 года № 95.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 11010.

Незадолго передъ этимъ, главнокомандующій отправилъ Мустафѣ местное письмо, въ которомъ извѣлялъ полную увѣренность свою въ искренней и непоколебимой его преданности намъ. „Мнѣ нѣтъ никакой причины, говорилось въ этомъ письмѣ<sup>1)</sup>, быть вами недовольнымъ; напротивъ того, я уважаю васъ болѣе другихъ и безъ личнаго съ вами знакомства потому, что видѣлъ многіе опыты усердія вашего на пользу службы его императорскаго величества. Я увѣренъ совершенно, что характерная твердость ваша въ правилахъ чести и вѣрности къ государю императору, коими вы всегда себя отличали, никогда никакими обольщеніями непріятелей не можетъ быть поколеблена“. Но прошло всего 10-ть дней послѣ этихъ милостивыхъ строкъ, какъ Тормасовъ вынужденъ былъ заявить, что поведеніе ширванскаго посланца въ Кубѣ „подастъ даже сомнѣніе на Мустафа-хана“. Поэтому, онъ предписывалъ коменданту Шемахи, подполковнику Тихановскому, потребовать отъ Мустафа-хана, во-первыхъ, объясненій по поводу происшедшаго; во-вторыхъ, вызвать назадъ его посланца, „который произвелъ всѣ сіи неустройства и сомнѣнія въ народѣ“, и въ-третьихъ, потребовать посылки ширванской конницы не только для разсѣянія скопищъ мятежниковъ, но и для поимки самого Шихъ-Али<sup>2)</sup>. Но Мустафа-ханъ на это отвѣчалъ, что онъ „жизнью своею жертвуетъ, если Бала-огланъ дѣлалъ какія возмущенія въ кубинской области“<sup>3)</sup>.

Между тѣмъ, волненіе въ Кубѣ принимало болѣе и болѣе широкіе размѣры. Желая успокоить населеніе ханства, Тормасовъ предписалъ ген.-лейт. Репину объявить народу, что „разглашенія, сдѣланныя недоброжелательными людьми, яко-бы Россія возвращаетъ вѣтренному Шихъ-Али кубинское ханство, есть несправедливая и сухая ложь и что онъ никогда не будетъ удостоенъ той милости его императорскаго величества, чтобы былъ сдѣланъ въ Кубѣ по прежнему ханомъ, ибо поступками своими лишился на вѣки всякаго на сіе права и не долженъ даже о томъ помышлять“<sup>4)</sup>. Но

<sup>1)</sup> Письмо генерала Тормасова къ Мустафѣ-хану отъ 21-го іюля 1810 года № 603.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова подполковнику Тихановскому отъ 31-го іюля 1810 г. № 745.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 785.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 31-го іюля 1810 года № 747.

населеніе было уже увлечено водоворотомъ возстанія, и самъ Шихъ-Али, въ отвѣтъ на это объявленіе, дерзко требовалъ отъ кубинскаго коменданта, маіора Писемскаго, чтобы русскія войска безъ пролитія крови были выведены изъ Кубы, „поелику, писалъ мятежный ханъ, Куба принадлежитъ моимъ предкамъ и мнѣ болѣе тысячи лѣтъ, а вы въ ней, третій день завладѣвъ, со страхомъ держитесь, и чтобъ я еще не смѣлъ того сказать—это мнѣ очень смѣшно. Подумай, много ли ты своимъ разумомъ и разсужденіемъ принесъ пользы своему государю? Впрочемъ, добавлялъ Шихъ-Али, я сіе пишу единственно для того, чтобы не остаться впредь виновнымъ противъ государя императора“<sup>1)</sup>. Смѣлость мятежниковъ дошла до того, что они окружили городъ Кубу и совершенно отрѣзали сообщеніе ея съ остальными волостями. Всѣ владѣтели сосѣднихъ областей Дагестана были за одно съ мятежниками. Сурхай-ханъ казикумукскій, какъ доносилъ полковникъ Адріано<sup>2)</sup> „двигалъ всю машину потаенно; получавшіе отъ насъ жалованье и пенсіоны табасаранскіе беки съ возмутителемъ были тайно согласны, ибо ничего дѣлать не хотятъ въ нашу пользу“. Становилось очевиднымъ, что успокоить кубинскую область можно было только путемъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ скопищъ Шихъ-Али-хана и покровительствовавшихъ ему владѣтелей Дагестана.

Съ этой цѣлью, ген.-лейт. Репинъ послалъ изъ Баку въ кубинское ханство роту Севастопольскаго полка, съ однимъ орудіемъ, бакинскою милиціей и 40 казаками, подъ начальствомъ плацъ-маіора Левицкаго. Послѣднему было предписано пройти въ Кубу, принять команду надъ находившимися тамъ войсками и, оставя половину ихъ для защиты самой крѣпости, съ остальными „обратиться противъ Шихъ-Али для наступательныхъ на него дѣйствій и для наказанія мятежниковъ“<sup>3)</sup>. Выступивъ 12-го августа изъ Хидырзындскаго поста, въ 80-ти верстахъ отъ Баку, Левицкій, въ этотъ же день утромъ, встрѣтилъ небольшую партію мятежниковъ. Онъ по-

<sup>1)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 373.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Адріано генераль-отъ-инфантеріи Булгакову отъ 15-го августа 1810 года № 543.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1014.

слалъ спросить, что это за люди? Мятежники отвѣчали, что „о томъ знаютъ ихъ беки и что переговариваться онъ можетъ съ самимъ Шихъ-Али“. Вслѣдъ затѣмъ, мятежники, занявъ высоты по сторонамъ дороги, по которой слѣдовалъ отрядъ Левицкаго, открыли по немъ огонь. Хотя высланные команды фланкероувъ и сбили скоро непріятеля, но послѣдній въ теченіе всего дня беспокоилъ нашъ отрядъ. Вечеромъ Левицкій расположился лагеремъ на рѣкѣ Гилгинѣ, въ 25-ти верстахъ отъ Хидырзина. Всю ночь мятежники не переставали тревожить его бивакъ. Къ утру 13-го числа, толпа мятежниковъ возросла до 2-хъ тысячъ и заняла высоты, лежавшія на пути слѣдованія отряда.

Не надѣясь сбить противника съ этихъ сильныхъ позицій, Левицкій пошелъ по обходной дорогѣ, указанной ему бакинскими жителями. Едва отрядъ свернулъ съ большой дороги, какъ былъ атакованъ кубинцами. Для прикрытія наиболѣе угрожаемаго праваго своего фланга, Левицкій выслалъ команды стрѣлковъ и бакинскую милицію, но послѣдняя передалась на сторону противниковъ и, „смѣшавшись съ непріятелемъ, открыла по отряду стрѣльбу“. Однако, Левицкій, хотя и съ трудомъ, но все таки продолжалъ двигаться впередъ, какъ, вдругъ, дорогу пересѣкъ глубокій ровъ, мостъ черезъ который былъ заблаговременно снятъ непріятелемъ. По ту сторону рва стояло до 2-хъ тысячъ конницы и около тысячи пѣхоты мятежниковъ. Отрядъ остановился въ нерѣшительности. Минута была такова, что только одинъ геройскій порывъ могъ бы открыть дальнѣйшій путь, но Левицкій не отважился броситься впередъ и атаковать противника, не имѣвшаго даже артиллеріи, тогда какъ въ нашемъ отрядѣ была одна пушка, умѣлое дѣйствіе которой, несомнѣнно, произвело бы сильное впечатлѣніе на нестройныя толпы бунтовщиковъ. „Видя, что съ 120-ю человѣками пѣхоты и 40 человѣками казаковъ пройти нѣтъ возможности, да и въ Кубу (до которой оставалось около 50-ти верствъ) дать знать не черезъ кого, ибо кубинцы взбунтовались и кричатъ: „да здравствуетъ ханъ!—а бакинцы измѣнили,—Левицкій рѣшилъ возвратиться обратно въ Баку“ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Решина генералу Торماسову отъ 16-го августа 1810 г. № 1040

Это „малодушное“ отступление: придало мятежникамъ особенную смѣлость. Свободно перейдя ровъ, передъ которымъ занялся Левицкій; они весь день, подъ предводительствомъ самого Шихъ-Али, настойчиво преслѣдовали немногочисленный отрядъ нашъ и неоднократно „съ сильнымъ напряженіемъ дѣлали удары“, но каждый разъ „не допускаемы были до фронта цѣльными выстрѣлами изъ орудія“. Вечеромъ отрядъ подошелъ къ караванъ-сараю Догумли, гдѣ и остановился на ночлегъ. Мятежники, не рискуя слишкомъ удалаться отъ Кубы, оставили преслѣдованіе отряда и возвратились обратно. Левицкій же, 15-го числа, вступилъ въ Баку; потерявъ за все время всего 11-ть человекъ убитыми и ранеными<sup>1)</sup>. Неудачныя дѣйствія маіора Левицкаго подверглись строгой критикѣ самого главнокомандующаго. „Другой, съ лучшимъ духомъ штабъ-офицеръ, писалъ Тормасовъ Репину, конечно, не обратился бы вспять, имѣя 10-ть человекъ раненыхъ въ своемъ отрядѣ, а дошелъ бы со славою до мѣста, ему назначеннаго. Таковой поступокъ Левицкаго заслуживалъ бы ареста, но я ограничиваюсь только тѣмъ, что предписываю вашему превосходительству, въ отвращеніе другихъ отъ подобнаго малодушія, сдѣлать ему строгій выговоръ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ“<sup>2)</sup>.

Отступление Левицкаго вызвало самыя неблагопріятныя для насъ послѣдствія. Мятежники громко разглашали одержанную ими побѣду. Волненіе быстро распространилось по странѣ, и вся кубинская провинція „взбунтовалась и предалась Шихъ-Али“<sup>3)</sup>. Это обстоятельство поставило Репина въ „величайшее затрудненіе“ и онъ просилъ главнокомандующаго „о скорѣйшей присылкѣ одного баталіона егерей, одного баталіона мушкетеръ и хотя половину полка казаковъ“<sup>4)</sup>. Но Тормасовъ ему на это отвѣчалъ, „что нынѣшнія обстоятельства, въ каковыхъ находится здѣшній край, ни подъ какимъ видомъ не позволяютъ отдѣлить къ вамъ сего важнаго уси-

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина генералу Тормасову отъ 16-го августа 1810 года № 1140.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 22-го августа 1810 г. № 168.

<sup>3)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина генералу Тормасову отъ 16-го августа 1810 г. № 1040.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

ленія, ибо самая знатная часть здѣшнихъ войскъ теперь ведетъ упорную войну въ Имеретіи, противъ возмущившихся имеретинцевъ и ту-роковъ, имъ вспомошествовавшихъ; другая—стоитъ въ Карталини, противъ ахалцыхскаго Шерифъ-паши, съ коимъ соединились до 8-ми тысячъ вспомогательныхъ персидскихъ войскъ, пришедшихъ на сихъ дняхъ; третья—въ Памбакахъ, противъ наслѣдника Персіи Аббасъ-Мирзы и брата его Али-шаха; четвертая, менѣе нежели изъ двухъ баталіоновъ, защищаетъ шекинскую, елизаветпольскую и шамшадильскую провинціи, а пятая, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, состоя изъ 4-хъ баталіоновъ, занимаетъ центральную позицію, прикрывая въ одну сторону Тифлисъ, а въ другую—Казахъ и поддерживая войска, поставленныя въ Карталини, съ тѣмъ при томъ, что я съ симъ числомъ войскъ долженъ обращаться во всѣ вышесказанные пункты, гдѣ только ни усилится непріятель и изъ которыхъ истинно нельзя отдѣлить ни малѣйшей части людей“<sup>1)</sup>). Въ то же время, главнокомандующій, видимо отказавшись, наконецъ, отъ рекомендовавшагося имъ ранѣе пассивнаго образа дѣйствій и находя, что у самого Репина было достаточно для подавленія мятежа своихъ собственныхъ войскъ, возмущался бездѣйствіемъ ихъ. „Наиболѣе всего сокрушаетъ меня, писалъ онъ ему по этому поводу<sup>2)</sup>), непонятная унылость въ самыхъ войскахъ, главному начальству вашему ввѣренныхъ. Я не знаю, для чего цѣлые два баталіона заперлись въ Кубинской крѣпости и остаются въ бездѣйствіи, тогда какъ я предписывалъ, оставя пристойный для крѣпости гарнизонъ, составить отрядъ и дѣйствовать наступательно на вѣтреннаго Шихъ-Али. Одинъ баталіонъ въ гарнизонѣ достаточно, а другой могъ бы внѣ крѣпости вездѣ прокладывать оружіемъ себѣ дорогу, не взирая на волненіе; однако же, оба баталіона заперлись въ крѣпости, не смѣя ничего предпринять“. Добровольное сидѣніе въ Кубѣ этихъ двухъ баталіоновъ было тѣмъ болѣе странно, что они не имѣли при себѣ даже необходимаго запаса продовольствія. Относя эту незаботливость о нуждахъ кубинскаго гарнизона всецѣло къ нераспорядительности ген.-лейт. Репина, Тормасовъ

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 22-го августа 1810 г. № 1040.

<sup>2)</sup> Тамъ же.



„усердно просиль его истощить всѣ способы, чтобы непременно проложить дорогу къ Кубѣ и доставить туда продовольствіе“. Съ этой цѣлью, ему предписывалось взять хотя бы половину бакинскаго гарнизона, т. е. двѣ роты, и съ ними доставить провіантъ въ Кубу. При этомъ, главнокомандующій предлагалъ „отнюдь не посылать съ симъ прикрытіемъ бакинскаго плацъ-маіора Левицкаго, который уже показалъ опыты своего мужества“ <sup>1)</sup>.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя всетаки необходимымъ оказать Репину хоть какое нибудь содѣйствіе въ подавленіи кубинскаго возстанія, Тормасовъ предписалъ генералу Небольсину, во-первыхъ, изъ трехротнаго елизаветпольскаго гарнизона командировать одну роту съ орудіемъ въ Нуху, присоединить къ ней одну тысячу человекъ шекинской конницы и двинуть этотъ отрядъ далѣе въ кубинскую область напрямикъ, черезъ хиналугскій переваль (Салаватъ), въ тылъ осаждавшимъ Кубу скопищамъ Шихъ-Али-хана; во-вторыхъ, изъ числа войскъ, находившихся въ Карабахѣ, двинуть въ Ширвань двѣ роты съ орудіемъ, придать къ нимъ тамъ часть ширванской конницы и, усиливъ еще отрядъ этотъ ротой изъ Баку, направить его далѣе въ кубинскую область, подъ начальствомъ подполковника Тихановскаго. Послѣднему поручалось пробиться въ Кубу, принять главную команду надъ городомъ и войсками, въ немъ расположенными, и, присоединивъ къ себѣ изъ числа ихъ одинъ баталіонъ, „ударить рѣшительно на Шихъ-Али, разбить его и выгнать изъ кубинской области, если только нельзя будетъ его схватить, и, наказавъ строго бунтовщиковъ, привести кубинское владѣніе въ совершенный порядокъ. Вотъ все то, писалъ Тормасовъ Репину, что только я могу по совершенной крайности назначить вамъ въ усиленіе и какого числа, однако же, считаю весьма достаточно не только противъ Шихъ-Али, но и противу гораздо важнѣйшаго непріятеля.“ <sup>2)</sup> Одновременно съ этимъ, главнокомандующій, дабы отнять у кубинцевъ всякую надежду на возможность возвращеніе къ нимъ ханомъ Шихъ-Али, послалъ въ Кубу „преданнаго намъ“ Джегангиръ-хана шагагскаго, имѣя въ виду, по умиротвореніи области, сдѣлать его

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 22-го августа 1810 г.

№ 1040.

<sup>2)</sup> Тамъ же

„непремѣннымъ“ ханомъ ея, „по примѣру другихъ владѣтелей, состоящихъ въ подданствѣ Россіи“ <sup>1)</sup>).

Но всѣ эти мѣры не привели къ желательнымъ результатамъ. Ни ширванскій, ни шекинскій ханы не исполнили въ полной мѣрѣ требованій главнокомандующаго и выставили въ помощь нашимъ войскамъ лишь незначительное количество своей конницы. Выступившая изъ Елизаветполя рота Троицкаго мушкетерскаго полка, вмѣстѣ съ находившеюся, подъ начальствомъ Джегангирь-хана, шекинскою конницею, не могла пройти черезъ хиналугскій переваль, въ тылъ осаждавшимъ Кубу скопищамъ Шихъ-Али-хана, и повернула на большой ширванскій трактъ, вслѣдъ за колонной Тихановскаго. <sup>2)</sup> Послѣдній, съ тремя ротами при двухъ орудіяхъ <sup>3)</sup>, дошелъ до караванъ-сарая Дугумли, отбилъ здѣсь 24-го сентября нападеніе большихъ скопищъ Шихъ-Али-хана, но дѣйствовалъ вообще на столько нерѣшительно, что до 1-го октября въ отрядѣ его, „кромѣ небольшихъ перестрѣлокъ съ мятежниками, ничего важнаго не происходило“. <sup>4)</sup> Тѣмъ временемъ и войска, находившіяся въ самой кубинской области, не предпринимали рѣшительно никакихъ мѣръ къ подавленію мятежа: два баталіона Севастопольскаго полка, осаждаемые скопищами Шихъ-Али-хана, продолжали отсиживаться въ Кубинской крѣпости, а три роты кизлярскаго баталіона были заперты въ Дербентѣ.

Видя, что на энергичную дѣятельность военачальниковъ, находившихся съ нашими войсками въ кубинской области, разсчитывать нельзя, Тормасовъ поручилъ подавленіе мятежа шефу 9-го егерскаго полка, полковнику Лисаневичу, какъ „достойному офицеру“, отличавшемуся „рѣшительнымъ и мужественнымъ духомъ, опытностью въ военномъ искусствѣ“ и „въ совершенствѣ“ знавшему

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1015, 1020 и 1022.

<sup>2)</sup> Рапортъ подполковника Тихановскаго генералу Тормасову отъ 22-го сентября 1810 г. № 124.

<sup>3)</sup> Двѣ роты 17-го егерскаго полка, съ однимъ орудіемъ, были взяты подполковникомъ Тихановскимъ изъ Карабаха; рота же Севастопольскаго мушкетерскаго полка, съ однимъ орудіемъ, выслана была генераль-лейтенантомъ Решинымъ изъ Баку и присоединилась къ колоннѣ Тихановскаго 18-го сентября на рѣчкѣ Сумгантъ (рапортъ 22-го сентября 1810 года № 124).

<sup>4)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 18-го декабря 1810 г. № 218.

къ тому же языкъ и обычаи страны, въ которой предстояло ему дѣйствовать. <sup>1)</sup>

За 14-ть лѣтъ передъ тѣмъ, во время похода графа Зубова въ Баку, небольшой нашъ отрядъ, изъ 400 егерей, сотни казаковъ и двухъ орудій, подъ начальствомъ подполковника Бакунина, посланъ былъ, 1-го октября 1796 г., изъ кубинскаго лагеря по алпанскому ущелью открыть мѣсто сбора скопищъ хамбутае казыкумьскаго. Храбрый, но не опытный въ войнѣ съ горцами, Бакунинъ шелъ безъ необходимыхъ мѣръ предосторожности и у деревни Алпаны, въ оврагѣ, заросшемъ дремучимъ чинаровымъ лѣсомъ, былъ совершенно неожиданно атакованъ 15 тысячнымъ скопищемъ лезгинъ, подъ предводительствомъ Шихъ-Али-хана кубинскаго, незадолго передъ тѣмъ являвшагося въ лагерь Зубова съ повѣшенною на шеѣ саблею, въ знакъ покорности и униженія. Горцы стремительно бросились въ шашки, сразу захватили оба орудія и, окруживъ отрядъ со всѣхъ сторонъ, въ короткое время изрубилъ всѣхъ офицеровъ и болѣе 300-тъ нижнихъ чиновъ. Отъ поголовнаго истребленія уцѣлѣло лишь незначительное число егерей, успѣвшихъ укрыться за случайно находившимися здѣсь бревнами и нѣсколько часовъ отбивавшихся мѣткими выстрѣлами и штыками, пока не подошелъ Углицкій мушкетерскій полкъ, спѣшно выступившій изъ кубинскаго лагеря на выстрѣлы, доносившіеся со стороны Алпанъ. <sup>2)</sup> Въ числѣ этой горсти удалцовъ, мужественно выдержавшихъ отчаянный, неравный бой, находился и 19-ти лѣтній сержантъ Дмитрій Тихоновичъ Лисаневичъ, поступившій на службу за два года передъ тѣмъ, въ 1795 году, изъ дворянъ Воронежскаго намѣстничества. Теперь, этому же самому Лисаневичу, награжденному за циціановскій штурмъ Ганжи орденомъ св. Георгія 4-й степени, прошедшему славную карягинскую школу, только что отличившемуся подъ Ахалкалаками, — <sup>3)</sup> открывалась возможность отомстить Шихъ-Али-хану за алпанское побоище.

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру отъ 18-го декабря 1810 г. № 218.

<sup>2)</sup> «Историч. очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Россіи» стр. 300. Бобровскій «исторія л. Эриванскаго полка» ч. 3 стр. 68.

<sup>3)</sup> Назначеніе Лисаневича въ Кубу состоялось 14-го сентября, т. е. девять дней спустя послѣ разгрома маркизомъ Паулуччи Гуссейнъ-Кули-хана эриванскаго подъ Ахалкалаками.

Поручая полковнику Лисаневичу усмирёніе Кубы, Тормасовъ предписывалъ ему взять съ собою одного офицера, 4-хъ унтеръ-офицеровъ, 30-ть человѣкъ егерей своего полка и 100 человѣкъ казаковъ; идти съ этимъ конвоемъ въ Ширвань, „привести въ раскаяніе“ Мустафу-хана, поступки котораго „почти обнаруживали измѣну“, и, принявъ затѣмъ начальство надъ войсками, двинутыми ранѣе въ кубинскую область изъ Елизаветполя, Шемахи и Баку, пробиться съ ними въ Кубу. Здѣсь Лисаневичъ долженъ былъ взять изъ крѣпости одинъ баталіонъ и затѣмъ „обратить все свое стремленіе на Шихъ-Али и его скопища, чтобы разбить оныя, разсѣять и выгнать изъ Кубинской провинціи“. Самого же Шихъ-Али надлежало во чтобы то ни стало „или достать въ наши руки, или убить, не имѣя противъ него ничего священнаго“. „Бога ради, писалъ Тормасовъ Лисаневичу, не жалѣйте ничего, чтобы сіе исполнилось для будущаго спокойствія въ томъ краю и для спасенія рода человѣческаго“. <sup>1)</sup>

2-го октября Лисаневичъ прибылъ въ лагерь подполковника Тихановскаго у караванъ-сарая Догумли, приведя съ собою, кромѣ 30-ти человѣкъ отборныхъ егерей своего полка и сотни казаковъ, еще взятую изъ Елизаветполя роту Троицкаго полка и сотню ширванской конницы. Такимъ образомъ, здѣсь составился отрядъ около 800 человѣкъ пѣхоты, при двухъ орудіяхъ и 1300 человѣкъ конницы (1000 человѣкъ шекинской съ Джегангиръ-ханомъ, 100 ширванской и 200-ти казаковъ). Къ этому же времени сюда подошелъ изъ Кубы и баталіонъ Севастопольскаго полка, подъ начальствомъ маіора Рябинина. Оставивъ подъ прикрытіемъ этого баталіона всѣ тяжести и приказавъ ему итти къ мѣстечку Шабранъ, Лисаневичъ съ остальными силами въ тотъ же день, 1-го октября, „обратилъ свое движеніе прямо въ горы и укрѣпленныя мѣста, гдѣ Шихъ-Али скрывался со своими скопищами“ <sup>2)</sup>. Уже на другой день, 2-го октября, весь бармакскій магалъ былъ очищенъ отъ шаекъ бунтовщиковъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ трехъ дней, Лисаневичъ быстрыми движеніями вы-

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова полковнику Лисаневичу отъ 14-го сентября 1810 г. № 184.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 18-го декабря 1810 года № 218.

тѣснялъ мятежниковъ изъ занимавшихся ими позицій, разбивъ 4-го числа у деревни Эрпели скопища самого Шихъ-Али. Послѣдній, видя, что ни высокія и крутыя горы, ни лѣсистыя ущелья не задерживаютъ стремительнаго движенія нашихъ войскъ, бѣжалъ въ Юхари-башъ— „мѣсто, укрѣпленное самою натурою и населенное народомъ воинственнымъ, составлявшимъ всегда лучшія кубинскія войска и весьма преданнымъ Шихъ-Али-хану“ <sup>1)</sup>). Но Лисаневичъ смѣло двинулся къ Юхари-башъ, и уstraшенный Шихъ-Али, „не надѣясь на сіе почти неприступное мѣсто“, покинулъ его еще до подхода нашихъ войскъ, переправился черезъ рѣку Самуръ и бѣжалъ въ Табасаранъ, къ зятю своему Абдулла-беку, гдѣ и укрѣпился у деревни Эрси, (въ 30-ти верстахъ къ западу отъ Дербента). Вся кубинская область была очищена отъ мятежниковъ. Но Лисаневичъ не могъ удовольствоваться этимъ. Онъ желалъ наказать мятежниковъ въ самомъ гнѣздѣ ихъ. Молодой, только что произведенный за Ахалкалаки, генераль-маіоръ <sup>2)</sup>) помнилъ тотъ кровавый день, когда еще сержантомъ онъ отчаянно бился за честь русскаго оружія съ тѣми же самыми дагестанцами мятежнаго Шихъ-Али-хана. Лисаневичъ рѣшилъ пройти съ огнемъ и мечемъ въ самое сердце Табасарани.

Освободивъ крѣпость Кубу и дойдя до деревни Зіахура, на рѣкѣ Самурѣ, верстахъ въ 12-ти ниже Алпанъ, гдѣ въ 1796 году погибъ егерскій баталіонъ Бакунина, Лисаневичъ далъ здѣсь войскамъ кратковременный отдыхъ, снабдилъ отрядъ десятидневнымъ запасомъ сухарей и 22-го числа двинулся въ Табасаранъ. Черезъ три дня, 25-го октября, онъ подошелъ къ деревни Эрси и, зная, что это— послѣднее для Шихъ-Али убѣжище, съ потерю котораго ему останется бѣжать только черезъ снѣговой хребетъ во внутреннія области Дагестана,—рѣшилъ немедленно атаковать противника, не взирая даже на силу занимаемой имъ позиціи. Съ этой цѣлью, Лисаневичъ раздѣлилъ свой отрядъ на четыре колонны и, двинувъ ихъ одновременно на фронтъ и въ обходъ обоихъ фланговъ не-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 18-го декабря 1810 г. № 218.

<sup>2)</sup> Извѣстіе о состоявшемся производствѣ полковника Лисаневича въ генераль-маіоры, получилось во время дѣйствій его въ Кубѣ, противъ скопищъ Шихъ-Али-хана.

пріятельской позиціи, выбилъ мятежниковъ и заставилъ ихъ искать спасенія въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Самъ Шихъ-Али-ханъ, покинутый своими приверженцами, едва успѣлъ бѣжать во внутренній Дагестанъ, куда преслѣдовать его черезъ покрытыя уже снѣгомъ горы не было „никакой возможности“. Приведя въ порядокъ табасаранскую область, примѣрно наказавъ бунтовщиковъ и взявъ отъ населенія аманатовъ, Лисаневичъ возвратился въ Кубу, „гдѣ вся сія провинція преклонила свою повинную голову“. Кубинская экспедиція была окончена, какъ доносилъ Тормасовъ „съ полнымъ успѣхомъ черезъ быстроту, рѣшимость и благоразумныя распоряженія генераль-маіора Лисаневича“ <sup>1)</sup>.

Оставалось еще устроить внутреннее управленіе области, съ тѣмъ, чтобы устранить навсегда возможность возникновенія волненій, подобныхъ только что подавленному. Намѣреніе главнокомандующаго назначить кубинскимъ ханомъ Джегангиръ-хана шагагскаго не встрѣтило сочувствія со стороны генераль-маіора Лисаневича. „Управленіе кубинскимъ народомъ Джегангиръ-хана, доносилъ онъ Тормасову <sup>2)</sup>, не нашелъ я прочнымъ потому, что беки и простой народъ, изъ коихъ большая часть сунниты, а ханъ — шіитъ, не хотятъ его имѣть, сколько ни наклонялъ я ихъ къ тому, и ханъ никогда не можетъ по причинѣ той привязать къ себѣ народъ или хотя часть изъ главнѣйшихъ бековъ и выиграть ихъ довѣріе. Поставивъ же хана противъ желанія народнаго, можно ожидать, что жители, не имѣя привязанности къ нему отъ разности сектъ въ религіи, будутъ бѣгать въ разныя мѣста или взбунтуются когданибудь противъ него, а съ нимъ и противъ насъ; тогда также надобно будетъ употребить знатную часть войска“. Кромѣ того, Лисаневичъ полагалъ, что „народъ нѣкоторымъ образомъ привыкъ уже къ управленію россійскими чиновниками и находитъ въ послѣднемъ болѣе себя обезпеченнымъ во всѣхъ частяхъ, ибо при управленіи ханскомъ, кромѣ податей, казнѣ принадлежащихъ, народъ долженъ содержать и хана со всѣмъ штатомъ его, а сіе поселянамъ большую произведетъ тягость“.

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 18-го декабря 1810 года № 218.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1026 и 1027.

Главнокомандующій согласился съ доводами Лисаневича и для управленія кубинской области учрежденъ былъ „диванъ“ изъ трехъ бековъ, подъ предсѣдательствомъ „русскаго чиновника“. Порядокъ водворенъ былъ окончательно, и происки персидскаго правительства обрушились, такимъ образомъ, несчастьемъ на головы лишь легкомысленныхъ приверженцевъ его, прельщенныхъ щедрыми посулами персидскихъ эмиссаровъ. Но, къ сожалѣнiю, не одна только Куба вовлечена была въ водоворотъ этой политической авантюры. Подобная же участь постигла и другую часть нашихъ владѣнiй—южную Осетию, на возстанiе которой въ тылу нашихъ войскъ персидское правительство, видимо, возлагало большiя надежды.

---

## Глава XIII.

Осетія: характеръ страны и ея обитателей. Причины волненій осетинъ. Появленіе въ Осетіи царевича Левана. Посылка къ нему протоіерея Картвелова. Распространеніе мятежа среди ляхвскихъ осетинъ. Нападеніе ихъ на селеніе Цхинваль. Посылка къ Левану Давида Абазадзе. Экспедиція Сталя и подавленіе мятежа. Бѣгство Левана къ нарскимъ осетивамъ. Мѣры Тормасова для поимки его. Посылка въ Осетію подполковника Ениколопова. Бѣгство Левана въ Ахалцыхъ и смерть его.



Въ центральной части главнаго Кавказскаго хребта, по обоимъ его склонамъ, въ ущельяхъ Арагвы, Ксанки, Ляхвы, верховій Террека и Ардона, съ незапамятныхъ временъ ютились полудикія племена горскихъ хищниковъ, называвшихся общимъ именемъ осетинъ. Угрюма и непривѣтлива эта страна: суровый климатъ, дикія скалы, мрачныя ущелья, то заросшія дѣвственными лѣсами, то загромаженные камнями ледниковыхъ моренъ. Здѣсь, въ сосѣдствѣ вѣчнаго царства снѣговъ, холодъ и вьюги составляютъ обычное явленіе, и большую часть года доступъ сюда, или совсѣмъ невозможенъ, или сопряженъ съ крайними затрудненіями.

Суровая природа наложила свою печать и на условія жизни осетинскаго народа. Въ этой странѣ, гдѣ господствовало исключительно право сильнаго, по вершинамъ скалъ, какъ орлиныя гнѣзда, лѣпились высокія башни, за крѣпкими стѣнами которыхъ укрывались хищническія семьи—цѣлыя фамиліи, угнетавшія своихъ и наводившія страхъ на сосѣдей.

Нѣкогда, всѣ осетинскія племена были свободны, но ко времени описываемыхъ событій независимость сохранили лишь, такъ называемые, нарскіе осетины, жившіе въ верховьяхъ Ардона, по рѣкѣ Нарѣ. Огражденные съ одной стороны заоблачною стѣною снѣговыхъ громадъ главнаго хребта, а съ другой—непролазною чашей дѣвственныхъ лѣсовъ Черныхъ горъ,—нарскіе осетины были недо-



сягаемы ни съ сѣвера, ни съ юга. Всѣ остальные племена, обитавшія по линіи сообщенія сѣвернаго Кавказа съ Грузіей, какъ то: гудомакарцы, мтіулинцы, дигорцы и другія, были подчинены нами попутно съ движеніемъ нашимъ въ Закавказьѣ. Осетины же южнаго склона: арагвскіе, ксанкскіе и ліахвскіе, уже съ давнихъ временъ находились въ подчиненіи Грузіи и управлялись преимущественно грузинскими князьями. Послѣдніе назначались на эти должности сначала царемъ, но, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя княжескія фамиліи сдѣлали эти назначенія своей наслѣдственной привилегіей, а затѣмъ, пользуясь частыми смутами, раздиравшими Грузію, окончательно закрѣпили за собою осетинъ и обратили ихъ въ своихъ крестьянъ. Такъ, арагвскіе и ксанкскіе осетины сдѣлались собственностью князей Эристовыхъ, а ліахвскіе—князей Мачабели, и только небольшая часть ліахвцевъ оставалась принадлежащей царю. Потерявъ свободу, грузинскіе осетины подверглись всѣмъ тягостямъ крѣпостнаго гнета и нерѣдко испытывали отъ своихъ помѣщиковъ такія насилія и жестокости, „каковыя, по словамъ современника, никогда на Кавказѣ не были извѣстны“ <sup>1)</sup>). Понятно, что нѣкогда свободолюбивые осетины ненавидѣли своихъ угнетателей и сдерживались въ повиновеніи лишь силою и жестокостью.

Съ приходомъ нашимъ въ Закавказье, положеніе грузинскихъ осетинъ мало измѣнилось къ лучшему: принадлежавшіе ранѣе царю, отошли въ казну, а остальные,—по старому, закрѣплены были за своими помѣщиками—князьями Эристовыми и Мачабели. Теперь, осетины считали уже насъ виновниками тягостнаго своего положенія и ненависть, которую раньше питали къ грузинамъ, перенесли на русскихъ. Волненія начались съ самаго открытія въ Грузіи нашего правительства. Осетины нападали на наши войска <sup>2)</sup>, прерывали сообщеніе съ сѣвернымъ Кавказомъ, дѣятельно поддерживали сношенія съ бѣглыми царевичами и „не оставляли производить бунтовъ, убійствъ и грабежей по Карталиніи, такъ что мелкія селенія при-

<sup>1)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 382.

<sup>2)</sup> Случаи эти были многочисленны, но наиболее крупный, это—истребленіе въ 1804 году казачьяго полка Рышкова, шедшаго въ Грузію по куртатинскому ущелью, черезъ Рокскій переваль, см. т. I, стр. 172—173.

нуждены ими были разойтись въ разныя мѣста“<sup>1)</sup>. Волненія нерѣдко вызывались и происками нѣкоторыхъ грузинскихъ князей, которые, находясь въ сообщничествѣ съ Соломономъ имеретинскимъ и бѣглыми царевичами, возбуждали противъ насъ осетинскія племена, и безъ того „весьма склонныя“ къ мятежамъ. Такъ, весною 1809 года, происками князя Михаила Эристова, было произведено волненіе ксанкскихъ осетинъ<sup>2)</sup>. Возмутительныя письма царевича Александра обращались среди куртатинцевъ, тагаурцевъ и многихъ другихъ племенъ обоихъ склоновъ главнаго хребта<sup>3)</sup>. Ни мѣры строгости, выражавшіяся въ посылкѣ карательныхъ экспедицій и казни вожаковъ, предававшихся „поноснѣйшей смерти“ черезъ повѣщеніе<sup>4)</sup>, ни мѣры кротости и всепрощенія<sup>5)</sup>—не приводили къ желаемымъ результатамъ, и Осетія оставалась страной, особенно отзывчивой къ проискамъ многочисленныхъ недоброжелателей нашихъ, и причиняла всегдашнія безпокойства сосѣднимъ областямъ Грузіи.

Этимъ-то настроеніемъ осетинскихъ племенъ и рѣшило воспользоваться персидское правительство, съ тѣмъ, чтобы, поднявъ возстаніе по линіи сообщенія нашихъ войскъ, отвлечь возможно большее число послѣднихъ отъ границъ Персіи. Съ этой цѣлью, въ срединѣ 1810 года, тегеранскій дворъ отправилъ въ Осетію грузинскаго царевича Левана<sup>6)</sup>, „для подстреканія сего народа къ бунту“.

За шесть лѣтъ передъ этимъ, въ темную июльскую ночь 1804 года, на берегу рѣки Куры, у карталинскаго селенія Шагорбели, верстахъ въ 40-ка отъ имеретинской границы, расположился бивакъ мятежныхъ грузинскихъ царевичей Юлона и Парнаоза, пробиравшихся тайкомъ изъ Имеретіи къ Лиахвѣ, въ намѣреніи принять личное руководство надъ возставшими тогда противъ насъ племенами Осетіи и понудить грузинскихъ князей „вспомнить старое время и постоять за Багратидовъ“. Увѣдомлен-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 644.

<sup>2)</sup> Тамъ же, №№ 627 629.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 630.

<sup>4)</sup> Обвѣщеніе генерала Тормасова по Грузіи отъ 16-го сентября 1809 года № 427.

<sup>5)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 635.

<sup>6)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 года № 216.

ный объ этомъ командиръ егерской роты, стоявшей въ Цхинвалѣ, штабсъ-капитанъ Новицкій, въ одну ночь сдѣлалъ сорокаверстный переходъ и, передъ самой зарей, неожиданно нагрянулъ на бивакъ мятежныхъ царевичей. Одинъ изъ нихъ, Парнаозъ, успѣлъ все-таки скрыться въ лѣсу; другой же—Юлонъ, едва не погибъ подъ штыками егерей и былъ спасенъ лично штабсъ-капитаномъ Новицкимъ <sup>1)</sup>. Взятый въ плѣнъ, Юлонъ отправленъ былъ затѣмъ въ Россію и поселился въ Москвѣ. Сынъ же его, Леванъ, присталъ къ дядѣ своему, царевичу Александру, бѣжалъ съ нимъ въ Персію и, вѣрный унаслѣдованной отъ отца ненависти къ намъ—русскимъ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ агентовъ персидскаго правительства. Вотъ этому-то 19-ти лѣтнему грузинскому царевичу и поручено было теперь взволновать осетинъ и ворваться съ ними въ Карталинію одновременно съ тѣмъ, какъ туда же вторгнутся: Гуссейнъ-Кули-ханъ, съ турками, изъ Ахалсыха, а Соломонъ—изъ Имеретіи. Аббасъ-Мирза намѣревался въ это время пройти въ Грузію, черезъ Карабагъ, отъ Нахичевани; а Али-шахъ-заде, черезъ Памбакъ и Шурагель, отъ Эривани.

Пробравшись черезъ Ахалсыхъ, Имеретію и Рачу въ ляхвское ущелье, Леванъ, 26-го іюля 1810 года, прибылъ въ селеніе Кехви и отсюда обратился къ грузинскимъ князьямъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему. „Если вы, писалъ онъ, не забыли милостей и заслугъ наслѣдственнаго вашего господина, то тотчасъ имѣете прибыть сюда. Такого случая и времени вы не отыщите: съ нижней стороны прибылъ шахъ съ большимъ войскомъ, а царевичъ Александръ, или сегодня, или завтра прибудетъ съ 12-ю тысячами человекъ; Имеретія же такъ возстала, что гдѣ ни встрѣтились съ русскими, истребили и разбили ихъ; горцы также возстали. Поэтому, съ полученіемъ сего письма, не замедлите прибытіемъ вашимъ“ <sup>2)</sup>. Въ Осетіи Леванъ нашель благодарную почву для своихъ замысловъ. „Легковѣрные, дикіе, любящіе до страсти всякую перемѣну, осетинцы охотно приняли мятежнаго царевича, дали ему убѣжище и начали въ помощь ему составлять скопища“ <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 167.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 143.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 652.

Получивъ извѣстіе о появленіи Левана среди осетинъ, правитель Грузіи, генераль-маіоръ Ахвердовъ, находившійся въ это время въ Карталиніи, поспѣшилъ въ пограничное съ Осетіей селеніе Цхинвалъ успокоить жителей, „симъ случаемъ крайне встревоженныхъ“. Здѣсь, онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать распространенію мятежа среди осетинскихъ племенъ. Между прочимъ, онъ разослалъ приказаніе „ловить всюду посланцевъ Левановыхъ“; вызвалъ 200 вооруженныхъ мтіулинцевъ и гудомакарцевъ, „для раззоренія осетинскихъ селеній, предавшихъ Левану, и имѣлъ въ виду съ этой же цѣлью послать въ Осетію и партіи грузинъ, „съ прикрытіемъ пѣхотнымъ и орудіемъ“ <sup>1)</sup>. Тормасовъ, „весьма одобряя“ и „похваляя“ эти мѣры, совѣтывалъ не имѣть „никакой пощады къ бунтовщикамъ“. Но въ то же время, надѣясь еще образумить Левана мѣрами кротости, предписалъ послать къ послѣднему для усовѣщеванія протоіерея Картвелова, какъ бывшаго воспитателя царевича <sup>2)</sup>.

Предлогомъ къ этому посольству должна была послужить просьба, съ которой обратился къ государю императору, находившійся въ Россіи, отецъ Левана, царевичъ Юлонъ. Послѣдній, познавъ, наконецъ, все безразсудство интригъ и домогательствъ проживавшихъ въ Персіи бѣглыхъ грузинскихъ царевичей, просилъ, „чтобы сынъ его Леванъ, находящійся нынѣ близъ Грузіи, въ предѣлахъ Атабагскихъ, высланъ былъ въ Россію, и чтобы для сего послать къ нему высочайшій рескриптъ съ обнадеживаніемъ, что онъ, по прибытіи въ Россію, принятъ будетъ въ покровительство русскаго правительства“ <sup>3)</sup>. Приэтомъ Юлонъ просилъ, чтобы какъ рескриптъ, такъ равно и собственноручное письмо его были посланы „съ нарочнымъ вѣрнымъ человѣкомъ, который отыскалъ бы Левана тайнымъ образомъ, иначе онъ не будетъ выпущенъ изъ Персіи и, сверхъ того, подвергнется опасностямъ“ <sup>4)</sup>. Но въ то время, когда эта отеческая просьба царевича Юлона, встрѣтившая сочувствіе со стороны государя императора, была переслана генералу Тормасову, — Леванъ былъ уже не

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 145.

<sup>2)</sup> Предписаніе Тормасова генераль-маіору Ахвердову отъ 2-го августа 1810 г. № 751.

<sup>3)</sup> Отношеніе т. с. Козодавлева къ генералу Тормасову отъ 14-го іюня 1810 г. № 1758.

<sup>4)</sup> Тамъ-же.

въ „Атабагскихъ предѣлахъ, близъ Грузій“, а „буйствовалъ“ внутри ея, волнуя противъ насъ осетинскія племена. Тѣмъ не менѣе, Тормасовъ поручилъ Картвелову завѣрить Левана, что если онъ добровольно явится съ повинной, „то будетъ весьма щедро награжденъ, и я, обѣщалъ Тормасовъ, употреблю въ пользу его усердное передъ государемъ ходатайство“. <sup>1)</sup>

Но миссія протоіерея Картвелова не принесла желательныхъ результатовъ. „Жаръ въ разслабленной головѣ Левана сдѣлался такъ силенъ, что онъ пренебрегъ единовѣріемъ съ нами и даже обязанностями сыновними“ и отвѣчалъ Картвелову, что послѣ того, какъ его отецъ, мать и родственники признали надъ собою русскаго императора, онъ „единожды навсегда отказался отъ нихъ“ и никогда не будетъ искать милостей русскаго правительства. <sup>2)</sup>

Тормасовъ увидѣлъ, что мѣры кротости едва ли образумятъ Левана, и что послѣдній окончательно „прилѣпился къ персіанамъ“. „Итакъ, писалъ онъ по этому поводу Ахвердову, оставьте всякое съ Леваномъ сношеніе и не уговаривайте его болѣе, потому что онъ не достоинъ обѣщаннаго ему милосерднаго попеченія объ немъ его величества; оставьте его на произволъ собственной его несчастной участи и, не давая такой слабой, лихорадочной головѣ чувствовать, что мы интересуемся имъ, постарайтесь довести его до такого состоянія, чтобы онъ буйную свою голову, или самъ съ повинною ко мнѣ принесъ, или бы вовсе лишился оной. На это же можно сыскать способы и есть у васъ деньги. Предваряю васъ, что противъ измѣнниковъ всемилостивѣйшему государю императору не должно быть никакой пощады и снисхожденія“. <sup>3)</sup>

Однако, успѣхи Левана приняли уже такіе размѣры, что „не интересоваться“ имъ было уже нельзя. Мятежъ все болѣе и болѣе распространялся по Осетіи. Число сторонниковъ Левана увеличилось на столько, что не оставалось никакой надежды покончить съ нимъ путемъ подкупа какого-нибудь „рѣшительнаго человѣка“. Даже карталинскіе князья и дворяне, которымъ предъявлялось требованіе

<sup>1)</sup> Предписанія генерала Тормасова генералъ-маіору Ахвердову отъ 28-го іюля 1810 года № 1072 и отъ 2-го августа 1810 года № 751.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 640 и 652.

<sup>3)</sup> Предписаніе генерала Тормасова ген.-маіору Ахвердову отъ 5-го августа 1801 года № 153.

выставить вооруженныхъ людей для содѣйствія намъ въ подавленіи начинавшагося мятежа, уклонялись отъ этого „подъ разными предлогами“. <sup>1)</sup> Наиболѣе вліятельные въ Осетіи князья—Мачабели были всѣ, „кромѣ одного лишь семейства“, на сторонѣ Левана. <sup>2)</sup>

Пользуясь многочисленностью своихъ сторонниковъ, Леванъ началъ производить набѣги на карталинскія селенія, разорялъ ихъ и отгонялъ скотъ. Въ концѣ іюля 1810 года, онѣ рѣшили произвести нападеніе на селеніе Цхинвалъ, въ которомъ находилась рота егерей, съ однимъ орудіемъ, и 250 человекъ грузинской милиціи. Четверо сутокъ двухтысячная толпа мятежниковъ силилась овладѣть селеніемъ, врвалась даже въ сады его, но была всегда отражаема съ большимъ урономъ немногочисленнымъ гарнизономъ нашимъ и жителями Цхинвала. <sup>3)</sup> Убѣдясь въ безуспѣшности мѣръ кротости и предвидя возможность вторженія мятежниковъ въ Карталинію, Тормасовъ, „дабы остановить безпутство Левана“, послалъ изъ Тифлиса на усиленіе цхинвальскаго гарнизона роту Кабардинскаго и роту 15-го егерскаго полковъ, съ двумя орудіями. „Нужно окончить, писалъ онъ Ахвердову <sup>4)</sup>, тѣ снисходительныя мѣры, кои доселѣ были употребляемы противъ здѣшнихъ обывателей; восьми лѣтніе опыты кротости только ихъ разбаловали и доказали, что для азіата, также какъ и для горячей лошади, лучшее средство есть мундштукъ—онѣ дѣлаютъ ихъ послушными и кроткими. Вотъ доказательство, какъ они насъ обманываютъ, считая, что могутъ выплакать и выпросить себѣ прошеніе, въ чемъ бы они ни были виноваты: эти осетинцы, которые клялись вамъ быть ревностными исполнителями вашего приказанія и непременно поймать Левана, сами теперѣ сдѣлались главными мятежниками: Это не разъ уже случалось со многими здѣсь начальниками. Итакъ, сила и страхъ, страхъ и сила, при справедливости, одни только могутъ здѣсь дѣйствовать успѣшно, а милосердія здѣшній народъ не чувствуетъ и не понимаетъ“. Главнокомандующій рекомендовалъ вѣшать измѣнниковъ, раззорять селенія бунтовщиковъ и явно доказывать на дѣлѣ,

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 640 стр. 462.

<sup>2)</sup> Тамъ же стр. 467.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 г. № 216.

<sup>4)</sup> Предписаніе отъ 5-го августа 1810 года № 153.

„что никто не избѣгнетъ праведнаго наказанія за измѣну, и что пристрастія у насъ никакого нѣтъ“ <sup>1)</sup>). Усиленіе цхинвальскаго гарнизона двумя ротами дало возможность генераль-маіору Ахвердову перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ скопищъ Левана. Съ этой цѣлью, былъ составленъ отрядъ изъ двухъ ротъ, при двухъ орудіяхъ, и милиціонной конницы, подъ общимъ начальствомъ капитана Вронскаго. Послѣднему предписано было „стремительно ударить на мятежныя толпы“, стоявшія невдалекѣ отъ Цхинвала. Предпріятіе это было исполнено съ рѣшительнымъ успѣхомъ. Разбитый Леванъ бѣжалъ въ глубь лахвскаго ущелья, а скопища его, потерявъ 80 человекъ убитыми, разсѣялись и „были преслѣдуемы въ самыя ихъ убѣжища“ <sup>2)</sup>). Всѣ селенія, участвовавшія въ бунтѣ, были сожжены „въ наказаніе и страхъ другимъ“. Главнѣйшіе бунтовщики изъ фамиліи князей Мачабели, принимавшіе у себя Левана, поддерживавшіе и снабжавшіе его всѣмъ необходимымъ, были схвачены, посажены въ крѣпость и преданы суду, а имѣнія ихъ отобраны въ казну.

Устрашенные жестокой расправой, осетины „пріостановили дерзость и вредныя покушенія“ и сами начали засылать къ генераль-маіору Ахвердову, съ предложеніемъ выдать Левана, если взамѣнъ получатъ совершенное прощеніе за прошлое. Ахвердовъ обѣщаль не только прощеніе, но и награду тѣмъ, кто доставить Левана, и, считая лахвское ущелье окончательно успокоеннымъ, отозвалъ войска обратно въ Цхинвалъ. Но тутъ оказалось, что „все сіе со стороны вѣроломныхъ осетинцевъ былъ одинъ обманъ“ <sup>3)</sup>). Мятежъ затаился, но не прекратился.

Отброшенный отъ Цхинвала, Леванъ отошелъ въ глубь лахвскаго ущелья и поселился въ небольшомъ замкѣ Схлеби, принадлежавшемъ князьямъ Мачабели. Отсюда онъ продолжалъ волновать осетинъ, соблазняя ихъ щедрыми посулами персидскаго правительства и разглашая о томъ, что царевичъ Александръ, съ 20 тысячами персидскихъ и турецкихъ войскъ, вступилъ уже въ Карта-

---

<sup>1)</sup> Предписаніе отъ 5-го августа 1810 года № 153,

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 г. № 216.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

линію. Многочисленные агенты самого Александра разсѣивали по всей Грузіи воззванія и фирманы, приглашавшіе князей и народъ единодушно возстать противъ насъ. Правда, что большинство грузинскихъ князей оставались совершенно равнодушными къ этимъ воззваніямъ и даже перехватывали и представляли по начальству проносителей ихъ<sup>1)</sup>; столь же недоброжелательно относились къ нимъ пока и болѣе знакомыя съ нами осетинскія племена: куртатинцы, тагаурцы, мтіулинцы и даже обитатели Ксанки и Арагвы<sup>2)</sup>. Но легковѣрные обитатели ліахвскихъ ущелій снова пришли въ сильное волненіе, попрятали семейства и имущества въ крѣпкія, „природою огражденныя“ мѣста и, собравшись въ болѣе или менѣе значительныя партіи, начали производить набѣги на сосѣднія карталинскія селенія<sup>3)</sup>. Для огражденія послѣднихъ, Тормасовъ командировалъ роту егерей, два эскадрона нижегородскихъ драгунъ и 60 казаковъ, съ двумя орудіями, подъ общимъ начальствомъ полковника Сталя, которому поручено было принять начальство и надъ всѣми войсками, находившимися въ Карталиніи<sup>4)</sup>.

Однако, увеличеніе числа нашихъ войскъ у границъ Осетіи, обезпечивая безопасность карталинскихъ селеній, нисколько не содѣйствовало подавленію волненій, происходившихъ въ самой Осетіи, гдѣ безпрепятственно продолжалась агитаторская дѣятельность Левана и агентовъ царевича Александра. Необходимо было гасить разгоравшееся пламя мятежа въ самомъ очагѣ его. Съ этой цѣлью, Тормасовъ предписалъ правителю Грузіи послать „роту или двѣ во внутрѣ мятежныхъ осетинцевъ и, не щадя противящихся, выгнать изъ того гнѣзда мальчишку Левана, который доколѣ будетъ находится между осетинами, до тѣхъ поръ они не будутъ спокойны“<sup>5)</sup>. Но генераль-маіоръ Ахвердовъ не находилъ удобнымъ посылать экспедицію въ лѣтнее время, когда „въ горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, невозможно ничего сдѣлать, ибо какъ Леванъ, такъ и сообщники его—осетины на всякой горѣ и въ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 652.

<sup>2)</sup> Тамъ же, №№ 150 и 151.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 652.

<sup>4)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 г. № 216.

<sup>5)</sup> Предписаніе генераль-маіору Ахвердову отъ 26-го августа 1810 года № 814.



ущельяхъ будутъ находить безопасное укывательство и, дѣлая въ проходахъ засады, могутъ наносить нашимъ войскамъ вредъ“<sup>1)</sup>). Поэтому, Ахвердовъ полагалъ выждать пока листъ спадетъ съ деревьевъ и затѣмъ уже ввести наши войска сразу въ 2 или 3 ущелья, съ тѣмъ, чтобы этимъ одновременнымъ съ разныхъ сторонъ движеніемъ развлечь силы мятежниковъ и удобнѣе наказать ихъ. Но дабы какимъ нибудь способомъ „выжить“ Левана изъ Осетіи еще до осени, Ахвердовъ предлагалъ послать къ нему губернскаго секретаря Давида Абазадзе, незадолго передъ тѣмъ прибывшаго въ Тифлисъ изъ Москвы, гдѣ онъ находился при царевичѣ Юлонѣ. Абазадзе, лично знакомый съ Леваномъ, могъ рассказать послѣд-нему о жизни и желаніяхъ его отца и уговорить юнаго авантюриста оставить свои безумные происки<sup>2)</sup>). Тормасовъ отнесся къ этому проекту весьма сочувственно и, занятый болѣе важной борьбой съ „соединенными непріятелями“—турками и персіанами, предоставлялъ Ахвердову полную свободу въ выборѣ средствъ и способовъ для удаленія Левана изъ Осетіи и успокоенія этой страны. Но опасаясь, что Давида Абазадзе постигнетъ такая же неудача, какую испыталъ и протоіерей Картвеловъ, Тормасовъ просилъ Ахвердова „сдѣлать сіе посольство не такъ, какъ бы оно было отъ правительства, а въ видѣ собственнаго усердія самого Абазадзе къ царевичу Левану за благодаренія, полученныя имъ отъ его отца, царевича Юлона, ибо непростительно было бы со стороны правительства прибѣгать къ уваженію такому мальчику, который, не чувствуя самъ себя и выгодъ ему предложенныхъ, отвѣтствовалъ, что онъ отказывается отъ отца и матери съ тѣхъ поръ, какъ они находятся подъ властію Россіи и никогда не будетъ искать покровительства сей державы“<sup>3)</sup>).

Опасенія Тормасова вполне оправдались, и Леванъ „—сей мальчикъ, закоренѣлый въ дикости, не имѣя чувствованій преданности ни къ отечеству своему, ни даже къ родителю“, отвѣчалъ Абазадзе тоже самое, что и Картвелову<sup>4)</sup>). Не подѣйствовалъ на Левана и

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Ахвердова генералу Тормасову отъ 27-го августа 1810 года № 67.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Предписаніе Тормасова генераль-маіору Ахвердову отъ 29-го августа 1810 года № 174.

<sup>4)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 года № 216.

примѣръ друга его, царевича Теймураза, добровольно явившагося къ намъ изъ Персіи. Абазадзе, посланный къ Левану вторично съ этимъ извѣстіемъ, и на этотъ разъ возвратился ни съ чѣмъ. Становилось очевиднымъ, что убрать Левана изъ Осетіи мѣрами кротости и убѣжденій не будетъ никакой возможности. Оставалось послѣднее средство—прибѣгнуть къ силѣ, тѣмъ болѣе, что волненіе начинало распространяться и на племена, сосѣднія ляхвскимъ осетинамъ. Поэтому Тормасовъ, „дабы положить предѣлъ буйствамъ волнующихся осетинцевъ, наказать ихъ строго и достать или истребить Левана“, предписалъ генераль-маіору Ахвердову, въ концѣ сентября 1810 года, послать въ Осетію, подъ начальствомъ полковника Сталя, отрядъ изъ 6-ти ротъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ драгунъ, части казаковъ и грузинской милиціи<sup>1)</sup>. Отрядъ этотъ долженъ былъ „двумя колоннами, по ломонасхевскому и джавскому ущельямъ, войти во внутрь жилищъ хищныхъ осетинцевъ и, силою оружія разсѣявъ мятежныя ихъ толпы, привести въ должное устройство и совершенную покорность“<sup>2)</sup>.

Раздѣливъ свой отрядъ на двѣ совершенно равныя части, Сталь одну изъ нихъ повелъ подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, а другую—поручилъ нижегородскаго полка маіору Потлогу 2-му. Ломонасхевское ущелье, куда двинулась колонна Сталя, представляло собою совершенно дикую тѣснину, пробираться по которой можно было только по узкимъ головоломнымъ тропинкамъ, то взбѣгавшимъ къ снѣгамъ заоблачныхъ высотъ, то спускавшимся въ глубокія, мрачныя пропасти. Труденъ былъ этотъ путь, и колонна, медленно подвигаясь впередъ, на разсвѣтѣ 30-го сентября, внезапно появилась передъ селеніями арагвскихъ осетинъ. Здѣсь въ это время случайно находилось болѣе 2-хъ тысячъ вооруженныхъ ляхвцевъ, собравшихся, со своими старшинами, подъ предводительствомъ дворянина Дурмишхана Туси-швили, присягать на вѣрность царевичу Левану<sup>3)</sup>.

Не смотря на неожиданность появленія нашихъ войскъ, послѣднія все таки встрѣчены были сильнымъ огнемъ мятежниковъ. Разду-

<sup>1)</sup> Тамъ же. Въ составъ отряда полковника Сталя вошли по двѣ роты отъ полковъ: Кабардинскаго мушкетерскаго, 9 и 15-го егерскихъ; два эскадрона нижегородскихъ драгунъ, нѣсколько казаковъ и грузинская милиціи.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 648 и 652.

мывать было некогда, и Сталь бросился на приступъ. Послѣ двухъ часоваго упорнаго боя, осетины были выбиты изъ своей крѣпкой позиціи и разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, лѣпившимся, какъ орлиныя гнѣзда, на высокихъ крутизнахъ ущелій.

Приходилось брать съ бою каждое изъ этихъ хищническихъ убѣжищъ. Осетины, успѣвшіе спасти своихъ женъ и дѣтей въ неприступныя мѣста, „защитились съ отчаянностью“, но „непреодолимою храбростью войскъ“ были отовсюду выбиваемы штыками<sup>1)</sup>. Не смотря ни на крутизну горъ, ни на узкія тропинки, по которымъ приходилось, подъ выстрѣлами, карабкаться надъ глубокими пропастями, колонна Сталя неуступно преслѣдовала мятежниковъ изъ одного укрѣпленнаго селенія въ другое. Въ одномъ мѣстѣ ущелья, непріятель остановился на крутой скалѣ, у подножія которой вилась единственная тропинка для прохода нашихъ войскъ. Градъ пуль и камней грозилъ неминуемой гибелью всякому, кто отважился бы пройти по этому пути. Сталь открылъ по мятежникамъ артиллерійскій огонь и въ то же время послалъ часть егерей, казаковъ и грузинской милиціи въ обходъ неприступной съ фронта непріятельской позиціи. Смѣло полѣзли егеря на дикія скалы, по которымъ доселѣ бродили лишь легкія серны, и уstraшенные мятежники, увидя, что ихъ обходятъ съ той стороны, гдѣ, казалось, трудно пройти человѣку, покинули свою неприступную позицію и отошли къ укрѣпленному селенію Мармазети (Малерети). Но и сюда, по пятамъ за ними, шли егеря Сталя. Съ 7-ми часовъ утра до 5-ти часовъ вечера продолжался этотъ тяжелый бой, состоявшій изъ ряда смѣлыхъ приступовъ на сильныя природой позиціи мятежниковъ, и только къ вечеру 30-го сентября удалось окончательно сломить противника. Одна изъ башенъ отстаивалась мятежниками съ такимъ упорствомъ, что пришлось взорвать ее на воздухъ, вмѣстѣ съ полусотней защищавшихъ ее осетинъ. Здѣсь погибъ и предводитель ихъ Дурмишханъ Туси-швили. Выбитые изъ всѣхъ позицій, укрѣпленныхъ и природой, и заботливостью, осетины разсѣялись по лѣсамъ, потерявъ въ этотъ день болѣе 100 человѣкъ одними убитыми<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Ахвердова генералу Тормасову отъ 2-го октября 1810 года № 506.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 648 и 652.

Столь же успѣшны были дѣйствія и другой нашей колонны, маіора Потлога, которой пришлось въ джавскомъ ущельѣ встрѣтиться болѣе чѣмъ съ двухъ-тысячнымъ скопищемъ мятежниковъ, находившихся здѣсь подѣ личнымъ предводительствомъ самого Левана. Среди царства снѣговъ и тумановъ, въ дремучихъ лѣсахъ, изъ-за которыхъ мрачно выглядывали, на уединенныхъ утесахъ, закопѣлыя башни старыхъ разбойничьихъ замковъ,—Леванъ рѣшилъ дать отпоръ немногочисленной нашей колоннѣ. Но тщетны были всѣ усилія его. Пять разъ занималъ онъ крѣпкія позиціи на пути Потлога, и всякій разъ былъ выбиваемъ штыками, съ значительнымъ урономъ.

Наконецъ, общими усиліями обѣихъ колоннъ, Леванъ былъ загнанъ къ самому гребню главнаго хребта и, переваливъ черезъ него, бѣжалъ на ту сторону, въ нарское ущелье, „куда уже преслѣдовать его было нельзя по совершенной невозможности пройти войскамъ черезъ высочайшія горы и пропасти, покрытыя глубокимъ снѣгомъ <sup>1)</sup>).

„Столь быстрыя и успѣшныя дѣйствія оружія его императорскаго величества, доносилъ Тормасовъ <sup>2)</sup>), въ мѣстахъ непреступныхъ, гдѣ должно было проходить непрерывную цѣпь горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, а иногда итти по глубокимъ снѣгамъ и пропастямъ, до того устрашили бунтовщиковъ, что они, оставя всѣ свои жилища, удалились съ семействами въ непреступные лѣса; особливо же навело на нихъ ужасъ то, что въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ нынѣ дѣйствовали наши войска, никогда еще осетинцы не видали противъ себя никакихъ войскъ и увѣрены были твердо въ невозможности, чтобы кто либо могъ туда пробиться“.

Вся Осетія приведена была къ глубокому, подавляющему сознанию полной невозможности сопротивляться намъ. Но Сталю было еще мало этого. Онъ хотѣлъ произвести неизгладимое впечатлѣніе отъ мощи русской силы и оставить во всей странѣ явные слѣды неумолимой, но справедливой руки, неизбѣжно карающей измѣну. Вѣковыя башни, служившія оплотомъ феодальнаго свое-

<sup>1)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 года № 216.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

волія, начали одна за другою взлѣтать на воздухъ; селенія предавались огню и обращались въ груды закоптѣлыхъ развалинъ. Мятежная страна подверглась разгрому, не оставлявшему камня на камнѣ. Народъ пришелъ въ уныніе. Опасаясь полнаго истребленія всѣхъ своихъ жилищъ, осетины прислали своихъ старшинъ, моля о пощадѣ. Сталь выбралъ изъ нихъ 12 почетныхъ депутатовъ и отправилъ ихъ въ Тифлисъ, просить помилованія у самого главнокомандующаго. И вотъ, въ одинъ изъ октябрьскихъ дней 1810 года, тифлисскіе обитатели были свидѣтелями рѣдкаго и внушительнаго зрѣлища: 12 осетинскихъ старшинъ, сѣдыхъ и воинственныхъ, смиренно проходили черезъ весь городъ, отъ карталинской заставы къ дому главнокомандующаго, съ повѣшенными на шеяхъ саблями — „знакъ величайшаго униженія и покорности, почитаемый у горцевъ столь важнымъ, что, по ихъ обычаямъ, повѣсившій себѣ на шею саблю, для испрошенія пощады, не можетъ быть признанъ за воина и подвергается пренебреженію даже своего семейства“<sup>1)</sup>. Отправляя Сталю для подавленія осетинскаго мятежа, Тормасовъ имѣлъ въ виду, „разоривъ до основанія огнемъ ненадежныя селенія“, вывести обитателей ихъ на зиму въ Грузію, а затѣмъ поселить на пустопорожнихъ земляхъ лорійской степи, „гдѣ они уже вмѣсто частной пользы будутъ приносить общественную“<sup>2)</sup>. Но, видя искренное и униженное раскаяніе осетинъ, Тормасовъ „простилъ ихъ священнымъ именемъ государя императора“ и предписалъ Сталю выйти изъ Осетіи, оставивъ въ пограничныхъ селеніяхъ Джава и Схлеби двѣ роты и 20 казаковъ, „для содержанія осетинцевъ въ устройствѣ“. Но прежде, чѣмъ позволить осетинамъ снова войти въ свои жилища, Сталь привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность намъ и взялъ обязательство, что они непремѣнно поймаютъ и выдадутъ намъ Левана.

„Такимъ образомъ, доносилъ Тормасовъ, экспедиція сія, подъ опытнымъ распоряженіемъ мужественнаго и отлично-усерднаго къ службѣ его величества полковника Сталю, совершена съ полнымъ успѣхомъ, мятежники усмирены, главные бунтовщики схвачены и

<sup>1)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 года № 216.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генералъ-маіору Ахвердову отъ 23-го сентября 1810 г.

преданы суду, твердое спокойствіе между симъ народомъ возстановлено и Леванъ прогнанъ за горы, откуда не можетъ уже быть вреденъ, и котораго я надѣюсь, по взятымъ мною мѣрамъ, достать въ руки черезъ самихъ нарскихъ осетинъ“<sup>1)</sup>).

Однако, „достать“ Левана было не такъ легко, какъ это предполагалъ Тормасовъ. Скрывшись къ нарскимъ осетинамъ, въ глубинѣ засыпанныхъ, въ это время года, снѣгомъ трущобъ главнаго хребта, Леванъ былъ недостижимъ для насъ.

Надѣясь, что испытанныя неудачи и тяжелыя условія жизни зимой, среди бѣднаго племени нарскихъ осетинъ, заставятъ Левана образумиться, Тормасовъ поручилъ начальнику Кавказской линіи, генераль-маіору Дельпоцо, послать къ царевичу письмо, съ предложеніемъ добровольно явиться къ намъ и съ обѣщаніемъ, „что не будетъ ему причинено никакого прискорбія, а, наоборотъ, оказана будетъ высочайшая милость“<sup>2)</sup>). Письмо послано было съ нарочнымъ, черезъ куртатинскаго старшину Папила Чаликова. Но Леванъ лаконически отвѣчалъ послѣднему: „да будетъ стыдно и тебѣ и тому кто писалъ это письмо“<sup>3)</sup>). Тормасовъ обратился даже къ проживавшему въ Москвѣ отцу Левана, царевичу Юлону, прося его написать сыну увѣщательное письмо. „Можетъ быть, писалъ главнокомандующій, чувство сыновней къ вамъ приверженности, гласъ природы и собственная его совѣсть, подѣйствовавъ надъ нимъ, обратятъ его къ благоразумію и раскаянію“<sup>4)</sup>). Но Леванъ вовсе не былъ склоненъ добровольно отказываться отъ взятой имъ на себя роли и стойко переносилъ лишения скитальческой жизни, среди нищенскаго населенія нарскихъ ущелій. Полковникъ Казбекъ, узнавъ, что Леванъ „содержитъ постъ пищею на одномъ ячменномъ хлѣбѣ“, послалъ ему, „подъ видомъ гостинца“, нѣсколько рыбъ, рассчитывая этимъ „обольстить“ царевича къ выѣзду въ трусовское ущелье и тамъ схватить его. Но Леванъ, „по вѣроломству своему противъ

---

<sup>1)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го декабря 1810 года № 216. За эту экспедицію Сталь награжденъ былъ чиномъ генераль-маіора, а маіоръ Потлогъ—орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 162.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Тамъ же, №№ 164 и 167.

Россіи“, съ презрѣніемъ бросилъ этихъ рыбъ собакамъ“ <sup>1)</sup>); на переданное же ему письмо царевича Юлона отвѣчалъ, „что если бы онъ любилъ своего отца и мать, то не пошелъ бы въ Осетию и давно могъ бы соединиться съ ними“ <sup>2)</sup>).

Столь же безуспѣшными оказались попытки Гормасова выманить Левана при содѣйствіи нѣкоторыхъ князей, считавшихся преданными намъ. Изъ нихъ наиболѣе вліятельный въ Имеретіи, князь Зурабъ Церетели, управлявшій сосѣдней съ нарскими осетинами Рачинской областью и продолжавшій по старому, какъ и во времена Соломона, вести съ нами двойную игру,—видимо уклонялся отъ содѣйствія въ поимкѣ Левана. Сначала онъ отвѣтилъ, что „человѣку его съ письмомъ нельзя было пройти къ Левану потому, „что осетинцы узнали о предпріемлемыхъ со стороны нашей мѣрахъ“ <sup>3)</sup>. А затѣмъ, сообщилъ, что хотя посланецъ его и пробрался къ Левану, но послѣдній далъ такой отвѣтъ, по которому „онъ, князь Церетели, не надѣется болѣе его къ намъ вызвать“ <sup>4)</sup>. Князя Эристовы, Антонъ и Шанше, обѣщали намъ изловить Левана, но старанія ихъ не приводили къ желаемымъ результатамъ, не смотря даже на то, что Гормасовъ предписалъ шефу Кавказскаго гренадерскаго полка, полковнику Котляревскому, „имѣть въ готовности баталіонъ“ для содѣйствія князю Шанше Эристову<sup>4)</sup>. Весною 1811 года, прибылъ въ Тифлисъ изъ Россіи поручикъ князь Еремей Багратіонъ. Находясь въ родствѣ съ Леваномъ и видѣвшись проѣздомъ черезъ Москву съ отцомъ его, царевичемъ Юлономъ, князь Багратіонъ вызвался проѣхать въ нарскія ущелья съ тѣмъ, чтобы уговорить Левана добровольно покориться намъ. Но и эта попытка кончилась полной неудачей; князь Багратіонъ „не только не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, но и впалъ въ бѣду; безпутный Леванъ, сочтя его подосланнымъ со стороны нашего правительства, дабы его умертвить, ограбилъ его, мучилъ и закованнаго въ желѣзо послалъ продать въ Кабарду“. По дорогѣ князь Багратіонъ былъ

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 156 и 157.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 168.

<sup>3)</sup> Тамъ же, №№ 165 и 168.

<sup>4)</sup> Тамъ же, №№ 173, 174 и 175.

купленъ осетинами и затѣмъ вымѣненъ нами на одного изъ содержавшихся въ горійской крѣпости жожаковъ осетинскаго мятежа<sup>1)</sup>.

Видя, что склонить Левана на добровольную сдачу намъ нѣтъ никакой надежды, Тормасовъ попытался достать его при помощи того населенія, среди котораго онъ укрывался. Съ этой цѣлью, главнокомандующій предписалъ заарестовать на моздокскомъ базарѣ нѣсколько человѣкъ нарскихъ осетинъ и одного изъ нихъ послать обратно въ горы съ требованіемъ выдать Левана, „безъ чего всѣ арестованные будутъ сосланы въ Сибирь“<sup>2)</sup>. Мѣра эта, какъ стѣснявшая торговля сношенія нарскихъ осетинъ съ линіей, нѣсколько затруднила положеніе Левана. Поддерживаемый еще нѣкоторыми карталинскими князьями и дворянами, которые, „имѣя тайныя съ нимъ сношенія, посылали ему платя и другія вещи и распушали разныя измѣнническія разглашенія между нарскими осетинцами“<sup>3)</sup>, — Леванъ все еще не терялъ надежды снова поднять возстаніе. Въ этихъ видахъ, съ наступленіемъ лѣта 1811 года, онъ пробрался въ селеніе Зака, намѣреваясь возмутить арагвскихъ и ксанкскихъ осетинъ. Но послѣдніе, „не имѣя отъ Левана къ пропитанію себя хлѣба и денегъ и опасаясь російскаго войска, на сіи злыя предпріятія не согласились“<sup>4)</sup>.

Потерпѣвъ неудачу, Леванъ возвратился обратно къ нарскимъ осетинамъ, но здѣсь не нашелъ уже прежней единодушной преданности къ себѣ. Нѣкоторые старшины выражали готовность выдать его намъ за вознагражденіе. Для веденія переговоровъ по этому поводу посланъ былъ въ Осетию подполковникъ Априамъ Ениколоповъ. Ему предписано было договориться о планѣ выдачи намъ Левана и о вознагражденіи за это. „Старайтесь всемѣрно, писалъ Тормасовъ, согласить на 1000 рублей и развѣ увидите совершенную ихъ неуступчивость, то тогда только общайте имъ награжденіе въ 2000 рублей и то въ такомъ случаѣ, когда они, сами схвативъ Левана, представляютъ его въ сел. Схлеби; а если только они его подведутъ, между тѣмъ для исполненія сего преднамѣренія нужно еще будетъ употребить силу російскихъ войскъ,—въ та-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 170 и 172.

<sup>2)</sup> Тамъ же, №№ 161 и 650.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 180.

<sup>4)</sup> Тамъ же, №№ 173, 176 и 177.



комъ родѣ награда сія будетъ для нихъ слишкомъ велика и неза-  
служена“. 1) Одновременно съ этимъ, Ениколопову поручалось  
склонить нарскихъ осетинъ войти въ наше подданство 2). Но и эта  
попытка кончилась неудачей. Правда, одинъ изъ старшинъ подвель  
было Левана къ нашей командѣ, но царевичъ, какимъ то непонят-  
нымъ образомъ, успѣлъ скрыться, тогда какъ рѣшительно всѣ нахо-  
дившіяся съ нимъ люди и лошади были захвачены 3).

Видя что дальнѣйшее пребываніе въ Осетіи становится не бе-  
зопаснымъ, Леванъ рѣшилъ пробраться въ Ахалцыхъ, куда его при-  
глашали Шерифъ-паша и царевичъ Александръ еще на зиму 1810 г. 4)  
Узнавъ о намѣреніи Левана, Тормасовъ предписалъ Симоновичу  
перехватить его въ Рачѣ 5). Однако, благодаря интригамъ князя  
Зураба Церетели, Левану удалось благополучно пробраться черезъ  
Имеретію. Но, въ дальнѣйшемъ пути въ Ахалцыхъ, Леванъ, сопро-  
вождаемый всего лишь тремя осетинами, осенью 1811 года, слу-  
чайно встрѣтился въ хеобѣ (постоялый дворъ) у Гогіасъ-цихѣ съ  
шайкой лезгинъ и въ частной ссорѣ съ ними былъ заколотъ кин-  
жаломъ. Только одна голова, да окровавленное платье царевича  
попали въ Ахалцыхъ къ Шерифу-пашѣ 6). Осетія окончательно из-  
бавилась отъ своего смутителя и покорно подчинилась нашей власти.

---

1) Предписаніе генерала Тормасова подполковнику Ениколопову отъ 19-го іюля 180 года № 122.

2) Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 179 стр. 123

3) Тамъ же № 183.

4) Письмо Шерифъ-паши къ Левану 24-го октября 1810 года. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 154.

5) Предписаніе Симоновичу отъ 21-го іюня 1812 года № 99.

6) Рапортъ Симоновича генералу Тормасову отъ 26-го октября 1810 года № 2610.



Планъ блокады турецкой крѣпости Ахалциха съ 15 по 26 ноября 1810 года русскими войсками подъ предводительствомъ генералъ-отъ-кавалеріи Торماسова.

ИЗЪЯСНЕНІЕ.

- |                          |                          |                               |
|--------------------------|--------------------------|-------------------------------|
| A Крѣпость.              | I Католическая           | Q Позиція Кая-паши коман-     |
| B Грузинскій кварталъ.   | K Армянская              | душая городомъ и крѣ-         |
| C Домъ паши.             | L Лавки.                 | постью и потомъ занятая на-   |
| D Провіантскій магазинъ. | M Базаръ.                | шими войсками съ 17-го        |
| E Мечети.                | N Капуцыйскій домъ.      | на 18-е число ноября.         |
| F Кладбище турецкое.     | O Кладбище христіанское. | R Лагерь турецкаго гарнизона. |
| G Грузинская церковь.    | P Жидовская школа.       | S Непрительскія батареи.      |

- I Баталіонъ Саратовскаго мушкетерскаго полка.  
 u Батарея Тифлисскаго мушкетерскаго полка.  
 v Сводный драгунскій баталіонъ изъ Нарвскаго и Нижегородскаго полковъ.  
 w Казачьи пикеты.  
 x Батареи о двухъ орудіяхъ.  
 y Ложементы.

ИЗЪЯСНЕНІЕ БЛОКАДЫ.

- |  |  |
|--|--|
| a Батарея 12-ти фунтовой единорогъ.      | k 2 роты 9-го Егерскаго полка.           |
| b Баталіонъ Тифлисскаго мушкетерск. пол. | l Первый батал. Кавказскаго гренад. пол. |
| c Роты Кабардинскаго мушкетерск. полка.  | m Третій батал. Кавказскаго гренад. пол. |
| d 2 роты 9-го Егерскаго и 2 роты Кав-    | n Первый батал. Херсонскаго гренад. пол. |
| казскаго гренадерскаго полковъ.          | o Первый батал. 9-го Егерскаго полка.    |
| e Батарея для двухъ мортиръ.             | q Ретраншементъ о четырехъ батареяхъ.    |
| f Батарея изъ трехъ 6 фунт. и 12 фунт.   | h Резервъ—второй бат. Херсонск. гр. пол. |
| орудій и единор. полукартаульнаго.       | r Батарея о двухъ 7 фунт. орудіяхъ.      |
| i Батарея о двухъ орудіяхъ 12 фунт.      | s Батарея при одномъ 6 фунт. единор.     |

Гарнизонъ кромѣ вооруженныхъ:

Жителей . . . . .	3,000
Турокъ . . . . .	16,000
Католиковъ . . . . .	2,000
Грузинъ . . . . .	0,150
Армянъ . . . . .	0,390
Жидовъ . . . . .	0,600

Итого . . . . . 22,140

Съ подлиннаго плана 1810 года, хранящагося въ Военно-Топограф. Отдѣлѣ Штаба Кавказскаго военнаго округа.



Масштабъ





## Глава XIV.

Значеніе Ахалцыха относительно областей западнаго Закавказья. Ахалцыхскіе паши: Шерифъ и Селимъ. Стремленіе Тормасова подчинити ахалцыхскій пашалыкъ; переговоры о подданствѣ. Неудавшійся союзъ Шерифъ-паши съ персіанами. Намѣреніе Тормасова вторгнуться въ ахалцыхскій пашалыкъ. Планъ похода въ Ахалцыхъ. Прокламація къ населенію пашалыка. Движеніе колоннъ: Симоновича—со стороны Имеретіи, Портнягина—изъ Памбакской области и Тормасова—со стороны Карталинѣи. Осада Ахалцыха. Появленіе чумы. Отступленіе Тормасова обратно въ Грузію.

Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ персіанами, потерпѣвшими къ концу 1810 года рядъ неудачъ какъ на карабахскомъ, такъ и на памбакскомъ театрахъ, окончательное къ этому же времени умиротвореніе Имеретіи и подавленіе возстаній въ Кубѣ и Осетіи—дали, наконецъ, генералу Тормасову возможность обратить серьезное вниманіе на ахалцыхскій пашалыкъ, который оказывалъ слишкомъ вредное вліяніе на прочность положенія нашего въ западныхъ областяхъ Закавказья.

Составляя древнее достояніе Грузіи, отторженное отъ нея политическими бурями XV вѣка, ахалцыхская область была населена большею частью природными грузинами, изъ которыхъ одна часть, съ теченіемъ времени, перешла въ магометанство, а другая—по прежнему исповѣдывала христіанство. Положеніе этой страны на рубежѣ владѣній Турціи, Персіи и Грузіи, по сосѣдству съ вновь пріобрѣтенными нами областями западнаго Закавказья—Гуріей, Мингреліей и Имеретіей, обращало ее въ очагъ политическихъ интригъ, направленныхъ вообще противъ распространенія нашего владычества на Кавказѣ. Самыя свойства страны—сильно пересѣченной, гористой, покрытой дремучими лѣсами, въ связи съ слабостью здѣсь турецкой власти,—обращали ее въ надежное убѣжище не только отдѣльнымъ бѣглецамъ изъ Грузіи, но и дѣльнымъ толпамъ осетинъ, лезгинъ и другихъ горскихъ народовъ,

производившихъ отсюда набѣги на сосѣднія долины Карталиніи <sup>1)</sup>. Здѣсь же, въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ, нашли себѣ пристанище бывшій имеретинскій царь Соломонъ и грузинскій царевичъ Александръ, изъ коихъ первый продолжалъ сѣять смуты въ Имеретіи, а второй энергично интриговалъ противъ насъ среди турокъ, персіанъ, горцевъ и даже въ самой Карталиніи, добиваясь никогда не принадлежавшаго ему царства грузинскаго. Оба эти претендента пользовались дѣятельной поддержкой самого ахалцыхскаго паши Селима.

Послѣдній родился въ мѣстечкѣ Ачарахъ и происходилъ изъ грузинской дворянской фамиліи Химшіевыхъ. Въ малолѣтствѣ онъ былъ взятъ турками въ плѣнъ, обращенъ ими въ магометанство и воспитанъ въ такомъ фанатизмѣ, что не только забылъ Грузію—отечество своихъ предковъ, но даже не разъ безъ смущенія подымалъ на нее руку. По природѣ пронырливый, Селимъ пользовался милостями вліятельныхъ турокъ и, гдѣ вѣроломствомъ, а гдѣ и предательскими убійствами тѣхъ, кто ему благодѣтельствовалъ, прокладывалъ себѣ дорогу къ власти. Наконецъ, онъ втерся въ особенное довѣріе къ наслѣдственному владѣтелю Ахалцыха—Шерифу-пашѣ, и отблагодарилъ его за милости тѣмъ, что, при помощи возмущеннаго народа и наемныхъ лезгинъ, изгналъ его изъ пашалыка и завладѣлъ послѣднимъ самъ, съ званіемъ паши<sup>2)</sup>). Переворотъ этотъ произошелъ въ 1801 году. Сдѣлавшись властителемъ Ахалцыха, Селимъ-паша не пожелалъ признавать надъ собою власть Порты и рѣшительно отказывался подчиняться сераскиру эрзерумскому, которій обыкновенно назначался Портою главнымъ начальникомъ надъ всею Анатоліею и въ особенности—надъ пограничными пашалыками: эрзерумскимъ, баязетскимъ, карсскимъ и ахалцыхскимъ. Самовластіе Селимъ-паши было настолько велико, что онъ, напримѣръ, не признавалъ перемирія, заключеннаго въ 1807 году графомъ Гудовичемъ съ сераскиромъ Юсуфъ-пашою, а затѣмъ, не взирая на продолжавшуюся войну нашу съ Турціей, „самъ собою, безъ вѣдома султана“, предлагалъ Тормасову заключить „миръ и дружбу“ съ однимъ только ахалцыхскимъ пашалыкомъ; но предложеніе это было отвергнуто главнокомандующимъ потому, что „ни-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1204 и 1222.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1196.

когда не могло быть прочно по многократнымъ уже опытамъ, и сколько бы всякій ахалцыхскій паша ни старался соблюсти дружбу и доброе сосѣдство, но когда будетъ имѣть у себя наемное лезгинское войско, то никакое средство отъ грабежей ихъ не удержитъ, ибо это врожденная ихъ страсть и безъ сего позволенія имѣть ихъ невозможно“ <sup>1)</sup>).

Къ перевороту, совершившемуся въ Ахалцыхѣ, равно какъ и къ самовластнымъ стремленіямъ новаго паши его—Селима, Порты относилась довольно безучастно по той причинѣ, что она вообще мало обращала вниманія на свои пограничныя съ Кавказомъ области и утверждала здѣсь обыкновенно того изъ пашей, кто, „сдѣлавшись сильнѣе и имѣя вострѣе саблю, свергнетъ своего соперника. А сіи развраты и беспорядки, писалъ Тормасовъ графу Румянцеву <sup>2)</sup>), при всѣхъ осторожностяхъ, всегда дорого стоятъ Грузіи, потому что паши, при неповиновеніи власти или, лучше сказать, при безначаліи своемъ, имѣютъ одинъ пунктъ, т. е. Грузію, чтобы обратиться къ грабежамъ и хищничеству“. Такимъ же точно образомъ сказывалось на нашихъ пограничныхъ областяхъ и самовластіе Селимъ-паши.

Опытъ десятилѣтняго пребыванія нашего въ Закавказьѣ показалъ, что „доколѣ ахалцыхскій пашалыкъ, наиважнѣйшій для спокойствія Грузіи по своей смежности и самому мѣстоположенію, не будетъ присоединенъ къ ней въ совершенное подданство его императорскаго величества, дотолѣ правый нашъ флангъ въ здѣшнемъ краѣ будетъ всегда чувствовать безпокойства отъ сего гнѣзда воровъ и разбойниковъ, со всѣми шиканническими мѣстами, служащими хищнымъ лезгинамъ всегдашнимъ и вѣрнымъ убѣжищемъ, изъ коего они могутъ нечаянные дѣлать набѣги на Грузію и раззорять пограничныя мѣста“ <sup>3)</sup>). Овладѣть Ахалцыхомъ, помимо указанныхъ причинъ, было, по мнѣнію Тормасова, необходимо еще и потому, что „и Персіи, которая всякій разъ при начатіи военныхъ дѣйствій прежде всего ищетъ возбудить противъ Россіи ахалцыхска-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1196.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Отношенія генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 20-го сентября 1809 года № 93 и отъ 22 июня 1810 года № 133.

го пашу, чтобы поставить неприятеля въ тылъ нашимъ войскамъ и прерывать коммуникацію,—пресѣкутся пути дѣлать эту диверсію и возбуждать противъ насъ горскіе народы“ <sup>1)</sup>). Однако, война съ персіанами въ 1809 году и начавшіяся вслѣдъ затѣмъ волненія въ Имеретіи, при общей недостаточности нашихъ войскъ въ Закавказьѣ, не давали Тормасову возможности покончить съ Ахалцыхомъ вооруженной рукой. Приходилось, по необходимости, прибѣгнуть къ попыткамъ овладѣть имъ мирнымъ путемъ.

Съ этой цѣлью, весною 1809 года, начаты были переговоры одновременно съ Селимомъ и Шерифомъ, въ надеждѣ склонить кого либо изъ нихъ на вступленіе въ наше подданство <sup>2)</sup>). Но всѣ эти „негоціаціи“ Тормасова не привели къ желаемымъ результатамъ, и переговоры, какъ совершенно безнадежные, были вскорѣ прерваны.

Однако, къ концу 1809 года, въ самомъ ахалцыхскомъ пашалыкѣ произошли событія, вынудившія насъ снова войти въ сношенія съ враждовавшими пашами. Потерявъ наследственное свое владѣніе—Ахалцыхъ, Шерифъ-паша добился у Порты званія трапезундскаго сераскира и вскорѣ затѣмъ пошелъ на выручку владѣтеля крѣпости Поті, Кучукъ-бея, осажденнаго княземъ Орбеліани <sup>3)</sup>). Но разбитый на рѣкѣ Молтаквѣ, Шерифъ-паша, боясь возвратиться въ Трапезундъ, удалился съ нѣсколькими стами человѣкъ въ мѣстечко Ливанъ, лежавшее на границѣ ахалцыхскаго пашалыка съ Гуріей. Отсюда, онъ, при содѣйствіи племянника своего Сулибека, стоявшаго въ Ахалцыхѣ во главѣ партіи недовольныхъ Селимъ-пашою, изгналъ послѣдняго и снова овладѣлъ пашалыкомъ. Селимъ бѣжалъ на свою родину, въ мѣстечко Ачары, сильно укрѣпился здѣсь и, „видя свой упадокъ“, обратился, черезъ супругу владѣтельнаго князя Гуріи—Марину, за помощію къ Россіи <sup>4)</sup>). Въ то же время и Шерифъ-паша, не считая свое положеніе въ Ахалцыхѣ достаточно прочнымъ и опасаясь, что

---

<sup>1)</sup> Отношеніе Тормасова къ графу Румянцеву отъ 11-го января 1810 года № 2.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1191, 1192, 1193, 1194 и 1196.

<sup>3)</sup> См. стр. 29—32.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1198, 1201 и 1202.

сопернику его Селиму удастся заручиться нашей помощью, прислалъ къ Торماسову посланца „съ объявленіемъ своей дружбы и желанія жить въ добромъ сосѣдствѣ и мирѣ съ Грузіей“ <sup>1)</sup>).

Главнокомандующій считалъ особенно удобнымъ воспользоваться смутой, возникшей въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ, для овладѣнія послѣднимъ; но позднее время года и глубокой снѣгъ въ горахъ, черезъ которыя проходили дороги въ Ахалцыхъ, вынуждали пока отказаться отъ похода туда, тѣмъ болѣе, что главнокомандующій не имѣлъ разрѣшенія переходить границъ владѣній нашихъ въ Закавказьѣ. Разсчитывая къ веснѣ 1810 года заключить перемиріе съ Персіей и благодаря этому имѣть, „развязанныя руки“ для дѣйствій противъ Ахалцыха, Тормасовъ заблаговременно испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія дѣйствовать наступательно на ахалцыхскій пашалыкъ, „когда только представится удобный случай къ овладѣнію онымъ“ <sup>2)</sup>. Въ ожиданіи же какъ этого разрѣшенія, такъ и болѣе удобнаго времени года, Тормасовъ „не отвергнулъ предложеній“ ни Селима, ни Шерифа и рѣшилъ въ переговорахъ съ ними протянуть время до весны <sup>3)</sup>.

Между тѣмъ, съ наступленіемъ весны 1810 года въ самомъ ахалцыхскомъ пашалыкѣ снова началась борьба двухъ претендентовъ. Селимъ-паша, собравъ около семи тысячъ войскъ, пошелъ съ ними на Ахалцыхъ, но въ четырехъ верстахъ отъ послѣдняго, у мѣстечка Суфлись, былъ разбитъ Шерифъ-пашою и бѣжалъ обратно въ Ачары <sup>4)</sup>.

Получивъ свѣдѣнія о событіяхъ въ Ахалцыхѣ, Тормасовъ, „призналъ нужнымъ имѣть на границахъ этого пашалыка сильный отрядъ войскъ“. Съ этой цѣлью, онъ предписалъ генераль-маіору князю Дмитрію Орбеліани <sup>5)</sup> расположить въ боржомскомъ ущельѣ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, баталіона 9-го егерскаго полка, 4-хъ орудій

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 11-го января 1810 года № 2.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Аракчееву отъ 11-го января 1811 года № 4.  
Тоже къ графу Румянцеву отъ 11-го января 1810 года № 2.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1198, 1199 и 1214.

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 1209.

<sup>5)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору князю Орбеліани отъ 19-го марта 1810 года № 46.

и Донского казачьяго полка. Для поддержки этихъ войскъ, были выдвинуты къ селенію Думанисы два баталіона 15-го егерскаго полка, съ грузинской милиціей, подъ командою полковника Печерскаго. Начальнику отряда, посылавшагося въ боржомское ущелье, генераль-маіору князю Орбеліани, поручалось зорко слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ и въ то же время „открыть сношенія съ тѣмъ или другимъ изъ враждующихъ пашей, который бы по обстоятельствамъ болѣе склоненъ былъ вступить въ подданство всемилостивѣйшему нашему государю императору, и при первой возможности ввести войска въ ахалцыхскую провинцію для поддержанія того изъ пашей, который согласится на наши предложенія“<sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ, къ веснѣ 1810 года, наши войска стояли уже у границъ ахалцыхскаго пашалыка, готовые вторгнуться туда по первому приказанію: Симоновичъ—со стороны Имеретіи, черезъ Зекарскій переваль, Орбеліани—боржомскимъ ущельемъ, и Печерскій—со стороны Думанисъ, черезъ Тріалетію. Самъ главнокомандующій, получившій наконецъ высочайшее разрѣшеніе „дѣйствовать при удобномъ случаѣ наступательно на ахалцыхскій пашалыкъ“<sup>2)</sup>, выжидалъ только этого „удобнаго случая“, разсчитывая со дня на день на заключеніе перемирія съ Персіей и на окончательное улаженіе имеретинскихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы не имѣть уже „развлеченія нашимъ силамъ“<sup>3)</sup>.

Казалось, что близится время къ скорому и благополучному окончанію того и другаго: въ началѣ мая 1810 года имеретинскій царь Соломонъ находился уже плѣнникомъ въ Тифлисѣ, а главнокомандующій самъ выѣхалъ на персидскую границу для личнаго веденія переговоровъ съ каймакамомъ мирзою Безюркомъ о перемирії съ Персіей. Но неожиданное бѣгство Соломона изъ Тифлиса и „вѣсъ золота англійскаго и турецкаго дворова“, перетянувшаго цѣнность мирныхъ предложеній, дѣлавшихся нами персидскому правительству,—совершенно измѣ-

1) Предписаніе генерала Торماسова генераль-маіору князю Орбеліани отъ 19-го марта 1810 года № 46.

2) Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1204 и 1205.

3) Тамъ же, № 1207.



нили положеніе наше на границахъ ахалцыхскаго пашалыка. Войска Симоновича вынуждены были напрячь усилія къ подавленію мятежа, охватившаго всю Имеретію; туда же вскорѣ посланъ былъ и генераль-маіоръ князь Орбеліани съ кабардинскими и егерскими батальонами, а самъ Тормасовъ, съ остальными силами, которыми располагали мы еще въ Закавказьѣ, долженъ былъ прикрывать персидскую границу, откуда намъ снова угрожалъ наиболѣе важный противникъ.

Хотя эти обстоятельства и создали главнокомандующему „большую помѣху“ въ предположенномъ имъ „завоеваніи Ахалцыха“ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1810 года, тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ надежды привести свое намѣреніе въ исполненіе все-таки въ томъ же году, хотя бы даже къ осени.

Между тѣмъ, Шерифъ-паша, склоняясь на убѣжденія, находившихся въ Ахалцыхѣ, имеретинскаго царя Соломона и грузинскаго царевича Александра, вошелъ въ переговоры съ Персіей и присоединился къ той обширной комбинаціи, которую замышляло противъ насъ персидское правительство передъ войной 1810 года. Но предполагавшійся союзъ Персіи съ Турціей, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ насъ со стороны Ахалцыха, кончился, какъ извѣстно, разгромомъ подъ Ахалкалаками персидскаго отряда Гусейнъ-Кули-хана, пришедшаго сюда изъ Эривани на соединеніе съ войсками Шерифа-паши. Возникшимъ вслѣдствіе этого разладомъ между турками и персіанами Тормасовъ и рѣшилъ воспользоваться для вторженія въ ахалцыхскій пашалыкъ тотчасъ же послѣ того, какъ закончились, осенью 1810 года, военныя дѣйствія съ Персіей и подавлены были волненія въ Имеретіи, Кубѣ и Осетіи. Главнокомандующій особенно торопился съ походомъ въ Ахалцыхъ также и въ виду того, что успѣхи нашей молдавской арміи, во второй половинѣ 1810 года, давали основаніе рассчитывать на скорое заключеніе мира съ Портою Оттоманскою. А разъ это случилось бы, то ахалцыхскій пашалыкъ, какъ не занятый нами силою оружія, вѣроятно, остался бы во владѣніи Турціи, и „безпокойства“, причиняемая имъ Грузіи, продолжались бы по старому. По этому то Тормасовъ, какъ только получилъ донесеніе Симоновича <sup>1)</sup> объ окон-

<sup>1)</sup> Отъ 23-го октября 1810 года за № 1185.

чательномъ успокоеніи Имеретіи и о представившейся, благодаря этому, возможности двинуть оттуда часть нашихъ войскъ въ Ахалцыхъ,—такъ тотчасъ же, „не теряя ни одной минуты“, занялся приведеніемъ своихъ намѣреній въ исполненіе.

Планъ главнокомандующаго состоялъ въ томъ, что бы, не взирая на позднее уже время года, вторгнуться въ ахалцыхскій пашалыкъ одновременно съ трехъ сторонъ: Симоновичъ—со стороны Имеретіи, черезъ Зекарскій переваль; Портнягинъ—со стороны памбакской области, отъ Цалки, мимо озера Тоапсцхури, и Розенъ—со стороны Карталиніи, черезъ боржомское ущелье. Официальнымъ поводомъ къ походу въ Ахалцыхъ было выставлено то обстоятельство, что царь Соломонъ, „удалаясь въ ахалцыхскій пашалыкъ, подъ покровительство Шерифа-пашы, держится съ турками, лезгинами и небольшимъ числомъ бѣжавшихъ съ нимъ имеретинъ въ крѣпостцѣ Тюмрукъ-богази (около Абасъ-Тумана), въ 20-ти верстахъ отъ имеретинской границы, въ намѣреніи имѣть оттоль сообщеніе съ Имеретією и поджигать пламя бунта“. По этому, главнокомандующій предписалъ Симоновичу: „итти въ границы ахалцыхскаго пашалыка, къ крѣпостцѣ Тюмрукъ-богази, разбить войска, съ бѣглымъ царемъ бывшія, и достать его самого или, по крайней мѣрѣ, выгнать изъ сего убѣжища“. Но въ то же время, узнавъ „черезъ шпіоновъ“, что эрзерумскій сераскиръ собираетъ войска въ помощь Шерифу-пашѣ, и что послѣдній самъ дѣлаетъ большія „военныя приуготовленія“—Тормасовъ счелъ необходимымъ двинуть въ пашалыкъ Портнягина изъ Памбакъ и Розена изъ Карталиніи. „Цѣль моя, объяснялъ онъ, была та, чтобы симъ движеніемъ войскъ съ разныхъ трехъ сторонъ, обезсилить непріятели и приведя въ страхъ Шерифъ-пашу, требовать отъ него для спокойствія Имеретіи выдачи бѣглаго царя и, буде случится возможность, возстановить на ахалцыхскомъ пашалыкѣ Селима, подъ покровительствомъ и въ подданствѣ Россіи“<sup>1)</sup>.

Желая привлечь на нашу сторону населеніе пашалыка, имѣвшее вообще мало нравственной связи со своими пашами, Торма-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 19-го декабря 1810 г. № 221. Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Тормасова отъ 19-го декабря 1810 года № 222. Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 г. № 220.

совъ поручилъ Симоновичу, перейдя границу, обнародовать особую прокламацію. Въ послѣдней главнокомандующій объяснялъ, что вторженіе нашихъ войскъ въ предѣлы Ахалцыха вызвано „гнусной измѣной“ намъ Шерифа-паши, нарушившаго неоднократныя обѣщанія жить съ нами въ согласіи и давшаго убѣжище царю Соломону. Исполняя „предъ Богомъ и людьми долгъ челоуѣчества“, Тормасовъ предупреджалъ жителей не противиться намъ подѣ страхомъ навлечь на себя всѣ ужасы войны. „Знаю я, говорилось въ этой прокламаціи <sup>1)</sup> что вы, обитатели ахалцыхскаго пашалыка, не участвовали въ коварныхъ дѣяніяхъ Шерифъ-паши, и потому мечъ мой не обратится на васъ, если вы будете спокойны, отстанете отъ Шерифа-паши и, прибѣгнувъ къ неизрѣченному великодушію всемилостивѣйшаго моего государя императора, покоритесь доброю вашею волею. Тогда гробы вашихъ предковъ, мирныя ваши жилища, жены, дѣти и имущества будутъ сохранены, ни одна насильственная рука до васъ не коснется, и я, принявъ васъ подѣ благодѣтельный покровъ всероссійскаго государя императора, огражу всю безопасность и прочно устрою ваше счастье. Въ противномъ же случаѣ, знайте, что со всѣхъ сторонъ вступаетъ въ землю вашу многочисленная армія побѣдоносныхъ войскъ россійскихъ и несетъ мечъ и пламя для истребленія непокорныхъ. Малѣйшее сопротивленіе ваше польетъ рѣки крови; погибель ваша и семействъ вашихъ будетъ тогда неизбежна“.

Движеніе колоннъ, предназначавшихся къ походу въ Ахалцыхъ<sup>2)</sup>, главнокомандующій имѣлъ въ виду разсчитать такимъ образомъ, чтобы одновременнымъ вступленіемъ ихъ „съ разныхъ трехъ сторонъ развлечь непріятеля, ослабить его и привести въ робость, не

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1225 стр. 802.

<sup>2)</sup> *Отрядъ генералъ-майора Симоновича* состоялъ: изъ двухъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго полка, баталіона 15-го и роты 9-го егерскихъ полковъ, трехъ орудій, команды казаковъ и милицій: мингрельской, гурійской и имеретинской.

*Отрядъ генералъ-майора Порталигина*:—изъ гренадерскихъ баталіоновъ Саратовскаго и Тифлискаго мушкетерскихъ полковъ, баталіона 15-го егерскаго полка и татарской, казахской и шамшадильской милицій.

*Отрядъ генералъ-лейтенанта Розена*, при которомъ находился и самъ главнокомандующій, состоялъ: изъ двухъ баталіоновъ Херсонскаго гренадерскаго, двухъ баталіоновъ 9-го егерскаго, баталіона Кавказскаго гренадерскаго и баталіона Кабардинскаго мушкетерскаго полковъ, 400 драгунъ, 600 казаковъ, грузинской милиціи, четырехъ батарейныхъ орудій и двухъ мортиръ. (Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 19-го января 1810 года № 220).

давъ нигдѣ сдѣлать ему сильнаго стремленія на одинъ пунктъ“<sup>1)</sup>. При такомъ намѣреніи, особенное значеніе пріобрѣтали, конечно, точное назначеніе времени выступленія каждой колонны отъ исходныхъ пунктовъ и тщательный расчетъ дальнѣйшаго движенія. Симоновичъ по этому поводу донесъ главнокомандующему, что онъ будетъ имѣть возможность выступить изъ Кутаиса 1-го ноября и 12-го числа того же мѣсяца рассчитываетъ достигъ Ахалцыха<sup>2)</sup>. Въ виду этого, Тормасовъ сдѣлалъ соответственныя распоряженія, чтобы и остальные двѣ колонны подошли къ Ахалцыху также не позже 12-го ноября. Во исполненіе этого приказанія, генераль-маіоръ Портнягинъ выступилъ изъ Цалки 31-го октября. Но въ это время отъ Симоновича получено было, вдругъ, донесеніе<sup>3)</sup>, что, по причинѣ затрудненій, встрѣтившихся при организаціи отрядного транспорта, онъ „сомнѣвается“ прибыть къ Ахалцыху въ назначенный срокъ. Это неожиданное извѣстіе весьма встревожило главнокомандующаго. „Вообразите теперь, писалъ онъ Симоновичу<sup>4)</sup>, что генераль-маіоръ Портнягинъ только съ тремя баталіонами еще вчерашняго числа выступилъ въ походъ отъ стороны Цалки и черезъ три дня долженъ уже быть въ землѣ непріятельской. Легко можетъ статься, что непріятель, не видя отъ васъ для себя диверсіи, обратитъ на него большую часть своихъ силъ; тогда отряду, имъ командуемому, будетъ весьма трудно бороться съ превосходнѣйшимъ числомъ непріятели внутри его земель и отрѣзанному отовсюду. Сколь ни мучительныя нашелъ я здѣсь заботы по недостатку провіанта и подводъ, но, истощая всѣ возможныя старанія, въ четыре дня я совершенно побѣдилъ оныя и привелъ колонну, подъ личнымъ начальствомъ моимъ состоящую, въ такое положеніе, что черезъ три дня двинусь отсель и надѣюсь непремѣнно къ 12-му числу, преодолевая всѣ трудности, дойти до Ахалцыха. Ваше превосходительство, какъ человѣкъ опытный въ военномъ искусствѣ, знаете, какой произойти можетъ вредъ

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Симоновичу отъ 1-го ноября 1810 года № 1125.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1226.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Симоновичу отъ 1-го ноября 1810 года № 1125.

отъ несогласныхъ дѣйствій по предназначенному плану и въ то же время какіе бываютъ, по большей части, вѣрные успѣхи, если планъ исполняется согласно, и всѣ части одна другой соотвѣтствуютъ. И такъ, надѣюсь и прошу, слѣдуя обыкновенной вашей ревности къ службѣ его величества, употребить всѣ ваши усилія, чтобы ниспровергнуть всякія препятствія и непремѣнно къ опредѣленному мною сроку, то есть къ 12-му числу ноября, прибыть къ Ахалцыху и соединиться со мною“. При этомъ Симоновичу, для ускоренія сборовъ къ походу, предписывалось взимать подводы, „не имѣя излишняго уваженія къ землѣ бунтовавшей“.

Понуждаемый главнокомандующимъ къ скорѣйшему выступленію изъ Имеретіи въ ахалцыхскій пашалыкъ, генераль-маіоръ Симоновичъ рѣшилъ, наконецъ, двигаться туда налегкѣ, безъ всякаго обоза. Это вызывалось также и тѣмъ обстоятельствомъ, что глубокій снѣгъ, лежавшій въ горахъ, позволялъ пройти Персатскій хребетъ лишь по узкой, такъ называемой „торговой“ тропѣ, не болѣе одного аршина шириною. 8-го ноября Симоновичъ подошелъ къ перевалу. Оказалось, что везти орудія далѣе невозможно. Пришлось разобрать ихъ и перетаскать лафеты на людяхъ, а самыя тѣла орудій на особо устроенныхъ узкихъ салазкахъ. Не легко было этотъ походъ. Только что закончившіяся военныя дѣйствія въ Имеретіи привели войска Симоновича въ такое состояніе, что люди не имѣли даже порядочной одежды. А между тѣмъ, приходилось переходить высокія горы среди снѣговъ, морозовъ и вьюгъ. Едва колонна Симоновича перевалила черезъ Персатскій хребетъ, какъ при самомъ входѣ въ ахалцыхскія владѣнія, у крѣпости Маджась-цхали, встрѣчена была сильнымъ непріателемъ: двѣ тысячи турокъ и лезгинъ засѣли въ тѣсномъ проходѣ, по которому тянется здѣсь ахалцыхская дорога. Ущелье было преграждено четырьмя рядами засѣкъ и заваловъ. Но Симоновичъ, не взирая на это, атаковалъ непріателя. „Сраженіе было упорное, но по храбрости войскъ его императорскаго величества непріатель былъ выбитъ изъ всѣхъ засѣкъ, обращенъ въ бѣгство и разсѣянъ“ <sup>1)</sup>. До 150-ти

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Гормасова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 года № 220.

труповъ оставлены были турками на мѣстѣ. Много оружія, лошадей и разныхъ запасовъ досталось нашимъ войскамъ, потерявшимъ въ этомъ бою 50 человекъ убитыми и ранеными. Пораженіе, нанесенное туркамъ у Маджась-цхали, произвело на нихъ такое впечатлѣніе, что дальнѣйшій путь Симоновича, до самаго Ахалцыха, совершенъ былъ вполнѣ безпрепятственно, и 16-го ноября онъ подошелъ къ крѣпости, опоздавъ, такимъ образомъ, противъ назначеннаго срока на 4 дня.

Но и остальные колонны двигались не болѣе согласно. Генераль-маіоръ Портнягинъ шелъ въ Ахалцыхъ изъ Памбакъ, со стороны крѣпости Цалки, также на легкѣ, безъ обоза, по дорогѣ, пересѣкающей дикіе отроги Цихисъ-джварскаго хребта. Горы и здѣсь покрыты были уже глубокимъ снѣгомъ. Преодолѣвая трудности зимняго похода, колонна „прошла черезъ знатную часть ахалцыхскаго пашалыка“ и 11-го ноября подошла къ переправѣ черезъ рѣку Куру, противъ крѣпости Ахалцыха. Только здѣсь впервые появился противникъ: конная партія турокъ, въ числѣ около 1500 человекъ стояла на пути дальнѣйшаго движенія колонны Портнягина. Послѣдній выслалъ противъ непріятеля нашихъ казахскихъ и шамшадильскихъ татаръ, которые смѣло атаквали турокъ, быстро опрокинули ихъ и гнали до самыхъ стѣнъ крѣпости; при этомъ непріятель потерялъ 80 человекъ убитыми, 26 человекъ плѣнными и одно знамя, отбитое казахскимъ агаларомъ. Потери нашихъ татаръ состояли изъ 4-хъ убитыхъ и 13-ти раненыхъ <sup>1)</sup>).

Портнягинъ, очутившійся, такимъ образомъ, одинъ противъ Ахалцыха, не рискнулъ въ тотъ же день, 11-го ноября, переправиться черезъ рѣку Куру и остановился на правомъ берегу ея, въ ожиданіи подхода средней колонны, ген.-лейт. Розена, которая состояла, строго говоря, подъ непосредственнымъ предводительствомъ самого главнокомандующаго—генерала Торماسова. Колонна эта имѣла при себѣ не только большой обозъ, но и тяжелую артиллерию: четыре батарейныхъ орудія и двѣ мортиры. А между тѣмъ, дорога боржомскимъ ущельемъ, по которому шелъ Торма-

---

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 года № 220.

совъ, была совершенно непригодна для передвиженія по ней такого рода тяжестей. За сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, по этому же самому пути шелъ въ ахалцыхскій пашалыкъ ген.-лейт. графъ Тотлебенъ, съ грузинскимъ царемъ Иракліемъ; но, во-первыхъ, въ отрядѣ его не было тяжелой артиллеріи, а во-вторыхъ, до самага Ахалцыха онъ не дошелъ <sup>1)</sup>; участокъ же расчищенной имъ тогда дороги, за истекшій періодъ времени, снова заросъ густымъ лѣсомъ и засыпался большими камнями, сорванными съ окрестныхъ горъ снѣговыми обвалами. Вслѣдствіе этого, Торماسову пришлось снова расчищать боржомскую дорогу и строить мостъ черезъ Куру, у селенія Квишхети, противъ Сурама, такъ какъ выючная дорога-тропа, проходившая въ Ахалцыхъ по лѣвому берегу Куры, была совершенно непригодна для движенія отряда. Трудная работа по расчисткѣ пути возложена была главнокомандующимъ на авангардъ, состоявшій изъ всѣхъ казаковъ и двухъ баталіоновъ 9-го егерскаго полка, подъ общимъ начальствомъ „правившаго должность“ генераль-квартирмейстера и дежурнаго при главнокомандующемъ генерала, ген.-лейт. маркиза Паулуччи. Послѣдній выполнилъ возложенную на него задачу „съ отличною дѣятельностью, превозмогая всѣ затрудненія природы“. Весьма прочный мостъ черезъ Куру, у селенія Квишхети, былъ выстроенъ имъ всего лишь въ три дня, и дорога всюду была расчищена за сутки передъ проходомъ отряда, несмотря даже на то, что во многихъ мѣстахъ приходилось рвать порохомъ каменные скалы.

Выступивъ 4-го ноября изъ Сурама, главные силы Тормасова 6-го числа переправились по мосту, у селенія Квишхети, на правый берегъ Куры и на другой день прибыли къ крѣпости Садгери, изъ которой авангардъ наканунѣ выгналъ партію лезгинъ. Двигаясь на одинъ переходъ впереди главныхъ силъ, авангардъ 7-го ноября выбилъ противника изъ засѣкъ у деревни Барецкаро, 8-го числа съ бою занялъ крѣпость Цихисъ-джвари, 9-го—расчищалъ дорогу черезъ очень высокую и крутую снѣговую гору Кодіанъ,

---

<sup>1)</sup> Тотлебенъ, дойдя до Ацхура, повернулъ обратно къ Сураму. Тяжести же и артиллерія его не ходили далѣе Садгери (у Боржома). («Историч. очеркъ кавказ. войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи», стр. 102).

„которую съ крайнимъ трудомъ проходить должно было и на которой сдѣланныя засѣки были обойдены авангардомъ и потому оставлены непріателемъ“<sup>1)</sup>. На слѣдующій день, 10-го ноября, авангардъ занялъ крѣпость Сахиру и 11-го числа подошелъ къ Ацхуру, считавшемуся „ключемъ“ Ахалцыха. Крѣпость эта стояла на Курѣ въ самой узкой части боржомскаго ущелья и замыкала дороги, проходившія по обоимъ берегамъ рѣки въ Ахалцыхъ, такъ, что „къ оному городу въ другомъ мѣстѣ пройти нигдѣ не можно, кромѣ какъ подъ выстрѣлами сей крѣпости“. Авангардъ нашъ встрѣченъ былъ здѣсь вышедшимъ изъ крѣпости гарнизономъ, но „искусными распоряженіями ген.-лейт. Паулуччи и мужествомъ войскъ, непріатель, по упорномъ сопротивленіи, былъ опрокинутъ и гнанъ на штыкахъ подъ самыя стѣны крѣпости, при чемъ занятъ нашими войсками форштадтъ“<sup>2)</sup>. Только на слѣдующій день, 12-го ноября, было открыто сообщеніе, „черезъ посланные патрули“, между авангардомъ Торماسова и колонною генераль-маіора Портнягина, стоявшаго, какъ сказано выше, еще съ 11-го числа на рѣкѣ Курѣ, противъ Ахалцыха. Главнокомандующій приказалъ маркизу Паулуччи, не медля, соединиться съ Портнягинимъ, найти бродъ черезъ рѣку Куру, переправиться на лѣвый берегъ ея и тамъ ожидать подхода главныхъ силъ.

Послѣднія двигались за своимъ авангардомъ двумя эшелонами: первый, ген.-маіора Титова, состоялъ изъ двухъ баталіоновъ Херсонскаго гренадерскаго полка, а второй—ген.-маіора князя Орбелани—изъ баталіоновъ Кавказскаго гренадерскаго, Кабардинскаго мушкетерскаго полковъ и драгунъ. Проходя мимо укрѣпленія Барещкаро, главнокомандующій оставилъ здѣсь, какъ въ пунктѣ, „уважительномъ по мѣстоположенію“, двѣ роты Кабардинскаго полка для сообщенія съ Карталиніей. Не желая тратить времени на овладѣніе крѣпостью Ацхуромъ, Тормасовъ выдѣлилъ для блокады ея баталіонъ егерей съ частью грузинской милиціи. Этотъ небольшой заслонъ расположился на правомъ берегу Куры, но такъ какъ при такомъ условіи крѣпость оказывалась блокированной лишь съ од-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1237, стр. 808.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 г. № 220.



ной стороны, то Тормасовъ, уже изъ подъ Ахалцыха, командировалъ еще двѣ роты пѣхоты, съ однимъ орудіемъ, 50 казаковъ и 150 человекъ грузинской милиціи, для обложенія Ацхура и съ лѣваго берега.

13-го ноября главныя силы подошли къ рѣкѣ Курѣ; на слѣдующее утро, 14-го числа, переправились черезъ нее у деревни Цниси, и въ тотъ же день Тормасовъ произвелъ рекогносцировку крѣпости. Для этого имъ были взяты: гренадерскій баталіонъ Тифлискаго мушкетерскаго полка, съ его орудіями, и вся легкая конница. На послѣднюю возложено было сбить и прогнать стоявшіе на высотахъ вокругъ крѣпости непріятельскіе пикеты, что и было исполнено „съ отличнымъ мужествомъ и расторопностью, въ виду остальныхъ войскъ“ <sup>1)</sup>. Во время рекогносцировки непріятель усиленно производилъ со стѣнъ крѣпости пушечную и ружейную стрѣльбу, но за дальностью разстоянія огонь этотъ не наносилъ рекогносцировочной колоннѣ никакого вреда.

Осмотрѣвъ укрѣпленія крѣпости и ближайшіе подступы къ ней, главнокомандующій рѣшилъ обложить ее. Съ этой цѣлью, Портнягину приказано было переправиться, на разсвѣтѣ 15-го ноября, черезъ рѣку Посховъ-чай и занять позицію противъ крѣпости, у деревни Марди <sup>2)</sup>. Главныя силы, раздѣленныя на двѣ бригады: Титова и Орбеліани, стали противъ крѣпости по лѣвому берегу Посховъ-чая:—Титовъ на правомъ флангѣ, занимая переправу противъ селенія Суплисы и форштадтъ Ивлету, а Орбеліани—на лѣвомъ, отъ горы Коккола-сердари до рѣки Посховъ-чая.

Симоновичу же было оставлено мѣсто между бригадами Титова и Орбеліани <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1237, стр. 808.

<sup>2)</sup> Въ отношеніи Тормасова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 года за № 220, рѣка Посховъ-чай называется Цалкой. При этомъ, Тормасовъ говоритъ, что, рѣшивъ обложить Ахалцыхъ, онъ 15-го числа приказалъ генералъ-маіору Портнягину «на разсвѣтѣ дня переправиться съ отрядомъ его черезъ рѣку Цалку и, слѣдуя лѣвымъ ея берегомъ, занять позицію противъ крѣпости Ахалцыха, при деревни Марди». Очевидно, въ наименованіи берега рѣки здѣсь сдѣлана ошибка, такъ какъ деревня Марди лежитъ на правомъ берегу рѣки Посховъ-чая (Цалки). Войска Тормасова, переправившись черезъ рѣку Куру у деревни Цниси, подошли къ Ахалцыху по лѣвому берегу Посховъ-чая, и Портнягину пришлось, такимъ образомъ, переходить не съ правого берега на лѣвый, а наоборотъ—съ лѣваго на правой, и уже вдоль послѣдняго двигаться къ деревнѣ Марди.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1230.

Такимъ образомъ, благодаря недостаточно точному разсчету движенія колоннъ къ Ахалцыху, первоначальное обложеніе послѣдняго произведено было лишь двумя колоннами: Тормасова и Портнягина. Но гдѣ была въ это время колонна Симоновича—главнокомандующій рѣшительно не вѣдалъ. „Весьма для меня любопытно знать, писалъ онъ ему 15-го ноября уже изъ подъ Ахалцыха <sup>1)</sup>), гдѣ вы теперь съ отрядомъ находитесь, и что съ вами въ дорогѣ случилось, ибо по послѣднему вашему рапорту вы должны непременно прибыть 15-го числа, т. е. сегодняшній день“. А между тѣмъ, Симоновичъ въ это время находился всего лишь въ одномъ переходѣ отъ Ахалцыха, и передовыя части его колонны показались у крѣпости нѣсколько часовъ спустя послѣ того, какъ главнокомандующій отправилъ къ нему приведенное выше предписаніе.

Весьма возможно, что болѣе энергичный и дисциплинированный противникъ воспользовался бы разобщенностью нашихъ колоннъ, въ теченіе около 10-ти дней двигавшихся къ Ахалцыху по весьма пересѣченной, мѣстами труднопроходимой мѣстности. Но войска Шерифа-паши представляли собою не что иное, какъ вооруженный сбродъ, совершенно не способный къ выполненію тонкихъ стратегическихъ задачъ и называвшійся нашими солдатами и даже военачальниками попросту „сволочью“. Только благодаря этому, подходъ нашихъ войскъ къ Ахалцыху по-эшелонно, въ теченіе пяти дней, съ 11-го по 16-е ноября, закончился вполне благополучно, и къ вечеру 16-го числа, съ приходомъ Симоновича, крѣпость была обложена. Непріятель пытался было противодѣйствовать занятію нашими войсками блокадной линіи, но, встрѣчая дружный отпоръ, поспѣшно удалялся въ крѣпость, не успѣвая даже захватывать съ собою своихъ убитыхъ и раненыхъ.

Желая привлечь къ фактическому содѣйствію намъ и Селимапашу, Тормасовъ еще передъ походомъ предписывалъ Симоновичу употребить всѣ старанія къ тому, чтобы „Селимъ-паша не былъ однимъ только зрителемъ нашихъ дѣйствій, а соединился бы съ вами со всѣми своими силами и содѣйствовалъ бы намъ“ <sup>2)</sup>). Еще ранѣе

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1230.

<sup>2)</sup> Предписаніе генераль-маіору Симоновичу отъ 27-го октября 1810 года № 1112.

того, Тормасовъ поручалъ Симоновичу, если Селимъ согласится принять присягу на вѣрность поддѣнства и выдастъ въ аманаты своего сына, то „вручить ему столько вспомогательныхъ голландскихъ войскъ, сколько ему надобно будетъ для найма лезгинъ и для вреда Шерифу-пашѣ“. Но Селимъ, выпросивъ у Симоновича подъ разными предлогами болѣе 3-хъ тысячъ червонцевъ, все таки уклонился отъ содѣйствія намъ и, какъ объяснялъ Тормасовъ: „или по неготовности его войскъ, или по обыкновенной азіатской недовѣрчивости, подъ предлогомъ приключившейся болѣзни, промедлилъ своимъ прибытіемъ“ и вовсе не явился къ намъ подъ Ахалцыхъ <sup>1)</sup>.

Получивъ свѣдѣнія о сборахъ русскихъ войскъ къ походу въ ахалцыхскій пашалыкъ, Шерифъ-паша въ свою очередь собралъ въ крѣпость около 10-ти тысячъ вооруженныхъ турокъ и лезгинъ. Гарнизонъ этотъ занималъ частью главную крѣпостную ограду, состоявшую изъ землянаго вала съ палисадомъ, частью высокую скалистую возвышенность Кая-паша, примыкавшую съ сѣверной стороны къ крѣпости и командовавшую ею.

Тормасовъ къ 16-му числу сосредоточилъ у Ахалцыха 12 баталіоновъ и свыше 3 тысячъ конницы (драгунъ, казаковъ и милиціи). Силы эти составляли, въ общемъ, около 10-ти тысячъ, т. е. не были по числу слабѣе гарнизона крѣпости. Кромѣ того, у Тормасова имѣлась тяжелая артиллерія и мортиры, отъ губительнаго дѣйствія которыхъ не могли укрыть защитниковъ Ахалцыха валы и деревянные палисады крѣпостной ограды. Въ столкновеніяхъ, происходившихъ при обложеніи крѣпости, въ теченіе 15-го и 16-го числа, войска Шерифа-паши не выдерживали натиска даже нашихъ милицій. Казалось бы, что все это, вмѣстѣ взятое, должно было склонить Тормасова скорѣе на штурмъ крѣпости, чѣмъ на долгую осаду въ позднее время года, когда войска начинали уже терпѣть отъ рано начавшихся холодовъ и скудости продовольствія. Но главнокомандующій, очевидно, находился подъ вліяніемъ инструкцій изъ Петербурга: сообщая Тормасову о высочайшемъ разрѣшеніи дѣйствовать при удобномъ случаѣ наступательно

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Тормасова отъ 19-го декабря 1810 года № 222.

на ахалцыхскій пашалыкъ, военный министръ Барклай-де-Толли до-  
бавлялъ: <sup>1)</sup> „При томъ, высочайшая воля есть имѣть вамъ за не-  
премѣнное правило сберечь людей и овладѣть Ахалцыхомъ и дру-  
гими окружными крѣпостями отнюдь не приступомъ, а осадюю,  
ибо въ первомъ случаѣ успѣхъ не вѣренъ, и много людей гибнетъ;  
а во второмъ—достоверно заключить можно, что никакая тамош-  
няя крѣпость правильной осады выдержать не можетъ“. Можно думать,  
что настойчивыя усилія, прилагавшіяся главнокомандующимъ къ  
тому, чтобы проташить въ Ахалцыхъ тяжелую артиллерію и мор-  
тиры по такимъ дорогамъ, гдѣ возможно было лишь вьючное дви-  
женіе, вызвались именно предварительнымъ еще намѣреніемъ его  
овладѣть Ахалцыхской крѣпостью не иначе, какъ правильной осадой.

Едва войска заняли указанные имъ мѣста вокругъ крѣпости,  
какъ тотчасъ же приступлено было къ возведенію осадныхъ  
батарей. Въ ночь съ 16-го на 17-е ноября заложены были при  
каждой изъ 4-хъ бригадъ по двѣ батареи, въ разстояніи не бо-  
лѣе 400-тъ шаговъ отъ крѣпости <sup>2)</sup>. Въ эту же ночь непріятель  
сдѣлалъ вылазку противъ работъ бригады Портнягина, у деревни  
Марди, но былъ отбитъ картечнымъ огнемъ полевыхъ орудій. Къ  
утру 18-го числа всѣ осадныя батареи были окончательно готовы  
и вооружены. Непріятель сдѣлалъ еще одну вылазку противъ ба-  
тарей князя Орбеліани, возведенной на горѣ Кокола-сердари, но  
былъ прогнанъ штыками съ значительнымъ урономъ.

Съ окончательнымъ устройствомъ батарей, началась ежедневная  
бомбардировка крѣпости. Гарнизонъ сильно терпѣлъ отъ огня нашихъ  
орудій. Но и положеніе осаждающихъ не отличалось большими удоб-  
ствами. Поздняя осень въ горахъ давала себя чувствовать ненастьемъ,  
непрестанными дождями, холодными вѣтрами и даже морозами по  
ночамъ. Къ этому присоединился недостатокъ продовольствія. Уже  
на второй день по обложеніи крѣпости, Тормасовъ писалъ правителю  
Грузіи: <sup>3)</sup> „Ахалцыхъ я обложилъ. Все идетъ благополучно. Одна только  
мучительная для меня забота, что доселѣ въ ближайшихъ къ Ахал-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Барклая-де-Толли къ генералу Тормасову отъ 14-го февраля  
1810 года № 31.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, стр. 809.

<sup>3)</sup> Предписаніе генераль-маіору Ахвердову отъ 17-го ноября 1810 года № 1151.

цыху деревняхъ не отыскивается хлѣба, хотя фуража и много; подвижной же транспортъ, отъ худобы быковъ и ненастной погоды, шесть дней продолжавшейся, остановился верстъ за 50 отъ Ахалцыха“. Это послѣднее обстоятельство вынудило главнокомандующаго организовать доставку провіанта изъ Грузіи на выючныхъ лошадахъ. Для этого, правителю Грузіи, генераль-маіору Ахвердову, предписывалось собрать лошадей со всѣхъ грузинскихъ уѣздовъ, „не исключая и Тифлиса“, и отправить ихъ въ Сурамъ, въ распоряженіе полковника Сталя. Послѣднему также было предписано немедленно собрать съ Карталинскаго уѣзда столько лошадей, „сколько оныхъ поставляетъ можетъ, избѣгая только одного—крайняго отягощенія“, и, навьючивъ ихъ мукою, отправить, „какъ можно поспѣшнѣ“, кратчайшей дорогой, по лѣвому берегу Куры, къ Ахалцыху <sup>1)</sup>. Въ то же время, Тормасовъ, рассчитывая, что „богатый ахалцыхскій пашалыкъ въ дальнѣйшихъ деревняхъ дастъ хлѣба изобильно“ <sup>2)</sup>, отрядилъ большую часть милиціи во внутреннія области пашалыка, съ тѣмъ, чтобы выводить оттуда въ Грузію и Имеретію христіанское населеніе, отгонять скотъ и забирать продовольствіе.

Задача эта вполне соответствовала духу милиціонеровъ, которые вообще, за неимѣніемъ дѣла въ осадныхъ траншеяхъ, приносили мало пользы нашимъ войскамъ: „Казахскіе и шамшадильскіе татары, писалъ Тормасовъ <sup>3)</sup>, усерднѣе служатъ государю, нежели грузины, которыхъ я не просилъ съ собою и которые, вмѣсто пользы, дѣлаютъ мнѣ только тягость, а о повиновеніи, котораго видно въ сей націи никогда не было,—я уже и не говорю“.

Начальники грузинской милиціи, въ большинствѣ, дѣйствовали не по общему плану главнокомандующаго, а занимались грабежомъ даже мирныхъ деревень. „Князь Іосифъ Циціановъ, писалъ Тормасовъ <sup>4)</sup>, по прибытіи въ войско, не являсь никому изъ начальниковъ, поставленныхъ надъ грузинскою милиціей, и не давъ о себѣ знать, своевольно отлучился съ своими людьми, разграбивъ деревню Котели—ту самую, которая присягнула на вѣрность государю импе-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1233.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Предписаніе генераль-маіору Ахвердову отъ 17-го ноября 1810 года № 1151.

ратору и имѣть салвогвардію отъ нашихъ войскъ. Онъ угналъ скотъ и захватилъ все, что могъ; съ сею добычею и ушелъ домой. Слѣдовательно, это не служба, а разбой самый постыдный“. Нельзя, однако, не замѣтить, что самъ главнокомандующій до нѣкоторой степени потворствовалъ грабительскимъ инстинктамъ милиціонныхъ войскъ. Циціановъ, напримѣръ, всегда старался „всемѣрно воздерживать грузинъ отъ грабительства“ уже по одной той разумной причинѣ, что область, которую по завоеваніи имѣлось въ виду принять въ подданство Россіи, „лучше имѣть не разоренную, нежели ограбленную“. Тормасовъ же, наоборотъ, во время войны всегда предоставлялъ милиціонерамъ свободно грабить непріятельскія земли. Такъ, напримѣръ, привлекая къ содѣйствию намъ мингрельцевъ противъ царя Соломона, Тормасовъ разрѣшилъ имъ грабить Имеретію; въ войнахъ съ персіанами, ханамъ восточнаго Закавказья дозволялось разорять персидскія области; при усмиреніи Осетіи, одни племена посылались на грабежъ другихъ. Точно также было и подъ Ахалцыхомъ. Желая вознаграждать убытки, кои несутъ ежегодно пограничные обитатели Грузіи и Имеретіи отъ набѣговъ ахалцыхскихъ турокъ и хищныхъ лезгинъ, а также „по праву войны поставить непріятели въ такое положеніе, чтобы онъ долгое время не могъ прійти въ состояніе дѣлать вредъ“—главнокомандующій разрѣшилъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, уведенныя отъ нихъ ранѣе въ плѣнъ, семьи „возвратить обратно въ Грузію или, взамѣнъ оныхъ забирая и другія семейства, отправлять въ свои дома, съ тѣмъ, что оныя, по возвращеніи ихъ въ Грузію, будутъ принадлежать, какъ собственные крестьяне, тѣмъ, кто ихъ достанетъ“<sup>1)</sup>). Понятно, что такая привиллегія, данная самимъ главнокомандующимъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ, побуждала ихъ напрягать всѣ усилія къ тому, чтобы пріобрѣсть въ ахалцыхскомъ пашалыкѣ возможно болѣе плѣнныхъ, забирая послѣднихъ, конечно, со всѣмъ ихъ имуществомъ. Дѣлать же это было не особенно трудно или опасно въ виду того, что всѣ турецкія войска заперлись съ самимъ Шерифъ-пашою въ крѣпости Ахалцыхъ, и весь пашалыкъ оставался, такимъ образомъ, совершенно беззащитнымъ.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1234.

Что касается тѣхъ жителей, которые пожелали бы добровольно переселиться въ наши предѣлы, то таковымъ обѣщались многія льготы, освобожденіе на пять лѣтъ отъ налоговъ и разрѣшеніе, по завоеваніи нами Ахалцыха, снова поселиться на старыхъ мѣстахъ, „если кто этого пожелаетъ“ <sup>1)</sup>).

Тѣмъ временемъ, осада продолжалась. Для насъ весьма важно было овладѣть командующей надъ крѣпостью высотой Кая-паша. Для штурма непріятельскаго укрѣпленія, расположеннаго на этой высотѣ, главнокомандующій отрядилъ, передъ разсвѣтомъ 19-го числа, по баталіону отъ бригадъ Симоновича и Титова. Баталіоны эти должны были незамѣтно обойти высоту и, отрѣзавъ ее отъ крѣпости, внезапно атаковать непріятеля. Для отвлеченія вниманія гарнизона, генераль-маіору Портнягину и князю Орбеліани предписывалось въ три часа утра произвести, каждому со своей стороны, фальшивую атаку на крѣпость: „бить въ барабанъ, кричать и если будетъ непріятель, то и стрѣлять“. Планъ этотъ удался вполнѣ. Гарнизонъ укрѣпленія Кая-паша замѣтилъ нашихъ егерей лишь въ тотъ моментъ, когда они взобрались уже на возвышенность. Окруженные со всѣхъ сторонъ, турки потеряли болѣе 100 человекъ; остальные же едва пробились „на сабляхъ между штыками“ въ крѣпость <sup>2)</sup>). На занятую нами возвышенность тотчасъ же были внесены на рукахъ, въ разобранномъ видѣ, два 3-хъ фунтовыхъ единорога, а командированные сюда рабочіе начали „оборачивать противъ крѣпости“ взятое нами на горѣ укрѣпленіе. Однако, турки не желали помириться съ потерей Кая-паша. Пользуясь утреннимъ туманомъ, они незамѣтно вышли изъ крѣпости и неожиданно ударили въ сабли на нашихъ рабочихъ, но подоспѣвшіе резервы опрокинули непріятеля и гнали его до крѣпостнаго палисада. Едва отбита была первая вылазка, какъ вскорѣ послѣдовала вторая, а затѣмъ и третья. Очевидно, турки стремились сбить насъ съ Кая-паша. Но усилія ихъ были напрасны. Каждый разъ они были отбиваемы съ громаднымъ урономъ. Къ полудню мы окончательно удержали за собою возвышенность, но это

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1228, П. 5.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 1237.

стоило намъ 10-ти офицеровъ и 167-ми нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными—потери, ясно свидѣтельствующія о томъ, сколь энергичны были нападенія атакующаго и какъ мужественно, съ офицерами впереди, отражали наши баталіоны ожесточенно ломившагося противника.

Въ этотъ же день, 19-го ноября, батарея, возведенная на возвышенности Кокола-сердари, выстрѣлами своими сбила нѣсколько неприятельскихъ орудій, стоявшихъ противъ нея. Желая воспользоваться этимъ успѣхомъ, главнокомандующій приказалъ на разсвѣтъ 20-го ноября перенести батарею еще на 150 шаговъ ближе къ крѣпости. Но едва рабочіе принялись за возведеніе здѣсь орудійныхъ окоповъ, какъ турки сдѣлали вылазку, съ цѣлью прекратить начатая уже работы. Вылазка эта, подобно всѣмъ предшествовавшимъ, была отбита, и въ ночь съ 20-го на 21-ое ноября батарея была окончена и вооружена двумя 12-ти фунтовыми орудіями и двумя мортирами. Съ устройствомъ этой батареи и съ занятіемъ Кая-пашши, мы пріобрѣтали такой перевѣсъ надъ обороной, что паденіе крѣпости становилось вопросомъ лишь нѣсколькихъ дней. „Ахалцыхъ, какъ доносилъ потомъ Тормасовъ, долженъ былъ скоро пасть предъ побѣдоноснымъ оружіемъ его императорскаго величества“<sup>1)</sup>.

Но вдругъ, 21-го ноября, когда главнокомандующій былъ полонъ надеждами на скорый и благополучный исходъ предпріятія, „къ сердечному сокрушенію его“ случилось „несчастное извѣстіе“, что предшествовавшюю ночью шесть человекъ милиціонеровъ скоропостижно умерли отъ какой то страшной болѣзни. Ближайшее ознакомленіе обнаружило, что это была чума. Оказалось, что „сія пагубная болѣзнь“ уже болѣе 10-ти дней „въ высшемъ градусѣ“ свирѣпствуетъ въ крѣпости, гдѣ, по показаніямъ плѣнныхъ, ежедневно гибло большое количество народа. Тормасовъ тотчасъ же распорядился отдѣлить милиціи отъ регулярныхъ войскъ и прекратилъ всякое сообщеніе между ними. Но на другой день, „вопреки всѣхъ осторожностей, сей ядъ открылся“ и въ нашихъ войскахъ. Въ одинъ день заболѣло три человека въ Саратовскомъ и два—въ Тифлис-

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 19-го декабря 1810 г. № 221.



скомъ полкахъ. Всѣ они къ вечеру умерли съ явными знаками моровой язвы. „Тогда, поясняетъ Тормасовъ <sup>1)</sup>, съ сердечнымъ сокрушеніемъ долженъ былъ я предпочесть цѣлость войскъ и края, мнѣ ввѣренныхъ, покоренію города и призналъ необходимымъ оставить предпріятіе, не взирая на всѣ пріобрѣтенные успѣхи“. Правителю Грузіи, генераль-маіору Ахвердову, а также полковнику Сталю было послано приказаніе немедленно разставить на всѣхъ путяхъ, ведущихъ изъ Ахалцыха въ Грузію, двойную военную цѣпь и учредить строгіе карантинныя въ селеніи Думанисы и въ мѣстечкѣ Чалахъ, „такъ какъ мѣсто сіе отъ Сурама дѣлаетъ уголъ къ ахалцыхскому пашалыку и мимо него пройти невозможно“ <sup>2)</sup>. Сюда были отправлены первыми всѣ милиціонныя войска, съ выведенными ими изъ ахалцыхскаго пашалыка 1500 христіанскихъ семействъ и 50 тысячами награбленнаго скота.

22-го ноября подъ стѣнами Ахалцыха остались одни регулярныя войска. Въ этотъ день Тормасовъ приказалъ начать усиленную бомбардировку, которая продолжалась затѣмъ безъ перерыва четверо сутокъ. Снаряды тяжелыхъ орудій производили въ крѣпости страшное разрушеніе. Всѣ деревянныя строенія были сожжены; каменные—на половину разрушены. 25-го числа загорѣлся дворецъ самого Шерифа-пашы. Въ крѣпости царило страшное смятеніе. Представлялась особенно благопріятная минута для штурма, но Тормасовъ воздержался отъ этого, „сообразивъ, что разъяренныхъ воиновъ, когда они овладѣютъ городомъ, ничто не удержитъ отъ прикосновенія съ зачумленными жителями и ихъ имуществомъ“ <sup>3)</sup>. Главнo-командующій предложилъ Шерифу-пашѣ сдаться. Но получилъ отказъ. Тогда онъ потребовалъ выдать намъ бѣгло царя Соломона и изгнать изъ крѣпости лезгинъ. Шерифъ-паша отвѣчалъ, что Соломонъ давно уже находится въ Эривани, а лезгины сами разбѣжались. И то, и другое оказалось справедливымъ. Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, Тормасовъ нашель, что дѣлать подъ Ахалцыхомъ болѣе нечего, и приказалъ отступить.

<sup>1)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 19-го декабря 1810 г. № 220.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Тормасова генераль-маіору Ахвердову отъ 23-го ноября 1810 года № 1157.

<sup>3)</sup> Отношеніе генерала Тормасова къ графу Румянцеву отъ 19-го декабря 1810 года № 221.

26-го ноября всѣ орудія были свезены съ батарей, и въ 8 часовъ утра войска начали отходить отъ крѣпости къ границамъ Грузіи. Ободренные турки вышли изъ крѣпости и стремительно атаковали шедшій въ аррьергардъ баталіонъ Кавказскаго гренадерскаго полка. Численное превосходство непріятели было слишкомъ велико, почему Тормасовъ остановилъ всѣ свои войска и двинулъ на поддержку кавказскимъ гренадерамъ баталіонъ егерей. Послѣдніе, безъ выстрѣла, бросились въ штыки, и опрокинутые турки частью вогнаны были обратно въ крѣпость, а частью—сброшены съ окружающихъ скалъ въ пропасти. Тѣмъ не менѣе, кавказскіе гренадеры потеряли болѣе 30-ти человекъ убитыми и ранеными.

28-го ноября войска Тормасова миновали крѣпость Ацхуръ, которая держалась нами въ блокадѣ во все время осады Ахалцыха. Едва аррьергардъ прошелъ мимо крѣпости, какъ гарнизонъ ея вышелъ для преслѣдованія. Но начальствовавшій аррьергардомъ, генералъ-маіоръ Портнягинъ, остановилъ свою колонну, взялъ баталіонъ егерей, ударилъ на непріятели и гналъ его болѣе пяти верстъ. Это было послѣдней попыткой турокъ преслѣдовать уходящія наши войска. 30-го ноября подошли они къ карантинамъ, уже устроеннымъ на границѣ Грузіи. Здѣсь, всѣ части подвергнуты были 3-хъ недѣльному карантину, кромѣ Саратовскаго и Тифлисскаго полковъ, которые выдержали 6-ти недѣльный карантинъ.

Но за все это время въ войскахъ не было ни единого умершаго отъ чумы, кромѣ тѣхъ пяти человекъ, которые погибли еще подъ Ахалцыхомъ. „Благодаря Богу, писалъ главнокомандующій<sup>1)</sup>, въ войскахъ все благополучно, и я уповаю, что благостію Всевышняго, при истощаемыхъ мною строгихъ мѣрахъ осторожности, злая болѣзнь сія не распространитъ своего яда“.

Такъ кончилось предпріятіе Тормасова, имѣвшее цѣлью овладѣть Ахалцыхомъ ранѣе заключенія мира съ Портою, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ уже трактовать о пашалыкѣ, какъ о провинціи, фактически занятой нами силою оружія. Испытанную при этомъ неудачу главнокомандующій старался смягчить въ глазахъ государя, всеподданнѣйше донося, что „хотя Ахалцыхъ на сей разъ чрезъ бѣдствен-

<sup>1)</sup> Графу Румянцеву отъ 19-го декабря 1810 года.

ную болѣзнь и спасенъ отъ покоренія его подъ высочайшую державу<sup>1</sup> вашего императорскаго величества, но долго будетъ помнитъ силу оружія побѣдоносныхъ россійскихъ войскъ и едва ли прежде 10-ти лѣтъ можетъ прійти въ прежнее свое положеніе“<sup>1</sup>). Но Тормасовъ при этомъ упустилъ изъ виду то крайне невыгодное для насъ впечатлѣніе, которое неминуемо должна была произвести на азіатскіе умы всего Закавказья безуспѣшная осада Ахалцыха. Приписывая неудачу роковой случайности, Тормасовъ глубоко былъ убѣжденъ въ правильности принятаго имъ рѣшенія—снять осаду, когда дни крѣпости были уже сочтены. „Всемиловѣйшій государь! всеподданнѣйше доносилъ онъ, при неограниченномъ усердіи моемъ къ пользамъ службы вашего императорскаго величества и при рвеніи войскъ, коего я былъ свидѣтель, я могъ надѣяться, что съ помощью Божіею Ахалцыхъ палъ бы предъ оружіемъ вашего величества, если бы пагубная болѣзнь не принудила остановить всѣ успѣхи. . . . Предпочитая цѣлость арміи вашего императорскаго величества и благосостояніе края, высочайше мнѣ ввѣреннаго, покоренію Ахалцыха, которое вмѣсто полезнаго пріобрѣтенія могло произвести бѣдственныя слѣдствія по всей Грузіи и въ войскахъ. . . я призналъ необходимо-нужнымъ оставить все предпріятіе“<sup>2</sup>).

Появленіе чумы въ Ахалцыхѣ едва ли могло представлять особую опасность для Грузіи въ виду того, что въ тѣ времена чума гнѣздилась во многихъ мѣстахъ кавказскаго края. Въ Имеретіи, на примѣръ, она появилась еще до выступленія Симоновича въ ахалцыхскій походъ<sup>3</sup>). Среди ногайцевъ, въ Кизлярѣ, въ Большой и Малой Кабардѣ чума держалась въ теченіе почти всего 1809 года<sup>4</sup>). Во многихъ пунктахъ сосѣднихъ намъ провинцій Персіи и въ каспійскихъ портахъ она имѣла эндемическій характеръ. По этому, зараза, появившаяся въ Ахалцыхѣ, была не болѣе опасна для Грузіи, чѣмъ существовавшая уже давно во многихъ другихъ пунктахъ кавказскаго края.

<sup>1</sup>) Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Тормасова отъ 19-го декабря 1810 года № 222.

<sup>2</sup>) Тамъ же.

<sup>3</sup>) Предписаніе генерала Тормасова полковнику Мирлини отъ 1-го ноября 1810 года № 208.

<sup>4</sup>) Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 128 и 129.

Что же касается опасеній Тормасова распространить эту заразу въ войскахъ, то аналогичный случай произошелъ 18 лѣтъ спустя подъ Карсомъ, когда въ корпусѣ графа Паскевича тоже появилась чума, въ большихъ, однако, размѣрахъ, чѣмъ въ 1810 году у Тормасова. Но Паскевичъ не поторопился тогда уйти въ свои границы, а, наоборотъ, вступилъ въ борьбу съ чумой подъ стѣнами только что взятаго Карса и затѣмъ пошелъ дальше громить Ахалкалаки и Ахалцыхъ. И никакой опасной эпидеміи не развилось ни въ войскахъ, ни въ Закавказьѣ.

Ахалцыхская чума, не смотря на поспѣшное отступленіе Тормасова и на принятыя имъ строгія карантинныя мѣры, все таки была занесена милиціонерами въ пограничную полосу Грузіи и вырвала изъ населенія ея всего четырехъ человѣкъ<sup>1)</sup>. Сохранившаяся же еще на 18 лѣтъ самостоятельность Ахалцыха стоила этому краю многихъ сотенъ убитыми и уведенными въ плѣнъ и вынудила насъ нести большія жертвы людьми и деньгами, при вторичномъ походѣ въ Ахалцыхъ, въ 1828 году.

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 132. Развившаяся въ слѣдующемъ, 1811 году, сильная эпидемія распространилась по Грузіи изъ Дербента и, главнымъ образомъ—изъ Имеретіи, гдѣ она существовала еще до похода въ Ахалцыхъ. Въ Тифлисѣ же чума появилась, по выраженію самого Тормасова, «не извѣстно какими путями». (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 133, 134, 135, 136 и 137).

Что же касается опасений Тормасова распространить эту заразу въ войскахъ, то аналогичный случай произошелъ 18 лѣтъ спустя подъ Карсомъ, когда въ корпусѣ графа Паскевича тоже появилась чума, въ большихъ, однако, размѣрахъ, чѣмъ въ 1810 году у Тормасова. Но Паскевичъ не поторопился тогда уйти въ свои границы, а, наоборотъ, вступилъ въ борьбу съ чумой подъ стѣнами только что взятаго Карса и затѣмъ пошелъ дальше громить Ахалкалаки и Ахалцыхъ. И никакой опасной эпидеміи не развилось ни въ войскахъ, ни въ Закавказьѣ.

Ахалцыхская чума, не смотря на поспѣшное отступление Тормасова и на принятыя имъ строгія карантинныя мѣры, все таки была занесена милиціонерами въ пограничную полосу Грузіи и вырвала изъ населенія ея всего четырехъ человѣкъ<sup>1)</sup>. Сохранившаяся же еще на 18 лѣтъ самостоятельность Ахалцыха стоила этому краю многихъ сотенъ убитыми и уведенными въ плѣнъ и вынудила насъ нести большія жертвы людьми и деньгами, при вторичномъ походѣ въ Ахалцыхъ, въ 1828 году.

-----

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 132. Развившаяся въ слѣдующемъ, 1811 году, сильная эпидемія распространилась по Грузіи изъ Дербента и, главнымъ образомъ—изъ Имеретіи, гдѣ она существовала еще до похода въ Ахалцыхъ. Въ Тифлисѣ же чума появилась, по выраженію самого Тормасова, «не извѣстно какими путями». (Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 133, 134, 135, 136 и 137).



Магнусъ Райнхольдъ

## Глава XV.

Состояніе Закавказья къ началу 1811 года. Уменьшеніе здѣсь числа нашихъ войскъ. Прошеніе Торماسова объ увольненіи его отъ должности главнокомандующаго въ Грузіи. Высочайшій рескриптъ. Характеристика дѣятельности генерала Торماسова на Кавказѣ. Назначеніе ген.-лейт. маркиза Паулуччи. Приказы его.

Наступилъ 1811 годъ—канунъ вѣчно памятной борьбы русскаго народа съ „дванадесятью языками“ Европы.

Казалось бы, что успѣхи, одержанные нами въ предшествовавшемъ году въ борьбѣ съ персіанами и при подавленіи волненій въ Имеретіи, Кубѣ и Осетіи, могли бы упрочить положеніе наше въ Закавказьѣ. Но неудача, испытанная Тормасовымъ подъ Ахалцыхомъ, сразу поколебала впечатлѣніе недавнихъ еще побѣдъ, и наступавшая весна грозила намъ новой тяжелой борьбой съ противниками, не потерявшими еще окончательно надежды лишить насъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на Кавказѣ въ теченіе истекшаго десятилѣтія.

Персидское правительство, поддерживаемое Турціей и въ особенности Англійей, дѣлало большія приготовленія для войны съ нами. 1) Эрзерумскій сераскиръ собиралъ войска, имѣя въ виду вторгнуться въ Грузію совмѣстно съ персіанами. 2) Эмиссары Баба-хана и турецкаго султана дѣятельно работали въ подвластныхъ намъ областяхъ Закавказья и среди горцевъ главнаго хребта. Весь Дагестанъ волновался, угрожая отторгнуть отъ насъ Кубинскую провинцію. Въ мусульманскихъ ханствахъ происходило сильное броженіе умовъ, и зрѣли тайные заговоры. Поддерживаемый турками, царь Соломонъ смущалъ Имеретію, а бѣглецы грузинскіе царевичи

1) Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 19-го апрѣля 1810 года № 60.

2) Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1178 1178 и 1180.

разглашали въ самой Грузіи о необычайныхъ приготовленіяхъ, дѣлавшихся Персіей и Турціей, при поддержкѣ Англіи, для рѣшительной борьбы съ нами.

Къ этому надо прибавить, что и весь принадлежавшій намъ край, на горизонтѣ котораго собирались грозовыя тучи, „нельзя было признать состоящимъ въ благопріятномъ видѣ“<sup>1)</sup>. Чума, появившаяся въ Имеретіи и на сѣверномъ Кавказѣ еще задолго до похода Торماسова въ Ахалцыхъ, распространилась изъ этихъ областей по всему Закавказью, унося тысячи жертвъ и наводя панику на беспомощное населеніе. Даже въ самомъ Тифлисѣ общее смятеніе было на столько велико, что жители покинули городъ и поселились въ ближайшихъ окрестностяхъ его, „по садамъ и на открытыхъ мѣстахъ, много претерпѣвая отъ суровости погоды“.<sup>2)</sup> Военныя дѣйствія, происходившія въ теченіе всего предшествовавшаго года въ пограничныхъ областяхъ, отъ Имеретіи до Кубы, раззорили земледѣльцевъ, и страшный призракъ голода появился надъ спаленными войной нивами Закавказья. Населеніе было подавлено бременемъ обрушившихся на него бѣдствій, и глухой ропотъ начиналъ раздаваться даже и тамъ, гдѣ до сего царила полная покорность.

Положеніе наше въ Закавказьѣ становилось тѣмъ болѣе серьезнымъ, что, утомленные непрестанными походами и борьбою съ многочисленными противниками, войска наши не могли рассчитывать уже ни на какія подкрѣпленія. Россія дѣятельно готовилась въ это время къ войнѣ съ Наполеономъ, тиранической геній котораго, поработивъ Европу, посягалъ подчинить своему вліянію и наше отечество. Предстоявшая борьба за независимость требовала отъ насъ крайняго напряженія силъ и отодвигала, конечно, на второй планъ интересы далекихъ окраинъ, къ которымъ принадлежалъ и Кавказъ. Не смотря на ограниченность войскъ, коими обезпечивалась прочность занятаго нами здѣсь положенія, приходилось, по необходимости, взять часть ихъ и отсюда, для борьбы за болѣе важные интересы самой Россіи. По этой то причинѣ, въ началѣ 1811 года, Тормасовъ получилъ отъ военнаго министра секретное отношеніе,

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 263.

<sup>2)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ министру полиціи Балашеву отъ 13-го октября 1810 г.



въ которомъ объявлялась высочайшая воля на отправленіе съ Кавказа въ Россію двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ<sup>1)</sup>).

Генераль Тормасовъ, находя, что съ остающимся въ Грузіи количествомъ войскъ всякій главнокомандующій „найдется въ затрудненіи“ успѣшно дѣйствовать, и что съ такими силами „нельзя ручаться, чтобы во всѣхъ пунктахъ сохранена была цѣлость границъ“, —отправилъ въ Россію лишь два драгунскихъ полка, а пѣхотные—просилъ оставить, по старому, на Кавказѣ<sup>2)</sup>). Но ходатайство это не было уважено,—и Тормасовъ подалъ прошеніе объ увольненіи его, по разстроенному здоровью, отъ званія главнокомандующаго войсками въ Грузіи. Въ началѣ іюля 1811 года послѣдовалъ на имя его высочайшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Снисходя на прошеніе ваше, я увольняю васъ отъ командованія въ Грузіи для поправленія здоровья и позволяю вамъ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Бывъ всегда доволенъ отличнымъ вашимъ служеніемъ, я желаю, для пользы общественной, чтобы отдохновеніе отъ дѣлъ послужило къ совершенному и скорому возстановленію вашего здоровья“<sup>3)</sup>).

Этимъ же рескриптомъ повелѣвалось „начальство надъ войсками въ Грузіи и управленіе симъ краемъ по части гражданской сдать генераль-лейтенанту маркизу Паулуччи“.

Съ увольненіемъ генерала Тормасова, завершился первый десятилѣтній періодъ распространенія владычества нашего въ Закавказьѣ, начавшійся съ окончательнаго присоединенія Грузіи, въ 1801 году. Періодъ этотъ ознаменованъ подчиненіемъ намъ отдѣльныхъ владѣній этого края и постепеннымъ вытѣсненіемъ отсюда главнѣйшихъ нашихъ соперниковъ—турокъ и въ особенности персіанъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность генерала Тормасова занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ на страницахъ исторіи утвержденія нашего владычества въ Закавказьѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ успѣшно боролся съ персіанами; сохранилъ неприкосновен-

<sup>1)</sup> Пѣхотные полки: Севастопольскій муншкетерскій и 46-й егерскій; драгунскіе: Таганрогскій и Владимирскій.

<sup>2)</sup> Отношеніе Тормасова къ военному министру отъ 16-го января 1811 г. № 7. Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 274.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 59

ность нашихъ границъ со стороны Турціи; окончательно присоединилъ къ намъ Имеретію, Гурію, Абхазію и занялъ почти все восточное побережье Чернаго моря.

Нельзя отрицать, что успѣхамъ этимъ въ большой мѣрѣ способствовали исключительные таланты сподвижниковъ Торماسова, изъ коихъ одни, какъ генераль-квартирмейстеръ маркизь Паулуччи, правитель канцеляріи Могилевскій, были по преимуществу ближайшими сотрудниками главнокомандующаго, а другіе—Котляревскій, Симоновичъ, Портнягинъ, Лисаневичъ, Сталь—прошедшіе еще циціановскую боевую школу, стояли на стражѣ нашихъ границъ, во главѣ войскъ, закаленныхъ долгой, неравной борьбой съ многочисленными противниками. Но и самъ Тормасовъ, въ роли главнаго рудводителя дѣятельностью своихъ подчиненныхъ, отличался большой энергіей, настойчивостью и рѣдкимъ трудолюбіемъ. Послѣдняя черта особенно рѣзко сказывалась въ кабинетной дѣятельности, которой Тормасовъ неутомимо предавался вообще на поприщѣ своего государственнаго служенія. Онъ лично прочитывалъ всѣ безъ исключенія входившія къ нему бумаги и на каждой изъ нихъ собственноручно клалъ резолюціи, зачастую на столько пространныя, что они почти безъ измѣненій переписывались набѣло и служили отвѣтными документами. Каждое порученіе, возлагавшееся главнокомандующимъ на кого либо изъ подчиненныхъ, сопровождалось обыкновенно подробной, лично имъ составлявшейся инструкціей. Каждое событіе вызывало изъ подъ пера его массу бумагъ, въ видѣ предписаній, отношеній, писемъ, донесеній, въ большинствѣ отличавшихся пространностью и обстоятельностью изложенія.

Но эта то усидчивая кабинетная дѣятельность, при общей недоступности, доходившей у Тормасова до того, что даже маршалъ Грузіи не всегда рѣшался докладывать ему о нуждахъ народа, „и самое презрѣніе къ совѣтамъ въ такихъ обстоятельствахъ“ <sup>1)</sup>,—лишали главнокомандующаго возможности близко познакомиться съ людьми и краемъ, ввѣренными его попеченію.

Будучи человѣкомъ солиднаго по тому времени образованія, воспитанный при дворѣ, энергичный и деликатный, Тормасовъ могъ

<sup>1)</sup> Акты казк. археогр. ком., т. V, № 94.

бы съ большимъ достоинствомъ и успѣхомъ занимать высокіе административные посты во внутреннихъ областяхъ Имперіи. Въ должности, напримѣръ, главнокомандующаго первопрестольной столицы Россіи, съ 1814 по 1819 годъ, онъ снискалъ себѣ всеобщую любовь москвичей и возведенъ былъ императоромъ Александромъ 1-мъ въ графское достоинство. Но для успѣшной дѣятельности на Кавказѣ требовалось прежде всего близкое знакомство съ совершенно исключительными условіями этой страны и характеромъ ея обитателей. Высокіе принципы, къ которымъ нерѣдко взывалъ Тормасовъ, не находили никакого отклика въ варварскихъ душахъ вѣроломныхъ азіатовъ того времени, а чрезмѣрная любезность отношеній его къ полудикимъ владѣтелямъ Закавказья почиталась послѣдними за слабость и давала нѣкоторымъ изъ нихъ смѣлость не исполнять иногда требованій даже самого главнокомандующаго. При такихъ условіяхъ, обезпеченіе положенія нашего въ Закавказьѣ ложилось тяжкимъ бременемъ на войска, труды которыхъ, при громадномъ численномъ превосходствѣ нашихъ противниковъ, обращались въ рядъ подвиговъ, поразительныхъ по мужеству и выносливости.

Нельзя сказать, чтобы Тормасовъ не обращалъ должнаго вниманія на труды и быть подвѣдомственныхъ ему войскъ. Онъ одинаково заботился какъ объ обученіи, такъ равно объ удобствахъ квартированія и обезпеченномъ продовольствіи ихъ. Въ первое же время по вступленіи своемъ въ должность главнокомандующаго войсками въ Грузіи, Тормасовъ вошелъ къ военному министру съ представленіемъ о необходимости улучшить „образъ квартированія военнослужащихъ“ <sup>1)</sup>). Войска, не исключая и офицеровъ, жили въ то время по преимуществу въ землянкахъ или въ лучшемъ случаѣ—въ туземныхъ сакляхъ и сильно страдали отъ столь негигіеническихъ условій квартированія. Ходатайство главнокомандующаго было уважено, и вопросъ о размѣщеніи войскъ переданъ былъ въ вѣдѣніе особо учрежденной казарменной комиссіи <sup>2)</sup>). Но, понятно, что всѣ эти проекты не могли осуществиться въ теченіе всего лишь

---

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа. Всеподданнѣйшее донесеніе 1809 года № 24.

<sup>2)</sup> Тамъ же, 1810 года № 194.

двухлѣтняго пребыванія Торماسова на Кавказѣ, да и сами войска, проводя все время въ непрерывныхъ походахъ, не исключая иногда и зимнихъ мѣсяцевъ, едва ли много выиграли бы даже и въ томъ случаѣ, если бы помянутая выше комиссія успѣла возвести въ наиболѣе важныхъ пунктахъ края казармы постоянного типа.

Кавказскія войска, до назначенія Торماسова главнокомандующимъ въ Грузіи, равно какъ и при немъ, добросовѣстно и самоотверженно выполняли главное назначеніе вооруженныхъ силъ — защищать наши предѣлы отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Въ этомъ отношеніи, войска, принятыя Тормасовымъ и прошедшія передъ тѣмъ боевую школу Лазарева и Циціанова, были безупречны. Въ походахъ они побѣждали самую природу, въ бояхъ громили многочисленнаго противника, и чѣмъ больше было враговъ, тѣмъ ярче выказывалась доблесть кавказскихъ войскъ. Но, понятно, что на учебномъ плацу они не производили большого впечатлѣнія. Ободранныя, обвѣтренныя, съ печатью лихорадокъ, забывшія фронтную выправку, наловчившія болѣе колоть штыкомъ, чѣмъ дѣлать „по темпамъ“ ружейные приемы — они по внѣшности вполнѣ оправдывали знаменательный въ свое время афоризмъ, что „ничто такъ не портитъ войска, какъ война“. И Тормасовъ обратилъ на это свое вниманіе. Онъ приказалъ „наиприлежнѣйше“ заняться строемъ и стрѣльбой „въ учебныхъ командахъ“. А когда, прошедшіе курсъ послѣднихъ, инструктора „прибудутъ по полкамъ, то немедленно заняться обученіемъ ротъ, а потомъ баталіоновъ всѣмъ движеніямъ и маневрамъ, какъ ими показаны будутъ, безъ наималѣйшей отмѣны и со всею точностью“<sup>1)</sup>.

Не менѣе рачительны были заботы главнокомандующаго о всегдашней обеспеченности войскъ достаточнымъ запасомъ продовольствія. Объ этомъ Тормасовъ не разъ давалъ соответственныя указанія и предписанія начальникамъ войскъ, расположенныхъ въ приграничныхъ областяхъ Закавказья. Но идеи главнокомандующаго, видимо, не всегда надлежаще осуществлялись подчиненными ему военачальниками, потому что всякій разъ, при началѣ военныхъ дѣйствій, войска оказывались совершенно необезпеченными продоволь-

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа 1810 года № 1967.

ствіемъ. Такъ было у Репина въ Кубѣ, у Ассеева—въ Карабахѣ, у Розена—въ Имеретіи, да и самъ главнокомандующій подъ Ахалцыхомъ, уже на второй день осады, терпѣлъ недостатокъ въ продовольствіи. Поверхностное, чисто бумажное отношеніе къ этому вопросу особенно ярко сказалось при уходѣ Торماسова съ Кавказа, когда онъ, сдавая должность своему преемнику, маркизу Паулуччи, показалъ войска вполнѣ обеспеченными продовольствіемъ на круглый годъ, а между тѣмъ, начавшіяся вслѣдъ за тѣмъ требованія полками провіанта не могли быть удовлетворены по той причинѣ, что всѣ магазины оказались совершенно пустыми и провіанта въ нихъ „даже и на мѣсяць достаточно не было“ <sup>1)</sup>.

Не смотря, однако, на всѣ тренія военно-административной машины, доблестныя кавказскія войска во всѣхъ случаяхъ увѣренно шли за своими талантливыми вождями и, не взирая на свою малочисленность, со славою отстаивали цѣлость нашихъ владѣній. Однако, предстоявшій уходъ съ Кавказа въ Россію четырехъ полковъ, наканунѣ новой войны съ многочисленными противниками, на фронтѣ болѣе чѣмъ въ полторы тысячи верстъ, съ необезпеченнымъ спокойствіемъ въ тылу,—ставилъ, конечно, генерала Торماسова въ довольно затруднительное положеніе. Послѣднее представлялось ему тѣмъ болѣе въ мрачномъ видѣ, что онъ только что лично испыталъ неудачу подъ Ахалцыхомъ. Находя, какъ сказано выше, что всякій главнокомандующій не будетъ имѣть возможности съ остающимся количествомъ войскъ отстаивать цѣлость нашихъ границъ,—Тормасовъ подалъ прошеніе объ увольненіи его по разстроенному здоровью съ Кавказа. Къ счастью, онъ ошибся, какъ относительно будущаго главнокомандующаго, такъ и войскъ, остававшихся въ Закавказьѣ.... Послѣднія въ самихъ себѣ носили гарантію дальнѣйшихъ успѣховъ и изъ своей же среды дали Тормасову преемника, вполнѣ соотвѣтствовавшаго тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ которыхъ находился край.

---

<sup>1)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ военному министру отъ 5-го января 1812 года № 5. Арх. штаба кавк. воен. округа дѣло № 296.

Новый главнокомандующій, генераль-лейтенантъ, маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи, былъ италіанецъ по происхожденію. Онъ родился въ Моденѣ, въ 1779 году; юношей вступилъ въ ряды италіанскихъ войскъ, участвовалъ съ ними, подъ начальствомъ Молитора, въ революціонныхъ войнахъ и, благодаря своимъ способностямъ и энергіи, быстро выдвинулся до чина генерала. Созданный Наполеономъ политическій строй Италіи не нравился пылкому маркизу и онъ, выйдя въ отставку, поступилъ въ 1807 году въ русскую службу полковникомъ. Въ этомъ чинѣ онъ принималъ участіе въ турецкой войнѣ, подъ начальствомъ Михельсона, а въ слѣдующемъ, 1808 году, во время шведскаго похода произведенъ былъ въ генераль-маіоры. Въ іюнѣ 1810 года Паулуччи назначенъ былъ генераль-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ на Кавказѣ и въ томъ же году, за побѣду подъ Ахалкалаками, произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Неурядицы, существовавшія на кавказской линіи между властями военной и гражданской, вынудили правительство наше поставить во главѣ линіи одного общаго начальника, и еще въ началѣ 1811 года кавказскимъ и астраханскимъ губернаторомъ назначенъ былъ генераль-лейтенантъ Ртищевъ, который сначала находился въ подчиненіи Тормасову, но, съ назначеніемъ маркиза Паулуччи, сдѣланъ былъ совершенно самостоятельнымъ <sup>1)</sup>. При этомъ, границей между управленіями кавказской линіей и Грузіей назначено было укрѣпленіе Владикавказъ. Послѣднее, равно какъ и посты по военно-грузинской дорогѣ до Коби, занимались войсками генераль-лейтенанта Ртищева, который долженъ былъ заботиться и о продовольствіи ихъ. Но всѣ военныя распоряженія, обезпеченіе пути сообщенія и управленіе населеніемъ, обитавшимъ въ горахъ отъ Владикавказа до Кайшаура, возложено было на маркиза Паулуччи <sup>2)</sup>. Послѣдній являлся, такимъ образомъ, главнокомандующимъ войскъ, расположенныхъ исключительно въ Закавказьѣ.

Вступая въ командованіе ими, Паулуччи отдалъ приказъ, въ

<sup>1)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 419. и акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 58.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 2.

которомъ, оповѣщая объ увольненіи Торماسова и о назначеніи своемъ на его мѣсто, говорилъ: <sup>1)</sup> „Безъ сомнѣнія, долгое время вы будете вспоминать почтеннаго генерала (Тормасова), подъ начальствомъ котораго вы служили съ столь великими успѣхами въ продолженіе нѣсколькихъ кампаній, и который оставляетъ многихъ изъ васъ украшенными знаками высочайшаго благоволенія, заслуженными вами подъ его начальствомъ. Я бы опасался не быть въ состояніи достойно его замѣстить, ежели бы не имѣлъ чести служить съ вами уже двухъ кампаній, въ продолженіе которыхъ я долженъ былъ научиться васъ уважать и любить. Я увѣренъ, что съ таковою арміею буду всегда имѣть успѣхи. Преисполненъ будучи сими чувствами, я съ увѣренностью вступаю въ отправленіе моей должности, гдѣ непрерывное мое стараніе будетъ приобрѣсть ваше уваженіе и споспѣшествовать къ сохраненію вашей славы“. Занимая въ теченіе болѣе года должность генераль-квартирмейстера и дежурнаго генерала у Тормасова, не разъ раздѣляя съ войсками труды походной жизни, Паулуччи близко познакомился съ бытомъ и характеромъ кавказскихъ войскъ. Поэтому, съ первыхъ же дней вступленія въ званіе главнокомандующаго, онъ отдаетъ рядъ приказовъ, клонящихся не только къ улучшенію быта войскъ и къ облегченію тягостей походной ихъ жизни <sup>2)</sup>, но и къ искорененію нѣкоторой распущенности, замѣчавшейся особенно въ нравахъ офицерскаго общества того времени. „Имѣвъ честь служить съ вами въ продолженіе двухъ кампаній, говорилось въ одномъ изъ приказовъ <sup>3)</sup>, къ крайнему моему сожалѣнію я замѣтилъ, что многіе изъ господъ офицеровъ занимаются азартными играми, а нѣкоторые изъ нихъ и неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ, хотя ничто столь ни достойно порицанія въ военномъ человѣкѣ, какъ страсть къ напиткамъ и къ игрѣ: отъ перваго онъ теряетъ все уваженіе въ глазахъ своихъ подчиненныхъ и становится неспособнымъ къ дѣламъ службы; отъ втораго же онъ лишается времени, нужнаго для за-

---

<sup>1)</sup> Приказъ отъ 22-го сентября 1811 года № 1. Арх. штаба кавк. воен. округа дѣло № 309. Приказная тетрадь ген.-лейт. Паулуччи за 1812 годъ.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 25-го сентября 1811 года № 3.

нятії службою, часто вовлекаемъ бываетъ въ раззореніе и что еще хуже—подвергаетъ себя лишенію чести. Игра нигдѣ не была запрещаемъ столь строгими законами, какъ въ Россіи; поэтому, по званію моему, долгомъ себѣ поставляю имѣть непрерывное стараніе, дабы сіи законы были въ точности наблюдаемы,—я на это употребляю всю ту дѣятельность, которую всегда употребляю въ управленіи моей должности, и всю ту строгость, которую мнѣ внушаетъ природное отвращеніе, которое я имѣю къ игрѣ и къ неумѣренному употребленію напитковъ. Я объявляю, что будетъ поступлено по всей строгости законовъ съ тѣми, которые преступаютъ сіе мое приказаніе, а наипаче съ тѣми, которые, будучи обязаны по ихъ должности наблюдать, дабы оное въ точности было выполняемо и преступаютъ оное,—какъ съ чиновниками, подающими худой примѣръ, оказывающими неповиновеніе, и потому—болѣе другихъ виновными“.

„Запрещается, говорилось въ другомъ приказѣ <sup>1)</sup>, всѣмъ безъ изъятія какъ высшимъ, такъ и нижнимъ чинамъ высочайше ввѣреннаго мнѣ корпуса имѣть на содержаніи женщинъ, такъ какъ сіе христіанской религіи противно; кто же отступаетъ отъ религіи, тотъ не можетъ вѣрно и усердно служить своему государю и отечеству и въ сраженіи не можетъ быть храбрымъ, ибо имѣетъ нечистую совѣсть“.

Выразивъ съ мужественной прямою взглядъ свой на нравы военной среды того времени, Паулуччи столь же категорически высказывался и относительно служебнаго долга офицеровъ и солдатъ, какъ воиновъ. „Всѣ военнослужащіе, говорилось въ одномъ изъ приказовъ, <sup>2)</sup> должны вѣдать, что лучше умереть со славою, нежели жить съ безславіемъ, и для того они, хотя бы то жизни ихъ стоило, не должны ни одного шагу уступать непріятелю, не взирая ни на какое его превосходство. За симъ, предваряю я, что изъ офицеровъ всякъ тотъ, кто дастъ надъ собою верхъ непріятелю, преданъ будетъ военному суду и съ безчестіемъ выгнанъ бу-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 1-го февраля 1812 года № 33.

<sup>2)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 11-го октября 1811 года № 8.



детъ изъ службы. Господамъ же генераламъ: дивизионному и бригаднымъ, предписываю штабъ и оберъ-офицерамъ внушать, а они чтобы твердили солдатамъ, что отечество содержитъ насъ для того единственно, чтобы мы поражали непріятелей нашихъ, и что всемилостивѣйшій государь императоръ всещедро изливаетъ милости на тѣхъ, кои противу непріятеля ознаменуютъ себя храбростью и мужествомъ. И такъ, всякому изъ военнотружущихъ должно помнить долгъ службы и присяги и противу непріятеля при всякихъ случаяхъ поступать мужественно, ибо кто будетъ всегда имѣть въ мысляхъ, что онъ русскій и что его непріятель не можетъ одолѣть, тотъ всегда побѣдитъ непріятеля“.

Будучи человѣкомъ безкорыстнымъ и непритязательнымъ на особенныя удобства жизни, Паулуччи требовалъ того же и отъ подвѣдомственныхъ ему войскъ. Перваго же унтеръ-офицера, попавшагося во взяткѣ у рекрута пяти рублей, главнокомандующій разжаловалъ въ рядовые, прогналъ шпишрутенами черезъ 500 человѣкъ и строжайше предписалъ командирамъ полковъ наблюдать, „дабы нижнимъ чинамъ никто никакихъ не оказывалъ несправедливостей“ <sup>1)</sup>).

Узнавъ о томъ, что во время походовъ офицеры берутъ подъ собственный багажъ произвольное количество подводъ, Паулуччи строжайше запретилъ это, разрѣшивъ лишь дивизионнымъ генераламъ и шефамъ полковъ имѣть каждому по одной повозкѣ; „самъ главнокомандующій, объявлялъ Паулуччи, будетъ имѣть только двѣ повозки для того, что онъ содержитъ открытый столъ“ <sup>2)</sup>).

„Замѣтилъ я, говорилось въ приказѣ, отданномъ маркизомъ Паулуччи на второй день по вступленіи въ должность, <sup>3)</sup> что нѣкоторые офицеры подносятъ подарки главнокомандующему, что въ службѣхъ вовсе несомвѣстно. Я по сему предвараю, что таковое отношеніе будетъ оставлять во мнѣ невыгодныя мысли о тѣхъ, которые обращаются съ подарками“.

Не теряя ни въ чемъ окольныхъ или неправыхъ путей, Паулуччи предварялъ своихъ подчиненныхъ, говоря: „За нужное нахо-

<sup>1)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 3-го ноября 1811 года № 13.

<sup>2)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 8-го января 1812 года № 29.

<sup>3)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 23-го сентября 1811 года № 2.

жу предварить господъ отрядныхъ начальниковъ, дабы они, въ случаѣ какихъ либо предметовъ, до ихъ начальства или до службы относящихся, адресовались прямо ко мнѣ и съ партикулярными письмами, буде о чемъ считаютъ несомнѣннымъ помѣщать въ рапортахъ, ибо я партикулярное и приму партикулярно. Но никакъ не желаю, чтобы они письмами къ чиновникамъ канцеляріи моеѣ или къ адъютантамъ поручали мнѣ о чемъ бы то нибыло докладывать, какъ теперъ я замѣчаю, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ буду я считать, что они интригуютъ“ <sup>1)</sup>).

„Въ продолженіе того времени, въ которое имѣю я честь служить въ російской службѣ, говорилось въ одномъ изъ приказовъ главнокомандующаго, замѣтилъ я, что нѣкоторые г. г. генералы, донося о дѣйствіяхъ своихъ противу непріятеля или о движеніяхъ, весьма часто уклоняются отъ истины и прибавляютъ то, чего не было, черезъ мѣру, дабы придать себѣ болѣе блеску въ глазахъ государя и въ глазахъ публики“ <sup>2)</sup>). Главнокомандующій предупредилъ, что въ будущемъ „таковой доноситель будетъ обнаруженъ предъ его императорскимъ величествомъ“.

Но не отъ однихъ только войскъ требовалъ Паулуччи строгаго отношенія къ долгу и чести. Такимъ же онъ былъ и въ роли главноуправляющаго гражданской частью въ Закавказьѣ, не взирая ни на какое лицо и состояніе.

Узнавъ, напримѣръ, о томъ, что царевна Анастасія, бывшая въ Тифлисѣ замужемъ за княземъ Циціановымъ, ведетъ слишкомъ легкомысленный образъ жизни, Паулуччи писалъ экзарху Грузіи Варлааму: „По вступившимъ ко мнѣ разнымъ донесеніямъ на счетъ худого поведенія царевны Анастасіи Циціановой, долгъ званія моего обязываетъ меня принять мѣры къ остановленію причиняемаго ею соблазна всему городу и стыда, который черезъ нее терпятъ ея родственники“. Поручая экзарху „потщиться со всѣмъ рвеніемъ, какое внушитъ въ немъ религія, дабы представить поведеніе царевны во всемъ ужасѣ какъ въ отношеніи ея къ людямъ, такъ и къ Богу“,—главнокомандующій предвараля, что „если она

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 17 ноября 1811 года № 18.

<sup>2)</sup> Тамъ же, приказъ отъ 18 ноября 1811 года № 19.

не рѣшится перемѣнить своего поведенія, то я найдусь принужденнымъ заточить ее въ монастырь“ <sup>1)</sup>).

На генераль-маіорѣ князѣ Орбеліани, отличенномъ „неизреченными милостями, изліянными на него государемъ императоромъ, и обильными наградами, каковыми никто изъ соотечественниковъ его не удостоенъ“, накопилась большая недоимка отъ невзноса податей, слѣдовавшихъ съ его имѣній. Получивъ объ этомъ донесеніе, Паулуччи, „не смотря на искреннее свое расположеніе къ князю Орбеліани“, предложилъ ему внести всю числившуюся на немъ недоимку въ 15-ти дневный срокъ, при чемъ присовокуплялъ: „въ противномъ случаѣ, я, противъ воли моей, употреблю другія мѣры, которыя можетъ быть будутъ для васъ непріятны, но которыя я долженъ буду предпринять, дабы съ своей стороны показать примѣръ, что правительство слѣдуетъ всегда равному для каждаго правосудію и не должно имѣть никакого пристрастія“ <sup>2)</sup>).

Князь Соломонъ Аргутинскій просилъ поставить въ принадлежавшихъ ему деревняхъ воинскую команду, для защиты ихъ отъ хищниковъ. На это маркизъ Паулуччи отвѣчалъ: „Прежде, при царяхъ, жители сами защищали свои деревни, а если теперь сдѣлались трусы, то за трусовъ не буду утруждать войскъ, защищающихъ границы всей Грузіи отъ непріятеля, а не отъ хищниковъ“ <sup>3)</sup>).

Искореня подношеніе подарковъ въ средѣ военнслужашихъ, Паулуччи столь же строго отнесся и къ прочно установившемуся въ Азіи этикету обмѣна подарками владѣтельныхъ хановъ съ нашими начальствующими лицами. Само правительство какъ бы поощряло этотъ, весьма стѣснительный для безкорыстныхъ и твердыхъ людей, обычай, отпуская въ распоряженіе каждаго главнокомандующаго особья, всегда весьма цѣнныя вещи, для отдариванія подчиненныхъ намъ азіатскихъ владѣтелей. Находя этотъ обычай несоотвѣтственнымъ съ личными взглядами на значеніе нашей власти, Паулуччи, при самомъ вступленіи въ должность главнокомандующаго, обратился съ циркулярнымъ письмомъ къ ханамъ Закав-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 69.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 4.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 12.

казья, прося ихъ никогда не присылать подарковъ ни ему, ни кому либо изъ подчиненныхъ. „При самомъ вступленіи моемъ въ командованіе всѣмъ здѣшнимъ краемъ, писалъ онъ ханамъ <sup>1)</sup>, почелъ за долгъ съ полной искренностью предварить ваше превосходительство, что сколь ни усердно буду я стараться, дабы поступить въ соотвѣтственность обыкновеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сіе не противно будетъ пользамъ службы государя императора, однакоже, зная обычай, здѣсь существовавшій, что превосходительные ханы, состоящіе въ подданствѣ его императорскаго величества и зависящіе отъ главнокомандующаго здѣшнимъ краемъ, каждый разъ пріѣзжающимъ въ Грузію новымъ главнокомандующимъ дѣлали подарки,—я долженъ сказать, что сему обыкновенію ни теперь, ни во все продолженіе моего здѣсь командованія я отнюдь слѣдовать не буду, и какого бы рода ни были сіи подарки, приняты мною не будутъ, равно какъ и посланные съ оными будутъ отсылаться безъ отвѣта. Такимъ образомъ, черезъ сіе заблаговременное и чистосердечное объявленіе всѣмъ вообще ханамъ о правилахъ, мною принятыхъ, я счелъ нужнымъ предохранить каждаго отъ неудовольствія, съ каковымъ пріемлется по здѣшнимъ обыкновеніямъ отказъ въ пріемъ подарковъ. За всѣмъ тѣмъ, разумѣя, что превосходительные ханы, дѣлая сіи подарки, имѣли единственно въ предметъ то, дабы черезъ сей способъ означить только одно дружеское ихъ расположеніе, и потому отказать мнѣ отъ сего столь лестнаго ихъ засвидѣтельствванія весьма было бы для меня неприятно, то я въ семъ случаѣ имѣю удовольствіе увѣдомить васъ, благопріятель мой, что со стороны вашей я приму за доказательство истиннаго вашего расположенія и преданности то, когда ваше превосходительство ускорите для продовольствія войскъ его величества, коими я имѣю честь командовать, доставить требуемый моимъ предмѣстникомъ хлѣбъ, за цѣны, сходныя для казны государя императора и не обидныя для жителей, дабы симъ образомъ избѣжать перевозки провіанта изъ Россіи и сопряженныхъ съ оною большихъ издержекъ. Тогда, всякое сохраненіе казны его величества, черезъ сіе ваше содѣйствіе, я сочту за пріятнѣйшій мнѣ подарокъ со стороны вашего

<sup>1)</sup> Циркулярное письмо отъ 25-го сентября 1811 года.

превосходительства, и въ то же время, относя сіе также къ истинному усердію вашему споспѣшествовать пользамъ службы, вмѣню за особенный для себя долгъ довести о томъ до высочайшаго свѣдѣнія“.

Откровенная прямота маркиза Паулуччи всегда соединялась съ настойчивой твердостью, не останавливавшейся ни передъ какими обстоятельствами. Въ концѣ 1811 года, грузинскіе князья Андрониковъ и Эристовъ явились въ Петербургъ и предложили здѣсь свои услуги вызвать изъ Персіи царевича Александра. Предложеніе это было охотно принято, и главнокомандующій въ Грузіи получилъ высочайшее повелѣніе оказать князю Андроникову зависящее содѣйствіе въ выполненіи взятаго имъ на себя обязательства. Однако, Паулуччи, „сообразивъ, что сіе предположеніе совершенно противно пользамъ службы“, остановился исполненіемъ даже высочайшаго повелѣнія и, „съ откровенностью прямого солдата“, доносилъ государю: <sup>1)</sup> „Старанія, неоднократно прилагавшіяся моими предмѣстниками къ тому, дабы вызвать сюда царевича Александра (человѣка собственно по себѣ ничего незначащаго и безсмысленнаго), не получивъ никакого успѣха, довели симъ средствомъ дѣло до того, что не только царевичъ и его сообщники увѣрились сколь онъ важенъ для Россіи, но еще сіе умножило его партію и сношенія съ Грузіею и привлекло къ нему большее уваженіе со стороны дворовъ персидскаго и константинопольскаго. Такое точно обращеніе употребляемо было въ разсужденіи бѣглаго имеретинскаго царя Соломона и царевича Левана, которое первому придало такую силу и важность, каковыхъ онъ безъ сего истинно не могъ бы имѣть, и было причиною удобства, съ каковою царевичъ Леванъ предупѣлъ распространить пламя мятежа между осетинцами. И такъ, увѣряясь въ необходимости принять здѣсь систему, совсѣмъ противную существовавшей доселѣ, и при томъ такую, которая бы болѣе сообразна была съ достоинствомъ вашего императорскаго величества,—я съ самага прибытія моего сюда взялъ совсѣмъ другую дорогу, стараясь увѣрить какъ грузинъ, такъ и

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 24-го декабря 1811 года № 96.

самихъ непріятелей вашего величества, что высокославныя російскія войска ничего не боятся, и что, слѣдственно, для вашего императорскаго величества совершенно все равно, если царь Соломонъ и царевичъ Александръ будутъ находиться и у непріятелей Россіи“

Отдавая всегда должное заслугамъ другихъ, Паулуччи старался научить тому же и своихъ современниковъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій его было торжественно перенести прахъ князя Циціанова изъ Баку въ Тифлисъ, въ Сіонскій кафедральный соборъ, „тщаніемъ его исправленный и украшенный“ <sup>1)</sup>. Обезглавленное тѣло „сего знаменитаго сына отечества и достойнаго генерала“ <sup>2)</sup>, извлеченное въ 1807 году изъ мусорнаго оврага, вложено было затѣмъ въ засмоленный деревянный гробъ и поставлено въ подвалѣ одной изъ бакинскихъ церквей. И въ теченіе пяти лѣтъ никому не приходило на мысль предать землѣ по чину христіанскому и съ „почестію бранной“ того, кто сложилъ голову на самоотверженно-доблестной службѣ своему отечеству.

Посѣтивъ усыпальницу грузинскихъ царей—Мцхетскій соборъ, Паулуччи увидѣлъ, что „по непросвѣщенности здѣшнихъ народовъ, грубымъ свойствамъ, а наипаче по равнодушію существующихъ еще членовъ грузинскаго царственнаго дома къ памяти ихъ знаменитыхъ родителей“, гробницы послѣднихъ царей—Ираклія и Георгія, „оставлены въ совершенномъ забытѣ и не отличены никакимъ знакомъ, который сохранилъ бы воспоминаніе о нихъ для потомства“. Главнокомандующій, „считая приличнымъ показать въ глазахъ здѣшняго народа вниманіе правительства къ памяти сихъ царей“,—приказалъ на средства своей канцеляріи соорудить на могилахъ ихъ монументы съ приличествующими надписями <sup>3)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Предписаніе маркиза Паулуччи генералъ-лейтенанту Ретину отъ 25-го ноября 1811 г. № 348.

<sup>2)</sup> Тамъ-же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 78. На могилѣ царя Ираклія сдѣлана была надпись: «Здѣсь покоится царь Ираклій, родившійся въ 1716 году, который взошелъ на престолъ Кахетинскій въ 1744, на Карталинскій въ 1762, и который скончался въ 1798 году. Дабы передать потомству память о семъ государѣ, царствовавшемъ со славою въ теченіе 54 лѣтъ, именемъ Его Императорскаго Величества Александра I-го главнокомандующій въ Грузіи, маркизъ Паулуччи, соорудилъ ему сей памятникъ въ 1812 году». Подобная же надпись сдѣлана была и на могилѣ Георгія.

Во время пребыванія своего въ Елизаветполѣ, Паулуччи нашелъ тамъ содержавшимся въ крѣпости, подѣ карауломъ, семейство послѣдняго ганжинскаго хана, погибшаго геройской смертью при взятіи нами города въ 1803 году. Главнокомандующій тотчасъ же освободилъ узниковъ и отпустилъ ихъ въ Персію, написавъ по этому случаю наслѣднику персидскаго престола Аббасъ-Мирзѣ: „имѣя правиломъ чтить память людей, служившихъ своему отечеству усердно, я отдаю всю справедливость и покойному Джавать-хану, который, защищая крѣпость, палъ мертвымъ на батарееѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Въ доказательство этого чувства, я далъ семейству его полную свободу возвратиться въ Персію и взять съ собою тѣло покойнаго хана и сына его Гуссейнъ-Кули-Аги“ <sup>1)</sup>).

Требовательный къ своимъ подчиненнымъ, Паулуччи былъ не менѣе строгъ и къ лежавшему на немъ самомъ службному долгу. Всѣ важныя военныя дѣйствія протекали или подѣ непосредственнымъ руководствомъ главнокомандующаго, или подѣ ближайшимъ наблюденіемъ его. Ежедневно, „съ появленія дня, до самаго полудня“, онъ лично принималъ просителей и „говорилъ съ каждымъ изъ нихъ“. Къ полудню же слѣдующаго дня каждая просьба „непремѣнно получала резолюцію“ <sup>2)</sup>). Личный пріемъ главнокомандующимъ прошеній не прекращался даже въ то время, когда въ самой канцеляріи его появилась чума. „Я самъ каждодневно подвергаю себя опасности, писалъ Паулуччи <sup>3)</sup>, потому что со всѣхъ мѣстъ Грузіи всякій день во множествѣ вступаютъ ко мнѣ бумаги, пріѣзжаютъ нарочные изъ мѣстъ, подверженныхъ заразѣ, съ нужными донесеніями и нетерпящими отсрочки, да и самые жители всякій разъ безотступно входятъ ко мнѣ съ подачею ихъ просьбъ, коихъ отлагательство хотя на одинъ день могло бы ихъ огорчить, какъ уже извѣстно, сколь азіатскіе народы нетерпѣливы въ полученіи рѣшенія на ихъ жалобы. А потому, сколь ни дѣятельныя мѣры осторожности пріемлются мною въ разсужденіи бумагъ, вступающихъ въ мою канцелярію, и пріѣзжающихъ нарочныхъ, но предо-

<sup>1)</sup> Потто «Кавказская война» т. I, стр. 480.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 87 стр. 52—53.

<sup>3)</sup> Къ министру полиціи Балашову отъ 12-го ноября 1811 года № 48.

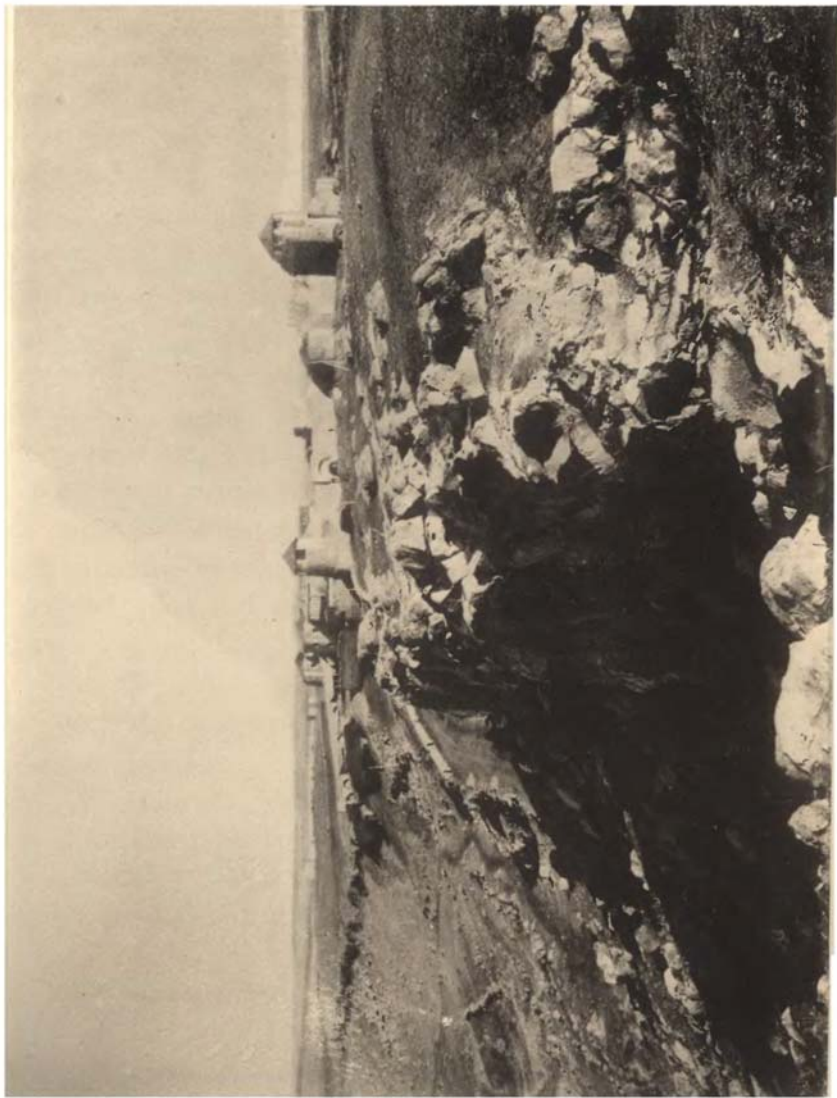
храниться отъ сей пагубной болѣзни, по необходимымъ сообщеніямъ съ людьми, не было возможности, и въ самой моей канцеляріи умеръ и. д. казначей хорунжій Батальщиковъ“.

Таковъ былъ новый главнокомандующій нашими войсками въ Грузіи, которому предстояло отстаивать здѣсь наши интересы и охранять цѣлость границъ въ то самое время, когда Россія собирала всѣ свои силы для борьбы съ величайшимъ полководцемъ Европы, а состояніе кавказскаго края и войскъ, въ немъ расположенныхъ, было таково, что Паулуччи, донося объ этомъ военному министру, писалъ: „Я не могу безъ особливаго соболѣзнованія заключить, что господинъ генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ старался представить его императорскому величеству, что онъ сдалъ мнѣ корпусъ войскъ въ обыкновенномъ порядкѣ и обстоятельствахъ, и слѣдовательно раззоренія, претерпѣнныя краемъ, высочайше мнѣ вѣреннымъ, мною преувеличены. Поэтому, я бы счастливымъ себя почелъ, ежели бы его императорское величество нарядилъ довѣренную особу къ разсмотрѣнію состоянія Грузіи, и съ моей стороны я представлю все войско, коимъ имѣю честь командовать, и все дворянство грузинское во свидѣтельство“ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ военному министру отъ 5-го января 1812 года № 5. Дѣло № 296 арх. штаба кавк. воен. округа.





*Ацаскаваку. Снагрудъ развалины крестного  
у дѣрева въ Ацосавѣ.*

## Глава XVI.

Вступленіе маркиза Паулуччи въ управленіе Закавказьемъ. Приготовленія туроцъ и персіанъ къ войнѣ съ нами. Мнѣніе по этому поводу генерала Торماسова. Неудавшійся союзъ противъ насъ Персіи и Турціи. Штурмъ Котляревскимъ Ахалкалакъ. Положеніе нашихъ войскъ въ Карабахѣ. Смерть генераль-маіора Небольсина. Арестъ и бѣгство Джафаръ-Кули-аги. Вторженіе Аббасъ-Мирзы въ Карабахъ. Движеніе отряда капитана Ильашенко къ Шахъ-булаху. Сдача баталіона Троицкаго полка у Султанъ-Буда. Отступленіе Ильашенко въ Шушу. Успѣхи персіанъ. Прибытіе въ Карабахъ Котляревскаго. Экспедиція его на Араксъ въ мартѣ 1812 года.

Хотя высочайшій рескриптъ на увольненіе генерала Торماسова послѣдовалъ еще въ началѣ іюля 1811 года, но сдача должности затянулась до осени, и только 22-го сентября маркизъ Паулуччи фактически вступилъ въ управленіе Закавказьемъ. Въ это время событія на внѣшнихъ границахъ послѣдняго были уже въ полномъ разгарѣ. ✓ Еще въ концѣ 1810 года, вслѣдствіе настойчивыхъ усилій Англіи, между Персіей и Турціей былъ заключенъ союзъ, съ цѣлью совмѣстныхъ дѣйствій противъ насъ въ Закавказьѣ. Дабы поддержать Персію въ приготовленіяхъ ея къ войнѣ съ нами, Оттоманская Порта отправила въ Тегеранъ своего великаго визиря съ большою суммою денегъ. Въ то же время и Англія щедрою рукою сыпала золото при персидскомъ дворѣ. Она доставила въ Персію 20 тысячъ ружей и вмѣсто бывшаго простаго политическаго агента, аккредитовала при тегеранскомъ дворѣ полномочнаго министра, въ свитѣ котораго прибыло много инструкторовъ, для обученія персидскихъ войскъ, формированія пѣхотныхъ частей, постройки крѣпостей и литья пушекъ <sup>1)</sup>. При поддержкѣ своихъ союзниковъ, персіане дѣятельно готовились къ войнѣ: запасали провіантъ, увеличивали артиллерію, формировали новые регулярные полки сарбазовъ. Всѣ эти приготовленія не были тайной для насъ, и Тормасовъ, еще въ мартѣ 1811 года, писалъ военному

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1156 стр. 761.

министру<sup>1)</sup>): „Все сіе, ежели при самомъ началѣ не будетъ ниспровергнуто рѣшительнымъ ударомъ, можетъ сихъ сосѣдей Грузіи, при столь дѣятельной помощи посторонняго вліянія, сдѣлать, наконецъ, опасными. По мнѣнію моему, единый способъ отнять у Персіи возможность воевать чужими руками есть тотъ, чтобы нанести внутри государства сильный ударъ, послѣ чего хищные сосѣди Грузіи могутъ быть употреблены самими же нами орудіемъ противъ Персіи“. Но для этого, по мнѣнію Торماسова, необходимо было усилить кавказскія войска еще одной дивизіей, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность „войти двумя колоннами въ самое сердце Персіи и въ одну кампанію окончить всѣ дѣла здѣшняго края, занять нужныя границы, усмирить всѣхъ хищныхъ народовъ, удалить навсегда отъ Персіи всѣхъ иностранныхъ совѣщателей и, сдѣлавъ съ персіанами союзъ, заставить ихъ просвѣщаться подъ нашими наставленіями, не принимая вліянія другихъ державъ. Персіане, добавляя Тормасовъ, и особливо благомыслящіе посреди ихъ, чувствуютъ сами, что рано или поздно мы больше всѣхъ должны имѣть у нихъ вліянія; знаютъ всю полезность для государства своего отъ союза съ Россією; знаютъ, что льстивыя обѣщанія нынѣшнихъ союзниковъ Персіи не могутъ быть надежны; что Франція весьма отдалена; что Англія, хотя и поставила ногу въ Бендеръ-Буширѣ, на берегу персидскаго залива, но еще не твердую; что Порта Оттоманская по раздѣленіи мухамеданской религіи была и будетъ врагомъ Персіи, и хотя нынѣ черезъ то же иностранное вліяніе сіи двѣ державы доведены противъ насъ до соединенія, но что сіе не можетъ быть прочно. Многіе изъ персидскихъ владѣльцевъ, какъ мнѣ достоверно извѣстно, внутренно желаютъ событія сего плана, но англійское золото, подкупившее правительство, заставляетъ ихъ терпѣть и ожидать времени“<sup>2)</sup>.

Однако, осуществить планы Торماسова не представлялось возможнымъ уже по тому, что не только нельзя было усилить кавказскія войска еще одной дивизіей, но, наоборотъ, какъ сказано выше, предписывалось отправить съ Кавказа въ Россію четыре полка. А между

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 1152.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Отношеніе генерала Тормасова къ военному министру отъ 8-го марта 1811 г. № 37.

тѣмъ, противники наши дѣятельно заботились о томъ, чтобы организовать возстаніе всего мусульманскаго міра Кавказа. Съ этой цѣлью, турецкіе и персидскіе эмиссары были разсланы ко всѣмъ мусульманскимъ владѣтелямъ Закавказья, въ Чечню, Дагестанъ и въ Закубанье <sup>1)</sup>). У одного такого турецкаго эмиссара, задержаннаго въ шекинскомъ ханствѣ, найдено было 32 пакета съ султанскими фирманами, призывавшими правовѣрныхъ „отважиться на сокрушеніе носѣ гордости заблудшихся гяуровъ“.

Но, къ счастью, столь опасный для насъ союзъ Персіи съ Турціей совершенно случайно распался въ самомъ своемъ началѣ.

Эриванскій сердарь Гусейнъ-Кули-ханъ пожелалъ лично увидѣться съ эрзерумскимъ сераскиромъ Эминъ-пашою, для соглашенія относительно совмѣстныхъ дѣйствій на Карталинію, со стороны карскаго пашалыка. Свиданіе это должно было состояться на правомъ берегу Арпачая, „ниже крѣпости Магизберда“. И вотъ, 30-го августа 1811 года, эрзерумскій сераскиръ и эриванскій сердарь, съ многочисленнымъ конвоемъ войскъ, приближались къ условленному мѣсту встрѣчи и были уже въ виду другъ-друга. Пестрая свита ихъ по азіатскому обыкновенію носилась впереди, шеголяя другъ передъ другомъ лихостью джигитовки и оглашая арпачайскую равнину топотомъ сотенъ коней, бряцаньемъ оружія и трескотней выстрѣловъ. Вдругъ, одинъ изъ джигитовавшихъ курдовъ, проскакивая мимо сераскира, выстрѣлилъ изъ пистолета прямо ему въ лицо. Пуля пробила голову, и Эминъ-паша замертво упалъ съ лошади. Его тотчасъ же подхватили и, „не съѣзжаясь съ персіанами“, увезли обратно въ Карсъ, гдѣ сераскиръ „тотчасъ же распустилъ свои войска“, а затѣмъ и самъ, „по облегченіи отъ раны“, возвратился въ Эрзерумъ. Гусейнъ-Кули-ханъ эриванскій въ свою очередь вернулся въ Эривань, такъ и не повидавшись съ своимъ союзникомъ. Хотя выстрѣлившій въ сераскира курдъ, какъ оказалось, былъ подкупленъ магизбердскимъ владѣльцемъ Кара-бекомъ, давно искавшимъ случая убить Эминъ-пашу, тѣмъ не менѣе планъ совмѣстныхъ дѣйствій персіанъ съ турками рухнулъ окончательно <sup>2)</sup>). Опасность, угрожавшая Кар-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, №№ 1174 и 1174. ✓

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Торماسова къ графу Румянцеву отъ 12-го сентября 1811 г. № 148, и донесеніе маркиза Паулуччи графу Голенншеву-Кутузову отъ 9-го ноября 1811 г. № 73.

галини съ этой стороны, устранилась, такимъ образомъ, сама собою. Но новый главнокомандующій, маркизь Паулуччи, не удовольствовался этой „нечаянной разстройкой въ преднамѣреніяхъ“ нашихъ противниковъ. Пользуясь взаимнымъ охлажденіемъ ихъ, онъ, въ свою очередь, возымѣлъ „стремительное желаніе поправить гордость турковъ“ <sup>1)</sup>).

„Съ прискорбіемъ видя, объяснялъ Паулуччи <sup>2)</sup>, что богатѣйшая борчалинская дистанція, по смежности своей съ турецкою ахалкалакскою областью, разоряемая набѣгами турковъ, угономъ скота и увлеченіемъ жителей въ плѣнъ, наипаче въ послѣдніе годы, начала совершенно упадать, и недоимки въ податяхъ, слѣдуемыхъ въ казну, увеличились до чрезвычайности,—я рѣшился для благосостоянія Грузіи непременно истребить сіе гнѣздо разбойниковъ и покорить оружіемъ самую ахалкалакскую крѣпость, какъ можно поспѣшнѣе“. Одной изъ побудительныхъ причинъ, заставившей главнокомандующаго торопиться съ осуществленіемъ своихъ намѣреній, было желаніе завладѣть ахалкалакскою областью ранѣе ожидавшагося въ скоромъ времени заключенія мира съ Турціей, „дабы пріобрѣтеніе сіе можно было помѣстить въ мирномъ трактатѣ“ <sup>3)</sup>).

„И такъ, во исполненіе сего полезнаго для Грузіи преднамѣренія, также стремясь понизить кичливость турокъ, гордящихся ихъ успѣхами при несчастномъ штурмѣ Ахалкалакъ російскими войсками, бывшими подъ командою графа Гудовича; показать имъ истинную силу русскаго оружія и возвысить блескъ онаго“,—главнокомандующій, маркизь Паулуччи, послалъ адъютанта своего, подполковника Степанова, въ Гори, съ секретнымъ предписаніемъ „отличному по воинскимъ своимъ талантамъ“ шефу Грузинскаго гренадерскаго полка, полковнику Котляревскому <sup>4)</sup>). Послѣднему предписывалось: „сохранивъ всевозможную скрытность въ своихъ распоряженіяхъ“, составить отрядъ изъ двухъ баталіоновъ его полка и 100 казаковъ, итти съ ними къ Ахалкалакамъ на пря-

<sup>1)</sup> Всеподданѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 14-го декабря 1811 г. № 80.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 254.

<sup>3)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 14-го декабря 1811 года № 81. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 255.

<sup>4)</sup> Кавказскій гренадерскій полкъ 3-го февраля 1811 года переименованъ былъ въ Грузинскій гренадерскій.

микъ, стороной отъ боржомскаго ущелья, „по пустымъ, въ теперешнее время почти непроходимымъ дорогамъ“, присоединить изъ Думанисъ баталіонъ 46-го егерскаго полка, „нечаянно вступить въ ахалкалакскую область и взять крѣпость приступомъ“<sup>1)</sup>. Котляревскій „съ благодарностью принялъ на себя трудное это порученіе и бодро пошелъ на новый подвигъ“<sup>2)</sup>. Въ ночь съ 3-го на 4-е декабря 1811 года, онъ тайно выступилъ изъ Гори съ однимъ баталіономъ Грузинскаго гренадерскаго полка и сотней донскихъ казаковъ Ежова. Другой баталіонъ грузинцевъ, стоявшій у рѣки Куры, присоединился къ отряду на переправѣ. Вопреки предписанію главнокомандующаго, Котляревскій не взялъ съ собою ни одного орудія, но за то съ отрядомъ шло нѣсколько вьюковъ съ штурмовыми лѣстницами, изготовленными тайно двумя плотниками, по особому заказу Котляревскаго.

Послѣдній „избралъ для достиженія Ахалкалакъ тотъ же способъ, какимъ слѣдовалъ и въ Мигри: предводитель русскихъ орловъ шель тамъ, гдѣ орлы вьютъ себѣ гнѣзда“<sup>3)</sup>. Три дня, 4-го, 5-го и 6-го декабря, небольшой, легкій отрядъ Котляревскаго пробирался по пустыннымъ дорогамъ черезъ горы и степи Триалетіи; глубокіе снѣга и сильные морозы какъ бы стояли на стражѣ турецкихъ предѣловъ, а „ужасныя мятели“ ежедневно грозили насыпать снѣжный могильный холмъ надъ горстью гренадеръ Котляревскаго. Но послѣдніе увѣренно шли за своимъ отважнымъ вождемъ, ни минуты не сомнѣваясь въ побѣдѣ даже надъ самой природой. На разсвѣтѣ 7-го декабря, измученный невыразимо тяжелымъ походомъ, отрядъ вошелъ въ предѣлы ахалцыхскаго пашалыка. До крѣпости Ахалкалакъ оставалось не болѣе 25 верстъ. Итти далѣе днемъ значило бы обнаружить себя и погубить все предпріятіе. Котляревскій скрылъ свой отрядъ въ одномъ изъ попутныхъ ущелій. Цѣлый день таились здѣсь гренадеры въ снѣгу, на вѣтрѣ, не смѣя развести костровъ. Скученъ былъ этотъ бивакъ и отдыха войскамъ онъ не далъ:—готовились къ штурму. Баталіонъ 46-го егерскаго полка, который долженъ былъ вый-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 255.

<sup>2)</sup> Военный сборникъ 1871 года, № 3.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

ти на соединеніе съ Котляревскимъ изъ Думанисъ, не могъ пробиться черезъ снѣга, лежавшіе на пути его. Приходилось штурмовать крѣпость двумя баталіонами и сотней казаковъ—всего около 1200 человекъ<sup>1)</sup>. Котляревскій раздѣлил свой отрядъ на три колонны, каждую въ 200 гренадеръ и фузилеръ, съ 20 стрѣлками. Кромѣ того, одна рота выдѣлена была для занятія двухъ форштадтовъ, лежавшихъ невдалекѣ отъ крѣпости, и составлены три отдѣльныхъ команды, по 30 человекъ каждая, для производства во время штурма фальшивыхъ атакъ. Колонны ввѣрены были начальству: одна—Грузинскаго полка подполковнику Ушакову, другая—адъютанту главнокомандующаго, подполковнику Степанову, а третья—осталась подъ начальствомъ самого Котляревскаго. Въ этихъ приготовленіяхъ къ штурму прошелъ весь день 7-го декабря. Едва стемнѣло, отрядъ двинулся къ крѣпости. Тихо перебрались гренадеры черезъ каменистый оврагъ, по которому протекала рѣчка Топоравань-чай, переправились черезъ нее по мосту подъ самой крѣпостью и къ полуночи приблизились къ послѣдней настолько, что ясно слышны стали оклики на стѣнахъ турецкихъ часовыхъ. Ночной маршъ этотъ по глубокому снѣгу, въ нервномъ, напряженномъ состояніи каждаго солдата, сильно утомилъ войска. Котляревскій остановилъ отрядъ въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, чтобы дать людямъ отдохнуть и собраться съ силами къ предстоявшему подвигу. А крѣпость, между тѣмъ, спала покойнымъ сномъ. Никто изъ защитниковъ ея не могъ допустить и мысли, что по снѣгамъ, въ морозы и мятели, кто-либо отважится пройти сюда изъ предѣловъ Грузіи, по такимъ мѣстамъ, гдѣ зимой „не летитъ и птица“. А въ это то время, тысяча русскихъ сердецъ нервно билась всего въ двухъ верстахъ отъ крѣпости, и возбужденные взоры гренадеръ Котляревскаго нетерпѣливо впивались въ ночную тьму, гдѣ смутно рисовались зубчатая стѣны, обагреныя уже однажды русскою кровью..... Не долго отдыхали колонны и въ два часа пополудни, въ строжайшей тишинѣ, двинулись къ крѣпости. Какъ тѣни при-

<sup>1)</sup> Въ отрядѣ Котляревскаго было: Грузинскаго полка—офицеровъ 20, унтеръ-офицеровъ 66, музыкантовъ 27, рядовыхъ 1000, нестроевыхъ 45. Донскаго казачьяго Ежова 1-го полка—офицеровъ 5, урядниковъ 5, казаковъ 90. Дѣло арх. штаба кавк. воен. округа 1811 года № 37.

близилась она къ стѣнамъ, „проставили въ одно мгновеніе лѣстницы и, оспаривая первенство итти на приступъ, взлетѣли на двѣ батареи“ <sup>1)</sup>). Часовые на стѣнахъ замѣтили штурмовыя колонны лишь въ тотъ моментъ, когда они по лѣстницамъ „взлѣтали“ уже на стѣны. Тѣмъ не менѣе, гарнизонъ, состоявшій изъ 200 янычаръ, выскочилъ по тревогѣ, но было уже поздно: Грузинскаго гренадерскаго полка капитанъ Шультенъ, родственникъ Котляревскаго, первымъ взошелъ на стѣну и, „не взирая на сильное упорство непріятеля, собравшагося защищаться на батареяхъ, гренадеры очистили крѣпость и цитадель въ полтора часа“ <sup>2)</sup>). „Штурмъ, какъ доносилъ всеподданнѣйше Паулуччи, благодареніе Богу, былъ благополученъ, и гордая ахалкалакская крѣпость, природою и искусствомъ укрѣпленная, вмѣщавшая въ себѣ гнѣзда разбойниковъ, наносившихъ съ давнихъ временъ важныя бѣдствія Грузіи, наконецъ, послѣ упорнѣйшаго защищенія оной турецкимъ гарнизономъ, продолжавшагося полтора часа, понизивъ надменное чело свое отъ блеска высокославнаго оружія вашего императорскаго величества, повержена двумя только баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка къ священнымъ стопамъ вашего величества“ <sup>3)</sup>).

Весь гарнизонъ, за исключеніемъ 47 человекъ, положившихъ оружіе, былъ истребленъ. Два знамени, все имущество турокъ, 16 орудій на лафетахъ и нѣсколько—лежавшихъ прямо на стѣнѣ, 40 пудовъ пороку и большое количество снарядовъ и боевыхъ припасовъ были трофеями этого штурма. Наши потери состояли всего изъ 30 человекъ убитыми и ранеными, что Паулуччи относилъ „единственно къ храбрости и стремленію, коими офицеры и солдаты одушевляемы были при штурмѣ“ <sup>4)</sup>). Къ этому надо добавить, что главной причиной столь дешеваго успѣха была, конечно, полная скрытность движенія отряда къ крѣпости и тщательная подготовка всего предпріятія, для совершенія его въ строгой тайнѣ. Самъ Котляревскій говорилъ потомъ: „провидѣніе спасло нашъ отрядъ, что онъ не былъ открытъ въ границахъ пашалыка“. Къ сожалѣнію,

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 14-го декабря 1811 года № 81.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 14-го декабря 1811 года № 80.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 254 и 258.



отсутствіе матеріала не даетъ возможности нарисовать полную картину этого замѣчательнаго марша Котляревскаго къ Ахалкалакамъ и выяснитъ въ подробностяхъ всѣ мѣры, принимавшіяся имъ для сохраненія своего отряда среди снѣговъ и мятелей въ пустынныхъ трущобахъ Триалетіи.

Вмѣняя себѣ въ священную обязанность отдать должную справедливость наиболѣе отличившимся „въ семъ важномъ воинскомъ дѣйстви“ , главнокомандующій ходатайствовалъ о награжденіи полковника Котляревскаго чиномъ генераль-маіора, какъ „достойнаго носить сіе званіе по отличнымъ его воинскимъ талантамъ, благо-разумію и опытности“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, маркизь Паулуччи, „стремясь всемѣрно возвысить воинскій духъ“ въ вѣренномъ ему корпусѣ, „такъ какъ сіе есть первый шагъ къ важнымъ воинскимъ дѣствіямъ“, ходатайствовалъ „въ ознаменованіе милосердія его величества къ войскамъ, совершившимъ столь знаменитый подвигъ къ славѣ всероссійскаго оружія“, о пожалованіи Грузинскому гренадерскому полку, „какъ примѣрному здѣсь“, знаменъ за отличіе. „Монаршая награда эта, писалъ Паулуччи, составивъ честь сего полка, неминуемо возбудитъ соревнованіе во всѣхъ чинахъ корпуса, высочайше начальству моему вѣренному“ <sup>1)</sup>. Ходатайство главнокомандующаго было уважено: Котляревскій произведенъ въ генераль-маіоры, а Грузинскому гренадерскому полку были пожалованы георгіевскія знамена съ надписью: „за отличную храбрость при взятіи штурмомъ турецкой крѣпости Ахалкалаки съ 7-го на 8-е декабря 1811 года“ <sup>2)</sup>. Самъ маркизь Паулуччи награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени.

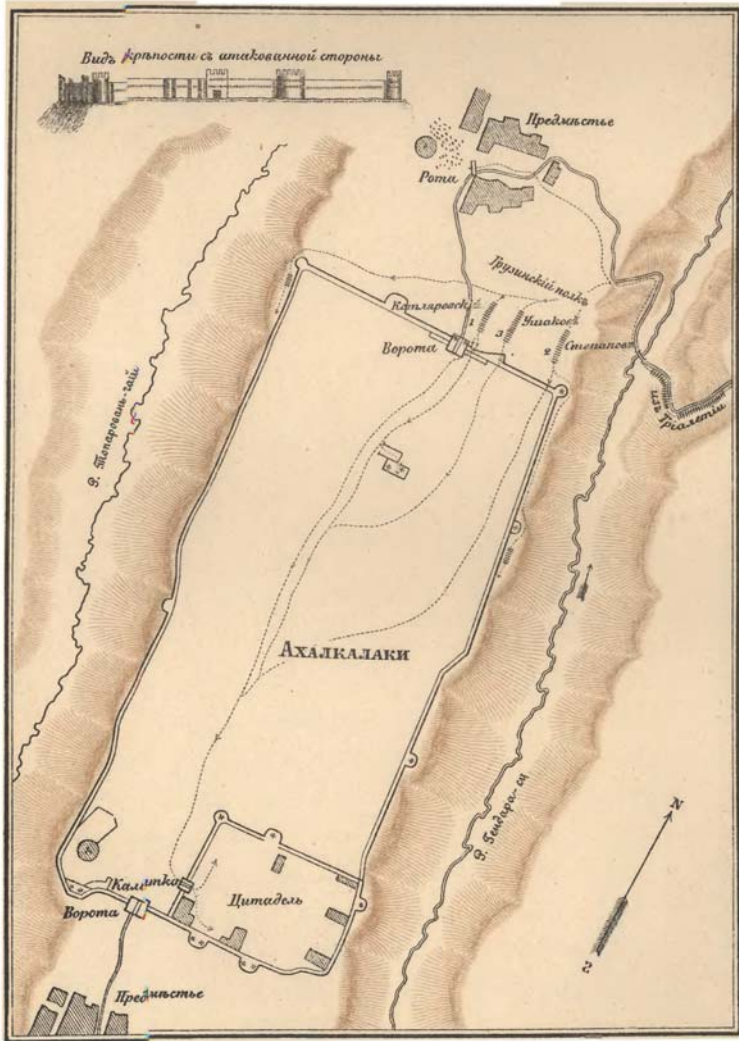
Овладевъ столь удачно Ахалкалаками, предстояло оставить въ крѣпости достаточный гарнизонъ для упроченія положенія нашего во вновь завоеванной области. Но въ распоряженіи Котляревскаго не было необходимыхъ для этого силъ, такъ какъ баталіонъ 46-го егерскаго полка, съ казаками Данилова, все еще не подходилъ изъ Думанисъ. Подкрѣпленіе это было тѣмъ необходимѣе, что надле-

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 14-го декабря 1811 года № 81.

<sup>2)</sup> Высочайшія грамоты полку: изъ Вильно отъ 25-го мая 1817 года и Царскаго села 15-го мая 1816 года. Высочайшій приказъ о пожалованіи полку георгіевскихъ знаменъ 18-го января 1812 года.

**Планъ взятія АХАЛКАЛАКЪ**

съ 7<sup>го</sup> на 8<sup>е</sup> Декабря 1811 года.



жало озаботиться заготовкой продовольствiя для будущаго гарнизона ахалкалакской крѣпости. Доставить хлѣбъ изъ Грузiи въ это время года не было никакой возможности. Приходилось добывать его реквизицией въ ахалкалакскихъ селенiяхъ, но послѣднiя были покинуты жителями, которые, попрятавъ хлѣбъ, бѣжали со скотомъ и имуществомъ частью въ Ахалцыхъ, а частью въ Чалдырскiй округъ. При такихъ условiяхъ, Котляревскому, имѣвшему въ своемъ отрядѣ всего 80 казаковъ, трудно было, конечно, разыскивать хлѣбъ и отбивать скотъ. Онъ послалъ нарочнаго отыскать шедшiй къ Ахалкалакамъ баталiонъ 46-го егерскаго полка и остановить его въ селенiи Котели<sup>1)</sup>, куда къ 9-му января отошелъ и самъ, рассчитывая найти тамъ необходимые ему запасы продовольствiя. Но Котели оказалось также покинутымъ жителями, и въ окружныхъ съ нимъ селенiяхъ найдено было всего лишь 80 четвертей хлѣба.

Наконецъ, подошелъ егерскiй баталiонъ, съ двумя орудiями и сотней казаковъ. Котляревскiй вернулся обратно въ Ахалкалаки и рѣшилъ отсюда, не смотря на суровое время года, произвести поискъ въ чалдырскiя селенiя. Для этого былъ сформированъ отрядъ изъ 800 гренадеръ, 60 егерей, двухъ орудiй и 150 казаковъ. Но и эта крайняя мѣра не принесла особенныхъ результатовъ: отогнали одну тысячу барановъ и 60 штукъ разнаго скота, хлѣба же нашли на столько мало, что имъ можно было обезпечить ахалкалакскiй гарнизонъ всего лишь мѣсяца на полтора, т. е. до 1-го февраля<sup>2)</sup> Получивъ донесенiе Котляревскаго о затрудненiяхъ, встрѣченныхъ имъ по обезпеченiю продовольствiемъ ахалкалакскаго гарнизона, главнокомандующiй командировалъ въ Ахалкалаки подполковника Джораева, съ 150 человеками казахской конницы, для розыска хлѣба, несомнѣнно попрятаннаго бѣжавшими жителями въ ямахъ и укромныхъ мѣстахъ<sup>3)</sup>. Котляревскiй же къ этому времени, оставивъ гарнизономъ въ крѣпости баталiонъ 46-го егерскаго полка и 40 казаковъ, подъ общимъ начальствомъ маiора

<sup>1)</sup> Сел. Котели, (Котелия) крупный населенный пунктъ къ сѣверу отъ Ахалкалакъ, на большой дорогѣ изъ Грузiи въ Ахалцыхъ, черезъ Цалку.

<sup>2)</sup> Рапортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи отъ 11-го ноября 1411 года № 143.

<sup>3)</sup> Предписанiе маркиза Паулуччи отъ 11-го января 1811 года № 143.

Борщова, съ остальными войсками двинулся обратно въ предѣлы Грузіи, въ мѣстечко Гори, на зимнія квартиры. Но здѣсь, вскорѣ получено было имъ новое назначеніе, призывавшее его въ давно знакомый Карабагъ.

Неудачный для персіанъ исходъ борьбы съ нами въ 1810 году вынудилъ наслѣдника персидскаго престола Аббасъ-Мирзу съ наступленіемъ зимы распустить свои войска и „искать съ сарбазами отдыха отъ трудовъ въ Тавризѣ“. Но съ весны 1811 года опустошительныя набѣги персидскихъ партій въ Карабахъ снова возобновились.

Въ это время охраненіе здѣсь шестисотъ верстъ нашей границы: по Араксу—отъ Джевата до Мигри, и со стороны Нахичеванскаго ханства, по мѣстности гористой и труднодоступной,—лежало на двухъ полкахъ: Троишкомъ мушкетерскомъ и 17 егерскомъ, которые имѣли не болѣе 3-хъ тысячъ человекъ и должны были еще содержать постоянныя гарнизоны въ Елизаветполѣ, Нухѣ, Шушѣ, Мигри и во многихъ другихъ пунктахъ Карабага, Ширвани, Шеки и Елизаветпольскаго округа. Общее начальство надъ этими войсками возложено было на генераль-маіора Хатунцова, назначеннаго шефомъ Троицкаго полка, вмѣсто генераль-маіора Небольсина, умершаго въ Елизаветполѣ въ концѣ 1810 года. Не стало еще одного изъ видныхъ сподвижниковъ Циціанова. Неумолимая смерть вырвала изъ рядовъ кавказскихъ войскъ героя, отличеннаго весьма рѣдкою въ тѣ времена наградою—орденомъ св. Георгія 3 класса <sup>1)</sup>).

<sup>1)</sup> Петръ Федоровичъ Небольсинъ началъ службу въ 1772 году, съ отличіемъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ и въ 1804 году, съ производствомъ въ генераль-маіоры, назначенъ былъ шефомъ Троицкаго полка, съ которымъ сдѣлалъ нѣсколько походовъ противъ закубанскихъ горцевъ. Въ началѣ 1806 года, полкъ этотъ передвинутъ былъ въ Закавказье, гдѣ за отличіе въ сраженіи при ханашинскомъ ущельѣ, Небольсину и пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 3-й степени. По возвращеніи изъ Нахичеванскаго похода въ 1808 году, Небольсинъ до своей кончины управлялъ Карабагскимъ ханствомъ и былъ безсмѣннымъ начальникомъ авангарда, располагавшагося на Тертерѣ. Долгое время не было извѣстно мѣсто послѣдняго упокоенія генерала Небольсина. Но въ 1899 году, на крѣпостной площади г. Елизаветполя была предпринята постройка часовни на мѣстѣ бывшей городской церкви. При расчисткѣ мусора подъ оградную площадь, неожиданно былъ открытъ надгробный памятникъ-плита, съ хорошо сохранившейся надписью. Послѣдняя сдѣлана прописною скорописью и гласитъ: «Здѣсь погребенъ генераль-маіоръ, Троицкаго полка шефъ, бригадный командиръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Петръ Федоровичъ Небольсинъ, родившійся въ 1744, вступившій въ военную службу 1772 году августа 10-го дня и скончавшійся 1810 году, отъ рожденія на 56 году». (Въ надписи этой сдѣлана ошибка въ годъ рожденія, такъ какъ Небольсинъ родился въ 1754 году). Открытая плита покрывала могилу въ видѣ малаго склепа, находившагося подъ поломъ бывшей церкви, какъ разъ противъ алтаря. Съ постройкой часовни, склепъ Небольсина вшелъ въ черту ограды ея. («Кавказъ» 1899 г. № 342).

Общая малочисленность нашихъ войскъ въ Карабагѣ отягчалась еще сильной болѣзненностью, свирѣпствовавшей между ними. Губительныя климатическія условія большинства стоянокъ, плохія помѣщенія, весьма вѣроятная неудовлетворительность продовольствія, жизнь, полная тревогъ и лишеній,—все это подрывало силы людей и развивало въ войскахъ страшную заболѣваемость и смертность. По свидѣтельству современниковъ, солдатъ въ тѣ тревожныя времена „иногда по нѣсколько недѣль ходилъ въ одной и той же рубашкѣ, ложился спать не раздѣваясь, переходилъ въ бродъ черезъ рѣчки и сушилъ одежду собственною теплотой—на своемъ тѣлѣ, питался по долго сухимъ хлѣбомъ, да и его получалъ въ недостаточномъ количествѣ“ <sup>1)</sup>. Случалось, солдаты цѣлый годъ не получали крупы и не имѣли соли. Шефъ 17-го егерскаго полка, полковникъ Ассеевъ, въ апрѣлѣ 1811 года доносилъ, что опасается, „дабы отъ неимѣнія соли люди не начали пухнуть“ <sup>2)</sup>. Даже офицеры не всегда имѣли возможность ежедневно готовить себѣ горячую пищу: супъ варили при случаѣ, на нѣсколько дней, и въ манеркахъ переносили его съ мѣста на мѣсто, разогрѣвая на ночлегахъ. Больныхъ лечили въ лазаретѣ и въ околоткахъ при полку, но не всегда имѣлись медикаменты; случалось, не было и врача <sup>3)</sup>. Преобладающими болѣзнями были горячки и лихорадки, отличавшіяся большимъ упорствомъ. Болѣзни эти сильно ослабляли организмъ и даже на выздоравливавшихъ клали отпечатокъ иногда на всю жизнь, дѣлая человѣка неспособнымъ къ продолженію строевой службы. Нѣкоторые виды лихорадки доводили больного до изступленія и даже до самоубійства. Наиболѣе губительными въ этомъ отношеніи были берега Аракса и особенно крѣпость Мигри. Последняя, по донесенію Котляревскаго, представляла буквально „огромный лазаретъ, гдѣ ежедневно умирали по нѣсколько человѣкъ. Число больныхъ въ 1811 году возросло въ Мигри до 598 человѣкъ, такъ что изъ находившихся здѣсь двухъ баталіоновъ, имѣвшихъ по списку свыше 800 человѣкъ, не оставалось подъ ружьемъ и 200 егерей, годныхъ

<sup>1)</sup> Бобровскій «Исторія Эриванскаго полка» т. III стр. 148.

<sup>2)</sup> Рапортъ полковника Ассеева генераль-маіору Хатунзову отъ 1-го апрѣля 1811 г. № 242.

<sup>3)</sup> Рапортъ полковника Ассеева генераль-лейтенанту Розену отъ 1-го сентября 1810 года № 738.

къ дѣлу. Больные же находились безъ всякаго медицинскаго призора, за неимѣніемъ ни докторовъ, ни лекарствъ, ни необходимыхъ инструментовъ“ <sup>1)</sup>). Помочь этому было весьма трудно, такъ какъ „превозмогающее и несоразмѣрное число больныхъ въ Миграхъ происходило, какъ доносилъ шефъ полка, полковникъ Живковичъ, отъ необычайныхъ жаровъ и сгустившагося воздуха, а паче въ теченіе августа и сентября, т. е. когда произрастающая тамъ бумага начинала цвѣсти“ <sup>2)</sup>).

Тяжелыя условія быта обуславливали значительную убыль въ частяхъ войскъ отъ побѣговъ. Послѣдніе учащались преимущественно въ періодъ военныхъ дѣйствій, т. е. весною и лѣтомъ. Дезертирству, составлявшему, между прочимъ, въ тѣ времена обычное явленіе во всей русской арміи, въ кавказскихъ войскахъ не мало способствовало то обстоятельство, что Аббасъ-Мирза, стремившійся создать у себя нѣчто въ родѣ европейскихъ регулярныхъ войскъ, всякими способами переманивалъ къ себѣ нашихъ солдатъ и даже офицеровъ и составлялъ затѣмъ изъ нихъ особыя части инструкторовъ. Бѣглые солдаты наши не рѣдко занимали въ персидскихъ войскахъ довольно привилегированное положеніе и несомнѣнно оказывали вліяніе на улучшеніе боевыхъ качествъ нестройныхъ персидскихъ полчищъ. Печальный фактъ значительнаго дезертирства въ кавказскихъ войскахъ нисколько не умаляетъ, однако, испытанной доблести ихъ и долженъ быть скорѣе отнесенъ къ недостаточной заботливости объ удовлетворительномъ содержаніи солдатъ, чѣмъ къ малой выносливости ихъ. Въ тѣ времена отъ солдата требовалось такое долгое, почти неослабное напряженіе и физическое, и нравственное, котораго не могли одинаково выдерживать всѣ натуры, не смотря даже на страхъ болѣе или менѣе продолжительной прогулки по „зеленой улицѣ“ <sup>3)</sup>).

Таково было состояніе тѣхъ немногочисленныхъ войскъ, на которыхъ лежало охраненіе длинной, шестисотверстной границы на-

---

<sup>1)</sup> Архивъ штаба кавк. воен. округа.

<sup>2)</sup> Бобровскій «Исторія Эриванскаго полка» ч. III, стр. 149, прим. 84.

<sup>3)</sup> Такъ назывались на солдатскомъ языкѣ пресловутые шпицрутены, одно изъ жесточайшихъ наслѣдій прусской военной муштры.

шей въ Карабагѣ. Разбросанныя по преимуществу незначительными частями по постамя, они не всегда имѣли возможность прикрывать наши предѣлы отъ вторженія въ нихъ многочисленныхъ партій персидской легкой конницы, съ быстротой переносившихся отъ одного пункта къ другому. Бывали даже случаи, что сами посты эти погибали подъ натискомъ неожиданно появлявшагося многочисленнаго противника <sup>1)</sup>. Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1811 года, былъ почти совершенно истребленъ постъ, въ 52 человекъ, находившійся въ 10 верстахъ отъ Аракса, въ армянскомъ селеніи Шегаузѣ, и служившій какъ для наблюденія за Араксомъ, такъ и для связи Шуши съ Миграми.

Съ наступленіемъ лѣта, 1811 года, обычные набѣги персіанъ въ Карабагъ участились. Противодѣйствовать этому могъ только одинъ, какъ ближайшій къ границѣ, 17 егерскій полкъ, части котораго отвлекались командировками даже за предѣлы Карабага. Наболѣе обременительно было содержаніе гарнизона въ крѣпости Мигри. Здѣсь стоялъ одинъ баталіонъ, таявшій отъ болѣзней и смертности; для поддержанія его необходимо было имѣть въ Татевѣ другой баталіонъ и кромѣ того, назначать цѣлыя роты для конвоированія въ Мигри провіанта, денегъ и т. п. При такихъ условіяхъ, конечно, отъ 17 егерскаго полка оставалось слишкомъ мало свободныхъ силъ для отраженія набѣговъ персіанъ, врывавшихся одновременно и отъ худоаферинской переправы, и со стороны Нахичевани. Подкрѣпить же наши войска въ Карабагѣ признавалось рѣшительно невозможнымъ. А между тѣмъ, въ это самое время Аббасъ-Мирза, находившійся съ главными своими силами у Нахичевани, задался цѣлью вытѣснить насъ изъ Мигри. Получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи большихъ силъ персіанъ на Араксѣ, у Куртдага, гарнизонъ Мигри усилили еще однимъ баталіономъ 17 егерскаго полка <sup>2)</sup>, и только благодаря этой, своевременно принятой мѣрѣ удалось намъ отбить двукратныя попытки персіанъ (31 августа и 17 сентября) вернуть обратно Мигри, по-

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа 1811 года № 217.

<sup>2)</sup> Баталіонъ этотъ былъ введенъ въ крѣпость Мигри въ іюль 1811 года. Съ этимъ усиленіемъ гарнизонъ по списку состоялъ изъ 880 человекъ, но изъ нихъ больныхъ было 279; въ августъ же число больныхъ увеличилось до 463 человекъ, т. е. болѣе половины всего количества защитниковъ. (Бобровскій «Исторія Эриванскаго полка» часть 3, стр. 258, прим. 98).

тѣря котораго была для нихъ вообще весьма чувствительна. Особеннымъ упорствомъ отличался бой 17 сентября, начавшійся тѣмъ, что высланная изъ Мигри въ пикетъ къ Араксу команда изъ 45 егерей, подъ начальствомъ штабсъ-капитана князя Баратова, подходя къ пункту назначенія, замѣтила персіанъ, притаившихся между камней. Баратовъ далъ знать объ этомъ въ Мигри. На поддержку ему высланъ былъ капитанъ Черняковскій съ 65 егерями. Но едва они начали перестрѣлку, какъ съ окрестныхъ возвышенностей, со стороны Аракса, двинулись на нихъ въ густыхъ колоннахъ болѣе 3-хъ тысячъ персидскихъ сарбазовъ, вооруженныхъ англійскими ружьями. Баратовъ и Черняковскій начали отступать къ крѣпости, откуда въ это время выходилъ уже къ нимъ на поддержку начальникъ гарнизона, майоръ Терешкевичъ, съ сотней слабыхъ, полубольныхъ солдатъ. Соединившись, егеря перешли въ наступленіе и отбросили персіанъ. По поводу этого то случая Паулуччи и отдалъ приказъ: „Всѣ военно-служащіе должны вѣдать, что лучше умереть со славою, нежели жить съ безславіемъ, и для того, хотя бы то жизни стоило, Баратовъ и Черняковскій не должны были ни одного шага уступить непріятелю, не взирая ни на какое его превосходство“. Приказъ этотъ, замѣчательный, конечно, по идеѣ, въ немъ выраженной, былъ, однако, совершенно несправедливъ въ отношеніи Баратова и Черняковскаго, которые дѣйствовали мужественно, самоотверженно, но въ тоже время и благоразумно. Упорствуя въ неравной борьбѣ, они были бы, несомнѣнно, отрѣзаны отъ Мигри, и слабый гарнизонъ послѣдняго персіане раздавили бы, такимъ образомъ, по частямъ. Но помимо того, и само отступленіе Баратова и Черняковскаго, совершенное съ полнымъ самообладаніемъ, нисколько не пятнало ихъ воинской доблести и служило скорѣе лучшей рекомендаціей мужества и твердости подвѣдомственныхъ имъ войскъ. Очевидно, въ то время еще не достаточно ясно сознавалась идея, выраженная 7 лѣтъ спустя въ знаменитомъ „наказѣ войскамъ 1818 года“, въ которомъ говорилось: „при отступленіи познается: составлена армія изъ славныхъ солдатъ или изъ бѣглецовъ робкихъ“<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Св. воен. пост. кн. I ч. III изд. 1859 года ст. 649—650.



Для болѣе надежнаго занятія Мигри, сюда введены были еще двѣ роты 17-го егерскаго полка, причемъ больныхъ удалили изъ крѣпости въ другое селеніе. Видя безцѣльность дальнѣйшихъ попытокъ вытѣснить насъ изъ этого пункта, Аббасъ-Мирза перешель на Мугань, выжидая результатовъ дѣятельности своихъ агентовъ, отправленныхъ для возбужденія возстанія въ Дагестанѣ и для привлеченія на свою сторону Мустафу ширванскаго и наслѣдника карабагскаго ханства, владѣльца племени джебраила, Джафаръ-Кули-агу. Послѣдній, не смотря на то, что послѣ смерти отца своего Мамедъ-Гассанъ-аги сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ Карабага, былъ обойденъ графомъ Гудовичемъ, отдавшимъ это ханство пожизненно дядѣ Джафара, Мехти-Кули-хану. Между дядей и племянникомъ естественно возникли недружелюбныя отношенія. Джафаръ сталъ во главѣ многочисленной партіи недовольныхъ Мехти-Кули-ханомъ, который былъ человѣкъ вообще жестокій, жадный, несправедливый, настолько обиравшій своихъ подданныхъ, что Паулуччи грозилъ даже отнять у него ханство. „Если вы, писалъ онъ хану <sup>1)</sup>, будете недѣятельны къ своей обязанности, какъ сіе нынѣ оказывается, то непременно будете удалены отъ управленія Карабагомъ, ибо обитатели онаго никогда еще не терпѣли такихъ нуждъ, какимъ подвержены они нынѣ при управленіи вашемъ, черезъ собственную вашу непопечительность о ихъ благѣ“.

Аббасъ-Мирза, хорошо знавшій внутреннее состояніе Карабага, рѣшилъ воспользоваться несогласіемъ въ ханской семьѣ и отправилъ посланца съ собственноручнымъ своимъ письмомъ къ Джафару и съ прокламаціями къ джебраильскимъ старшинамъ <sup>2)</sup>. Письмо это было перехвачено нами въ то время, какъ посланецъ Аббасъ-Мирзы пробирался къ Джафару, кочевавшему со всѣмъ своимъ народомъ верстахъ въ 15-ти отъ Султанъ-Буда-Керчи. Паулуччи приказалъ маіору Джини, стоявшему въ Султанъ-Будѣ съ баталіономъ Троицкаго полка, арестовать Джафара, какъ уличеннаго въ измѣнѣ намъ, и подъ надежнымъ конвоемъ препроводить его въ Тифлисъ.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 195.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 194.

Предписаніе это было исполнено въ точности. И вотъ—16-го января 1812 года, 178 человекъ Троицкаго полка, при трехъ офицерахъ, подъ общею командою капитана Оловяшника, подходили, по дорогѣ изъ Султанъ-Буда въ Тифлисъ, къ рѣкѣ Тертеру. Въ срединѣ этой колонны ѣхалъ верхомъ арестованный Джафаръ, котораго держалъ одинъ солдатъ, сидѣвшій сзади на той-же лошади. Предстояло переправляться черезъ Тертеръ въ бродъ. Едва Джафаръ выѣхалъ на средину рѣки, какъ неожиданно ловкимъ движеніемъ сбросилъ въ воду сидѣвшаго сзади него солдата, повернулъ лошадь по теченію и скрылся скорѣе, чѣмъ растерявшійся конвой пришелъ въ себя отъ изумленія. Примчавшись окольными путями на свои кочевья, Джафаръ тотчасъ-же написалъ Паулуччи письмо, въ которомъ убѣждалъ его въ своей невинности и въ лживости взводимыхъ на него обвиненій въ измѣнѣ намъ. „Всякому извѣстно, писалъ онъ<sup>1)</sup>, что я чистъ отъ этихъ извѣтовъ. Переносчика фирмана схватили въ полѣ; бумаги у него взяли и отправили къ вамъ; я ничего объ этомъ не зналъ. Ваше превосходительство по письму (на мое имя) шахъ-заде и по доносу злоязычниковъ лишили меня вашей благосклонности, приказали схватить меня и за карауломъ отправить въ Тифлисъ. Хотя я и узналъ объ этомъ, но за всѣмъ тѣмъ съ чистою вѣрностью и преданностью, признавая себя невиннымъ, по одному лишь приглашенію маіора Джини отправился къ нему. Онъ арестовалъ меня въ своемъ домѣ, содержалъ тамъ 16 дней и послѣ отправилъ за карауломъ въ Тифлисъ. А какъ я надѣялся на службу своего отца и не могъ передъ друзьями и врагами перенести этого извѣта, которымъ обезчещенъ безвинно, то, вырвавъ узду изъ рукъ солдата, возвратился отъ р. Тертера, а нынѣ живу въ своемъ прежнемъ мѣстопребываніи. Да будетъ извѣстно вашему превосходительству, что я не измѣнникъ и впредь до конца жизни не возымѣю и мысли объ измѣнѣ и кромѣ двора государя не имѣю убѣжища. Умоляю ваше превосходительство принять мѣры, чтобы не скитаться мнѣ внѣ родины; чтобы семилѣтняя служба моего покойнаго отца и собственная моя не пропали. Сколько я ни соображаю, никакой измѣны въ себѣ не вижу. Не опозорьте

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 202.

меня по словамъ недоброжелателей и поступайте такъ, чтобы я убѣдился въ своей безопасности, остался-бы въ своей землѣ спокойнымъ, продолжая службу государю“.

Трудно, конечно, сказать на сколько справедливы были эти увѣренія. Въ тѣ времена большинство хановъ восточнаго Закавказья находились въ болѣе или менѣе дѣятельныхъ сношеніяхъ съ персіанами, въ зависимости отъ успѣховъ нашей борьбы. Самъ Мехти-кули-ханъ карабагскій, несомнѣнно, интриговавшій противъ Джафара и доносившій на него, не разъ былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ персіанами. Во всякомъ случаѣ, арестъ Джафара, не обѣщая намъ никакихъ особенныхъ преимуществъ, возбудилъ, однако, противъ насъ многочисленное и преданное ему населеніе Джебраила и Джеваншира.

На письмо свое къ главнокомандующему Джафаръ не получалъ никакого отвѣта. Эта неизвѣстность, въ связи съ ожиданіемъ отвѣтственности за побѣгъ съ Тертера, несомнѣнно, мучила Джафара и колебала преданность его къ намъ. Подвластный ему народъ негодовалъ за позорный арестъ властелина ихъ. Близость многочисленныхъ персидскихъ войскъ, стоявшихъ на Мугани, невольно привлекала взоры джебраилцевъ на ту сторону Аракса... И Аббасъ-Мирза рѣшилъ воспользоваться колеблемостью наслѣдника карабагскаго ханства и преданнаго ему народа. Въ концѣ января 1812 года, онъ придвинулъ свои войска къ Араксу и вторгнулся въ Карабагъ двумя колоннами: одна направилась къ Шахъбулаху, а другая, подъ личнымъ предводительствомъ Аббасъ-Мирзы, двинулась на Султанъ-Будъ, къ кочевьямъ Джафаръ-кули-аги.

Въ это время ближайшими къ персидской границѣ были части Троицкаго мушкетерскаго и 17 егерскаго полковъ, разбросанныя на всемъ пространствѣ южнаго Карабага. Въ Мигри находилось пять ротъ егерей, изъ коихъ половина была больныхъ; двѣ роты, въ которыхъ на лицо было не болѣе 140 человекъ, стояли въ 45 верстахъ отъ Шуши, въ уроч. Тугахъ; двѣ роты такого-же состава были въ Герюсахъ; остальные три роты оставались въ штабъ-квартирѣ 17 егерскаго полка, въ Шушѣ <sup>1)</sup>). Въ Султанъ-Будъ, для при-

<sup>1)</sup> Бобровскій «Исторія Эриванскаго полка», ч. III, стр. 287.

крытія кочевниковъ, стоялъ баталіонъ Троицкаго мушкетерскаго полка, въ составѣ 10 офицеровъ и 550 нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ маіора Джини <sup>1)</sup>).

Получивъ извѣстіе о переходѣ войскъ Аббасъ-Мирзы черезъ Араксъ, шефъ 17-го егерскаго полка, полковникъ Живковичъ, немедленно послалъ изъ Шуши на усиленіе султанъ-будскаго гарнизона капитана Ильяшенко, съ 200-ми егерей, при 4-хъ офицерахъ и одномъ орудіи, а роты, стоявшія въ Тугахъ, вызвалъ въ Шушу.

1-го февраля Ильяшенко выступилъ изъ Шуши, по дорогѣ къ Шахъ-булаху, и, пройдя отъ крѣпости верстъ 30, былъ встрѣченъ непріятельскими разѣздами. Присутствіе персіанъ уже вблизи шушинской крѣпости было несомнѣнно. Но Ильяшенко все таки двинулся впередъ. Подходя къ шахъ-булахскимъ садамъ, онъ былъ окруженъ двухтысячнымъ скопищемъ непріятельской конницы. Однако, прокладывая себѣ дорогу штыками, отрядъ дошелъ до Шахъ-булаха, но дальнѣйшее движеніе впередъ стало невозможнымъ: огромныя скопища персіанъ заняли всѣ окрестныя высоты и отрѣзали путь къ Султанъ-Буду, до котораго оставалось еще около 30 верстъ. При обоюдной энергіи капитана Ильяшенко и маіора Джини, имъ, вѣроятно, все таки удалось-бы соединиться, но въ то время, когда Ильяшенко пробивался къ Шахъ-булаху, въ Султанъ-Будѣ произошло событіе, совершенно исключительное въ боевой лѣтописи кавказскихъ войскъ.

Еще въ концѣ января до маіора Джини стали доходить слухи о томъ, что большія силы персіанъ идутъ отъ Аракса къ Султанъ-Буду. Но онъ, повидимому, не обращалъ на это особеннаго вниманія и не озаботился ни укрѣпленіемъ Султанъ-Буда, ни обезпеченіемъ возможности отойти, въ случаѣ надобности, съ своимъ баталіономъ къ Шахъ-булаху, гдѣ и защищаться за высокими и крѣпкими стѣнами его. Султанъ-Будъ совершенно не былъ пригоденъ къ упорной, продолжительной оборонѣ. Это было простое зимовье кочевниковъ, не имѣвшее почти никакихъ жилыхъ

---

<sup>1)</sup> Въ баталіонѣ этомъ состояло: маіоровъ 2, капитановъ 2, штабсъ-капитановъ 2, подпоручиковъ 3, прапорщикъ 1, унтеръ-офицеровъ 31, барабанщиковъ 14, рядовыхъ 486, нестроевыхъ и дельщиковъ 19. (Архивъ штаба кавк. воен. округа дѣло № 299. Донесеніе маркиза Шаулучи военному министру отъ 21-го марта 1812 года № 59).

помѣшеній, кромѣ землянокъ, вырытыхъ въ полускатѣ горы. Площадь эта даже не была заблаговременно окопана рвомъ.

1-го февраля на окрестныхъ высотахъ показались передовыя части войскъ Аббасъ-Мирзы, а вскорѣ появились и главныя его силы. Увидѣвъ приближающагося противника, Джини построилъ баталіонъ въ карре впереди землянокъ, а орудія поставилъ „на открытомъ мѣстѣ и никакъ ихъ не закрылъ отъ непріятельской артиллеріи, кою управляли англичане“ <sup>1)</sup>. Число персіанъ было подавляющее: Аббасъ-Мирза привелъ съ собою свыше 10 тысячъ конницы, 8 тысячъ пѣхоты, 11 орудій и 100 фальконетовъ <sup>2)</sup>; многія части находились подъ командой англійскихъ офицеровъ. Закипѣлъ неравный бой. Стремительныя атаки персіанъ были мужественно отбиваемы штыками троицкихъ мушкетеровъ. Карре стояло непоколебимо, какъ гранитный утесъ, о который разбивались волны персидскихъ полчищъ. Однако, многочисленная непріятельская артиллерія, руководимая, какъ сказано, англійскими офицерами, быстро подавила нашу артиллерію: одно орудіе было подбито, а взрывъ единственнаго заряднаго ящика лишилъ возможности продолжать огонь и изъ другаго орудія <sup>3)</sup>. Почти въ самомъ началѣ боя былъ убитъ командиръ баталіона, маіоръ Джини; вслѣдъ затѣмъ, выбыли изъ строя и остальные старшіе офицеры, частью убитые, частью переранены. Но „храбрость солдатъ удерживала стремленіе непріятеля“ <sup>4)</sup>. Персіане передъ самымъ вечеромъ ворвались было въ зимовье, но дружный ударъ въ штыки выбросилъ ихъ обратно.

Наступилъ вечеръ. Атаки персіанъ прекратились. Команду надъ защитниками Султанъ-Буда принялъ капитанъ Оловяшниковъ, находившійся здѣсь подъ арестомъ за побѣгъ Джафаръ-Кули-аги съ Тертера. Едва стемнѣло, изъ персидскаго лагеря явился парламентаръ съ писанной по русски запиской Аббасъ-Мирзы, въ которой наслѣдникъ персидскаго престола увѣщевалъ начальника нашего отряда прекратить дальнѣйшее сопротивление и положить оружіе.

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 21-го марта 1812 года № 59. Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 296.

<sup>2)</sup> По показаніямъ Мехти-Кули-хана карабагскаго, у Аббасъ-Мирзы было 20 тысячъ войска, 15 орудій, 100 фальконетовъ, 4 тысячи охотниковъ и болѣе 6 тысячъ конницы.

<sup>3)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 296.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

Оловяшниковъ отвергнулъ это предложеніе. Аббасъ-Мирза прислалъ другое письмо, „съ угрозами, что всѣхъ перерубить въ случаѣ ихъ не сдачи“ <sup>1)</sup>). Оловяшниковъ, видимо, колебался. Находившіеся при отрядѣ Мехти-Кули-ханъ карабагскій и извѣстный проводникъ Карягина Меликъ-Ваня уговаривали его, пользуясь ночной темнотой, отойти къ Шахъ-булаху и запереться въ стѣнахъ его, при чемъ Меликъ-Ваня предлагалъ даже провести баталіонъ прямо въ Шушу. Но Оловяшниковъ не выказывалъ особеннаго расположенія къ этому плану. Наоборотъ, выслушавъ Мехти-Кули-хана, онъ объявилъ ему: „Вы непремѣнно должны выйти поспѣшно отсюда, а я самъ о себѣ позабочусь и ни въ Шахъ-булахъ, ни въ какое другое крѣпкое мѣсто не пойду“. Дальнѣйшія увѣщанія не оказывали на Оловяшникова никакого дѣйствія, и карабагскому хану ничего не оставалось, какъ позаботиться о собственной безопасности. Пользуясь темнотою ночи, онъ незамѣтно со своими нукерами вышелъ изъ Султанъ-Буда и на другой день благополучно прибылъ въ Шушу. Оловяшниковъ-же „былъ настолько подлъ“, <sup>2)</sup> что съ разсвѣтомъ 2-го февраля послалъ въ персидскій лагерь унтеръ-офицера Лунева <sup>3)</sup> и трехъ рядовыхъ съ письмомъ, въ которомъ выражалъ согласіе сдать, если Аббасъ-Мирза поручится, что гарнизонъ не будетъ уничтоженъ.

Обѣщаніе это было охотно дано, и въ пятницу, 2-го февраля, въ праздникъ Срѣтенія Господня, Троицкій баталіонъ положилъ оружіе, добровольно передавъ знамена свои въ руки персіанъ. Изъ всего баталіона избѣжали плѣна лишь два человѣка: унтеръ-офицеръ Тимчукъ и рядовой Федотовъ, кои, „не согласясь на измѣну, бѣжали и дошли до Елизаветполя“ <sup>4)</sup>).

Печальный фактъ сдачи персіанамъ Троицкаго баталіона долженъ быть всецѣло отнесенъ къ винѣ начальствующихъ лицъ. Находившійся въ Шушѣ, всего въ 70 верстахъ отъ Султанъ-Буда, шефъ Троицкаго полка, полковникъ Живковичъ, ни разу не

<sup>1)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 296.

<sup>2)</sup> Всеподданѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи, 22-го февраля 1812 г. № 46.

Донесеніе Мехти-Кули-хана маркизу Паулуччи отъ джафара 1812 г. Акты кавк. археогр. ком., т. V № 203.

<sup>3)</sup> Дубровинъ, т. V, стр. 447.

<sup>4)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 296.

посѣтилъ султанъ-будскаго гарнизона и „не осмотрѣлъ мѣсто положенія, которое занималось баталіономъ безъ всякихъ выгодъ“. Кромѣ того, по какимъ то неизвѣстнымъ соображеніямъ, Живковичъ оставилъ при этомъ баталіонѣ подъ арестомъ капитана Оловяшникова, „а не взялъ его въ крѣпость, могши помыслить, что сей капитанъ, страшась военнаго суда за упущеніе Джафаръ-аги и будучи близъ границъ, рѣшится передаться непріятелю, особливо зная, что русскіе дезертиры находятъ тамъ много выгодъ и уваженія“ <sup>1)</sup>).

Командиръ баталіона, маіоръ Джини, не принялъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ укрѣпленію занимавшагося имъ пункта, не смотря на то, что задолго имѣлъ свѣдѣнія о готовившемся вторженіи персіанъ. Благодаря этой безпечности, баталіонъ встрѣтилъ въ сорокъ разъ сильнѣйшаго противника на совершенно открытомъ мѣстѣ и въ теченіе цѣлаго дня разстрѣливался многочисленной непріятельской артиллеріей. Несмотря на это, люди все таки дрались съ рѣдкимъ мужествомъ. Но къ концу дня средства обороны были подорваны: оба орудія приведены въ негодность и запасъ патроновъ изсякъ <sup>2)</sup>).

Къ этому надо прибавить то удручающее впечатлѣніе, которое вызывалось видомъ убитыхъ и безпомощныхъ раненыхъ, валявшихся тутъ же, на небольшой площадкѣ, среди уцѣлѣвшихъ еще защитниковъ Султанъ-Буда, нервы которыхъ и безъ того были, конечно, сильно напряжены ужасами только что минувшаго дня<sup>3)</sup>). Слѣдующій день, несомнѣнно, обѣщалъ еще болѣе кровавую бойню: сопротивление сулило лишь поголовную гибель.... Однако, у Оловяшникова былъ выходъ изъ этого критическаго положенія: надо было ночью уйти незамѣтно въ Шушу. Успѣхъ этого предпріятія былъ вполнѣ возможенъ. Такъ сдѣлалъ за 7 лѣтъ передъ тѣмъ

<sup>1)</sup> Дѣло № 296 арх. штаба кавк. воен. округа. Донесеніе № 59.

<sup>2)</sup> Бѣжавшіе обратно къ намъ изъ персидскаго плѣна, въ ноябрѣ 1812 года, 52 человекъ нижнихъ чиновъ Троицкаго полка показали, что въ Султанъ-Будѣ они захвачены были персіанами, будучи не въ состояніи себя защищать по случившемся тогда недостатку въ боевыхъ патронахъ». (Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 15).

<sup>3)</sup> Маркизь Паулуччи посѣтилъ Султанъ-будъ 12 дней спустя послѣ происшедшей здѣсь катастрофы и нашелъ тутъ «до 50 труновъ» нашихъ солдатъ, убитыхъ въ день 1 февраля. Можно полагать, что число раненыхъ въ этомъ бою было гораздо больше. (Арх. штаба кавк. воен. округа, дѣло № 296. Донесеніе № 59).

Карягинъ; такъ сдѣлалъ на другой день въ Шахъ-булахъ Ильяшенко; такъ спаслись въ ту же самую ночь изъ Султанъ-Буда Мехти-Кули-ханъ и два нижнихъ чина. Но Оловяшниковъ, вмѣсто того чтобы сразу принять это рѣшеніе и энергично приступить къ исполненію его тотчасъ же съ наступленіемъ ночи, — находился въ полной нерѣшительности и колебался въ то время, когда каждая минута была дорога. Такъ проходила роковая ночь, а съ приближавшимся разсвѣтомъ, вслѣдъ за исчезающей тьмой, улетала безвозвратно и надежда на спасеніе.... Первый лучъ занявшейся зари бросилъ жребій султанъ-будскаго гарнизона; выпадала: или поголовная честная смерть, или постыдная сдача. У Оловяшникова не хватило духа на первое, и онъ малодушно предпочелъ „жить въ безславіи, чѣмъ умереть“... Въ этомъ, какъ кажется, и состояла суть „подлой“ его измѣны.

Это тяжкое для насъ событіе сильно подняло духъ персіанъ<sup>1)</sup>. Въ порывѣ восторга отъ столь необычайной для персидскаго оружія удачи, Аббасъ-Мирза осыпалъ своими милостями всѣхъ предавшихся на его сторону карабагцевъ, съ Джафаръ-Кули-агою во главѣ, и въ тотъ же день двинулся къ Шахъ-булаху, гдѣ заперся отрядъ капитана Ильяшенко. Положеніе послѣдняго было критическое. Не говоря уже о подавляющемъ численномъ превосходствѣ противника, въ отрядѣ не было ни патроновъ, ни провіанта для продолжительной борьбы. А между тѣмъ, персидскія полчища облегли замокъ со всѣхъ сторонъ и подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ собирались къ рѣшительному штурму. Ильяшенко съ своей стороны дѣлалъ видъ, что готовится къ отчаянной оборонѣ, а между тѣмъ, въ ночь съ 3-го на 4-е февраля, тихо вывезъ свое орудіе изъ замка и, при содѣйствіи прибѣжавшаго сюда изъ Султанъ-Буда знаменитаго Мелика-Вани, отправилъ его черезъ горы въ

---

<sup>1)</sup> Ермоловъ во время поѣздки своей въ Персію видѣлъ въ принадлежавшемъ Аббасъ-Мирзѣ Унджанскомъ замкѣ картину, изображавшую побѣду персіанъ надъ русскими, которые представлены обращенными въ бѣгство, увлекаемыми въ плѣнъ и съ униженіемъ молящими о пощаду. «Осматривая замокъ», говоритъ Ермоловъ, я спросилъ сопровождавшихъ меня персіанъ, какое картина представляетъ сраженіе? не Асландузское-ли? Наморщились рожи ихъ и страхъ, изобразившійся въ чертахъ отъ одного его ономъ воспоминанія, заставилъ меня не требовать отвѣта. Я сдѣлалъ другой вопросъ: не Ленкоранское-ли? Какъ будто окованъ былъ языкъ персіанъ, и ложь, столь обыкновенная въ устахъ ихъ, не изобрѣла отвѣта. Надобно было догадаться, что не оно. Наконецъ, сказано мнѣ, что картина представляетъ разбитіе Троицкаго баталіона. Я замолчалъ противъ правды». (Потто т. I стр. 492).



Шушу, а вслѣдъ за тѣмъ выступилъ туда же и самъ. Персіане по обыкновенію не имѣли никакого наблюденія за тропинками, ведущими къ крѣпости, а между тѣмъ, по одной изъ нихъ небольшой отрядъ Ильяшенко незамѣтно, въ потьмахъ пробирался изъ Шахъ-булаха и, двигаясь всю ночь форсированнымъ маршемъ, на другой день, 4-го фѣвраля, благополучно, безъ потерь, прибылъ въ Шушу<sup>1)</sup>).

Упустивъ отрядъ Ильяшенко, представлявшійся персіанамъ новой легкой добычей, Аббасъ-Мирза началъ выселять за Араксъ, въ предѣлы Персіи, жителей окрестныхъ карабагскихъ селеній. Отдѣльныя же партіи конныхъ персіанъ появились подъ стѣнами самой Шуши, въ которой заперлись пять ослабленныхъ ротъ 17 егерскаго полка<sup>2)</sup>, въ составѣ всего 637 человекъ.

Успѣхи нашихъ противниковъ росли съ каждымъ днемъ. Сдача Троицкаго баталіона подорвала обаяніе нашей непобѣдимости и населеніе стало передаваться персіанамъ при первомъ появленіи ихъ. Положеніе наше въ Карабагѣ становилась критическимъ. Аббасъ-Мирза, заранѣе торжествуя побѣду, обѣщаль Джафаръ-Кули-агѣ карабагское ханство. Персіане невозбранно хозяйничали на лѣвомъ берегу Аракса... Какъ вдругъ, разнесся слухъ, что идетъ Котляревскій.

---

<sup>1)</sup> Репортъ полковника Живковича маркизу Паулуччи отъ 4-го февраля 1811 г. № 67.

Въ I-мъ томѣ настоящаго труда, при описаніи подвиговъ Карягина у Шахъ-булаха, на стр. 218, сказано, что Меликъ-Ваня, за оказанныя имъ здѣсь услуги награжденъ былъ «чиномъ прапорщика, золотой медалью и пожизненною пенсіею въ 200 руб. серебромъ». Къ сожалѣнію, это невѣрно, и произошло отъ незнакомства съ фамиліными документами, хранящимися у потомковъ Мелика-Вани, Атабековыхъ. Любезно предоставленные въ распоряженіе военно-историческаго отдѣла, документы эти даютъ теперь возможность точно установить тѣ награды, которыя получалъ Меликъ-Ваня за самоотверженную службу намъ и неоднократныя услуги, спасавшія не разъ наши отряды. Именно: за Карягинскую экспедицію 1805 года, Меликъ-Ваня получилъ въ слѣдующемъ, 1806 году, только 12 крестьянскихъ семей. Въ 1808 году, при графѣ Гудовичѣ, за «отличную храбрость», оказанную Меликомъ-Ваней еще въ 1806, году въ сраженіи при Ханашинѣ, пожалована была ему «серебряная медаль для ношенія на шеѣ на красной лентѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ портрета его величества, а на другой—надпись за храбрость» (патентъ № 429). Въ 1812 году, по представленію маркиза Паулуччи «объ отличномъ усердіи къ службѣ и храбрости противу непріятеля, оказанныхъ Ованесомъ-Юзбашимъ-Арютюновымъ (Меликъ-Ваня) въ разныхъ случаяхъ», пожалованъ былъ ему чинъ прапорщика (отношеніе маркиза Паулуччи къ военному министру отъ 17 марта 1812 г. № 76 и патентъ отъ 14 ноября 1812 г. № 538); и, наконецъ, въ 1820 году, «вознаграждая отличное усердіе къ службѣ и храбрость», оказанную прапорщикомъ Ованесомъ Арютюновымъ въ сраженіяхъ съ лезгинами и при разбитіи акушинцевъ, государь императоръ пожаловалъ ему, по представленію Ермолова, «золотую медаль съ надписью за храбрость для ношенія на шеѣ на георгіевской лентѣ». (Патентъ 28 декабря 1820 г. № 4464).

<sup>2)</sup> Бобровскій. «Исторія Эриванскаго полка» т. III. стр. 287—288.

Получивъ свѣдѣніе о вторженіи персіанъ въ Карабагъ и опасаясь, что въ числѣ тамошнихъ нашихъ военачальниковъ едва-ли найдется человѣкъ необходимыхъ способностей и энергіи,—Паулуччи вызвалъ изъ Гори Котляревскаго, собралъ ему отъ разныхъ частей полторатысячный отрядъ и предписалъ форсированнымъ маршемъ итти въ Карабагъ, черезъ Новую Шемаху и Зардобъ.

9-го февраля Котляревскій прибылъ въ Н. Шемаху и, взявъ съ собою стоявшій здѣсь баталіонъ Кабардинскаго полка, двинулся далѣе въ Зардобъ. Но тутъ ему пришлось оставаться цѣлый мѣсяцъ, въ ожиданіи подхода частей, назначенныхъ въ его отрядъ <sup>1)</sup>. Последній могъ быть составленъ не иначе, какъ путемъ выдѣленія мелкихъ партій изъ другихъ отрядовъ, занятыхъ своими собственными, не легкими задачами, по водворенію порядка внутри занятого нами края.

Тѣмъ временемъ, Аббасъ-Мирза, получивъ первыя свѣдѣнія о движеніи Котляревскаго въ Карабагъ, поспѣшно отошелъ за Араксъ, уводя съ собою жителей попутныхъ сель. Пока сосредоточивался отрядъ Котляревскаго, самъ онъ проѣхалъ изъ Зардоба въ Шушу и здѣсь принялъ первыя мѣры къ прекращенію переселенія карабагскихъ жителей въ Персію. Въ этихъ цѣляхъ, Котляревскій предписалъ карабагскому хану перевести къ шушинской крѣпости всѣхъ жителей изъ ближнихъ къ Араксу селеній; тѣхъ же изъ нихъ, которые почему либо не могутъ быть переселены къ Шушѣ—перевести „въ крѣпкія мѣста“ и взять аманатовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, Котляревскій, для характеристики тогдашняго положенія Карабага, представилъ маркизу Паулуччи особую вѣдомость, изъ которой видно было, что за шестилѣтній періодъ, съ 1806—1812 годъ, всего увлечено персіанами изъ Карабага 2217 и самовольно бѣжало въ Персію 2628 дворовъ; кромѣ того, въ этомъ-же донесеніи говорилось, что „Карабагъ потерпѣлъ въ прошедшіе годы отгономъ скота

---

<sup>1)</sup> Въ составъ отряда Котляревскаго входили: Херсонскаго гренадерскаго полка 44 человѣка, Кабардинскаго мушкетерскаго—246 человѣкъ, Троицкаго мушкетерскаго—108 человѣкъ; Севастопольскаго мушкетерскаго 511 человѣкъ, 17-го егерскаго полка 435 человѣкъ; донскаго казачья Попова полка 201 человѣкъ, 20-й артиллерійской бригады 3 орудія—45 человѣкъ. Всего 1591 человѣкъ. Части эти должны были сосредоточиться къ Зардобу изъ Баку, Шеки, Ширвани, Елизаветноля и даже изъ Грузіи. (Рапортъ Котляревскаго маркизу Паулуччи отъ 22-го марта 1812 года. № 74).

такъ, что доведенъ до самой крайности еще прежде происшествія, сего года случившагося, и число онаго такъ велико, что ханъ вовсе не могъ дать мнѣ о томъ свѣдѣній“ <sup>1)</sup>).

Страна была совершенно разворена. Ожидать поправленія ея „отъ разслабленнаго Мехти-Кули-хана не было никакой возможности“. Недовѣріе къ намъ жителей, „посѣянное“ сдачей Троицкаго баталіона, дошло до того, что карабагцы „смотрѣли только перваго случая“, что бы передаться персіанамъ. Въ то же время, агенты Аббасъ-Мирзы повсюду разглашали, что онъ не далѣе какъ черезъ два мѣсяца вернется въ Карабагъ „довершить овладѣніе имъ и окончательно выгнать русскихъ, не могущихъ удерживать Карабагъ и готовыхъ бросить оный“.

Все это вынуждало Котляревскаго принять рѣшительныя мѣры противъ самого источника зла и „сдѣлать экспедицію за Араксъ“. „Цѣль моя, пояснялъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы, пренебрегая всякія трудности, переправиться за Араксъ, разбить непріятеля, возвратить сколько можно карабагцевъ, въ прошедшее время угнанныхъ, и отбить скотъ; но ежели бы со всѣмъ усиліемъ имѣлъ я малый успѣхъ, то и одно оказательство, что мы не слабы, принесть пользу, ибо карабагцы получаютъ къ силѣ нашей довѣріе, непріятель и другіе непріятельскіе народы не будутъ мыслить, что дѣло баталіона Троицкаго полка, помрачившее честь оружія російскаго, совершенно насъ остановило, и мы избавимся черезъ то внутреннихъ враговъ, коими наполненъ теперь Карабагъ. Не могу умолчать, добавлялъ Котляревскій, что экспедиція эта сопряжена съ крайнимъ трудомъ и съ самою малою надеждою на успѣхъ; но польза службы и честь російскаго оружія требуютъ, не взирая ни на что, приступить къ ней“ <sup>2)</sup>).

Съ обычной энергіей и „стремительностью“ приступилъ Котляревскій къ осуществленію своего отважнаго плана. Изъ числа войскъ, сосредоточившихся къ этому времени въ Зардобѣ, онъ взялъ 800 челов. пѣхоты, 200 казаковъ, 3 орудія и 12-го марта двинулся форсированнымъ маршемъ къ худоаферинской переправѣ, разсчитывая при-

<sup>1)</sup> Рапортъ генер.-лейтенанта Котляревскаго маркизу Пауллучи отъ 20-го февраля 1812 г. № 8.

<sup>2)</sup> Рапортъ Котляревскаго маркизу Пауллучи отъ 12 марта 1812 г. № 43.

быть сюда 15-го числа. Въ то же время, онъ предписалъ полковнику Живковичу взять 450 егерей, съ однимъ орудіемъ, выступить 14-го марта изъ Шуши, въ одинъ 75-ти верстный переходъ дойти до Худоаферина и захватить устроенный здѣсь персіанами мостъ черезъ Араксъ. Такимъ образомъ, къ 15 марту на худоаферинской переправѣ долженъ былъ сосредоточиться отрядъ въ 1250 человекъ пѣхоты, 200 казаковъ и 4 орудія.

13-го марта Котляревскій ночевалъ уже на рѣчкѣ Ханашинѣ, въ 80 верстахъ отъ Зардоба.

На слѣдующій день, онъ прошелъ 50 вер. къ Дашкесану, разбивъ по дорогѣ Джафаръ-Кули-агу, возвращавшагося со своими карабагцами отъ Шахъ-булаха и случайно наткнувшагося, недалеко отъ р. Ханашины, на нашъ аръбергартъ. Въ Дашкесанѣ Котляревскій получилъ извѣстіе, что на саржанлинской переправѣ находятся жители селенія Тугъ, намѣревавшіеся, въ числѣ 200 дворовъ, бѣжать въ Персію. Котляревскій тотчасъ-же, со всѣми казаками и 200-ми чел. Кабардинскаго мушкетерскаго полка, въ ночь двинулся къ Араксу и на разсвѣтѣ 15-го числа подошелъ къ саржанлинской переправѣ, настигъ здѣсь бѣглецовъ, остановилъ ихъ и подъ конвоемъ отправилъ обратно въ Карабагъ. Однако, переправиться у Саржанлы въ бродъ черезъ Араксъ, сильно разлившійся отъ дождей и оттепели, было рѣшительно невозможно. Столь же безуспѣшна была попытка и Севастопольскаго баталіона, посланнаго изъ Дашкесана, подъ начальствомъ маіора Писемскаго, къ переправѣ Султанлу, въ 10 верстахъ выше саржанлинской. Такимъ образомъ, планъ Котляревскаго переправиться черезъ Араксъ 15-го марта одновременно въ трехъ пунктахъ: у Худоаферина, Саржанлы и Султанлу, оказался невыполнимымъ, благодаря непредвидѣнному разливу рѣки. Переправиться можно было только по худоаферинскому мосту, куда Котляревскій и двинулся со всѣмъ своимъ отрядомъ, въ полной увѣренности, что переправа находится уже въ рукахъ Живковича. Но къ удивленію своему Котляревскій никого не нашелъ у моста, и послѣдній оказался разрушеннымъ персіанами. Живковича задержало въ пути

---

<sup>1)</sup> Тамъ же. Живковичу предписано было взять 250 егерей изъ Шуши, а 250, съ однимъ орудіемъ, изъ состава ротъ, находившихся между Шушой и Миграми.

сильное разлитіе горныхъ рѣчекъ, и онъ только на другой день, 16-го числа, присоединился къ отряду Котляревскаго, находившемуся въ это время на р. Топчанѣ. Становилось очевиднымъ, что настигнуть войска Аббасъ-Мирзы не было уже возможности: одна переправа черезъ Араксъ заняла бы слишкомъ много времени, а между тѣмъ, персіане спѣшно уходили въ глубь своихъ предѣловъ. Котляревскому ничего не оставалось, какъ возвратиться назадъ, въ Карабагъ, съ тѣмъ, чтобы заняться внутреннимъ успокоеніемъ этой истерзанной страны. Наканунѣ обратнаго выступленія, онъ получилъ свѣдѣніе, что на правомъ берегу Аракса, въ проходѣ Кизъ-кала, считавшемся персіанами весьма трудно-доступнымъ, находится много скота, защищаемаго 150 челов. отборныхъ куртинцевъ. Котляревскій командировалъ туда майора Троицкаго полка Подревскаго, съ 200 челов. пѣхоты и нѣсколькими казаками. Не смотря на силу позиціи и упорное сопротивленіе защитниковъ ея, Подревскій въ тотъ-же день, 16-го марта, овладѣлъ Кизъ-калою и пригналъ оттуда до 10 т. головъ разнаго скота. На другой день, 17-го марта, Котляревскій выступилъ обратно въ Карабагъ, объявивъ жителямъ селеній, находившихся по ту сторону Аракса, что всякій, вошедшій въ наши предѣлы для грабежа или съ персидскими прокламаціями, будетъ повѣшенъ <sup>1)</sup>.

Такъ окончилась эта четырехдневная экспедиція, въ теченіе которой Котляревскій съ сборнымъ, надерганнымъ отовсюду отрядомъ, организація котораго являлась полнымъ отрицаніемъ военно-административныхъ принциповъ, сдѣлалъ свыше 200 верстъ по труднымъ дорогамъ Карабага, въ періодъ дождей, таянія снѣговъ и разлива горныхъ рѣчекъ. Это послѣднее обстоятельство лишило его возможности перейти Араксъ и нанести персіанамъ пораженіе въ ихъ собственныхъ предѣлахъ; тѣмъ не менѣе, и безъ такого блестящаго подвига, экспедиція имѣла весьма важныя послѣдствія: она ободрила преданныхъ намъ жителей Карабага и убѣдила ихъ, что мы весьма далеки отъ такого безсилія, о которомъ повсюду разглашали агенты Аббасъ-Мирзы; появленіе въ Карабагѣ нашихъ

---

<sup>1)</sup> Рапортъ Котляревскаго маркизу Пауллуччи отъ 22 марта 1812 г. № 74. Бобровскій «исторія Эриванскаго полка ч. III стр. 290. Дубровинъ т. V стр. 451.

войскъ, подъ предводительствомъ Котляревскаго, въ самое смутное время, удержало въ повиновеніи колебавшихся, а возвращеніе съ Аракса подъ русскимъ конвоемъ нѣсколькихъ сотъ семей бѣглыхъ карабагцевъ ясно показало населенію, сколь ненадежно то покровительство и защита, которую обѣщали имъ персіане

Высоко цѣня результаты, добытые экспедиціей Котляревскаго, главнокомандующій испрашивалъ ему орденъ св. Анны 1-й степени и столовыхъ денегъ по 1200 руб. въ годъ.<sup>1)</sup> Ходатайство это было уважено, но объявить Котляревскому объ этой монаршей милости, послѣдовавшей лишь черезъ годъ, въ февралѣ 1813 г., пришлось уже преемнику маркиза Паулуччи, генералу Ртищеву. Послѣдній, не ожидая полученія высочайшаго рескрипта и грамоты, послалъ Котляревскому предписаніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „имѣвши уже въ виду высочайшее повелѣніе, сообщенное мнѣ черезъ военнаго министра, и желая, чтобы вы безотлагательно украсили себя симъ знакомъ отличія, съ точною похвалою вами заслуженнымъ, посылаю при семъ мой собственный орденъ, въ знакъ истиннаго моего къ вамъ усердія, и позволяю вамъ, возложивъ оный на себя, носить по установленному порядку“<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Отношеніе мираза Паулуччи къ военному министру отъ 27 февраля 1812 г. № 88.

<sup>2)</sup> Предписаніе ген. Ртищева ген. Котляревекому отъ 21 февраля 1813 г. № 126.

## Глава XVII.

Новыя попытки Шихъ-Али-хана завладѣть Кубой. Бездѣйствіе военачальниковъ нашихъ войскъ, находившихся въ этой области. Командировка туда генераль-маіора Хатунцова. Неудачный бой генераль-маіора Гурьева у Зіахура. Пораженіе Хатунцовымъ скопищъ Шихъ-Али-хана у деревни Рустовъ. Походъ въ Казикумухъ. Штурмъ крѣпости Кюри. Присоединеніе къ намъ кюринской области и образованіе изъ нея отдѣльнаго ханства, подъ управленіемъ Асланъ-хана.

Въ то время, какъ необычайная энергія и выдающіяся военныя способности Котляревскаго были направлены маркизомъ Паулуччи на защиту внѣшнихъ границъ Закавказья, — внутри приходилось вести не менѣ упорную борьбу съ врагами, поддерживавшимися интригами и золотомъ тегеранскаго двора. Наиболѣе настойчивымъ и дѣятельнымъ нарушителемъ внутренняго спокойствія края явился, какъ и въ предшествовавшемъ году, бывшій ханъ кубинскій Шихъ-Али, не терявшій надежду, при помощи персіанъ и дагестанскихъ союзниковъ, вернуть свое утерянное ханство.

Побѣды Лисаневича въ 1810 году, успокоивъ кубинскую область, все таки не отдали тогда въ наши руки главнаго виновника происшедшаго возстанія — Шихъ-Али-хана, который успѣлъ скрыться въ Казикумухъ. Здѣсь, при содѣйствіи владѣтеля послѣдняго — Сурхай-хана и щедрой поддержкѣ персіанъ, Шихъ-Али дѣятельно принялся за приготовленія къ новой борьбѣ съ нами и настолько успѣшно агитировалъ среди горскаго населенія южнаго Дагестана, что вскорѣ вся Аварія, Каракайтагъ, Дженгутай, Акуша и другія владѣнія были увлечены въ водоворотъ волненій, и толпы приверженцевъ Шихъ-Али-хана начали собираться во владѣніяхъ ущія каракайтагскаго. Многочисленные агенты персидскаго правительства разъѣзжали по всему Дагестану съ фирманами, въ которыхъ Баба-ханъ обѣщалъ въ видѣ помощи „снрядить одного львенка изъ лвъятъ берлоги своей державы, съ со-

крушающими полками, которые снабжены всѣми орудіями истребленія, сокрушенія и сожженія, черезъ Ганжу въ Тифлисъ, на истребленіе чтителей многобожія и ихъ наказанія“.

Кубинскій комендантъ, генераль-маіоръ Гурьевъ, узнавъ о происходившемъ въ Дагестанѣ, двинулся было съ двумя баталіонами своего Севастопольскаго полка противъ мятежниковъ, но, дойдя до рѣки Самура, получилъ здѣсь свѣдѣніе, что Шихъ-Али съ лезгинами намѣревается вторгнуться въ принадлежавшую намъ Табасарань. Гурьевъ потребовалъ отъ дербентскаго коменданта, полковника Адриани, что бы тотъ, какъ находившійся ближе къ Табасарани, „выслалъ бы часть гарнизона съ пушкою при дербентской конницѣ и не допустилъ бы измѣнника Шихъ-Али ворваться въ табасаранскую область“<sup>1)</sup>. Но полковникъ Адриани, не находя возможнымъ ослаблять и безъ того немногочисленный гарнизонъ Дербента, просилъ Гурьева предварительно прислать одинъ баталіонъ<sup>2)</sup>. Въ этихъ пререканіяхъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго Шихъ-Али ворвался въ Табасарань и завладѣлъ ею. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Тормасовъ пришелъ въ нескрываемое негодованіе. „Вынуждаюсь сказать вашему превосходительству истину, писалъ онъ генераль-лейтенанту Репину<sup>3)</sup>, что дѣянія и распоряженія по краю, управленію вашему вѣрному, для меня непостижимы. Всего же для меня неприятно, что я между генераль-маіоромъ Гурьевымъ и полковникомъ Адриани, по ихъ рапортамъ, замѣчаю личность, всегда и во всякое время наносящую вредъ его императорскому величеству“. Во всемъ происшедшемъ Тормасовъ рѣшительно обвинялъ Гурьева, который возлагалъ подавленіе мятежа на слабый гарнизонъ Дербента въ то время, какъ „самъ, имѣя въ отрядѣ своемъ два баталіона, готовыхъ вездѣ къ движенію, съ пренебреженіемъ или по какой либо причинѣ, которую понять трудно, не смѣлъ или не хотѣлъ изъ лагеря, занимаемаго имъ на Самурѣ, который, вѣроятно, по принятому въ Севастопольскомъ полку обыкновенію окопанъ, отдѣлить части войскъ для разсѣянія мятежниковъ“<sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 984.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 973.

<sup>3)</sup> Предписаніе Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 14-го августа 1811 г. № 942.

<sup>4)</sup> Тамъ же.



Но и полковника Адриани Тормасовъ далско не оправдывалъ. „Если бы вы, писалъ онъ ему <sup>1)</sup>), оставя всякую личность и усердствуя пользамъ службы его величества, будучи при томъ и младше генераль-маіора Гурьева, исполнили его отъ васъ требованіе и, замѣтивъ, что онъ не хочетъ изъ командуемыхъ имъ войскъ отдѣлить части оныхъ по какимъ нибудь резонамъ, за кои самъ отвѣтствуетъ, тотчасъ собравъ послѣднія свои силы, выслали бы въ помощь табасаранцамъ хотя одну роту съ пушкою при дербентской конницѣ, то навѣрное не случилось бы того безпорядка, который теперь произошелъ со вредомъ службы его императорскаго величества“.

Выражая генераль-лейтенанту Репину неудовольствіе по поводу происходившаго въ кубинской области, Тормасовъ высказывалъ ему, что „время уже кончитъ безпокойства въ томъ краю, кои, какъ будто нарочно, поддерживаются странными распоряженіями“ <sup>2)</sup>). Въ-стѣ съ тѣмъ, Репину предписывалось замѣтить генераль-маіору Гурьеву, что „лучшее оправданіе въ его недѣятельности можетъ быть скорое и рѣшительное очищеніе табасаранской области отъ бунтовщиковъ и истребленіе скопища Шихъ-Али; что полкъ, имъ командуемый, въ прошломъ году, запершись въ стѣнахъ кубинскихъ и не имѣя духа противустать толпѣ бунтовщиковъ, былъ причиною разоренія кубинской области и многихъ безпорядковъ, кои заставили для поправленія дѣлъ послать генераль-маіора Лисаневича, и что если теперь не принимается та же мѣра, чтобы употребить другаго начальника, то единственно шадя важнѣй чинъ и старшинство генераль-маіора Гурьева“.

Но ни внушенія эти, въ которыхъ, между прочимъ, поминалась и угроза Тормасова „довести о непонятной недѣятельности до высочайшаго свѣдѣнія, что, конечно, сдѣлаетъ непріятности“, ни вступленіе новаго главнокомандующаго, маркиза Паулуччи, которому по прежней должности генераль-квартирмейстера были не безызвѣстны кубинскія дѣла и который совершенно опредѣленно выражалъ въ приказахъ взгляды свои на долгъ военно-служащихъ, — ничто не выводило Гурьева изъ бездѣятельности. Пользуясь этимъ, Шихъ-Али

<sup>1)</sup> Предписаніе Тормасова полковнику Адриани отъ 14-го августа 1811 года, № 943.

<sup>2)</sup> Предписаніе Тормасова генераль-лейтенанту Репину отъ 14 августа 1811 года № 942.

продолжалъ хозяйничать въ Табасарани и, получивъ отъ персидскаго правительства значительную сумму денегъ, собралъ до 6-ти тысячъ „разной сволочи“, намѣреваясь вторгнуться въ кубинскую область.

Узнавъ объ этомъ, маркизъ Паулуччи предписалъ генераль-маіору Гурьеву „предупредить приближеніе дагестанцевъ, воспрепятствовать ихъ намѣреніямъ и найти случай атаковать ихъ и разбить“ <sup>1)</sup>. Въ то же время, главнокомандующій поручилъ шефу Троицкаго полка, генераль-маіору Хатунцову, отправиться въ Ширвань, подъ предлогомъ осмотра стоявшихъ тамъ двухъ баталіоновъ Херсонскаго гренадерскаго полка, и тайно разузнать, во-первыхъ, насколько справедливы получившіяся свѣдѣнія о приходѣ персидскихъ войскъ на Мугань, и во-вторыхъ, не находится-ли въ сношеніяхъ съ ними Мустафа-ханъ ширванскій. Въ случаѣ, если персіане дѣйствительно находятся на Мугани, Хатунцову предписывалось взять два баталіона изъ Ширвани и казачій полкъ изъ Шемахи—и атаковать персіанъ; въ противномъ-же случаѣ, съ однимъ только баталіономъ херсонскихъ гренадеръ и казачьимъ полкомъ, „слѣдовать въ кубинскую провинцію для соединенія съ генераль-маіоромъ Гурьевымъ и, составивъ сильный отрядъ изъ войскъ, въ той провинціи расположенныхъ, принять надъ ними главное начальство и тотчасъ же, не ожидая приближенія непріятельскаго къ нашимъ границамъ, выступить ему на встрѣчу, разбить и наказать хищныя сіи скопища, преслѣдуя въ самыя ихъ жилища, и возстановить совершенно спокойствіе въ томъ краю“ <sup>2)</sup>.

Между тѣмъ, генераль-маіоръ Гурьевъ, собравъ отрядъ въ 1348 человекъ Севастопольскаго полка, съ нѣсколькими казаками и татарской конницей, двинулся, наконецъ, 2-го ноября 1811 года, изъ Кубы въ табасаранскія ущелья, гдѣ, по свѣдѣніямъ, находились скопища Шихъ-Али-хана. Пройдя уже за рѣку Самуръ, Гурьевъ узналъ, что лезгины, въ свою очередь, перешли на правый берегъ этой рѣки, въ предѣлы кубинской области, съ тѣмъ, чтобы

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, стр. 230.

<sup>2)</sup> Предписаніе маркиза Паулуччи генераль-маіору Хатунцову отъ 26 октября 1811 г. № 27. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 229.

„впасть въ селеніа оной со всей стремительностью“ <sup>1)</sup>). Гурьевъ немедленно повернулъ назадъ, наперерѣзъ скопищамъ Шихъ-Али-хана, и, пройдя въ два дня 90 верстъ по крайне тяжелой горной дорогѣ, въ 3 часа ночи, на 5-е ноября, прибылъ къ рѣкѣ Самуру, перешелъ ее и остановился у м. Зіахуръ <sup>2)</sup>). На другой день, 6-го ноября, громадныя скопища лезгинъ окружили Гурьева. Непріятель занималъ всѣ окрестныя высоты, съ видимымъ намѣреніемъ не выпускать нашего отряда изъ этой западни. Гурьеву ничего не оставалось, какъ атаковать противника, не взирая ни на подавляющее численное превосходство лезгинъ, ни на силу занимаемой ими позиціи.

О результатахъ этого боя маркизъ Паулуччи доносилъ графу Румянцеву <sup>3)</sup> въ такихъ выраженіяхъ: „Послѣ 6 часовъ продолжавшагося дѣла, храбрость и мужество офицеровъ и солдатъ превозмогли упорство непріятеля, который послѣ жестокаго пораженія штыками разсѣлся по горамъ, оставя мѣсто сраженія, покрытое убитыми. О каковомъ происшествіи почтеннѣйше донося вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что таковое пораженіе, нанесенное дагестанцамъ, служитъ новымъ доказательствомъ для здѣшнихъ необузданныхъ народовъ, что они должны быть безмолвны предъ державою его императорскаго величества“.

Такого же рода было донесеніе маркиза Паулуччи и военному министру, котораго онъ просилъ „довести до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества, что отрядъ войскъ, командуемый генераль-маіоромъ Гурьевымъ, 6-го ноября имѣлъ весьма упорное сраженіе съ лезгинами и, наконецъ, предуплѣлъ ихъ разбить“ <sup>4)</sup>).

Однако, на самомъ дѣлѣ, зіахурскій бой происходилъ далеко не такъ, какъ доносилъ объ этомъ главнокомандующій, основывавшійся, въ свою очередь, на рапортѣ генераль-маіора Гурьева. Рѣшившись атаковать мятежниковъ, Гурьевъ построилъ свои войска узкой, глубокой колонной. Впереди, въ авангардѣ, шли вызванные

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 230.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-маіора Гурьева маркизу Паулуччи 28 ноября № 1043.

<sup>3)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ графу Румянцеву отъ 20-го ноября 1811 года № 58. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 230.

<sup>4)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 3 декабря 1811 г. № 65. Тамъ же № 232.

стрѣлки; за ними—двѣ гренадерскія роты, съ двумя орудіями; затѣмъ, двѣ мушкетерскія роты, съ однимъ орудіемъ; обозъ, съ сильнымъ прикрытіемъ, и арбергартъ; ввиду того, что гористая, покрытая густымъ лѣсомъ мѣстность была неудобна для дѣйствія кавалеріи—казаки и татарская конница оставлены были назади <sup>1)</sup>). Едва отрядъ Гурьева вошелъ въ лѣсистыя ущелья, какъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лезгинами, которые, то осыпали колонну изъ-за деревьевъ градомъ пуль, то бросались въ шашки съ самаго близкаго разстоянія. Неуклюжій боевой порядокъ Гурьева исключалъ всякую возможность взаимной поддержки частей; людямъ приходилось драться узкимъ фронтомъ, почти въ одиночку; артиллерія не могла принять никакого участія; не было выслано ни одной обходной колонны сбивать засѣваго на пути противника. Шестъ часовъ продолжался этотъ отчаянный бой, въ которомъ передніе безпомощно гибли на глазахъ заднихъ. Число убывающихъ изъ строя все болѣе и болѣе увеличивалось; въ колоннѣ начало замѣчаться смятеніе, и Гурьевъ отступилъ, потерявъ болѣе 300 человекъ убитыми и ранеными, 50 плѣнныхъ и оставивъ лезгинамъ много аммуниціи и оружія.

„Сраженіе это, доносилъ впослѣдствіе Хатунцовъ <sup>2)</sup>), я по всей справедливости долженъ назвать примѣрно несчастливымъ. Но сіе нельзя приписать къ винѣ генераль-маіора Гурьева, ибо онъ, конечно, старался сіе сраженіе одержать какъ можно лучше и въ честь оружію его императорскаго величества, но несчастливъ былъ тѣмъ, что не имѣлъ въ такомъ разѣ надежныхъ и хорошихъ себѣ помощниковъ. Я вашему превосходительству донесу здѣсь только объ одномъ гнусномъ поступкѣ двухъ капитановъ Логвиненковыхъ, изъ которыхъ первый оставилъ во время сраженія орудіе и самъ бѣжалъ; орудіе было уже въ рукахъ непріятели, ежели бы не подспѣбли оно опять отбить. Другой же братъ Логвиненковъ, уже послѣ сраженія подойдя къ портупей-прапорщикамъ, приказывалъ онымъ оторвать два знамени отъ древокъ безъ всякой надобности;

---

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Гурьева маркизу Паулуччи отъ 28 ноября 1811 г. № 1043.

<sup>2)</sup> Главнокомандующій секретнымъ письмомъ, отъ 7 декабря за № 72, поручилъ генераль-маіору Хатунцову произвести разслѣдованіе о боѣ 6 ноября. Результаты этого разслѣдованія Хатунцовъ представилъ маркизу Паулуччи секретнымъ рапортомъ отъ 18 декабря 1811 года за № 549.

видя, что портупей-прапорщики не исполняютъ его приказаній, онъ отдалъ его вторично, а затѣмъ взялъ самъ топоръ и, вырвавъ у нихъ два знамени, отрубилъ у обоихъ подтоки,—и съ какимъ намѣреніемъ сіе было сдѣлано никто не знаетъ“. Паника, распространившаяся въ отрядѣ уже послѣ отступленія, была настолько велика, что, по словамъ самого же Гурьева, „большая часть аммуниціи, какъ-то: шинели, палатки и прочее, потеряны не во время сраженія, а тогда уже, когда перешли изъ вагенбурга въ деревню въ ночное время“ <sup>1)</sup>).

Вообще, Севастопольскій полкъ весьма неудачно зарекомендовалъ себя съ первыхъ же дней прибытія на Кавказъ еще при кн. Цициановѣ. Послѣдній тогда же писалъ государю, „что полкъ никогда свиста пуль не слыхивалъ, ходить не умѣетъ, и солдаты на 15-ти верстахъ устаютъ и падаютъ“. Дальнѣйшая дѣятельность полка въ кубинской области ознаменовалась тѣмъ, что онъ никогда и нигдѣ „не имѣлъ духа противустать толпѣ бунтовщиковъ“, и обычный ему образъ дѣйствій вызвалъ даже ироническое замѣчаніе Торماسова, что отрядъ Гурьева, стоя на Самурѣ противъ „сволочи“ Шихъ-Али-хана, „по принятому въ Севастопольскомъ полку обычаю, вѣроятно, окопанъ“. Такой духъ полка всецѣло являлся результатомъ неудовлетворительнаго состава корпуса офицеровъ, который, по выраженію Хатунцева, „весьма разстроены, и офицеры одинъ передъ другимъ стараются интриговать“. Понятно, что такія войска были неспособны выдержать тяжелое боевое испытаніе, выпавшее на ихъ долю у Зіахура, и полкъ отступилъ съ громадными и постыдными потерями. Однако, Гурьевъ „въ реляціи описывалъ сіе сраженіе примѣрнымъ“ и доносилъ главнокомандующему, что „одержалъ въ тотъ день весьма важную побѣду“ <sup>2)</sup>). Этотъ то случай и далъ поводъ маркизу Паулуччи отдать приведенный выше приказъ о томъ, чтобы генералы въ своихъ донесеніяхъ не уклонялись отъ истины „для приданія себѣ болѣе блеску въ глазахъ государя и публики“.

---

<sup>1)</sup> Секретный рапортъ генералъ-маіора Хатунцева маркизу Паулуччи отъ 18 декабря 1811 года № 549.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 234.

Неудача, испытанная нами у Зіахура, произвела на самого Гурьева такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ въ теченіе почти двухъ недѣль оставался на рѣкѣ Самурѣ въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, какъ бы въ оцѣпенѣніи, и считалъ свое положеніе безъисходнымъ. А между тѣмъ, ободренные мятежники разсыпались по всей кубинской области, день отъ дня усиливаясь все новыми и новыми сторонниками. Къ толпамъ Шихъ-Али вскорѣ присоединился Асланъ-ханъ дженгутайскій и люди аварскаго хана, считавшагося преданнымъ намъ и состоявшаго въ нашей службѣ въ чинѣ генералъ-маіора. Упоенный первымъ успѣхомъ, Шихъ-Али приближался къ Кубѣ, въ надеждѣ скоро овладѣть всюю областью. Положеніе наше становилось критическимъ.... Но, къ счастью, въ это время подходилъ сюда изъ Ширвани генералъ-маіоръ Хатунцовъ, съ баталіономъ херсонскихъ гренадеръ и донскимъ казачьимъ Попова 16-го полкомъ.

Хатунцовъ прибылъ на Кавказъ въ февралѣ 1811 года, въ качествѣ вновь назначеннаго шефа Троицкаго мушкетерскаго полка, и не имѣлъ еще здѣсь случая составить себѣ боевую репутацію. Но за то неподкупная честность и рѣшительный характеръ его были уже извѣстны на Кавказѣ. Поэтому то, маркизъ Паулуччи, выбирая для подавленія кубинскихъ беспорядковъ подходящаго генерала, остановилъ свой выборъ именно на Хатунцовѣ<sup>1)</sup>.

Прибывъ въ Кубу 16-го ноября,<sup>2)</sup> Хатунцовъ присоединилъ

<sup>1)</sup> Николай Михайловичъ Хатунцовъ началъ службу въ 1779 году въ гвардіи. Съ происшествіемъ въ 1799 году въ генералъ-маіоры, онъ былъ назначенъ сперва шефомъ Ревельскаго, а 27 февраля 1811 года—шефомъ Троицкаго полка. Когда маркизъ Паулуччи командировалъ Хатунцова въ Ширванъ потребовать отъ хана уплатить казнѣ недоимку въ 2700 червонцевъ и поставить войскамъ 5 тысячъ четвертей хлѣба, то Мустафа, исполнивъ это требованіе, прислалъ Хатунцову въ подарокъ 500 тагаровъ чалыка (необмолоченнаго сарачинскаго пшена), цѣнностью въ 10 тысячъ рублей. Хатунцовъ отказался отъ подарка. Ханъ, по обыкновенію, принявъ этотъ отказъ за личное оскорбленіе. Пришлось уступить, и Хатунцовъ принялъ подарокъ, но представилъ его при рапортѣ главнокомандующему въ пользу казны. Маркизъ Паулуччи приказалъ принять пшено въ казну, продать его и вырученные деньги употребить на учрежденіе подвижнаго магазина. Доводя до свѣдѣнія военнаго министра объ «отлично-благородномъ поступкѣ Хатунцова и о безпритворномъ усердіи, съ каковымъ онъ сдѣлалъ сіе приношеніе въ пользу казны», Паулуччи просилъ исходатайствовать Хатунцову «высочайшее благоволеніе черезъ отдаваемые приказы и осчастливить также его пожалованіемъ высочайшаго рескрипта съ милостивымъ изъясненіемъ къ нему монаршаго благоволенія». Просьба главнокомандующаго была уважена, и безкорыстіе Хатунцова было сповѣшено съ высоты престола. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 15).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 214.

здѣсь къ херсонскому баталіону еще баталіонъ 46-го егерскаго полка и, составивъ, такимъ образомъ, отрядъ въ 877 штыковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся 20-го ноября къ деревни Рустовъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, находились главныя скопища мятежниковъ. Казачій полкъ отправленъ былъ къ генералу Гурьеву, которому приказано оставаться на рѣкѣ Самурѣ, „какъ на важномъ пунктѣ по прорыву непріателя“ <sup>1)</sup>. Сбивая по дорогѣ непріательскіе пикеты, Хатунцовъ 21-го ноября подошелъ къ названной деревнѣ и произвелъ рекогносцировку непріательской позиціи. Семитысячное скопище лезгинъ, находившееся здѣсь подъ предводительствомъ самого Шихъ-Али-хана, съ которымъ былъ и сынъ Сурхай-хана казыкумухскаго, ожидало наши войска за рядомъ засѣкъ, заваловъ и шанцевъ, возведенныхъ въ большемъ числѣ какъ вокругъ самой деревни, такъ и на прилежащихъ къ ней высотахъ. Позиція была весьма сильна. Тѣмъ не менѣе, Хатунцовъ рѣшилъ, не откладывая, атаковать ее. Раздѣливъ свой отрядъ на три колонны и „открывъ стрѣлками перепалку“, онъ стремительно двинулся на селеніе одновременно съ трехъ сторонъ. Завязался упорный бой. Лезгины мужественно отстаивали каждую пядь своей позиціи, но дружный натискъ штыковъ выбивалъ ихъ изъ одного укрѣпленія въ другое, и только послѣ четырехъ-часоваго „упорнѣйшаго съ обѣихъ сторонъ сраженія“ удалось вытѣснить противника со всѣхъ занятыхъ имъ пунктовъ и обратить въ бѣгство. Послѣднее произведено было съ такою поспѣшностью, что въ наши руки досталось 33 знамени, 350 лошадей и все имущество самого Шихъ-Али-хана, который не успѣлъ даже захватить своихъ бумагъ. Потери мятежниковъ доходили, по показаніямъ плѣнныхъ лезгинъ, до 600 раненыхъ и болѣе тысячи убитыхъ. Особенно много погибло лезгинъ во время бѣгства ихъ съ позиціи „черезъ болотныя и непроходимыя мѣста“. Въ плѣнъ взято 166 человекъ. Наши потери состояли изъ 92 человекъ убитыми и ранеными <sup>2)</sup>. Разгромъ мятежниковъ былъ полный, и лезгины разсѣялись, совершенно очи-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V., №№ 231 и 232.

<sup>2)</sup> Рапортъ генераль-лейтенанта Репина маркизу Пауллуччи отъ 25 ноября 1811 г. № 1426. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 231, 232, 233, 236, 238.

стивъ кубинскую область. „Побѣда сія, доносилъ маркизъ Паулуччи <sup>1)</sup>, послужитъ навсегда достопамятною эпохою въ военной исторіи здѣшняго края, и я смѣю ласкать себя надеждою, что она довольно удостовѣритъ нашихъ непріятелей въ истинѣ, что здѣшній корпусъ войскъ его императорскаго величества оживленъ тѣмъ же воинскимъ духомъ, который дѣлалъ оный страшнымъ для сосѣдей Грузіи въ времена покойнаго князя Циціанова“.

Генераль-маіоръ Хатунцовъ, какъ „доказавшій на опытѣ дарованія свои“, былъ награжденъ орденомъ св. Анны I-го класса.

Однако, пораженіе мятежниковъ и одно только изгнаніе ихъ изъ предѣловъ кубинской области не могло, конечно, оградить послѣднюю отъ повторенія волненій, происходившихъ здѣсь уже не въ первый разъ. Самъ главнокомандующій, маркизъ Паулуччи, имѣя такую точку зрѣнія, доносилъ по этому поводу военному министру: „Если вашему высокопревосходительству благоугодно будетъ кинуть взоръ на донесенія о разныхъ воинскихъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ Кубѣ со времени смерти покойнаго князя Циціанова до сего времени, то вы усмотрѣтъ изволите, что способы, какіе были предпринимаемы для прекращенія безпокойствъ, часто возникавшихъ въ Кубѣ, были весьма слабы и, какъ видно изъ послѣдствій, служили минутнымъ лекарствомъ,—подавали только благоприятный случай къ превосходнымъ реляціямъ. Напротивъ того, я льшусь надеждою, что стремительныя мѣры, которыя съ самаго начала принялъ, соединивъ въ Кубѣ, безъ малѣйшей потери времени, такую значительную часть здѣшнихъ силъ, какія только я могъ отдѣлать для нанесенія рѣшительнаго удара, и повелѣнія, какія я далъ вновь, чтобы истребить зло въ самомъ онаго основаніи, могутъ на предбудущее время возстановить прочное спокойствіе во всей провинціи“ <sup>2)</sup>.

Повелѣнія же эти состояли въ томъ, что, получивъ извѣстіе о пораженіи мятежниковъ у деревни Рустовъ, маркизъ Паулуччи немедленно предписалъ генераль-маіору Хатунцову присоединить къ себѣ отрядъ генераль-маіора Гурьева, вторгнуться въ земли Сурхай-

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 3 декабря 1811 г. № 65.

<sup>2)</sup> Тамъ же.



хана хамбута казыкумухскаго — главнаго покровителя Шихъ-Али-хана, „гордящагося неприступностью своихъ владѣній“, и „поступить съ симъ вѣроломнымъ владѣльцемъ примѣрнымъ образомъ такъ, чтобы сіе послужило всѣмъ урокомъ, какъ наказывается россиянами измѣна государю императору“ <sup>1)</sup>). Хатунцову предписывалось: вступивъ въ земли хамбута, „не щадить ничего“ и если онъ не покорится и не согласится подписать трактатъ о подданствѣ, то отобрать отъ него кюринскую область и „утвердить владѣльцемъ ея племянника Сурхай-хана, преданнаго намъ Асланъ-бека“ <sup>2)</sup>). При этомъ, главнокомандующій рекомендовалъ Хатунцову, „по неприступности мѣстъ, гдѣ настоящее жилище Сурхай-хана, принять всевозможныя осторожности и при наказаніи его въ явную опасность не вдаваться“ <sup>3)</sup>).

Дѣйствительно, Казыкумухъ, куда предстояло теперь вторгнуться Хатунцову, представлялъ собою дикую, горную область Дагестана, изрѣзанную вдоль и поперекъ скалистыми горами, глубокими пропастями, на днѣ которыхъ, въ густой чащѣ лѣсныхъ зарослей, ревѣли бѣшеные потоки. Дорогъ здѣсь не было; въючныя тропинки вились по карнизамъ скалъ и приводили въ мрачныя аулы, лѣпившіяся по утесамъ скалъ, гдѣ таилось разбойничье племя лезгинъ, не знавшихъ другихъ занятій, кромѣ войны и грабежей.

3-го декабря 1811 г. Хатунцовъ, съ отрядомъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты и части казаковъ, переправился черезъ рѣку Самуръ и вступилъ во владѣнія Сурхай-хана <sup>4)</sup>). Отсюда къ послѣднему послано было письмо съ требованіемъ выдачи намъ Шихъ-Али. Отвѣтъ получился уклончивый. Хатунцовъ снова повторилъ тоже требованіе. Но „коварные отвѣты Сурхай-хана явно обнаруживали упорство его согласиться на наши требованія“ <sup>5)</sup>). Тогда Хатунцовъ рѣшилъ принять болѣе энергичныя мѣры.

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Предписаніе маркиза Пауллучи генераль-маіору Хатунцову отъ 4 декабря 1811 г. № 215. Асланъ-бекъ изъ-за вражды съ дядей своимъ Сурхай-ханомъ бѣжалъ къ намъ и, находясь съ партією преданныхъ ему людей при нашихъ войскахъ, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Отрядъ генераль-маіора Хатунцова состоялъ изъ баталіона 46-го егерскаго полка, баталіона херсонскихъ гренадеръ и казаковъ Попова 16-го полка. Отношеніе маркиза Пауллучи къ военному министру отъ 4-го января 1812 г. № 8.

<sup>5)</sup> Тамъ же.

Присоединивъ къ себѣ еще баталіонъ Севастопольскаго полка и сотню казаковъ, онъ, 5-го декабря, двинулся впередъ, по направленію къ селенію Ишпикъ, и, дабы „вселить страхъ въ мятежныхъ хамбутайцевъ“, приказалъ сжечь семь деревень, лежавшихъ на пути движенія нашего отряда. Мѣра эта, видимо, произвела должный эффектъ, и Сурхай-ханъ въ тотъ же день прислалъ въ дер. Ишпикъ, гдѣ остановился отрядъ Хатунцова, своего посланца „съ просьбой не раззорять его владѣній и съ обѣщаніемъ исполнить наши требованія“. Хатунцовъ далъ два часа срока. Но прошли почти сутки, а Сурхай-ханъ не только не исполнялъ обѣщанія выдать намъ мятежнаго Шихъ-Али, но, наоборотъ, „всемирно укрѣплялся въ разныхъ мѣстахъ“ и явно выказывалъ намѣреніе выиграть въ переговорахъ время. Хатунцовъ рѣшилъ продолжать начатыя имъ уже дѣйствія. Съ этой цѣлью, 6-го декабря, изъ деревни Ишпикъ посланъ былъ баталіонъ 46-го егерскаго полка, съ однимъ орудіемъ и 50 казаками, сжечь лежавшую невдалекѣ деревню Шахи, въ которой было замѣчено присутствіе непріятели. Деревня эта лежала на вершинѣ большой горной группы, холмистая подошва которой была покрыта густымъ лѣсомъ. Увидя приближеніе нашего отряда, лезгины спустились съ горы, заняли опушку лѣсовъ и открыли „сильную перепалку“ съ нашими стрѣлками. На поддержку егерскаго баталіона были высланы изъ ишпикскаго лагеря еще двѣ роты, съ двумя орудіями и 50 казаками. Подкрѣпленіе это дало возможность выбить засѣвшихъ въ лѣсу лезгинъ, которые поспѣшно отступили къ деревнѣ Шахи. Последняя, однако, оказалась на столько сильно укрѣпленной, что Хатунцовъ не рѣшился атаковать ее и отошелъ обратно къ Ишпику, приказавъ „сжечь въ виду непріятели другую деревню, называемую Бунтъ“ <sup>1)</sup>. Это неудачное предпріятіе, стоившее намъ 43 человекъ убитыми и ранеными, воодушевило лезгинъ и вселило въ нихъ особенную увѣренность въ силу своихъ горныхъ позицій. Съ лихорадочной поспѣшностью начали они еще болѣе укрѣплять деревню Шахи и сосѣдніе аулы, лежавшія на пути дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ. Но „осмотрительный“ Хатунцовъ, „не предвидя возможности взять непрія-

<sup>1)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ военному министру отъ 4 января 1812 года № 8.

тельскія позиціи безъ большихъ потерь и считая невыгоднымъ драться въ такихъ мѣстахъ“, рѣшилъ обойти расположеніе противника и прорваться прямо къ главному пункту кюринской области, къ крѣпости Кюри.

Съ этой цѣлью, 10-го декабря, Хатунцовъ, сжегши Иншпикъ, двинулся впередъ, дѣлая видъ, что намѣревается обойти занятія лезгинами деревни, съ тѣмъ, чтобы атаковать ихъ съ тылу. Непрiятель поспѣшно началъ сосредоточиваться къ подступамъ, по которымъ ожидалъ атаку нашихъ войскъ. Но Хатунцовъ, отвлекая, такимъ образомъ, вниманіе лезгинъ, быстро прошелъ мимо позиціи ихъ, сжегъ встрѣтившуюся на пути деревню Улулода и направился къ селенію Татаръ-ханъ. Тутъ только лезгины увидѣли оплошность, въ которую вовлечены были маневромъ Хотунцова. Желая преградить ему дальнѣйшій путь, Сурхай-ханъ спѣшно послалъ сына своего Нухъ-бека, съ частью лезгинъ, напрямикъ, по горамъ, занять селеніе Татаръ-ханъ. Порученіе это было исполнено настолько быстро, что къ моменту подхода нашего отряда къ названному селенію, послѣднее уже было занято сильною непріятельскою партіею. Но Хатунцовъ выслалъ впередъ стрѣлковъ, которые, „послѣ усильнаго упорства непріятеля, сбили его со всѣхъ мѣстъ и обратили въ бѣгство“ <sup>1)</sup>. Устрашенный Сурхай-ханъ покинулъ занимавшіяся имъ крѣпкія позиціи и поспѣшилъ запереться въ крѣпость Кюри.

Послѣдняя лежала на рѣкѣ Кюрахъ-чай, въ горномъ проходѣ, ведущемъ изъ Казикумуха въ кубинскую область. Должна Кюрахъ-чая, не превосходящая здѣсь 1½ версты ширины, образована крутыми, мѣстами каменистыми горами, поднимающимися по обѣимъ сторонамъ рѣки амфитеатромъ, до высоты 150 и болѣе сажень. На одной изъ площадокъ сѣвернаго амфитеатра, между устьями двухъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кюрахъ-чай, и лежала крѣпость Кюри. Одна сторона ея примыкала къ высокому обрыву рѣки, а другія—окопаны были рвомъ и обнесены каменной стѣной, высотой отъ 6-ти до 14 футъ, и толщиной въ 2 фута. 19 башень съ бойницами высоко подымались надъ стѣнами, и

<sup>1)</sup> Тамъ же.

кромѣ того, три отдѣльныхъ башни, возвышавшихся на окрестныхъ горахъ, къ сѣверу отъ крѣпости, препятствовали обходу ея съ этой стороны, при чемъ одна изъ этихъ башень замыкала и главную дорогу, ведущую въ крѣпостныя ворота. <sup>1)</sup> Внутри крѣпости находилась цитадель съ ханскимъ дворцомъ. Въ эту то твердыню кюринской области и заперся Сурхай-ханъ съ тысячею человекъ отборныхъ лезгинъ, „въ чаяніи удержать за собою сіе главное и первое мѣсто“. Но Хатунцовъ, подойдя къ крѣпости въ полдень 14-го декабря, въ ту же ночь „отважнымъ штурмомъ ниспровергъ всѣ его ожиданія“ <sup>2)</sup>).

Первый ударъ направленъ былъ на передовыя непріятельскіе шанцы, находившіеся подъ выстрѣлами съ крѣпостныхъ стѣнъ. Посланные Хатунцовымъ стрѣлки, „съ мужественнымъ духомъ, свойственнымъ росіянамъ, бросающіеся на шанцы, по упорнѣйшемъ съ обѣихъ сторонъ нападеніи и защищеніи“, выбили непріятели и вогнали его въ крѣпость. Вслѣдъ за этимъ, орудія наши подвезены были къ стоявшей у дороги отдѣльной башнѣ, командовавшей всею крѣпостью. Башня эта была взята штурмомъ и 50 лезгинъ, упорно защищавшихъ ее, были перебиты, кромѣ одно лишь человека, взятаго въ плѣнъ. На башню тотчасъ же втащили наши орудія и открыли изъ нихъ бѣглый огонь по внутренности крѣпости. Одновременно съ этимъ, Хатунцовъ послалъ двѣ команды стрѣлковъ, каждую въ 150 человекъ, обойти крѣпость съ обѣихъ фланговъ и произвести фальшивую тревогу „съ батальнымъ огнемъ и крикомъ ура!“ Маневръ этотъ, въ связи съ непрерывнымъ губительнымъ огнемъ нашихъ орудій, привелъ непріятели въ полнѣйшее замѣшательство. Предположивъ, что русскіе ломятся въ крѣпость одновременно со всѣхъ сторонъ, лезгины въ совершенномъ безпорядкѣ бросились вонъ изъ крѣпости и, „выбѣжавъ въ горныя ворота, ретировались стремглавъ по ущелью, почти непроходимому“. Двѣ мѣдныхъ пушки, три фальконета, 8 знаменъ, въ томъ числѣ одно ханское, множество мелкаго оружія, разныхъ вещей, лошадей и запасовъ достались нашимъ войскамъ, завладѣвшимъ крѣпостью,

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 222 и 223

<sup>2)</sup> Тамъ же.

съ потерей 50 человекъ убитыми и ранеными. „Такимъ образомъ, доносилъ Паулуччи <sup>1)</sup>, сія значительная крѣпость, а съ нею и вся кюринская область, составляющая наилучшее достояніе владѣній Сурхай-хана хамбутая казикумухскаго, стремительнымъ дѣйствіемъ побѣдоноснаго оружія его величества покорена подъ непосредственную зависимость всероссійской имперіи“.

Преслѣдовать Сурхай-хана въ глубь его „гористаго, бесплоднаго и бѣднѣйшаго казикумухскаго владѣнія“ не было возможности по причинѣ того, что, во-первыхъ, горы покрыты были уже „непроходимымъ“ снѣгомъ, а во-вторыхъ, по „вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ“ было извѣстно, что въ ханствѣ свирѣпствуетъ какая-то заразительная болѣзнь, отъ коей „прошлаго лѣта болѣе тысячи семействъ сдѣлались жертвою оной“. Поэтому, генераль-маіоръ Хатунцовъ, „пользуясь ужасомъ, распространеннымъ храбрыми войсками его величества въ кюринскомъ владѣніи, немедленно обратился къ мѣрамъ кротости, дабы уstraшенный громомъ оружія кюринскій народъ, удалившійся въ лѣса и ущелья горъ, призвавъ въ ихъ жилища, преклонить милосердіемъ къ покорности и привлечь въ подданство россійской имперіи“ <sup>2)</sup>).

Полный успѣхъ увѣнчалъ это предпріятіе. „Употребленный въ семь случаѣ генераль-маіоромъ Хатунцовымъ племянникъ Сурхай-хана, Асланъ-бекъ, истощилъ всю свою ревность къ пользамъ службы его императорскаго величества и по приверженности къ нему кюринскаго народа, которую онъ приобрѣлъ добрыми своими свойствами и храбростью, предуплѣлъ склонить всѣхъ кюринцевъ предать себя доброю волею въ покорность россійской имперіи, принять присягу на вѣчную вѣрность подданства и войти въ ихъ жилища со всѣми семействами и имуществомъ, въ полномъ довѣріи къ покровительству ихъ войсками его величества“ <sup>3)</sup>).

Бѣжавъ изъ крѣпости Кюри, Сурхай-ханъ прислалъ главнокомандующему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что Шихъ-Али арестованъ имъ „и просилъ остановить движеніе нашихъ войскъ“ <sup>4)</sup>. Пау-

<sup>1)</sup> Военному министру отъ 4-го января 1812 года № 8.

<sup>2)</sup> Тоже отъ 9-го февраля 1812 года № 38.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 224.

луччи на это отвѣчалъ <sup>1)</sup>): „Поступки ваши мнѣ совершенно извѣстны, а что вы посылали своего сына съ войсками въ помощь бунтовщику Шихъ-Али-хану противу войскъ его императорскаго величества—въ томъ и сами въ письмѣ своемъ признаетесь. И такъ, не распространяясь болѣе, я вамъ объявляю, что вамъ теперь предлежитъ одинъ только путь къ спасенію и къ заглаженію вашего преступленія, а именно: выдать тотчасъ арестованнаго вами Шихъ-Али-хана въ руки генераль-маіора Хатунцова. Тогда войска, по повелѣнію моему дѣйствующія, оставятъ васъ въ покоѣ, владѣніе ваше будетъ вамъ по прежнему предоставлено, и вы съ народомъ вашимъ будете счастливы. Сверхъ того, увѣряю васъ моимъ словомъ, что выданному вами Шихъ-Али-хану не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда и при томъ я отзову въ Тифлисъ племянника вашего Асланъ-бека. Если же вы поупорствуете и не выдадите измѣнника Шихъ-Али-хана, то войска по данному отъ меня повелѣнію не выйдутъ изъ вашего владѣнія, доколѣ камень на камени будетъ оставаться, истребятъ жилища вашихъ подвластныхъ и сожгутъ ихъ деревни и имущество, понесутъ повсюду мечъ и пламя, пока сила оружія его императорскаго величества не принудитъ васъ исполнить мое требованіе, а кюринское владѣніе все безъ изыятія будетъ отъ васъ отнято. Вотъ вамъ послѣднее мое слово! Изберите, что для васъ лучше, а я исполню такъ, какъ сказалъ“.

Но на это письмо не послѣдовало никакого отвѣта, и главнокомандующій рѣшилъ отторгнуть кюринскую область на всегда отъ владѣній Сурхай-хана. Область эта, пространствомъ около двухъ тысячъ квадратныхъ верстъ, лежала въ южномъ Дагестанѣ, на лѣвомъ берегу Самура, по теченію рѣкъ Гуріени и Кюрахъ-чая. Послѣднія, сбѣгая съ высокаго хребта Какма-дагъ, на протяженіи 80 верстъ текутъ почти параллельно, а затѣмъ соединяются и впадаютъ общимъ русломъ въ Каспійское море. Рѣки эти, имѣя горный характеръ, совершенно непригодны къ судоходству, но, богато орошая двѣ горныхъ долины, являются главными живительными артеріями всей области; благодаря имъ здѣсь процвѣтало хлѣбопашество, и кюринская провинція служила житницей сосѣднихъ съ ней гор-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V № 217, отъ 24-го декабря 1811 года № 303.

ныхъ и бесплодныхъ областей Дагестана. Пшеница и ячмень, „урожаясь, по причинѣ плодородной земли, въ великомъ изобиліи, составляли главное упражненіе и прибытокъ всего населенія“ <sup>1)</sup>. Въ болѣе же высокихъ частяхъ области, гдѣ хлѣбопашество становилось уже затруднительнымъ, жители занимались исключительно скотоводствомъ, съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, что нагорныя площади изобиловали хорошими пастбищами. Вообще, всѣ кюринцы, числомъ около 5 тысячъ дворовъ, вели достаточный образъ жизни, а „домашнее заведеніе и хозяйственность жителей показывали ихъ трудолюбіе“ <sup>2)</sup>. Но помимо этихъ экономическихъ условій кюринской области, пріобрѣтеніе нами послѣдней должно было оказать немаловажное вліяніе и на сосѣднія ей области Кубы и Дербента. „Прикрывая теперь, писалъ Паулуччи <sup>3)</sup>, отъ стороны Дагестана Дербентъ, а наипаче Кубу, кюринская провинція доставитъ симъ областямъ, утомленнымъ черезъ шестилѣтнее раззореніе, покой и свободу, занявшись хозяйственными своими распоряженіями, прійти въ цвѣтущее состояніе, такъ и для того, что сіе новопріобрѣтенное владѣніе по самому мѣстоположенію своему, также по богатству произведеніями земли и по многимъ необходимымъ надобностямъ, коими пользуются отъ нея разныя республиканскія общества лезгинцевъ, можетъ считаться ключемъ къ Дагестану и вѣрнымъ орудіемъ къ приведенію въ покорность Россіи сихъ хищныхъ народовъ, надъ которыми казикумухское владѣніе доселѣ держало въ Дагестанѣ важный перевѣсъ, но которое теперь, по отторженіи отъ онаго кюринской области, питавшей хлѣбомъ все сіе бесплодное ханство и служившей въ зимнее время убѣжищемъ для скота сихъ горныхъ народовъ, который составляетъ все ихъ имущество—приведено въ крайнее состояніе, обезсилено совершенно и потеряло вліяніе свое на Дагестанъ“.

Являлся вопросъ: что же дѣлать съ этой провинціей. Присоединить-ли ее совершенно къ нашимъ владѣніямъ и управлять русскими чиновниками на общихъ основаніяхъ, или образовать изъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 223.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Военному министру отъ 9-го февраля 1812 г., № 58.

нея вассальное намъ владѣніе. Паулуччи остановился на послѣднемъ. „Если бы новопокоренная кюринская область, объясняль онъ <sup>1)</sup>, вдаваясь въ самый Дагестанъ, обращена была въ одну изъ провинцій російскихъ, на основаніи нашего порядка, то для охраненія цѣлости ея неотмѣнно во всякое время должно было-бы имѣть въ ней сильную часть здѣшнихъ войскъ, для удержанія въ предѣлахъ послушанія самого народа и для обузданія хищныхъ ея сосѣдей, чего однако же невозможно теперь никоимъ образомъ исполнить по военнымъ обстоятельствамъ нашимъ съ важнѣйшими непріятелями Грузіи,—съ персіанами и турками. Во-вторыхъ, дикость нравовъ сихъ народовъ, могущихъ не скоро умягчиться, и врожденная привязанность къ прежнему ихъ ханскому правленію, также ихъ обыкновенія, кои они почитаютъ закономъ, весьма отдаленныя отъ правилъ и порядка нашего правленія, всегда служили бы поводомъ къ многократнымъ замѣшательствамъ, безпокойству и охлажденію къ намъ сихъ народовъ. Между тѣмъ, какъ чрезъ предоставленіе сей провинціи въ управленіе хану, непосредственно отъ російской имперіи зависящему, который, зная свойство и образъ народныхъ мыслей, можетъ гораздо удобнѣе дѣйствовать на ихъ умъ по направленію здѣшняго правительства. Кромѣ того, поставленный нами ханъ, получивши отъ щедротъ его величества сіе богатое владѣніе, долженъ будетъ, для собственной своей пользы, пещись объ удержаніи своихъ границъ, благосостояніи народа и о сохраненіи между онымъ спокойствія, обходясь однимъ небольшимъ нашимъ гарнизономъ, поставленнымъ въ крѣпости для защиты оной и въ необходимости для поддержанія его самого,—слѣдственно, симъ способомъ, кромѣ значительныхъ выгодъ отъ пріумноженія казенныхъ доходовъ, удалена еще можетъ быть необходимость содержать въ кюринской провинціи знатную часть нашихъ войскъ, кои нужны для дѣйствій противъ главнѣйшихъ непріятелей и избѣгнется вредное развлеченіе здѣшнихъ силъ; равнымъ образомъ, и самый народъ, довольный правленіемъ, къ коему

---

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 9-го февраля 1812 года № 38. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 224.



онъ привыкъ, останется привязаннымъ къ своимъ жилищамъ и къ мѣстамъ, сохраняющимъ гробы ихъ предковъ“.

Нельзя, конечно, отрицать, что образование въ Закавказьѣ новаго мусульманскаго ханства далеко не отвѣчало преслѣдовавшимся нами здѣсь цѣлямъ и задачамъ. Но совокупность условій, въ которыхъ находился маркизь Паулуччи, и главное—ограниченность нашихъ войскъ не оставляли въ этомъ вопросѣ иного выхода. Поэтому, рѣшеніе, принятое главнокомандующимъ, было для данной обстановки наиболѣе подходящимъ, особенно если имѣть въ виду, что новообразуемое ханство предполагалось вручить Асланъ-беку—личному врагу Сурхая казикумухскаго и въ то же время челоуѣку, преданному намъ и по убѣжденіямъ, и по собственнымъ интересамъ.

„Итакъ, слѣдуя сему предположенію, которое основывалось на самыхъ примѣрахъ, видимыхъ въ здѣшнемъ краю, и на пользахъ службы“<sup>1)</sup>, Паулуччи предписалъ генераль-маіору Хатунцову и коллежскому совѣтнику Могилевскому ввести трактатомъ въ управленіе кюринскимъ ханствомъ Асланъ-бека. Послѣдній долженъ былъ принять присягу на вѣрность подданства, дать въ аманаты старшаго своего сына и сыновей двухъ почетнѣйшихъ старшинъ, „предоставить самую кюринскую крѣпость въ единственное распоряженіе и власть російскому гарнизону, въ оной поставленному“, и ежегодно платить намъ дань въ 3 тысячи червоицевъ и поставлять бесплатно для продовольствія войскъ 3 тысячи четвертей хлѣба. Кромѣ того, на него возлагались различныя обязанности, главнымъ образомъ, по содѣйствию въ продовольствіи нашихъ войскъ и по распространенію нашего вліянія на сосѣднія съ кюринскимъ ханствомъ племена Дагестана. Взамѣнъ же этого, Асланъ-бекъ утверждался законнымъ владѣльцемъ кюринскаго ханства „потомственно по старшинству колѣна“, въ удостовѣреніе чего ему даровалась высочайшая грамота и знаки инвеституры; предоставлены ему судъ, расправа и всѣ доходы съ ханства; и сверхъ того, всемилостивѣйше пожалованъ чинъ полковника, съ жалованьемъ по чину серебромъ<sup>2)</sup>.

Самый актъ введенія Асланъ-бека во владѣніе кюринскимъ хан-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 224.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 224 и 225.

ствомъ былъ обставленъ съ возможной торжественностью. Знаки инвеституры вручили ему на площади крѣпости Кюри при огромномъ стеченіи народа, въ присутствіи войскъ. Самъ комендантъ поднесъ ему на богатой подушкѣ, нарочно присланной для этого случая изъ Тифлиса, высочайшую грамоту, а два офицера вручили ему: одинъ распущенное знамя, другой—драгоценную саблю, лежавшую въ открытомъ футлярѣ. Войска отдали честь съ барабаннымъ боемъ и музыкой. Полудикіе граждане новаго ханства безмолствовали, пораженные невиданнымъ зрѣлищемъ величественнаго торжества.

Главный виновникъ успѣховъ, достигнутыхъ нами при подавленіи кубинскаго мятежа и покореніи кюринской области, генераль-маіоръ Хатунцовъ, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3 класса.

Извѣщая Сурхая объ образованіи кюринскаго ханства и о назначеніи правителемъ его Асланъ-хана, Паулуччи писалъ <sup>1)</sup>: „Часть владѣнія вашего отнялъ я потому, что вы не сдержали свято присяги, которую нѣсколько разъ давали всеильному моему государю императору вѣрно служить, и за то, что вы не исполнили послѣдняго моего повелѣнія. Владѣніе сіе препоручилъ я по волѣ государя высокостепенному Асланъ-хану, какъ вѣрноподданному російской имперіи и наслѣднику казикумухскому. Теперь я симъ только ограничиваюсь, а ежели вы чтонибудь еще предпримите противу войскъ его императорскаго величества и противу его подданныхъ, тогда потеряете все свое владѣніе и будете скитаться безъ пристанища, какъ вѣтранный Шихъ-Али“.

---

<sup>1)</sup> Письмо маркиза Паулуччи Сурхай-хану казикумухскому отъ 3 февраля 1812 г. № 164. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 219.

## Глава XVIII.

Волненія въ Грузіи въ 1812 году. Причины, подготовившія возстаніе въ Кахетіи: особенныя условія отношеній къ намъ различныхъ классовъ населенія этой области; неудовлетворительный составъ нисшихъ чиновъ нашей администраціи; злоупотребленія земскои полиціи, интендантовъ и судей; продовольственныя затрудненія 1811—1812 года; назначеніе экзекуціи; самоуправство войскъ; поведеніе грузинскаго духовенства и князей. Состояніе и настроеніе населенія Кахетіи въ началѣ 1812 года.

Поручая Котляревскому успокоеніе Карабага, маркизь Паулуччи самъ переѣхалъ туда же изъ кубинской области, въ намѣреніи личнымъ присутствіемъ содѣйствовать успѣху предстоявшей борьбы съ персіанами. Но едва главнокомандующій прибылъ, въ срединѣ февраля 1812 года, въ Шушу, какъ долженъ былъ „съ величайшей поспѣшностью обратиться во внутрь Грузіи, гдѣ кахетинскій народъ, наиболѣе мятежный, открылъ явную измѣну и съ ожесточеніемъ поднялъ оружіе противъ нашихъ войскъ“<sup>1)</sup>.

Печальное происшествіе это, возникшее почти одновременно съ возстаніемъ въ Дагестанѣ и съ неурочнымъ—необычно раннимъ по времени года, вторженіемъ въ Карабагъ Аббасъ-Мирзы, при войскахъ котораго находился царевичъ Александръ,—не оставляло въ главнокомандующемъ никакого сомнѣнія, что событія, взволновавшія Закавказье, въ зиму 1811—1812 года, были „слѣдствіемъ согласнаго съ непріателемъ заговора, для нанесенія удара нашимъ войскамъ, въ здѣшнемъ краю расположеннымъ“<sup>2)</sup>. Увѣренность эта пріобрѣтала въ главнокомандующемъ тѣмъ большую твердость, что у мятежниковъ захвачены были даже фирманы, ясно доказывавшіе „тайныя сношенія неблагонамѣренныхъ въ Грузіи людей съ

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26 марта 1812 года № 85.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

персидскимъ правительствомъ и взаимное согласіе ихъ ко вреду здѣшнихъ войскъ“ <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, наличность политической интриги въ, такъ называемомъ, кахетинскомъ бунтѣ не подлежала никакому сомнѣнію. Однако, происки нашихъ политическихъ противниковъ были въ данномъ случаѣ лишь порывомъ вѣтра, раздувшимъ искру мятежа, попавшую въ груды горячаго, легко воспламеняющагося матеріала, надъ накопленіемъ котораго трудились не одни только недоброжелатели наши, но, къ сожалѣнію, и сами мы.

Широкое слѣдствіе, произведенное вслѣдъ за подавленіемъ мятежа, дало случай всѣмъ классамъ населенія Кахетіи, отъ митрополитовъ до крестьянъ, съ рѣдкимъ единодушіемъ и откровенностью указать на невыносимый гнетъ злоупотребленій чиновъ нашей администраціи, какъ на единственную причину, вызвавшую взрывъ народной ярости. „Всемиловѣйшій государь, говорили кахетинцы, покорилъ для нашего спокойствія непріятелей, а тѣ, которыхъ къ намъ приставили, обобрали насъ... Мы дошли до такой крайности, что при персіанахъ, туркахъ и лезгинахъ такого гнѣва не терпѣли, какъ теперь“ <sup>2)</sup>).

Весьма возможно, что подобныя заявленія, какъ клонившіяся, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы оправдать кровавыя злодѣянія мятежа,—были сильно преувеличены по существу. Но, несомнѣнно, что въ нихъ была доля и правды. А между тѣмъ, всякое своеволие нисшихъ чиновъ нашей администраціи, переносившееся болѣе или менѣе легко населеніемъ другихъ областей Закавказья, въ Кахетіи пріобрѣтало особо острое значеніе, благодаря исключительнымъ условіямъ этой страны.

Прежній фсодально-аристократическій строй ея выработалъ въ населеніи привычку подчиняться только аристократіи: смиряясь передъ произволомъ князя, кахетинецъ не выносилъ гнета плебея. Съ нашимъ же приходомъ, наиболѣе частыя притѣсненія населеніе стало испытывать именно отъ вахтеровъ, комиссіонеровъ, мелкихъ полицейскихъ и интендантскихъ чиновниковъ, выходившихъ

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 90.

обыкновенно изъ нижняго званія. „Бывшій здѣсь вахмейстеръ, — жаловались кахетинцы <sup>1)</sup>), — при отдачѣ мужиками хлѣба или ячменя, заставлялъ ихъ одного вмѣсто стула, а другого — вмѣсто стола согнуться, и потомъ на одномъ сидѣль, а на другомъ писалъ и, такимъ образомъ, безчеловѣчно мучилъ“.

Стремленіе къ чрезвычайной власти составляло вообще отличительную черту отношеній нашей администраціи къ туземному населенію. „Когда пріѣзжалъ къ намъ капитанъ-исправникъ съ 40 или 60 человѣками свиты, — жаловались грузины, — то поступалъ съ нами въ видѣ царя и заставлялъ служить, какъ при царяхъ служили. Говорили, что будто бы они наши цари, и всегда царскія повинности брали отъ насъ“. Быть можетъ, въ другихъ областяхъ Закавказья такое властолюбіе капитанъ-исправниковъ и принималось за вполнѣ естественное и даже законное явленіе, но на кахетинцевъ, считавшихъ свою страну какъ-бы вотчиной грузинскихъ царей, оно опять таки производило рѣзкое впечатлѣніе. Кахетія была колыбелью царской семьи Ираклія II, число членовъ которой доходило до 80 душъ обоего пола. Самъ Ираклій родился и умеръ въ Телавѣ. При жизни, онъ не любилъ Тифлиса, зная, что карталинцы считали своего царя узурпаторомъ, похитившимъ власть у прямой линіи карталинскихъ Блградидовъ. Поэтому и сердце Ираклія всегда лежало больше къ родной Кахетіи. Лучшіе годы и минуты своей долгой и бурной жизни провелъ онъ въ цвѣтушей долинѣ Алазани, среди близкаго и безгранично преданнаго ему населенія, называвшаго, въ пѣсняхъ и легендахъ, своего любимаго царя-героя не иначе, какъ ласкательнымъ именемъ „маленькій кахетинецъ“.

Къ перевороту въ политическомъ состояніи Грузіи, происшедшему послѣ смерти послѣдняго царя ея — Георгія XII, многочисленныя члены бывшаго царскаго дома отнеслись далеко не одинаково. Одни видѣли въ насъ истинныхъ спасителей отъ окончательной гибели Грузіи; другіе, наоборотъ, сожалѣли объ утраченномъ собственномъ благополучіи и порицали Георгія, предавшаго намъ свое царство; третьи же, какъ царевичи: Александръ, Теймуразъ, Парнаозъ, Леванъ и другіе открыто перешли на сторону нашихъ

<sup>1)</sup> Въ прошеніи отъ 17-го марта 1812 года.

политическихъ соперниковъ—турокъ и персіанъ, при содѣйствіи которыхъ настойчиво начали добиваться возвращенія прежнихъ порядковъ. Естественно, что и кахетинцы, связанные тѣми или иными узами съ членами царской семьи, также относились къ намъ далеко не одинаково и въ нѣкоторой своей части представляли матеріалъ, весьма отзывчивый къ проискамъ бѣглыхъ царевичей.

Этому не мало способствовало различіе въ отношеніяхъ къ намъ и кахетинскаго дворянства, пользовавшагося вообще большимъ вліяніемъ въ народѣ. Безспорно, въ числѣ грузинскихъ князей было не мало лицъ, твердо преданныхъ намъ и самоотверженно содѣйствовавшихъ подавленію мятежа <sup>1)</sup>. Но было не мало и такихъ, которые, внѣшне выражая намъ полную покорность и даже угодливость, состояли въ тоже время „тайными партизанами бѣглыхъ царевичей“ <sup>2)</sup>. Побудительныя причины къ этому были различны: одни изъ князей состояли въ близкихъ, а иногда даже и родственныхъ отношеніяхъ къ недоброжелательнымъ намъ членамъ царскаго дома; другіе—симпатизировали старымъ порядкамъ, при которыхъ пользовались различными благами и преимуществами, прекратившимися съ уничтоженіемъ въ Грузіи царской власти. Насаждая здѣсь, на развалинахъ ниспровергнутаго нами же феодально-аристократическаго строя, бюрократическій порядокъ управленія страной, мы неизбѣжно навлекли на себя неудовольствіе тѣхъ членовъ грузинской аристократіи, которымъ пришлось съ нашимъ появленіемъ утратить первенствующее положеніе, занимавшееся имъ ранѣе при грузинскихъ царяхъ; и чѣмъ родовитѣе была такая фамилія, тѣмъ, конечно, тягостнѣе было для нея отступить на второй

---

<sup>1)</sup> Тамазъ Орбеліани, Константинъ Багратионъ, Дарчи Бебутовъ, Палавандовъ, Соломонъ Аргутинскій-Долгоруковъ, Степанъ Мсликовъ и др. (Списокъ князей и дворянъ—всего 20 человекъ—доказавшихъ во время волненій въ Грузіи истинную преданность намъ, съ указаніемъ заслугъ каждого, приложенъ къ отношенію генерала Ртицева къ графу Румянцеву отъ 16-го марта 1814 года № 87. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 295, стр. 236).

<sup>2)</sup> Всеподданѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 г., № 85. Вообще, въ волненіяхъ, происшедшихъ въ Грузіи въ 1812 году, было замѣнено болѣе 80-ти кахетинскихъ и карталинскихъ князей и дворянъ, принадлежавшихъ къ 35-ти фамиліямъ, въ числѣ коихъ встрѣчаются: Чавчавадзе, Амхлахвари, Андрониковы, Эристовы, Чолакасы, Абашидзе, Вачнадзе, Макаевы, Сагиновы и др. (Списокъ князей и дворянъ, у коихъ были описаны въ казну имѣнія за участіе въ бунтѣ, приложенъ къ предложенію генерала Ртицева общему собранію верховнаго грузинскаго правительства отъ 15-го января 1813 года № 46. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 513, стр. 466).

планъ передъ людьми, недавно еще безвѣстными по происхожденію, но успѣвшими уже взобраться на ступени іерархической лѣстницы русскаго чиновничества; а между тѣмъ, новый порядокъ, основанный не на родовыхъ, а на личныхъ достоинствахъ каждаго гражданина, и былъ именно таковъ, что нѣкогда могущественный князь-феодалъ, съ которымъ считались даже цари, долженъ былъ теперь покорно смиряться передъ чиновничьимъ авторитетомъ коллежскаго регистратора.

Наконецъ, въ числѣ туземныхъ дворянъ были и такіе, недоброжелательство которыхъ къ намъ обуславливалось мотивами исключительно личнаго свойства. Почти каждый грузинскій князь непременно искалъ себѣ отъ русскаго правительства особенныхъ милостей и добивался исключительныхъ, часто совершенно незаслуженныхъ и даже несправедливыхъ преимуществъ, по выраженію Паулуччи, „что государь императоръ всѣ милости свои и доходы Россіи долженъ обращать на одну только Грузію“ <sup>1)</sup>). Встрѣчая часто противодѣйствіе подобнымъ домогательствамъ со стороны главнокомандующихъ, грузинскіе князья отправлялись прямо въ Петербургъ и тамъ всякими средствами добивались желаемаго. „Здѣшніе князья, дворяне и прочіе разнаго званія люди, писалъ Паулуччи министру полиціи <sup>2)</sup>), находятъ средства получать чины безъ рекомендацій мѣстнаго начальства и не за службу, а стоитъ только пріѣхать имъ въ С.-Петербургъ, гдѣ за таковыхъ, какъ видно, всегда готовы предстательствовать члены бывшаго грузинскаго царскаго дома, въ С.-Петербургѣ находящіеся“. „Вѣтренность и обманъ, писалъ Паулуччи въ другой разъ <sup>3)</sup>), есть прилипчивая болѣзнь, заразившая многихъ здѣсь князей и дворянъ, кои стараются всемѣрно побывать въ столицѣ, единственно для того, что тамъ, по однимъ ихъ проискамъ, щедро раздаются незаслуженныя ими награды“. Главнокомандующій, съ обычной ему прямою, вынужденъ былъ даже предупредить государя, что „не должно вообще довѣрять азіатцамъ, а наипаче тѣмъ, которые отправляются

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 4, 5, 24, и 82.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 25 стр. 17.

<sup>3)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ г. сов. Козадавлеву отъ 4 января 1812 г. № 12.

отсель въ столицу имперіи и которые между своими соотечественниками дѣйствительно наиболѣе преданы интригамъ“ <sup>1)</sup>). Склонность же къ послѣднимъ была, по наблюденіямъ Паулуччи, на столько развита среди грузинскаго дворянства, что когда, напри- мѣръ, правитель Грузіи, генераль-маіоръ Ахвердовъ, подалъ про- ектъ относительно „разныхъ предметовъ управленія сего края“ и, между прочимъ, предлагалъ опредѣлить къ моуравамъ по одному помощнику, то Паулуччи замѣтилъ: „помощниковъ при моуравахъ не признаю полезнымъ, зная свойства здѣшнихъ князей и дворянъ, кои не упустятъ развлекать управляемый ими народъ интригами своими и несогласіемъ“ <sup>2)</sup>).

При такихъ условіяхъ, каждый промахъ нашей администраціи неизбѣжно находилъ не малое число ярыхъ порицателей, старавшихся дискредитировать наше управленіе въ глазахъ простого народа. Въ поводахъ же къ этому, къ сожалѣнію, недостатка не было, благодаря вообще весьма неудовлетворительному составу нисшихъ чиновъ нашей администраціи. Зло это, господствовавшее тогда вообще во всей Россіи и особенно на ея окраинахъ, не уступало ни Кавказѣ никакимъ усиліямъ главнокомандующихъ. Даже грозный Циціановъ былъ совершенно безуспѣшенъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями и, въ отчаяніи отъ неисправимо худого состава чиновниковъ, пріѣз- жавшихъ служить на Кавказъ, хотѣлъ выйти въ отставку. Тор- масовъ, послѣ перваго же личнаго знакомства съ земскою полиціей, прямо писалъ: „я и самъ не нахожу ничего распутнѣе земскою по- лиціи, которой хуже, думаю, нигдѣ нѣтъ“ <sup>3)</sup>). Разнообразныя мѣры, принимавшіяся къ улучшенію личнаго состава нашей нисшей админи- страціи, не приводили къ желаемымъ результатамъ. Не смотря на многочисленныя льготы и преимущества, предоставлявшіяся въ тѣ времена служащимъ на Кавказѣ, все таки мало находилось охотни- ковъ ѣхать на эту далекую, незамиренную еще окраину, гдѣ труд- но было рассчитывать на какія либо удобства жизни. Поэтому,

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 27 декабря 1811 г. № 96.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 25, стр. 16, пунктъ 8.

<sup>3)</sup> Тамъ же, т. IV, № 45.



на Кавказъ отправлялись по большей части тѣ, кому не было уже мѣста во внутренней Россіи: люди сомнительной нравственности, испорченной репутаціи, алчные, корыстолюбивые—всѣ охотно шли сюда, въ расчетахъ найти удовлетвореніе своимъ низменнымъ инстинктамъ на этой неустроенной еще окраинѣ, откуда было: „и до Бога высоко, и до царя далеко“<sup>1)</sup>. Здѣсь, въ роли „благодѣтелей“ и „избавителей“, они нисколько не стѣснялись съ туземнымъ населеніемъ и находили, что послѣднее „изъ благодарности“ должно безпрекословно удовлетворять всѣ прихоти ихъ и капризы, какъ бы ни были таковыя несообразны. Взяточничество и всякаго рода незаконные поборы отличались крайней безцеремонностью. Сигнахскій капитанъ-исправникъ, напримѣръ, по заявленію жителей, все время спалъ и безъ взятки не соглашался даже отворить двери своей квартиры. „Когда кто имѣлъ какую жалобу, то если видѣли у него кулакъ сжатый для дачи—впускали, а если нѣтъ, то били и къ себѣ не допускали. За претензію и споры о пятирублевомъ дѣлѣ, судьи брали взятку по пятидесяти рублей. Всегда справедливыхъ обвиняли, а несправедливыхъ взяточдавцевъ оправдывали“<sup>2)</sup>. Способы къ вымогательству взятокъ не имѣли никакихъ границъ. „Если нужно было, напримѣръ, выстроить домъ для войскъ, или конюшни для лошадей, то уже по окончаніи постройки тотчасъ заставляли ее разрушить, подъ предлогомъ, что дверь сдѣлана не съ той стороны или окно не тамъ, гдѣ нужно“<sup>3)</sup>.

Принесеніе жалобъ на незаконные поборы или несправедливости было для населенія дѣломъ весьма затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Всякая жалоба или скрывалась, или выставлялась какъ возмущеніе противъ властей. „Если мы къ правителю послали наши жалобы, писали жители селенія Прасіанъ, то секретарь, переводчикъ и придворные чиновники были съ ними (мѣстными начальниками) товарищи и нашу жалобу вовсе не доводили до свѣ-

---

<sup>1)</sup> Такъ обыкновенно отвѣчали нисшіе представители русской власти угнетенному населенію, когда послѣднее напоминало имъ о Богѣ и царѣ. (Записка князя Чавчавадзе, поданная императору Николаю I-му въ 1837 г. Копія въ военно-историческомъ отдѣлѣ; также акты кавк. археогр. ком., т. V, № 90).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 90 и 91.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 95.

дѣнія начальника и насъ не допускали, а мы черезъ такія обиды горѣли неугасимымъ огнемъ“ <sup>1)</sup>). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда обиженный рѣшался отправиться въ Тифлисъ, для личнаго принесенія жалобы непосредственно главнокомандующему, то жалобщику или не выдавали билета на свободный проѣздъ, или задерживали на весьма долгое время въ мцхетскомъ карантинѣ. „Истративъ все, что было съ собою, грузинъ долженъ былъ возвратиться домой, изъ опасенія найти въ Тифлисѣ только изнуреніе, голодъ и холодъ“ <sup>2)</sup>).

Столь-же мало справедливости и безкорыстія было и въ уѣздныхъ судахъ того времени. Дѣла тянулись безконечное время, и вызовы тяжущихся, изъ отдаленныхъ даже мѣстъ, производились по нѣсколько разъ, и не столько для рѣшенія дѣла, сколько для разнообразныхъ вымогательствъ. „Судьи несправедливые брали взятки и никогда не доставляли удовлетворенія и суда... Если же хотя одно изъ дѣлъ и оканчивалось, то не безъ взятки, а безнадежные истцы предпочитали платить деньги, лишь бы отдѣлаться отъ суда“ <sup>3)</sup> „Вы сами можете узнать въ телавскомъ уѣздѣ, писалъ митрополитъ Іоаннъ Бодбели маркизу Паулуччи, съ котораго года тамъ хранятся дѣла, не получающія движенія ради большихъ выгодъ. Судьи присягаютъ не брать взятокъ и творить судъ справедливый, но всему измѣняютъ, а безумный народъ этой земли развращается черезъ клятвопреступленіе ихъ“ <sup>4)</sup>). Каковы были нравы судебного персонала того времени, можно судить уже по тому, что, напримѣръ, самъ стражъ закона въ Грузіи, прокуроръ верховнаго грузинскаго правительства Плахотинъ, „имѣлъ связь съ проживавшими въ Тифлисѣ евреями и совмѣстно съ ними, въ противность законовъ, производилъ торгъ горячими напитками, единственно изъ жадности и корыстолюбія, и гораздо охотнѣе занимался забавленіемъ публики игрой на бала-лайкѣ и пѣніемъ непристойныхъ пѣсеней, чѣмъ своею должностію, которой не понималъ“ <sup>5)</sup>).

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 91.

<sup>2)</sup> Донесеніе слѣдственной комиссіи.

<sup>3)</sup> Письма руставскаго архієпископа Стефана и митрополита Іоанна Бодбели маркизу Паулуччи. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 95 и 99.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 99.

<sup>5)</sup> Тамъ же № 21. Отношеніе маркиза Паулуччи къ министру юстиціи Дмитріеву отъ 10-го декабря 1811 года № 85.

Но истинными бичами населенія были интендантскіе чиновники, проявлявшіе и здѣсь тѣ же самыя доблести, за которыя послѣ наполеоновскихъ войнъ были лишены императоромъ Александромъ I-мъ чести носить офицерскіе эполеты. Беззастѣнчивое корыстолюбіе ихъ не имѣло рѣшительно никакихъ предѣловъ. „Тысячи подлостей, въ тягость народу и къ раззоренію казны, дѣлались, по словамъ Паулуччи, чиновниками провіантскаго вѣдомства съ самой смерти генерала князя Циціанова“ <sup>1)</sup>. Обвѣшиваніе, обмѣриваніе, взятки, излишніе поборы, подлоги—все пускалось въ ходъ, въ цѣляхъ собственной наживы. Совмѣстно съ чинами земской полиціи, интенданты буквально занимались грабежомъ населенія, особенно при заготовкѣ войскамъ провіанта, гдѣ открывался широкій просторъ для злоупотребленій всякаго рода. Хлѣбъ принимался почти всегда по такой несправедливой мѣрѣ, что, по словамъ митрополита Бодбеля, за количество, стоившее по казенной цѣнѣ болѣе рубля, поставщику приходилось едва 50 коп., въ то время какъ на базарѣ то же количество стоило не менѣе 4-хъ рублей <sup>2)</sup>. „Доставляемый крестьянами для сдачи преимущественно въ зимнее время, на арбахъ, хлѣбъ не принимался отъ нихъ по 2—3 недѣли, черезъ что бѣдныя хозяева аробъ много терпѣли отъ голода и холода и это по той причинѣ, что они должны были дать взятку, чтобы хлѣбъ былъ принятъ безъ промедленія“ <sup>3)</sup>.

Не менѣе тягостны были для населенія и злоупотребленія въ подводной повинности. Безпрестанные походы болѣе или менѣе крупныхъ войсковыхъ частей и даже цѣлыхъ отрядовъ требовали отъ населенія большого количества подводъ и вьючныхъ животныхъ. Нѣкоторыя экспедиціи, совершавшіяся зимой, по бездорожнымъ мѣстамъ, вызывали иногда гибель цѣлаго транспорта: падали животныя, бросались арбы и домой возвращались одни лишь погонщики. „Куда насъ ни требовали, жаловались грузины, мы отправлялись съ быками и арбами: подъ Елизаветполь, Гумры, Ахалцыхъ, въ Нуху и Имеретію. Гдѣ не могли служить быками, служили ло-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же т. V, № 97. Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26 марта 1812 г.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 99.

<sup>3)</sup> Тамъ же № 95.

шадьми. Изъ вышеописанныхъ мѣстъ мы не получили назадъ ни быковъ, ни аробъ, ни мѣшковъ.... Въ городъ Поти мы на себѣ доставляли провіантъ, жаловались бодбисхевцы, и хотя для провоза его въ Турцію мы были съ 15-ю арбами, но при возвращеніи домой ни одинъ изъ нашихъ воловъ не уцѣлѣлъ, и половина погонщиковъ тамъ осталась, а которые возвратились—тѣ были отморожены по случаю суровой зимы<sup>1)</sup>. Хотя гибель подъемныхъ животныхъ, выставлявшихся по наряду, и должна была возмѣщаться соотвѣтственной денежной суммой, но деньги эти рѣдко когда полностью попадали въ руки потерпѣвшихъ. Хозяева подводъ не всегда даже исправно удовлетворялись положенными прогонными деньгами,—все это безцеремонно присвоивалось комиссіонерами. „По росписанію забирались арбы въ числѣ 20, 30 и болѣе или менѣе, для доставки хлѣба по назначенію, писалъ архіепископъ Стефанъ, и за это буд-то бы полагалась плата въ размѣрѣ 40 руб. за арбу въ мѣсяцъ; отъ дальняго пути быки многихъ хозяевъ часто не возвращались домой, арбы бросались, и за все это выдавали только по 6 или 8 рублей“<sup>2)</sup>.

Кромѣ подводъ, взиравшихся съ населенія для войскъ, капитанъ-исправники не рѣдко дѣлали наряды, для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей: то подводы эти, нагруженные хлѣбомъ и фуражомъ, отправлялись безъ всякаго вознагражденія на далекое разстояніе къ пріятелямъ и знакомымъ капитанъ-исправника, то также бесплатно наряжались подъ караваны ѣхавшихъ изъ Россіи купцовъ, при чемъ исправникомъ оповѣщалось, что купецъ везетъ якобы казенный транспортъ<sup>3)</sup>. Благодаря такому произволу, населеніе буквально изнемогало подъ бременемъ крайне раззорительной подводной повинности. Бывали года, въ которые одна только Грузія „даже въ мирное время поставляла безъ платы до 112154-хъ аробъ, запряженныхъ волами и буйволами, и 99780 вьючныхъ лошадей съ погонщиками“<sup>4)</sup>.

Занятые круглый годъ перевозкой, то войсковыхъ тяжестей, то интендантскихъ грузовъ, жители не всегда имѣли возможность управ-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 90 и 100.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 95.

<sup>3)</sup> Записка князя Чавчавадзе и слѣдственное дѣло.

<sup>4)</sup> Записка князя Чавчавадзе.

ляться съ полевыми работами и терпѣли сильное разстройство въ своемъ хозяйствѣ. Это обстоятельство, помимо экономической его важности, приобрѣтало тѣмъ болѣе невыгодное для насъ значеніе, что въ Азіи, гдѣ произволъ вообще не составляетъ поразительнаго явленія, время полевыхъ и хозяйственныхъ работъ пользуется, однако, особымъ уваженіемъ, и посягательство на него считается обыкновенно высшей несправедливостью. Благодаря разстройству народнаго хозяйства, недоимки въ Грузіи возросли до такого размѣра, что „въ нѣкоторыхъ провинціяхъ трудно было оныя взыскать, а въ другихъ мѣстахъ и вовсе невозможно“ <sup>1)</sup>.

Вступивъ въ управленіе Закавказьемъ, маркизъ Паулуччи, не смотря на военныя дѣйствія, происходившія въ это время въ Кубѣ и Карабагѣ, съ обычной энергіей и внимательностью занялся упорядоченіемъ внутреннихъ дѣлъ края, „вникая во всѣ части, подъ управленіемъ его состоящія, и тщаь всемѣрно искоренить все то, что истинно служитъ къ отягченію жителямъ“ <sup>2)</sup>. Съ этой цѣлью, имъ были приняты мѣры къ тщательному приведенію въ извѣстность земскихъ повинностей и къ упорядоченію мѣры вѣса; урегулирована прогонная плата за подводы; учреждены казенные „подвижные магазины“, для перевозки въ походахъ войсковаго груза; полки размѣщены на зимнія квартиры, сообразно съ продовольственными средствами различныхъ областей, и, наконецъ, учреждены „окружные начальники“, для непосредственнаго попеченія о нуждахъ войскъ и населенія въ каждомъ изъ семи округовъ, на которые было раздѣлено Закавказье <sup>3)</sup>. Кромѣ того, „дабы дать народу почувствовать, сколь много російское правительство печется объ ихъ выгодахъ и благосостояніи“, Паулуччи, черезъ мѣсяць по вступленіи своемъ въ управленіе краемъ, обратился къ населенію его съ прокламаціей, въ которой, оповѣщая о мѣрахъ, принятыхъ имъ „къ улучшенію состоянія населенія и къ искорененію разныхъ злоупотребленій“, между прочимъ, говорилъ: „Но дабы еще болѣе оградить жителей Грузіи отъ несправедливостей, то я объявляю, что отнынѣ строжайше на-

<sup>1)</sup> Предписаніе маркиза Паулуччи грузинскому гражданскому губернатору Малинскому отъ 7-го ноября 1811 года № 206.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 3.

<sup>3)</sup> Тамъ же, №№ 3, 25, 84 и 86.

казано будетъ всякое со стороны россійскихъ чиновниковъ злоупотребленіе, какъ то: неправильные поборы съ жителей, взятки, обманъ въ вѣсѣ, излишніе наряды и тому подобное; и сверхъ того, я предоставляю всѣмъ и каждому полное право приносить мнѣ правильныя жалобы на самихъ окружныхъ начальниковъ, комсндантовъ, капитанъ-исправниковъ, провіантскихъ комиссіонеровъ и на кого бы то ни было, бывъ въ совершенной увѣренности въ полученіи отъ меня безпристрастной справедливости. Однако же, да будетъ черезъ сіе вѣдомо каждому, что и изъ жителей равной же строгости подвергнуть себя ложные доносители, ослушные противъ правительства, не исполняющіе казенныхъ повинностей, законно отъ нихъ требуемыхъ, и уклоняющіеся отъ поставки хлѣба, у нихъ искупленнаго. Такимъ образомъ, — заключалъ главнокомандующій, — принявъ за священную для себя обязанность прилагать ревностнѣйшее мое стараніе о выгодахъ вашихъ и предпочитая всему народное счастье, я ласкаюсь пріятнѣйшею для меня надеждою, что и всѣ обитатели Грузіи, соотвѣтствуя съ своей стороны симъ попеченіямъ правительства о ихъ благосостояніи, яко вѣрноподданные его императорскаго величества, сохранятъ непоколебимую вѣрность къ благодѣющему ихъ монарху, будутъ спокойны, исполнительны во всѣхъ своихъ обязанностяхъ и покорны законной власти. Я же тогда только сочту себя истинно счастливымъ, когда увижу исполненными мои намѣренія и народъ грузинскій благополучнымъ“ <sup>1)</sup>).

Но, по странной ироніи, эта искренняя и безпримѣрная, послѣ циціановскихъ временъ, заботливость главнокомандующаго о народномъ благополучіи кончилась и безпримѣрнымъ кровопролитіемъ, какъ искупительной жертвой за грѣхи прошлаго, и расплачиваться пришлось именно тому главнокомандующему, который имѣлъ полное право писать государю: „Самая ядовитая зависть не нашла бы причинъ чернить мои дѣйствія въ здѣшнемъ краю, такъ какъ оныя всѣ направлены были единственно къ пользамъ службы вашего величества, ко благу грузинскаго народа и къ истребленію зла“ <sup>2)</sup>).

Однако, Паулуччи, не смотря ни на свою энергію, ни на рѣши-

<sup>1)</sup> Объявленіе маркиза Паулуччи обитателямъ Грузіи. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 8.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 г. № 85.

тельность и твердость характера, ни на прямоту и неподкупность убѣжденій, не могъ, конечно, искоренить въ одинъ-два мѣсяца то, что укоренилось въ теченіе многихъ лѣтъ. Приходилось сначала пробывать ту стѣну общей злонамѣренности, которая окружала главнокомандующаго и глушила, съ одной стороны, лучшія начинанія его, а съ другой—воплъ угнетеннаго населенія.... Приведенная выше прокламація маркиза Паулуччи даже не была ясно обнародована моуравами въ дистанціяхъ, въ цѣляхъ „черезъ ускромленіе передъ народомъ желаній главнокомандующаго продолжать по прежнимъ обычаямъ попускаться на противузаконные поступки и преграждать пути притѣсняемымъ несправедливостью приносить жалобы“<sup>1)</sup>. Сами сельскіе моуравы „главнѣйшимъ служили къ возмущенію бунта поводомъ, грабя крестьянъ, и, дѣлая имъ разныя притѣсненія, поступали съ ними во всемъ самоуправно“<sup>2)</sup>. Благодаря этой общей злонамѣренности нисшей администраціи, какъ русской, такъ и туземной, стоявшей между населеніемъ и главнокомандующимъ, послѣдній, не смотря на лучшія намѣренія, одушевлявшія его, невольно становился иногда на ложный путь, увлекаемый злыми геніями народнаго благополучія....

Уходя съ Кавказа и сдавая войска маркизу Паулуччи, Тормасовъ, какъ сказано было выше, показалъ ихъ обезпеченными запасомъ продовольствія, между тѣмъ какъ магазины были совершенно пусты. Дѣло въ томъ, что деньги, необходимыя на заготовку провіанта, были полностью отпущены комиссіонерамъ. Послѣдніе, „съ свойственнымъ имъ пронырствомъ“, вручили жителямъ задатки и донесли, что хлѣбъ закупленъ. Въ другое время, этотъ обычный пріемъ интендантскихъ чиновниковъ быть можетъ и сошелъ бы вполне благополучно, какъ сходилъ и до, и послѣ того. Но сильный неурожай 1811 года лишилъ хлѣба само населеніе Грузіи, которое, „скитаясь по лѣсамъ, питалось кореньями и травами“<sup>3)</sup>. Цѣны поднялись на столько, что въ нѣсколько разъ превысили казенныя, а мѣстами хлѣба нельзя было купить ни за какія деньги.

<sup>1)</sup> Предписаніе маркиза Паулуччи гражданскому губернатору д. с. с. Малинскому отъ 29-го ноября 1811 г. № 382.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 553.

<sup>3)</sup> Записка князя Чавчавадзе.

Комиссіонеры неожиданно очутились въ критическомъ положеніи. Желая какъ нибудь выпутаться изъ него, они „съ обыкновенной своей смѣлостью“ донесли, что хлѣбъ былъ ими закупленъ заблаговременно и деньги уже уплочены сполна, но жители не везутъ его въ магазины изъ своекорыстныхъ цѣлей, желая воспользоваться высокими рыночными цѣнами <sup>1)</sup>).

Казалось бы, что лучшимъ средствомъ прекратить происшедшую неурядицу въ приобрѣтеніи для войскъ провіанта было бы—повысить казенныя цѣны на хлѣбъ, соотвѣтственно съ рыночными. Но нашлись, какъ всегда и вездѣ, люди, которые, „желая выставить свою преланность высшему начальству“, изображали ему положеніе Грузіи въ самомъ розовомъ свѣтѣ, а происходившія затрудненія объясняли исключительно злонамѣренностью и „неблагодарностью“ населенія. Очевидно,—только подъ вліяніемъ подобныхъ внушеній маркизь Паулуччи и могъ усвоить себѣ весьма странное мнѣніе, что если при царяхъ Иракліѣ и Георгіѣ грузины продовольствовали наши войска совершенно даромъ, то тѣмъ легче могутъ они поставлять хлѣбъ, хотя бы даже и за половинную цѣну. Это неожиданное заключеніе, въ которомъ не принимались во вниманіе ни количество войскъ, ни состояніе края, привело къ тому, что казна продолжала выплачивать грузинамъ по 1 рублю 20 копѣекъ за коду (2 пуда 10 фунтовъ) хлѣба, тогда какъ сами жители, для поставки намъ, покупали тоже количество на базарѣ не дешевле четырехъ—пяти рублей <sup>2)</sup>). Обычный въ Грузіи реквизиціонный способъ взиманія для нашихъ войскъ провіанта не приводилъ теперь къ желаемымъ результатамъ. По этому, въ помощь комиссіонерамъ, отправлявшимся на реквизицію, стали даже назначать, „подъ предлогомъ охраненія казенной суммы“, войска, „ибо крайне обиженные хозяева ничтожностью платы, обороняя свою собственность, не иначе разставались съ нею, какъ по выдержаніи телѣснаго наказанія“ <sup>3)</sup>). Но въ большинствѣ случаевъ и этотъ пріемъ не могъ,

---

<sup>1)</sup> Записка князя Чавчавадзе.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 90 и 99.

<sup>3)</sup> Записка князя Чавчавадзе.



конечно, выколотить ни единого зерна изъ мужика, который самъ питался травой и кореньями.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ отъ высшей администраціи требуется особенная осторожность заключеній и обдуманность рѣшеній. А между тѣмъ, въ самомъ же началѣ продовольственной сумятицы, исправлявшій должность правителя Грузіи, генераль-маіоръ Сталь, донесъ, что жители синахскаго уѣзда, не смотря на увѣщеванія митрополита Іоанна Бодбели, уѣзднаго маршала князя Андроникова и капитанъ-исправника Сорокина, соглашаются поставить лишь 10 тысячъ кодъ хлѣба, взамѣнъ 40 тысячъ, возложенныхъ на нихъ по раскладкѣ, но и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы треть этого количества была замѣнена ячменемъ. Сталь увидѣлъ въ этомъ только одно упорство, происходившее, по его мнѣнію, отъ подстреканій недоброжелательныхъ намъ князей, и просилъ главнокомандующаго назначить экзекуцію, для того, чтобы взять хлѣбъ силой „и тѣмъ дать почувствовать населенію надъ собою власть правленія російскаго и отвлечь его отъ мысли своеволія, возникшаго со времени выведенія изъ синахскаго уѣзда трехъ полковъ и полученныхъ возмутительныхъ писемъ отъ бѣглаго царевича Александра“<sup>1)</sup>.

И экзекуція была назначена....

Къ сожалѣнію, доблестныя и самоотверженныя войска наши, съ первыхъ же дней появленія въ Грузіи, стали, по чьему то попушенію, въ совершенно ненормальныя отношенія къ туземному населенію. „Офицеры по прихотямъ своимъ дѣлаютъ наряды подводъ и лошадей, не платятъ за то ни копѣйки, къ раззоренію земледѣльцевъ,—писалъ еще Лазаревъ въ приказѣ по войскамъ въ 1802 году,—солдаты причиняютъ личныя обиды жителямъ, похищаютъ у нихъ скоть, живность, плоды; опустошаютъ ихъ сады и огороды и, выпивая вино изъ кувшиновъ, отъ безразсудной шалости заполняютъ ихъ землею“<sup>2)</sup>. Тоже самое продѣлывалось нѣкоторыми частями и въ послѣдующія времена. „Жестокое самоуправство нѣкоторыхъ полковъ, по смерти князя Циціанова,

<sup>1)</sup> Рапортъ генераль-маіора Сталя маркизу Паулуччи отъ 25-го августа 1811 г.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. I, № 516.

доводило до крайняго раззоренія жителей не только тѣхъ деревень, въ которыхъ тѣ полки были расположены, но и окрестныхъ, которыя отъ нихъ не знали рѣшительно никакой собственности: домашнія птицы, вино, огороды, лошади, подводы, все ихъ имущество—находились въ полномъ распоряженіи солдатъ; заборы отъ виноградниковъ обыкновенно употреблялись на топку казармъ. И все это дѣлалось явно, безъ всякаго воспрещенія, безъ взысканія и безъ жалобъ со стороны хозяевъ, которые въ отвѣтъ ничего не могли ожидать, кромѣ угрозъ и наказаній“ <sup>1)</sup>). Послѣднимъ подвергали даже женщинъ, за вину ихъ мужей, „Когда мужчина былъ виноватъ, жаловались какхтинцы, то по закону государя его и нужно было наказывать, но вмѣсто того брали женщинъ, снимали съ нихъ штаны и палками били ихъ и насъ, требуя на службу по ряду... Когда за подводами являлись солдаты и жители хотя два часа медлили выставкою быковъ, то первые брали женщинъ и запрягали ихъ въ арбы“ <sup>2)</sup>). „Три года зимою ставили къ намъ въ каждый домъ, жаловались мирзаанцы, по одному и по два солдата, съ тѣмъ, чтобы кормить ихъ и что послѣ заплочено будетъ за хлѣбъ, но никогда не платили, и начальникъ, бывало, палкою сгонялъ жителей и заставлялъ подписать, что они ничѣмъ не обижены“ <sup>3)</sup>). „Государь далъ намъ войска для защиты, жаловались грузины, а они болѣе предали насъ стѣсненію“ <sup>4)</sup>).

Теперь, съ назначеніемъ экзекуціи, повторились тѣ же дѣянія, но въ большемъ еще масштабѣ: войска были поставлены по деревнямъ—силою выжимать у населенія хлѣбъ. Не только все имущество жителей, движимое и недвижимое, перешло въ полный произволъ солдатскаго постоя, но даже семейная честь подверглась утонченному поруганію. „У насъ отбирали женъ, жаловались грузины, связывали мужьямъ руки и въ виду ихъ солдаты имѣли съ ними дѣло. Жена, бывало, кричитъ мужу, „помоги“!, а мужъ отвѣчаетъ, что и его давятъ, — „чѣмъ помочь“! <sup>5)</sup> „Поили мы солдатъ—

<sup>1)</sup> Записка князя Чавчавадзе.

<sup>2)</sup> Донесеніе жителей селенія Бодбисхеви отъ 6-го марта 1812 г.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 100.

<sup>4)</sup> Донесеніе жителей селенія Просіанъ отъ 7-го марта 1812 г.

<sup>5)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 100.

били насъ, кормили ихъ—все били; насъ сгоняли съ постелей и сами ложились, и сколько нашихъ женъ и дѣтей обезчестили!“  
„Всѣ обиды переносили мы изъ усердія къ государю, писали бодбисхевцы, но вырывать у насъ женъ изъ объятій,—этого мы не могли сносить“<sup>1)</sup>. Населеніе просило вывести изъ деревень войска, оскорблявшія стыдливость женъ и дочерей; предлагали даже построить на подходящихъ мѣстахъ казармы, но на это отвѣчали требованіемъ скорѣе ставить хлѣбъ въ магазины.

Терпѣніе изнемогавшаго народа достигло крайняго напряженія.

Казалось бы, въ такихъ то именно обстоятельствахъ высшіе классы населенія и должны были выступить въ роли посредниковъ между угнетеннымъ народомъ и главною властью въ краѣ, тѣмъ болѣе, что и митрополиты, и князья прекрасно знали взгляды и характеръ новаго главнокомандующаго, маркиза Паулуччи. Но духовенство, недовольное уменьшеніемъ числа епархій, упраздненіемъ нѣкоторыхъ приходоу, уничтоженіемъ церковныхъ имѣній и передачей ихъ въ вѣдѣніе казны,—равнодушно смотрѣло на происходившее, нисколько не желая предостеречь русскую власть отъ грозившихъ затрудненій. Что же касается князей, то и среди ихъ число недовольныхъ нами значительно увеличилось послѣ того, какъ по представленіямъ главнокомандующихъ: сначала Торماسова, а злѣмъ и Паулуччи, уничтожено было право, такъ называемыхъ, „церковныхъ дворянъ“ управлять съ званіемъ моуравовъ церковными имѣніями, при чемъ послѣднія были отобраны въ казну. Бывшіе церковные моуравы, „недовольные потерю своихъ правъ, наиболѣе старались возбуждать народъ противъ Россійскаго правительства“<sup>2)</sup>. Имъ, вѣроятно, охотно помогали въ этомъ родственники тѣхъ князей, которые, „избѣгая притѣсненій, а еще болѣе личныхъ обидъ, оставили свои имѣнія и удалились въ Персію къ царевичу Александру“<sup>3)</sup>. Въ результатѣ получилось, что многіе дворяне, видя въ народѣ ропотъ, „по легкомысленности непримѣтнымъ образомъ радовались тому“<sup>4)</sup> Когда же возгорѣлся мятежъ, то „не одинъ только на-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 90.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 97 стр. 81.

<sup>3)</sup> Записки князя Чавчавадзе.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 62.

родъ, но и самые кахетинскіе князья всѣ почти были соучастниками въ бунтѣ <sup>1)</sup>).

Таково было, въ общихъ чертахъ, настроеніе Кахетіи, когда рѣшено было прибѣгнуть къ экзекуціонной системѣ сбора необходимаго войскамъ хлѣба, что неизбѣжно подвергало бѣдствовавшее отъ голода населеніе и всѣмъ тягостямъ ничемъ не сдерживаемаго военного поста. Самъ Паулуччи по поводу этой мѣры писалъ вполсѣдствіи, что „при тогдашнемъ расположеніи многихъ здѣсь буйныхъ умовъ, это значило то же, что лить масло въ огонь и служило многимъ неблагонамѣреннымъ къ намъ тайно возстановлять черезъ вредныя внушенія народную бурю“ <sup>2)</sup>. Доведенному до крайности, изголодавшемуся, обобранному населенію нечего было больше терять и оно готово было идти на все, что сулило ему избавленіе отъ невыносимаго уже гнета. Народныя страсти клокотали, едва сдерживаемыя послѣднимъ напряженіемъ воли. Достаточно было одной только искры, чтобы сразу воспламенить груды горячаго матеріала, завалившаго собою всю Кахетію...

И искра эта, вдругъ, сверкнула тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать ея появленія.

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, № 97 и см. примѣчаніе на стр. 338-й.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85.



Генерал-лейтенант *Румянцев*

## Глава XIX.

Возстаніе жителей селенія Ахметы. Причины, вызвавшія его. Первые успѣхи мятежниковъ. Приски царевича Александра и персидскаго правительства. Положеніе нашихъ войскъ. Дѣятельность генералъ-маіора Поршнягина. Отступленіе его изъ Кахетіи въ Тифлисъ. Распространеніе мятежа. Провозглашеніе царевича Григорія царемъ Грузіи. Прибытіе изъ Карабага маркиза Паулуччи. Мѣры, принятія имъ къ подавленію мятежа. Прокламація къ мятежникамъ. Отвѣтъ на нее. Пораженіе конища бунтовщиковъ у мон. Самеба. Движеніе Паулуччи къ Сигнаху. Пораженіе Григорія у деревни Чумлаки. Освобожденіе Телава. Сдача царевича Григорія. Дѣйствія Унакова со стороны долины р. Арагвы. Подавленіе мятежа и успокоеніе страны. Уходъ Паулуччи съ Кавказа и назначеніе преемникомъ ему генераль-лейтенанта Ртищева.

Въ то время, какъ большинство алазанскихъ деревень находилось подъ гнетомъ разставленныхъ въ нихъ экзекуціонныхъ командъ, — въ сѣверо-западномъ углу Кахетіи, въ горномъ тіонетскомъ моуравствѣ, царило относительное спокойствіе. Правда, что населеніе и здѣсь, подобно тому, какъ и во всей Грузіи, переживало тяжелыя послѣдствія неурожая, но за то оно не испытывало еще тягости военнаго постоя и о насиліяхъ, совершавшихся въ это время во всей остальной Кахетіи, знало лишь по стону, доносившемуся сюда изъ сосѣднихъ телавскихъ деревень.

Дѣло въ томъ, что когда, въ концѣ 1811 года, дѣлалась раскладка необходимаго войскамъ хлѣба между различными областями Грузіи, то деньги за количество хлѣба, причитавшееся съ тіонетскаго и пшаво-хевсурскаго моуравства, были выданы мѣстному моураву, подполковнику князю Ивану Чолакаеву, для раздачи жителямъ. „Но онъ не только не раздалъ имъ этихъ денегъ, но еще съ самихъ жителей взялъ въ свою пользу 600 рублей серебромъ, съ завѣрненіемъ, что хлѣбъ съ нихъ не будетъ взыскиваться въ казну, и что онъ беретъ стараться о томъ предъ правительствомъ“<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ министру полиціи отъ 12 апрѣля 1812 г. № 93. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 140.

Населеніе, само сильно нуждавшееся въ хлѣбѣ, охотно повѣрило этому обѣщанію своего наслѣдственного моурава и беззаботно взирало на бѣдствія своихъ телавскихъ сосѣдей, изнемогавшихъ уже въ это время подъ гнетомъ экзекуціи. Какъ вдругъ, на разсвѣтѣ 31-го января 1812 года, набатный звонъ всполошилъ жителей небольшого тіонетскаго селенія Ахметы, уединенно пріютившагося въ алазанской долинѣ у подножія гамборскихъ горъ. Сбѣжавшееся къ церкви населеніе услышало роковую вѣсть: приближалась экзекуція съ требованіемъ хлѣба. . .

Оказалось, что, вопреки обѣщаніямъ князя Чолакаева, телавскій капитанъ-исправникъ, озабоченный скорѣйшимъ сборомъ причитавшагося по раскладкѣ съ подвѣдомственнаго ему уѣзда и уже, какъ сказано, оплоченнаго хлѣба, — выслалъ экзекуціонныя команды и въ тіонетское моуравство. „Народъ, нимало сего не ожидавшій и обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, сочтя сіе явнымъ притѣсненіемъ, поколебался, и потомъ ожесточеніе его дошло до высшей степени“ <sup>1)</sup>. Вѣсть о приближеніи экзекуціи, значеніе которой было хорошо извѣстно ахметцамъ по примѣру сосѣднихъ имъ телавскихъ деревень, послужила искрой, воспламенившей народную ярость. Не видя впереди ничего, кромѣ разоренія и тяжкаго гнета экзекуціоннаго поста, ожесточившіеся ахметцы бросились на подхитившую команду, „били и прогнали ее“ <sup>2)</sup>. Высланный сюда на другой день изъ Телавы небольшой отрядъ егерей и казаковъ встрѣченъ былъ выстрѣлами ахметцевъ, къ которымъ уже присоединились не только жители сосѣдней деревни Матаани, но и болѣе отдаленные тіонетцы, пшавы и хевсуры. Расположившаяся было въ селеніи Тіонеты экзекуціонная команда также подверглась нападенію. Возбужденные жители этого села собрались 2-го февраля на церковной площади обсудить средства избавиться отъ солдатскаго поста. Вдругъ, въ толпу вбѣжала изступленная женщина, сорвала съ своего мужа шапку, набросила на него чадру и со словами: „те-

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Пауллуччи отъ 26-го марта 1812 г. № 85. Имѣющіеся документы не даютъ указаній на силу и составъ этой команды. Но, судя по нѣкоторымъ изъ нихъ (напр. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 99), можно заключить, что на экзекуцію въ деревни ставились вообще незначительныя команды, въ 10—20 человекъ.

перъ ты жена, а я мужъ; я обезчещена и иду мстить за тебя“!— выхватила у него кинжалъ и бросилась къ дому, занимавшемуся нашей командой <sup>1)</sup>). Толпа хлынула вслѣдъ за ней, и черезъ нѣсколько минутъ офицеръ былъ заколотъ, часть солдатъ перерѣзана, и лишь немногіе уцѣлѣвшіе спаслись бѣгствомъ.

Первая кровь была пролита,—и страсти разгорѣлись.

„Въ сіе же самое время, родственники моурава князя Чолакаева, искавшіе разными пронырствами заступить его мѣсто, поджигали еще больше народъ и пламя бунта распространили по всей Кахетіи“ <sup>2)</sup>). Отъ одного селенія къ другому скакали вожаки возстанія, заставляя населеніе, гдѣ уговорами, а гдѣ и силой, присоединяться къ бунтовщикамъ. „Мятежъ начался изъ Тіонетъ и достигъ до насъ,—показывали вполнѣдствіи бодбисхевскіе и прасіанскіе жители,—а мы, опасаясь отъ нихъ (мятежниковъ) раззоренія, что уже и началось, принуждены были послѣдовать за ними“ <sup>3)</sup>).

Къ общему несчастью, въ то время, какъ крайнее ожесточеніе народа омрачило послѣднюю долю благоразумія его, въ Кахетіи появились зажигательныя воззванія царевича Александра и оболстительныя фирманы Аббасъ-Мирзы, „который писалъ объ отправленіи грузинамъ значительной суммы денегъ и, обѣщая явиться на помощь, просилъ ихъ оказывать сопротивление русскимъ“ <sup>4)</sup>). Дѣйствіе этихъ посланій еще болѣе разжигало народныя страсти, и мятежъ, заливши широкой волной уже всю долину Алазани, перебросился черезъ гамборскія горы въ долину Іоры, увлекая въ бездну смуты населеніе даже ближайшихъ къ Тифлису деревень.

Положеніе нашихъ войскъ сдѣлалось критическимъ. Разбросанныя небольшими командами на всемъ пространствѣ Кахетіи, они были охвачены пламенемъ мятежа, „непредвидѣнно“ разливагося по странѣ „съ непонятной быстротой“. Стоявшіе въ селеніяхъ Манави и Какабети эскадроны Нарвскаго драгунскаго полка едва спаслись отъ поголовнаго истребленія и были выручены ротой Херсонскаго

<sup>1)</sup> Записка князя Бебутова «Военный сборникъ» 1867 года №№ 6 и 7.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 140.

<sup>3)</sup> Тамъ же, №№ 90 и 91.

<sup>4)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85, и Дубровинъ, т. VI стр. 6.



гренадерскаго полка, высланной, подъ начальствомъ маіора Коробскаго, изъ деревни Сагареджо <sup>1)</sup>). Изъ эскадрона, стоявшаго въ селеніи Какабети, спаслось всего 17 человекъ, съ командиромъ своимъ, маіоромъ Мартыновымъ, который, однако, вскорѣ умеръ отъ полученныхъ здѣсь тяжелыхъ ранъ. „Аммуниція съ людей эскадрона и таковая же съ лошадей вся захвачена была бунтовщиками“. Въ Сагареджо спасся и командовавшій донскимъ казачьимъ Поздѣва 8-го полкомъ, унтеръ-штабъ-есаулъ Кузнецовъ, котораго мятежники „разбили такимъ образомъ, что сей есаулъ едва только съ нѣсколькими казаками и спасенными имъ знаменами могъ ускакать“ изъ сожженного мятежниками сел. Анаги <sup>2)</sup>). Весь гарнизонъ Сигнаха, состоявшій изъ 70 человекъ, былъ истребленъ поголовно. Захвативъ вѣроломно нижнихъ чиновъ, мятежники раздѣли ихъ до нага, пустили бѣжать во всѣ стороны и затѣмъ перестрѣляли какъ дичь <sup>3)</sup>). Комендантъ, маіоръ Гейне, съ нѣсколькими офицерами успѣлъ пробиться въ церковь и заперся въ ней. Мятежники, не отваживаясь на открытій штурмъ, прибѣгли къ вѣроломству и убѣдили офицеровъ честнымъ словомъ и клятвами, что народъ успокоился и что они свободно могутъ удалиться куда пожелаютъ. Но едва церковная дверь была отперта, какъ толпа ворвалась въ нее, и подъ священной сѣнью христіанскаго храма начались варварскія жестокости: маіоръ Гейне былъ изрубленъ на куски, при чемъ ему предварительно вырѣзали языкъ и заставили затѣмъ проглотить его; остальные офицеры, въ томъ числѣ командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка, маіоръ Потлогъ, подверглись тутъ же въ церкви такимъ жестокимъ и гнуснымъ истязаніямъ, о которыхъ Паулуччи даже не дерзалъ докладывать Государю, „потому что тиранства сіи превышаютъ всякое воображеніе и заставляютъ содрогаться человѣчество“ <sup>4)</sup>).

Силы мятежниковъ росли съ каждымъ днемъ; уже 3-го февраля къ первоначально возставшимъ жителямъ селеній Ахметы,

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 71.

<sup>2)</sup> Тамъ же, т. V, № 97 стр. 69.

<sup>3)</sup> Потто, по запискамъ Грибоѣдова, т. I, стр. 494.

<sup>4)</sup> Арх. штаба кавк. воен. округа; дѣло № 159 и Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 73.

Тіонетъ, Матаани и Марилысы „во множествѣ присоединились жители и другихъ деревень вмѣстѣ съ князьями“ <sup>1)</sup>). Эта толпа подошла, 4-го февраля, къ Телаву и при содѣйствіи армянъ, жившихъ въ предмѣстьи этого города, ворвалась въ форштадтъ, разграбила всѣ квартиры русскихъ офицеровъ и чиновниковъ, убила нѣсколькихъ солдатъ и расхитила изъ магазиновъ податной провіантъ. Командантъ Телавы, маіоръ Шматовъ, съ 50-ю человѣками нижнихъ чиновъ, успѣлъ, однако, запереться въ крѣпости и мужественно отбивалъ нападенія мятежниковъ.

Получивъ первое извѣстіе о мятежѣ, кахетинскій окружный начальникъ, генераль-маіоръ Портнягинъ, находившійся въ м. Сагареджо, предписалъ, 2-го февраля, маіору Вронскому, стоявшему въ Гамборахъ, съ тремя ротами 9-го егерскаго полка, двинуться къ Телаву, для содѣйствія телавскому капитанъ-исправнику въ подавленіи мятежа. На усиленіе маіора Вронскаго посланы были изъ Сагареджо 250 человѣкъ нарвскихъ драгунъ, подъ начальствомъ маіора Есипова. Въ то же время, ввиду общей недостаточности войскъ въ Кахетіи, Портнягинъ просилъ командовавшаго нашими войсками въ Тифлисъ, генераль-маіора барона Клодта-фонъ-Юргенсбурга, командировать въ Кахетію двѣ роты съ 3-мя орудіями.

Но мѣры эти нисколько не улучшили нашего положенія. Вронскій подъ самыми стѣнами Телавы былъ окруженъ мятежниками и, „пробиваясь между перекрестными выстрѣлами засѣвшихъ вездѣ по форштадту бунтовщиковъ, вошелъ въ крѣпость съ немалою потерей“ <sup>2)</sup>). Что же касается маіора Есипова, то онъ, хотя по дорогѣ къ Телаву и „опрокинулъ многія толпы мятежниковъ“, но, 5-го февраля, подъ стѣнами крѣпости „въ самыхъ трудныхъ проходахъ“, былъ окруженъ бунтовщиками, потерялъ почти половину своихъ людей, самъ заплатилъ жизнью за свою запальчивость, и, только благодаря отчаянной вылазкѣ гарнизона, удалось уцѣлѣвшимъ еще 148-ми драгунамъ пробиться въ крѣпость.

Ободренные первыми успѣхами мятежники напали на сел. Бодбисехви, занятое вторымъ баталіономъ Кабардинскаго полка, подъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 68.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 69. Егеря потеряли въ этомъ дѣлѣ 11 человѣкъ убитыми, 10 человѣкъ плѣнными, ранеными: 2-хъ офицеровъ и 30 рядовыхъ.

командою подполковника Степанова. Весь день 6-го февраля сражались кабардинцы съ мятежниками посреди объятаго пламенемъ селенія и, потерявъ двухъ офицеровъ, 212 нижнихъ чиновъ, всю аммуницію и 470 ружей, отступили въ м. Караагачъ, гдѣ находилась штабъ-квартира Нижегородскаго драгунскаго полка. Въ этотъ тяжелый день, въ пламени пожара, уничтожившаго большую часть селенія Бодбисхеви, погибла вся канцелярія Кабардинскаго полка, а вмѣстѣ съ нею сгорѣлъ и подлинный рескриптъ императора Павла, пожалованный полку на мальтійскія знамена за поражение лезгинъ на р. Юрѣ въ 1800 году <sup>1)</sup>).

Таково было положеніе нашихъ войскъ въ Кахетин, когда главный начальникъ ихъ, генераль-маіоръ Портнягинъ, находившійся, какъ сказано, въ сел. Сагареджо, былъ поставленъ самъ въ критическое положеніе. Изъ всего Нарвскаго драгунскаго полка, шефомъ котораго былъ Портнягинъ, едва удалось собрать въ Сагареджо около 150 человекъ. А между тѣмъ, наружное спокойствіе жителей этого пункта не предвѣщало ничего хорошаго и по всему было видно, что они только ждутъ дальнѣйшихъ успѣховъ мятежниковъ. Предвидя возможность скорого появленія послѣднихъ, Портнягинъ началъ укрѣпляться. Небольшую площадку передъ его домомъ обнесли стѣной изъ мѣшковъ съ провіантомъ; за этимъ-то укрытіемъ драгуны и приготовились защищаться, не смотря даже на то, что внутренность укрѣпленія обстрѣливалась съ близлежащихъ высотъ.

Вечеромъ, 5-го февраля, толпы мятежниковъ, подъ начальствомъ кн. Кобулова, подошли къ Сагареджо. Всю ночь продолжалась перестрѣлка, не причинявшая, однако, драгунамъ никакого вреда. Но на утро, 6-го февраля, непріятельскій огонь сдѣлался дѣйствительнѣе. Къ полудню было потеряно уже около 25 человекъ драгунъ и много лошадей. Положеніе защитниковъ Сагареджо ухудшалось съ каждымъ часомъ. Мятежники спустились уже съ окрестныхъ горъ и готовились къ штурму. Какъ, вдругъ, въ это время со стороны тифлисской дороги раздался пушечный выстрѣлъ.... То подходилъ отрядъ маіора Бухвостова, изъ двухъ ротъ херсонскихъ

---

<sup>1)</sup> Зиссерманъ «Исторія Кабардинскаго полка» т. I, стр. 313.

гренадеръ, съ 3-мя орудіями, посланный, по просьбѣ генераль-маіора Портнягина, изъ Тифлиса барономъ Клодтомъ. Съ приближеніемъ этого подкрѣпленія, мятежники очистили сады Сагареджо и, прекративъ перестрѣлку, отошли на окрестныя высоты.

Отправляя въ Кахетію двѣ роты гренадеръ, баронъ Клодтъ уведомлялъ Портнягина, что „не имѣетъ никакой возможности“ усилить его еще чѣмъ-либо и предлагалъ поэтому воспользоваться посылавшимся подкрѣпленіемъ, съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ къ нему гарнизонъ Сагареджо, „также собравъ, буде можно, и изъ другихъ мѣстъ отдѣльныя команды, прибыть съ оными въ Тифлисъ на соединеніе“ <sup>1)</sup>.

Сколь ни странно было это предложеніе, вызывавшее изъ возмущившейся области главнаго начальника ея и обрекавшее блокированныя въ ней незначительныя наши гарнизоны на ихъ собственныя слабыя силы,—Портнягинъ все таки склонился на него. Уничтоживъ всѣ свои тяжести, онъ, въ ночь на 8-е число, ведя лошадей въ поводу, вышелъ изъ Сагареджо и, по обходной лѣсной дорогѣ, слабо преслѣдуемый мятежниками, направился къ Тифлису, куда и прибылъ 12-го февраля, съ потерей 35-ти человѣкъ.

Такимъ образомъ, не прошло и двухъ недѣль со времени начала мятежа, какъ всѣ наши войска, находившіяся въ Кахетин, были частью истреблены, частью вытѣснены изъ нея, а частью блокированы въ Телавѣ, Караагачѣ и въ нѣсколькихъ другихъ пунктахъ алазанской долины.

Мятежники ликовали и для большаго торжества рѣшили избрать себѣ царя.

Въ это время въ Кахетин проживалъ сынъ находившагося въ Москвѣ царевича Іоанна Георгіевича, царевичъ Григорій. Не смотря на свое происхожденіе, онъ жилъ, какъ бы забытый нашими главнокомандующими, и не пользовался уваженіемъ даже самихъ же грузинъ, хотя, за бездѣтностью царевича Давида Георгіевича, считался въ Грузіи прямымъ наслѣдникомъ на престолъ. Однако, съ началомъ мятежа, „благодаря всегдашней привязанности грузинъ

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 69.

къ прежнему царскому правленію“ <sup>1)</sup>), Григорій былъ призванъ вождями мятежа, провозглашенъ ими царемъ Грузіи и охотно, даже радостно, признанъ въ этомъ санѣ всѣмъ населеніемъ Кахетіи. Имя его начали упоминать въ церквахъ, какъ законнаго царя, и кахетинцы отовсюду толпами потекли подѣ его знамя. Самъ новоизбранный царь, видимо, быстро вошелъ въ навязанную ему роль и съ большой увѣренностью началъ разсылать возмутительныя письма и воззванія не только по всей Грузіи, но даже и въ мусульманскія области Закавказья—Казахъ и Борчалу, призывая населеніе ихъ ополчиться противъ русскихъ <sup>2)</sup>).

Съ одной стороны, крайняя безпорядочность и нерѣшительность мѣръ, принятыхъ Портнягинымъ для подавленія мятежа въ первые же дни возникновенія его, а съ другой—обусловленные этимъ успѣхи мятежниковъ, были причиной того, что волненіе, быстро охвативъ всю Кахетію, стало распространяться и среди сосѣднихъ горскихъ народовъ. Пшавы, хевсуры, тушины, лезгины и другія заалазанскія разбойничьи племена охотно присоединились къ мятежникамъ по первому же приглашенію послѣднихъ. Часть бунтовщиковъ проникла въ ананурскій уѣздъ, „привела въ колеблемость жителей онаго и разслала своихъ сообщниковъ къ арагвскимъ жителямъ, мтіулетцамъ, гудомакарцамъ и прочимъ горскимъ народамъ, населяющимъ входъ въ Грузію, въ намѣреніи возбудить ихъ къ совмѣстному съ ними дѣйствію противъ російскихъ войскъ“ <sup>3)</sup>). Стремленія эти увѣнчались успѣхомъ, и уже къ 10-му февраля весь ананурскій уѣздъ былъ въ возстаніи; гарнизоны наши въ Ананурѣ и Гартискари блокированы многочисленными толпами мятежниковъ, пассаанурскій постъ истребленъ, и сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ прервано <sup>4)</sup>).

Извѣстіе о мятежѣ, пришедшее въ Тифлисъ 3-го февраля, „распространило здѣсь панику“. Послѣдняя увеличилась еще болѣе, когда, съ успѣхами мятежниковъ, партіи ихъ стали появляться верстахъ въ 20-ти отъ столицы Грузіи. „При столь критическихъ обстоятельствахъ“, генералъ-маіоръ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ поспѣшилъ

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи графу Румяшчеву отъ 18-го марта 1812 года № 77.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 70 и 71.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

обратиться къ карталинскому окружному начальнику, генераль-маіору Стало, съ просьбой о присылкѣ въ Тифлисъ двухъ ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка и о командированіи столькихъ же ротъ съ орудіемъ въ долину рѣки Арагвы, „дабы воспрепятствовать соединенію мятежниковъ съ Карталинею“. Одновременно съ этимъ, какъ гражданскими, такъ и военными властями повсюду были разсланы предписанія пріостановить взысканіе провіанта съ жителей и принять всѣ способы „къ удержанію народа отъ мятежа“. Съ этой послѣдней цѣлью, къ мятежникамъ командированы для увѣщеванія почетныя духовныя лица и преданные намъ князья изъ знатныхъ фамилій, пользующихся въ народѣ особымъ уваженіемъ. „Но все было недѣйствительно. Ожесточенный народъ не внималъ никакимъ совѣтамъ, стрѣлялъ по тѣмъ, кои старались его успокаивать, и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки курьеровъ и лазутчиковъ“<sup>1)</sup>.

Прибывъ 12-го февраля въ Тифлисъ, Портнягинъ, какъ старшій, принялъ начальство надъ находившимися здѣсь войсками, кои состояли всего изъ 6-ти ротъ пѣхоты и небольшого числа нарвскихъ драгунъ, пришедшихъ съ нимъ изъ Сагареджо. Близость мятежниковъ и смятенное настроеніе тифлискихъ жителей, на которыхъ „нельзя было положиться“, вынудили Портнягина „взять въ городѣ со стороны воинской строгія предосторожности: вездѣ разставлены были секретные караулы, и въ нужныхъ мѣстахъ поставлены орудія на устроенныхъ батареяхъ“<sup>2)</sup>.

Что же касается борьбы съ главными виновниками всей этой сумятицы—съ кахетинскими мятежниками, то мѣры, принятыя съ этой цѣлью, сводились къ слѣдующему: шедшему изъ Карталини баталіону Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подполковника Ушакова, предписано было, еще 10-го февраля, идти не къ Тифлису, а прямо „на освобожденіе отъ осады ананурской крѣпости“, присоединивъ къ себѣ по дорогѣ наши гарнизоны, находившіеся въ Мухрани и Гартискари. Къ владикавказскому коменданту, генераль-маіору Дельпоццо, секретно посланы лазутчики съ просьбой содѣйствовать со стороны Владикавказа открытію сооб-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 70.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

щенія по военно-грузинской дорогѣ. И, наконецъ, полковникъ Тихоновскій, съ баталіономъ Херсонскаго гренадерскаго полка и 4-мя орудіями, посланъ былъ изъ Тифлиса къ Марткоби разсѣять мятежниковъ, собравшихся здѣсь „съ намѣреніемъ производить безпокойства въ столицѣ“. Вотъ все, что было сдѣлано для подавленія мятежа, разливагося уже на всемъ пространствѣ сѣверной Грузіи, отъ Осетіи до Шеки.

Двигаясь изъ Карталиніи въ долину рѣки Арагвы по мчадисджварской дорогѣ, Ушаковъ, 12-го февраля, достигъ селенія Мухрани и отсюда послалъ приказаніе начальнику гартискарскаго поста, капитану Сагинову, идти на соединеніе съ нимъ къ Душету. Сагиновъ выступилъ изъ Гартискари 11-го февраля, съ тремя ротами пѣхоты, 40-ка казаками и однимъ орудіемъ. Дорога шла густымъ лѣсомъ. Едва колонна удалилась отъ поста верстъ на шесть, какъ была окружена мятежниками, открывшими сильный огонь. Сагиновъ былъ вскорѣ тяжело раненъ; заступившій его мѣсто поручикъ Цацка тоже, и „отрядъ остался безъ командира“. А между тѣмъ, прибывавшія толпы мятежниковъ все болѣе и болѣе усиливались, и скопище вскорѣ возрасло до полутора тысячъ человекъ. Не смотря на такое неравенство силъ, отрядъ все таки могъ бы, конечно, при нѣкоторой долѣ мужества, пробиваться впередъ, но убыль офицеровъ далеко не способствовала этому, и раненый Сагиновъ приказалъ отступить обратно на гартискарскій постъ, куда и прибылъ въ тотъ же день, съ потерей всего лишь 24-хъ человекъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными <sup>1)</sup>.

Это неудачное предпріятіе сильно подняло духъ мятежниковъ и могло бы имѣть серьезныя для насъ въ долину Арагвы послѣдствія, если бы на другой же день, 13-го февраля, подполковникъ Ушаковъ не разгромилъ мятежниковъ у Душета. Взявъ послѣдній штурмомъ, Ушаковъ, 14-го февраля, двинулся далѣе къ Анануру, разбилъ по дорогѣ скопище мятежниковъ, съ которымъ дрались съ 6 часовъ утра до 5 часовъ пополудни, и, достигнувъ въ тотъ же день къ вечеру Ананура, „не останавливаясь, напалъ на толпы, осаждавшія сію крѣпость, разсѣялъ мятежниковъ и освободилъ Анануръ отъ осады, съ потерей на все сіе дѣйствіе ране-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 73.

ными 12 человекъ нижнихъ чиновъ“<sup>1)</sup>. Черезъ три дня, въ ночь съ 17-го на 18-е февраля, Ушаковъ, съ 150 гренадерами, произведя нечаянное нападеніе на неприятельскій постъ изъ 70-ти человекъ, стоявшій въ 3-хъ верстахъ отъ Ананура, истребилъ его весь, кромѣ 15-ти человекъ, взятыхъ въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ попался одинъ изъ главнѣйшихъ арагвскихъ бунтовщиковъ, котораго Ушаковъ въ то же утро повѣсилъ „въ примѣръ и страхъ другимъ“. Эти быстрыя и энергичныя дѣйствія „привели въ робость бунтовщиковъ, и многія деревни, отставъ отъ нихъ, начали являться съ покорностью и принимать вновь присягу на вѣрность, равно какъ и жители ананурскаго уѣзда тогда же присягнули“<sup>2)</sup>.

Къ этому же времени, высланная изъ Владикавказа рота Суздальскаго полка, не смотря на большой снѣгъ, лежавшій на Крестовой горѣ, перевалила черезъ нее и спустилась въ Кайшауръ. Военно-грузинская дорога была очищена отъ мятежниковъ, и сообщеніе по ней восстановлено.

Между тѣмъ, посланный изъ Тифлиса полковникъ Тихановскій занялъ селеніе Марткоби, жители котораго, вмѣстѣ съ находившимися здѣсь бунтовщиками, отошли къ сел. Хашми. У послѣдняго собралось около 4-хъ тысячъ пшавцевъ, тушинцевъ, хевсуръ и телавскихъ жителей, „подъ предводительствомъ князей“<sup>3)</sup>. Скопище это было, однако, 19-го февраля, совершенно разбито и разсѣяно полковникомъ Тихановскимъ, что произвело „полезное дѣйствіе, ибо тотчасъ послѣ того явились жители окрестныхъ селеній, прося пощады и позволенія войти со своими семействами, укрывавшимися въ горахъ, въ ихъ жилища, на что имъ и дано позволеніе“.

Такимъ образомъ, къ 20-му февраля, было восстановлено сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ и очищены отъ бунтовщиковъ ближайшія къ Тифлису селенія. Но мятежъ въ самой Кахетіи продолжалъ безпрепятственно расти, и державшіяся еще въ ней наши войска находились въ критическомъ положеніи. Въ Телавѣ отсиживались маіоры Шматовъ и Вронскій, съ сборнымъ гарнизономъ, не превосходившимъ 300-тъ человекъ. Громадное скопище бунтовщи-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97, стр. 73.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 75.



ковъ окружало ихъ, перенявъ всѣ пути къ Тифлису. Не отваживаясь на открытый штурмъ, мятежники пытались склонить гарнизонъ къ сдачѣ. Но ни угрозы, ни обѣщанія пощады, ни клятвы, что русскіе повсюду уже истреблены и что самъ главнокомандующій убитъ въ Казахѣ,—не колебали твердости гарнизона, который рѣшилъ защищаться до послѣдняго человѣка, не взирая на тяжелыя лишенія, испытывавшіяся почти съ первыхъ же дней осады<sup>1)</sup>.

Еще въ болѣе трудномъ положеніи находился гарнизонъ Караагача. Вспыхнувшій мятежъ засталъ здѣсь два эскадрона нижегородскихъ драгунъ; вскорѣ затѣмъ, сюда отступила рота 9-го егерскаго полка, посланная при первомъ извѣстіи о бунтѣ изъ деревни Пховели къ Телаву, и баталіонъ Кабардинскаго полка, вытѣсненный изъ Бодбисхеви. На помощь этому отряду вышли изъ елисуйскаго владѣнія двѣ роты кабардинцевъ, съ однимъ орудіемъ, подъ начальствомъ маіора Орбеліани<sup>2)</sup>. Послѣднему хотя и удалось пробиться въ Караагачъ, но здѣсь онъ только увеличилъ собою число гарнизона, и безъ того питавшагося исключительно ячменемъ, заготовленнымъ для лошадей Нижегородскаго полка.

Таково было положеніе дѣлъ въ охваченной мятежомъ области, когда 21-го февраля спѣшно прибылъ въ Тифлисъ маркизъ Пауллуччи, бывшій до того въ объѣздѣ провинцій восточнаго Закавказья.

Первое, что, конечно, бросилось въ глаза главнокомандующему, это—совершенно неумѣстное пребываніе въ Тифлисѣ окружнаго кахетинскаго начальника, генераль-маіора Портнягина, который въ данное время озабоченъ былъ болѣе обороной столицы, чѣмъ умиротвореніемъ ввѣреннаго ему округа и освобожденіемъ осажденныхъ въ немъ войскъ. „Къ удивленію найдя, писалъ ему Пауллуччи,<sup>3)</sup> что вы, оставивъ порученный вамъ кахетинскій округъ, прибыли въ Тифлисъ съ полкомъ и приняли команду надъ войсками въ Тифлисѣ и Ананурѣ, гдѣ былъ другой начальникъ, требую отвѣта, почему, не потребовавъ секурса, когда увидѣли бунтъ въ Кахетіи, не обратились ту-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97, стр. 81 и 82.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 73.

<sup>3)</sup> Предписаніе маркиза Пауллуччи генераль-маіору Портнягину отъ 21-го февраля 1812 г. № 226.

да со всею поспѣшностью“. Портнягинъ подалъ рапортъ о болѣзни и никакого участія въ дальнѣйшихъ событіяхъ уже не принималъ.

Взявъ въ свои руки главное руководительство въ подавленіи мятежа, Паулуччи, тотчасъ-же по прїѣздѣ въ Тифлисъ, предписалъ подполковнику Ушакову идти изъ Душета къ дер. Сашабуро, гдѣ укрѣпились въ большихъ силахъ кахетинскіе и арагвскіе мятежники, и „очистить отъ бунтовщиковъ весь лѣвый берегъ Арагвы до самаго Мцхета“. Туда-же, къ Сашабуро, предписано было идти и начальнику гартискарскаго поста, съ 150 егерями и однимъ орудіемъ.

На усиленіе полковника Тихановскаго командированъ былъ въ сел. Хашми баталіонъ Тифлискаго полка, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Тифлисъ изъ Памбакскаго округа.

Самъ Паулуччи, съ конвоемъ изъ 40-ка казаковъ и 40-ка драгунъ<sup>1)</sup>, отправился, 23-го фѣвраля, въ Хашми, съ тѣмъ, чтобы принять личное начальство надъ сосредоточенными здѣсь войсками и идти съ ними въ Кахетію. Но прежде, чѣмъ внести оружіе въ самый очагъ мятежа, главнокомандующій сначала попытался увѣщеваніями склонить бунтовщиковъ къ покорности. Съ этой цѣлью, онъ, на второй же день по прибытіи въ Тифлисъ, отправилъ къ мятежникамъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ изъ дворянъ и духовенства съ прокламаціей, которой обѣщалось полное прощеніе всѣмъ, кто съ истиннымъ раскаяніемъ и покорностью добровольно положитъ оружіе и возвратится въ свой домъ. „Что вы дѣлаете! писалъ главнокомандующій<sup>2)</sup>, какое ослѣпленіе обуяло умы ваши и какаѣя есть цѣль ваша! Неужели въ несчастномъ изступленіи своемъ забыли вы силу и могущество неодолимыхъ войскъ россійскихъ, забыли вѣру христіанскую и не видите, что рука Божія, неизбѣжно карающая клятвoprеступныхъ измѣнниковъ, готова васъ поразить! Вспомните, что вы дерзнули поднять оружіе противу войскъ его императорскаго величества, кои суть братья ваши по вѣрѣ, защищающіе жилища ваши, семейства и имущество отъ внѣшнихъ непріятелей, жаждущихъ вашей гибели, и что вы въ заблужденіи своемъ, нарушивъ присягу, данную вами въ вѣчной вѣрности его императорскому вели-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 77.

<sup>2)</sup> Обвѣщеніе маркиза Паулуччи кахетинскому народу отъ 22-го фѣвраля 1812 г. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 82.

честву, предъ лицомъ самого Бога, вооружились противъ защитниковъ вашихъ, противъ самого вашего отечества и противъ религии. Итакъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ видя бездну, въ которую вы сами стремитесь, вовлекая и невинныя ваши семейства, я счелъ обязанностью, прежде нежели приступлю къ мѣрамъ, кои мнѣ предписываетъ долгъ и званіе мое, объявить вамъ слѣдующее: Кахетинскій народъ! теперь предлежатъ вамъ два пути,—одинъ къ спасенію, а другой къ неминуемой гибели. Собравъ сильныя войска, я иду самъ въ Кахетію, для водворенія среди васъ покоя. Мечъ мой готовъ истребить непокорныхъ мятежниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рука простерта принять съ милосердіемъ раскаивающихся, подобно какъ отецъ пріемлетъ заблудшаго сына. Посему, избирайте немедленно дорогу, которую укажетъ вамъ собственное ваше благоразуміе. Я же увѣряю васъ честью моею, что не накажу тѣхъ, кои, положивъ оружіе, съ раскаяніемъ будутъ просить прощенія и, съ семействами своими возвратясь въ свои жилища, примутъ вновь присягу на вѣрность его императорскому величеству. Но если встрѣчу кого съ оружіемъ въ рукахъ и противящихся законной власти, то тѣхъ предамъ достойной ихъ казни, безъ всякаго помилованія“.

На эту прокламацію получился отвѣтъ, „наполненный, какъ доносилъ Паулуччи<sup>1)</sup>), вздорными причинами, которыя якобы подвергли Кахетію къ бунту“. „Все общество кахетинское, въ горахъ и на плоскости живущее, доносимъ, — писали мятежники—<sup>2)</sup>), что мы неопытны въ письмахъ и не можемъ понять вашего писанія; мы не отрицаемся отъ Христа, ни измѣнники государю, ниже клятвоступники. Вы дали намъ поводъ; что было отъ всемилостивѣйшаго государя императора манифестомъ повелѣно, отъ васъ не было исполнено; вы намъ дали поводъ, убивая и вѣшая на веревкѣ; виновные и усердные не были различены; но и сего мы по усердію къ государю императору и по присягѣ отъ насъ данной терпѣли. Сверхъ того, чего у насъ не было, къ тому экскузіей и штыками вы насъ принуждали, убивали нашихъ женъ и дѣтей, отняли у насъ хлѣбъ и голодомъ насъ морили, а намъ говорили, чтобы мы

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97, стр. 77.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 82.

паслись на травѣ. Какъ младенцамъ пастись на травѣ? Отъ нарядовъ не стало у насъ быковъ, и въ лѣсахъ не нашли болѣе лѣса для построенія аробъ; и такой обиды не могли болѣе вытерпѣть; чѣмъ человѣку морить своихъ женъ и дѣтей, скорѣе убьешь прежде другого. Мы истинно знаемъ то, что государь императоръ народа истреблять не изволить. Поводъ данъ вами; сойтись съ вами намъ болѣе невозможно; мы рискнули и семействами и собою. Вы давали намъ за коду по 1 руб. 20 коп., а у кого изъ насъ не было хлѣба, брали въ плату по 4 руб. за коду. Мы государю императору не измѣнили и не измѣнники; вы преступили повелѣніе государя, и мы болѣе не могли переносить несправедливости; намъ съ вами сойтись невозможно, мы и такъ мертвы и должны умереть. Мы подали просьбу, а вы не довели оной до государя императора; вы насъ обманывали и мы терпѣли; уже болѣе невозможно. Нынѣ конецъ, и мы должны умереть“.

Получивъ этотъ отвѣтъ, вмѣстѣ съ словесными объясненіями, такого-же „вздорнаго“ характера, которыя были даны посланцамъ главнокомандующаго предводителемъ одной изъ мятежныхъ шаекъ, нѣкимъ армяниномъ Кацо Охановымъ <sup>1)</sup>), Паулуччи, все еще не теряя надежды уладить дѣло мирнымъ путемъ, отвѣчалъ мятежникамъ <sup>2)</sup>): „По пріѣздѣ моемъ въ деревню Хашми, доставленъ былъ ко мнѣ отъ васъ отвѣтъ на мое объявленіе; видя изъ того причину, побудившую васъ къ настоящему мятежу, я нужнымъ почитаю сказать вамъ: Кахетинскій народъ! Вамъ самимъ извѣстно, что объясненныя вами жалобы при главнокомандованіи моемъ приносимы отъ васъ не были, такъ равно и просьбъ, вами поданныхъ, я не получилъ, по которымъ я-бы не оставилъ тотчасъ сдѣлать строгое разслѣдованіе и доставить вамъ должную справедливость; но какъ все сіе происходило прежде, до моего командованія, и вами мнѣ не было объявлено, то я не могъ быть о томъ извѣстенъ, а потому и нынѣ отправляю къ вамъ съ симъ преосвященнаго Ниноцминдели, духовника моего—патера Онуфрія, и маіора кн. Соломона Авалова, какъ довѣренныхъ отъ меня, объявить вамъ послѣднее мое слово,

<sup>1)</sup> Записка кн. Чавчавадзе.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 96.

дабы вы, опомнясь, оставили предпринятые вами намѣренія и разошлись по вашимъ домамъ. Тогда вы можете всѣ ваши жалобы и просьбы мнѣ представить, и я не оставлю оказать вамъ всю справедливость и сдѣлать всевозможное облегченіе; но если вы и за симъ не послушаетесь сего моего обвѣщенія, то буду васъ трактовать, какъ измѣнниковъ“.

Казалось бы, что исполнялось желаніе народа, который самъ же говорилъ: „На тотъ конецъ сдѣлали мы бунтъ, чтобы насъ больше не притѣсняли, а не на тотъ, чтобы лишиться російскаго покровительства... Сопротивлялись же противъ россіанъ, въ чаяніи томъ, чтобы правительство обратило вниманіе на состояніе наше“... <sup>1)</sup> И такъ, цѣль была достигнута: правительство обратило вниманіе на состояніе кахетинцевъ; главнокомандующій категорически обѣщалъ „оказать всю справедливость и сдѣлать всевозможныя облегченія“; бунтовщикамъ даровано прощеніе; утѣснители народа были обнаружены и несомнѣнно понесли-бы заслуженную кару. Населенію, такимъ образомъ, оставалось только разойтись по своимъ домамъ и спокойно ждать измѣненія къ лучшему въ своемъ положеніи. Но тутъ-то и сказалось, что истинныя намѣренія бунтовщиковъ были весьма далеки отъ тѣхъ разговоровъ, которыми старались они оправдать свое вѣроломство и варварскія жестокости.

Увѣряя главнокомандующаго, что они „не измѣнники государю, ниже клятвопреступники“,—кахетинцы въ тоже время дѣятельно старались поднять противъ насъ не только все Закавказье, но и заручиться содѣйствіемъ турокъ и персіанъ. Мятежники призвали къ себѣ на помощь лезгинъ, которые въ числѣ около тысячи человекъ спустились на Алазань <sup>2)</sup>. Посылали письма и депутаціи въ Казахъ, Борчалу и Памбакъ, уговаривая къ возстанію населеніе этихъ областей <sup>3)</sup>, при чемъ письмо въ Казахъ начиналось словами: „мы всѣ кахетинскіе князья“... и имѣло 31 подпись. Подобныя же письма посылались и въ Карталинію, гдѣ князь Симонъ Мачабели успѣлъ даже „привести въ колеблемость нѣсколько деревень, ле-

<sup>1)</sup> Слѣдственное дѣло; показаніе жителей селеній Арагвиспири, Магаро, Нукреанъ и Ораписи.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 76.

<sup>3)</sup> Тамъ же, стр. 78.

жашихъ по правому берегу р. Куры“ <sup>1)</sup>). Зная, какъ важна для насъ военно-грузинская дорога, главные руководители арагвскихъ мятежниковъ, князя Иосифъ Сидомоновъ и сынъ арагвскаго владѣльца— Иосифъ Эристовъ, отправились къ осетинамъ „привести ихъ въ волненіе“ и отъ имени всего народа обѣщали „управляющему ущельемъ, въ Грузію ведущимъ“, полковнику Казбеку, сдѣлать его грузинскимъ царемъ, если онъ отложится отъ насъ и запретъ Дарьяльское ущелье <sup>2)</sup>). Посылали депутацію, съ князьями Соломономъ Бебутовымъ и Татилія Агатовымъ, въ Эривань къ царевичу Александру „съ приглашеніемъ его въ Кахетію“ <sup>3)</sup>). Посланцы кахетинцевъ проникли даже въ Тавризъ къ Аббасъ-Мирзѣ, прося у него помощи, на что наслѣдникъ персидскаго престола, уговаривая мятежниковъ продолжать сопротивленіе, „положительно обѣщаль на дняхъ выступить изъ Тавриза съ пушками, мечущими искры, какъ адъ, съ сарбазами, сыплющими огонь, съ неустрашимою кавалерією и, какъ потокъ, уносящій горы, двинуться въ ту сторону (къ Кахетіи)“ <sup>4)</sup>. „Пыль наши сарбазы, писалъ Аббасъ-Мирза кахетинцамъ, какъ голодные львы жаждутъ крови русскихъ, находящихся въ Грузіи, и какъ только мы туда двинемся, Грузія будетъ покорена и русскій главнокомандующій и его солдаты будутъ убиты или плѣнены. Затѣмъ, вамъ представится возможность пользоваться спокойствіемъ и отдыхомъ на своихъ мѣстахъ“ <sup>5)</sup>). Эти обѣщанія вызвали въ кахетинскихъ мятежникахъ „крѣпкое намѣреніе“ во чтобы то ни стало противиться намъ „по крайней мѣрѣ одинъ мѣсяць, въ каковое время можетъ уже открыться отъ персіанъ способная дорога подать имъ помощь, и что тогда вся Грузія не упуститъ присоединиться къ нимъ“ <sup>6)</sup>).

Но особенно серьезное значеніе сдва не приобрѣло для насъ посольство кахетинцевъ за помощью къ Шерифъ-пашѣ ахалцыхскому. Сознавая, сколь удобный моментъ представлялся теперь для обратнаго

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97, стр. 77.

<sup>2)</sup> Тамъ же стр. 75, 78 и 81.

<sup>3)</sup> Тамъ же стр. 77 и № 104.

<sup>4)</sup> Прокламація Аббасъ-Мирзы, тамъ же № 105 стр. 87.

<sup>5)</sup> Тамъ же.

<sup>6)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 97 стр. 78.

отобранія у насъ крѣпости Ахалкалакъ, являвшейся къ тому же въ это время единственнымъ прикрытіемъ Грузіи со стороны ахалцыхскаго пашалыка, Шерифъ-паша рѣшилъ штурмовать ее. Съ этой цѣлью, онъ быстро собралъ пятитысячный отрядъ и 21-го февраля, въ тотъ самый день, когда маркизъ Паулуччи только что вернулся въ Тифлисъ, атаковалъ немногочисленный ахалкалакскій гарнизонъ. Послѣдній, однако, выказалъ такое мужество и стойкость, что турки, послѣ 4-хъ часоваго упорнаго боя, были отбиты съ большимъ урономъ <sup>1)</sup>. Отойдя къ укрѣпленному селенію Хертвисы, Шерифъ-паша устроилъ здѣсь свои войска и имѣлъ въ виду снова повторить штурмъ Ахалкалакъ, но долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, вслѣдствіе полученныхъ имъ извѣстій о новомъ чувствительномъ ударѣ, нанесенномъ нами туркамъ въ предѣлахъ карсскаго пашалыка.

Владѣтель послѣдняго Абдулла-паша, „злобствуя за приверженность къ намъ“ на магизбердскаго владѣльца Кара-бека, отправилъ отрядъ въ одну тысячу человекъ отборныхъ своихъ войскъ, называемыхъ гайтадели, разорить владѣнія Кара-бека. Послѣдній былъ намъ весьма полезенъ, во-первыхъ, потому, что, не повинувшись самою Портѣ Оттоманской, онъ могъ служить намъ орудіемъ къ ослабленію карсскаго паши и дѣлалъ послѣдняго, такимъ образомъ, безвреднымъ для сосѣднихъ областей Грузіи, а во-вторыхъ, дружба съ Кара-бекомъ давала намъ возможность пользоваться хлѣбнымъ богатствомъ магизбердскаго владѣнія для продовольствія нашихъ войскъ, стоявшихъ въ Памбакѣ. Ввиду этого, Паулуччи написалъ начальнику памбакскаго округа, генераль-маіору Лисаневичу, въ случаѣ надобности поддерживать Кара-бека какъ противъ турокъ, такъ равно и противъ персіанъ. Случай этотъ какъ разъ и представился теперь, когда Магизберду грозило полное разореніе отъ Абдуллы-паши. Для содѣйствія Кара-беку посланъ былъ изъ Гумръ отрядъ въ 200 человекъ тифлисскаго полка, при 2-хъ орудіяхъ, 70 казаковъ и 40 милиціонеровъ. Отрядъ этотъ, подъ начальствомъ маіора князя Саварсамидзе, соединился съ Кара-бекомъ и 24-го февраля, послѣ упорнаго боя, наголову разбилъ войска Абдуллы-паши, стоявшія въ укрѣпленной позиціи у деревни Пер-

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 11-го марта 1812 года № 13.

тишѣ. Турки потеряли въ этомъ бою 3 знамени, 3 литавръ, 300 лошадей, много оружія и добычи. Нашъ уронъ состоялъ изъ 8-ми человѣкъ убитыхъ и 31-го раненыхъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и самъ начальникъ отряда, маіоръ Саварсамидзе <sup>1)</sup>.

Такимъ образомъ, благодаря стойкости ахалкалакского гарнизона и „смѣлости“ маіора Саварсамидзе,—была обезпечена со стороны турецкой границы безопасность Грузіи, и безъ того сильно встревоженной кахетинскимъ мятежомъ.

Пославъ изъ Хашми бунтовщикамъ послѣднее свое увѣщеваніе, маркизъ Паулуччи получилъ отъ нихъ обѣщаніе дать окончательный отвѣтъ черезъ два часа; но прошелъ весь день 25-го феврала, а отвѣта не получалось. Паулуччи увидѣлъ, что мѣры кротости едва-ли приведутъ къ желаемымъ результатамъ, и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, съ 600 человѣкъ и двумя орудіями, „не взирая ни на густоту лѣса, ни на дурную дорогу, ни на ущелья“, атаковалъ мятежниковъ, укрѣпившихся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ у монастыря Самеба <sup>2)</sup>. „Разсѣявъ сихъ недостойныхъ никакого уваженія измѣнниковъ, принявшихъ оружіе противъ войскъ россійскихъ, и приказавъ въ примѣръ и страхъ другимъ повѣсить на мѣстѣ сраженія двухъ плѣнныхъ, кои взяты были съ оружіемъ въ рукахъ“ <sup>3)</sup>, Паулуччи двинулся дальше, по долинѣ р. Юры, къ Сигнаху. 27-го феврала онъ достигъ деревни Какабети, куда въ тотъ же день подошелъ и отрядъ, выведенный подполковникомъ Степановымъ изъ Карагача, а черезъ два дня, 29-го феврала, въ крѣпости Кодоло освобождена была наша команда въ 80 человѣкъ, которая въ теченіе 23-хъ дней мужественно отсиживалась здѣсь, питаясь пшеницей и „вмѣсто воды довольствуясь снѣгомъ“ <sup>4)</sup>. Въ тотъ же день, къ главнокомандующему явились съ покорностью кизикскіе старшины, и сигналахскій уѣздъ былъ, такимъ образомъ, успокоенъ. Оставалось еще смирить Телавъ.

Двинувшись туда черезъ Велисцихе, Паулуччи 1-го марта, „сверхъ всякаго ожиданія“, встрѣтилъ въ лѣсу, у деревни Чумлаки, большое

<sup>1)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи военному министру отъ 3-го марта 1812 года № 96. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 262, а также № 87, стр. 57.

<sup>2)</sup> Монастырь этотъ находится въ долинѣ р. Юры, въ 6-ти верстахъ отъ сел. Хашми, по сигналахской дорогѣ. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, стр. 1074).

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85.

<sup>4)</sup> Тамъ же,



скопище мятежниковъ, предводимое самимъ новоизбраннымъ царемъ Григоріемъ. Отрядъ нашъ былъ атакованъ „съ такою отважностью, каковой ожидать нельзя было отъ этой сволочи“. Тѣмъ не менѣе, скопище было разсѣяно, взятая на другой день штурмомъ деревня Чумлаки „предана разграбленію и огню“, а два бунтовщика, попавшихся въ плѣнъ, повѣшены. Царевичъ Григорій бѣжалъ къ анцугскимъ лезгинамъ. 3-го марта къ главнокомандующему явилась съ покорностью большая часть телавскихъ князей, и онъ двинулся далѣе къ Телаву. Нетерпѣніе Паулуччи освободить запертый въ этой крѣпости гарнизонъ нашъ было на столько сильно, что онъ, оставивъ пѣхоту за деревней Циондали, въ 7-ми верстахъ отъ Телавы, самъ, всего лишь съ 50-ю казаками и нѣсколькими грузинскими князьями, поѣхалъ впередъ. „Осаждающіе, увидя сіе, начали разбѣгаться“. Паулуччи благополучно въѣхалъ въ крѣпость и тотчасъ-же выслалъ оттуда пѣхоту очистить непріятельскія траншеи, но „бунтовщики разсѣялись съ такимъ стремленіемъ, какъ будто никого и не было близъ крѣпости“. 1)

Тѣмъ временемъ, подполковникъ Ушаковъ, еще 22-го февраля, т. е. до полученія предписанія главнокомандующаго, отданнаго послѣднимъ тотчасъ же по прибытіи въ Тифлисъ, выступилъ по собственной инициативѣ изъ Душета и, совмѣстно съ мѣоромъ Кружковымъ, вышедшимъ изъ Гартискари, разбилъ и совершенно разсѣялъ мятежниковъ, укрѣпившихся у деревни Сашабуро. Очистивъ отъ бунтовщиковъ весь ананурскій уѣздъ, Ушаковъ, по приказанію главнокомандующаго, двинулся къ сел. Тіонеты. По дорогѣ къ послѣднему, онъ разбилъ толпы мятежниковъ, укрѣпившихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ за рядомъ заваловъ, и 5-го марта занялъ названное селеніе, гдѣ захватилъ въ плѣнъ 15 человекъ; изъ нихъ 8 „главнѣйшихъ бунтовщиковъ“ были повѣшены на мѣстѣ, въ страхъ жителямъ сей деревни, первой присоединившейся къ взбунтовавшимся ахметцамъ“ 2).

Такимъ образомъ, къ 5-му марта главнѣйшіе пункты Кахетіи были очищены отъ мятежниковъ; всѣ находившіеся въ осадѣ гар-

---

1) Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85.

2) Тамъ же, стр. 80.

низоны наши освобождены, и мятежъ почти совершенно потушенъ. На другой день, 6-го марта, въ Телавъ явился и царевичъ Григорій, „представленный, какъ доносилъ Паулуччи, посылаемыми мною къ нему людьми, коихъ совѣтами онъ убѣждаясь, добровольно пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы повергнуть себя въ безприкладное милосердіе вашего величества“ <sup>1)</sup>). Григорій сначала отправленъ былъ въ Тифлисъ, а затѣмъ, „не теряя времени, удаленъ“ въ Петербургъ. Послѣднее главнокомандующій находилъ рѣшительно необходимымъ потому, что „сей царевичъ весьма важенъ не по личнымъ своимъ достоинствамъ, коими, къ счастью, не одаренъ отъ природы, но по уваженію, каковое народъ здѣшняго края имѣетъ къ его происхожденію и по правамъ, кои, хотя ложно, но съ нѣкоторымъ основаніемъ, приписываютъ ему грузины... Опытомъ же народнаго легковѣрія и той истины, что необходимо нужно для спокойствія здѣшняго края удалить отсель все то, что только носитъ на себѣ имя происхожденія отъ бывшаго грузинскаго царственнаго дома, можетъ служить то, что сей царевичъ, не имѣющій никакихъ особенныхъ достоинствъ, оставленный безъ вниманія моими предшественниками и даже у самихъ грузинъ до сего случая мало имѣвшій уваженія, вдругъ при открывшейся революціи началъ играть между ними важную роль и по ослѣпленію народа, которое однако же обнаруживаетъ ихъ всегдашнюю привязанность къ прежнему царскому правленію, былъ съ радостью принятъ мятежниками, провозглашенъ царемъ Грузіи и предводительствовалъ толпами бунтовщиковъ“ <sup>2)</sup>). Однако, въ уваженіе того, что царевичъ добровольно явился къ намъ и принялъ присягу на вѣрность, а таковымъ, всѣмъ безъ исключенія, было объявлено полное прощеніе,—главнокомандующій „счелъ приличнымъ отправить его въ Петербургъ на такомъ же основаніи, какъ были отправлены отсель прочіе члены грузинскаго царственнаго дома“ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85.

<sup>2)</sup> Донесеніе маркиза Паулуччи графу Румянцеву отъ 18-го марта 1812 года № 77.

<sup>3)</sup> Тамъ же. Царевичу было выдано 300 руб. на путевыя издержки, 60 руб. на приготовленія къ пути, жалованье, съ 6-го марта по 1-е мая, 280 рублей и сверхъ того, сопровождавшему его приставу, князю Баратову, отпущено на прогоны царевичу и на содержаніе его въ пути 1500 руб. ассигнаціями и 125 руб. серебромъ.

Съ арестомъ царевича Григорія и съ приведеніемъ къ присягѣ князей и большей части населенія Кахетіи, мятежъ могъ считаться совершенно погашеннымъ. Оставалась еще ненаказанной одна лишь деревня Артани, „жители коей были злѣйшіе бунтовщики и семейства свои удалили въ крѣпкія гористыя мѣста“. Но посланный изъ Телава отрядъ подполковника Тихановскаго овладѣлъ, 10-го марта, этой деревней и, встрѣтивъ здѣсь „ожесточенное упорство жителей, отклонявшихся принять присягу, наказалъ ихъ и въ страхъ другимъ предалъ огню ихъ жилища. Съ симъ вмѣстѣ окончились и всѣ дѣйствія противъ мятежниковъ“.

„Такимъ образомъ,—всеподданнѣйше доносилъ Паулуччи,—по промыслу всеблагого Бога, покровительствующаго оружію вашего императорскаго величества, поправа гордыня и дерзость безумныхъ. Мятежный духъ истребленъ въ Кахетіи, устройство восстановлено, и вся Грузія приведена въ спокойствіе“<sup>1)</sup>).

Такъ кончился этотъ первый взрывъ народнаго безумія, захлестнувшій кровавой волной благодатныя долины Алазани, Иоры и Арагвы. Благодаря общей растерянности нашихъ властей и странной нераспорядительности главнаго начальника кахетинскаго округа, ген.-м. Портнягина, мятежники въ теченіе 22-хъ дней безнаказно неистовствовали на всемъ пространствѣ сѣверной Грузіи. И только прибытіе въ Тифлисъ маркиза Паулуччи сразу измѣнило здѣсь положеніе дѣлъ. Быстро собравъ все, что было подъ рукою, Паулуччи, съ обычной ему энергіей, устремился на подавленіе мятежа, и въ теченіе первой же недѣли, съ 25-го февраля по 5-е марта, съ отрядомъ, не превосходившимъ 600 человекъ, разсѣялъ скопища мятежниковъ, освободилъ блокированные наши гарнизоны, занялъ главнѣйшіе пункты страны и привелъ ее въ полное повиновеніе. Быстрый и рѣшительный успѣхъ этотъ достигнуть былъ энергичнымъ исполненіемъ тщательно обдуманнаго плана. Разбивъ у монастыря Самеба одно изъ главныхъ скопищъ мятежниковъ, Паулуччи не двинулся прямо къ Телаву по кратчайшей дорогѣ, черезъ Гамборы, гдѣ въ лѣсистыхъ горахъ могъ встрѣтить серьез-

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ маркиза Паулуччи отъ 26-го марта 1812 года № 85.

ное со стороны бунтовщиковъ сопротивленіе, а направился долиною р. Юры къ Сигнаху. Съ занятіемъ Кизикии, вся остальная Кахетія отрѣзывалась отъ мусульманскихъ областей Закавказья и отъ заазанскихъ лезгинъ, содѣйствіе которыхъ было особенно важно для мятежниковъ. Изолировавъ, такимъ образомъ, послѣднихъ отъ возможной помощи извнѣ, Паулуччи свободно уже двинулся вверхъ по Алазани—къ Телаву, одновременно съ тѣмъ, какъ Ушаковъ пробивался туда же изъ долины Арагвы, черезъ Тіонеты. Поставленный между двухъ огней, мятежъ быстро затихъ, и бунтовщики, въ теченіе тридцати дней настойчиво осаждавшіе Телавъ, не имѣли даже мужества противустать 50-ти казакамъ конвоя Паулуччи; самъ царь мятежниковъ—Григорій, познавъ нелѣпость дальнѣйшаго разыгрыванія навязанной ему роли, добровольно предалъ себя въ руки главнокомандующаго.

Однако, около мѣсяца продолжавшіяся неистовства „безумныхъ“ кахетинцевъ не дешево стоили нашимъ войскамъ. Нѣкоторые полки, какъ Нарвскій драгунскій и Кабардинскій мушкетерскій, были приведены „въ большое разстройство“. Провіантскіе магазины, казначейства и большая часть казеннаго имущества расхищены. Шесть штабъ-офицеровъ, 13 оберъ-офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ было потеряно убитыми и безъ вѣсти пропавшими. Къ счастью, не всѣ солдаты, захваченные бунтовщиками въ первые дни мятежа, были преданы смерти: многихъ сберегли, имѣя въ виду обратить ихъ затѣмъ въ рабовъ, но было не мало и спасенныхъ сердоболіемъ нѣкоторыхъ кахетинцевъ изъ числа князей, духовенства и даже простого народа, которые укрыли нашихъ плѣнныхъ отъ ярости бунтовщиковъ въ разныхъ потайныхъ мѣстахъ и затѣмъ, по успокоеніи страны, представили ихъ нашему начальству. Число спасенныхъ такимъ образомъ нашихъ солдатъ превосходило 300 человекъ, что можетъ служить еще однимъ доказательствомъ того, что мятежъ былъ вызванъ не столько всеобщимъ озлобленіемъ народа противъ нашихъ войскъ, сколько интригами и происками нашихъ недоброжелателей и политическихъ соперниковъ.

По усмиреніи мятежа, главнокомандующій тотчасъ же нарядилъ особую комиссію для всесторонняго выясненія причинъ его. Въ

стѣ съ тѣмъ, имѣя уже основанія полагать, что одной изъ существенныхъ причинъ, вызвавшихъ народное неудовольствіе, были злоупотребленія интендантскихъ чиновниковъ,—Паулуччи отстранилъ ихъ отъ закупки войскамъ хлѣба, поручивъ это гражданскому губернатору при содѣйствіи частныхъ довѣренныхъ лицъ. Кромѣ того, взамѣнъ навлекавшихъ на себя большія нареканія уѣздныхъ судовъ, главнокомандующій учредилъ въ сигналахскомъ и телавскомъ уѣздахъ особые „временные суды“, въ которыхъ дѣла разбирались по законамъ царя Вахтанга, кромѣ лишь уголовныхъ дѣлъ, оставшихся по старому подсудными русскимъ законамъ.

Вообще, кахетинскій мятежъ далъ поводъ маркизу Паулуччи, съ присущей ему настойчивостью, приняться за исцѣленіе язвъ нашей администраціи и за улучшеніе положенія управляемаго нами народа. Но въ самомъ началѣ этихъ, многообѣщавшихъ мѣропріятій, неожиданно полученъ былъ высочайшій рескриптъ, отзывавшій маркиза Паулуччи съ Кавказа. „Отличное ваше служеніе, говорилось въ немъ <sup>1)</sup>, обратило особое мое на васъ вниманіе. Я, желая по достоинствамъ вашимъ употребить васъ съ большею блистательностью, повелѣваю вамъ прибыть въ С.-Петербургъ, а начальство надъ Грузіей сдать генералъ-лейтенанту Ртищеву“.

Подготовляя всѣ силы къ предстоявшей рѣшительной борьбѣ съ Наполеономъ, императоръ Александръ I, естественно, старался привлечь въ дѣйствующую армію военачальниковъ, извѣстныхъ своими дарованіями и опытностью. Это и было причиной отозванія съ Кавказа маркиза Паулуччи, который, по прибытіи въ Петербургъ, былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта и вскорѣ затѣмъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й западной арміи.

Но, конечно, Закавказью не желательно было лишиться главнаго начальника, за короткое время успѣвшаго своею доступностью, справедливостью и энергіей снискать себѣ общія симпатіи и довѣріе всего населенія. Дворянство, видя въ немъ залогъ будущаго благополучія края, отправило въ Петербургъ депутатомъ князя Захара Андроникова, уполномочивъ его испросить высочайшее соизволе-

---

<sup>1)</sup> Высочайшій рескриптъ маркизу Паулуччи отъ 16-го февраля 1812 г. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 32.

ніе на оставленіе маркиза Паулуччи по прежнему главнокомандующимъ въ Грузіи <sup>1)</sup>). Но императоръ Александръ, вѣроятно по указаннымъ выше мотивамъ, ходатайства этого не уважилъ.

Нельзя сказать, чтобы и самъ Паулуччи особенно желалъ оставаться долѣе на Кавказѣ. Выражая министру полиціи Балашову <sup>2)</sup> при скорбіе „оставлять свои труды ничтожными по управленію краемъ, который засталъ въ совершенномъ безпорядкѣ и который старался всѣми мѣрами привести въ лучшее состояніе“, — Паулуччи просилъ его „употребить ходатайство передъ престоломъ все милостивѣйшаго монарха, чтобы просьба грузинскаго дворянства не имѣла уваженія въ такомъ случаѣ, если благоугодно будетъ его величеству, по отѣздѣ моемъ изъ Грузіи, опять меня сюда же назначить, такъ какъ сіе послужило бы къ совершенному моему раззоренію“. Въ то же время, Паулуччи, какъ бы опасаясь, чтобы высочайшее соизволеніе остаться главнокомандующимъ въ Грузіи не послѣдовало ранѣе выѣзда его отсюда, всемѣрно торопилъ Ртищева скорѣйшимъ прибытіемъ въ Тифлисъ и даже приказалъ мѣхетскому карантину отнюдь не задерживать кортежъ новаго главнокомандующаго. Но Ртищевъ не торопился и, видимо разсчитывая долго еще оставаться на линіи, прислалъ оттуда тифлисскому гражданскому губернатору предписаніе рапортовать ему о дѣлахъ Закавказья <sup>3)</sup>.

Паулуччи выходилъ изъ себя. Онъ приказалъ не исполнять этого предписанія Ртищева, а послѣднему сообщилъ, что уѣдетъ съ Закавказья безъ сдачи и страшалъ за медлительность „протестовать о семъ предъ государемъ императоромъ <sup>4)</sup>. вмѣстѣ съ тѣмъ, зная совершенно миролюбивый характеръ своего преемника, Паулуччи успокаивалъ его, говоря: „Ваше превосходительство можете быть покойны, потому что здѣсь порядокъ и тишина совершенно восстановлены... Квартира для вашего превосходительства приготовлена въ моемъ домѣ, который будетъ очищенъ для васъ въ ту самую минуту, какъ вы изволите принять отъ меня команду“ <sup>5)</sup>.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 35.

<sup>2)</sup> Отношеніе отъ 19 марта 1812 года № 79.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 37.

<sup>4)</sup> Тамъ же, №№ 37 и 40.

<sup>5)</sup> Тамъ же, №№ 34 и 39.

Только въ концѣ апрѣля удалось маркизу Паулуччи выѣхать изъ Тифлиса.

Славая своему преемнику должность, онъ счелъ долгомъ подѣлиться съ нимъ, въ обстоятельномъ письмѣ, своимъ опытомъ и впечатлѣніями, приобретенными въ теченіе двухъ-лѣтняго пребыванія въ Закавказьѣ. „Удостоясь отъ его императорскаго величества милостиваго отзыва меня въ Россію, писалъ Паулуччи Ртищеву <sup>1)</sup>, я считаю для себя долгомъ сообщить вашему превосходительству нѣкоторыя мои разсужденія—плоды опытности, которую я, надѣюсь, приобрѣлъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ моего пребыванія въ здѣшнемъ краю. Не считайте, милостивый государь, чтобы и малѣйшая личность входила въ разсужденія, которыя здѣсь я вамъ сообщаю. Я не имѣлъ чести васъ знать и не имѣлъ другихъ къ вамъ отношеній, кромѣ тѣхъ, кои требовала близость управленій губерніями, высочайше намъ ввѣренными“. Далѣе слѣдовали обстоятельныя „разсужденія“ относительно различныхъ вопросовъ какъ гражданскаго, такъ и военнаго управленія краемъ, причемъ, подробно разбирая условія дислокаціи нашихъ войскъ въ Закавказьѣ, Паулуччи приходилъ къ заключенію, совершенно противоположному тому мнѣнію, съ которымъ покидалъ Кавказъ предшественникъ его—генераль Тормасовъ. Послѣдній, какъ извѣстно, говорилъ, что съ остающимся въ Закавказьѣ числомъ войскъ всякій главнокомандующій будетъ безсилень сохранить здѣсь цѣлость нашихъ границъ. Паулуччи же, за время шестимѣсячнаго командованія этими войсками, не только сохранилъ наши границы, но еще и раздвинулъ ихъ приобретеніемъ Кюри и Ахалкалакъ и, уходя съ Кавказа, писалъ своему преемнику: „Сообщая у сего вашему превосходительству распредѣленіе войскамъ, кои мнѣ были ввѣрены, я смѣю предполагать, что если вы не сдѣлаете какихъ либо существенныхъ перемѣнъ, то непріятель никогда не будетъ въ состояніи предпринять что-либо важное противъ насъ“.

Высказывая затѣмъ Ртищеву взглядъ свой на манеру обхожденія съ азіатскимъ населеніемъ края, Паулуччи говорилъ: „Азіатскіе народы привыкли видѣть скорое правосудіе, такъ что всей бдитель-

<sup>1)</sup> Письмо отъ 20 марта 1812 года № 398.

ности главнокомандующаго по сему предмету не может доставать. Я имѣю обыкновеніе съ появленія дня до самаго полудня принимать всѣхъ тѣхъ, кои имѣли просьбы, и говорить съ каждымъ просителемъ. На другой-же день, въ 8 часовъ утра, представляемы были ко мнѣ переводы съ просьбъ, писанныхъ на грузинскомъ и татарскомъ языкахъ, по которымъ я сперва давалъ мое рѣшеніе, а потомъ къ полудню всѣ просители, коихъ просьбы были накануне представлены, непременно получали резолюцію. Такая система, я надѣюсь, была удовлетворительна для народа. Общее мнѣніе въ Азіи существуетъ, что безъ подарковъ ничего нельзя достигнуть. Сердари и ханы персидскіе, сераскиры и паши турецкіе всегда старались наперерывъ поддерживать сіе мнѣніе. Но покойный князь Циціановъ совсѣмъ иначе мыслить и не только отказывалъ въ подаркахъ всякаго рода, но еще бдительно наблюдалъ, чтобы и подчиненные слѣдовали его примѣру. Я также, по гордости или по беззаботливости, либо по моимъ правиламъ (остаюсь равнодушнымъ, чтобы на сей счетъ обо мнѣ ни думали) равномѣрно отказывалъ во всякомъ родѣ подарковъ, даже и въ тѣхъ, которые ханы имѣютъ обыкновеніе подносить вновь пріѣзжающимъ въ Грузію главнокомандующимъ; вмѣстѣ съ симъ, также строго надзиралъ, чтобы и мои подчиненные слѣдовали моему примѣру, и я отвѣчаю за то, что моя канцелярія вѣрно исполняла мои приказанія. Дѣла, въ оной находящіяся, такъ же какъ и голосъ цѣлой публики докажутъ вашему превосходительству, какъ я умѣлъ открыть злоупотребленія сего рода между другими чиновниками и наказать ихъ. Таковое поведеніе, можетъ быть, привлекло ко мнѣ благорасположеніе здѣшняго народа, которымъ, какъ смѣю думать, я и пользуюсь; желаю искренно для пользы самой службы и для чести вашего превосходительства, чтобы, оставляя нѣкогда Грузію, и вы могли сказать также, какъ я, что ничего не приобрѣли въ здѣшнемъ краю, кромѣ благоволенія его императорскаго величества, которое я ласкаюсь, что справедливо заслужилъ. Что касается до образа обхожденія, каковое должно имѣть съ ханами,—продолжалъ Паулуччи,—то по мнѣнію моему наилучшій есть тотъ, чтобы отъ нихъ не принимать ничего подъ какимъ бы то названіемъ ни было и наблюдать, что-

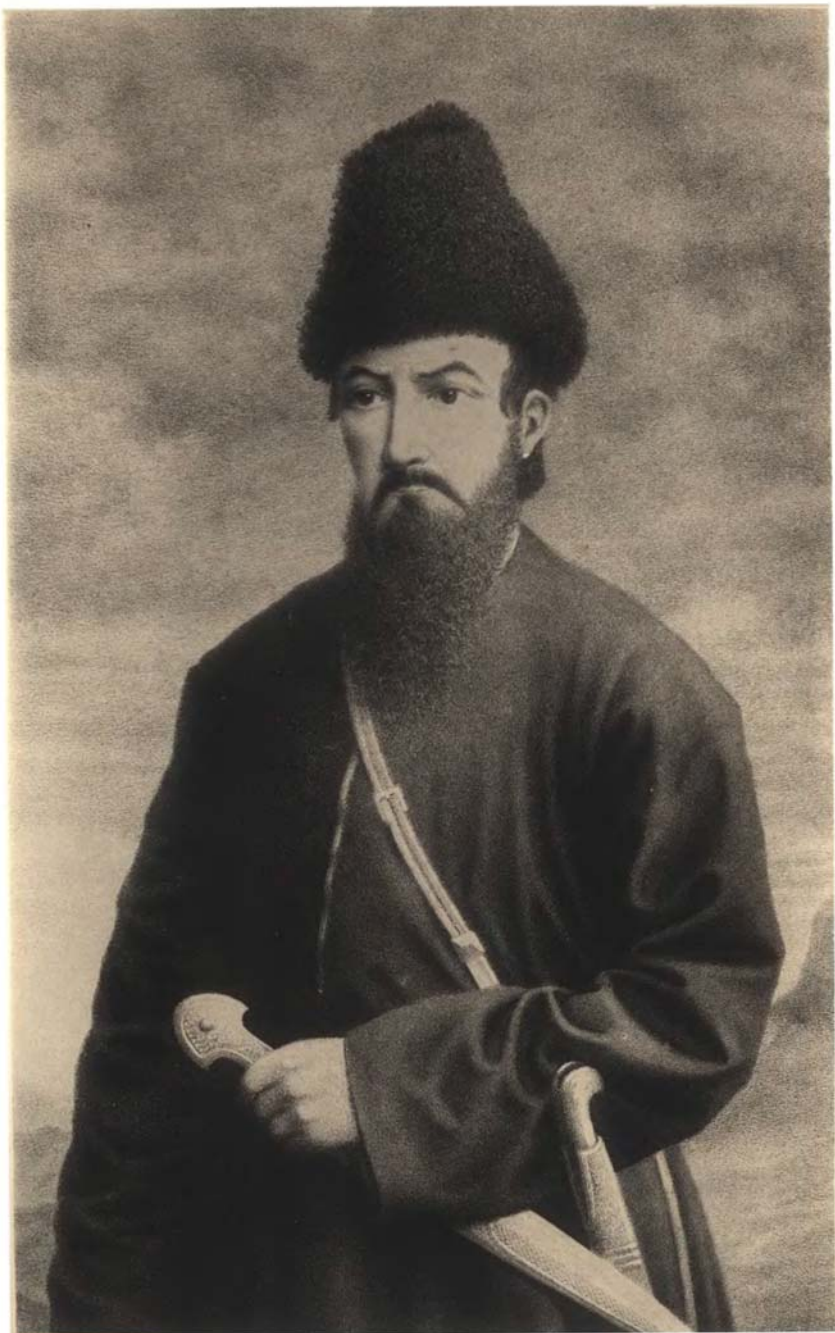


бы тѣ, кои командуютъ войсками въ ханствахъ, то же дѣлали; также чтобы войска, тамъ стоящія, сохраняли строгую дисциплину и чтобы никто не мѣшался во внутреннія дѣла ханства, исключая тѣхъ дѣлъ, кои относятся до преступленія въ оскорбленіи его величества“.

„Зная,—заключалъ Паулуччи свое письмо,—что обыкновенно тотъ, кто принимаетъ начальство, старается умѣрять все то, что сдѣлалъ его предмѣстникъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство взять все изложенное въ строгое соображеніе прежде, нежели вы приступите къ важнымъ какимъ либо переменамъ въ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ, ибо удовлетвореніе тщеславію на нѣсколько дней, легко можетъ случиться, что заставило бы ваше превосходительство раскаяваться. Знаю я также, что отъ сихъ совѣтовъ можетъ быть честолюбіе ваше нѣсколько потерпитъ, однако-же, хотя-бы сіе стоило мнѣ вашего неудовольствія, но я хочу исполнить то, что моя совѣсть мнѣ предписываетъ для пользы службы его императорскаго величества“. <sup>1)</sup>

---

<sup>1)</sup> Назначенный, какъ сказано, начальникомъ главнаго штаба 1-й западной арміи, Паулуччи, однако, не долго былъ въ этой должности. Несогласія, возникшія между нимъ и главнокомандующимъ Барклай-де-Толли, были причиной скорого назначенія маркиза Паулуччи лифляндскимъ и курляндскимъ генераль-губернаторомъ. На этомъ посту онъ пробылъ до 1829 года, послѣ чего оставилъ русскую службу и, вернувшись въ Италію, принялъ здѣсь главное начальство надъ арміей короля Сардинскаго. Последніе годы своей жизни Паулуччи провелъ въ Генуѣ, въ качествѣ генераль-губернатора ея.



*Угребурт Александръ Угакъсичурт.*

## Глава XX.

Новый главнокомандующій, ген.-л. Николай Федоровичъ Ртищевъ. Силы, которыми располагалъ онъ въ Закавказьѣ. Причины новыхъ волненій въ Грузіи. Командировка въ Кахетію ген.-м. Сталя. Занятіе имъ Сигнаха и Телава. Прибытіе ген.-м. князя Орбеліани. Временное успокоеніе страны. Прибытіе въ Кахетію царевича Александра. Новый взрывъ всеобщаго возстанія. Дѣйствія Печерскаго, Симоновича и Орбеліани. Пораженіе мятежниковъ у селенія Манави. Бѣгство царевича Александра къ хевсурамъ. Конtribusiя, наложенная Ртищевымъ на мятежное населеніе, и взглядъ на это императора Александра I-го.

~~~~~

Новый главнокомандующій, Николай Федоровичъ Ртищевъ, былъ генераломъ еще екатериненскихъ временъ. Но эпоха многочисленныхъ войнъ и изумительныхъ карьеръ не дали имени сего блестящаго ореола, и въ теченіе сорока лѣтъ онъ скромно проходилъ служебное свое поприще, ничѣмъ не выдѣляясь ни какъ военачальникъ, ни какъ администраторъ. Выпущенный въ 1773 году изъ кадетъ шляхетскаго сухопутнаго корпуса въ Навагинскій пѣхотный полкъ, онъ участвовалъ въ войнѣ со шведами, а черезъ двадцать лѣтъ, находясь въ корпусѣ Игельстрома, былъ очевидцемъ „Варшавской заутрени“. Въ послѣдніе дни царствованія Екатерины, Ртищевъ, въ чинѣ уже генераль-маіора, назначенъ былъ комендантомъ въ Астрахань, но не успѣлъ еще доѣхать до мѣста новаго своего назначенія, какъ вступившимъ на престолъ Павломъ былъ неожиданно исключенъ изъ службы. Девять лѣтъ провелъ Николай Федоровичъ въ отставкѣ и только передъ турецкой войной 1809 года снова призванъ былъ на службу, произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 16-й дивизіи. Черезъ два года, при новомъ раздѣленіи управленія Кавказомъ, Ртищевъ назначенъ былъ, въ февралѣ 1811 года, кавказскимъ и астраханскимъ губернаторомъ, военно-административная власть котораго распространялась на весь сѣверный Кавказъ. Съ увольненіемъ маркиза Пауллуччи, управленіе обѣими частями Кавказа было вновь

объединено въ рукахъ одного главнокомандующаго, которымъ и былъ назначенъ генераль-лейтенантъ Ртищевъ. „Имѣя къ достоинствамъ вашимъ полное довѣріе,—говорилось въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на его имя,—поручаю вамъ начальство надъ Грузіею и кавказскою линіею на тѣхъ же самыхъ правахъ, кои имѣлъ генераль-отъ-кавалеріи Тормасовъ. Почему повелѣваю вамъ отправиться немедленно въ Тифлисъ, а управленіе на кавказской линіи поручить генераль-маіору Портнягину“<sup>1)</sup>.

Простой, высокочестный, но не одаренный воинскимъ пыломъ, Ртищевъ ясно сознавалъ бремя новаго своего назначенія, полученнаго имъ въ такое время, когда отечество, занятое тяжелой борьбой за свои жизненные интересы и независимость, не могло уже оказывать окраинамъ никакой поддержки. Въ такихъ обстоятельствахъ здѣсь, конечно, требовался крупный талантъ и кипучая энергія. Но у Николая Федоровича эти качества замѣнялись другими, не менѣе цѣнными достоинствами: это—глубокой вѣрой въ Бога, поборающаго россиянамъ, и честнымъ довѣріемъ къ способностямъ своихъ сподвижниковъ, въ числѣ которыхъ была цѣлая плеяда генераловъ испытанныхъ уже дарованій. Котляревскій, Симоновичъ, Лисаневичъ, Хатунцовъ, Сталь—вотъ съ кѣмъ предстояло дѣйствовать Ртищеву, „призвавъ,—по его любимому выраженію,—на помощь всемогущаго Бога“.

Въ Тифлисъ Ртищевъ прибылъ 20-го апрѣля 1812 года и въ тотъ же день, принявъ управленіе краемъ, вступилъ въ командованіе войсками, въ немъ расположенными. Число послѣднихъ не превосходило въ это время 28-ми тысячъ человѣкъ<sup>2)</sup>. Къ тому же, разбросанныя по всему Закавказью, они нигдѣ не составляли крупныхъ отрядовъ, сила которыхъ была бы соразмѣрна съ числомъ противниковъ, отовсюду посягавшихъ на цѣлость нашихъ владѣній<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Высочайшій рескриптъ на имя генераль-лейтенанта Ртищева отъ 16-го февраля 1812 г. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 269.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 4-го сентября 1816 года № 107.

<sup>3)</sup> Въ областяхъ западнаго Закавказья (въ Имеретіи, Мингрели, Гурии и Абхазіи) расположены были: Бѣлевскій пѣхотный полкъ, шесть ротъ 15-го егерскаго полка, двѣ роты морского баталіона (Сухумъ) и донской Балабина полкъ. Всего 5 баталіоновъ пѣхоты и казачій полкъ. Изъ нихъ 3 баталіона занимали важнѣйшіе пункты для обезпеченія границы, и только два баталіона предназначались для роли подвижнаго резерва.

Въ Карталинѣ стояли: три роты Грузинскаго гренадерскаго полка (двѣ въ Гори и одна въ

Къ этому надо добавить, что и внутреннее спокойствіе края было далеко не прочно. Смуты снова начались съ сосѣднихъ съ Арагвой областей Кахетіи.

„Послужившій главной причиной къ мятежу“, вспыхнувшему здѣсь 31-го января 1812 года, тіонетскій и пшаво-хевсурскій моуравъ, князь Иванъ Чолакаевъ, былъ тогда же устраненъ маркизомъ Паулуччи отъ должности и „вскорѣ по обнаружившемся бунтѣ“ умеръ<sup>1)</sup>. Съ окончаніемъ мятежа, возникъ вопросъ о назначеніи въ Тіонеты и къ пшаво-хевсурамъ новаго моурава. Населеніе желало, чтобы таковой выбранъ былъ непременно изъ фамиліи князей Чолакаевыхъ, кои въ теченіе болѣе 500 лѣтъ наслѣдственно управляли имъ<sup>2)</sup>. Но маркизь Паулуччи имѣлъ совершенно противныя намѣренія, ввиду того, что „всѣ вообще князья Чолакаевы участвовали въ бунтѣ, а потому ненадежны въ вѣрности его императорскому величеству“, и даже по усмиреніи мятежа „не переставали между народомъ интриговать и составлять себѣ партіи“<sup>3)</sup>. Однако, пренебрегать желаніемъ народнымъ въ то время, когда въ памяти населенія были еще свѣжи впечатлѣнія „революціи“, и духъ

---

Осетіи) четыре роты 15-го егерскаго полка (двѣ въ Сурамѣ, одна въ Карели и одна въ Боржомѣ), три эскадрона нижегородскихъ драгунъ и донской Поздѣва 8-го полкъ. Всего 7 ротъ, три эскадрона и казачій полкъ. Войска эти, помимо охраненія спокойствія и порядка въ Карталиніи и Осетіи, должны были еще служить резервомъ для войскъ, находившихся въ Имеретіи.

На *ахалкакской границѣ* стояли: 46-й егерскій полкъ, двѣ роты 15-го егерскаго полка и донской казачій Ежова полкъ. Всего 3 $\frac{1}{2}$  баталіона и казачій полкъ. Войска эти должны были защищать крѣпость Ахалкалаки, прикрывать Сомхетію, Борчалу и «обращаться въ помощь Шурагелъской провинціи, на случай если бы персіане поставили всѣ свои силы противъ Памбакъ».

Въ *пампакской области* стояли: два баталіона Тифлисскаго полка, 9-й егерскій полкъ и донскіе казачьи полки Агѣва и Бочагова. Всего 5 баталіоновъ и два казачьихъ полка. Изъ этого числа два баталіона тифлиссцевъ и три роты егерей занимали «важнѣйшіе посты для защиты границы»: (Карақлисъ, Гумры, Амамлы, Бекантъ, Артигъ и др.). Остальныя же 9-ть ротъ егерей составляли подвижной резервъ.

Между *Шамхоромъ и Чардалу* стояли: два баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ Тифлисскаго полка и донской казачій Извалова полкъ. Всего три баталіона и казачій полкъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ прикрывать со стороны Эривани (Делижанское ущелье) Шамшадиль и Елизаветпольскій округъ и служить въ то же время связью между отрядами, стоявшими съ одной стороны въ Памбакѣ, а съ другой—въ Карабагѣ. Въ Делижанскомъ ущельѣ стояли изъ этого отряда двѣ роты съ казахской милиціей.

Въ *Карабагѣ* расположены были: девять ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка, 17-й егерскій полкъ, баталіонъ Севастопольскаго полка и донской казачій Попова 16-го полкъ. Всего 6 $\frac{1}{4}$  баталіоновъ и казачій полкъ. Изъ этого числа одинъ баталіонъ стоялъ въ Мигри, другой—въ Шу-

<sup>1)</sup> Отношеніе маркиза Паулуччи къ министру полиціи отъ 12-го апрѣля 1812 года № 93.

Акты кавк. археогр. ком., т. V., № 140, стр. 107.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

мятежа не во всѣхъ окончательно остылъ,—было бы, конечно, далеко не осторожно, особенно, при общей малочисленности нашихъ войскъ въ краѣ. Поэтому, Паулуччи повелѣ дѣло съ такимъ расчетомъ, чтобы отстранить князей Чолакаевыхъ отъ управленія тѣнетцами, пшавами и хевсурами „непримѣтнымъ образомъ и передать право сіе въ руки другихъ благонадежныхъ и преданныхъ Россіи туземныхъ чиновниковъ, исполнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе народа“ <sup>1)</sup>.

Съ этой цѣлью, главнокомандующій объявилъ, что „ближайшее и законное право“ на тѣнетское и пшаво-хевсурское моуравство, послѣ смерти князя Ивана Чолакаева, имѣютъ дѣти царевны Рипсимы Георгіевны, князя Зурабъ и Александръ Чолакаевы. Но такъ-какъ они въ это время воспитывались еще въ пажескомъ корпусѣ, то, до совершеннѣтія ихъ, моуравомъ назначался князь Александръ Макаевъ—„чиновникъ усердный къ службѣ его императорскаго величества, преданнѣйшій россійскому правительству и,

и третьй—для связи между этими пунктами въ Тативѣ. Остальные три баталіона составляли подвижной резервъ и, кромѣ поддержки пограничныхъ постовъ, должны были «защищать ханства Нухинское и Ширванское и дѣлать диверсію персидскимъ войскамъ, въ случаѣ направленія ихъ къ Памбакской области».

Въ кубинской области находились: Троицкій мушкетерскій полкъ, баталіонъ Севастопольскаго полка, два гарнизонныхъ баталіона (Бакинскій и Дербентскій), Бакинскій морской баталіонъ и казачій Сысоева полкъ. Всего 7 баталіоновъ и казачій полкъ. Изъ этого числа, одинъ баталіонъ стоялъ въ Кубѣ, три роты—въ Кюринской крѣпости и по одной ротѣ—въ Баку и Дербентѣ (кромѣ гарнизонныхъ баталіоновъ этихъ крѣпостей). Остальные семь ротъ составляли подвижной резервъ. Бакинскій морской баталіонъ служилъ «для посаженія на флотилію, дабы препятствовать построенію верфи въ персидскихъ портахъ и истреблять всѣ персидскія суда военной конструкции, которая осмѣлилась бы имѣть плаваніе по Каспійскому морю». На послѣднемъ съ этой же цѣлью содержались нами военныя суда: корабль «Громъ» и корветъ «Казань» у острова Саро, бриги «Яшерца» и «Змѣя»—у Ленкорани, логеръ «Горностай»—у Гиланскихъ береговъ, логеръ «Щеголь» и транспортъ «Осетръ»—на бакинскомъ рейдѣ. Изъ состава бакинскаго гарнизона около 400 человекъ находились на островѣ Саро, для защиты Талышинскаго хама.

Въ Кахетіи находились: 11-ть ротъ Кабардинскаго мушкетерскаго полка, два эскадрона нижегородскихъ драгунъ и донской казачій Данилова полкъ.

Кромѣ того, отдѣльные гарнизоны были: въ Тифлиси пять ротъ—баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго и рота Кабардинскаго мушкетерскаго полковъ. Въ Елизаветполѣ—три роты Севастопольскаго полка. Въ Пух:—рота Севастопольскаго полка.

Соборіе по военнорусинской до, оги обещивалося двумя ротами Суздальскаго полка, стоявшими въ Анапурѣ и Пассапурѣ. (Суздальскій полкъ стоялъ на линіи).

Всего въ Закавказьѣ было: 57 баталіоновъ, одинъ драгунскій и 9 донскихъ казачьихъ полковъ. Комплектъ превышалъ 7 тысячъ человекъ. Нарвскій драгунскій полкъ, послѣ катастрофы, постигшей его въ первомъ кахетинскомъ бунтѣ, былъ отправленъ на линію. (Указанное распределеніе войскъ въ общихъ чертахъ изложено въ письмѣ маркиза Паулуччи Ртищеву отъ 20-го марта 1812 года № 398).

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 140 стр. 107.

при общемъ уваженіи здѣшнихъ жителей къ его хорошимъ свойствамъ, пользующійся особеннымъ довѣріемъ кахетинскаго народа, надъ которымъ онъ былъ сахлтъ-хуцесомъ въ правленіе царей“ <sup>1)</sup>. „Такимъ образомъ,—пояснялъ Паулуччи,—прикрывъ симъ благовиднымъ предлогомъ отдаленіе князей Чолакаевыхъ отъ управленія сими народами и предавъ власть надъ ними въ руки другой фамиліи, приверженной къ Россіи, не дѣлая притомъ важнаго перелома, который въ народѣ грубомъ и своевольномъ могъ бы сдѣлать впечатлѣніе для насъ невыгодное, я отправилъ коллежскаго совѣтника князя Макаева къ мѣсту его назначенія, снабдивъ его прокламаціею отъ меня ко всему тіонетскому, пшавскому и хевсурскому народу“ <sup>2)</sup>. Паулуччи имѣлъ въ виду принятою имъ мѣрою „выиграть время“, съ тѣмъ, что бы впослѣдствіи окончательно утвердить моуравомъ того, кто болѣе окажется намъ полезенъ, т. е. или пришедшаго въ возрастъ князя Зураба Чолакаева, или князя Макаева, при чемъ первый могъ быть устраненъ подъ предлогомъ того, что взамѣнъ моуравства онъ уже пользовался ежегодной пенсіею въ 500 рублей.

Но всѣ эти тонко-задуманные расчеты совершенно не оправдались. Тіонетцы, пшавы и хевсуры наотрѣзъ отказались принять у себя навязаннаго имъ моурава, князя Макаева, а послѣдній, съ своей стороны, зная настоящія желанія тіонетцевъ, „не смѣлъ даже и показаться къ нимъ“ <sup>3)</sup>. Населеніе наиболѣе дикой и необузданной части Грузіи, оставшись, такимъ образомъ, безъ ближайшаго руководителя, начало своевольничать, волноваться, собираться въ партіи и, совмѣстно съ жителями ананурскаго уѣзда, „производить по большой дорогѣ отъ Душета до гартискарскаго поста грабежи и убійства проѣзжимъ“ <sup>4)</sup>.

Желая успокоить тіонетцевъ и тѣмъ водворить порядокъ на линіи военно-грузинской дороги, Ртищевъ уволилъ князя Макаева и, „уважая просьбу народа, основанную на справедливости“, назначилъ моуравомъ князя Григорія Чолакаева <sup>5)</sup>. По ни эта уступка жела-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 140, стр. 107.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Прокламація на стр. 108.

<sup>3)</sup> Тамъ же № 625.

<sup>4)</sup> Отношеніе генерала Ртищева къ министру полиціи Балашову отъ 15-го мая 1812 г. № 3. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № № 623 и 625.

<sup>5)</sup> Тамъ же.

ніямъ народа, ни объявленная, черезъ ананурскаго уѣзднаго маршала и земскую полицію, прокламація главнокомандующаго, обѣщавшая полное прощеніе жителямъ, „какъ скоро они добровольно возвратятся въ свои дома и къ обязанностямъ своимъ“ <sup>1)</sup>),—не могли уже успокоить распространившагося волненія, тѣмъ болѣе, что въ это самое время въ ананурскомъ уѣздѣ появились посланцы царевича Александра съ письмами и фирманами, возбуждавшими населеніе къ мятежу <sup>2)</sup>).

Таково же было, ко времени вступленія Ртищева въ управленіе Закавказьемъ, настроеніе и остальныхъ областей Кахетіи, хотя и по причинамъ нѣсколько иного свойства.

Едва подавлены были здѣсь февральскія волненія, какъ до свѣдѣнія еще маркиза Паулуччи стали доходить слухи, что жители сигнахскаго уѣзда „колеблются въ недовѣренности“ къ лично обѣщанному имъ самимъ главнокомандующимъ и объявленному особою прокламаціей его полному прощенію за мятежь <sup>3)</sup>). Недовѣріе это еще болѣе увеличилось съ началомъ дѣйствій слѣдственной комиссіи. Желая выяснить истинныя причины только что подавленныхъ волненій, маркизь Паулуччи, 13-го марта, учредилъ въ Тифлисѣ особую комиссію, подъ названіемъ „изслѣдованія причинъ происшедшаго въ Грузіи бунта“ <sup>4)</sup>).

Дѣятельность этой комиссіи, не смотря даже на помянутую прокламацію главнокомандующаго, сразу возбудила подозрительность бывшихъ бунтовщиковъ и вызвала „между самими жителями разные толки, возбудившіе недовѣрчивость къ обѣщанію, что они будутъ прощены; а паче,—ложныя одни на другихъ показанія, происходившія изъ мщенія и ненависти по собственнымъ дѣламъ, приводили многихъ въ страхъ, что не истинное прощеніе имъ обѣщано, а единственно подъ симъ предлогомъ кроется намѣреніе привлечь ихъ къ себѣ и достать въ руки, дабы предать затѣмъ наказанію“ <sup>5)</sup>). Это смущенное состояніе населенія еще болѣе возбуждалось разны-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 545.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № № 546, 547 и 548.

<sup>3)</sup> Предписаніе маркиза Паулуччи сигнахскому моураву отъ 26-го марта 1812 г. № 533.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 541.

<sup>5)</sup> Тамъ же.



ми нелѣпыми слухами, распускавшимися нашими недоброжелателями, и привело, наконецъ, къ тому, что Ртищевъ, уже „съ третьяго дня“ вступленія своего въ управленіе краемъ, сталъ получать отъ начальниковъ нашихъ войскъ, расположенныхъ въ Кахетіи, и отъ телавскаго моурава донесенія о томъ, что „многихъ селеній жители не только что не обратились къ своей обязанности и не приходили въ повиновеніе, но, собравшись скопищемъ во многихъ партияхъ, продолжаютъ посягать противу войскъ російскихъ“ <sup>1)</sup>.

Во главѣ этого движенія опять стали „самые знатнѣйшіе князья и дворяне кахетинскіе, имѣвшіе большую силу и вліяніе на народъ, въ томъ числѣ даже и дворянскій маршалъ князь Нонія Андрониковъ“ <sup>2)</sup>. По инициативѣ послѣдняго было отправлено посольство въ Персію къ царевичу Александру, съ приглашеніемъ его прибыть въ Грузію, и призваны на помощь лезгины <sup>3)</sup>.

Узнавъ о приближеніи дагестанскихъ хищниковъ, телавскій комендантъ, маіоръ Шматовъ, перешелъ Алазань у сел. Тогніаны и двинулся на встрѣчу имъ. Лезгины были разсѣяны, но на возвратномъ пути Шматовъ наткнулся на многочисленное скопище мятежныхъ кахетинцевъ и едва успѣлъ пробиться, съ большими потерями, въ Телавъ <sup>4)</sup>. Это обстоятельство не оставляло уже никакого сомнѣнія относительно истинныхъ размѣровъ возстанія.

Желая успокоить населеніе, Ртищевъ первымъ долгомъ приостановилъ дѣятельность помянутой выше комиссіи по разслѣдованію причинъ февральскаго мятежа, какъ главную, по его мнѣнію, причину вновь возникшихъ волненій <sup>5)</sup>. вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій отправилъ въ Кахетію ген.-м. Сталя, съ тѣмъ, чтобы онъ, „на мѣстѣ, со всѣмъ безпристрастіемъ разсмотрѣвъ и сообразивъ все нынѣ тамъ происходившее со стороны дворянства, должностныхъ грузинскихъ чиновниковъ, а также со стороны и російскихъ мѣстныхъ начальствъ, положилъ мѣры къ возстанов-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 625.

<sup>2)</sup> Донесеніе Ртищева графу Румянцеву отъ 5-го января 1813 года № 11.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 18-го мая 1812 года № 18.

<sup>5)</sup> Предписаніе Ртищева гражданскому губернатору д. с. с. Малинскому отъ 8-го мая 1812 года № 66.

ленію порядка по всѣмъ частямъ и къ водворенію спокойствія“ <sup>1)</sup>. Сталою поручалось обнародовать кахетинскому дворянству и народу прокламацію главнокомандующаго, коей подтверждалось, что прощенье, дарованное всѣмъ сословіямъ кахетинскаго народа, и забвеніе ихъ прошлой вины „сохранится во всей ненарушимости, если впредь они не выйдутъ изъ своей обязанности“ <sup>2)</sup>).

Исполняя предписаніе главнокомандующаго, Сталь, 9-го мая, прибылъ на рѣку Юру, въ сел. Муганло, съ шестью ротами Кабардинскаго полка и двумя эскадронами нижегородскихъ драгунъ. Притянувъ сюда еще два эскадрона изъ Караагача, Сталь послалъ кахетинцамъ прокламацію Ртищева. Послѣдняя, какъ и слѣдовало ожидать, не произвела никакого дѣйствія. Въ то время, какъ посланцы Сталя силились внушить населенію смыслъ обвѣщенія главнокомандующаго, важнѣйшіе изъ вожаковъ возстанія—князя Рафаиль Эрстовъ и Иванъ Джорджадзе, разѣзжали отъ одного селенія къ другому и, гдѣ убѣжденіями, а гдѣ и силою, заставляли народъ присоединяться къ мятежу.

Сталь увидѣлъ, что при такихъ обстоятельствахъ для кахетинцевъ единственнымъ убѣдительнымъ аргументомъ можетъ быть только штыкъ. Въ распоряженіи его было, какъ сказано, четыре эскадрона нижегородскихъ драгунъ и шесть ротъ кабардинцевъ. Сила послѣднихъ не превосходила боо-тъ человѣкъ, при чемъ болѣе 100 человѣкъ, изъ состава 2-го баталіона, сильно пострадавшаго въ февралѣ въ Бодбисхевѣ, было безоружныхъ <sup>3)</sup>. Тѣмъ не менѣе, Сталь, 13-го мая, смѣло двинулся въ долину Алазани, къ Велисцихе. Приведя къ присягѣ жителей этого села, онъ повернулъ къ Сигнаху, разогналъ здѣсь толпу мятежниковъ, успокоилъ населеніе и послалъ отсюда въ Телавъ митрополита Бодбели съ прокламаціей главнокомандующаго <sup>4)</sup>. Но и на этотъ разъ она не произвела желаемаго дѣйствія. Сталь двинулся къ Телаву самъ и 19-го мая занялъ городъ.

На другой день туда-же пробился, черезъ Гамборы, началь-

<sup>1)</sup> Тоже ген.-м. Сталою отъ 5-го мая 1812 года № 50.

<sup>2)</sup> Тамъ же. Обвѣщеніе генерала Ртищева кахетинскому дворянству и народу отъ 14-го мая 1812 года. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 540 и 543.

<sup>3)</sup> Дубровинъ, т. VI, стр. 33.

<sup>4)</sup> Рапортъ ген.-м. Сталя отъ 18-го мая 1812 года, № 34.

никъ 20-й дивизіи, генераль-маіоръ князь Орбеліани, посланный Ртищевымъ въ Кахетію для главнаго руководительства дѣломъ подавленія мятежа <sup>1)</sup>). Орбеліани привелъ съ собою роту Грузинскаго гренадерскаго полка, 150 линейныхъ казаковъ и сборную команду отъ полковъ 20-й дивизіи, прибывшую въ Тифлисъ за пріемкой вещей.

Такимъ образомъ, въ верхней Кахетіи собрался отрядъ свыше тысячи человекъ. Но дѣйствовать ему уже не пришлось. Съ занятіемъ Телава, къ Сталю явилась съ покорностью большая часть вожаковъ возстанія, и послѣднее могло считаться уже совершенно подавленнымъ. Тѣмъ не менѣе, ген.-м. Орбеліани, принявъ начальство надъ всѣми войсками, обошелъ съ ними часть деревень лѣваго берега Алазани, безпрепятственно приводя всюду населеніе къ присягѣ и даруя ему полное прощеніе. Затѣмъ, поручивъ остающіяся въ Кахетіи войска ген.-м. Сталю, Орбеліани перешелъ обратно на правый берегъ и 30-го мая, черезъ Сигнахъ, возвратился въ Тифлисъ.

Экспедиція была окончена. Кахетія приведена въ покорность. Орбеліани за этотъ, почти безкровный, походъ представленъ въ генераль-лейтенанты; митрополитъ Бодбели награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени; большинство преданныхъ намъ князей и духовныхъ лицъ осыпаны щедрыми наградами. Все торжествовало быструю и полную побѣду. . . .

Но прошло какихъ нибудь три мѣсяца, и покой снова нарушился прибытіемъ въ Кахетію царевича Александра.

Еще въ концѣ мая 1812 года, Ртищевъ получилъ донесеніе о томъ, что посланцы кахетинскихъ мятежниковъ благополучно пробрались въ Эривань къ царевичу Александру <sup>2)</sup>). Вопреки ожиданіямъ послѣдняго, персидское правительство въ этотъ моментъ не выказало особеннаго расположенія оказать ему дѣятельную поддержку. Тѣмъ не менѣе, Александръ категорически объявилъ грузинскимъ посланцамъ, что если персіане откажутъ ему въ войскахъ, „то онъ, увѣряясь на преданность къ нему кахетинскаго народа, рѣшится, по

---

<sup>1)</sup> Предписаніе генерала Ртищева ген.-м. князю Орбеліани отъ 16-го мая 1812 г. № 12.

<sup>2)</sup> Рапортъ казахскаго моурава, полковника князя Бебутова, генералу Ртищеву отъ 30-го мая 1812 года № 177.

убавленіи водъ, и съ 30-ю человекѣми прорваться въ Кахетію для всеобщаго возмущенія“<sup>1)</sup>).

Хотя Ртищевъ и отнесся съ большимъ недоумѣніемъ къ возможности осуществленія столь „дерзкаго предпріятія“, тѣмъ не менѣе, онъ, вслѣдъ за полученіемъ помянутаго донсенія, предписалъ ген.-м. барону Клодтъ-фонъ-Юргенсбургу „найти вѣрныхъ людей, кои бы во всѣхъ скрытыхъ и воровскихъ мѣстахъ, черезъ кои можно прокрасться въ Кахетію, черезъ Борчалу, Сомхетію и Казахъ, имѣли строгіе караулы и на случай, если бы царевичъ въ самомъ дѣлѣ отважился на такую дерзость, непременно поймали бы его, обѣщая за исполненіе сего примѣрное и важное награжденіе всякому, кто только схватитъ его и представитъ по начальству“<sup>2)</sup>).

Будучи однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ участниковъ раздора, возникшаго въ царской семьѣ Ираклія изъ-за вопроса престолонаслѣдія, Александръ еще въ 1800 году бѣжалъ въ Персію, гдѣ нашель широкое гостепріимство. Персидское правительство, побуждаемое соперничествомъ съ нами въ Закавказьѣ, охотно оказало поддержку притязаніямъ Александра на грузинскій престолъ, въ расчетахъ при содѣйствіи его взволновать населеніе Грузіи и вытѣснить насъ изъ нея. Эта борьба, тянувшаяся уже 13 лѣтъ, не приносила никакого успѣха ни персіанамъ, ни царевичу Александру; тѣмъ не менѣе, послѣдній, въ безумномъ ослѣпленіи, все еще не терялъ надежды овладѣть престоломъ Грузіи, хотя бы цѣной предательства ея исконнымъ врагамъ—персіанамъ, которые, въ своекорыстныхъ цѣляхъ, въ рассылавшихся по Грузіи фирманахъ, сами призывали населеніе оказать поддержку „царю“ Александру<sup>3)</sup>).

Волненія, возникшія въ Кахетіи, и предательство нѣкоторыхъ князей ея посѣяли въ сердцѣ Александра надежду, что настало наконецъ время осуществленія его завѣтной мечты. Выжидая благоприятнаго момента для прорыва въ Грузію, онъ наполнялъ ее своими письмами, въ которыхъ обѣщалъ энергическую поддержку персіанъ

<sup>1)</sup> Рапортъ казахскаго моурава, полковника князя Бебутова, генералу Ртищеву отъ 30-го мая 1812 года № 177.

<sup>2)</sup> Предписаніе генерала Ртищева барону Клодту-фонъ-Юргенсбургу отъ 4-го іюля 1812 года № 17.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 422.

и турокъ, и убѣждалъ населеніе единодушно возстать противъ насъ. „Вспомните старыи мечъ вашъ,—писалъ Александръ,—многообразно за домъ нашъ подвигами вашими ознаменованный, и за законъ и за дѣтей вашего любимаго царя Ираклія не щадите честнаго имени и себя, чтобы во всемъ свѣтѣ всякій говорилъ, что царь Ираклій оставилъ дѣтямъ своимъ такихъ усердныхъ подданныхъ. Черезъ это вы прославитесь и будетъ честь покойному царю въ гробѣ.... Кто теперъ въ нашей вѣрности порядкомъ потрудится, тотъ какъ солнце просіяетъ на землѣ“<sup>1)</sup>.

Въ Грузіи, уже дважды въ этомъ году испытавшей послѣдствія волненій, письма Александра не производили особеннаго впечатлѣнія, тѣмъ болѣе, что земледѣльческое населеніе занято было въ это время полевыми работами; но горцы ананурскаго уѣзда, тушины, пшавы и хевсуры, подстрекаемые къ тому же лично появившимися среди нихъ агентами царевича, начали волноваться, собираться въ шайки и нападать, по военно-грузинской дорогѣ, на наши транспорты и посты<sup>2)</sup>,

Такъ прошло лѣто 1812 года. Въ первыхъ числахъ сентября получилось неожиданное извѣстіе, что царевичъ Александръ находится уже въ Сомхетіи и намѣревается переправиться черезъ Куру у Авчалъ. Ртищева въ это время въ Тифлисѣ не было: онъ находился въ Карабагѣ, у персидской границы, для веденія мирныхъ переговоровъ съ Аббасъ-Мирзою. Командованіе же войсками въ Грузіи поручено было ген.-м. князю Орбеліани, который тотчасъ же принялъ мѣры къ воспрепятствованію намѣреніямъ царевича Александра. Но послѣднему все-таки удалось, со свитой болѣе 100 человекъ, въ ночь на 6-е сентября, переправиться черезъ Куру, выше Мцхета, и „дорогами, въ ущельяхъ горъ находящимися“, пробраться, черезъ деревню Кавтисхеви, въ Тіонеты<sup>3)</sup>.

Появленіе царевича Александра среди того самаго населенія, которое въ теченіе многихъ лѣтъ смущалось его происками и въ

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 421, 423, 425 и 429.

<sup>2)</sup> Отношеніе генерала Ртищева къ князю Горчакову отъ 6-го іюля 1812 года № 51. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 546, 547, 548, 549 и 550.

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 1-го ноября 1812 г. № 14 и донесеніе князя Орбеліани генералу Ртищеву отъ 6-го сентября 1812 г. № 52.

представленіи своемъ уже окутало легендарной дымкой личность царственнаго скитальца,—сразу нарушило едва водворившееся спокойствіе, и Кахетія снова заволновалась. Со всѣхъ концовъ ея потекли къ Тіонетамъ толпы вооруженнаго народа, довѣрчиво внимавшаго разосланнымъ по всей странѣ воззваніямъ Александра. При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, необходимо было сразу принять быстрыя и рѣшительныя мѣры къ уничтоженію главной причины начинавшагося громаднаго мятежа. Но Орбеліани, по крайней мѣрѣ въ первые дни, видимо хлопоталъ не о подавленіи мятежа, а лишь о томъ, что бы не дать ему разлиться по всей странѣ. Съ этой послѣдней цѣлью, онъ, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о прибытіи царевича Александра въ Тіонеты, командировалъ полковника Печерскаго въ долину Арагвы, а полковника Тихановскаго—на Алазань. Первый изъ нихъ, съ баталіономъ 15-го егерскаго полка, долженъ былъ занять селеніе Балачауры, лежащее у выхода тіонетской дороги на военно-грузинскую, съ тѣмъ, чтобы охранять послѣднюю и оказывать „диверсію въ Тіонеты, въ случаѣ, если царевичъ тамъ будетъ держаться“ <sup>1)</sup>.

Командировка же отряда Тихановскаго имѣла главной цѣлью „поставить въ виду жителямъ, что войска готовы къ наказанію ихъ, ежели они примутся за оружіе“ <sup>2)</sup>. Тихановскій долженъ былъ выступить 8-го сентября изъ Сигнаха, съ пятью ротами Кабардинскаго полка <sup>3)</sup>, присоединить къ себѣ по пути роту изъ Велисцихе, баталіонъ изъ Телава, и во что бы то ни стало прибыть съ этимъ отрядомъ къ Алавердскому монастырю 13-го сентября, наканунѣ престольнаго праздника его въ честь Воздвиженія Животворящаго Креста Господня. Къ этому дню, обыкновенно сюда стекалась масса народа со всѣхъ концовъ Грузіи—грузины, пшавы, тушины, хевсуры, армяне и даже лезгины приходили къ монастырю: кто поклониться святынямъ его, а кто, какъ армяне, горцы и лезгины, для сбыта разныхъ своихъ издѣлій <sup>4)</sup>. Присутствіе здѣсь въ этотъ день сильнаго нашего отряда было необходимо, дабы воспрепятствовать на-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 440.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Одна рота притянута была сюда изъ Сагарсджо.

<sup>4)</sup> Алавердскій соборъ. Акты кавк. археогр. ком., т. V, стр. 995.

мѣренію царевича Александра явиться сюда и, „объявля себя грузинскимъ царемъ, принять отъ своихъ единомышленниковъ присягу“<sup>1)</sup>.

Тихановскій въ точности выполнилъ возложенное на него порученіе, а царевичъ Александръ, видимо, находя не совсѣмъ безопаснымъ для себя оставаться въ Тіонетахъ, между отрядами Печерскаго и Тихановскаго, перешелъ на лѣвый берегъ Алазани, ближе къ лезгинской границѣ, въ селеніе Шильды. Тихановскій 20-го сентября послѣдовалъ за нимъ, атаковалъ, сжегъ селеніе и разогналъ мятежниковъ. Царевичъ бѣжалъ въ селеніе Сабуе. Тихановскій же отошелъ сначала къ Кварельской крѣпости, оставилъ тамъ своихъ больныхъ и 35 человекъ раненыхъ, а затѣмъ, для болѣе удобнаго сообщенія съ правымъ берегомъ Алазани, перешелъ къ Пашаанскому броду.

Только 17-го сентября, черезъ одиннадцать дней послѣ появленія царевича въ Кахетіи, собрался Орбеліани лично двинуться туда же, съ тремя ротами 9-го егерскаго полка, однимъ орудіемъ и 70-ю казаками, поручивъ начальствованіе войсками въ Тифлисѣ и его окрестностяхъ вызванному изъ Имеретіи ген.-м. Симоновичу. Выступивъ изъ Тифлиса въ ночь на 18-е сентября, Орбеліани, 20-го числа, передъ вечеромъ, прибылъ въ Сигнахъ. Но тутъ узналъ, что сообщеніе съ Тихановскимъ прервано многочисленными партіями мятежниковъ, бродившими по правому берегу Алазани. Не рѣшаясь двигаться далѣе съ наличными силами, Орбеліани вытребовалъ изъ Тифлиса баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, роту кабардинцевъ и 75 казаковъ. Войска эти пришли въ Сигнахъ 26-го числа, и на другой день, 27-го сентября, Орбеліани двинулся къ Пашаани, на соединеніе съ Тихановскимъ. Уже въ 12-ти верстахъ отъ Сигнаха онъ былъ встрѣченъ толпами мятежниковъ, которые затѣмъ въ теченіе трехъ дней неотступно преслѣдовали колонну, денно и ночью вся съ ней жаркую перестрѣлку. Но это не воспрепятствовало, конечно, соединенію нашихъ отрядовъ, которое и состоялось 1-го октября, у Пашаанскаго брода. Такимъ образомъ, прошло около мѣсяца со дня появленія царевича Александра въ Кахетіи, пока Орбеліани сосредоточилъ въ долинѣ Алазани почти всѣ бывшія въ его распоряженіи силы и

<sup>1)</sup> Всеподлиннѣйшее представленіе Ртищева отъ 1-го ноября 1812 года № 64.

приготовился, наконецъ, начать, подъ личнымъ своимъ руководствомъ, борьбу съ мятежомъ, охватившимъ уже весь сѣверъ Грузіи.

Тѣмъ временемъ, полковникъ Печерскій, посланный, какъ сказано, въ долину Арагвы, прошелъ отъ Балаучара къ Анануру, разсѣялъ бродившія здѣсь толпы бунтовщиковъ и 3-го октября двинулся далѣе по военно-грузинской дорогѣ. Послѣдняя была въ это время уже во власти мятежниковъ. Подстрекаемые царевичемъ Александромъ, горцы, „живущіе по ущельямъ около большой дороги“<sup>1)</sup>, настроили по ней завалы, раззорили всѣ мосты и совершенно прервали сообщеніе. Начальникъ нашихъ постовъ, расположенныхъ между Душетомъ и Кайшауромъ, Суздальскаго полка маіоръ Никольскій, неосторожно вышелъ для осмотра своей дистанціи всего лишь съ 20-ю человѣками рядовыхъ. У Пассанаура онъ былъ окруженъ многочисленною толпой мятежниковъ, которые, напавъ на слабую нашу команду, „однихъ убили, а другихъ взяли въ плѣнъ“. Въ число послѣднихъ попалъ самъ маіоръ Никольскій и хорунжій Миллеръ, слѣдовавшій въ Петербургъ съ депешами главнокомандующаго<sup>2)</sup>. Это неудачное для насъ дѣло настолько подняло духъ бунтовщиковъ, что маіоръ Печерскій, хотя и пробился къ Пассанауру, но былъ не въ силахъ уже разсѣять мятежныя скопища, бродившія по военно-грузинской дорогѣ между Кайшауромъ и Гартискари. Печерскій просилъ подкрѣпленій, и Симоновичъ выслалъ къ нему изъ борчалинской дистанціи баталіонъ 46-го егерскаго полка, подъ начальствомъ полковника фонъ-Краббе. Въ то же время, „по сдѣланному Ртищевымъ предварительному изъ Карабага предписанію“<sup>3)</sup>, со стороны Владикавказа высланъ былъ отрядъ маіора Гурлебума изъ двухъ ротъ 16-го егерскаго и двухъ ротъ Казанскаго полковъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ возставшихъ областяхъ Грузіи, когда, въ первыхъ числахъ октября, главнокомандующій возвратился изъ Карабага въ Тифлисъ. Придавая первенствующее значеніе возстановленію сообщенія по военно-грузинской дорогѣ, Ртищевъ тотчасъ же командировалъ на Арагву самого

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшее представленіе Ртищева отъ 1-го ноября 1812 года № 64.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Тамъ же.



Симоновича, съ тремя баталіонами пѣхоты, предписавъ ему принять начальство надъ всѣми войсками, находившимися уже на линіи военно-грузинской дороги и пройти съ ними „до самаго Владикавказъ“. Но, ко времени прибытія Симоновича къ Анануру, военно-грузинская дорога была уже очищена совокупными усиліями Печерскаго, Краббе и Гурлебума; сообщеніе по ней было восстановлено, и окрестныя горскія племена мтіулетцевъ и гудомакарцевъ, въ лицѣ своихъ старшинъ, повѣсивъ, по обычаю, сабли на шею, просили прошенія, присягнули на вѣрность и выдали аманатовъ изъ почетнѣйшихъ фамилій. Симоновичу нечего было уже здѣсь дѣлать и онъ, повернувъ отъ Пассанаура обратно, спустился внизъ по Арагвѣ, разогналъ послѣднія скопища мятежниковъ, бродившихъ еще въ тіонетской волости, и напрямикъ, черезъ Сагурамъ, Марткоби, Хашми, Петерзаулъ и Сагареджо, двинулся въ Кахетію, на соединеніе съ ген.-м. Орбеліани <sup>1)</sup>.

Послѣдній въ это время безуспѣшно гонялся за царевичемъ Александромъ. Не озаботившись прочнымъ занятіемъ бродовъ черезъ Алазань, къ чему имѣлись необходимыя силы, Орбеліани далъ тѣмъ самымъ царевичу Александру полную возможность безпрепятственно перебрасываться съ одного берега рѣки на другой и снова укрѣпляться въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, откуда только что былъ вытѣсненъ. Самъ Орбеліани, по поводу происходившаго, какъ бы въ отчаяніи, писалъ: „Я дѣйствую въ одномъ мѣстѣ, привожу къ покорности жителей; они повинуются мнѣ; между тѣмъ, перехожу въ другое,—царевичъ, партіями своими раззоря ихъ, снова обращаетъ къ своей шайкѣ“ <sup>2)</sup>. Трудно сказать, до какихъ поръ продолжалась бы эта взаимная травля, въ которой съ обѣихъ сторонъ терялась масса людей, сжигались села, уничтожались сады, и цвѣтущій край обращался въ одно сплошное дымящееся пожарище, —если бы самъ царевичъ Александръ опрометчиво не покинулъ бы своихъ весьма выгодныхъ позицій въ районѣ Сабуи—Шильды—Кварели—Велисцихе.

<sup>1)</sup> Рапорты ген.-м. Симоновича генералу Ртищеву отъ 23-го октября 1812 года № 21 и 1-го ноября № 93.

<sup>2)</sup> Тоже ген.-м. Орбеліани генералу Ртищеву отъ 28-го октября,

Узнавъ, что гарнизонъ Сигнаха, состоявшій всего изъ 200-тъ человѣкъ, въ теченіе уже нѣсколькихъ дней осаждается толпами возставшихъ кахетинцевъ и пришедшихъ на помощь къ нимъ лезгинъ, — царевичъ Александръ вознамѣрился сорвать этотъ важнѣйшій центръ Кизикіи и, увеличивъ тѣмъ еще болѣе число своихъ приверженцевъ, окончательно отрѣзать отрядъ Орбеліани отъ Тифлиса. Съ этой цѣлью, Александръ быстро двинулся изъ окрестностей Шильды къ Сигнаху и остановился къ югу отъ послѣдняго, у селенія Магаро. Извѣщенный объ этомъ, Орбеліани поспѣшилъ на выручку Сигнаха и, обойдя его съ востока, 23-го октября, занялъ въ тылу Александра селенія Прасіаны и Верхніе Мачханы, имѣя въ виду отсюда, совмѣстно съ гарнизономъ крѣпости, атаковать мятежниковъ одновременно съ двухъ сторонъ. Планъ этотъ вполне удался, и Александръ, „не смотря на большое превосходство силъ своихъ, обратился въ бѣгство, понеся великую потерю“ <sup>1)</sup>). Сигнахъ былъ освобожденъ. Окрестные жители— „народъ кизикскій, видя гибель свою и явный обманъ царевича, обѣщавшаго имъ большія выгоды, началъ просить прощенія“ <sup>2)</sup>).

Разбитый Александръ скрылся въ Чала-убанское ущелье, гдѣ и рѣшилъ защищаться съ толпой, превосходившей шесть тысячъ человѣкъ. Мѣсто это было весьма сильно по природѣ. Узкос, сильно лѣсистое, со множествомъ развѣтвленій, оно представляло надежное укрытіе для мятежниковъ, которыхъ пришлось бы выбивать здѣсь изъ-за-каждаго дерева или камня. Атака, несомнѣнно, стоила бы большихъ жертвъ. Но, къ счастью для Орбеліани, получено было извѣстіе о приходѣ ген.-м. Симоновича въ мѣст. Сагареджо. Опасаясь быть атакованнымъ въ Чала-убанскомъ ущельѣ съ двухъ сторонъ и въ то же время, видимо, желая отбросить приближавшагося Симоновича, Александръ двинулся на встрѣчу ему, къ селенію Манави. Орбеліани въ свою очередь, узнавъ объ уходѣ царевича, оставилъ часть своихъ войскъ въ Сигнахѣ, отправилъ Тихановскаго съ баталіономъ 19-го егерскаго полка къ Велисцихе, а самъ съ

---

<sup>1)</sup> Всеподаннѣйшее представленіе генерала Ртищева отъ 1-го ноября 1872 года № 64.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

отрядомъ, не превосходившимъ 450 человекъ, двинулся, 26-го ноября, вслѣдъ за Александромъ, къ Манави.

Послѣднее широко раскинулось у подошвы голаго, скалистаго утеса, вершина котораго, вздымавшаяся на абсолютную высоту болѣе 3-хъ тысячъ футовъ, была увѣнчана полуразвалившимися стѣнами обширной крѣпости, возведенной, по преданіямъ, еще въ славныя времена легендарной Тамары. Нѣкогда твердыня эта служила однимъ изъ надежнѣйшихъ оплотовъ Грузіи, но во время описываемыхъ событій тамъ, гдѣ прежде не разъ лилась кровь и раздавался громъ штурма, мирно паслись овцы, ползая по древнимъ, полуразвалившимся стѣнамъ, заросшимъ столѣтнимъ плющемъ, мхомъ и бузиной. Тѣмъ не менѣе, манавскій утесъ могъ-бы еще, при искусствѣ, послужить тому, кто прибѣгнулъ бы подъ защиту его сѣдыхъ развалинъ. Но не безпорядочнымъ скопищамъ мятежниковъ была по плечу задача: опираясь на манавскую твердыню, совладать по очереди съ Симоновичемъ и Орбеліани, подходившими сюда съ двухъ разныхъ сторонъ.

28-го ноября отряды наши соединились, и царевичъ Александръ скрылся въ сосѣднее ущелье, подготовленное заранѣе къ оборонѣ. Атакованный и здѣсь соединенными силами Симоновича и Орбеліани, онъ былъ „разбитъ въ прахъ“<sup>1)</sup> и съ немногими сообщниками бѣжалъ черезъ гамборскія горы въ селеніе Кызискеви. Сюда, на перерѣзъ ему, двигался уже полковникъ Тихановскій, успѣвшій въ день штурма манавскаго ущелья разсѣять у Велиснхѣ двухтысячную партію лезгинъ, спѣшившихъ на помощь царевичу Александру<sup>2)</sup>. Послѣдній бѣжалъ сначала въ селеніе Пшавели, а затѣмъ въ Тіонеты. Но Орбеліани, „не выпускавшій его ни малѣйше изъ виду“, преслѣдовалъ по пятамъ и, „тѣсня повсюду“, довелъ до такого состоянія, что царевичъ, покинутый своими сообщниками, „не видя себѣ другаго спасенія, бѣжалъ въ крѣпкое и въ сіе время года, за глубокими снѣгами, непроходимое для войскъ ущелье, обитаемое пшавскими и хевсурскими народами, кои дали ему у себя убѣжище“<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 5-го января 1813 года № 11.

<sup>2)</sup> Рапорты князя Орбеліани генералу Ртищеву отъ 27-го и 29-го ноября 1812 г. №№ 485 и 491.

<sup>3)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 5-го января 1813 года № 11.

„Такимъ образомъ,—доносилъ Ртищевъ <sup>1)</sup>,—тишина и безмолвная покорность правительству восстановлена въ Кахетіи; самая большая часть народа съ раскаяніемъ возвратилась уже съ семействами изъ лѣсовъ въ свои жилища, казенныя повинности и наложенная мною умѣренная на всѣхъ контрибуція вносятся безпрекословно, и спокойствіе въ Кахетіи водворено“. Контрибуція, наложенная Ртищевымъ на жителей, принимавшихъ участіе въ мятежѣ, была по своимъ размѣрамъ не велика и предназначалась, главнымъ образомъ, на то, чтобы частью возмѣстить деньги, выданныя населенію передъ бунтомъ за причитавшійся по раскладкѣ хлѣбъ, а частью—улучшить довольствіе войскъ, понесшихъ не мало трудовъ и лишній въ теченіе четырехъ-мѣсячныхъ, почти безпрерывныхъ походовъ по Кахетіи, для усмиренія охватившаго ее мятежа <sup>2)</sup>).

Однако, императоръ Александръ отнесся къ этой мѣрѣ съ полнымъ порицаніемъ. „Средства подобнаго рода,—писалъ онъ Ртищеву,—<sup>3)</sup> обыкновенно не были успѣшны къ преклоненію умовъ; напротивъ, составляя раззореніе, легко послужатъ они поводомъ къ вѣщему ожесточенію народа, недавно поступившаго въ подданство Россіи и не имѣющаго достаточнаго понятія о законахъ новаго своего государства. Посему, повелѣваю вамъ на будущее время никогда контрибуцій на російскихъ подданныхъ не налагать, а въ наказаніе бунтовщиковъ поступать по точной силѣ законовъ. Примѣръ таковой въ глазахъ вѣрныхъ кахетинцевъ и покровительство симъ послѣднимъ возбудятъ ихъ болѣе на приверженность къ престолу, нежели взысканіе извѣстной, такъ сказать, за измѣну платы, неупотребительной въ государствѣ нашемъ. Что же принадлежитъ до предположенія вашего производить изъ собранной въ контрибуцію суммы мясную и винную порціи войскамъ, то я желаю знать, для какихъ войскъ именно опредѣлена сія порція и сколько на оную потребно суммы въ мѣсяцъ; равно, сколь велика сумма, въ контрибуцію собранная? Если мѣстное положеніе позволяетъ, чего мнѣ отсюда предвидѣть невозможно, то лучше, кажется, въ тѣ селенія,

<sup>1)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 5-го января 1813 года № 11.

<sup>2)</sup> Съ каждаго дома взималось по 3 рубля, по 3 коды пшеницы и по одной кодѣ ячменя. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 553.

<sup>3)</sup> Высочайшій указъ отъ 13-го февраля 1813 года.

на которыя падаетъ подозрѣніе въ какихъ либо неблагонамѣренныхъ поступкахъ противъ правительства, располагать самыя войска квартирами, съ производствомъ имъ съ тѣхъ селеній мясной порціи натурою, чѣмъ бы самымъ еще болѣе различены были жители мирные отъ бунтовщиковъ, или брать съ оныхъ аманатовъ, но все сіе должно зависѣть собственно отъ вашего усмотрѣнія“.

Повелѣніе императора было получено Ртищевымъ, когда сборъ контрибуціи уже окончился. Населеніе покорно выполняло наши требованія, и опасенія петербургскихъ сферъ, основанныя не столько на мѣстныхъ условіяхъ и на опытѣ только что подавленнаго мятежа, сколько на общихъ теоретическихъ соображеніяхъ, — совершенно не оправдались. Народъ и князья безпрекословно повиновались распоряженіямъ главнокомандующаго и на этотъ разъ уже искренно являлись съ покорностью и просьбою прощенія.

Послѣднее, однако, уже не раздавалось съ прежней щедростью. Наоборотъ, главнокомандующій рѣшилъ примѣрно наказать всѣхъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ и въ особенности — главарей его. Съ этой цѣлью, помимо контрибуціи, наложенной на все населеніе Кахетіи, были привлечены къ судебной отвѣтственности многіе моуравы, нацвалы, старшины и другія земскія должностныя лица волновавшихся областей; въ сигналахскомъ и телавскомъ уѣздахъ должности сельскихъ моуравовъ были совершенно уничтожены; „злѣйшіе бунтовщики изъ князей и дворянъ взяты подъ крѣпкую стражу, преданы скорому военному суду“, а имѣнія ихъ описаны въ казну <sup>1)</sup>). Розыски причастныхъ къ бунту настойчиво производились по всей странѣ и отъ заслуженнаго наказанія не избѣгаль ни одинъ изъ уличенныхъ.

Но, карая виновныхъ, главнокомандующій въ то же время не скупился на награды и всевозможныя поощренія тѣхъ, кто оставался въ непоколебимой преданности намъ и содѣйствовалъ успѣхамъ нашихъ войскъ. Такъ, между прочимъ, Ртищевъ исходатайствовалъ высочайшую грамоту всему армянскому населенію Грузіи, которое, дорожа преимуществами нашего правленія, обезпечивав-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 552 и 553.

шего свободу и безопасность мирныхъ занятій и торговли, понятно, было на нашей сторонѣ и, опасаясь возвращенія прежнихъ порядковъ Грузіи и продолженія смуть,—всѣми мѣрами содѣйствовало намъ въ подавленіи мятежа.

„Имѣю счастье всеподданнѣйшее донести,—писалъ государю Ртищевъ—<sup>1)</sup>, что народъ армянскій, составляющій знатную часть населенія Грузіи, исполненный чувствованіями вѣрноподданнической благодарности къ высокому покровительству и неизрѣчпнымъ щедротамъ, изливаемымъ отъ вашего величества на всю сію націю, пребываетъ въ примѣрномъ усердіи и непоколебимой вѣрности къ російской имперіи. Съ самаго открытія здѣсь російскаго правительства, общество армянъ отличало себя всегда преданностью къ оному и при всѣхъ многократно возрождавшихся въ Грузіи злоумышленныхъ партіяхъ, движимыхъ обольщеніемъ членовъ грузинскаго царственнаго дома, суетною надеждою дворянства здѣшняго возстановить утѣшительныя для народа ихъ права и легкомысліемъ самаго народа,—правительство находило всегда въ армянахъ вѣрность, никакими обольщеніями ненарушимую, и услуги, съ усердіемъ приносимыя на пользу службы вашего величества. Наипаче же въ прошедшій бунтъ, разлившійся по всей Кахетіи и поколебавшій въ Грузіи почти всѣ умы, одни армяне не только оказали себя ни малѣйше въ ономъ непричастными, но, жертвуя имуществомъ своимъ и самою жизнью, были единодушны съ російскими войсками, вооружились въ Кахетіи противъ мятежниковъ и, соединясь съ отрядами російскихъ войскъ, показали въ дѣйствіяхъ противъ бунтовщиковъ отличныя опыты мужества и искренней ихъ вѣрности къ вашему императорскому величеству. Кромѣ сего, правительство здѣшнее предварительными открытіями о положеніи мятежниковъ и ихъ намѣреніяхъ и свѣдѣніями объ отрядахъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Кахетіи, кои вовсе отрѣзаны были отъ свободнаго сообщенія между собою, много обязано усердію же армянъ, неоднократно платившихъ жизнью своєю при исполненіи таковыхъ имъ порученно-

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 281. Настоящій всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева, отъ 13-го мая 1813 года № 84, какъ поясняющій заслуги армянъ, приводится почти полностью, за выпускомъ лишь вступительной части.

стей, которыя они принимали съ готовностью на пользу службы. Не могу также не довести до высочайшаго свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что почетные тифлисскіе граждане, состоящіе изъ армянъ, въ самое смутное время по бунту и когда притомъ остановился подвозъ хлѣба въ гор. Тифлисъ отъ бывшаго прошлаго года неурожая во всѣхъ мѣстахъ Грузіи, и войска вашего величества, расположенныя здѣсь, угрожаемы были недостаткомъ въ продовольствіи, — оказали по первому предложенію моему величайшую въ тогдашнихъ обстоятельствахъ услугу, принявъ на себя поставку въ тифлисскій магазинъ до 800 четвертей провіанта и, исполнивъ сіе обязательство съ чрезвычайною выгодною для казны, предотвратили на нѣкоторое время крайнія нужды въ продовольствіи войскъ, находившихся въ Тифлисъ. А потому, руководствуясь священною истиною во всѣхъ дѣлахъ, отъ вашего величества на меня возложенныхъ, я за непремѣнный долгъ себѣ поставляю, доводя до высочайшаго свѣдѣнія вашего о столь отличномъ усердіи, вѣрности и преданности къ вашему величеству вѣрноподданныхъ армянъ, жительствующихъ въ Грузіи, и увѣренъ будучи, что всякое ихъ поощреніе принесетъ еще важнѣйшія пользы для службы и для дѣлъ здѣшняго края, усугубивъ ихъ усердіе и возбудивъ также соревнованіе въ самихъ грузинскихъ народахъ, я прибѣгаю къ милосердію, свойственному сердцу вашего величества, всеподданнѣйше испрашивая осчастливить общество всѣхъ сословій армянскаго въ Грузіи народа монаршимъ вашего величества благоволеніемъ, изъявленнымъ въ высочайшей грамотѣ на имя сего общества, что и имѣю счастье предать въ милосердное воззрѣніе вашего императорскаго величества“.

Ходатайство главнокомандующаго было уважено и, 15-го сентября 1813 года, въ Теплицѣ, дана была „любезно-вѣрноподданному армянскому народу, обитающему въ Грузіи, и всѣмъ сословіямъ, оный составляющимъ“ высочайшая грамота, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Таковое усердіе всего армянскаго народа въ Грузіи и всѣхъ сословій, оный составляющихъ, заслуги ихъ и подвиги налагають на насъ пріятную обязанность засвидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую нашу имъ признательность

и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство въ честь и славу ихъ въ памяти потомковъ“<sup>1)</sup>).

Грамота эта,—„сей знакъ высочайшаго благоволенія, долженствующій въ роды родовъ оставаться незабвеннымъ памятникомъ для армянскаго народа“<sup>2)</sup>, получена была въ Тифлисѣ 11-го ноября 1813 года и передана затѣмъ тифлисскимъ армянамъ съ особой торжественностью.

Утромъ, 22-го ноября, армянскіе дворяне и почетнѣйшіе граждане, въ присутствіи губернатора, ген.-м. Симоновича, и чиновъ его канцеляріи, прибыли въ домъ главнокомандующаго. Ртищевъ, въ полномъ парадѣ, окруженный многочисленной свитой, торжественно принялъ депутацію и, сказавъ приличествующую рѣчь, вручилъ высочайшую грамоту одному изъ „первѣйшихъ армянскихъ князей“. Послѣдній, отъ имени всего армянскаго общества, „въ убѣдительныхъ выраженіяхъ“ высказалъ чувства неизъяснимой благодарности всего армянскаго народа къ августѣйшему монарху, осчастливившему ихъ столь особеннымъ знакомъ своего благоволенія. Затѣмъ, грамота, положенная на богатую парчевую подушку, передана была четверемъ почетнѣйшимъ армянамъ, которые, въ предшествіи полиціймейстера и чиновъ полиціи, открыли церемоніальное шествіе въ армянскій кафедральный Ванкскій соборъ. Почетный караулъ у подъѣзда главнокомандующаго, при появленіи грамоты, отдалъ честь, и процессія, въ сопровожденіи Ртищева, Симоновича, всего генералитета и массы военныхъ и гражданскихъ чиновъ, двинулась по улицамъ города среди необычайнаго сборища народа.

У воротъ монастыря шествіе встрѣчено было армянскимъ архіепископомъ Минасомъ въ полномъ облаченіи, съ многочисленнымъ духовенствомъ, съ крестами и святыми иконами. Принявъ грамоту и возложивъ ее себѣ на голову, Минасъ двинулся къ дверямъ собора, подъ звонъ колоколовъ, пѣніе священныхъ гимновъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многотысячной толпы народа, взоры котораго были устремлены на медленно колыхавшуюся надъ моремъ

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 1058.

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 2-го января 1814 г. № 3. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 289.



головъ парчевую подушку съ драгоценной реликвіей... На паперти собора процессію ожидалъ въ полномъ облаченіи первенствующій архіепископъ Аствацатуръ, окруженный старѣйшими служителями армянской церкви. Принявъ грамоту и также возложивъ ее себѣ на голову, Аствацатуръ, съ приличными церковными обрядами, внесъ ее въ соборъ, прошелъ въ алтарь и, преклонивъ колѣна, положилъ ее у престола Божія на особо приготовленное для того мѣсто. Затѣмъ, онъ обратился къ присутствовавшимъ армянамъ съ пламеннымъ словомъ, вызвавшимъ у слушателей слезы восторженнаго умиленія.

По окончаніи литургіи и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ, Аствацатуръ пригласилъ къ обѣденному столу всѣхъ официальныхъ лицъ, во главѣ съ главнокомандующимъ и экзархомъ Грузіи Варлаамомъ, который, „подавая собою примѣръ грузинскому обществу“<sup>1)</sup>, присутствовалъ въ армянскомъ соборѣ во время принесенія Богу благодарственнаго моленія о здравіи государя императора.

Въ тотъ же день вечеромъ, армяне давали балъ, на который приглашены были всѣ старшіе русскіе офицеры и чиновники, съ ихъ семьями, и грузинскіе князья. Зданіе было великолѣпно иллюминовано, при чемъ на фронтонѣ его ярко вырисовывалась прозрачная свѣтовая картина, изображавшая „гранитовую пирамиду съ вензелевымъ именемъ его величества, осѣняемымъ славою, распространяющею повсюду величіе Россіи и провозглашающею благодарность всѣхъ сердець къ великому монарху“. Балъ закончился „рѣдкимъ по здѣшнему краю“ ужиномъ болѣе чѣмъ на 200 персонъ. Весь день дома и лавки армянъ были убраны „наибогатѣйшими парчами“ и рѣдкими коврами, а вечеромъ были иллюминованы не только всѣ армянскіе кварталы Тифлиса, но и окрестныя горы съ живописными развалинами древней крѣпости. Всю ночь продолжалось „публичное гулянье, при которомъ замѣчена была безпритворная радость армянскаго народа, сопровождаемая истинною благодарностью къ высокому ихъ покровителю“<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Акты Кавк. археогр. ком., т. V, № 282.

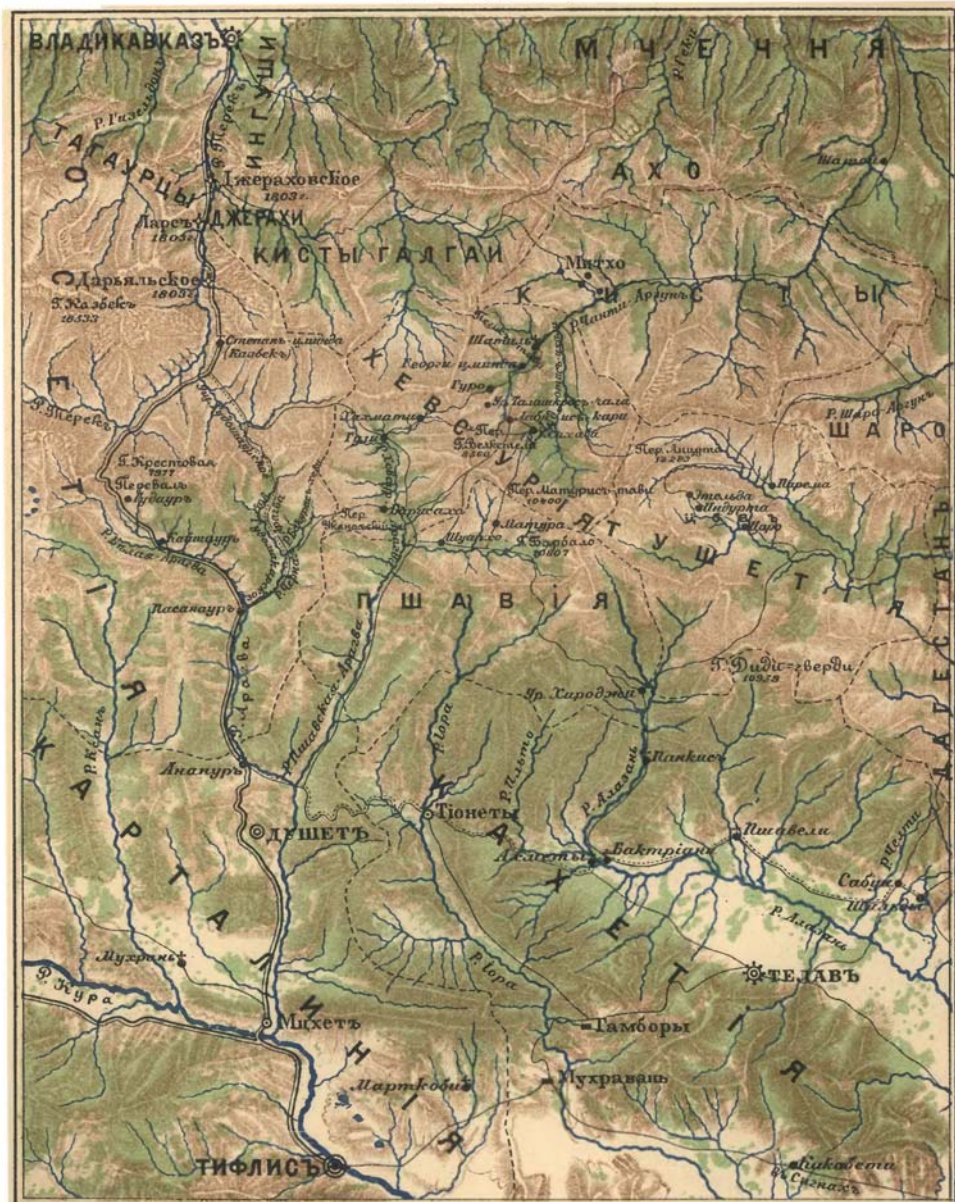
<sup>2)</sup> Тамъ же.

Впрочемъ, тифлисскіе армяне не ограничились однимъ только внѣшнимъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. „Ревнуя самымъ дѣломъ оправдать глубочайшее свое благоговѣніе къ неизрѣченнымъ щедротамъ августѣйшаго монарха“, они пожертвовали „отъ избытковъ своихъ“ 4 тысячи рублей ассигнаціями въ Приказъ общественнаго призрѣнія, на пользу бѣдныхъ, и преподнесли тысячу рублей курьеру, привезшему въ Тифлисъ высочайшую грамоту<sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 282.

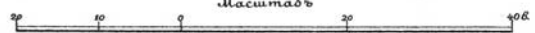
# КАРТА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ХЕВСУРІИ ВЪ 1813 Г.



Сост. В. Мом. Отд.  
Подп. Таукнеръ.

Прод. И. Вихей. 1878.

Масштабъ



## Глава XXI.

Бѣгство царевича Александра къ хевсурамъ. Письмо къ нему Ртицева. Отвѣтъ Александра. Приготовленія къ экспедиціи въ Хевсурію и мѣры, принятыя главнокомандующимъ для обезпеченія успѣха. Движеніе колоннъ Симоновича, Сталя, Тихановскаго и Казбека. Соединеніе всѣхъ колоннъ у сел. Лабнись-қари. Движеніе внизъ по Аргуні къ сел. Шатилъ. Занятіе послѣдняго. Экспедиція Тихановскаго въ землю кистинъ. Обратное движеніе отряда Симоновича. Карательныя экспедиціи въ ущелья Хевсуріи. Возвращеніе отряда въ Кахетію и роспускъ его. Результаты хевсурскаго похода. Внезапная смерть Симоновича.

Вытѣсненный изъ Кахетіи, царевичъ Александръ бѣжалъ, какъ сказано, къ хевсурамъ, на преданность которыхъ имѣлъ основанія рассчитывать. Во времена грузинскихъ царей, воинственныя хевсуры обязаны были, за извѣстное вознагражденіе и льготы, охранять проходы черезъ кавказскій хребетъ изъ областей, населенныхъ разбойничьими горскими племенами кистинъ, чеченцевъ и лезгинъ, не упускавшихъ случая врываться въ сѣверную Грузію, для грабежа богатыхъ долинъ ея—Алазани и Юры. Эта роль стражей достоянія грузинскихъ царей, съ теченіемъ вѣковъ, естественно, развила въ хевсурахъ сочувственное отношеніе къ царствующей династіи и ко всѣмъ членамъ ея, подобно тому, какъ это было въ коренныхъ областяхъ Грузіи. Такимъ образомъ, хевсуры и царевичъ Александръ не были совершенно чужды другъ-другу, и послѣдній могъ смѣло рассчитывать на поддержку первыхъ <sup>4)</sup>).

Преслѣдовать крамольнаго царевича въ самой Хевсуріи не было никакой возможности, „ибо,—по словамъ Ртицева,—въ тогдашнее позднее время, горы, покрытыя глубочайшимъ снѣгомъ, коими отдѣляются жилища хевсуровъ отъ мѣстъ, принадлежащихъ Грузіи,

<sup>4)</sup> Нѣкоторые считаютъ хевсуръ тѣми же грузинами, послеленными въ незапамятныя времена грузинскими царями у проходовъ черезъ кавказскій хребетъ для защиты Грузіи со стороны враждебныхъ ей горскихъ племенъ. («Кавказъ» 1900 года № 224).

положили войскамъ непреодолимая препятствія“<sup>1)</sup>). По этому, главнокомандующій ограничился пока лишь тѣмъ, что занялъ небольшими отрядами всѣ дороги, ведущія изъ Хевсуріи въ Грузію, съ тѣмъ, чтобы „недопустить царевича пройти въ оную для возбужденія новаго бунта“<sup>2)</sup>). Вмѣстѣ съ тѣмъ, рассчитывая склонить Александра на добровольную сдачу намъ, Ртищевъ отправилъ къ нему письмо, которымъ призывалъ „обратиться на путь истинный, покориться волѣ Божіей и повергнуть себя въ отеческое милосердіе его величества“.

„Взгляните сами,—писалъ, между прочимъ, Ртищевъ,—<sup>3)</sup> на ужасную картину тѣхъ бѣдствій, въ которую ввергнуть вами кахетинскій народъ, и спросите совѣсть вашу: угодное ли дѣло сдѣлали вы передъ Богомъ и предъ человѣчествомъ, учинившись орудіемъ напраснаго пролитія крови христіанской и несчастья тысячи семействъ? Потомъ посоветуйтесь съ сердцемъ вашимъ и разсудкомъ совѣсти вашей,—тогда вѣрно они научатъ васъ, что вамъ теперь дѣлать и чѣмъ вы можете умиловить правосуднаго Мздовоздаятеля, какъ въ семь, и такъ и въ будущемъ вѣкѣ. Не нужно напоминать мнѣ вамъ, что теперешняя жизнь ваша есть самая бѣдственная и не можетъ назваться жизнью, а только продолжительнымъ мученіемъ, ибо вѣрно вы чувствуете все сіе въ собственной вашей совѣсти, боясь враговъ своихъ и, наконецъ, боясь даже собственной тѣни вашей. Отчего же все сіе происходитъ? Я вамъ скажу истину: отъ того, что дерзаете идти противу неисповѣдомыхъ преднамѣреній вышняго Промысла, пекущагося о благѣ народовъ и для сего предавашаго грузинское царство, по доброй волѣ бывшихъ на ономъ помазанниковъ Божіихъ, въ власть и защиту отъ враговъ, могущественному, сильнѣйшему и милосерднѣйшему изъ христіанскихъ государей, Россійскому императору; отъ того, что вы, ослѣпясь бѣдственною для васъ и для участниковъ вашихъ суетностью, не стремитесь съ покорностью волѣ Божіей въ отеческія объятія милосерднаго монарха, устроившаго прочное счастье

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 11-го іюля 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 144г.

вашихъ братьевъ, сестеръ и всѣхъ кровныхъ вамъ, а стараетесь раздирать утробу собственнаго вашего отечества, прилѣпляясь къ всегдашнимъ врагамъ не только дома вашего, но и самой вѣры, и ищите помощи у тѣхъ, кои всегда упивались кровію вашего отечества. Наконецъ, отъ того, что вы, усиливаясь проложить себѣ путь неправдою, можетъ быть доселѣ не хотѣли вѣрить, что Богъ не благословляетъ вашихъ намѣреній, и что правосудіе небесное дѣйствуетъ уже надъ вами и въ сей жизни“!

Ртищевъ писалъ царевичу, что приметъ его „съ честью, приличной знаменитому происхожденію отъ христіанскихъ царей“, забудетъ всѣ дѣянія его и священнымъ именемъ государя обѣщаль милость и прощеніе. „Но знайте при томъ,—добавлялъ онъ,—что если вы останетесь въ прежнемъ своемъ заблужденіи, то я повелѣлъ всюду васъ преслѣдовать и не имѣть никакой пощады“.

Однако, ни убѣдительные доводы, ни заманчивыя обѣщанія, ни угрозы главнокомандующаго—ничто не могло образумить крамольнаго царевича. „Сколько тысячъ истребилъ Иродъ за Христа-младенца новорожденнаго,—беззастѣнчиво отвѣчалъ онъ Ртищеву,—<sup>1)</sup> но Христосъ былъ невиненъ въ ихъ крови, а они сопричислены къ мученикамъ. Судите по правдѣ: если не за отечество и вѣру дѣйствуете и трудитесь сами, то ради чего почтенная старость ваша со дня пріѣзда сюда изъ Россіи понынѣ переноситъ столько мученій, что изо-дня въ день не имѣете отъ заботъ покоя. А меня упрекаете, что за отечество и народъ мой я однажды пустилъ сюда мою лошадь вскачь, жертвуя собою отчизнѣ, вѣрѣ и именитости. Укоряете, что я присталъ къ исконнымъ врагамъ нашей вѣры и слѣдую за ними. Это правда; но хотя они и враги, однако же я имѣю между ними свободную жизнь и почтъ, подобающій моему роду“.

Увлеченный въ водоворотъ политической авантюры, Александръ, хотя и сознавалъ всю тягость своего положенія, но не терялъ еще окончательно надежды на помощь всегдашнихъ своихъ покровителей—персіанъ. По этому, не отвергая категорически, изъ дальновидной предосторожности, предложеній Ртищева, онъ въ то же время писалъ въ Персію Мирзѣ Безюрку: „Богъ свидѣтель, что по-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 447.

ка во мнѣ есть душа, я не отступлюсь отъ хлѣба-соли иранскаго государя и шахъ-задэ и отъ вѣрности имъ, будучи готовъ проливать кровь изъ усердія къ нимъ. Но,—добавлялъ Александръ,— всѣ мои старанія, служба и вѣрность ничего не значатъ, если вы не подкрѣпите меня, либо войскомъ, либо деньгами“ <sup>1)</sup>).

Въ послѣднихъ Александръ сильно нуждался и, терпя крайнія во всемъ лишенія, старался выиграть время до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Съ этой цѣлью, онъ писалъ Ртищеву, выражая желаніе явиться къ намъ, съ тѣмъ, чтобы, получивъ прощеніе, поселиться въ Москвѣ или Малороссіи, <sup>2)</sup>—и одновременно съ этимъ отправлялъ своихъ посланцевъ въ Персію съ письмами къ Аббасъ-Мирзѣ. Послѣднія случайно попали въ руки Ртищева, который, такимъ образомъ, окончательно убѣдился въ двуличіи царевича <sup>3)</sup>. Тѣмъ не менѣе, все еще не теряя надежды осилить вліяніе персіанъ на Александра, Ртищевъ писалъ ему: <sup>4)</sup>—„Если вы имѣете расположеніе избрать мѣстомъ своего пребыванія Москву или Малороссію, то и въ исполненіи сего желанія вашей свѣтлости я даю вамъ вѣрное слово. Положитесь на честное слово старика, посѣдѣвшаго въ службѣ его величества, и христіанина, и пріѣзжайте ко мнѣ въ Тифлисъ. Тогда весь напрасный вашъ страхъ и недовѣрчивость исчезнутъ; тогда, можно сказать, начнется новая для васъ жизнь, послѣ претерпѣнныхъ вами бурь, и вы будете благословлять милосердное провидѣніе, обратившее васъ къ мирному пристанищу“.

Но въ это время Александръ получилъ извѣстіе, что изъ Персіи возвращается посылавшійся имъ туда князь Іосифъ Андрониковъ, и везетъ съ собою отъ Аббасъ-Мирзы 200 тысячъ рублей <sup>5)</sup>. Свѣдѣніе это снова оживило надежды Александра и возбудило энергію его „въ составленіи злонамѣренныхъ ковъ, для вреда здѣшняго края“. Укрываясь въ самомъ сердцѣ Хевсуріи, въ селеніи Шатиль, „природою и искусствомъ укрѣпленномъ“, царевичъ Александръ организовывалъ отсюда союзъ противъ насъ кистинцевъ, лезгинъ, чечен-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 444.

<sup>2)</sup> Рапортъ князя Орбеліани генералу Ртищеву отъ 22-го февраля 1813 года № 278.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 450.

<sup>4)</sup> Тамъ же.

<sup>5)</sup> Рапортъ ген.-м. Дельпоццо отъ 7 мая 1813 года № 709.

цевъ, кабардинцевъ и другихъ сосѣднихъ горскихъ народовъ, условливаясь съ ними, „при первой открывшейся дорогѣ къ проходу черезъ горы и по ущельямъ“, общими усилиями истребить наши посты на военно-грузинской дорогѣ, прервать по ней сообщеніе и, „обратившись потомъ на самую Грузію, помочь ему овладѣть ею“ <sup>1)</sup>). Агенты царевича убѣждали горцевъ „въ сіе хорошее время выступить въ походъ противъ грѣшныхъ россіанъ, такъ какъ Богъ послалъ уже на нихъ свой гнѣвъ и наказаніе черезъ Бонапарта—французскаго государя, живущаго въ западной сторонѣ“ <sup>2)</sup>). Въ горахъ распускались слухи о томъ, что Наполеонъ „сжегъ Москву, взялъ Петербургъ и расположился между этими городами на большой рѣкѣ. Русскій царь бѣжалъ къ сторонѣ Казани и проситъ мира, но Наполеонъ соглашается только съ тѣмъ, чтобы государь возвратилъ всѣ завоеванныя имъ владѣнія и Грузію прежнимъ ихъ царямъ; чтобы Россія давала Бонапарту солдатъ и онъ былъ-бы ея повелителемъ. Государь хотѣлъ было согласиться, но народы россійскіе говорили, что онъ уже не будетъ тогда государь, и какой-же это будетъ миръ. Тогда послѣдовалъ опять разрывъ и въ исходѣ сего марта опять начнется война. Русскій царь просилъ повременить ему до Пасхи, но Бонапартъ не согласился и обѣщалъ увидѣться съ нимъ тамъ, гдѣ онъ находится, и пусть дерется если можетъ“.

Всѣ эти басни производили сильное впечатлѣніе на пылкіе и легкомысленные умы воинственныхъ сыновъ кавказскаго хребта, и „опасный для Грузіи заговоръ усиливался между горскими народами“ <sup>3)</sup>). Серьезность положенія увеличивалась еще поддержкой, которую оказывало царевичу Александру персидское правительство. Сердаръ эриванскій прислалъ кахетинскимъ, кизикскимъ и арагвскимъ князьямъ, дворянамъ и „вообще всему народу“ письмо, въ которомъ убѣждалъ ихъ сопротивляться намъ, обѣщая поддержку персіанъ. „Вы какъ трудитесь, такъ и продолжайте труды ваши, — писалъ Гуссейнъ-Кули-ханъ; — по милости Божіей вы получите хорошее воздаяніе отъ нашего государя, отъ насъ и отъ царя Александра“ <sup>4)</sup>).

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 11-го іюля 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Рапортъ ген.-м. Поршнягина отъ 30-го мая № 1393.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 632.

<sup>4)</sup> Тамъ же, № 422.



Ртищевъ „рѣшился, будучи вынужденъ необходимою, ввести войска въ самую Хевсурію, съ тѣмъ, что буде царевича невозможно-бы было достать въ наши руки, среди самыхъ хевсурскихъ скаль и стремнинъ, то по крайней мѣрѣ, выгнавъ изъ горъ, удалить вовсе отъ близкаго сосѣдства съ Грузіей и отъ его тайныхъ здѣсь сообщниковъ“ <sup>1)</sup>). Неотложная необходимость скорѣйшаго выполненія этой экспедиціи вызывалась желаніемъ главнокомандующаго, во-первыхъ, „для блага Грузіи, наказать горцевъ, дабы, разрушивъ вредный ихъ заговоръ, вселить въ нихъ страхъ съ покорностью нашему оружію“, а во-вторыхъ, „ниспровергнуть коварства персидскаго правительства“, которое, пославъ царевичу Александру крупную сумму денегъ, давало ему возможность „пріобрѣсти не малые успѣхи между народами, у коихъ единственныя божества есть золото и вѣроломство“ <sup>2)</sup>).

Страна, въ которую рѣшено было внести наше оружіе, не знала вражескаго вторженія. Среди заоблачныхъ утесовъ и дикихъ стремнинъ, хевсуры были недосыгаемы для волнъ народныхъ нашествій, не разъ заливавшихъ, то съ сѣвера, то съ юга, подножія кавказскаго хребта. Историческія бури проносились подъ ногами ихъ, не возмущая вѣчнаго покоя у грани вѣчныхъ снѣговъ, и настоящее этого народа мало чѣмъ отличается отъ прошлаго, затеряннаго во мракѣ вѣковъ. Ни формы общественнаго строя, ни домашній бытъ, ни костюмъ и вооруженіе не подверглись въ теченіе вѣковъ почти никакимъ измѣненіямъ и даже числительность племенни остается величиной почти постоянной. Живя въ самой дикой, суровой, бесплодной части кавказскаго хребта, среди крайнихъ лишеній, хевсуры пришли къ заключенію, что размноженіе ихъ привело-бы только къ отягченію той отчаянной борьбы, которую приходится имъ вести за свое существованіе. И вотъ, этотъ суровый народъ добровольно наложилъ руку на свое будущее, вступивъ въ борьбу съ естественнымъ закономъ размноженія <sup>3)</sup>). Всегда свободный, хевсуръ не зналъ надъ собой никакой власти и вни-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 632 стр. 533.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Имѣть больше 2-хъ—3-хъ дѣтей считается у хевсуръ позоромъ, подвергающимъ семью порицанію и даже поруганію. Хевсурка имѣеть право родить перваго ребенка не ранѣе, какъ

маль лишь авторитету своихъ служителей вѣры—деканозовъ и кадаговъ. Первые были не только жрецами, но и предводительствовали на войнѣ, а послѣдніе—мужчины и женщины—въ качествѣ проповѣдниковъ и прорицателей, оказывали большое вліяніе на народъ, вѣра котораго, представляя смѣсь язычества съ христіанствомъ, состояла исключительно изъ однихъ величайшихъ заблужденій и темныхъ суевѣрій. Воинственный, дикій по нраву и мрачный по характеру, хевсуръ, подобно средневѣковымъ воинамъ, закованъ былъ съ головы до ногъ въ желѣзо: шипакъ, кольчуга, налокотники, щитъ, желѣзное, съ шипами, боевое кольцо, на большомъ пальцѣ правой руки, и короткая прямая шашка, современница иногда крестовыхъ походовъ,—составляли обычное его вооруженіе, и только длинное ружье, въ косматомъ медвѣжьемъ чехлѣ, свидѣтельствовало о болѣе позднемъ вліяніи общечеловѣческой культуры. Жизнь, протекавшая въ разбояхъ и нападеніяхъ, закалила духъ и мышцы этихъ хищниковъ, сдѣлавшихся грозой даже для сосѣднихъ столь же воинственныхъ горскихъ племенъ.

Таковъ былъ народъ, которому Ртищевъ рѣшилъ „вселить страхъ съ покорностью къ оружію россійскому“, не смотря даже на то, что, по собственному же его заявленію, хевсуры никогда „не были наказаны до сего времени по тому всеобщему здѣсь предубѣжденію, что мѣста, ими населяемая, неприступны, и что послать туда войска, значило бы навѣрное погребсти ихъ живыми въ пропастьхъ“<sup>4)</sup>.

Собравъ возможныя свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ въ эту дикую, легендарную страну, и „по основательномъ соображеніи всѣхъ предметовъ, относящихся до сего важнаго предпріятія“, Ртищевъ прежде всего принялъ мѣры къ обезпеченію внутренняго спокойствія Кахетіи и къ охраненію тыла войскъ, посылавшихся въ Хевсурію. Съ этой цѣлью, помимо гарнизоновъ, занимавшихъ наи-

по истеченіи 4-хъ лѣтъ со дня замужества, и отступленіе отъ этого считается большимъ стыдомъ. Второго ребенка можно имѣть также не ранѣе 4-хъ лѣтъ послѣ перваго. Однако, нельзя не замѣтить, что размноженію хевсурскаго народа особенно препятствуетъ жестокое отношеніе къ роженицамъ. Послѣднія, какъ нечистыя, безсердечно выбрасываются изъ жилищъ помѣшеній и представляются собственной своей участи, не смѣя даже разсчитывать на чью-либо помощь; развѣ только любящая мать тайкомъ проберется къ своей страдающей дочери. Такое отношеніе къ роженицамъ, конечно, вызываетъ сильную смертность среди новорожденныхъ дѣтей. («Кавказъ» 1900 г. № 224). Въ настоящее время хевсуръ насчитывается около 6560 душъ обоюго пола.

<sup>4)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 11-го іюля 1813 года № 111.

болѣ важные пункты долины Алазани, были еще поставлены: рота Кабардинскаго полка съ однимъ орудіемъ въ селеніи Бактріани; двѣ роты 15-го егерскаго полка съ орудіемъ—у селеній Шильды и Сабуе, и 100 человекъ съ орудіемъ въ селеніи Тіонеты. Эти отряды, помимо обезпеченія спокойствія въ краѣ и поддержанія сообщенія съ дѣйствующими войсками, предназначались также для того, „дабы лезгинцы, въ содѣйствіе бѣглому царевичу Александру, не могли сдѣлать диверсіи, ворвавшись въ Кахетію“<sup>1)</sup>.

Кромѣ того, сознавая сколь важно было для насъ заручиться содѣйствіемъ пшавовъ, черезъ земли которыхъ проходили дороги изъ Кахетіи въ Хевсурію, Ртищевъ распорядился заблаговременно заарестовать весь пшавскій скотъ, въ количествѣ около 40-ка тысячъ головъ, ходившій на пастбищахъ Кахетіи; закрылъ пшавцамъ всякій доступъ въ Грузію, запретилъ продавать имъ соль и другія необходимыя „потребности“, и приказалъ не возвращать имъ денегъ, находившихся въ Грузіи по коммерческимъ оборотамъ или на сбереженіи. Оповѣщая объ этомъ пшавцевъ особой прокламаціей, главнокомандующій требовалъ, чтобы они въ двухнедѣльный срокъ переловили всѣхъ находившихся среди нихъ людей царевича Александра и представили ихъ черезъ почетнѣйшихъ старшинъ въ Тифлисъ, съ письменнымъ обязательствомъ отъ лица всего народа прекратить всякія сношенія съ бѣглымъ царевичемъ и поступать какъ съ нимъ, такъ и съ сообщниками его, какъ съ непріятелями Россіи. „Если же сіе,—говорилось въ прокламаціи,—не будетъ вами исполнено въ опредѣленный срокъ, то увидите ужасный громъ и молнію, обрушившимися надъ вами; мечъ и пламя будутъ внесены въ самыя ваши жилища; я повелю войскамъ не оставить камня на камнѣ, предать все огню и мечу и наказать васъ по дѣламъ вашимъ, не имѣя ни малѣйшей пощады. Вотъ вамъ мое требованіе и послѣдній совѣтъ! Теперь буду ожидать, къ чему вы приступите, а я слово мое сдержу вѣрно“<sup>2)</sup>.

Однако, не столько эти угрозы, сколько заарестованіе скота, составлявшаго все достояніе пшавскаго народа, обезпечило намъ

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 11-го іюля 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Обвѣщеніе генерала Ртищева къ пшавскому народу отъ 19-го апрѣля 1813 года № 251.

содѣйствіе послѣдняго и показало сколь благонадежны могутъ быть иногда такіе аманаты, „ибо, пшавцы, которые по ихъ буйственнымъ свойствамъ могли бы нашимъ войскамъ дѣйствовать въ тылъ и преградить дороги къ обратному выходу изъ хевсурскихъ горъ и ущелій, боясь потерять все свое имущество, не только сохранили совершенное спокойствіе, но и показали особенное усердіе, находясь при войскахъ и служа имъ вѣрными проводниками“ <sup>1)</sup>).

Обезпечивъ, такимъ образомъ, на сколько то было возможно успѣхъ предпринимаемой экспедиціи, Ртищевъ составилъ сильный отрядъ и, „положась на помощь Божію“, направилъ его въ верховья Аргуни къ главному пункту Хевсуріи—къ селенію Шатиль, одновременно съ разныхъ четырехъ сторонъ, „для большаго страха и развлеченія непріятеля“ <sup>2)</sup>).

Общее руководство „совершеніемъ сей многотрудной экспедиціи“ поручено было „неограниченно усердному къ пользамъ службы и опытному въ военномъ искусствѣ“ генераль-маіору Симоновичу. Послѣднему предписывалось сначала объявить хевсурамъ полное прощеніе, если они добровольно покорятся и выдадутъ царевича Александра; въ противномъ же случаѣ—наказать ихъ строжайшимъ образомъ. „Но и въ сей послѣдней необходимости,—писалъ Ртищевъ,—слѣдуя неизрѣченно милосердому сердцу государя императора, щадить женщинъ, какъ слабый полъ, и невинныхъ дѣтей, кои не могли имѣть участія въ злодѣяніяхъ, дабы показать симъ дикимъ народамъ и строгое правосудіе къ злодѣямъ и невѣдомую имъ кротость къ невиннымъ“ <sup>3)</sup>). Симоновичу особенно поручалось наказывать „служителей кумировъ, хевсурами обожаемыхъ, и прорицательницъ, кои, будучи обыкновенно обольщены куплею отъ злонамѣренныхъ людей, ищущихъ вредить російскому правительству, поселяютъ развратъ въ глазахъ погрязшаго въ язычествѣ народа, направляютъ умы ихъ по своей волѣ и возбуждаютъ къ поднятію оружія черезъ свои, якобы свыше вдохновенныя, пророчества, кои суть ни что иное, какъ ложныя и

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 11-го іюля 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 632 стр. 534.

искусственныя бѣснованія, ужасающія человѣчество, и которыя обыкновенно они употребляютъ, пророчествуя передъ заблудшимъ народомъ, слѣпо въ нихъ вѣрующимъ“<sup>1)</sup>).

Въ концѣ мая 1813 года, колонны, каждая силою около 800-тъ человѣкъ, двинулись по назначенію. Первая колонна, ген.-м. Симоновича, должна была идти изъ селенія Ахметы, по панкисскому ущелью (вверхъ по Алазани), черезъ горное цовское общество тушинъ (деревни Царо, Индурта и Этельда). Вторая колонна—полковника Тихановскаго—изъ сел. Тіонеты, черезъ земли пшавовъ, по ущелью пшавской и затѣмъ хевсурской Арагвы на селеніе Хахматы, гдѣ должна была соединиться съ третьей колонной ген.-м. Сталя, шедшей изъ Пассанаура гудомакарскимъ ущельемъ, и съ четвертой—полковника Казбека, направленной отъ селенія Степанъ-Цминда, (станція Казбекъ), гудашаурскимъ ущельемъ на сел. Гули<sup>2)</sup>).

„Не только тѣ, кто не бывалъ на Кавказѣ,—говоритъ Зиссерманъ,—<sup>3)</sup> но даже и служившіе тамъ, участвовавшіе въ горныхъ походахъ, не въ состояніи себѣ представить картину мѣстности, въ которой предстояло дѣйствовать отряду ген.-м. Симоновича. Какъ ни богатъ Кавказъ горными тущобами, но едва ли тамъ можно найти много такихъ, какъ верховья хевсурской Арагвы и Аргуни и примыкающія къ нимъ части главнаго хребта. Здѣсь все соединилось, чтобы воспроизвести типъ дико-грозной, величественной картины, подавляющей человѣка. Тутъ вершины снѣжныхъ гигантовъ, почти постоянно закутанныхъ въ густой туманъ, и громадныя, отвѣсныя скалы, сдавливающія едва проходимыя тѣснины, въ глубинѣ которыхъ бѣлой пѣной бурлитъ и несетя бѣшеный

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 632 стр. 534.

<sup>2)</sup> Въ составъ колонны Симоновича входило: 357 человѣкъ Херсонскаго гренадерскаго полка; 440 человѣкъ 9-го егерскаго полка, 25 казаковъ и 100 человѣкъ тушинъ.

Колонна Тихановскаго состояла изъ 808-ми человѣкъ Кабардинскаго полка и 25-ти казаковъ.

Въ колоннѣ Сталя находилось: двѣ роты Суздальскаго и двѣ роты 16-го егерскаго полковъ; четыре спѣшенныя эскадрона нижегородскихъ драгунъ и 50 линейныхъ казаковъ. Всего 766 человѣкъ.

Колонна полковника Казбека состояла изъ двухъ ротъ Казанскаго полка (съ линіи), 50-ти линейныхъ казаковъ и подвластныхъ ему горскихъ народовъ. (Предписаніе Симоновичу отъ 17-го апрѣля 1813 года № 70 и Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 632).

<sup>3)</sup> Исторія Кабардинскаго полка стр. 321. Зиссерманъ провель въ Хевсуріи около 4-хъ лѣтъ—съ 1844 по 1848 годъ, хорошо изучилъ эту страну (см. его же «Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ») и лично видѣлъ всѣ тѣ мѣста, по которымъ шли здѣсь наши войска въ 1813 году.

водопадъ, заглушая человѣческій голосъ; тутъ и крутыя, едва проходимыя даже и для привычнаго человѣка тропки, то усѣянные камнями, то покрытыя массами почернѣвшаго снѣга, грозящаго вдругъ осунуться и увлечь въ бездну,—тропинки, по которымъ подъемъ, въ теченіе иногда цѣлаго дня, на высоту 10—12-ти тысячъ футовъ, заставляетъ человѣка напрягать до крайности всѣ свои силы, доводитъ нерѣдко людей крѣпкихъ, неизмѣненныхъ почти до обморока;—съ которыхъ спускъ не менѣе утомителенъ, производитъ чрезмѣрное дрожаніе въ ногахъ, боль въ колѣнахъ и натираетъ подошвы до крови; тутъ дорожки, во многихъ мѣстахъ на разстояніи цѣлыхъ верстъ тянущіяся надъ бездною, глубиною въ нѣсколько десятковъ сажень съ одной стороны,—и подъ отвѣсною, какъ бы отполированной скалою—съ другой, гдѣ достаточно малѣйшей неосторожности, чтобы поскользнуться и безъ надежды на спасеніе полетѣть въ пропасть; тутъ и „чертовые“ мостики, безъ перилъ, качающіеся надъ бѣшенными потоками, и снѣжные завалы, грозящіе на каждомъ шагѣ обрушиться и задавить все, встрѣченное ими на пути; тутъ и климатическія явленія, съ которыми борьба ужасна: на высотахъ, иногда среди лѣта, снѣгъ и холодъ, отъ которыхъ замерзаютъ люди; туманы, пронизывающіе до костей; а въ глубинѣ ущелья въ то же время невыносимый жаръ, внезапно взбухающіе потоки, отнимающіе возможность переправы, каменно-земляные обвалы, заграждающіе путь, уносящіе, какъ и снѣжныя лавины, все имъ встрѣчающееся... Словомъ, это—мѣстность, въ которой соединилось все, что можетъ поставить неодолимыя преграды движенію войскъ, особенно такихъ, вся организація и снаряженіе которыхъ вовсе не рассчитаны на подобные театры военныхъ дѣйствій“.

Къ этому надо добавить, что крайне воинственный, мужественный противникъ, укрывавшійся въ непримѣрно трудныхъ мѣстахъ, имѣлъ надъ нашими войсками преимущество и въ вооруженіи. Артиллерія, которая находилась при нашихъ колоннахъ, была имъ только въ тягость, ибо трудно себѣ даже представить, какъ можно было умудриться протаскать полковыя пушки по головоломнымъ, едва проходимыхъ даже для отдѣльныхъ пѣшеходовъ, тропинкамъ Хев-

суріи. „Движеніе здѣсь артиллеріи—не горной, не вьючной,—говоритъ Зиссерманъ,—остается для меня совершенной загадкой“.... <sup>1)</sup> Что-же касается ружей, то, хотя и самодѣльные, но за то нарѣзные кремневки хевсуръ, которыми они къ тому-же владѣли въ совершенствѣ, далеко превосходили наши жалкія гладкостволки, хватавшія не далѣе сотни шаговъ; а удивительные хевсурскіе мечи—„калдыны“, перерубали нашъ штыкъ, какъ хворостину.

Но нѣтъ такого препятствія, котораго нельзя было-бы преодолѣть мужествомъ и искусствомъ.

23-го мая колонны Симоновича, Тихановскаго и Сталя выступили въ походъ. Переправившись съ большимъ трудомъ черезъ сильно разлившуюся рѣку Ильто, Симоновичъ втянулся въ панкисское ущелье. Дорога за сел. Панкисъ оказалась до крайности трудна. Не-пролазные снѣга совершенно забили тропинку, вьющуюся вверхъ по Алазани. Пробриться къ Аргуни по этому направленію, черезъ перевалы: Диди-гверды (10959 фут.) и Анцуту (12283 фут.), не было никакой возможности, и Симоновичъ, по совѣту сопровождавшихъ его тушинъ, пройдя уроч. Хороджа, свернулъ влѣво, въ ущелье пшавской Арагвы. Но и этотъ путь немногимъ былъ легче перваго. Глубина снѣга достигала здѣсь пяти аршинъ; вьюки срывались съ обледенѣлыхъ тропинокъ въ пропасти; люди теряли зрѣніе отъ ослѣпительнаго блеска солнечныхъ лучей, отраженныхъ блестящей бѣлизной снѣжнаго покрова. Наконецъ, послѣ пяти-дневнаго неимо-вѣрно труднаго похода по высочайшимъ горамъ, едва доступнымъ для мѣстныхъ охотниковъ, карабкающихся здѣсь за турами и дикими козами,—колонна Симоновича, перейдя главный хребтъ у дер. Матуро, по матуро-тавскому перевалу (10400 фут.), вышла, наконецъ, 30-го мая, черезъ селеніе Хахаба, въ верховьямъ Аргуни, на уроч. Лабнисъ-кари <sup>2)</sup>.

Одновременно съ этимъ, пробивались сюда колонны Тихановскаго и Сталя. Послѣдней пришлось встрѣтить на своемъ пути упорное сопротивленіе со стороны противника. Выступивъ, какъ сказано, 23-го мая изъ Пассанаура, колонна Сталя потянулась гудомакар-

<sup>1)</sup> Исторія Кабардинскаго полка стр. 323.

<sup>2)</sup> Донесеніе ген.-м. Симоновича генералу Ртищеву отъ 28-го мая 1813 года, № 508.

скимъ и далѣе бакурисъ-хевскимъ ущельями къ перевалу черезъ хребетъ, отдѣляющій земли гудомакарцевъ отъ хевсуръ<sup>1)</sup>). Двигаясь по заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ тропинкамъ съ такими „великими трудностями“, которыхъ Сталь „не могъ даже и описать“, колонна увидѣла, 25-го мая, толпы хевсуръ, преграждавшихъ высокій и крутой уканахскій перевалъ въ долину хевсурской Арагвы. То не были обыкновенные противники—персіане, турки или грузинскіе мятежники, которыхъ не разъ видывали наши войска; теперь передъ ними, на скалистомъ крутомъ подъемѣ, стояли воины, словно сказочные витязи, закованные съ головы до ногъ въ желѣзо, сверкавшее подъ яркими лучами южнаго солнца. Открыли огонь. Но грозный противникъ стоялъ, какъ-бы смѣясь надъ безвредной трескотней нашихъ гладкостволокъ. Единственный исходъ былъ—штурмовать перевалъ; но лезть напрямикъ, на заваленные глубокимъ снѣгомъ утесы, обошлось-бы не дешево. Сталь послалъ часть своей колонны на сосѣднія скалы обойти позицію противника. Успѣхъ этого маневра далъ возможность двинуть войска и съ фронта, несмотря на „великій на горѣ снѣгъ“, по которому солдаты, шедъ, глубоко проваливались“. Хевсуры мужественно встрѣтили атаку и въ свою очередь стремительно бросились въ шашки. Надѣясь на прочность своей брони и на испытанную доброту клинковъ, они смѣло лезли на нашихъ солдатъ, но размашистые удары штыковъ пробивали насквозь желѣзные кольчуги, а тяжелые приклады дробили стальные шлемы, расшибали въ дребезги крѣпкіе щиты. . . . Такого отпора хевсуры никакъ не ожидали. Изумленные, потерявъ вѣру въ непреодолимую силу своего натиска, они дрогнули, повернули и, какъ всякая нестройная толпа, быстро перешли отъ дикой энергіи къ полной паникѣ.

На другой день колонна Стала подошла къ переправѣ черезъ хевсурскую Арагву у селенія Барисахо. Послѣднее было занято многочисленнымъ скопищемъ противника. Однако, остановить нашу колонну хевсуры уже не могли, и Сталь, переправившись 27-го мая черезъ рѣку, соединился на другой день у хахматисъ-тавскаго перевала<sup>2)</sup> съ колонной Тихановскаго, который подошелъ сюда послѣ

<sup>1)</sup> Рапорты ген.-м. Стала Ртищеву отъ 23 и 25 мая 1813 года, №№ 324 и 328.

<sup>2)</sup> Гора Велкетили. Высота перевала 8560 фут. н. ур. м.



труднаго шестидневнаго похода по ущельямъ пшавской, а затѣмъ хевсурской Арагвы <sup>1)</sup>).

30-го мая всѣ три колонны сосредоточились, какъ сказано выше, къ хевсурскому селенію Лабнисъ-кари. Колонна-же Казбека, задержанная сначала продовольственными затрудненіями, а затѣмъ — снѣжными завалами, нѣсколько запоздала и вышла къ верховью Аргуни 31-го мая, разсѣявъ по пути, у селенія Гули, сильную партію хевсуръ <sup>2)</sup>). Изъ селенія Лабнисъ-кари Симоновичъ отправилъ въ Шатиль къ царевичу Александру письмо, въ которомъ убѣждалъ его добровольно явиться къ намъ, обѣщая милостивый пріемъ и полное прощеніе. Посланный съ этимъ письмомъ князь Иванъ Гургенидзе былъ убитъ на передовыхъ пикетахъ царевича, но находившееся при немъ письмо все-таки было доставлено по назначенію. Александръ не далъ на него никакого отвѣта, рассчитывая, вѣроятно, что собравшіеся въ аргунскомъ ущельѣ толпы хевсуръ и кистинцевъ не допустятъ русскія войска въ сердце Хевсуріи—къ селенію Шатиль.

Необходимо было сломить это упорство, и Симоновичъ, оставивъ въ Лабнисъ-кари тяжести, раненыхъ и больныхъ подъ прикрытіемъ 300 человекъ пѣхоты, съ остальными войсками двинулся, 31-го мая, внизъ по Аргуни „къ важному и чрезвычайно укрѣпленному селенію Шатиль“ <sup>3)</sup>). Ущелье, по которому предстояло двигаться нашимъ войскамъ, представляетъ узкую, обставленную отвѣсными скалами тѣснину, въ которой непрерывной цѣпью водопадовъ и стремнинъ kloчочетъ бѣшеный потокъ Аргуни, съ ревомъ обдавая нависшія надъ нимъ скалы облаками пѣны и брызгъ. Идти на проломъ черезъ эту тѣснину, прегражденную въ нѣсколькихъ мѣстахъ каменными завалами, подъ мѣткимъ огнемъ засѣвшаго за ними противника, — не обѣщало никакого успѣха. Поэтому Симоновичъ, раздѣливъ свой отрядъ на три колонны: одну изъ нихъ, подъ начальствомъ полковника Тихановскаго, направилъ на скалы лѣваго берега; другую—ген.-м. Сталя, послалъ очистить высоты

<sup>1)</sup> Рапортъ ген.-м. Сталя отъ 29-го мая 1813 года, № 339 и Симоновича отъ 30-го мая 1813 года № 510 Архивъ штаба кавк. воен. округа.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртишева отъ 11-го Іюля 1813 года, № 111.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

праваго берега, а третью, подъ личнымъ предводительствомъ, повелъ по самому ущелью.

Начался подвигъ, занимающій одну изъ наиболѣе славныхъ страницъ не только кавказской, но и вообще россійской боевой лѣтописи.

Смѣло полѣзли обходныя колонны на дикіе утесы, за каждой гранью которыхъ сверкали кольчуги и шлемы хевсуръ. Дороги не было рѣшительно никакой; даже дикія козы рѣдко когда забредали на эти безжизненные граниты, нависшія надъ мрачными пропастями. Солдаты карабкались, цѣпляясь за малѣйшіе выступы голыхъ скалъ, подсаживая одинъ другаго, обрываясь съ занесенныхъ снѣгомъ отвѣсовъ, давя нижнихъ камнями, срывавшимися изъ подъ ногъ переднихъ. Сплоченность нарушилась, люди распались на „огромное пространство“, лѣзли и дрались небольшими группами, даже въ одиночку, не всегда видя передъ собою примѣръ офицера, а увлекаемые лишь мужествомъ и упорствомъ, свойственными русскому солдату. „Однимъ только неустрашимымъ россійскимъ войскамъ, — всеподданнѣйше доносилъ Ртищевъ, — преисполненнымъ единокорнаго усердія къ службѣ вашего императорскаго величества и къ славѣ оружія, свойственно было пройти сіи мѣста и восторжествовать надъ всѣми проходами, положенными самою природою. Всѣ усилія изумленнаго непріятеля, при видѣ неодолимаго мужества войскъ вашего императорскаго величества, были тщетны“<sup>1)</sup>. Мужество атаки и упорство обороны стоили одно другаго. Каждый выступъ скалы переходилъ во власть нашихъ солдатъ не иначе, какъ обогранный кровью противника, стойко погибавшаго подъ ударами нашихъ штыковъ. Медленно, но настойчиво карабкались впередъ по скаламъ обходныя колонны, стремясь очистить проходъ по дну ущелья средней колоннѣ Симоновича. Последній, однако, не смотря на присущую ему энергію и настойчивость, долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ своего намѣренія.

Ущелье здѣсь спирается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣсными скалами до того, что нѣтъ мѣста даже для узенькой тропинки, по коей могъ бы пробраться одиночный пѣшеходъ<sup>2)</sup>; поэтому, черезъ

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 11-го Іюля 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Зиссерманъ «Исторія Кабардинскаго полка», стр. 324.

каждые сто—двѣсти сажень приходится перебираться съ одного берега Аргуни на другой; но переправляться можно только по мостикамъ, а не въ бродъ, ибо рѣка представляетъ собою здѣсь ничто иное, какъ бѣшено клокочущую стремнину, образующую ревущіе водопады и котловины кипящей пѣны. Если же мостики, какъ было въ данномъ случаѣ, разрушены или защищаются хотя бы десяткомъ человѣкъ изъ-за выступа скалы или груды наваленныхъ камней, то движеніе по ущелью становится совершенно немислимымъ. Симоновичу ничего не оставалось, какъ подняться на высоты лѣваго берега, вслѣдъ за колонной Тихановскаго.

Сюда же должна была перейти теперь и колонна Сталя, оказавшаяся, съ уходомъ изъ ущелья Симоновича, отрѣзанной отъ остальныхъ частей отряда. Сталю предстояло спуститься сперва съ головокружительныхъ высотъ на дно ущелья, переправиться черезъ Аргунь и снова подняться на отвѣсы лѣваго берега. Не легко было спускаться по скользкимъ стремнинамъ, обрывающимся въ клокочущій потокъ рѣки; но переправляться черезъ послѣдній, подъ выстрѣлами засѣвшего на противоположномъ берегу противника, было дѣломъ уже совершенно героическимъ. Выбрали наиболѣе удобное мѣсто—сравнительно тихое и мелкое, но даже и тутъ видъ пѣнящагося и ревущаго потока настолько былъ грозенъ, что люди въ нерѣшительности столпились на берегу. Къ счастью, въ рядахъ русскихъ войскъ всегда находятся безвѣстные до времени герои, увлекающіе собою массу въ критическую минуту охватившаго ее сомнѣнія и нерѣшительности. Таковыми героями на этотъ разъ были два нижегородскихъ унтеръ-офицера, которые, не долго думая, бросились въ потокъ и, борясь съ стремительнымъ теченіемъ его, смѣло поплыли къ противоположному берегу, прямо на поджидавшую ихъ толпу свирѣпыхъ враговъ <sup>1)</sup>. Заразительность отважнаго примѣра и врожденное въ русскомъ солдатѣ чувство взаимной выручки сдѣлали свое дѣло: колонна, какъ одинъ человѣкъ, бросилась за храбрецами и, не смотря, ни на быстроту теченія, ни на громадные камни, катившіеся по ложу рѣки, переправилась, помогая одинъ другому, на противоположный берегъ,

<sup>1)</sup> Потто «Исторія Нижегородскаго полка», т. II, стр. 120.

очистила его отъ враговъ и, поднявшись на вздымавшіяся передъ ней высоты, присоединилась къ войскамъ Симоновича и Тихановскаго.

Послѣднія медленно подвигались по направленію къ дер. Гуро, съ бою овладѣвая каждою пядью земли. Близился вечеръ, а упорное сопротивленіе хевсуръ все еще не было сломлено: они столь же храбро, какъ и утромъ, отстаивали каждый утесъ, каждый гребень родныхъ своихъ горъ. Наступившая ночь опустила между противниками свой темный покровъ, и утомленная войска наши расположились ночлегомъ у уроч. Талашкрось-чала, на тѣхъ самыхъ холодныхъ, покрытыхъ снѣгомъ скалахъ, которыми съ такимъ трудомъ и усиліями овладѣли въ теченіе минувшаго дня.

Съ разсвѣтомъ начались новые кровавыя труды. Громадныя скопища хевсуръ и кистинцевъ стянулись отовсюду преградить дальнѣйшій путь нашимъ войскамъ къ селенію Гуро. Снова загорѣлся жестокой бой, въ которомъ обѣ стороны не уступали другъ другу ни въ мужествѣ, ни въ упорствѣ; но, „при помощи Божіей, хевсуры и кистины, будучи опрокинуты на всѣхъ пунктахъ своего расположенія и потерявъ убитыми на мѣстѣ до боо человекъ, скрылись въ разныя ущелья“ <sup>1)</sup>).

Разсвѣвъ противника, Симоновичъ въ тотъ же день, 1-го іюня, штурмовалъ сел. Гуро, которое было взято и „истреблено до основанія“. Хевсуры были на столько потрясены потерями предшествовавшаго 36-ти часоваго боя, что на слѣдующій день, 2-го іюня, не оказали никакого сопротивленія нашимъ войскамъ, не смотря на то, что послѣднія въ этотъ день, продолжая движеніе къ Шатилу, шли по такимъ узкимъ, опаснымъ тропинкамъ, на которыхъ погибло нѣсколько вьюковъ, сорвавшихся въ пропасти.

Однако, хевсуры все еще не могли помириться съ мыслью о предстоящей потерѣ главнѣйшаго оплота своей вольности—укрѣпленнаго селенія Шатиль, никогда еще не издавшаго враговъ въ своихъ высокихъ, закоптѣлыхъ отъ времени стѣнахъ. Собравъ послѣднія силы и призвавъ на помощь толпы кистинъ, хевсуры, 3-го іюня, заняли у Георги-цминда послѣднія высоты Пегись-тави, прикрывавшія доступъ къ ихъ родному гнѣзду. Но эта попытка привела лишь къ

<sup>1)</sup> Всподданѣйшій рапортъ гсн. Ртищева отъ 11-го іюля 1833 г. № 111.

новому погрому горскихъ хищниковъ, отчаянно бившихся въ этотъ день на порогѣ завѣтной своей твердыни. Обойденные съ обоихъ фланговъ и стремительно атакованные съ фронта, хевсуры были сбиты съ сильной своей позиціи и, преслѣдуемые нашими войсками, „предались такой робости, что самую крѣпость Шатиль, достойную удивленія по ея мѣстоположенію“ <sup>1)</sup>, отдали въ наши руки безъ сопротивленія и бѣжали за рѣку Аргунь, уничтоживъ за собою мость. Но и отсюда они были прогнаны отрядомъ, который Симоновичъ переправилъ черезъ рѣку на лошадаяхъ, подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и артиллерійскаго огня. „Такимъ образомъ, гордившееся своею неприступностью укрѣпленіе это, — всеподданѣйше доносилъ Ртищевъ, — гнѣздо всѣхъ злодѣяній, до селѣ оставшихся ненаказанными, и убѣжище возмутителя царевича Александра пало подъ тяжестью побѣдоноснаго оружія вашего императорскаго величества, будучи превращено въ пепель, а башни и укрѣпленія онаго разрушены до основанія“ <sup>2)</sup>.

Царевичъ Александръ, которому хевсуры и другія горскія племена служили лишь орудіемъ для достиженія цѣли его собственнаго безразсуднаго честолюбія — завладѣть престоломъ Грузіи, еще 31-го мая, т. е. съ началомъ движенія нашего внизъ по Аргуни, бѣжалъ къ кистинамъ, не желая подвергать опасности свою особу.

Узнавъ объ этомъ, Симоновичъ командировалъ, подъ начальствомъ полковника Тихановскаго, „особенно сильный отрядъ“ въ землю кистинцевъ, съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, наказать ихъ за поддержку хевсуръ, а во-вторыхъ, преслѣдовать царевича Александра, если бы послѣдній скрывался у нихъ. Тихановскій, 4-го іюня, выступилъ изъ Шатиля, спустился внизъ по Аргуни верстъ на 12, вошелъ въ кистинское общество Митхо, разсѣялъ пытавшихся сопротивляться кистинъ и, „превративъ въ пепель“ девять деревень, возвратился, 5-го іюня, обратно въ Шатиль.

Устрашенный движеніемъ Тихановскаго, царевичъ Александръ заблаговременно бѣжалъ далѣе въ глубь Дагестана, въ Аварію. Симоновичъ же, на другой день по возвращеніи Тихановскаго, выступилъ

---

<sup>1)</sup> Всеподданѣйшій рапортъ ген. Ртищева отъ 11-го іюля 1813 г. № 111.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

изъ Шатиля въ обратный походъ и 7-го іюня былъ уже въ Лабнись-кари, гдѣ находились, какъ сказано выше, всѣ тяжести отряда. Желая оставить въ памяти своевольныхъ, гордыхъ свою непобѣдимостью, хевсуръ неизгладимыя впечатлѣнія заслуженнаго ими отъ насъ наказанія, — Симоновичъ, 8-го іюня, изъ Лабнись-кари отправилъ колонны Сталя и Тихановскаго во всѣ окрестныя ущелья, не видѣвшія еще нашихъ войскъ и не подвергнувшіяся благодаря этому непосредственной карѣ за грабежи на военно-грузинской дорогѣ, за сопротивленіе намъ и за поддержку царевича Александра. Въ теченіи пяти дней, съ 8-го по 12-е іюня, колонны эти, „находясь въ непрерывныхъ сраженіяхъ съ хевсурцами, защищавшими свои жилища, и преодолевъ всѣ трудности въ мѣстахъ, огражденных природною крѣпостью, наказали чувствительнѣйшимъ образомъ сихъ противившихся силъ оружія нашего, обративъ въ пепель 20 хевсурскихъ деревень, кои всѣ почти взяты были штурмомъ“<sup>1)</sup>).

Экспедиціонные отряды Тихановскаго и Сталя 13-го іюня соединились съ возвращавшейся въ Кахетію колонной Симоновича у пшавскаго селенія Шуапко, а 15-го іюня весь отрядъ прибылъ въ Тіонеты, откуда и былъ, по распоряженію главнокомандующаго, распущенъ по квартирамъ.<sup>2)</sup>

Экспедиція была окончена съ блистательными результатами: царевичъ Александръ мало того, что вытѣсненъ изъ сосѣднихъ съ Кахетіей областей, но, „загнанный на самый конецъ Дагестана, потерялъ уваженіе къ себѣ сосѣднихъ съ Грузіей народовъ. Рушился совершенно тотъ страшный заговоръ, который черезъ соединеніе всѣхъ горскихъ народовъ угрожалъ спокойствію Грузіи; обезпечена военная дорога и ниспровергнуты коварные замыслы персіанъ, противъ которыхъ войска наши могли теперь дѣйствовать свободнѣе. Дикіе хевсуры, пользовавшіеся недоступностью своихъ убѣжищъ и благодаря этому дерзко нападавшіе на военно-грузинскую дорогу и принимавшіе дѣятельное участіе въ смутахъ, волновавшихъ Грузію, были примѣрно наказаны и собственнымъ опытомъ познали непреоборимую силу нашихъ штыковъ.

<sup>1)</sup> Тамъ же; списокъ сожженныхъ деревень.

<sup>2)</sup> Рапортъ Сталя генералу Ртищеву отъ 17-го іюля 1813 г. № 565.

Какъ великъ былъ страхъ, наведенный экспедиціей 1813 года на хевсуръ и вообще на всѣ окрестныя безпокойныя, почти совершенно независимыя горскія племена, можно судить по тому, что, по словамъ лица, посѣтившаго Хевсурию 30 слишкомъ лѣтъ спустя послѣ этой экспедиціи, впечатлѣніе ея еще не изгладилось, и въ разговорахъ со стариками хевсурами и пшавами замѣчалось — съ какимъ ужасомъ они вспоминали объ участи, постигшей тогда ихъ села <sup>1)</sup>.... Послѣ этого, хевсуры уже не осмѣливались и думать о непокорности или о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ и считали себя вполне счастливыми, если ихъ оставляли въ покоѣ, не нарушая ихъ вѣковыхъ обычаевъ и вольностей. А тотъ самый Шатиль, который въ гордомъ ослѣпленіи пренебрегалъ нашимъ могуществомъ и въ грозныхъ стѣнахъ своихъ давалъ убѣжище главному виновнику волненій, заливавшихъ кровью благодатную долину Алазани — царевичу Александру, — спустя 30 лѣтъ, въ 1843 году, когда престижъ нашъ былъ сильно поколебленъ въ горахъ успѣхами Шамиля, отказался подчиниться всеильному тогда имаму и въ теченіе нѣсколькихъ дней блистательно защищался отъ громаднхъ скопищъ чеченцевъ и кистинъ, предводимыхъ однимъ изъ лучшихъ шамилевскихъ набовъ Ахверды-Магомою, павшимъ здѣсь отъ хевсурской пули. Эта мужественная оборона удостоилась высокаго вниманія императора Николая I-го, который, въ воздаяніе выказанной преданности намъ жителей Шатиля, пожаловалъ многимъ изъ нихъ награды и повелѣлъ выстроить въ селеніи церковь съ соответствующей надписью <sup>2)</sup>.

Нельзя сказать, чтобы успѣхъ, столь блистательно добытый Симоновичемъ въ достопамятную экспедицію 1813 года, стоилъ намъ большихъ жертвъ. Потери наши за все время похода состояли изъ 123-хъ человекъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ 2-хъ офицеровъ <sup>3)</sup>. Но за то лишенія и труды, перенесенные чи-

---

<sup>1)</sup> Зиссерманъ.

<sup>2)</sup> Надпись высѣчена на камнѣ, вѣланномъ въ стѣну съ правой стороны входа въ церковь, и гласитъ: «По высочайшему повелѣнію, въ награжденіе шатильцамъ за пораженіе Ахверды-Махмада и скопищъ его въ 1843 г., выстроена по приказанію князя наместника Кавказскаго въ 1849 году».

<sup>3)</sup> Всесподанный рапортъ генерала Ртищева отъ 11-го іюля 1813 г. № 111.

нами отряда въ борьбѣ съ природой, были почти безпримѣрны. „Я обязываюсь справедливостью донести вашему императорскому величеству, — писалъ Ртищевъ государю, — что при исполненіи сей экспедиціи, сколько отважной, столь же и необходимой для благосостоянія Грузіи, труды, понесенные войсками вашего величества, были неимовѣрны; но еще удивительнѣе непреоборимый духъ мужества, каковой показали они въ семь дѣлъ, побѣдивъ не однихъ воинственныхъ горскихъ народовъ, но и другаго, можно сказать, важнѣйшаго непріятеля — дикую природу со всѣми ея ужасами, налагавшую на каждомъ шагу чрезвычайныя препоны движенію и дѣйствіямъ храбрыхъ войскъ вашего величества. По свидѣтельству служащихъ здѣсь въ полкахъ воинскихъ чиновъ, бывшихъ при незабвенномъ проходѣ російскихъ войскъ черезъ альпійскія горы, кои также находились въ дѣйствіяхъ и при сей экспедиціи, превышаютъ тѣ препятствія и труды, кои встрѣчены были на Альпахъ, ибо извѣстенъ добродушный и тихій народъ, тамъ обитающій, равнымъ образомъ и дороги, большею частью обработанныя съ удобностью для прохода. Здѣсь же войска вашего величества, побѣждая звѣрскихъ народовъ, обращающихся въ однихъ разбояхъ и имѣющихъ жилища свои въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, должны были переходить хребты высочайшихъ кавказскихъ горъ и быстрыя рѣки въ самыхъ пропастяхъ, преодолевая черезъ пять дней сряду чувствительную глазную боль, производимую отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ снѣга, сверхъ того, противоборствуя самой природѣ, переносить необычныя трудности, пріобрѣтая всякій шагъ впередъ однимъ неустрашимымъ мужествомъ и сражаясь, то на каменныхъ скалахъ горъ, то въ глубокихъ безднахъ, нести при томъ на людяхъ не только прочія тягости, но и самую артиллерію. Не взирая на все сіе, однимъ войскамъ вашего величества, послѣ многихъ протекшихъ вѣковъ, предоставлена была слава проникнуть въ такія мѣста Кавказа, куда ни греческіе полководцы завоевателя Александра Македонскаго, покорявшіе здѣшній край, ни римляне, владѣвшіе многими въ сихъ мѣстахъ народами, и ниже который либо изъ знаменитыхъ шаховъ персидскихъ никогда не достигалъ. Въ первый еще разъ съ торжествомъ побѣды развѣвались знамена



среди сихъ мѣстъ Кавказа и побѣждены такіе народы, кои никѣмъ не были побѣждаемы“ <sup>1)</sup>).

Конечно, сравнивать швейцарцевъ съ хевсурами нельзя, точно также, какъ нельзя равнять хевсуръ съ войсками Массены, Лекурба и Молитора, которыя и были единственными противниками Суворова въ Швейцаріи. Но, несомнѣнно, что слова Ртищева, рисующія тяжести борьбы съ природой въ хевсурской экспедиціи, не составляютъ обычныхъ реляціонныхъ прикрасть.

За этотъ безпримѣрно-тяжелый и блистательно совершенный походъ, ген.-м. Симоновичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса и вскорѣ затѣмъ представленъ въ генераль-лейтенанты <sup>2)</sup>). Послѣдней награды, однако, уже не суждено было ему дожидаться. 15-ть лѣтъ, проведенныхъ на Кавказѣ, то среди трудовъ и лишений походной жизни, то въ многосложныхъ заботахъ по умиротворенію волновавшихся областей: сначала Имеретіи, а потомъ Грузіи, тяжкія раны и особенно—полученная въ голову подъ Эриванью, подорвали здоровье Федора Филипповича, и 2-го ноября 1815 года онъ неожиданно скончался въ Тифлисѣ отъ апоплексическаго удара, среди бумагъ своего рабочаго кабинета. Смерть эта была тяжелой потерей для края, нуждавшагося въ энергичныхъ и талантливыхъ дѣятеляхъ, близко знакомыхъ съ тѣми особенными мѣстными условіями, среди которыхъ приходилось имъ дѣйствовать. Поэтому и Ртищевъ, донося государю о кончинѣ Симоновича, писалъ, что печальная неожиданность эта произошла „къ чувствительной потерѣ для службы вашего величества и къ общему всѣхъ здѣсь сожалѣнію, особенно же къ моему прискорбію, потому что я всегда находилъ въ немъ вѣрнаго помощника и неутомимаго сотрудника въ управленіи краемъ, высочайше мнѣ ввѣреннымъ“ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 11-го іюня 1813 года № 111.

<sup>2)</sup> Дѣло архива штаба кавк. воен. округа 1813 г. № 319. Журн. исх. секр. бумагъ.

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 14-го ноября 1815 г. № 151.

## Глава XXII.

Стремленія наши заключить, въ началѣ 1812 года, миръ съ Персіей. Полномочія, данныя въ этомъ смыслѣ Ртищеву. Командировка въ Персію Фрейганга и Попова. Приемъ, оказанный имъ Аббасъ-Мирзой. Вмѣшательство англичанъ. Предложенія Каннинга. Отвѣтъ нашего правительства. Интриги въ Тегеранѣ англійскаго посла баронета Горъ-Узлея. Посольство въ Тифлисъ Роберта Гордона. Отвѣтъ Ртищева. Набѣгъ персіанъ въ Карабагъ. Вторженіе ихъ въ Талышинское ханство. Рѣшеніе Ртищева лично видѣться съ Аббасъ-Мирзой. Письмо его Узлею. Поѣздка Ртищева въ Карабагъ на свиданіе съ Аббасъ-Мирзой. Командировка Ахвердова въ Персію. Отказъ Аббасъ-Мирзы прибыть для свиданія на рѣку Араксъ. Назначеніе уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ въ Асландузѣ. Несообразныя требованія персіанъ и разрывъ мирныхъ сношеній.

Одновременно съ тѣмъ, какъ волненія въ Грузіи потрясали сосредоточіе владычества нашего въ Закавказьѣ, на южныхъ границахъ послѣдняго продолжалась уже многолѣтняя борьба съ главнымъ и наиболѣе упорнымъ противникомъ нашимъ—съ персіанами. Тяжелые удары, которые за время почти непрерывной восьмилѣтней войны не разъ мы наносили имъ, не отняли у нихъ надежды на благополучный исходъ борьбы и не принудили тегеранскій дворъ уступить нашимъ требованіямъ о проведеніи пограничной черты по Куръ и Араксу. На условіи этомъ мы рѣшительно настаивали еще со временъ князя Циціанова, выказывая твердость, соотвѣтственную правамъ Россіи, какъ наслѣдницы древняго достоянія грузинскихъ царей.

Однако, грозовыя тучи, надвинувшіяся въ 1812 году на наше отечество съ Запада, отвлекли вниманіе правительства отъ далекихъ окраинъ. Предстоявшая борьба за важнѣйшіе жизненные интересы Россіи, понятно, отодвигала на задній планъ интересы частные, второстепенные, и даже вынуждала временно отказаться отъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы безъ всякаго развлеченія силъ вступить въ борьбу съ опаснѣйшимъ противникомъ—Наполеономъ I-мъ, посягавшимъ, ни болѣе ни менѣе, какъ на самостоятельность и независимость Россіи.

Собирая къ западной границѣ всѣ свои силы, правительство

наше стремилось по возможности обезпечить спокойствіе на остальныхъ рубежахъ Россіи. Удачныя дѣйствія Кутузова на Дунаѣ, успѣвшаго въ 1811 году „скромнымъ поведеніемъ“ нанести туркамъ рядъ поражений: у Рушука, Калафата и Слободзеи,—а также взятіе Котляревскимъ, въ декабрѣ того же года, Ахалкалакъ,—привели къ заключенію довольно выгоднаго для насъ Бухарештскаго мира съ Турціей, который былъ ратификованъ императоромъ Александромъ I-мъ 11-го іюля 1812 года, т. е. въ то самое время, когда Наполеонъ уже отдавалъ у Ковны послѣднія распоряженія для перехода его полчищъ черезъ Нѣманъ.

Оставалось обезпечить себя еще со стороны Персіи. Система войны, которая до сего времени велась на границахъ ея, не давала никакой надежды быстро сломить упорство персіанъ. Врываясь болѣе или менѣе сильными партіями въ наши предѣлы, они избѣгали серьезныхъ боевыхъ столкновеній, а если иногда, настигнутые талантливою предпріимчивостью нашихъ военачальниковъ, и терпѣли крупныя пораженія, то, не преслѣдуемые, уходили въ глубь своихъ предѣловъ, легко пополняли тамъ понесенныя потери и снова возвращались, готовые повторять до безконечности грабительскія вторженія въ наши владѣнія. Такой способъ веденія войны, при громадномъ протяженіи нашей персидской границы, требовалъ болѣшихъ силъ только для одного прикрытія ея, не обѣщая въ то же время никакихъ существенныхъ результатовъ. А силъ этихъ было вообще несоразмѣрно мало, и объ увеличеніи ихъ, ввиду общаго положенія Россіи, не могло быть никакой рѣчи. По этому, установленіе добрососѣдскихъ отношеній съ Персіей, хотя бы только на время борьбы съ Наполеономъ, являлось для насъ дѣломъ крупной важности.

Въ заботахъ объ этомъ, правительство наше пошло даже на уступки и, отказываясь отъ первоначальныхъ своихъ требованій, подъ предлогомъ того, что „его величество, всегда предпочитая войнѣ миръ и доброе согласіе со всѣми сосѣдями, искренно желаетъ ускорить возстановленіе оныхъ“,—уполномочивало Ртищева заключить съ персіанами миръ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ: <sup>1)</sup>

---

<sup>1)</sup> Письмо графа Румянцова генералу Ртищеву отъ 7-го апрѣля 1812 года. Акты кавк. археогр. ком., т. V., № 797.

1) „Вмѣсто границы по р. р. Курѣ, Араксу и Арпачаю, которая предполагалась ранѣе, постановить границу по межимъ тѣхъ владѣній и земель, которыя нынѣ во власти нашей уже находятся и которыя добровольно покорились скипетру его величества или покорены силою его оружія.

2) Сію границу постановить какъ можно выгоднѣе и удобнѣе во всѣхъ и особенно въ военномъ отношеніяхъ, что поручалось мѣстному свѣдѣнію, соображенію и попеченію генерала Ртищева.

3) Всѣ заключающіяся между сею границею и кавказскою линіею, а равно и прикосновенныя къ сей послѣдней и къ Каспійскому морю земли, народы и владѣнія обозначить въ договорѣ поименно каждое и постановить, что персидское правительство отъ всѣхъ правъ и притязаній своихъ на оныя земли навсегда отрицается и признаетъ ихъ неоспоримо принадлежащими Россійской имперіи.

4) Ханство Талышинское съ обѣихъ сторонъ признать независимымъ, но подъ рукою и ручательствомъ его величества.

5) Выговорить единственное владычество россійскому флоту на Каспійскомъ морѣ“.

Взамѣнъ этого, правительство наше обязывалось „торжественно признать нынѣ царствующаго въ Персіи Фетъ-Али-шаха (Бабахана) въ высокомъ и державномъ свѣтлѣйшихъ шаховъ' достоинствѣ и по древнимъ въ Персіи обыкновеніямъ. На случай же, когда бы всевышнему Промыслу угодно было отозвать его отъ сея временныя жизни въ вѣчную, то его императорское величество соизволить обѣщать не только признать въ ономъ же достоинствѣ, единственнымъ по немъ наслѣдникомъ, избраннаго имъ сына его Аббасъ-Мирзу, съ тѣмъ, чтобы наслѣдство персидскаго престола всегда оставалось въ свѣтлѣйшемъ домѣ его, но обязуется сіи права его и достоинство подкрѣплять и оборонять силою своего оружія противъ всѣхъ тѣхъ, кто покусился бы оныя оспаривать“<sup>1)</sup>

Можно было предполагать, что персидское правительство охотно пойдетъ на эти условія: оно ничего не теряло, въ территориальномъ отношеніи, кромѣ того, что было уже давно и безвозвратно потеряно; а между тѣмъ, приобрѣтало надежнаго и могущественна-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 797.

го защитника династического вопроса, причинявшего не мало заботъ и волненій какъ самому Баба-хану, такъ, въ особенности, наслѣднику его—Аббасъ-Мирзѣ<sup>1)</sup>).

Воспользовавшись первымъ представившимся случаемъ для возобновленія сношеній съ персидскимъ правительствомъ, Ртищевъ, въ маѣ 1812 года, командировалъ въ Тегеранъ над. сов. Фрейганга. Послѣдній долженъ былъ передать аккредитованному при тегеранскомъ дворѣ англійскому послу баронету Горъ-Узлею (Sir Gor-Ousley) депеши, пересылавшіяся ему черезъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ отъ сицилійскаго посланника въ Петербургѣ, дюка Капріоли. При этомъ случаѣ, Фрейгангу поручено было вручить Аббасъ-Мирзѣ письмо Ртищева, въ которомъ выражалось желаніе открыть съ персидскимъ правительствомъ мирныя сношенія<sup>2)</sup>. Въ отвѣтъ на это, Аббасъ-Мирза не замедлил прислать въ Тифлисъ своего посланца, тавризскаго купца Хаджи-Абуль-Хасана, съ порученіемъ словесно изъяснить главнокомандующему искренне расположеніе персидскаго правительства къ миру.

Передавъ Ртищеву слова Аббасъ-Мирзы, посланецъ просилъ его отправить обратно съ нимъ въ Персію русскаго чиновника, для лучшаго удостовѣренія наслѣдника персидскаго престола въ томъ, что порученіе послѣдняго было точно пересказано въ Тифлисѣ. Ртищевъ охотно выразилъ на это согласіе и командировалъ въ Персію своего адъютанта, подпоручика Попова, съ особымъ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ Аббасъ-Мирзу въ искреннемъ желаніи государя императора „по милосердымъ чувствованіямъ своимъ имѣть миръ и дружбу съ Персіею, какъ державою, сосѣд-

<sup>1)</sup> См. примѣчаніе 2-е на стр. 151. Въ дополненіе и исправленіе этого примѣчанія необходимо указать, что Аббасъ-Мирза былъ третьимъ, по старшинству рожденія, сыномъ Баба-хана. Династія Каджаровъ сохраняла въ первое время своего владычества въ Иранѣ туркменскій обычай престолонаслѣдія, допускавшій къ власти только лицъ, рожденныхъ отъ свободныхъ женщинъ каджарскаго племени. Поэтому, старшіе сыновья Баба-хана: Магометъ-Али-ханъ (Мамедъ-Али-Мирза) и Магометъ-Вали-ханъ (Мамедъ-Вали-Мирза), какъ рожденные отъ невольницъ, были устранены шахомъ отъ престолонаслѣдія, и преемникомъ власти назначенъ былъ Аббасъ-Мирза. Свергнутая Каджарами старая Иранская династія Сефи не дѣлала различія между сыновьями по происхожденію ихъ матерей, почему персіане считали наслѣдникомъ шаха, по праву старшинства, Магометъ-Али-хана, что при честолюбіи послѣдняго причиняло не мало опасеній какъ самому Баба-хану, такъ въ особенности Аббасъ-Мирзѣ. (Кавк. сбор. т. XXI стр. V).

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 27-го іюля 1812 года № 30. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 805.

ственной Россійской имперіи“. Попову поручалось „наклонить“ Аббасъ-Мирзу къ тому, что сношенія по столь важному предмету, какъ заключеніе мира, должны вестись не „черезъ словесныя препорученія“, а письменно, „по правиламъ, всѣми державами наблюдаемымъ“, почему и Аббасъ-Мирзѣ надлежитъ заручиться сначала отъ его родителя—владѣтеля Персіи—полномочіями трактовать о мирѣ и затѣмъ уже, для веденія переговоровъ, прислать чиновника, „коего званіе и достоинство соотвѣтствовало бы важности сего дѣла и достоинству двухъ сильныхъ державъ“ <sup>1)</sup>).

Оба посланца главнокомандующаго: и Фрейгангъ, и Поповъ, были радушно приняты наслѣдникомъ персидскаго престола въ Тавризѣ. „Желаніе Аббасъ-Мирзы сблизиться къ миру,—писаль Ртищевъ,—<sup>2)</sup> кажется есть искренно, въ томъ почти нельзя сомнѣваться по многимъ опытамъ его прямо искреннихъ поступковъ“. Доказательствомъ этому, кромѣ радушія, оказывавшагося нашимъ посламъ, служили, повидимому, чистосердечныя завѣренія Аббасъ-Мирзы, что онъ не только согласенъ отправить къ Ртищеву „одного изъ важнѣйшихъ своихъ чиновниковъ, для явнаго открытія мирныхъ сношеній“, но охотно и самъ поѣдетъ на личное свиданіе съ нимъ. Въ удостовѣреніе искренности своихъ намѣреній, Аббасъ-Мирза на 20 дней распустилъ свои войска, бывшія уже собранными къ Тавризу для вторженія въ наши предѣлы, установилъ перемиріе на 40 дней и вызвался самъ, въ видѣ подарка Ртищеву, выдать адъютанту его, подпоручику Попову, 6 русскихъ офицеровъ и 100 рядовыхъ изъ состава Троицкаго баталіона, плѣннаго у Султанъ-буда. Все шло, какъ не можетъ быть лучше, и, повидимому, обѣщало скорое осуществленіе нашихъ серьезныхъ домогательствъ заключить столь желанный нами миръ съ Персіей.

Но предательское вмѣшательство нашей союзницы—Англии, изъ-за которой Россія дѣлала ставку *va banque*, разсѣяло радужныя мечты и вмѣсто пальмы мира бросило намъ жребій войны.

Увлекаемая, какъ всегда, безумной ревностью къ успѣхамъ Россіи въ Азіи, Англія, не смотря на то, что находилась въ это

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 805.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

время въ союзѣ съ нами противъ цѣлой Европы, рѣшила противо-  
дѣйствовать заключенію мира съ Персіей, дабы совершенно устра-  
нить всякую возможность распространенія вліянія нашего на сосѣд-  
нія съ Индіей страны передней Азіи. Однако, роль нашей союзни-  
цы не позволяла ей стать въ явно недоброжелательныя къ намъ  
отношенія. Оставался единственный путь для достиженія намѣченной  
цѣли, это—прибѣгнуть къ предательской интригѣ, въ расчетахъ на  
способности, присущія въ этомъ отношеніи британскимъ дипломатамъ.

Послѣдніе, дѣйствительно, оказались на высотѣ надеждъ своего  
правительства.

Еще въ началѣ открытія мирныхъ переговоровъ нашихъ съ  
Турціей, англійскій посоль въ Константинополѣ Каннингъ отнесся  
къ нашему правительству „съ предложеніемъ о своей готовности  
примирить насъ съ Портою и въ тотъ же договоръ включить на-  
ше замиреніе и съ персидскимъ правительствомъ“, на чемъ яко-  
бы настаивала сама Турція <sup>1)</sup>. Предложеніе это, какъ явно кло-  
нившееся къ тому, чтобы поставить отношенія наши къ Персіи  
подъ опеку Англій, было деликатно отклонено въ Петербургѣ.

Каннингу объявили, что хотя государь императоръ, „всегда  
желая мира и съ Портою, и съ персіанами, охотно приметъ тѣ  
добрыя услуги, которыя на сей конецъ будутъ оказаны со стороны  
англійскаго министерства, но его величество не находитъ никакой  
нужды, чтобы о двухъ войнахъ, между которыми нѣтъ ничего об-  
щаго, было сдѣлано одно мирное постановленіе, и никакъ не со-  
гласится, чтобы замиреніе съ персіанами совершилось, такъ сказать,  
подъ сѣнью Порты Оттоманской“ <sup>2)</sup>.

Однако, правительство наше, видимо далекое отъ мысли по-  
дозрѣвать предательство въ своемъ союзникѣ, не нашло нужнымъ  
категорически отстранить какое бы то ни было вмѣшательство Ан-  
глии въ переговоры наши съ Персіей, и, отклоняя предложеніе  
Каннинга, въ то же время предоставляло ему „поручить своему

<sup>1)</sup> Письма: графа Румянцева генералу Ртищеву отъ 7-го апрѣля 1812 г. и Каннинга къ  
люку Каприоли отъ 19-го февраля 1812 г. «Au nombre des points de discussion, que proposent  
les Turcs, se trouve aussi celui de comprendre dans leur traité la paix entre la Russie et la Perse».  
Акты кавк. археогр. ком., т. V №№ 798 и 799.

<sup>2)</sup> «....comme sous les auspices et la protection de la Porte Ottoman et à sa suite». Тамъ же.

товарищу, находящемуся въ Персіи, сдѣлать внушенія персидскому правительству, что его величество, искренно желая прекратить войну и возстановить доброе согласіе съ Баба-ханомъ, согласенъ будетъ, оставя прежнія свои требованія на разныя земли и владѣнія, удержать за собою только то, что уже находится во власти Россійской имперіи“ <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ, мы сами предупредительно давали англичанамъ выходъ изъ того затруднительнаго положенія, въ которое неизбежно ставило ихъ отклоненіе предложеній Каннинга, и они, конечно, не упустили воспользоваться этой лазейкой, дабы получить въ Тегеранѣ то, что ускользнуло въ Петербургѣ. Успѣху ихъ не мало должна была содѣйствовать и та неопредѣленность степени участія, которая предоставлялась представителямъ Англій въ веденіи нашихъ мирныхъ переговоровъ съ Персіей. Министръ иностранныхъ дѣлъ и государственный канцлеръ, графъ Румянцевъ, извѣщая Ртищева объ англійскихъ предложеніяхъ, между прочимъ, писалъ <sup>2)</sup>: „Здѣсь, въ осторожность вашу замѣтитъ однако же должно, что содѣйствіе англійскаго министра въ сближеніи нашемъ съ Персіей должно быть ограничено только добрыми его на тотъ конецъ услугами и отнюдь не имѣть вида медиаторства, котораго принимать не слѣдуетъ, по уваженіямъ, что и другимъ державамъ въ разныхъ случаяхъ было въ томъ отказано; и потому вы не оставите имѣть наблюденіе, чтобы ни при переговорахъ вашихъ съ персидскими полномочными англійскаго министра не было, ни въ договорѣ, который можетъ послѣдовать, ни о какомъ участіи англійскаго правительства въ семъ дѣлѣ не упоминалось“. Между тѣмъ, по порученію того же самаго графа Румянцева, джюкъ Капріоли увѣдомлялъ англійскаго посла въ Тегеранѣ, Узлея, что его добрыя услуги въ дѣлѣ заключенія мира между Россіей и Персіей будутъ приняты нашимъ правительствомъ, которое въ этомъ смыслѣ и предписало главнокомандующему въ Грузіи открыть переговоры при его, Узлея, посредничествѣ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 798.

<sup>2)</sup> Отъ 7-го апрѣля 1812 года.

<sup>3)</sup> «Vos bons offices,—писалъ Капріоли Узлею,—seront acceptés, et le commandant des armées en Géorgie a l'ordre d'entamer par votre moyen cette négociation». (Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 799).



Заручившись такимъ полномочіемъ, Узлей, въ качествѣ также представителя наиболѣе дружественной персіанамъ державы<sup>1)</sup>, приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы завладѣть руководящей ролью въ мирныхъ переговорахъ съ нами. Онъ началъ съ того, что съ одной стороны убѣждалъ персидское правительство въ безсиліи нашемъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, отстоять предъявленные нами требованія, а съ другой—увѣрялъ насъ въ могуществовѣ Персіи, которая, въ случаѣ неуступчивости нашей, конечно, не преминетъ воспользоваться тѣмъ стѣсненнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Россія, втянутая въ борьбу съ Наполеономъ. Указывая персіанамъ на малочисленность нашихъ войскъ въ Закавказьѣ, на происходившія въ это время волненія въ Грузіи, на тайное недоброжелательство къ намъ населенія мусульманскихъ провинцій, наконецъ—на готовность Англій, какъ дружественной державы, поддержать справедливыя требованія Персіи о возвращеніи ей отнятыхъ нами областей Закавказья,—Узлей добился того, что получилъ отъ соблазненного имъ Баба-хана „особенную довѣренность, черезъ данное ему особое полномочіе, участвовать съ наслѣдникомъ Персіи во всѣхъ дѣлахъ, относящихся до постановленія мира съ Россійскою имперіею“<sup>2)</sup>.

Результаты этого „участія“ проявились прежде всего въ томъ, что Аббасъ-Мирза сразу измѣнилъ свое обращеніе съ находившимися въ Тавризѣ посланцами Ртищева—Фрейгангомъ и Поповымъ, уклонился отъ обѣщанной выдачи имъ нашихъ плѣнныхъ и спѣшно началъ собирать распушенные было войска. Для Ртищева стало ясно, что „столь внезапный оборотъ въ дѣлахъ, воспріятыхъ было благовидное начало, безъ сомнѣнія могъ послѣдовать не иначе, какъ по особой какой либо перемѣнѣ, возбужденной въ самомъ расположеніи и намѣреніяхъ тегеранскаго кабинета, которую долженъ былъ принять и наслѣдникъ Персіи“<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Англія ежегодно субсидировала Персіи 200 тыс. тумановъ (2 мил. руб.). Въ счетъ этой субсидіи, въ концѣ 1811 года, было доставлено персіанамъ: 12 орудій, 12 тыс. зарядовъ, 12 тыс. ружей и сукна для обмундированія 12 тыс. человекъ. Сверхъ того, 20 орудій были доставлены въ Бендеръ-Буширъ, гдѣ англичане имѣли свою факторію. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 248).

<sup>2)</sup> Донесеніе Ртищева графу Румянцеву отъ 27-го іюля 1812 года № 30.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

Причина этой „перемѣны“ не замедлила обнаружиться.

Потергѣвъ неудачу въ своей миссиі, Фрейгангъ и Поповъ возвратились обратно въ Тифлисъ, въ сопровожденіи Хаджи-Абуль-Хассана и племянника англійскаго посла—сэра Роберта Гордона. Послѣдній явился въ качествѣ особо довѣреннаго и къ тому же родственнаго лица, котораго Узлей, въ доказательство своего горячаго усердія и чистосердечія, посылалъ къ Ртищеву, съ полномочіемъ въ полной дружеской довѣренности переговорить относительно мира Россіи съ Персіей <sup>1)</sup>).

Въ продолженіи трехъ „конференцій“, бывшихъ у Ртищева съ Гордономъ, послѣдній увѣрялъ его, что англійское правительство искренно желаетъ видѣть возстановленіе мирныхъ отношеній между Россіей и Персіей, и что это желаніе, будучи вполне согласно съ собственными „чувствованіями“ посла, тѣмъ болѣе побуждаетъ его усердствовать въ стараніяхъ содѣйствовать дѣлу мира; но при всемъ томъ, онъ никакъ не можетъ надѣяться, чтобы персидское правительство согласилось заключить миръ на предлагаемыхъ Россіей основаніяхъ *status quo ad praesentem*. Гордонъ увѣрялъ Ртищева, что состояніе Персіи нисколько не вынуждаетъ ее искать невыгоднаго для себя мира. Наоборотъ, Персія, по словамъ Гордона, находилась въ особливо благоприятныхъ условіяхъ: она не имѣла никакихъ противниковъ, кромѣ Россіи; состояніе ея вооруженныхъ силъ, умноженныхъ и хорошо организованныхъ, было превосходно и давало возможность производить не одни только набѣги въ наши предѣлы, но вести войну правильную и продолжительную, тѣмъ болѣе, что и внутреннее состояніе занятыхъ нами областей—Грузіи и Дагестана, охваченныхъ волненіемъ, несомнѣнно способствовало бы успѣхамъ персидскаго оружія <sup>2)</sup>). Все это, при пламенномъ желаніи англійскаго правительства установить столь необходимый миръ между Россіей

---

<sup>1)</sup> Comme la preuve la plus forte de l'ardeur et de la sincérité,—писалъ Узлей Ртищеву,—avec les quelles j'entre maintenant en correspondance, et j'espère aussi en négociation avec votre excellence, je vous envoie un gentilhomme de ma famille (l'honorable Robert Gordon) qui jouit de mon entière confiance et estime, et pour lequel j'entretiens les plus grands égards d'amitié, auquel j'ai fourni des instructions de conférer avec vous en pleine confiance sur le sujet d'une paix entre la Russie et la Perse. (Письмо отъ 25-го іюня 1812 г.).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 805, стр. 656.

и Персіей <sup>\*)</sup>), побуждало Узлея, въ лицѣ Роберта Гордона, дружески совѣтывать Ртищеву не настаивать на предъявленномъ нами условіи *status quo ad praesentem* и сдѣлать Персіи нѣкоторыя уступки, на которыя она, по мнѣнію англичанъ, имѣла справедливыя претензіи. Каковы должны были бы быть эти уступки—вопросъ объ этомъ не обсуждался ввиду того, что тегеранскій дворъ, по внушеніямъ Узлея, уже рѣшилъ въ принципѣ возобновить военныя дѣйствія съ тѣмъ, чтобы, пользуясь тяжелымъ положеніемъ Россіи, попытаться вытѣснить ее изъ Закавказья обратно на линію Терека и Кубани.

Однако, мрачныя перспективы, столь широко развертывавшіяся Гордономъ, нисколько не смущали Ртищева. Послѣдній просилъ передать англійскому послу признательность за „усердное расположеніе его стараться о сближеніи насъ съ персіанами“ и внушить, что Россія настаиваетъ лишь на самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ, отъ которыхъ, въ силу данныхъ уже высочайшихъ полномочій, ни въ какомъ случаѣ отступить нельзя. „Что же касается до величія Персіи и надеждъ на нынѣшнія мнимыя преимущества, черезъ кои она можетъ получить миръ съ Россією гораздо выгоднѣйшій, то по мнѣнію моему,—добавлялъ Ртищевъ,—сія надежда есть и будетъ всегда химерною, ибо въ теченіе 8-ми лѣтней войны съ Персіей руссійское оружіе было всегда здѣсь побѣдоносно; завоеванныя персидскія провинціи служатъ сему неоспоримымъ доказательствомъ, а удержаніе ихъ подъ властью Россіи, не взирая на всѣ усилія Персіи, каждый годъ употребляемая, показываетъ не слабость силъ здѣшняго края, но преимущества ихъ надъ Персією. Заведенныя вновь персидскимъ правительствомъ регулярныя войска будутъ весьма еще долго оставаться новыми противъ образованныхъ руссійскихъ войскъ, коихъ строгая дисциплина и неподражаемая храбрость всему свѣту извѣстны. Умноженіе же въ Персіи нерегулярныхъ ея силъ не можетъ сдѣлать перевѣса, ибо руссійскія войска пріобыкли спрашивать не о числѣ таковыхъ войскъ, но только о мѣстѣ, гдѣ оныя находятся.

---

\*) «... à conclure une paix si utile aux deux puissances, de Russie et de Perse, et que l'Angleterre désire si ardemment».

Впрочемъ же, нынѣшнее величіе Персіи и способы къ продолженію войны никто изъ благомыслящихъ, зная положеніе Россіи, не можетъ сравнивать съ истиннымъ величіемъ и могуществомъ, въ какомъ процвѣтаетъ Россійская имперія, имѣя въ самой себѣ гораздо преимущественнѣйшіе способы принудить Персію заключить миръ на условіяхъ, угодныхъ для Россіи. Но за всѣмъ тѣмъ, какъ его величество предпочитаетъ миръ войнѣ и всегда желаетъ быть въ дружбѣ съ державами, имперіи его сосѣдственными, то и въ семъ случаѣ, слѣдуя предмету великодушныхъ своихъ расположеній, желаетъ возстановить миръ съ Персіею, не требуя нималой уступки изъ владѣній, ей принадлежащихъ, и полагая границы тѣ только самыя, кои при настоящемъ времени находятся въ дѣйствительной власти каждой державы. И такъ, по симъ началамъ для Персіи гораздо благоразумнѣе воспользоваться нынѣшнимъ, весьма для нея выгоднымъ расположеніемъ его величества, нежели, слѣдуя однимъ только мечтательнымъ надеждамъ, вдаваться въ неизбѣжность будущаго и возобновлять въ это лѣто войну, которая можетъ подать причину къ перемѣнѣ теперешняго дружелюбнаго расположенія Россійской имперіи и, поведя дѣло гораздо далѣе, произведетъ слѣдствія, невыгодныя для Персіи“<sup>1)</sup>.

Въ заключеніе, Ртищевъ замѣтилъ, что сама дружба, связывающая Персію съ Англіей, обязываетъ представителя послѣдней, для сохраненія выгодъ дружественной державы, разсѣять пагубныя химеры персидскаго правительства и показать ему истину въ настоящемъ ея видѣ, и что только „таковыя его дѣйствія въ семъ случаѣ наиболѣе покажутъ справедливость его и искреннее усердіе къ пользамъ обѣхъ державъ“.

Этотъ отвѣтъ уничтожалъ надежды англичанъ склонить насъ на совершенно неумѣстную уступчивость персидскимъ притязаніямъ, и Робертъ Гордонъ выѣхалъ обратно изъ Тифлиса подъ впечатлѣніемъ заключительныхъ словъ русскаго главнокомандующаго: „имѣя совершенное полномочіе отъ его величества заключить миръ съ Персіей только на условіи *status quo*, я готовъ,—сказалъ Ртищевъ,—немедленно приступить къ постановленію перемирія, которое

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 805 стр. 657.

есть начало, ведущее къ самому миру, и въ продолженіе коего обыкновенно поставляются мирныя условія, съ согласія обѣихъ сторонъ. Впрочемъ же, если персидское правительство предпочтетъ военныя дѣйствія мирнымъ сношеніямъ, то и я, имѣя войска вездѣ по границамъ въ готовности, не оставлю непріятельскую силу отражать силою же и дѣйствовать ко славѣ оружія его императорскаго величества“<sup>1)</sup>). Въ доказательство искренняго своего расположенія идти на встрѣчу мирнымъ желаніямъ персидскаго правительства, Ртищевъ отправилъ съ Гордономъ письмо Аббасъ-Мирзѣ, въ которомъ просилъ свиданія для личнаго веденія переговоровъ. Но въ то же время, дабы убѣдить Гордона въ полной готовности нашей встрѣтить персіанъ, если бы послѣдніе вздумали начать военныя дѣйствія, Ртищевъ предложилъ ему проѣхать въ Тавризъ не черезъ Эриванъ, а по Карабагу, и познакомиться съ русскими генералами, командующими нашими отрядами, расположенными противъ персидской границы. „Особенно же въ семь случаевъ мнѣ желательно было, — писалъ Ртищевъ, — показать ему довольно сильный отрядъ ген.-м. Котляревскаго, расположенный въ Карабагѣ на такомъ мѣстѣ, съ котораго менѣе 5-ти дней можно пѣхотою поспѣть въ Тавризъ и нанести оному безпокойство“<sup>2)</sup>).

Гордонъ воспользовался предложеніемъ Ртищева и посѣтилъ въ Ахъ-Огланѣ лагерь Котляревскаго, но послѣдній принялъ англійскаго посланца даже безъ галстуха и, ссылаясь на жару, приказалъ сдѣлать то же и всѣмъ людямъ своего отряда. Герой Мигри и Ахалкалакъ знали цѣну англійской дружбѣ и были глубоко убѣждены, что не посредничествомъ англичанъ, а только штыками можно добиться сговорчивости персіанъ.

Дѣйствительно, не смотря на увѣренія тегеранскаго двора въ непритворномъ желаніи установить съ нами мирныя сношенія, персіане дѣятельно готовились къ войнѣ и не прекращали грабительскихъ вторженій своихъ въ наши предѣлы. Почти одновременно съ командировкой къ Ртищеву Роберта Гордона, Баба-ханъ, очевидно внушаемый Узлсемъ, выступилъ изъ Тегерана въ Султаніе съ мно-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 805, стр. 657.

<sup>2)</sup> Тамъ же, стр. 658.

гочисленной персидской конницей<sup>1)</sup>; къ Тавризу сосредоточивались войска Аббасъ-Мирзы, у котораго было до 8-ми тысячъ регулярной пѣхоты; а въ то самое время, когда Гордонъ и Хаджи-Абуль-Хассанъ находились въ Тифлисъ и въ качествѣ вѣстниковъ мирныхъ сношеній переговаривались съ Ртищевымъ, — четырехъ-тысячный отрядъ персидской конницы ворвался въ наши предѣлы. На встрѣчу ему, 12-го іюля, вышелъ изъ Хинзырека капитанъ Кулябко съ ротой 17-го егерскаго полка, въ которой было всего 74 человекъ рядовыхъ. Не смотря на такое неравенство силъ, персіане были отброшены и, какъ доносилъ Котляревскій, „не разсудивъ быть болѣе битыми“, поспѣшно бѣжали за Араксъ, „прежде, нежели наша пѣхота могла догнать ихъ у переправы“<sup>2)</sup>.

Это происшествіе ясно показывало нашимъ противникамъ сколь опрометчивы расчеты ихъ на слабость положенія нашего въ Карабагѣ. Имѣя здѣсь всего лишь около 2-хъ тысячъ человекъ, разбросанныхъ на всемъ пространствѣ вдоль нашей персидской границы, среди населенія, большая часть котораго только ожидала „кому Богъ поможетъ“, — Котляревскій, по его же собственному выраженію, „долженъ былъ бороться одновременно съ внѣшними и внутренними непріятелями“. Но, зорко слѣдя за ними, онъ былъ всегда готовъ парировать враждебные намъ замыслы и, увѣренный въ своихъ собственныхъ силахъ, доносилъ Ртищеву: „Надѣюсь на Бога, что если Аббасъ-Мирза станетъ дѣйствовать такъ, какъ непріятель, а не какъ разбойникъ, то какіе бы ни были планы измѣнниковъ—всѣ разрушатся.... Ни при какихъ сборахъ непріятеля, ни при какихъ усиліяхъ Аббасъ-Мирзы противу отряда, мнѣ ввѣреннаго, не прошу и не буду просить добавки сюда пѣхоты, хотя оной у меня въ отрядѣ не такъ то много, а всего только 1500 человекъ; но прошу казакъ, которые мнѣ необходимы, и тѣхъ не получаю“<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 655.

<sup>2)</sup> Вторая рота 17-го егерскаго полка, капитана Кулябко, состояла: изъ 2-хъ офицеровъ, 8-ми унтеръ-офицеровъ, 1-го барабанщика, 74-хъ рядовыхъ и 1-го нестроеваго. При ней находились: одно 3-хъ-фунтовое орудіе, съ 5-ю человекъ артиллерійской прислуги, и 65 человекъ вооруженныхъ армянъ-добровольцевъ изъ селенія Хинзырекъ. Отрядомъ этимъ въ дѣлѣ 12-го іюля выпущено было 2846-ть ружейныхъ патроновъ, 10 гранатъ и 8 картечей. (Рапортъ ген.-м. Котляревскаго отъ 19-го іюля 1812 года № 454, а также акты кавк. археогр. ком., т. V, № 806).

<sup>3)</sup> Рапорты ген.-м. Котляревскаго генералу Ртищеву отъ 25-го іюня 1812 года №№ 365 и 366. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 693 и 801).

Аббасъ-Мирза и англійскіе руководители его прекрасно сознавали съ какимъ противникомъ прійдется имъ имѣть дѣло въ случаѣ вторженія въ наши предѣлы черезъ Карабагъ. Не отваживаясь на это послѣднее предпріятіе, персіане составили новый планъ, по которому предполагалось завладѣть сначала Талышинскимъ ханствомъ и, обезпечивъ себя съ этой стороны, перейти Куру у Сальянь, съ тѣмъ, чтобы вторгнуться въ Грузію черезъ Ширвань и Шеку. Съ этой цѣлью, Аббасъ-Мирза, въ началѣ августа 1812 года, направилъ 20-ти тысячный отрядъ съ многочисленной артиллеріей, руководимой англійскими офицерами, къ Ленкорани <sup>1)</sup>, а для того, чтобы отвлечь наше вниманіе и тѣмъ выиграть время, выразилъ Ртищеву согласіе на личное свиданіе съ нимъ и командировалъ къ Котляревскому Неджефъ-Кули-хана— „чиновника, заслуживающаго уваженія по знатности своей, уму и необыкновенной въ персіаняхъ скромности“ <sup>2)</sup>. Неджефъ-Кули-ханъ имѣлъ порученіе встрѣтить главнокомандующаго и сопровождать его въ Персію до лагеря наслѣдника персидскаго престола, стоявшаго у мѣст. Султанъ-Гиссаръ, въ 12-ти агаджагъ отъ Аракса (около 84 верстъ).

9-го августа 1812 года, персидскія войска, подъ начальствомъ сердаря Эмиръ-хана, при которомъ состояло нѣсколько англійскихъ инструкторовъ, подошли къ Ленкорани и, пользуясь преданною себѣ частью населенія, быстро завладѣли городомъ. Гарнизонъ нашъ, состоявшій изъ 400 человекъ, при одной 3-хъ-фунтовой пушкѣ, находился на укрѣпленной кость Гамушеванъ, подъ покровительствомъ стоявшихъ у берега судовъ. Овладѣвъ Ленкоранью, персіане подступили къ Гамушевани. Баталіоны персидскихъ сарбазовъ, предводительствуемые англійскими офицерами, дважды бросались на штурмъ съ музыкой и барабаннымъ боемъ, „въ надеждѣ однимъ ударомъ разрушить стѣну, скрывавшую нашъ отрядъ“, но каждый разъ были отбиваемы съ большимъ урономъ огнемъ съ верковъ и съ стоявшихъ у берега судовъ <sup>3)</sup>. Потерпѣвъ неудачу въ открытой атакѣ, персіане рѣшили осадить нашъ отрядъ съ суши, для чего ото-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 814.

<sup>2)</sup> Тамъ же, № 825, стр. 672.

<sup>3)</sup> Письмо капитана 1-го ранга Веселаго къ ген.-м. Котляревскому отъ 20-го августа 1812 года.

шли отъ берега и заняли выгодныя позиціи, усиливъ ихъ еще искусственными укрѣпленіями. Въ то же время, главный руководитель всего этого предпріятія, англійскій маіоръ Гаррисъ, прислалъ къ начальнику нашихъ войскъ, находившихся въ Талышахъ, капитану 1-го ранга Веселаго, сначала „гусарскаго капитана“, а затѣмъ явился и самъ, съ предложеніемъ заключить перемиріе на 7 дней. Предложеніе свое Гаррисъ мотивировалъ тѣмъ, что онъ яко бы только что получилъ увѣдомленіе о союзѣ, заключенномъ между Россіей и Англійей, а потому находить необходимымъ запросить посла относительно дальнѣйшей роли англійскихъ офицеровъ, находившихся при персидскихъ войскахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гаррисъ сообщилъ, что Аббасъ-Мирза, желая оставить Талышинское ханство „навсегда за Персією“, приказалъ сердарю назначить чиновниковъ для управленія этой областью, которая, такимъ образомъ, должна уже считаться окончательно принадлежащей Персіи. Конечно, Веселаго не счелъ возможнымъ входить въ обсужденіе столь странныхъ предложеній и, полагая, что „подъ симъ перемиріемъ должна скрываться какая нибудь личная выгода англичанъ и персіанъ, никакого рѣшительнаго предположенія съ ними не сдѣлалъ“<sup>1)</sup>.

Однако, положеніе нашего отряда съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Осадныя работы персіанъ, производившіяся подъ руководствомъ англичанъ, успѣшно подвигались впередъ. Малочисленность гамушеванскаго гарнизона не давала возможности начальнику его, маіору Павалишину, отважиться на вылазку, тѣмъ болѣе, что наступившія осеннія бури дѣлали весьма опасной стоянку судовъ на пушечный выстрѣлъ отъ берега, да и дѣйствовать съ нихъ, при поднявшихся сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, было,—по заявленію Веселаго,—„никакъ невозможно“. А между тѣмъ, для продовольствія гарнизона и укрывавшихся въ нашихъ укрѣпленіяхъ преданныхъ намъ талышинцевъ, съ ханомъ Миръ-Мустафою во главѣ,—совершенно не было никакихъ запасовъ, „непріятель же располагался навсегда“. Веселаго рѣшительно не зналъ что предпринять. „Забрать солдатъ некуда,—писалъ

---

<sup>1)</sup> Письмо капитана 1-го ранга Веселаго къ ген.-м. Котляревскому отъ 20-го августа 1812 года.



онъ Ртищеву <sup>1)</sup>),—и ввиду непріятеля взять изъ крѣпости орудія, коими оная съ судовъ вооружена, а послѣ сего оставить на жертву слишкомъ до тысячи семей талышинцевъ, кои ввѣрили судьбу свою нашему покровительству, оставивъ все свое имущество, никакъ не можно, или по крайней мѣрѣ сопряжено будетъ съ опасностью и стыдомъ для насъ. Сверхъ сего, я долженъ буду отворить непріятелю вольный проходъ въ Сальяны и далѣе“. Въ такомъ положеніи, Веселаго спрашивалъ Ртищева: „что прикажете дѣлать?“, и въ то же время отъ себя просилъ Котляревскаго: или поспѣшить съ ввѣренными ему войсками въ Ленкорань, или сдѣлать диверсію къ Мешкину, дабы тѣмъ оттянуть персидскія войска изъ Талышей.

Зорко слѣдя за всѣмъ, что происходило по ту сторону Аракса и рѣшительно не вѣря искренности желаній персидскаго правительства заключить съ нами миръ,—Котляревскій самъ видѣлъ необходимость вторгнуться за Араксъ, какъ только персіане направились къ Талышамъ. Но прибытіе въ Карабагъ Неджефъ-Кули-хана связало ему руки. „Я по сему не могу предпринять перейти Араксъ, — доносилъ онъ, — дабы не прервать черезъ то переговоры, но между тѣмъ поспѣшаю донести, что Аббасъ-Мирза, какъ видно, желаетъ выиграть время. Онъ уже сдѣлалъ чапаулъ (набѣгъ) въ Талышъ и перевелъ нѣсколько кочевого народа. Теперь же, присланнымъ сюда для переговоровъ ханомъ связавъ мнѣ руки воспользоваться разрѣшеніемъ сдѣлать диверсію, можетъ склонить совершенно къ себѣ Миръ-Мустафу-хана, имѣя для устрашенія его много войскъ“ <sup>2)</sup>). Сознавая къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести потеря нами времени, чего собственно и домогались персіане, Котляревскій, 14-го августа, донесъ Ртищеву, что если въ теченіе пяти дней не получить отъ него сообщенія о томъ, какъ поступить съ персидскимъ посланцемъ, то отправить его въ Шушу, а самъ вторгнется за Араксъ.

Ртищевъ самъ видѣлъ серьезность положенія: съ одной стороны, необходимо было разрѣшить чѣмъ нибудь тяжелое состоя-

<sup>1)</sup> Рапортъ отъ 21-го августа 1812 года № 679.

<sup>2)</sup> Рапортъ Ртищеву отъ 14-го августа № 557 и графъ Солмогубъ «Біографія Котляревскаго» стр. 36.

ніе, въ которомъ находился въ Талышахъ отрядъ Веселаго; а съ другой—пылкій Котляревскій могъ дѣйствительно перейти Араксъ, что совершенно не отвѣчало ни настроенію самого главнокомандующаго, ни полученнымъ изъ Петербурга инструкціямъ—воздерживаться отъ наступательныхъ дѣйствій. Къ тому же, Ртищевъ все еще не могъ совершенно отказаться отъ надежды заключить миръ и, желая „оправдать передъ цѣлымъ свѣтомъ“, что со стороны его „были употреблены всѣ способы къ сближенію съ персіанами“<sup>1)</sup>, рѣшилъ ѣхать на личное свиданіе съ Аббасъ-Мирзой, предварительно пославъ ему письмо, въ которомъ требовалъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій въ Талышахъ, угрожая въ противномъ случаѣ отвергнуть перемиріе и дальнѣйшіе переговоры о мирѣ<sup>2)</sup>. Въ отвѣтъ на это, наслѣдникъ персидскаго престола увѣдомилъ Ртищева, что имъ сдѣлано распоряженіе прекратить военныя дѣйствія въ Талышинскомъ ханствѣ и подтверждено ранѣе установленное перемиріе на всѣхъ границахъ съ нами до 10-го сентября.

Основываясь на этомъ, Ртищевъ сообщилъ Котляревскому, что не находитъ уже нужнымъ „давать пособія или дѣлать какую либо диверсію капитану Веселаго“<sup>3)</sup>. Послѣднему же предписывалось „держаться съ флотиліей и отрядомъ въ той самой позиціи, въ которой нынѣ находится, наблюдая всевозможную воинскую осторожность и впредь до особливаго повелѣнія не предпринимать въ силу перемирія ничего наступательнаго противъ персіанъ; но, впрочемъ, если бы персіане сами, по вѣроломству своему, сдѣлали новое покушеніе, то отразить ихъ оружіемъ“. Въ крайности же, въ случаѣ разрыва мирныхъ переговоровъ и усиленія персіанъ въ Талышахъ, капитанъ Веселаго долженъ былъ, „посада весь отрядъ на суда, также забравъ изъ крѣпости артиллерію и взявъ самого Миръ-Мустафу хана талышинскаго съ однимъ его семействомъ и имуществомъ, слѣдовать въ городъ Баку“<sup>4)</sup>.

Устранивъ такимъ образомъ, на сколько то было возможно,

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 825 стр. 672.

<sup>2)</sup> Тамъ же № 816.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Ртищева капитану Веселаго отъ 4-го сентября 1812 г. № 383.

неопредѣленное положеніе, въ которомъ находились наши восначальники въ Талышинскомъ ханствѣ и въ Карабагѣ, Ртищевъ не преминулъ сдѣлать напоминаніе и Узлею относительно участія англійскихъ офицеровъ во враждебныхъ намъ дѣйствіяхъ персидскихъ войскъ. „Донесеніе, полученное мною,—писалъ ему Ртищевъ,—что при нападеніи персидскихъ войскъ на Ленкорань англійскіе офицеры начальствовали регулярною персидскою пѣхотою, также дѣйствовала англійская артиллерія, и что послѣ двукратной неудачной атаки на укрѣпленіе, російскими войсками занимаемое, англійскій маіоръ Арсъ (Гаррисъ) прислалъ къ російскому командиру просить перемирія на 7 дней, приводитъ меня въ такое недоумѣніе, что я нашелся въ необходимости просить покорнѣйше ваше превосходительство почтить меня вашимъ увѣдомленіемъ, не имѣете ли вы какихъ нибудь повелѣній отъ своего двора, по коимъ дружественный союзъ, между Россіей и Англіей заключенный, не долженъ распространяться на дѣла, какія обѣ сіи дружественныя державы имѣютъ съ Персією, и не имѣете ли вы предписаній поддерживать оружіемъ участіе Англій въ пользахъ персидскаго правительства противъ Россіи, дабы я могъ противъ сего взять свои мѣры и донести о томъ его императорскому величеству—моему великому и всемилостивѣйшему государю императору. Если же, какъ я и долженъ думать, содѣйствіе англичанъ персидскимъ войскамъ при нападеніи ихъ на Талыши произошло прежде полученія вами увѣдомленія отъ вашего двора о заключенномъ мирѣ между Россією и Англією, то я почтатя за долгъ препроводить переводъ съ высочайшаго указа, изданнаго во всенародное объявленіе о послѣдовавшемъ мирѣ между Россією и Англією, и буду оставаться въ совершенной увѣренности, что ваше превосходительство впослѣдствіи времени приостановите всѣ таковыя дѣйствія, кои не соотвѣтствовали бы дружественному союзу, возстановленному между двумя высокими державами, и служили бы ко вреду дѣлу Россійской имперіи, тѣмъ болѣе, что даже и самъ наслѣдникъ Персіи Аббасъ-Мирза, по письму моему о несоотвѣтственности съ правилами перемирія дѣйствовать непріятельски противъ владѣнія, покровительствуемаго и защищаемаго Россійскою имперією, приказалъ остановить всѣ военныя дѣй-

ствія на Талыши и съ нарочнымъ чиновникомъ увѣдомилъ меня о семъ письменно“ <sup>1)</sup>).

Но уличительное посланіе это, писанное въ тотъ моментъ, когда пылавшая уже Москва являла собою лучшее доказательство непоколебимой твердости Россіи, не могло разбудить чувства благородства въ торгашеской душѣ англичанъ, и послѣдующія событія дали новыя доказательства несомнѣннаго двуличія этихъ традиционныхъ враговъ Россіи.

21-го августа, Ртищевъ выступилъ изъ Тифлиса въ Карабагъ, на свиданіе съ Аббасъ-Мирзой, во главѣ болѣе чѣмъ 2-хъ тысячнаго отряда. Послѣдній былъ взятъ главнокомандующимъ для того, „чтобы, на случай несогласія въ постановленіи мира, присоединить оный къ отряду ген.-м. Котляревскаго и, при открытіи персіанами военныхъ дѣйствій, противопоставить силу главнымъ непріятельскимъ войскамъ и дѣйствовать къ славѣ оружія его величества“ <sup>2)</sup>).

Присоединивъ къ себѣ по пути отрядъ Котляревскаго, Ртищевъ, 9-го сентября, прибылъ на урочище Каракепекъ—въ 25-ти верстахъ недоходя Аракса. Отсюда къ наслѣднику персидскаго престола былъ отправленъ начальникъ 19-й дивизіи, ген.-м. Ахвердовъ, котораго главнокомандующій пригласилъ съ собою въ походъ, „зная опытность его въ дѣлахъ и тонкое понятіе о свойствахъ персіанъ“ <sup>3)</sup>. Ахвердовъ командировался подъ предлогомъ взаимной вѣжливости за присылку Аббасъ-Мирзой на встрѣчу Ртищева важнаго своего чиновника Неджефъ-Кули-хана. Но главная цѣль его миссіи состояла въ томъ, чтобы договориться о подробностяхъ свиданія нашего главнокомандующаго съ наслѣдникомъ персидскаго престола и настоять, дабы мѣсто для этого свиданія было избрано у самаго Аракса, а не въ 12-ти агаджахъ отъ него, какъ предлагалъ Аббасъ-Мирза<sup>4)</sup>).

Въ письмѣ къ послѣднему Ртищевъ по этому поводу писалъ:

---

<sup>1)</sup> Письмо генерала Ртищева къ англійскому послу Узлею отъ 4-го сентября 1812 года № 379.

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 21-го августа 1812 г. № 54. Въ составъ отряда входили: баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго и двѣ роты 15-го егерскаго полковъ, четыре эскадрона нижегородскихъ драгунъ, 350 линейныхъ казаковъ и 3 орудія.

<sup>3)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 25-го сентября 1812 года № 70.

<sup>4)</sup> Предписаніе генерала Ртищева ген.-м. Ахвердову отъ 9-го сентября 1812 года № 388.

„Долгъ имѣю предварительно сообщить, что сколько бы ни желалъ я избѣжать необходимости обезпокоить васъ выборомъ мѣста свиданія нашего, которое должно быть непременно близъ самаго Аракса, но удалить сію необходимость мнѣ невозможно, потому что ни званіе, высочайше на меня возложенное, ни обязанности главнокомандующаго не позволяютъ мнѣ имѣть мѣсто свиданія въ отдаленности отъ границъ владѣній, начальству моему ввѣренныхъ. Впрочемъ, хотя строгія правила, наблюдаемыя въ подобныхъ случаяхъ всѣми державами, требовали бы, чтобы мѣсто съѣзда нашего было на самой границѣ, не удаляясь отъ оной ни шагу, и чтобъ оное назначено было по взаимному согласію обѣихъ сторонъ, но я, въ доказательство искренняго расположенія моего къ возстановленію мира, не отклонюсь единственно изъ уваженія къ вамъ перейти за Араксъ и имѣть свиданіе съ вашею свѣтлостью въ землѣ, персидскому правительству принадлежащей, но не далѣе одной или много уже двухъ верстъ отъ Аракса. Мѣсто же къ нему способное и для васъ удобное я предоставляю единственному вашему выбору, лишь бы оное было въ разстояніи отъ Аракса, выше мною объясненномъ, и на которое я буду согласенъ, если ваша свѣтлость изволите объ ономъ увѣдомить меня черезъ письмо ваше, долженствующее служить мнѣ въ семъ дѣлѣ настоящимъ актомъ“<sup>1)</sup>.

Встрѣчая повсюду должный почетъ и предупредительность, Ахвердовъ благополучно прибылъ въ лагерь персіанъ и, прежде чѣмъ представиться Аббасъ-Мирзѣ, сдѣлалъ „по обыкновенной вѣжливости“ визитъ каймакаму Мирзѣ Безюрку. Послѣдній, какъ бывший воспитатель Аббасъ-Мирзы, пользовался неограниченнымъ довѣріемъ влстителя Персіи и имѣлъ рѣшительное вліяніе на дѣла ея. Англичане, конечно, не преминули привлечь на свою сторону всесильнаго министра, сдѣлавшагося, такимъ образомъ, душою противной намъ партіи при персидскомъ дворѣ. Мирза Безюркъ потребовалъ отъ Ахвердова, чтобы тотъ, во-первыхъ, вручилъ ему письмо Ртищева къ Аббасъ-Мирзѣ, „для предварительнаго свѣдѣнія о содержаніи его“; во-вторыхъ, чтобы Ахвердовъ прежде представленія наслѣднику престола имѣлъ бы свиданіе съ англійскимъ посломъ,

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 818 стр. 666.

и въ третьихъ, чтобы „въ знакъ почтенія своего къ Аббасъ-Мирзѣ“ явился бы къ нему въ персидскомъ одѣянїи. „Когда же ген.-м. Ахвердовымъ, сообразно съ достоинствомъ имперїи и собственнымъ его званїемъ,—говоритъ Ртищевъ,—было совершенно отказано во всѣхъ сихъ необыкновенныхъ требованїяхъ, то Мирза Безюркъ, понизивъ свой тонъ, объявилъ ему, что одно развѣ усердное расположенїе персидскаго правительства къ миру въ семь случаѣ можетъ склонить наслѣдника Персїи принять его безъ халата, въ противность обыкновенїя, твердо ими сохраняемаго. Однако же, когда должно было ген.-м. Ахвердову представиться Аббасъ-Мирзѣ, который наконецъ согласился принять его безъ всякихъ обрядовъ, установленныхъ персидскою гордостью, то Мирза Безюркъ, какъ видно недовольный симъ, тутъ же приказалъ вслухъ одному изъ своихъ чиновниковъ доложить наслѣднику Персїи, чтобы онъ не сажалъ въ присутствїи своемъ россійскаго чиновника, такъ какъ сей не согласился слѣдовать ихъ обыкновенїямъ и надѣтъ ихъ платье. Не взирая на то, Аббасъ-Мирза принялъ его со всею благосклонностью, свойственною его добронравїю, скромности и видимо-мому во всѣхъ поступкахъ его искреннему расположенїю къ доброму согласїю“ <sup>1)</sup>).

Нѣсколько иначе повѣтствуетъ объ этомъ свиданїи Ахвердова съ Аббасъ-Мирзой очевидецъ и отчасти участникъ описываемыхъ событїй, второй секретарь англїйскаго посольства при тегеранскомъ дворѣ, Джемсъ Морьеръ, оставившїй записки о путешествїяхъ своихъ по Персїи, Арменїи и Малой Азїи. „Такъ какъ генераль Ахвердовъ не былъ знакомъ съ персидскими обычаями,—говоритъ Морьеръ,—то, являясь къ принцу, онъ одѣлся въ полную парадную форму, состоявшую изъ тѣсныхъ брюкъ и большихъ военныхъ сапогъ. Англїйскїй посоль (Узлей) сдѣлалъ ему въ дружеской формѣ намекъ, что персидскїе обычаи требуютъ, дабы при входѣ въ комнату, устланную коврами, на которыхъ хозяева обыкновенно не только сидятъ, но и ѣдятъ, обувь замѣнялась „чакчурами“ или шерстяными чулками. Генераль возразилъ на это, что

---

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. № 825 стр. 673.

онъ можетъ представиться лишь въ той только формѣ, въ которой представляется своему государю. Персіане взглянули на сдѣланное Ахвердовымъ нарушеніе этикета, какъ на кровное оскорбленіе. Принцъ (Аббасъ-Мирза) былъ внѣ себя отъ гнѣва и, по уходѣ генерала, приказалъ наказать палками церемоніймейстера, который былъ избитъ до смерти<sup>1)</sup>.

Прочитавъ доставленное Ахвердовымъ письмо Ртищева, Аббасъ-Мирза объявилъ, что отвѣтъ будетъ данъ черезъ каймакама Мирзу Безюрка. Начались безконечные переговоры, въ заключеніе которыхъ, „послѣ многихъ аллегорическихъ изъясненій“, Ахвердову объявлено было, „что съѣздъ на Араксъ не можетъ быть и что наслѣдникъ Персіи не имѣетъ на сіе позволенія отъ своѣго родителя“<sup>2)</sup> „Относительно назначенія пункта свиданія, согласно прежнему моему извѣщенію,—писалъ Аббасъ-Мирза Ртищеву,—нынѣ же сообщаю вамъ, что хотя первоначально назначено было мѣсто, называемое Султанъ-Гиссаръ, вблизи Аракса, но нынѣ въ угоду вашему высокопревосходительству я перемѣнилъ мѣсто и назначаю болѣе близкій пунктъ къ Араксу, именно Акъ-Тепе, въ двухъ фарсахъ разстоянія отъ этой рѣки, и увѣренъ, что вы болѣе не сочтете удобнымъ съ моимъ саномъ придвинуться къ вамъ ближе“<sup>3)</sup>. вмѣстѣ съ этимъ, Аббасъ-Мирза продолжилъ перемиріе еще на 20 дней.

Ахвердовъ возвратился въ наши предѣлы, въ сопровожденіи Мамедъ-Садыкъ-хана (сына Неджефъ-Кули-хана) и англійскаго капитана Линдсея (Lindsay), „человѣка непомѣрно-высокаго роста и столь же высокомѣрнаго въ своихъ свойствахъ“. Оба они были коман-

---

<sup>1)</sup> «A second journey through Persia, Armenia, and Asia Minor».... by James Morier. London 1818. стр. 241—242.

<sup>2)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 25-го сентября 1812 г. № 70.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 819. Средняя величина фарсаха 6—7 верстъ. Между тѣмъ, Ртищевъ въ своемъ донесеніи Румянцеву опредѣленно говоритъ, что лагерь Аббасъ-Мирзы на ур. Акъ-Тепе находится «разстояніемъ отъ Аракса на 80 верстъ» (Акты кавк. археогр. ком., т. V № 825 стр. 674). Въ такомъ же удаленіи отъ Аракса показано урочище это и лагерь персіанъ на картѣ, приложенной къ запискамъ Морьера. Очевидно, въ переводѣ письма Аббасъ-Мирзы сдѣлана ошибка и вмѣсто 12-ти фарсаховъ написано 2, ибо трудно предположить умышленное искаженіе разстоянія, не составлявшаго къ тому же какой либо тайны. Такимъ образомъ, Аббасъ-Мирза дѣлалъ Ртищеву уступку всего лишь въ нѣсколько верстъ, отдѣлявшихъ Султанъ-Гиссаръ отъ Акъ-Тепе.

дированы къ намъ въ качествѣ аманатовъ на тотъ случай, если бы главнокомандующій измѣнилъ первоначальное свое рѣшеніе и поѣхалъ бы въ Персію на свиданіе съ Аббасъ-Мирзой <sup>1)</sup>).

Но Ртищевъ, „сообразивъ всѣ обстоятельства, обнаруживающія малое чистосердечіе персидскаго правительства во всѣхъ его дѣйствіяхъ при сношеніяхъ о мирѣ“, рѣшительно отказался имѣть свиданіе съ Аббасъ-Мирзой въ какомъ либо другомъ пунктѣ, кромѣ лишь какъ на самомъ берегу Аракса. „И такъ, послѣ прежнихъ двухъ моихъ писемъ къ вашей свѣтлости,—писалъ онъ Аббасъ-Мирзѣ, —въ коихъ я имѣлъ честь сообщить, что ни воля моего величайшаго монарха, ни обязанности главнокомандующаго не позволяютъ мнѣ имѣть другаго мѣста свиданія съ вами, какъ только близъ Аракса, не остается мнѣ ничего болѣе отвѣтствовать вамъ, какъ только изъяснить мое душевное прискорбіе, что искреннѣйшему усердію моему къ восстановленію мира между двумя высокими державами поставляется препона, и что я не могу имѣть особенной для меня чести и удовольствія лично видѣться и трактовать съ вашей свѣтлостью, если вы не изволите согласиться на выборъ мѣста свиданія на границѣ близъ Аракса, какъ сего требуютъ самая справедливость и правила, общія всѣмъ государствамъ, и если благоденствію двухъ народовъ, общаемоу благословеннымъ миромъ, вы предпочтете продолженіе гибельной войны“ <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ, столь опасное для англійской интриги личное свиданіе нашего главнокомандующаго съ наслѣдникомъ Персіи сдѣлалось несбыточнымъ, и вдохновляемая англичанами партія противниковъ мира, съ Мирзою Безюркомъ во главѣ, торжествовала полный успѣхъ. При этомъ, поведеніе самого Узлея, находившагося при Аббасъ-Мирзѣ и имѣвшаго, въ силу данныхъ ему Бабаханомъ полномочій, „важное вліяніе на дѣла мирныхъ переговоровъ“, — было на столько осторожно и ловко, что онъ даже успѣлъ поселить въ Ахвердовѣ своею „непритворною откровенностью и усердіемъ“ глубокую увѣренность „въ истинномъ расположеніи ока-

<sup>1)</sup> Тамъ же и № 844. Капитанъ мадрасской арміи Lindsay былъ инструкторомъ персидской артиллеріи (Морьеръ стр. 212).

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 820.



зывать со стороны своей добрыя намъ услуги и содѣйствовать къ сближенію съ персидскимъ правительствомъ“<sup>1)</sup>).

Трудно было, конечно, ожидать успѣха отъ сношеній, въ которыхъ тонкому лукавству противопоставлялось довѣрчивое добродушіе,—и надежды Ртищева договориться о мирныхъ условіяхъ на личномъ свиданіи съ наслѣдникомъ Персіи рухнули окончательно. Всю вину въ этомъ онъ простодушно сваливалъ на персидскихъ чиновниковъ, которые, по мнѣнію его, „находя личные выгоды въ продолженіи губительной войны, пользуются молодостью Аббасъ-Мирзы, употребляютъ во зло его къ нимъ довѣріе и направляютъ всѣ свои ухищренныя дѣйствія къ тому, чтобы полагать препоны сближенію нашему къ доброму согласію“. Однако, „дабы показать искреннюю готовность свою къ миру“, Ртищевъ предложилъ Аббасъ-Мирзѣ еще послѣднее средство, это—избрать съ обѣихъ сторонъ повѣренныхъ, снабдить ихъ взаимными полномочіями и назначить мѣсто ихъ сѣзда на границѣ, „гдѣ бы они по силѣ полномочій могли начать переговоры и согласиться въ главныхъ основаніяхъ мира“<sup>2)</sup>).

Предложеніе это было принято, и 26 сентября 1812 года уполномоченные обѣихъ державъ сѣхались въ Асландузѣ. Со стороны Россіи были назначены: ген.-м. Ахвердовъ и кол. сов. Могилевскій; со стороны-же Персіи—„безподобный визирь“ Мирза-Абуль-Касимъ (сынъ Мирзы Безюрка) и секретарь англійскаго посольства Морьеръ<sup>3)</sup>. Послѣдній передъ этимъ приѣзжалъ въ лагерь Ртищева для предварительнаго обсуждения подробностей предстоявшей конференціи<sup>4)</sup>).

Добиваясь открытія мирныхъ переговоровъ съ персіанами и будучи одушевленъ искреннимъ желаніемъ прійти, наконецъ, къ возможному соглашенію, Ртищевъ, кромѣ дѣлавшихся нами Персіи уступокъ, выхлопоталъ еще высочайшее соизволеніе на то, что бы въ крайнемъ случаѣ не настаивать даже на признаніи принадлежности намъ Талышинскаго ханства, вопросъ о которомъ, судя по

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же, а также письмо генерала Ртищева къ Аббасъ-Мирзѣ отъ 18 сентября 1812 г. № 61 и предписаніе генерала Ртищева ген.-м. Ахвердову отъ 25 сентября 1812 года № 66. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 820 и 824.

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 281 и 822

<sup>4)</sup> Морьеръ стр. 242 и далѣе глава XVI.

прежнимъ опытамъ, являлся главнымъ пунктомъ персидской неговорчивости <sup>1)</sup>).

Однако, тегеранскіе дипломаты были вообще далеки отъ какой либо уступчивости. Напрасно, напрімѣръ, убѣждали Мирзу Безюрка въ безцѣльности добиваться возвращенія Грузіи, которая при тогдашнемъ своемъ состояніи была бы совершенно бесполезна для персидскаго правительства. „Видишь это,—возразилъ Мирза Безюркъ, указывая на свою бороду,—бесполезно, а украшаетъ“ <sup>2)</sup>). Увѣренность персичъ въ благопріятномъ моментѣ для полного возвращенія себѣ всѣхъ утерянныхъ ранѣ провинцій Закавказья никогда не была такъ сильна, какъ въ это время. Къ подстрекательству англичанъ присоединились интриги прибывшаго осенью 1812 года въ Тегеранъ французскаго агента. Хотя послѣдній и домогался разрыва Персіи съ Англіей и заключенія союза съ Франціей, но вознагражденіемъ за это обѣщалось все тоже возвращеніе отнятыхъ нами областей Закавказья, до Грузіи включительно. Такимъ образомъ, и кровный врагъ нашъ, и тѣсный союзникъ—одинаково помогали въ Персіи своихъ выгодъ, цѣною нашею униженія. Къ этому надо добавить, что и самый ходъ борьбы съ Наполеономъ, завладѣвшимъ къ этому времени Москвою, давалъ поводъ персидскому правительству предполагать, что мы совершенно бессильны отстоять свое положеніе въ Закавказьѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, повело къ тому, что на асландузской конференціи уполномоченные персидскаго правительства на наши логичныя условія отвѣчали несообразнымъ требованіемъ возвратить Персіи всѣ занятыя уже нами области: Елизаветпольскую, Шурагельскую, Бакинскую, Кубинскую, Дербентскую и ханства: Карабагское, Ширванское и Шекинское <sup>3)</sup>). Понятно, что наши уполномоченные не сочли возможнымъ даже входить въ обсужденіе этихъ требованій, несообразныхъ съ достоинствомъ Россіи, и на второмъ-же засѣданіи переговоры были окончательно прерваны, какъ ничего не обѣщавшіе, кромѣ „ложныхъ, коварныхъ и изворотливыхъ аллегорическихъ объяс-

<sup>1)</sup> Донесеніе генерала Ртищева графу Румянцеву отъ 31 октября 1812 года № 79.

<sup>2)</sup> «This is of no use, but it is an ornament» (Mörler стр 217).

<sup>3)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 709 и 710.

неній персидскаго министра противу доброжелательныхъ, краткихъ и ясно изображающихъ пользу Персіи предложеній ген.-м. Ахвердова“.

Такъ кончились стремленія наши обезпечить хотя бы временно спокойствіе на внѣшнихъ границахъ Закавказья, и „персидское правительство, упоенное гордостью и кичась заведенными имъ регулярными войсками и иностранною артиллерією, отвергнувъ самыя снисходительныя и полезныя для Персіи предложенія со стороны Россійской имперіи къ возстановленію мира и дружбы, положило въ умѣ своемъ всѣми силами возстать на раззореніе и погибель здѣшняго края“ 2).

---

1) Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 841.



# ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ АСЛАНДУЗЪ 19<sup>го</sup> и 20<sup>го</sup> октября 1812 г.



Масштабъ 1 верста въ дюймѣ.  
2 вер.



## Глава XXIII.

Уходъ Ртищева изъ Карабага обратно въ Грузію. Инструкція, данная имъ Котляревскому. Положеніе послѣдняго въ Карабагѣ. Приближеніе Аббасъ-Мирзы къ Араксу. Вторженіе персіанъ въ Памбакъ, Шурагель и Шеку. Планы Аббасъ-Мирзы. Рѣшеніе Котляревскаго перейти Араксъ для атаки лагеря персіанъ у асландузскаго брода. Подготовка этого предирія. Движеніе къ Асландузу. Сраженіе 19-го и 20-го октября 1812 года—разгромъ арміи Аббасъ-Мирзы.

На урочищѣ Каракепекъ, подъ начальствомъ самого Ртищева, сосредоточень былъ отрядъ, силою около 5 тысячъ человекъ. Кажалось-бы, что единственнымъ отвѣтомъ на вызывающе-дерзкія требованія, предъявленныя намъ персидскими уполномоченными въ Асландузѣ,—было-бы немедленно перейти Араксъ, разгромить полчища Аббасъ-Мирзы и силою добиться большей сговорчивости персіанъ. Но Ртищевъ былъ далекъ отъ такой рѣшимости. Превеличенное представленіе о силахъ персіанъ, чрезмѣрныя опасенія послѣдствій неудачи, наконецъ, тревожныя свѣдѣнія, полученныя изъ Кахетіи, взволнованной царевичемъ Александромъ,—все это побуждало его отказаться отъ наступательныхъ предпріятій за Араксъ и обратить приведенныя въ Карабагъ войска на подавленіе волненій въ Грузіи.

Напрасно Котляревскій напрягалъ усилія къ тому, чтобы уговорить Ртищева воспользоваться сосредоточенностью нашихъ войскъ и атаковать Аббасъ-Мирзу въ его лагерѣ, находившемся всего въ 30-ти верстахъ отъ Аракса <sup>1)</sup>). Ртищевъ оставался глухъ ко всѣмъ доводамъ и однажды, въ пылу спора, даже замѣтилъ иронически, что трудно вообще быть генераломъ въ 30 лѣтъ. Задѣтый Котляревскій помянулъ объ отставкѣ. Ртищевъ сухо отвѣтилъ, что это—право каждого дворянина. Вызовъ былъ брошенъ далеко не двусмыслен-

<sup>1)</sup> Письмо Котляревскаго редактору «Русскаго Инвалида»; газета за 1835 г. №№ 25 и 26.

но, и пылкій герой Ахалкалакъ тотчасъ же уѣхалъ въ лагерь сдать команду надъ своимъ отрядомъ. Къ счастью, Ртищевъ скоро созналъ кого онъ теряетъ въ Котляревскомъ и первый пошелъ на примиреніе. Но это все-таки не измѣнило принятаго имъ рѣшенія—идти со своими войсками обратно въ Тифлисъ, „для принятія надлежащихъ мѣръ къ спокойствію Грузіи“ <sup>1)</sup>.

1-го октября главнокомандующій выступилъ изъ Каракепека, предписавъ остававшемуся противъ персіанъ Котляревскому „быть во всякое время готовымъ къ отраженію и разбитію непріятеля“ <sup>2)</sup>. „Вы лучше меня знаете мѣстныя обстоятельства и страну,—говорилъ онъ, разставаясь, Котляревскому;—дѣлайте все, что благоразуміе ваше велитъ вамъ. Одного прошу не дѣлать и запрещаю, зная вашу отвагу и примѣрное мужество: вы, можетъ быть, не потерпите, смотря на персіанъ, собирающихся у Аракса, и вздумаете переправиться въ виду цѣлой ихъ арміи, а черезъ неудачу, отъ чего Боже сохрани, и край погибнетъ“ <sup>3)</sup>.

Однако, Ртищевъ мало зналъ Котляревскаго, полагая, что послѣдній можетъ броситься на рискованное предпріятіе изъ-за одного только „нетерпѣнія“ или безразсудной отваги. Молодой генераль, наоборотъ, былъ человѣкомъ строгаго расчета. Зорко слѣдя за своими противниками, будучи всегда точно ориентированъ въ окружавшей обстановкѣ, ясно понимая общее положеніе дѣлъ,—Котляревскій, чуждый робкой осторожности или легкомысленной отважности, хладнокровно выбиралъ должное рѣшеніе и уже въ исполненіе тщательно обдуманнаго плана вкладывалъ всю силу и твердость своей пылкой души. При такихъ условіяхъ, предпріятія его, въ которыхъ точный расчетъ замысла всегда сочетался съ всеокрушающей энергіей исполненія, не могли быть неуспѣшны, и весьма возможно, что край дѣйствительно „погибъ-бы“, если бы геній Котляревскаго безпрекословно подчинился требованіямъ Ртищева, осторожность котораго основывалась болѣе на предвзятой идеѣ, нежели на всестороннемъ, спокойномъ обсужденіи нашего положенія.

---

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 31-го октября 1812 года № 78.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 826.

<sup>3)</sup> Графъ Соллогубъ, «Біографія Котляревскаго» С.-Петербург. 1856 года стр. 103.

Послѣднее между тѣмъ было до крайности затруднительно. Большая часть нашихъ силъ отвлекалась волненіями въ Грузіи. Изъ Кубы, Шурагели, Имеретіи нельзя было взять ни единого баталіона. Съ уходомъ Ртищева изъ Карабага, противъ 30-ти тысячной арміи Аббасъ-Мирзы остался, по старому, малочисленный отрядъ Котляревскаго, на который, какъ сказано выше, возложено было главнокомандующимъ охраненіе громаднаго протяженія нашей границы съ Персіей<sup>1)</sup>. Задача эта, непосильно тяжелая сама по себѣ, затруднялась еще полной неблагонадежностью мусульманской части населенія Карабага. Чрезмѣрная мягкость обращеній главнокомандующаго съ азіатскими ханами, нерѣшительность характера его и неумѣніе внѣшнимъ представительствомъ импонировать впечатлительнымъ умамъ востока—приводило къ тому, что, напримѣръ, Мехти-Кулиханъ карабагскій не счелъ даже нужнымъ проводить Ртищева, когда послѣдній выѣзжалъ изъ Шуши. Взбѣшенный такимъ дерзкимъ пренебреженіемъ къ высокому званію нашего главнокомандующаго, Котляревскій, въ сопровожденіи лишь одного казака, помчался черезъ весь городъ къ ханскому дворцу, круто осадилъ коня передъ сидѣвшимъ съ восточной важностью, среди многочисленной вооруженной челяди, Мехти-Кулиханомъ и, замахнувшись на него нагайкой, закричалъ по татарски: „Я тебя повѣшу“! Увѣренная смѣлость производитъ всегда тѣмъ большее впечатлѣніе, чѣмъ энергичнѣе она выражается. Смущенный ханъ, вмѣсто протеста противъ столь неучтиваго съ нимъ обхожденія, началъ униженно извиняться, спѣшно снарядилъ караванъ и, догнавъ Ртищева на р. Тертеръ, почтительно простился съ нимъ<sup>2)</sup>.

Только подобными средствами удавалось Котляревскому сдерживать ненадежную часть населенія Карабага. Но успѣвать въ этомъ можно было, конечно, лишь до первыхъ успѣховъ персіанъ. Между тѣмъ, послѣдніе, прервавъ переговоры съ нами,

---

<sup>1)</sup> У Котляревскаго было: два баталіона Грузинскаго гренадерскаго, одинъ баталіонъ Севастопольскаго мушкетерскаго и одинъ баталіонъ 17-го егерскаго полковъ; 6 сотенъ казаковъ и 6 орудій.

<sup>2)</sup> У Аббасъ-Мирзы было около 30-ти тысячъ, въ числѣ коихъ 8 тысячъ регулярной пѣхоты (сарбазовъ) съ 12 англійскими орудіями и многими фальконетами.

<sup>3)</sup> Графъ Соллогубъ.

начали приближаться къ Араксу, и 8-го октября почти всѣ силы Аббасъ-Мирзы сосредоточились къ Асландузу. Первоначальный планъ наслѣдника персидскаго престола состоялъ въ томъ, что бы, развлекая наши войска на всемъ протяженіи границы, съ главными силами обрушиться на малочисленный отрядъ Котляревскаго и, раздавивъ его, пройти черезъ Карабагъ и Елизаветполь на соединеніе съ грузинскими мятежниками. Въ этихъ намѣреніяхъ, Аббасъ-Мирза притянулъ къ себѣ войска, находившіяся въ Талышинскомъ ханствѣ, оставивъ въ видѣ заслона противъ капитана Веселаго тысячу пѣхоты и двѣ тысячи конницы; хану эриванскому приказано было произвести нападеніе на наши памбакскіе и шурательскіе посты, а 4-хъ тысячный отрядъ, подъ начальствомъ Пиръ-Кули-хана, посланъ былъ, въ обходъ Карабага, въ Шекинское ханство поднять противъ насъ населеніе послѣдняго, возстановить въ ханскомъ достоинствѣ измѣнившаго намъ и скрывавшагося у персіанъ Селимъ-хана и затѣмъ идти въ Кахетію на соединеніе съ царевичемъ Александромъ. Для обезпеченія сальянской переправы посланы были два баталіона сарбазовъ.

Зорко слѣдзя за каждымъ движеніемъ персіанъ, Котляревскій немедленно далъ знать о намѣреніяхъ ихъ главнокомандующему и съ своей стороны просилъ стоявшаго на р. Тертерѣ ген.-м. Клодтъ-фонъ-Юргенсбурга перейти къ дер. Пиразы, у впаденія Тертера въ Куру, для прикрытія находившихся тамъ кочевниковъ и „дабы удобнѣе наблюдать за движеніемъ непріятели въ шекинскомъ владѣніи“ <sup>1)</sup>. Самъ Котляревскій стоялъ съ своимъ отрядомъ въ Ахъ-Огланѣ, ожидая перехода персіанъ черезъ Араксъ. 11-го октября, одна изъ непріятельскихъ партій, переправившись на нашу сторону, пыталась отогнать табунъ казачьихъ лошадей, но была прогнана. Узнавъ объ этомъ, Котляревскій написалъ Аббасъ-Мирзѣ письмо слѣдующаго содержанія: „Вы происходите отъ знаменитой фамиліи персидскихъ шаховъ, имѣете между родными столькихъ царей и даже считаете себя изъ родни небеснымъ духамъ; возможно ли, что при такой знаменитости происхожденія, зная всю малочисленность рус-

---

<sup>1)</sup> Репорты ген.-м. Котляревскаго ген. Ртищеву отъ 9-го и 10-го октября 1812 года №№ 710 и 717.



скаго отряда, вы рѣшаетесь тайно воровать у него лошадей? Послѣ этого вамъ неприлично называться потомкомъ знаменитаго рода“ <sup>1)</sup>).

Почти одновременно съ этимъ, персіане получили чувствительный отпоръ въ Памбакахъ и Шурагели, гдѣ были въ трехъ мѣстахъ: у Бекантъ, Амамловъ и въ Делижанскомъ ущельѣ, „побиты и съ большимъ урономъ прогнаны“ <sup>2)</sup>). Одинъ только Пиръ-Кули-ханъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ: опередивъ на переправѣ черезъ Куру Клодта-фонъ-Юргенсбурга, онъ ворвался въ Шекинское ханство и производилъ „въ ономъ страшныя грабежи и раззорѣнія“ <sup>3)</sup>). Это обстоятельство сильно озабочивало Ртищева, который опасался, что успѣхи Пиръ-Кули-хана въ Шекѣ, помимо политическаго ихъ значенія, пресѣкутъ еще возможность доставлять провіантъ изъ Баку въ Карабагъ для довольствія отряда Котляревскаго. Послѣднему по этому предписывалось „употребить всю возможность“ къ тому, чтобы частью своего отряда сдѣлать „диверсію“ къ сторонѣ Пиръ-Кули-хана и постараться перехватить его на обратнѣй переправѣ черезъ Куру <sup>4)</sup>). Но въ то время, когда еще только писалось это распоряженіе главнокомандующаго, Котляревскій по собственной инициативѣ уже сдѣлалъ „диверсію“ въ сторону, которой никто и никакъ ожидать не могъ.

Не предвидя большой удачи отъ вторженія въ Карабагъ, особенно послѣ того, какъ войска эриванскаго хана были отброшены отъ границъ Памбака и Шурагели, Аббасъ-Мирза измѣнилъ первоначальный свой планъ и рѣшилъ развить успѣхи Пиръ-Кули-хана въ Шекинскомъ ханствѣ. Съ этой цѣлью, онъ остановилъ начатія уже было приготовленія къ переправѣ черезъ Араксъ и приступилъ къ постройкѣ у асландузскаго брода сильнаго укрѣпленія, имѣя ввиду оставить въ немъ противъ Котляревскаго заслонъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, а съ остальными силами идти по слѣдамъ Пиръ-Кули-хана въ Шеку и далѣе въ Грузію. Планъ этотъ, при удачѣ, могъ имѣть для насъ самыя бѣдственныя послѣдствія. И Котляревскій

---

<sup>1)</sup> Графъ Соллогубъ стр. 114.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 827, 831 и 832.

<sup>3)</sup> Тамъ же № 834.

<sup>4)</sup> Секретное предписаніе генерала Ртищева ген. м. Котляревскому отъ 21-го октября 1812 года № 469.

ясно сознавалъ это. Почти четверть вѣка спустя, вынужденный защищаться отъ нападокъ кабинетныхъ критиковъ, Котляревскій, не смотря на то, что могъ бы отвѣчать имъ двумя словами безсмертнаго Суворова: „побѣдителя не судятъ“, все-таки „взялся за перо въ защиту шпагъ и штыковъ“ и по поводу второго плана персидскаго главнокомандующаго писалъ: „онъ (Аббасъ-Мирза) могъ, оставя противу меня 4 или 5 тысячъ, съ прочими войсками идти вслѣдъ за посланнымъ отрядомъ (Пиръ-Кули-хана), въ чемъ воспрепятствовать ему было нельзя; пройти черезъ Шекинское владѣніе, соединиться съ царевичемъ Александромъ и лезгинами и вступить въ Грузію со стороны Кахетіи, а, присоединивъ къ себѣ кахетинцевъ и грузинскихъ татаръ, слѣдовать къ Тифлису, гдѣ генераль Ртищевъ не имѣлъ столько войскъ, чтобы противостать сильной громадѣ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и удержать за собой большой и не укрѣпленный городъ. Вредныя слѣдствія сего были бы неисчислимы“<sup>1)</sup>.

Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Котляревскій, въ роли простаго начальника одного изъ пограничныхъ нашихъ отрядовъ, былъ, конечно, мало отвѣтственъ за участь общаго положенія нашего въ Закавказьѣ. Имѣя категорическое приказаніе главнокомандующаго ни въ какомъ случаѣ не переходить Аракса, онъ могъ свободно оставаться въ Карабагъ въ строго оборонительномъ положеніи, или-же, вмѣстѣ съ донесеніемъ о предполагаемыхъ намѣреніяхъ персіанъ, подобно капитану Веселаго, запросить главнокомандующаго: „что прикажете дѣлать?“.

Но не таковъ былъ Котляревскій. Честный гражданинъ и доблестный воинъ, онъ на первый планъ ставилъ ясно понимаемые имъ интересы отечества и для спасенія ихъ въ критическія минуты дѣйствовалъ самостоятельно на свой собственный страхъ, не стѣсняясь ни подчиненностью, ни рискомъ отвѣтственности. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Видя грозившую намъ опасность и не имѣя никакой надежды убѣдить главнокомандующаго въ необходимости перейти къ рѣшительному активному образу дѣйствій,

<sup>1)</sup> Выдержка изъ письма Котляревскаго редактору «Русскаго Инвалида». №№ 25 и 26 за 1835 годъ.

Котляревскій, по его собственному выраженію, „управляемый любовью къ отечеству, а не тѣмъ, чтобы быть только правымъ по кабинетнымъ и книжнымъ расчетамъ, и увѣренный въ храбрости отряда, рѣшился на необычайное предпріятіе“ <sup>1)</sup>). Вопреки категорическому запрещенію Ртищева, онъ рѣшилъ перейти съ незначительнымъ своимъ отрядомъ Араксъ, разгромить полчища Аббасъ-Мирзы и однимъ ударомъ разрубить узель, затянувшій насъ въ Закавказьѣ. Предпріятіе—на первый взглядъ безразсудно отважное. Но оно было плодомъ яснаго пониманія обстановки, хладнокровной оцѣнки шансовъ, тонкаго знанія противника и глубокой вѣры въ себя и въ своихъ подчиненныхъ. „Что я зналъ всю важность предпріемлемаго мною,—писалъ впослѣдствіи Котляревскій,—и рѣшился на то не по слѣпой дерзости, въ томъ можетъ свидѣтельствовать послѣднее письмо къ генералу Ртищеву, писанное предъ выступленіемъ и заключавшееся сими словами: „Сколь ни отважнымъ кажется предпріятіе мое, но польза, честь и слава отечества того требуютъ, и я надѣюсь на помощь Бога, всегда поборающаго русскому оружію, и на храбрость вѣреннаго мнѣ отряда, что если останусь живъ, непріятель будетъ разбитъ, если-же меня убьютъ, ваше превосходительство найдете распоряженія мои такими, по коимъ и послѣ смерти обвинить меня не можете“. Послѣ сего, надѣюсь,—заключаетъ Котляревскій свое возраженіе,—что и самыя строгіе взыскатели, преподающіе правила войны въ кабинетахъ своихъ и забывающіе о главномъ правилѣ великаго учителя побѣждать, никѣмъ непобѣдимаго Суворова, что *военной науцѣ должно учиться на войнѣ*, стануть смотрѣть на рѣшимость мою съ настоящей точки зрѣнія, а не косвенно“ <sup>2)</sup>).

На разсвѣтъ 18-го октября 1812 года барабанный бой поднялъ ахъ-огланскій лагерь: били легкій походъ, что означало спѣшное выступленіе безъ шинелей, съ 4-хъ дневнымъ запасомъ сухарей и 40-ка патронами. Быстро собрались двѣ тысячи испытанныхъ бойцовъ, привыкшихъ со своимъ отважнымъ вождемъ ломать внезап-

---

<sup>1)</sup> Выдержка изъ письма Котляревскаго редактору «Русскаго Инвалида» №№ 25 и 26 за 1835 годъ.

<sup>2)</sup> Тамъ же и графъ Соллогубъ, стр. 167—170.

ные, далекіе походы<sup>1)</sup>). „Братцы, — обратился къ нимъ Котляревскій, — намъ должно идти за Араксъ и разбить персіанъ. Ихъ на одного десять, но каждый изъ васъ стоитъ десяти, а чѣмъ болѣе враговъ, тѣмъ славноѣ побѣда. Идемъ, братцы, и разобьемъ!“<sup>2)</sup>). Эти немногія, но выразительныя слова любимаго начальника, непоколебимая вѣра въ котораго составляла какъ бы культъ каждаго изъ его подчиненныхъ, воодушевила солдатъ, и они беззавѣтно, увѣренно, весело пошли за нимъ на баснословный подвигъ, долженствовавшій завершиться: или побѣдой, или поголовной смертью. Отступленіе категорически воспрещалось....

Передъ походомъ, Котляревскій отдалъ по отряду диспозицію для предстоявшей атаки непріятельскаго лагеря и особый приказъ старшему по себѣ штабъ-офицеру. „Предпринявъ атаковать персіанъ за Араксомъ, — говорилось въ этомъ приказѣ, — я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ моей смерти, вы должны принять команду и исполнять по онымъ. Если бы случилось, что первая атака была бы неудачна, то вы непременно должны атаковать другой разъ и разбить, а безъ того не возвращаться и отнюдь не отступать. Когда непріятель будетъ разбитъ, то стараться перевести на сію сторону кочующіе близъ Аракса народы, потомъ возвратиться; по исполненіи сей экспедиціи, вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ, отданный по отряду“<sup>3)</sup>).

Диспозиція точно опредѣляла какъ порядокъ походнаго дви-

<sup>1)</sup> Въ отрядѣ, съ которымъ Котляревскій выступилъ за Араксъ, было всего 2221 человекъ пѣхоты и казаковъ, при 6-ти орудіяхъ. Именно:

|                                    |            |             |              |          |                |
|------------------------------------|------------|-------------|--------------|----------|----------------|
| Грузинскаго гренадерскаго полка:   | 3 шт.-оф., | 30 об.-оф., | 71 унт.-оф., | 924 ряд. | и 30 музыкант. |
| Севастопольскаго мушкетерскаго:    | 1          | » 5         | » 10         | » 192    | » 7            |
| 17-го егерскаго полка:             | 2          | » 11        | » 24         | » 306    | » 9            |
| 20-й артиллерійской бригады:       | » 2        | » 2         | » 6 фейерв.  | 76       | » 1            |
| Донск. казач. Краснова 3-го полка: | 1          | » 7         | » 7 урядшк.  | 268      | » »            |
| » » Попова 16-го                   | » 1        | » 7         | » 3          | » 217    | » »            |
| Итого . . .                        | 8          | » 62        | » 121        | » 1983   | » 47           |
| Въ томъ числѣ: пѣхоты . . .        | 6          | » 46        | » 105        | » 1422   | » 46           |
| казаковъ . . .                     | 2          | » 14        | » 10         | » 485    | » »            |
| артиллеріи . . .                   | »          | » 2         | » 6          | » 76     | » 1            |

(Вѣдомость приложена къ донесенію Ртищева кн. Горчакову отъ 22-го ноября 1812 года № 89. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 847, стр. 695).

<sup>2)</sup> Графъ Соллогубъ, стр. 113—115.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

женія, такъ и построеніе всего отряда, по переходѣ черезъ Араксъ, въ три каре, передніе фасы которыхъ составлялись особымъ образомъ „для лучшаго напора въ штыки“. Въ переднихъ же фасахъ размѣщались и орудія. Казачьи полки шли походомъ въ авангардѣ, а въ боевомъ порядкѣ размѣщались ближе къ правому флангу: одинъ полкъ правѣе перваго каре, а другой—между первымъ и вторымъ каре. Предполагая, что персіане будутъ застигнуты стоящими фронтомъ къ Араксу, Котляревскій имѣлъ ввиду атаковать ихъ одновременно съ лѣваго фланга и тыла. „По приближеніи къ непріятельскому лагерю,—говорилось въ диспозиціи,—третье каре и рота егерей атакуютъ лѣвый флангъ непріятеля, а первое и второе каре стараются наипоспѣшнѣйше пробѣжать въ тылу лагеря непріятеля и атаковать середину, гдѣ расположена ихъ пѣхота и артиллерія; двѣ роты егерей съ маіоромъ Дьячковымъ должны пробѣжать и мгновенно атаковать палатку шахъ-заде (Аббасъ-Мирзы) для чего дается проводникъ. Казачьи полки оба выстраиваются въ тылу непріятеля, тамъ, гдѣ ударить первое каре, колютъ и рубятъ всѣхъ бѣгущихъ. Атаковать въ штыки, какъ можно быстрѣе. Всѣмъ приказывается стрѣлять какъ можно меньше, чтобы никто не стрѣлялъ вверхъ и сзади, а когда пойдутъ въ штыки, тогда совсѣмъ не стрѣлять, кромѣ орудій, и то развѣ откроются имъ толпы непріятелей“<sup>1)</sup>).

Такъ тщательно и, на сколько то было возможно, подробно подготавливалъ Котляревскій свое смѣлое предпріятіе. Необходимо было еще устранить возможность вмѣшательства Ртищева, который, по свойственной ему осторожности, могъ бы прервать въ самомъ началѣ отважные замыслы своего преслушнаго подчиненнаго. Во избѣжаніе этого, Котляревскій отправилъ донесеніе главнокомандующему о своемъ выступленіи за Араксъ съ каптенармусомъ, приказавъ ему не особенно торопиться въ дорогѣ. Мѣра эта была дѣйствительно необходима, ибо Ртищевъ, получивъ донесеніе Котляревскаго, пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе, но тутъ же приискалъ курьеръ съ извѣстіемъ о „небывалой въ семь краю“ побѣдѣ, и, вмѣсто грозныхъ предписаній на Араксъ и жалобъ въ Пе-

<sup>1)</sup> Графъ Соллогубъ, стр. 116—117.

тербургъ, изъ дома главнокомандующаго полетѣли во всѣ церкви Тифлиса приказанія служить благодарственный Господу Богу молебень....

Основывая успѣхъ своего предпріятія, главнымъ образомъ, на скрытномъ приближеніи къ лагерю противника, Котляревскій долженъ былъ сдѣлать большой обходъ, съ тѣмъ, чтобы, пройдя въ одни сутки 70 верстъ, переправиться черезъ Араксъ въ 15-ти верстахъ выше асландузскаго брода и, обойдя, такимъ образомъ, неприятельскіе караулы, на разсвѣтѣ 19-го октября совершенно неожиданно атаковать персіанъ. Пользуясь услугами проводника, карабагскаго жителя Мурадъ-хана, хорошо знавшаго всѣ дороги, отрядъ благополучно, въ строжайшей тишинѣ, подошелъ, ночью съ 18-го на 19-е октября, къ Араксу и началъ переправляться, при чемъ пѣхоту перевозили черезъ рѣку на казачьихъ лошадяхъ. Все шло пока совершенно благополучно и по зананѣ составленному разсчету. Но вотъ, при переправѣ артиллеріи, одно изъ орудій случайно свалилось со всей запряжкой съ крутаго берега въ яму. Всѣ усилія вытащить его не приводили ни къ чему, а между тѣмъ время уходило и приближался разсвѣтъ. „Эхъ братцы,—замѣтилъ Котляревскій,—если будемъ драться хорошо, то и съ пятью орудіями побьемъ персіанъ и тогда, вернувшись, вытащимъ это, а если не вернемся, то оно намъ и совсѣмъ не нужно“ <sup>1)</sup>. Однако, переправа черезъ рѣку и построеніе на правомъ берегу ея боевого порядка заняли такъ много времени, что было уже около 8-ми часовъ утра, когда отрядъ Котляревскаго показался ввиду персидскаго лагеря, стоявшаго у Асландуза, на берегу рѣки Дараутъ-чай.

Трудно, конечно, повѣрить небрежности, съ какой выполнялась у персіанъ сторожевая служба, но фактъ этотъ подтверждается самимъ персидскимъ историкомъ, который говоритъ, что „въ ночь, предшествовавшую нападенію русскихъ, часовые лагеря до такой степени были охвачены рукою сѣти безопасности, что ни одинъ изъ нихъ не далъ во время знать объ угрожающей опасности“ <sup>2)</sup>. Благодаря этому, появленіе нашего отряда было столь неожиданно, что его сначала приняли за возвращавшіяся обратно въ лагерь ре-

<sup>1)</sup> Изъ разсказовъ Э. В. Бримера. Бобровскій ч. 3-я стр. 297. Дубровинъ т. VI стр. 82.

<sup>2)</sup> «Ровзетъ-уль-Сафа» («Очаровательный садъ») «Кавказъ» 1866 г. № 21.

когносцировочныя партіи Джафаръ-Кули-хана или Садыкъ-хана, пославшіяся наканунѣ къ карабагской границѣ. „Вотъ и ханъ какой-то идетъ ко мнѣ“,—сказалъ Аббасъ-Мирза англійскому офицеру, въ сопровожденіи котораго смотрѣлъ съ холма ученіе своихъ сарбазовъ. Британецъ посмотрѣлъ въ зрительную трубу и, хладнокровно передавая затѣмъ ее наслѣднику персидскаго престола, возразилъ: „это не ханъ,—а Котляревскій“. Аббасъ-Мирза смутился; но, желая скрыть охватившее его волненіе, спокойно замѣтилъ: „поросята сами лѣзутъ на ножъ“,—и, приказавъ фальконетной артиллеріи открыть огонь по приближавшимся русскимъ войкамъ, самъ поспѣшилъ въ пѣхотный лагерь стронуть боевой порядокъ <sup>1)</sup>).

Положеніе Котляревскаго, однако, становилось критическимъ. Разсчетъ, на которомъ онъ строилъ, главнымъ образомъ, успѣхъ своего отважнаго предпріятія, это—незамѣтно, подъ покровомъ ночи, приблизиться къ лагерю персіанъ и неожиданно напасть на нихъ врасплохъ,—не осуществился, по причинѣ задержки на переправѣ. Послѣ 70-ти верстнаго перехода, онъ, съ двумя тысячами человекъ, среди бѣлаго дня, вдругъ, очутился лицомъ къ лицу болѣе чѣмъ съ 30 тысячной арміей Аббасъ-Мирзы, въ числѣ которой было 8 тысячъ регулярной пѣхоты, множество фальконетовъ и 12 новѣйшихъ орудій, руководимыхъ англійскими офицерами. Но тутъ то и сказалась титаническая мощь духа гениальнаго вождя и глубокая взаимная вѣра, спаивавшая его со своими подчиненными въ одно несокрушимое цѣлое, „Въ сихъ обстоятельствахъ,—какъ доносилъ Ртищевъ,—не имѣя времени принимать другихъ мѣръ противъ многочисленнаго непріятели, кромѣ послѣдней рѣшительности, храбрый ген.-м. Котляревскій пошелъ тотчасъ атаковать персидскій лагерь, съ мужествомъ въ сердцѣ и съ надѣяніемъ на неодолимую храбрость войскъ, бывшихъ подъ его командою“ <sup>2)</sup>).

Не смотря на присутствіе въ персидскомъ лагерѣ большого числа англійскихъ офицеровъ, въ роли совѣтниковъ Аббасъ-Мирзы, послѣдній занималъ весьма невыгодное расположеніе: на возвышенности, командовавшей всѣмъ лагеремъ, стояла одна толь-

<sup>1)</sup> Дубровинъ т. VI, стр. 83. Бобровскій ч. III стр. 297.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 21-го ноября 1812 года № 88.

ко конница; пѣхота же размѣщалась внизу, въ долинѣ лѣваго берега Дараутъ-чая. Котляревскій, сразу оцѣнивъ слабую сторону расположенія противника, соотвѣтственно направилъ и первый свой ударъ. Стремительной атакой въ штыки персидская конница была сразу сбита съ возвышенности, и пять нашихъ орудій начали отсюда громить строившуюся внизу непріятельскую пѣхоту. Напрасно Аббасъ-Мирза воодушевлялъ многочисленную свою артиллерію, чтобы подавить губительный огонь нашихъ пушекъ. „Подобравъ полы своего халата, онъ, — по словамъ персидскаго историка, — собственноручно сдѣлалъ изъ пушки нѣсколько выстрѣловъ и силою ихъ губительнаго дѣйствія помрачилъ весь свѣтъ“ <sup>1)</sup>). Но и это не помогло. Русскіе снаряды одинъ за другимъ ложились въ самую гущу персидскихъ колоннъ. Видя невыгоды своего положенія и въ то же время не рискуя атаковать съ фронта занятую Котляревскимъ возвышенность, Аббасъ-Мирза повелъ свои баталіоны сарбазовъ въ обходъ ея, чтобы отрѣзать нашъ отрядъ отъ Аракса. Маневръ этотъ могъ бы имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія. Но не таковъ былъ противникъ персидскаго главнокомандующаго. Оставя на горѣ по одному фасу отъ каждаго кара и артиллерію, Котляревскій, „призвавъ Бога въ помощь и оградясь мужествомъ, свойственнымъ російскимъ войскамъ“, самъ перешелъ въ наступленіе и стремительно ударилъ въ штыки прямо во флангъ обходившихъ его персіанъ. Послѣдніе, „твердо полагаясь на несоразмѣрное превосходство своихъ силъ, на регулярную пѣхоту свою и на англійскую артиллерію, никакъ не ожидали на себя столь смѣлаго удара и въ остолбенѣніи своемъ были тотчасъ смѣшаны, опрокинуты и прогнаны за рѣчку Даравюрдъ (Дараутъ-чай)“ <sup>2)</sup>). Неотразимая сила этого удара была настолько велика, что, даже по словамъ персидскаго историка, „войны ислама, послѣ трехчасовой кровавой схватки, почли за лучшее отступить, для отдохновенія, на другую позицію“ <sup>3)</sup>). Весь лагерь „со всею персидскою пышностью“, 35 фальконетовъ и множество артиллерійскихъ снарядовъ достались въ руки побѣдителей.

<sup>1)</sup> «Равзетъ-уль-Сафа».

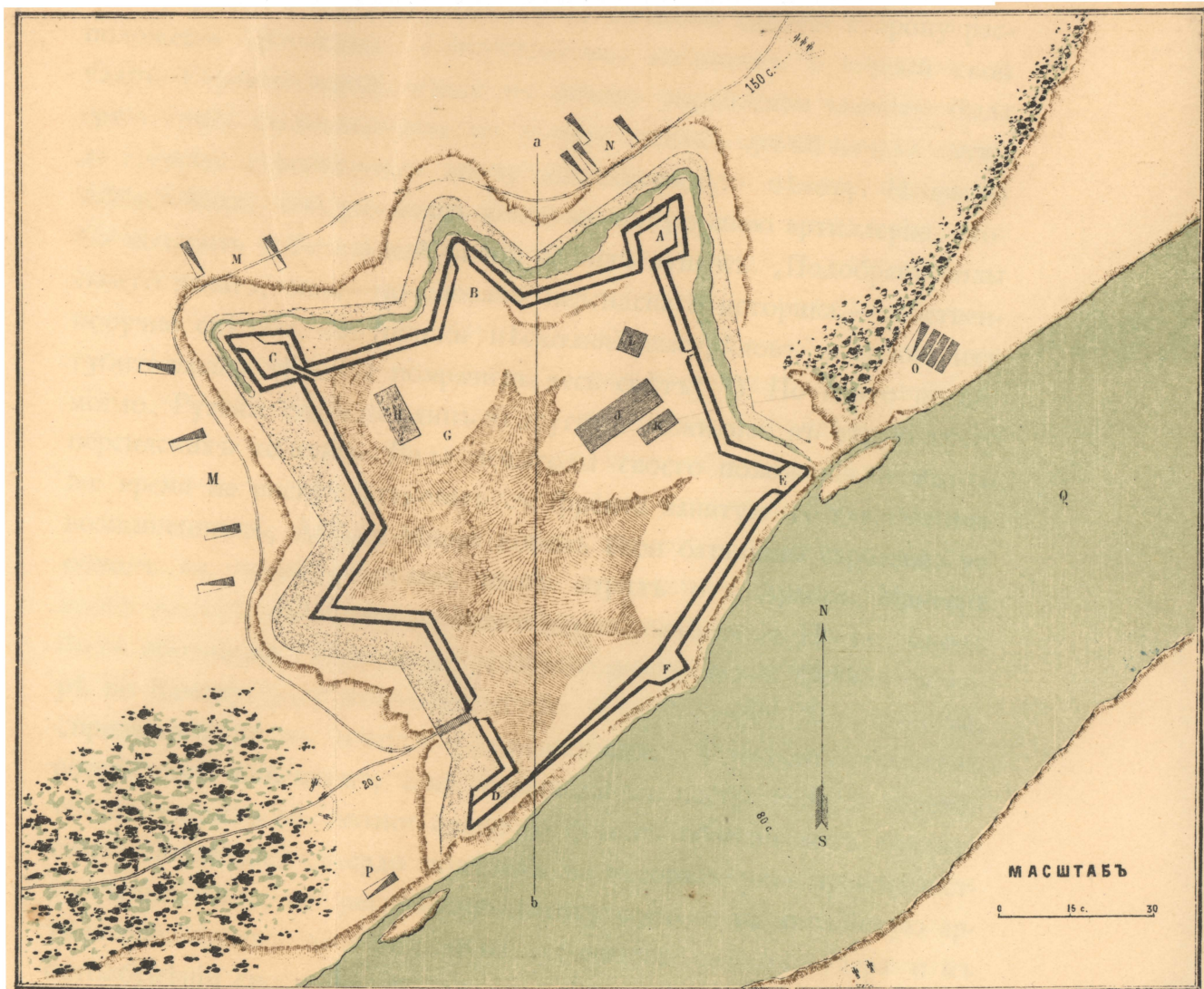
<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртишва отъ 21-го ноября 1812 года № 88.

<sup>3)</sup> «Равзетъ-уль-Сафа».



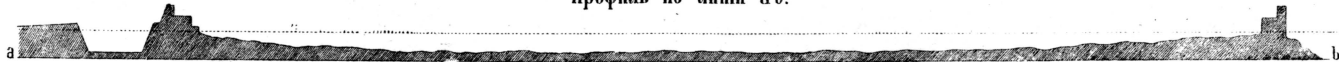
# ПЛАНЪ КРѢПОСТИ ЛЕНКОРАНИ

съ показаніемъ осады и взятія оной штурманъ 31. декабря 1812 года.



Снималъ Поручикъ Лихновскій, въ 1812 году.

## Профиль по линіи а в.



## ЭКСПЛИКАЦІЯ

- |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                               |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                              |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>A Бастіонъ съ двумя 12-футовыми орудіи, въперодъ<br/>или передомъ изъ нашей артиллеріи, сѣвернѣе.</p> <p>B Башня съ двумя 12-футовыми орудіи.</p> <p>C Бастіонъ съ 4-ми 12-футовыми орудіями.</p> <p>D Полубастіонъ съ двумя 6-футовыми орудіи.</p> <p>E Полубастіонъ съ двумя 6-футовыми орудіи.</p> <p>F Сѣнъ иголка прѣдъ фронтъ пушки, въдѣ протрѣсеніи бѣла при<br/>штурмѣ.</p> <p>G Дѣла иголки прѣдъ фронтъ пушки на дуринѣхъ ставкахъ.</p> <p>H Мостъ каменный.</p> <p>J Развалины Дашкава башни.</p> <p>K Дамба.</p> <p>L Порокъ № 2 въ сѣнъ строения сѣнъ ланнѣ Пашининскій<br/>Муръ Мустафа - сѣнъ ланнѣ.</p> <p>M Первая каменна при штурмѣ, состоящая изъ 6-футовъ Грузинъ<br/>сѣнъ фронтѣрнѣе тѣка; подъ каменнѣхъ поставленнѣхъ шибѣхъ.</p> | <p>N Вторая каменна при штурмѣ, состоящая изъ 350-мъ<br/>мѣловъ къ Мерскавоу. Каменнѣхъ лѣтъ ланнѣ и 2-хъ фронтѣ. Шибѣ<br/>сѣнъ ланнѣхъ тѣка прѣдъ фронтѣхъ Мустафа Пашинин<br/>шибѣ.</p> <p>O Третья каменна при штурмѣ, состоящая изъ 350-мъ мѣловъ къ<br/>17-му Еврекавоу тѣка и сѣнъ рѣчи Грузинскій Фронтѣ тѣка;<br/>подъ каменнѣхъ Мустафа Мерскавоу.</p> <p>P Дѣла Грузинскій Фронтѣ тѣка, прѣдъ фронтѣхъ фронтѣхъ<br/>атаку.</p> <p>Q Черезъ рѣчку Ленкоранку орудіи.<br/>По всей крепости въ штурмѣ бѣла кровли, подъ волеи орудіи<br/>въ сѣнъ Персѣанѣ, оставленнѣхъ гарнизоны крепости.<br/>Крепость взята 31-го декабря 1812-го года, въ полдень 2-го<br/>часа по послѣднѣи.</p> |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

Котляревскій, однако, не преслѣдовалъ разбитаго противника, какъ надо думать, по причинѣ сильнаго утомленія своихъ войскъ, которыя съ утра предшествовавшаго дня, на протяженіи 70-ти верстнаго перехода, не имѣли иного отдыха, кромѣ непродолжительныхъ приваловъ. Къ тому же, бѣжавшіе на правый берегъ Дараутъ-чая персіане собрались у асландузскаго укрѣпленія, штурмовать которое при малочисленности нашихъ силъ было во всякомъ случаѣ довольно рискованно <sup>1)</sup>. Остатокъ дня противники провели раздѣленные рѣчкою Дараутъ-чаемъ, при чемъ къ берегу послѣдней персіане выслали стрѣлковъ и конную артиллерію обстрѣливать бывший свой лагерь, занятый теперь нашими войсками. Въ отвѣтъ на это, Котляревскій съ своей стороны выслалъ къ берегу Дараута роту егерей. Завязавшаяся перестрѣлка „нѣсколько разъ становилась весьма упорною, но всегда съ отраженіемъ непріятеля и немаловажною у него потерей“ <sup>2)</sup>.

Наступила ночь. Изъ персидскаго лагеря явились къ Котляревскому нѣсколько бѣглыхъ нашихъ солдатъ и сообщили, что Аббасъ-Мирза разослалъ приказанія всѣмъ своимъ отрядамъ, разбросаннымъ по границѣ Карабага, спѣшить къ Асландузу. Было очевидно, что минувшій день не отнял у персидскаго главнокомандующаго желанія еще разъ помѣряться съ нами своими силами. Сознавая необходимость не дать противнику оправиться отъ перваго потрясенія и добить его ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ снова собраться съ силами, неутомимый Котляревскій рѣшилъ въ ту же ночь переправиться черезъ Дараутъ и на разсвѣтѣ неожиданно атаковать персіанъ въ самомъ ихъ укрѣпленіи. Провести отрядъ въ ночной темнотѣ вызвался одинъ изъ нашихъ унтеръ-офицеровъ, бѣжавшій въ этотъ день изъ персидскаго плѣна. Докладывая Котляревскому о лучшихъ подступахъ къ персидскому лагерю, онъ, между прочимъ, обѣщалъ провести отрядъ стороною отъ непріятельскихъ батарей. „На пушки, братецъ,—перебилъ его Котляревскій,—прямо на пушки!“ — и планъ ночной атаки былъ составленъ: семь ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка должны были идти

<sup>1)</sup> Укрѣпленіе это было возведено на отдѣльно стоящемъ холмѣ, верстахъ въ двухъ отъ асландузскаго брода, и состояло изъ прочнаго палисада, окаяннаго двойнымъ рвомъ.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 846, стр. 693.

„прямо отъ горъ“, со стороны Персіи, и атаковать лагерь противника правѣ асландузскаго укрѣпленія; баталіонъ егерей направлялся лѣвѣе укрѣпленія для обхода непріятельскаго лагеря и атаки его со стороны Аракса; небольшое резервное каре двинуто внизъ по р. Дараутъ-чаю; и, наконецъ, казаки были „посланы къ Араксу для пресѣченія пути бѣгущимъ при разбитіи непріятеля“ <sup>1)</sup>).

Тихо, подъ покровомъ темной осенней ночи, на 20-е октября 1812 года, отрядъ Котляревскаго переправился на правый берегъ Дараутъ-чая и въ указанномъ выше порядкѣ двинулся къ мерцавшимъ вдали кострамъ непріятельскаго лагеря. Надѣясь особенно на силу своей позиціи, персіане никакъ не предполагали, чтобы русскіе, утомленные трудами только что миновавшаго дня, рѣшились нарушить ночной свой отдыхъ и отважились бы атаковать сильнѣйшаго противника. По этому, обычная персіанамъ безпечность достигла въ эту ночь крайней степени и, по словамъ персидскаго историка, „зрачки счастья сарбазовъ находились подъ вліяніемъ сна“ <sup>2)</sup>).

Пользуясь этимъ, Котляревскій, „подойдя весьма близко, внезапно учинилъ стремительное нападеніе въ штыки“ <sup>3)</sup>. Безмятежно ютившіеся у бивачныхъ костровъ персіане лишь тогда замѣтили нашихъ солдатъ, когда громовое „ура“ грянуло буквально надъ ихъ головами и никакого спасенія уже не было. „Смятеніе сдѣлалось невыразимое. Вопли ужаса, крики побѣдителей, стоны умирающихъ, мольбы о пощадѣ потрясли воздухъ въ эту страшную ночь, освѣщаемую догорающими огнями. Получивъ приказаніе не щадить никого, кромѣ самого Аббасъ-Мирзы, русскіе солдаты страшно ожесточились и кололи безъ сопротивленія. Тщетно самъ Котляревскій кричалъ: полно, полно!—онъ не могъ остановить разсвирѣпѣвшихъ гренадеръ. Близъ него самого раздался вдругъ голосъ: „Котляревскій, спаси меня! Я Арсланъ-ханъ“. Котляревскій бросился къ взывавшему и спасъ ему жизнь. Этотъ Арсланъ-ханъ командовалъ персидскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ извѣстенъ своею храбростью“ <sup>4)</sup>. Регулярная пѣхота персіанъ, послѣ ничтож-

<sup>1)</sup> Тамъ же, стр. 693.

<sup>2)</sup> «Равзеть-уль-Сафа».

<sup>3)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 21-го ноября 1812 года № 88.

<sup>4)</sup> Графъ Соллогубъ стр. 120.

наго сопротивленія, кинулась искать спасенія въ укрѣпленіи; сюда набилось болѣе четырехъ баталіоновъ сарбазовъ; но слѣдомъ за ними ворвались егеря Дьячкова, и вскорѣ всѣ защитники укрѣпленія полегли до послѣдняго человѣка. Разгромъ персидской арміи былъ полнѣйшій: три знамени, въ числѣ которыхъ попало и знамя самого Аббасъ-Мирзы, одиннадцать англійскихъ орудій съ надписью „отъ короля надъ королями шаху надъ шахами въ даръ“<sup>1)</sup>, 36 фальконетовъ, 537 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ „16-ть разныхъ чиновниковъ“,—были трофеями этой ночи<sup>2)</sup>.

Число убитыхъ персіанъ въ реляціи показано въ 1200 человѣкъ. Но рассказываютъ, что когда на другой день ихъ насчитали около 10-ти тысячъ, то адъютантъ Котляревскаго предлагалъ отправить другое донсеніе въ измѣненіе уже посланнаго раньше. Котляревскій, однако, не согласился на это, сказавъ: „Напрасно писать—не повѣрятъ“<sup>3)</sup>. Въ числѣ убитыхъ противниковъ было „много знатныхъ чиновниковъ“ и англійскій маіоръ Криссати (Кристи), „управлявшій персидскою регулярно пѣхотою и всѣми военными дѣйствіями“<sup>4)</sup>. Самъ Аббасъ-Мирза едва спасся, пробившись всего лишь съ 20-ю всадниками черезъ линію нашихъ казаковъ и „бѣжалъ со стыдомъ къ Тавризу“. Повѣствуя объ этомъ страшномъ пораженіи наслѣдника персидскаго престола, историкъ его старается объяснить происшедшее простымъ стеченіемъ несчастныхъ случайностей. „Въ самый разгаръ боя,—говоритъ онъ,—замѣчательный и удивительный случай превратности судьбы проявилъ себя въ арміи Ирана: когда принцъ, воодушевляя ратниковъ, предался размысленію о средствахъ къ спасенію, лошадь его внезапно споткнулась и оборвалась въ глубокую яму, отчего

<sup>1)</sup> Три англійскія пушки конной артиллеріи «по легкости и удобству употреблять оныя въ гористыхъ мѣстахъ» Ртищевъ приказалъ оставить при отрядѣ Котляревскаго. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 847).

<sup>2)</sup> Въ числѣ плѣнныхъ оказалось 28 бѣглыхъ русскихъ солдатъ; кромѣ того, по окончаніи штурма къ Котляревскому явилось 57 человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ состава Троицкаго баталіона, плѣннаго у Султанъ-буда. Люди эти, какъ добровольно явившіеся, были, въ виду большого некомплекта въ войскахъ, распределены по полкамъ кавказской линіи; тѣ же 28 человѣкъ, кои захвачены при штурмѣ съ оружіемъ въ рукахъ, были преданы военному суду и разстрѣляны. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 846 и 847).

<sup>3)</sup> Махлаукъ «Боевая лѣтопись 14-го гренадскаго грен. Грузинскаго ген. Котляревскаго полка» стр. 59.

<sup>4)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 844 стр. 690. Маіоръ Бомбейскій арміи Christie былъ инструкторомъ персидской пѣхоты. (Морьеръ, т. II, стр. 213).

его высочество изволилъ свое благородство перенести съ сѣдла на землю. Прислуга не могла замѣтить такого непріятнаго казуса и, не видя своего повелителя, исполнилась невыразимаго смущенія, вообразивъ, что его высочество, подобный Александру Македонскому и равный славными дѣянїями знаменитому государю Дара (Дарію) погибъ. Слѣдствіемъ всего этого было всеобщее разстройство: свита принца разсѣялась въ разныя стороны, сарбазы же Шарагинскаго полка поспѣшили отретироваться съ той горы, которая походила на средоточіе невыразимаго кровопролитія, внизъ, къ ея подошвѣ<sup>1)</sup>... Это то и послужило примѣромъ для другихъ полковъ и общая паника охватила персидскія войска.

„Такимъ образомъ, — всеподданнѣйше доносилъ Ртищевъ, — въ Асландузѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько дней передъ симъ происходилъ мирный конгрессъ и гдѣ персидское правительство, по слѣпой увѣренности въ свое могущество, обнаружило высокомѣріе выше всякихъ предѣловъ, — гордость персіанъ попрапа и непріятельскіе ихъ замыслы уничтожены. При всей же знаменитости сей побѣды, уронъ въ войскахъ вашего императорскаго величества, благодаря Бога, весьма малъ“. Дѣйствительно, потери наши состояли всего изъ 28 человекъ убитыми и 99-ти ранеными<sup>2)</sup>.

Слезы нескрываемаго восторга смѣнили мрачное настроеніе Ртищева, когда онъ, 27 октября, читалъ донесеніе Котляревскаго объ асландузской побѣдѣ, начинавшееся словами: „Богъ, ура и штыки даровали и здѣсь побѣду войску всемилостивѣйшаго государя“<sup>3)</sup>... Молебствія въ церквахъ и торжественныя празднества ознаменовали это радостное событіе, совершенно разогнавшее тучи, сгустившіяся было надъ положеніемъ нашимъ въ Закавказьѣ. „Всеподданнѣйше донося о семъ вашему императорскому величеству, — писалъ Ртищевъ государю, — я побуждаюсь при семъ случаѣ священною справедливостію

---

<sup>1)</sup> «Ровзетъ-уль-Сафа».

<sup>2)</sup> Въ числѣ тяжело-раненыхъ находился и племянникъ Котляревскаго, герой Ахалкалакъ, беззавѣтно храбрый маіоръ Грузинскаго гренадерскаго полка Шультепъ. (Всеподдан. рапорты ген. Ртищева отъ 31-го октября 1812 г. № 78 и 21-го ноября 1812 г. № 88).

<sup>3)</sup> Донесеніе это привезено было въ Тифлисъ штабсъ-капитаномъ Грузинскаго гренадерскаго полка Быховцевымъ. Съ нимъ-же отправлены были въ Петербургъ и знамена, отбитыя у персіанъ подъ Асландузомъ. Впослѣдствїи, трофеи эти возвращены были обратно кавказскимъ войскамъ и хранятся нынѣ въ Тифлисъ, въ «Храмѣ Славы».

востью представить на высочайшее воззрѣніе ваше отличный подвигъ ген.-м. Котляревскаго и съ свойственною вѣрноподданному искренностью донести, что скорое отвращеніе всѣхъ золь, угрожавшихъ здѣшнему краю, есть слѣдствіе ревностнѣйшаго усердія къ службѣ, благоразумія и мужественной рѣшительности, съ каковою сей достойный генераль-маіоръ, исполнивъ въ точности мои распоряженія, ниспровергъ главныя персидскія силы. Сей случай, по важности приобрѣтенной пользы для службы, есть таковъ, что никто не дерзнулъ бы сокрыть истину. А потому, въ твердомъ упованіи на безприкладное милосердіе вашего величества, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать для ген.-м. Котляревскаго, за разбитіе 19-го числа главныхъ персидскихъ силъ и овладѣніе всѣмъ лагеремъ, чина генераль-лейтенанта, а за приобрѣтеніе 20-го числа всей непріятельской артиллеріи, за взятіе штурмомъ асландузскаго укрѣпленія и за совершенное разсѣяніе непріятельской арміи, — ордена св. Георгія 3 ст., по статуту. Такойъ дворянинъ, какъ ген.-м. Котляревскій, неимѣющій никакого особеннаго покровительства, ни даже состоянія, кромѣ личныхъ своихъ достоинствъ, и исполненный при томъ неограниченнымъ усердіемъ къ службѣ вашего императорскаго величества, достоинъ того, что-бы ему данъ былъ ходъ по службѣ, дабы военныя дарованія его и опытность тѣмъ съ вяшею пользою могли быть употреблены для службы вашего величества“ <sup>1)</sup>). Ходатайство главнокомандующаго было уважено, и Котляревскій за Асландузъ награжденъ чиномъ генераль-лейтенанта и орденомъ св. Георгія 3 ст. Почти всѣ офицеры отряда его получили ордена или слѣдующіе чины, а нижнимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ экспедиціи, пожаловано по рублю на человѣка <sup>2)</sup>). Самому Ртищеву государь прислалъ орденъ св. Александра Невскаго.

Но превыше всѣхъ наградъ для Котляревскаго было, конечно, сознаніе подвига, совершеннаго имъ на пользу горячо любимаго отечества. День асландузской побѣды онъ считалъ впослѣдствіи счастливѣйшимъ днемъ своей жизни и воспоминанія о немъ буди-

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 21-го ноября 1812 года № 88, а также письмо Ртищева князю Горчакову отъ 23-го ноября 1812 года. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 848.

<sup>2)</sup> Отношеніе военнаго министра генералу Ртищеву отъ 30-го ноября 1812 года № 1036.



ли всегда чувство благородной гордости въ великой душѣ безкорыстнаго патріота и безупречнаго воина-христіанина. Неподдѣльный, бурный восторгъ, съ которымъ на другой день послѣ ночного побоища встрѣчали войска своего любимаго вождя на полѣ, усѣянномъ непріятельскими трупами, служилъ лучшей наградой тому, кто самъ горячо любилъ солдата и настойчиво воспитывалъ въ немъ чувства беззавѣтной преданности своему долгу. Въ преслѣдованіи этой послѣдней цѣли, Котляревскій не отступалъ ни при какихъ обстоятельствахъ; и даже здѣсь, на прославленныхъ доблестью его войскъ поляхъ Асландуза, въ минуту общаго торжества, когда величіе совершеннаго подвига могло бы служить уважительнымъ предлогомъ къ извиненію маловажныхъ уклоненій отъ идеальнаго исполненія долга, Котляревскій оставался, по обыкновенію, строгимъ и послѣдовательнымъ въ своихъ требованіяхъ. „Насколько мнѣ пріятно отдавать справедливость и благодарить достойныхъ, — писалъ онъ въ приказѣ объ асландузской побѣдѣ, — настолько же прискорбно сказать, что въ числѣ отряда оказались и такіе, которыхъ проступки совсѣмъ противны чести русскаго офицера; но какъ справедливость начальника должна быть ко всѣмъ равна, то я не могу умолчать объ этомъ: Севастопольскаго пѣхотнаго полка маіоръ Письменскій посрамилъ свое званіе—19-го числа онъ былъ только контуженъ, а казался больнымъ“.

Такой школой готовилъ Котляревскій своихъ подчиненныхъ къ совершенію баснословныхъ подвиговъ мужества и выносливости, и судьба дала ему рѣдкое счастье самому пожинать плоды имъ же сдѣланныхъ похвѣловъ.

## Глава XXIV.

Возвращеніе Котляревскаго изъ-за Аракса. Слѣдствія асландузской побѣды. Попытки убѣдить Ртищева вторгнуться въ предѣлы Персіи. Рѣшеніе главнокомандующаго освободить сначала Тальшинское ханство. Предписаніе въ этомъ духѣ Котляревскому. Выводъ миринскаго гарнизона. Выступленіе Котляревскаго изъ Ахъ-оглана въ Тальши. Переходъ Мугани. Взятіе кр. Аркевани. Мѣры для обезпеченія тыла. Обложеніе Ленкорани. Бомбардировка и двукратныя требованія сдачи. Рѣшеніе штурмовать крѣпость. Приказъ и диспозиція для штурма. Штурмъ и истребленіе гарнизона. Раны Котляревскаго. Возвращеніе отряда въ наши предѣлы. Отѣздъ Котляревскаго въ отпускъ и уходъ затѣмъ въ отставку. Послѣдующая жизнь его.

Двое сутокъ простоялъ Котляревскій у Асландуза и 23-го октября возвратился обратно въ Карабагъ, гдѣ расположился по прежнему у Ахъ-оглана. Здѣсь получено было извѣстіе, что грабившій и волновавшій Шекинское ханство Пиръ-Кули-ханъ, узнавъ о пораженіи Аббасъ-Мирзы, спѣшно возвращается обратно въ предѣлы Персіи. Желая отрѣзать ему путь отступленія, Котляревскій быстро снарядилъ легкій отрядъ, изъ 200 казаковъ и такого же числа посаженныхъ на лошадей егерей, и направилъ его, подъ начальствомъ маіора Дьячкова, къ переправамъ черезъ Куру, на участокъ Пиразы-Зардобъ. Но осторожный Пиръ-Кули-ханъ свернулъ въ Ширванское ханство. Двигаясь день и ночь по камышамъ, пройдя въ 13 часовъ около ста верстъ, онъ переправился черезъ Куру у Джевата и ушелъ, такимъ образомъ, отъ отрядовъ Дьячкова и Клодтъ-фонъ-Юргенсбурга, оставивъ все-таки преслѣдовавшей его шекинской и елисуйской конницѣ весь свой багажъ и карадагскаго султана Аллахъ-Яра, попавшаго въ плѣнъ шекинцамъ вмѣстѣ съ пятью другими персидскими чиновниками <sup>1)</sup>.

Одновременно съ этимъ, изъ Карабага и съ низовьевъ Куры послѣдно бѣжали въ Персію всѣ находившіеся тамъ отдѣльные

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 31-го октября 1812 года № 78.



отряды персіанъ, высланные сюда Аббасъ-Мирзою для раззоренія страны и возмущенія противъ насъ жителей ея.

Такимъ образомъ, къ 30-му октября, по донесенію Котляревскаго, ни въ Карабагѣ, ни въ Шекѣ, ни въ Ширвани не оставалось ни единого персидскаго воина, и самъ Аббасъ-Мирза отдыхалъ отъ понесенныхъ трудовъ въ Мешкинѣ <sup>1)</sup>). Обширные планы персидскаго правительства, „коимъ столь злобно приведены были въ движеніе всѣ главныя пружины ко вреду края“, рушились окончательно; враждебные намъ элементы приграничныхъ мусульманскихъ ханствъ притихли; угрожавшая опасность непріятельскаго вторженія совершенно разсѣялась, и увлеченныя было персіанами свыше 800 семействъ карабахцевъ возвратились обратно на свои пепелища.

Таковы были ближайшія слѣдствія асландузскаго погрома полчищъ Аббасъ-Мирзы.

Однако, громкая и рѣшительная побѣда эта, не будучи использована энергичнымъ преслѣдованіемъ разбитаго противника въ глубь его владѣній, до полного подрыва въ немъ всякой возможности къ дальнѣйшему сопротивленію,—обратилась лишь въ частный успѣхъ, почти нисколько не измѣнившій отношеній къ намъ персидскаго правительства. Не прошло даже и мѣсяца послѣ Асландуза, какъ Аббасъ-Мирза послалъ 2<sup>1</sup>/<sub>2</sub> тысячи „отборнѣйшихъ войскъ“ въ Талыши, на поддержку все еще находившагося тамъ отряда Хаджи-Мамедъ-хана <sup>2)</sup>).

Котляревскій, съ присущей ему широтой стратегическаго взгляда, ясно сознавалъ недоконченность асландузскаго успѣха; однако, взять на себя, еще 20-го октября, задачу преслѣдованія разбитаго имъ противника онъ, конечно, не могъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего лишь двѣ тысячи человекъ, выступившихъ за три дня передъ тѣмъ изъ Ахъ-оглана, съ 4-хъ дневнымъ запасомъ сухарей и 40-ка патронами. Котляревскому ничего и не оставалось, какъ, простоявъ два дня на полѣ выиграннаго имъ сраженія, уйти обратно въ наши предѣлы.

Вернувшись въ Карабагъ, онъ поѣхалъ въ Тифлисъ убѣждать

---

<sup>1)</sup> Рапортъ Котляревскаго отъ 30-го октября 1812 года № 803.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 718, 845 и 850.

Ртищева въ необходимости собрать возможно сильный отрядъ и, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, вторгнуться внутрь Персіи, для рѣшительнаго понужденія правительства ея подчиниться нашимъ требованіямъ. Въ успѣхѣ этого предпріятія, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, сомнѣваться было нельзя, и намъ представлялся особенно благопріятный случай свести, наконецъ, съ персіанами старыя наши счеты. Но Ртищевъ, къ сожалѣнію, не принадлежалъ къ числу людей, быстро оцѣнивающихъ обстановку и сразу принимающихъ соотвѣтственное рѣшеніе. Не отрицая правильности взгляда Котляревскаго и безусловно довѣряя способностямъ его, онъ въ то же время не находилъ въ самомъ себѣ достаточной рѣшимости на осуществленіе сдѣланныхъ ему предложеній и—обѣщаль „подумать“. Съ этимъ, „свирѣпо-страшный“ для персіанъ герой Асландуза и возвратился въ Карабагъ....

Тѣмъ временемъ, въ Тифлисѣ стали получаться изъ Талышей свѣдѣнія, одно другаго тревожнѣе. Командовавшій тамъ нашими войсками, капитанъ 1-го ранга Веселаго, настойчиво просилъ главнокомандующаго о скорѣйшей присылкѣ „секурса“. „Я не сомнѣваюсь,—доносилъ Веселаго,—преодолѣть непріятеля, хотя бы ихъ вдвое больше было, если бы на чистомъ мѣстѣ; а какъ онъ занимаетъ позицію въ лѣсахъ и при томъ съ 5-ю орудіями, то сопряжено съ большою для насъ потерею выбить его совершенно“<sup>1)</sup>.

Дѣйствительно, положеніе наше въ Талышинскомъ ханствѣ было весьма затруднительно. Не смотря на подкрѣпленія, присланныя сюда въ началѣ ноября изъ Дагестана<sup>2)</sup>, у капитана Веселаго было всего „380 человекъ подъ ружьемъ“<sup>3)</sup>, противъ болѣе чѣмъ 9-ти тысячъ персіанъ; занимавшихъ кр. Ленкорань и сильныя позиціи въ лѣсной части ханства. Такая несоразмѣрность силъ, въ связи съ наступавшимъ позднимъ временемъ года, когда флотилія наша не могла уже держаться у талышинскихъ береговъ,—сильно безпокоила Ртищева, и онъ окончательно отказался отъ осуществленія предложеній Котляревскаго. „Обращаясь къ извѣстному вамъ предпо-

<sup>1)</sup> Рапортъ капитана Веселаго генералу Ртищеву отъ 12-го ноября 1812 года № 970.

<sup>2)</sup> Двѣ роты Троицкаго полка съ однимъ орудіемъ. Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 715 и 717.

<sup>3)</sup> Рапортъ генералу Ртищеву отъ 3-го декабря 1812 года № 1034.

ложенію,—писалъ онъ ему 1-го декабря 1812 года <sup>1)</sup>—я сколь ни охотно желалъ бы немедленно привести оное въ дѣйствіе безъ упущенія времени, потому что мнѣніе ваше признаю основательнымъ и полезнымъ для Карабага, но въ то самое время, какъ я готовъ былъ отправить къ вамъ курьера, прибылъ ко мнѣ изъ Талышей лейтенантъ Кригеръ съ донесеніемъ отъ капитана 1-го ранга Веселаго, что Талышинское владѣніе до сихъ поръ занято семью тысячами непріятельскихъ войскъ, что самый городъ Ленкорань находится въ ихъ рукахъ, и что по перехваченнымъ письмамъ отъ непріятели, которыя доставлены ко мнѣ оригиналомъ, а также по показаніямъ плѣнныхъ, посылается еще новый секурсъ непріятели, который вскорѣ туда прибудетъ. И такъ, въ сихъ обстоятельствахъ, слѣдуя здравому сужденію, я призналъ полезнѣйшимъ прежде излѣчить собственную рану, дабы, будучи въ полныхъ силахъ, тѣмъ съ большею увѣренностью можно было напасть на непріятели. Талышинское ханство, какъ вамъ извѣстно, болѣе 20-ти лѣтъ состоитъ въ покровительствѣ Россійской имперіи. Государь императоръ по милосердію своему изволить принимать участіе во владѣльцѣ сей земли, особливо по послѣдствіямъ войны съ Персіей. Войска наши тамъ находятся, дерутся каждый день, имѣютъ потерю и не сильны столько, чтобы могли очистить Талышъ отъ непріятели. Между тѣмъ, я за владѣніе сіе, какъ покровительствуемое и защищаемое Россією, долженъ отдать отчетъ государю императору точно такой, какъ бы за самую Грузію; обязанъ и по достоинству имперіи, и по челоуѣколюбію освободить талышинскаго хана отъ предстоящаго ему, видимо, бѣдствія и не менѣе того долженъ обратить все мое вниманіе на самыя войска наши, находящіяся въ Талышахъ, которыя, съ прибытіемъ изъ Персіи новаго секурса, могутъ сами подвергнуться опасности или, по позднему уже времени, за невозможностью флотилии держаться долго у талышинскихъ береговъ,—оставить сіе владѣніе на жертву персіанамъ, затмитъ славу россійскаго оружія и потеряютъ у многихъ владѣльцевъ силу нашего вліянія. Слѣдовательно, гораздо болѣе можетъ быть для вашего превосходительства чести и славы, если вы, спасши уже Карабагъ, спасете и Та-

<sup>1)</sup> Предписаніе ген. Котляревскому № 590. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 716.

лышь, истребите или разсѣте 7 тысячъ персидскихъ войскъ, занимающихъ сіе владѣніе, возстановите хана въ прежней его власти и достоинствѣ и потомъ уже обратитесь на новый вредъ для Персіи. Впрочемъ, я не связываю васъ въ самыхъ дѣйствіяхъ и предоставляю распоряженіе въ семъ случаѣ вашему благоразумію и мѣстнымъ соображеніямъ съ обстоятельствами, т. е. послать ли вамъ въ Талышъ немедленно сильную диверсію изъ числа войскъ, состоящихъ подъ вашимъ начальствомъ, ввѣривъ сей отрядъ надежному штабъ-офицеру, а самимъ въ то же время предпринять съ другою частью войскъ извѣстную вамъ экспедицію; или, какъ я желалъ бы больше и столько же былъ бы вамъ благодаренъ, если бы вы, по полученіи сего, неотлагательно предприняли сдѣлать диверсію въ Талышъ подъ личнымъ вашимъ начальствомъ и, окончивъ со славою дѣйствія ваши въ семъ владѣніи, что по мнѣнію моему не можетъ занять васъ болѣе 10-ти или 12-ти дней, тогда уже, по тщательнѣйшемъ изслѣдованіи предполагаемой вами экспедиціи, приступили бы къ оной, ибо я долженъ разсчитывать, что если вы пошлете особый отрядъ въ Талышъ для диверсіи, которой ни на часъ не должно откладывать, и сами въ то же время съ другою частью войскъ пуститесь въ особую экспедицію, то Карабагъ вовсе оголенъ будетъ отъ войскъ и, Боже сохрани, въ случаѣ неудачи въ одномъ какомъ мѣстѣ, ни откуда уже нельзя будетъ подать помощи. Посему то я лучше желаю обезопасить прежде Талышъ и во внутренности все успокоить, тѣмъ болѣе, что и въ Кахетіи безпокойства еще не прекратились, нежели вдаваться въ новыя предпріятія, коихъ успѣхи нельзя еще полагать вѣрными. Впрочемъ, еще повторяю, что я все сіе предоставляю мѣстнымъ вашимъ распоряженіямъ и благоразумію, не связывая васъ въ дѣйствіяхъ, гдѣ только вы можете нанести вредъ непріятелю; но однако же рекомендую вамъ всевозможную осторожность и осмотрительность въ предпріятіяхъ вашихъ, такъ какъ отъ нихъ зависѣтъ должна ваша честь, слава и также отвѣтственность. Личное ваше присутствіе при военныхъ дѣйствіяхъ въ Талышахъ нахожу тѣмъ болѣе нужнымъ для пользы службы государя императора, что, по точнымъ извѣстіямъ, измѣнники Кочневъ и Лисенко командуютъ

тамъ непріятельскими войсками и имѣютъ въ рукахъ своихъ Ленкоранскую крѣпость“ <sup>1)</sup>).

Таковы были причины, заставившія Ртищева отказаться отъ предложеній Котляревскаго и предпочесть имъ достиженіе цѣли второстепенной, не общавшей, даже въ случаѣ полного успѣха, никакихъ существенныхъ измѣненій въ отношеніяхъ къ намъ персидскаго правительства. Не смотря на всѣ усилія и доводы Котляревскаго, пріѣзжавшаго, какъ сказано, даже въ Тифлисъ доложить главнокомандующему о пользѣ немедленнаго движенія всѣми силами внутрь Персіи—къ Тавризу,—для Ртищева все еще было недостаточно ясно, что внѣшняя безопасность принадлежавшихъ намъ ханствъ Закавказья, а въ томъ числѣ и Талышей, ничѣмъ не могла быть столь полно достигнута, какъ только рѣшительнымъ ниспроверженіемъ въ нихъ авторитета персіанъ и громкимъ торжествомъ нашего оружія въ нѣдрахъ самой Персіи, и что нигдѣ такъ легко и опредѣленно не могла рѣшиться участь Карабага и Талышинскаго ханства, какъ въ стѣнахъ Тавриза, путь къ которому, послѣ асландузскаго разгрома войскъ Аббасъ-Мирзы, лежалъ совершенно открытымъ. вмѣсто смѣлаго наступленія въ глубь Персіи, Ртищевъ „призналъ полезнѣйшимъ излечить прежде собственную рану“ и собраться съ „полными силами“, упуская изъ вида, что рана эта легко излечилась бы сама собою, а 380 человекъ, освобожденныхъ изъ Талышей, не могли дать существеннаго усиленія тѣмъ войскамъ, которыя надлежало собрать для вторженія въ предѣлы Персіи.

Отказываясь отъ движенія къ Тавризу и говоря о необходимости собраться прежде съ силами, „дабы съ тѣмъ большею увѣренностью можно было напасть на непріятеля“, Ртищевъ въ то же время разрѣшалъ Котляревскому предпринять экспедиціи одновременно и въ Талыши, и въ предѣлы Персіи, очевидно полагая, что для этихъ предпріятій достаточно тѣхъ двухъ тысячъ человекъ, которыми располагалъ герой Асландуза. Последнему оставалось, та-

<sup>1)</sup> Подполковникъ Кочневъ, бывший долгое время комендантомъ въ Елизаветполѣ, бѣжалъ въ 1808 году, передъ походомъ гр. Гудовича въ Эривань. Онъ предупредилъ персіанъ о нашемъ вторженіи и передалъ имъ всѣ планы, неизвѣстно какимъ путемъ добытые изъ штаба Гудовича.

Поручикъ-же Лысенко передался персіанамъ въ 1805 г. изъ отряда Карягина подъ Шахъбулахомъ (см. т. I стр. 206—207).

кимъ образомъ, выбрать одно изъ двухъ: или идти со всѣми силами къ Ленкорани, какъ того желалъ главнокомандующій, или снова послушаться его и, соблазнившись заманчивостью предпріятія, перейти Араксъ къ Тавризу. Но этотъ послѣдній планъ, на исполненіе котораго требовалось уже не три дня, какъ для Асландуза, а нѣсколько недѣль, безъ поддержки свѣше, безъ обезпеченія тыла, безъ устройства коммуникаціи, — конечно, не обѣщаль никакого успѣха, какъ предпріятіе неоспоримо безразсудное. И Котляревскій пошелъ въ Талыши.

Такъ упущенъ былъ благопріятный моментъ для рѣшительнаго понужденія персидскаго правительства подчиниться нашимъ требованіямъ, и война затянулась снова, не смотря на блескъ асландузской побѣды. Доказательствомъ, что вторженіе въ предѣлы Персіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ принесло бы несомнѣнный успѣхъ дѣлу мира, можетъ служить тотъ фактъ, что 15 лѣтъ спустя, появленіе нашихъ войскъ подъ стѣнами Тавриза сразу дало намъ границу, которой мы безуспѣшно добивались въ теченіи 25-ти лѣтъ, и обезпечило мирныя отношенія къ Персіи, ненарушимо продолжающіяся до нашихъ дней.

Исполняя волю главнокомандующаго, Котляревскій немедленно занялся приготовленіями къ предстоявшей не легкой экспедиціи. Но прежде, чѣмъ выступать въ походъ, необходимо было дожидаться присоединенія частей 17-го егерскаго полка, шедшихъ изъ Мигри. Со времени занятія нами этого пункта, въ немъ постоянно стоялъ одинъ баталіонъ, сильно страдавшій отъ губительныхъ климатическихъ условій. Не разъ возбуждался вопросъ о выводѣ этого баталіона, потерявшаго въ теченіе послѣднихъ 10-ти мѣсяцевъ 368 человекъ умершими отъ болѣзней. Наступавшая зима, когда на пять мѣсяцевъ прерывалось всякое сообщеніе съ мигринскимъ гарнизономъ, грозила ему голодною смертью, такъ какъ запаса продовольствія на столь продолжительный срокъ не имѣлось. Единственный выходъ изъ этого положенія былъ — бросить окончательно „сіе смертоносное мѣсто“ и заблаговременно, до наступленія вьюгъ и морозовъ, перевести гарнизонъ въ какой либо другой пунктъ.

По этому, Котляревскій еще изъ подъ Асландуза вошелъ съ хо-

датайствомъ о выводѣ егерей изъ Мигри. „Сдѣлайте милость, — писалъ онъ Ртищеву, — бросьте сіе мѣсто и выведите баталіонъ; вѣрьте, что нѣтъ уже болѣе никакихъ способовъ удержать оное, и ежели баталіонъ пропадетъ, то я ни передъ Богомъ, ни передъ государемъ и ни передъ судомъ виновенъ не буду, ибо все то, что можно, уже сдѣлано“ <sup>1)</sup>). Критическое положеніе мигринскаго гарнизона было очевидно, и Ртищевъ разрѣшилъ вывести его въ Карабагъ, тѣмъ болѣе, что послѣ асландузской побѣды можно было сдѣлать это, „не подавъ персіанамъ повода думать, что къ сему понудила насъ слабость нашихъ силъ, а что мы, наоборотъ, имѣемъ въ предметѣ какой либо важной нанести имъ вредъ“. Однако, баталіонъ находился въ такомъ состояніи, что уйти изъ Мигри самостоятельно уже не могъ: уцѣлѣвшихъ въ немъ насчитывалось всего 160 человѣкъ, и то — до крайности изнуренныхъ лихорадкой. Для вывода ихъ оказалось необходимымъ командировать изъ Карабага другой баталіонъ <sup>2)</sup>). И вотъ, въ ожиданіи возвращенія егерей, Котляревскій доносилъ Ртищеву: „Какъ скоро егеря выйдутъ (изъ Мигри), то, оставя нужное число войскъ въ Карабагѣ и распорядя все такимъ образомъ, чтобы въ отсутствіе мое ничего произойти не могло, я выступлю, не теряя ни одной минуты, и буду стараться исполнить все то, что честь и слава русскаго оружія требуютъ, и что только можетъ внушить мнѣ рвеніе къ службѣ его императорскаго величества“ <sup>3)</sup>).

Наконецъ, 17-го декабря, подошли къ Ахъ-оглану давно жданные егеря, и въ тотъ же день Котляревскій выступилъ въ Талышинское ханство съ отрядомъ изъ 1500 человѣкъ пѣхоты, 470 казачковъ и 6-ти орудій <sup>4)</sup>).

„И такъ, дождавшись егерей, наконецъ выступаю, — писалъ онъ Могилевскому. Пожелайте мнѣ счастья. Экспедиція сія меня крайне тревожитъ. Время сдѣлало ее слишкомъ затруднительною. Те-

<sup>1)</sup> Рапортъ Котляревскаго генералу Ртищеву, отъ 25 октября 1812 г., гр. Соллогубъ.

<sup>2)</sup> Мѣра эта спасла остатки мигринскаго гарнизона. Въ теченіе двухъ дней персіане настойчиво преслѣдовали его, но были всегда отбываемы съ чувствительнымъ урономъ. (Акты кавк. археог. ком., т. V, № 849).

<sup>3)</sup> Графъ Соллогубъ, стр. 136.

<sup>4)</sup> Рапортъ Котляревскаго генералу Ртищеву, отъ 17-го декабря 1812 г., № 896 и донесенія генерала Ртищева князю Горчакову, отъ 5-го января 1813 г., № 7 и 6-го января № 13. (Акты кавк. археог. ком., т. V, №№ 849 и 850).

перь уже не диверсія, а освобожденіе Талышей. Диверсія тогда могла быть, когда только еще пошли персіане въ Талыши, а теперь они уже давно занимають и крѣпости, и укрѣпленія. Прошу Бога о помощи и могу назваться слишкомъ счастливымъ, если Богъ дастъ окончить счастливо<sup>4)</sup>.

Переправившись черезъ Араксъ 18-го декабря, Котляревскій на другой день, 19-го числа, прошелъ 80 верстъ по Муганской степи напрямикъ, безъ дорогъ, черезъ мертвые солончаки и вязкія топи, не имѣя ни воды, ни дровъ, борясь со стужей и мятелями, преодолевая „трудности, самое воображеніе превышающія“<sup>2)</sup>.

20-го декабря онъ наткнулся въ степи на кочевья шахсеванцевъ. Послѣдніе частью разбѣжались, частью были захвачены, при чемъ потеряли весь свой скотъ. На другой день, 21-го декабря, отрядъ вступилъ въ предѣлы Талышинскаго ханства. Здѣсь найдено было около 3-хъ тысячъ карабагскихъ семействъ, уведенныхъ въ плѣнъ персіанами. Прикрывавшій ихъ пятисотенной отрядъ конницы, подъ начальствомъ Абусалема, завидя приближеніе нашихъ войскъ, бѣжалъ въ кр. Аркевань. Въ этотъ же день разсѣянъ былъ авангардъ Пиръ-Кули-хана, шедшаго на усиленіе персидскихъ войскъ въ Талышинскомъ ханствѣ.

Оставивъ 22-го декабря на рѣкѣ Караязѣ, для прикрытія тыла и охраненія отбитыхъ карабагцевъ и шахсеванцевъ, маіора Дьячкова, съ 200 человекъ пѣхоты, 170 казаками и однимъ орудіемъ<sup>3)</sup>, Котляревскій двинулся къ Аркевани. Это была старинная крѣпость, на мѣстѣ которой англичане устроили сильное укрѣпленіе, окопанное глубокимъ рвомъ и имѣвшее внутри крѣпкій редюитъ— „родъ цитадели“. По положенію своему, крѣпость эта считалась персіанами неприступной и, защищаемая къ тому же двухъ тысячнымъ гарнизономъ, въ составѣ котораго было 400 человекъ русскихъ дезертировъ,— могла бы, конечно, представить серьезную преграду отряду Котляревскаго. Но „Богу угодно было пощадить кровь вѣрныхъ россіянъ и, посеявъ страхъ въ персіанахъ, принудить ихъ къ поспѣш-

<sup>4)</sup> Дубровинъ т. VI, стр. 91.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 854 и 857.

<sup>3)</sup> Донесеніе Ртищева князю Горчакову, отъ 9-го января 1813 года, № 18.



ному бѣгству“ <sup>1)</sup>). „Лишившись,—по выраженію персидскаго историка,—ногъ твердости“, гарнизонъ Аркевани покинулъ укрѣпленіе безъ боя, оставивъ 2 орудія и весь артиллерійскій запасъ. Для преслѣдованія, Котляревскій выслалъ отрядъ изъ 400 егерей и 300 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Ушакова, который „гналъ и билъ бѣгущихъ болѣе 15-ти верстъ, при чемъ положено на мѣстѣ по крайней мѣрѣ 300 человекъ съ нѣсколькими хорошими чиновниками; сдались въ плѣнъ 52 русскихъ дезертира, отбито болѣе 600 лошадей и множество экипажа“ <sup>2)</sup>).

Сколь ни легки были первые успѣхи Котляревскаго, онъ, однако, не увлекался ими и ни на минуту не забывалъ, что незначительный отрядъ его отдѣлялся почти двумястами верстъ тяжелаго пути отъ ближайшей поддержки—нѣсколькихъ ротъ, остававшихся въ Шушѣ. При такихъ условіяхъ, вопросъ обезпеченія тыла приобрѣталъ особое значеніе, и Котляревскій, съ методичностью, присущею талантливому полководцамъ, не упускалъ упрочивать за собою пройденный уже путь. Съ этой цѣлью, въ только что занятой Аркевани онъ оставилъ 100 человекъ пѣхоты, съ однимъ орудіемъ. На усиленіе же отряда, находившагося съ 22-го декабря на рѣкѣ Караязъ, отправилъ еще 200 человекъ пѣхоты, съ однимъ орудіемъ, и всю конницу „по невозможности оной далѣе дѣйствовать“. Такимъ образомъ, изъ 1970 человекъ и 6 орудій, съ которыми Котляревскій выступилъ изъ Ахъ-оглана, на обезпеченіе тыла было оставлено имъ 970 человекъ и 3 орудія <sup>3)</sup>).

Изъ Аркевани Котляревскій обратился къ населенію ханства съ особой прокламаціей, которой призывалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе содѣйствовать намъ въ истребленіи персіанъ. „Народъ талышинскій!—писалъ онъ.—Войска великаго и всемогущаго въ свѣтѣ императора руссійскаго пришли освободить васъ отъ рукъ персіанъ. Оставайтесь спокойны въ домахъ вашихъ и будьте увѣрены, что имущество ваше неприкосновенно. Русскіе не—персіане, и

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археог. ком., т. V, № 857.

<sup>3)</sup> Въ Аркевани: 100 чел. пѣх. (50 чел. грузинск. грен. п. и 50 чел. 17-го егерскаго п.) и 1 оруд. Въ Караязъ: 400 чел. пѣх. (156 » » » 250 » » » ») 470 казаковъ и 2 орудія.

не—разбойники, они не будутъ васъ грабить. Я требую отъ васъ только, чтобы всякій, могущій носить ружье, обратилъ оное противу притѣснителей, кои будутъ вскорѣ наказаны войсками всемилоствѣйшаго государя моего. Требую, чтобы вы добивали остатки сихъ изверговъ и пресѣкали имъ пути къ побѣгу, когда достигнетъ ихъ побѣдоносное оружіе. Обѣщаю вмѣстѣ съ симъ прощеніе тѣмъ изъ васъ, которые обманомъ и обѣщаніями персидскими вовлечены были предаться имъ добровольно. Таковые должны явиться ко мнѣ или къ законному своему хану, не опасаясь никакого наказанія, ибо слово русское—не есть слово персидское. Русскій не знаетъ коварствъ и не имѣетъ нужды въ обманахъ“<sup>1)</sup>). Воззваніе это ободрило раззоренныхъ талышинцевъ, и они охотно взялись за оружіе, истребляя „въ горахъ и лѣсахъ бѣгущихъ персіанъ“. „Все, славу Богу, идетъ хорошо,—доносилъ Котляревскій Ртищеву,—только труды солдатъ велики, но они подкрѣпляются порціею отбитаго скота, коего весьма избыточно“<sup>2)</sup>).

Выступивъ изъ Аркевани 24-го декабря, наканунѣ Рождества Христова, Котляревскій, на другой день, присоединилъ къ себѣ по пути гарнизонъ Гамушевани и, усилившись этимъ до полуторы тысячи человѣкъ, подошелъ 26-го декабря къ Ленкорани и въ ту же ночь обложилъ ее<sup>3)</sup>).

Построенная англичанами, крѣпость эта, служившая главнѣйшимъ оплотомъ персіанъ въ Талышинскомъ ханствѣ, была расположена, въ видѣ неправильнаго четырехугольника, не вдалькѣ отъ моря, среди болотъ, на лѣвомъ берегу р. Ленкоранки, имѣвшей здѣсь около 80-ти сажень ширины. Наибольшая сторона этого четырехугольника, обращенная капонирнымъ фронтомъ на юго-западъ, къ сторонѣ Персіи, имѣла длину до 130 сажень; противоположная ей—сѣверо-восточная сторона, обращенная къ нашимъ владѣніямъ, имѣла начертаніе неправильнаго полигона, длиною около 80-ти сажень. Остальныя

<sup>1)</sup> Графъ Соллогубъ, стр. 139.

<sup>2)</sup> Рапортъ отъ 24-го декабря 1812 года № 909.

<sup>3)</sup> Въ отрядѣ Котляревскаго подъ стѣнами Ленкорани состояло: Грузинскаго гренадерскаго полка 937 ч.; 17-го егерскаго полка 291 ч.; Троицкаго мушкетерскаго—168 ч., Каспійскаго морского баталіона 313 ч. и артиллеристовъ 50 ч. Всего 1761 человѣкъ. Въ томъ числѣ: 6 шт.-офицер., 57 об.-офиц., 131 унт.-офиц., 37 музыкант. и 1530 ряд.

двѣ стороны: одна—юго-восточная, вдоль берега рѣки, противъ моря, и другая—сѣверо-западная, обращенная къ селенію Гамушевани, имѣли каждая по 100 сажень въ длину. На углахъ были возведены батареи бастіоннаго начертанія, при чемъ наиболѣе сильныя изъ нихъ обстрѣливали подступъ къ крѣпости съ сѣверной и западной сторонъ. Остальные фасы прикрывались болотами и рѣкой. Гарнизонъ состоялъ изъ 4-хъ тысячъ отборныхъ персидскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ родственника Баба-хана, извѣстнаго своею храбростію и мужествомъ Садыкъ-хана, которому Аббасъ-Мирза, приказалъ: „что ежели бы и цѣлыя горы войскъ возстали противу него, онъ не долженъ колебаться, но защищать до послѣдней капли крови сей ключъ къ сердцу Персіи“ <sup>1)</sup>).

Желая избѣжать кровопролитія, Котляревскій, на другое же утро по обложеніи Ленкорани, послалъ коменданту ея письмо, съ требованіемъ сдачи. „По волѣ главнокомандующаго,—писалъ онъ Садыкъ-хану,—<sup>2)</sup> пришелъ я освободить талышинское владѣніе отъ рукъ персіанъ и, слѣдовательно, долженъ взять Ленкорань. Зная васъ, сколько со стороны храбраго, столько же и благоразумнаго предводителя, считаю нужнымъ предувѣдомить, что сопротивленіе ваше будетъ напрасно. Какой бы вы отличный полководецъ ни были, но не лучше Аббасъ-Мирзы, и войска у васъ не больше, какъ тогда было; воины же великаго, всемогущаго въ свѣтѣ Россійскаго государя, находившіеся при разбитіи Аббасъ-Мирзы и при взятіи Асландуза, теперь здѣсь, и, сверхъ того, присоединены къ нимъ бывшіе до сего въ Талышинскомъ ханствѣ. И такъ, когда сынъ Баба-хана не могъ устоять противу побѣдоноснаго оружія, то уже, конечно, вы отразить ударъ не сильны. Во избѣжаніе безполезнаго пролитія крови, я предлагаю вамъ согласиться сдать крѣпость. Подумайте, что вы, слѣдуя благоразумію, сохраните жизнь, достоинство и имущество ваше и всѣхъ подкомандующихъ, а напротивъ—потеряете все, не внемля гласу здраваго разсудка. Впрочемъ, мой долгъ вамъ сказать, а въ волѣ вашей избрать; только послѣ я буду правъ предъ Богомъ и человѣчествомъ. На сіе ожи-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 854 стр. 703.

<sup>2)</sup> Въ письмѣ отъ 27-го декабря 1812 года.

даю отвѣта черезъ три часа и для того приказалъ на всѣхъ батареяхъ остановиться дѣйствовать“.

Но мужественный Садыкъ-ханъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что долгъ его защищаться до послѣдней возможности. „Напрасно вы думаете, генералъ,—писалъ онъ Котляревскому,—что несчастье, постигшее моего государя, должно слѣдовать мнѣ примѣромъ. Одинъ Богъ располагаетъ судьбою сраженія и знаетъ кому пошлетъ свою помощь“<sup>1)</sup>.

Батареи наши открыли огонь по крѣпости. Для большаго усиленія дѣйствія бомбардировки, съ одного изъ военныхъ судовъ свезена была 3-хъ пудовая мортира. Двое сутокъ орудія наши обстрѣливали крѣпость, не причиняя, однако, противнику большого вреда. Глинобитныя крѣпкія стѣны оказались непробиваемыми для небольшихъ снарядовъ полевыхъ пушекъ, а отъ навѣснаго огня гарнизонъ укрывался подъ кровлями, пристроенными къ внутренней покатости бруствера. Бомбардировка, такимъ образомъ, не обѣщала большого успѣха. Тогда Котляревскій вторично послалъ въ крѣпость письмо, въ которомъ убѣждалъ хановъ, чиновниковъ и гарнизонъ пощадить себя, женъ, дѣтей, имущество и не упорствовать въ безцѣльной оборонѣ. „Всякій изъ васъ посудить можетъ,—писалъ онъ,—что когда Аббасъ-Мирза и Асландузъ не могли устоять противу побѣдоноснаго оружія меньшаго числа воиновъ, чѣмъ теперь здѣсь находится, то будетъ ли достаточно силъ вашихъ отразить ударъ, какою бы храбростію каждый изъ васъ преисполненъ ни былъ? Вы подумайте, что всякій русскій солдатъ не имѣетъ ни женъ, ни дѣтей, ни родственниковъ, ни богатства,—онъ съ одною чистою душою вступилъ въ службу законнаго государя, съ тѣмъ, чтобы положить жизнь свою для пріобрѣтенія побѣды. Напротивъ, каждый изъ васъ, имѣя женъ, дѣтей и родственниковъ, жертвуетъ всѣмъ симъ и жизнію“. Убѣждая далѣе гарнизонъ не вѣрить Садыкъ-хану, желающему напрасно пролить кровь изъ одного только стремленія прослыть храбрымъ, Котляревскій предварялъ: „Я и всѣ войска подъ моею командою не отступятъ отъ крѣпости, не покривъ ее оружію великаго Россійскаго государя. Начиная отъ меня

<sup>1)</sup> Гр. Соллогубъ стр. 142.

и до послѣдняго солдата всѣ или помремъ, или возьмемъ крѣпость... Я буду ждать на сіе отвѣта вашего черезъ три часа<sup>1)</sup>. Но „надменность персіанъ,—какъ доносилъ Ртищевъ,—простиралась до того, что они на сіе предложеніе не дали даже никакого отвѣта“<sup>2)</sup>. Положеніе Котляревскаго становилось критическимъ: надежда на добровольную сдачу гарнизона разсѣялась окончательно; а между тѣмъ, снаряды приходили къ концу, люди сильно терпѣли отъ холода, и получилось извѣстіе о движеніи самого Аббасъ-Мирзы съ большими силами на выручку Ленкорани<sup>3)</sup>.

Оставалось одно изъ двухъ: или отступить, или штурмовать. И Котляревскій, „какъ истинный сынъ отечества и ревнитель къ славѣ оружія“, остановился на послѣднемъ средствѣ. „Не взирая на неравенство въ силахъ и способахъ, онъ рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ или умереть, ибо отступить значило бы помрачить честь російскаго оружія, предать навсегда въ руки персіанамъ талышинскаго хана со всѣмъ его владѣніемъ, и напрасно при томъ жертвовать потерю людей во время отступленія отъ чрезвычайнаго холода, голода и непріятеля, который по лѣсистымъ и гористымъ дорогамъ могъ бы нанести большой вредъ“<sup>4)</sup>.

Несомнѣнно, что штурмовать съ полуторатысячами человекъ сильную, хорошо вооруженную крѣпость, защищаемую 4-хъ тысячнымъ надежнымъ гарнизономъ, съ энергичнымъ и храбрымъ комендантомъ во главѣ, значитъ идти на предпріятіе, въ которомъ единственный расчетъ—дерзость. Исторія даетъ не много подвиговъ подобнаго рода, но всѣ они имѣютъ одну общую характерную черту, это—безповоротную рѣшимость вождя побѣдить или умереть. Психологическое значеніе этой рѣшимости такъ велико и могущественно, что передъ нею стушевываются численныя соотношенія, и всякая матеріальная сила, какъ бы ни была таковая велика, неизбежно уступаетъ въ этомъ случаѣ неподдающейся никакимъ вычисленіямъ силѣ духа.

„Истошивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣ-

---

<sup>1)</sup> Письмо отъ 29-го декабря 1812 года и графъ Соллогубъ стр. 144.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 28-го января 1813 г. № 31.

<sup>3)</sup> Тамъ же.

<sup>4)</sup> Изъ всеподданнѣйшаго доклада Ртищева, отъ 28-го января 1813 г., № 31.

пости,—писалъ Котляревскій въ приказѣ по своимъ войскамъ,— найдя его къ тому непреклоннымъ, не остается болѣе никакого способа покорить сію крѣпость оружію російскому, какъ только силою штурма. Рѣшаясь приступить къ сему послѣднему средству, даю знать о томъ войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что отступленія не будетъ. Намъ должно взять крѣпость или всѣмъ умереть,—затѣмъ мы сюда и присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ ему, храбрые солдаты, что штыку русскаго ничто противиться не можетъ. Не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіане; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ, первое—послушаніе; второе—помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону и вѣрнѣе взять крѣпость; опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные повѣрятъ; третье—не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не окончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. По окончаніи же штурма приказано будетъ грабить, и тогда все—солдатское, кромѣ что пушки, знамена, ружья со штыками и магазины, кои принадлежатъ государю. Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ и солдатъ Грузинскаго гренадерскаго, 17-го егерскаго и Троицкаго пѣхотнаго полковъ, а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужатъ лучшую репутацію, чѣмъ до сего между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ, ежели бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струсилъ, тотъ будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ, и здѣсь, внѣ границъ, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, не смотря на чинъ“<sup>1)</sup>.

Диспозиціей, отданной попутно съ приведеннымъ выше приказомъ, опредѣлялся порядокъ штурма. Отрядъ раздѣлялся: на три штурмовыхъ колонны, одну для производства фальшивой атаки и резервъ въ прикрытіе батарей<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Военно-учен. арх. отд. 2-й, № 2416. Бобровскій, ч. 3, стр. 304.

<sup>2)</sup> Первая колонна, подполковника Ушакова, силою около 600 человекъ, состояла изъ 6-ти ротъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Вторая колонна, майора Павалишина, состояла изъ 2-хъ

„Въ 5 часовъ по полуночи колонны,—говорилось въ диспозиціи,—выступаютъ съ назначенныхъ имъ пунктовъ, имѣя впереди стрѣлковъ, и слѣдуютъ къ крѣпости, съ крайнею тишиною и скоростью; если непріятель не откроетъ огня, то стрѣлки отнюдь не стрѣляютъ, когда же отъ непріятели будетъ сильный огонь, то стрѣлки тотчасъ бьютъ по непріятелю, а колонны наипоспѣшнѣе ставятъ лѣстницы и взбѣгаютъ на батарею и на стѣны.

Первая колонна штурмуетъ батарею и стѣну къ Гамушевану, ставя одну лѣстницу на батарею, а прочія тотчасъ отъ оной вправо.

Третья колонна беретъ батарею, лежащую противу моря къ рѣчкѣ, и штурмуетъ стѣну отъ оной вправо.

Каждая колонна, какъ скоро возьметъ назначенную ей батарею, тотчасъ оборачиваетъ непріятельскія орудія и стрѣляетъ картечью въ середину крѣпости, между тѣмъ очищаютъ стѣны отъ себя вправо и влѣво, а первая колонна отбиваетъ поспѣшнѣе ворота, дабы впустить резервы.

Одна рота Грузинскаго гренадерскаго полка раздѣляется на двѣ части для фальшивыхъ атакъ: первая дѣлаетъ оную противъ батареи, къ рѣчкѣ лежащей, и ежели возможность будетъ, то беретъ сію батарею, другая же—отъ непріятельской батареи, назначенной штурмовать первой колоннѣ, тревожитъ непріятели съ лѣвой стороны. Команды сіи выступаютъ вмѣстѣ съ колоннами и не тревожатъ непріятели, пока не откроется сильный огонь по колоннамъ, тогда они поспѣшнѣе бѣгутъ къ назначеннымъ мѣстамъ, кричатъ „ура“ и бьютъ тревогу.

„Барабанщики въ колоннахъ отнюдь не бьютъ тревогу, пока не будутъ люди на стѣнахъ; и люди въ колоннахъ не стрѣляютъ и не кричатъ „ура“, пока не влѣзутъ на стѣну. Когда всѣ батареи и стѣны будутъ заняты нами, то въ средину крѣпости безъ приказанія не ходитъ, но бить непріятели только картечью изъ пушекъ и ружей. Не слушать отбоя, *его не будетъ*, пока непріятель совер-

---

ротъ Троицкаго пѣхотнаго полка и 350 человекъ морскаго Каспійскаго баталіона. Всего около 500 человекъ. Третья колонна, маіора Терешкевича, составлялась изъ одной роты Грузинскаго гренадерскаго и 350 человекъ 17-го егерскаго полковъ. Для фальшивой атаки назначалась рота Грузинскаго гренадерскаго полка. (Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 857).

шенно истребится или сдастся; и если прежде, чѣмъ всѣ батареи и всѣ стѣны будутъ заняты, ударятъ отбой, то считать оный за обманъ, такой же, какъ непріятель сдѣлалъ въ Асландузѣ. Сверхъ того знать, что нашъ отбой будутъ бить три раза, который повторять всѣмъ барабанщикамъ, и тогда уже прекращается дѣло.

Резервамъ на прежнихъ батареяхъ состоятъ изъ остающихся отъ штурма людей.

Такъ какъ уже сказано въ приказѣ, что отступленія не будетъ, то остается теперь сказать, что если сверхъ чаянія, которой либо колонны люди замнутъ идти на лѣстницы, то всѣхъ будутъ бить картечью " 1).

Такова была рѣшимость Котляревскаго, которую онъ и старался влить въ каждого изъ своихъ подчиненныхъ.

Три магическихъ слова: „отступленія не будетъ“ глубоко запали въ душу каждого солдата и сдѣлались въ послѣдствіи девизомъ тѣхъ частей, которыя имѣли счастье пройти боевую школу подъ руководствомъ славнѣйшаго изъ героевъ кавказской войны.

Въ ночь съ 31-го декабря на 1-е января колонны, задолго до разсвѣта, заняли указанная имъ мѣста и въ 5 часовъ утра двинулись въ сторожайшей тишинѣ къ стѣнамъ Ленкорани 2). Противникъ, однако, уже былъ, вѣроятно, предувѣдомленъ и встрѣтилъ штурмующихъ жестокомъ огнемъ. Тѣмъ не менѣе, войска быстро перешли ровъ, приставили лѣстницы и смѣло полѣзли на стѣны. Но тутъ наткнулись на страшное сопротивленіе. „Все, что только отчаяніе въ высшей степени и жестокосердіе осажденныхъ могло изобрѣсти къ гибели штурмовавшихъ войскъ, какъ то: пики, рогатки, камни, подсвѣты и ручныя гранаты,—было при семъ случаѣ съ неимовѣрнымъ ожесточеніемъ приведено въ дѣйствіе“ 3). Всѣ

1) Графъ Соллогубъ, стр. 141—144. Бобровскій, ч. 3-я, стр. 305. Шабановъ стр. 129. Махлаюкъ, стр. 62. При всѣхъ достоинствахъ и характерности этой диспозиціи, въ ней, однако, не достаточно точно указываются направленія и пункты атаки для каждой изъ колоннъ. О второй колоннѣ, напримѣръ, не говорится ничего. Столь же неопредѣленно направленіе резервовъ. Все это объясняется, какъ надо думать, тѣмъ, что редакція диспозиціи передается не точно (подлинной въ распоряженіи Отдѣла не имѣется),

2) Штурмъ, такимъ образомъ, произошелъ 1-го января 1813 года, а не 31-го декабря 1812 года, какъ это обозначено на прилагаемомъ планѣ, снятомъ съ находящагося въ V томѣ актовъ кавк. археогр. ком.

3) Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева, отъ 7-го января 1813 г. № 31.



попытки взобраться на стѣны оканчивались массою жертвъ, поражаемыхъ въ упоръ. Въ числѣ первыхъ гибли офицеры, воодушевлявшіе солдатъ. Въ самомъ разгарѣ этой бойни палъ начальникъ первой колонны, храбрый подполковникъ Ушаковъ <sup>1)</sup>). Колонна замялась. Въ этотъ критическій моментъ надъ трупомъ Ушакова появляется самъ Котляревскій. Пуля въ ногу привѣтствуетъ его, но онъ не смутился и, властно указавъ солдатамъ рукой на лѣстницу, громко крикнулъ „сюда“! Знакомый звукъ голоса любимаго начальника сразу ободрилъ смутившихся, и люди снова хлынули къ стѣнамъ. Въ это мгновеніе двѣ пули, пущенныя сверху, поражаютъ отважнаго вождя и онъ безмолвно окровавленный свалился на грудь погибшихъ уже богатырей.

Казалось бы, что это несчастье должно было снова и еще болѣе смутить едва ободренныя войска. Но сила импульса, даннаго личнымъ примѣромъ Котляревскаго, была на столько велика, что чувство самосохраненія безслѣдно исчезло въ каждомъ бойцѣ, уступивъ мѣсто лишь одной неутолимой жаждѣ мщенія за гибель любимаго вождя. „Въ ту минуту, какъ силы меня оставили,— рассказывалъ впослѣдствіи самъ Котляревскій,—я, какъ бы въ сладкомъ снѣ, слышалъ высоко надъ своею головою побѣдное „ура“!, вопли персіанъ и ихъ мольбы о пощадѣ“. Началось ужасное соревнованіе ярости нападенія съ упорствомъ обороны. Солдаты лѣзли на стѣны, какъ бы не замѣчая грозившей опасности; хватались руками за дула неприятельскихъ ружей и, или погибали отъ выстрѣловъ въ упоръ, или втаскивались самими же врагами на стѣну и гибли тамъ въ неравной борьбѣ. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій удалось таки „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ водрузить знамя побѣды на стѣнахъ Ленкорани“ <sup>2)</sup>). Достойный сподвижникъ Котляревскаго, Грузинскаго полка майоръ Абхазовъ, успѣлъ съ ротою гренадеръ взобраться на

---

<sup>1)</sup> Ушаковъ—герой имеретинскихъ экспедицій, Ахалкалакъ и Асландуза. Принялъ участіе въ штурмѣ, не смотря на то, что высочайшимъ приказомъ былъ уже переведенъ въ Витебскій пѣх. полкъ: (Акты кавк. арх. ком., т. V, № 857). Донося о потеряхъ при штурмѣ, Котляревскій писалъ: «Но потеря сія наипаче чувствительна смертью храбраго и многообщавшаго для пользы службы подполковника Ушакова, который, вмѣстѣ съ другими отличными офицерами, за славу и честь оружія положилъ въ семь дѣлъ животъ».

<sup>2)</sup> «Русскій Инвалидъ», 1837 г., № 26.



*Штурмъ въ Севкопану.*

стѣну и завладѣлъ батареей. Найденное тутъ заряженнымъ орудіе было тотчасъ же повернуто на крѣпость, и градъ картечи обдалъ непріятеля, спѣшившаго сбросить обратно со стѣнъ горсть нашихъ гренадеръ. Всѣ усилія персіанъ сбить Абхазова оставались тщетными, а между тѣмъ, пользуясь успѣхомъ первой колонны, взобрались на стѣны и остальные двѣ. Противникъ былъ повсюду сброшенъ во внутрь крѣпости, но и здѣсь продолжался столь упорный бой, что, по словамъ персидскаго историка, „мышцы, рукъ отъ взмаха и опусканія меча, а пальцы отъ взвода и спуска ружейнаго курка въ продолженіи шести часовъ были лишены всякой возможности насладиться отдохновеніемъ; бой на стѣнахъ и въ крѣпости былъ до того кровопролитенъ, что отъ грома и молніи пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ даже сами облака разразились каплями кроваваго дождя“. Ожесточеніе нашихъ войскъ достигло высшей степени. Все живое, встрѣчавшееся на пути, погибало подъ штыками. Сопротивленіе сдѣлалось немыслимымъ, и уцѣлѣвшіе еще защитники, оттѣсненные къ береговому фасу крѣпости, начали бросаться въ рѣку, въ надеждѣ найти спасеніе на противоположномъ берегу ея. Но здѣсь встрѣчала ихъ картечь двухъ пушекъ, временно поставленныхъ Котляревскимъ на правомъ берегу Ленкоранки, подъ прикрытіемъ 80-ти стрѣлковъ. Бѣглецы поворачивали снова къ лѣвому берегу, для того чтобы и здѣсь наткнуться на штыки и пули гренадерской роты, назначенной по диспозиціи для производства во время штурма фальшивыхъ атакъ. „Симъ перекрестнымъ огнемъ,—доносилъ Ртищевъ,—нанесено столь сильное пораженіе, что рѣка сдѣлалась кровавою; обратили всѣхъ въ море и провожали до онаго съ обоихъ береговъ ружейными выстрѣлами“<sup>1)</sup>.

Это было не пораженіе, а почти поголовное истребленіе непріятеля.

„Уронъ персіанъ,—по донесенію Ртищева,<sup>2)</sup>—превосходилъ всякое ожиданіе. Изъ всего непріятельскаго гарнизона никто не спасся; всѣ легли на мѣстѣ битвы. Самъ сердаръ Садыкъ-ханъ и всѣ съ нимъ бывшіе ханы положили головы свои въ потерянной

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 856.

<sup>2)</sup> Всенодданнѣйшій рапортъ отъ 28-го января 1813 г. № 31.

ими крѣпости; болѣе 2500 остались убитыми на стѣнахъ и въ крѣпости; остальные погибли въ морѣ; плѣнныхъ никого не взято, потому что чрезвычайное ожесточеніе солдатъ за упорство защиты все повергало штыками“. Два знамени, 8 англійскихъ орудій, булава Садыкъ-хана, „означающая повелительное его достоинство“, большіе запасы пороха и снарядовъ, богатый магазинъ съ провіантомъ достались въ руки побѣдителей.

Такъ кончилось это „безпримѣрное дѣло, гдѣ, по словамъ Ртищева, единодушіе и стремленіе къ славѣ, чтобы побѣдить или умереть, дѣйствовало отъ командовавшаго до послѣдняго солдата... Все, что только безпримѣрная храбрость, честь оружія и защита праваго дѣла могли внушить россійскимъ воинамъ, было исполнено, и Богъ, поборникъ правды, видѣвшій съ какимъ коварствомъ персіане заняли Талышинское ханство, покорилъ, наконецъ, крѣпость неодолимому россійскому оружію“. <sup>1)</sup>

Однако, не дешево достался и намъ этотъ успѣхъ. Въ теченіе 3-хъ часоваго штурма мы потеряли убитыми и ранеными 41 офицера и 909 нижнихъ чиновъ, что составляетъ болѣе половины общаго числа отряда. <sup>2)</sup> Въ отдѣльныхъ же частяхъ, какъ, напримѣръ, въ 17 егерскомъ полку, въ которомъ изъ 291 человѣка, бывшихъ на штурмѣ, уцѣлѣло только 74 человѣка, уронъ составлялъ 75%. <sup>3)</sup>

„Впрочемъ, никакая потеря со стороны войскъ вашего императорскаго величества,—доносилъ Ртищевъ,—не можетъ сравняться съ важностью взятія сей крѣпости на Каспійскомъ морѣ, устроенной англичанами, почитаемой персіанами неприступною, и слава оружія вашего величества, пріобрѣтенная симъ безпримѣрнымъ штурмомъ, пребудетъ во вѣки незабвенна. Въ позднѣйшія времена предастся, что, за исключеніемъ резерва и занятыхъ постовъ, только 1500 россійскихъ воиновъ, одушевленныхъ неподражаемымъ геройствомъ, сражаясь противъ 4-хъ тысячъ персидскаго гарнизона, защищеннаго укрѣпленіями и вооруженнаго всѣми вредоносными способами для отраженія россіанъ,—пріобрѣли штурмомъ толико важную крѣпость; предастся также и то, что единодушный обѣтъ

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Тамъ же.

<sup>3)</sup> Бобровскій «Исторія Эриванскаго полка» ч. 3, стр. 306—307.

штурмовавшего отряда былъ—всѣмъ умереть или побѣдить, и потомство возвеселится рвенію къ славѣ своихъ предшественниковъ“<sup>1)</sup>.

Нельзя, конечно, отрицать величія подвига, совершеннаго русскими войсками подъ Ленкоранью, но тягость понесенныхъ при этомъ потерь была несоразмѣрно велика уже однимъ тѣмъ, что въ числѣ непоправимо изувѣченныхъ находился и самъ „бичъ персіанъ“, славнѣйшій герой и гордость кавказскихъ войскъ—Котляревскій. „Скорблю душевно,—писалъ ему Ртищевъ,—о полученныхъ вами ранахъ, но въ то же время утѣшаюсь свѣдѣніями, до меня дошедшими, что онѣ не опасны. Я съ усердіемъ благодарю Бога за сохраненіе вамъ жизни, ибо по искреннѣйшему участію, мною въ васъ пріемлемому, и по увѣренности моей, засвидѣтельствованной передъ самимъ всемилостивѣйшимъ государемъ императоромъ, что отечество отъ военныхъ достоинствъ вашего превосходительства можетъ ожидать важной пользы для службы, никакіе пріобрѣтенные въ семъ случаѣ успѣхи съ пожертвованіемъ вашимъ не могли бы меня обрадовать и наполнили бы сердце мое всегдашнею горестью“<sup>2)</sup> На дѣлѣ, однако, оказалось, что ленкоранскій подвигъ, къ сожалѣнію, былъ блестящимъ финаломъ боевой дѣятельности героя.

Извлеченный изъ подъ груды труповъ, Котляревскій почелся убитымъ. Онѣ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни. Лицо его было совершенно обезображено: правый глазъ вытекъ, верхняя челюсть раздроблена, и осколки ея торчали въ страшно зияющей ранѣ. Изъ прострѣленной ноги ушло много крови. Однако, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, обнаружена была еще тлѣвшаяся искра жизни и, благодаря искусству и неусыпнымъ попеченіямъ полковаго врача, Котляревскій вырванъ былъ изъ рукъ смерти<sup>3)</sup>. Сильный, закаленный организмъ далъ ему возможность, не

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 28 Января 1813 г. № 31. Заключительная часть приведенной выписки составляетъ перефразъ донесенія Котляревскаго, который въ рапортѣ отъ 8 Января 1813 г. за № 15 писалъ Ртищеву: «Пусть строгая тактика называетъ штурмъ сей дерзостью. Въ позднѣйшія времена передастся, что 1500 чел. русскихъ штурмовали крѣпость, защищаемую 4 тыс. персіанъ; передастся также и то, что девизъ штурмоваго отряда былъ всѣмъ умереть или взяты крѣпость, и потомство возвеселится рвенію къ славѣ своихъ предшественниковъ».

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 722.

<sup>3)</sup> Признательный Котляревскій тогда же назначилъ этому доктору пенсію и аккуратно высылалъ ее въ теченіе всей своей жизни, не смотря ни на какое состояніе своихъ собственныхъ средствъ.

смотря на тяжесть ранъ, не оставляя своего отряда и распоряжаться устройствомъ Талышинскаго ханства, а сознание совершеннаго подвига смягчало жестокия страданія героя. „Я самъ получилъ три раны,— доносилъ онъ Ртищеву,— и благодарю Бога, благословившаго запечатлѣть успѣхъ дѣла сего собственною моею кровью. Надѣюсь, что сей же самый успѣхъ облегчитъ страданія мои“. Какое значеніе придавалъ Котляревскій столь дорого купленному имъ успѣху, можно судить по его же собственнымъ словамъ, сказаннымъ почти четверть вѣка спустя: „Симъ штурмомъ достойно запечатлѣнъ 1812 годъ, и какъ при воспоминаніи сего незабвеннаго для Россіи года всякій россіанинъ возвысится духомъ, такъ при имени Ленкорани персіанинъ вздрогнетъ и преклонитъ колѣно славъ русской“<sup>1)</sup>).

За этотъ „отличный“ подвигъ Котляревскому пожалована была необычайная для его лѣтъ награда—орденъ св. Георгія 2-й степени. Кромѣ того, онъ получилъ единовременно 6 тысячъ рублей. Всѣмъ войскамъ, бывшимъ въ талышинской экспедиціи, объявлено высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ сверхъ того пожаловано по одному рублю серебромъ на человѣка.

Въ Тифлисѣ донесеніе о штурмѣ Ленкорани получено было лишь 26-го января. Восхищенный Ртищевъ тотчасъ же приказалъ служить благодарственный Господу Богу молебень, съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою, не только въ церквахъ Тифлиса и Закавказья, но и во всей Кавказской губерніи; а на другой день адъютантъ главнокомандующаго—поручикъ Аносовъ помчался въ Петербургъ съ донесеніемъ, въ которомъ Ртищевъ „за священный долгъ себѣ поставилъ отдать всю справедливость заслугамъ и достоинствамъ“ Котляревскаго<sup>2)</sup>).

Оставивъ въ Ленкорани, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Веселаго, отрядъ, изъ Каспійскаго морскаго баталіона и двухъ ротъ Троицкаго полка, Котляревскій съ остальными своими войсками выступилъ обратно въ Карабагъ. Печалень былъ этотъ походъ: ни музыки, ни пѣсенъ. Медленно и уныло шли войска за сдѣланными изъ бурки носилками, оберегая покой лежавшаго на нихъ, измученнаго

<sup>1)</sup> «Русскій Инвалидъ», 1835 г., №№ 25 и 26.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, №№ 722 и 853.

страданіями любимаго вождя. 29-го января отрядъ вступилъ въ Ахъ-огланъ <sup>1)</sup>, а вскорѣ затѣмъ, Котляревскій, поручивъ свои войска подполковнику Дьячкову, отправился въ Тифлисъ. Самъ Ртищевъ, въ полной парадной формѣ и въ александровской лентѣ, полученной имъ за Асландузъ, вышелъ встрѣтить изувѣченнаго героя. Котляревскій просился въ отпускъ въ Россію для леченія ранъ. Въ ожиданіи высочайшаго на это разрѣшенія, Ртищевъ, „видя, что день ото дня разстраивается столь полезное для службы всемиловѣйшему государю здоровье“ Петра Степановича, позволилъ ему отправиться на два мѣсяца къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ <sup>2)</sup>. Пользуясь этимъ, Котляревскій выѣхалъ, въ началѣ іюня 1813 года, изъ Тифлиса, рассчитывая, быть можетъ, снова возвратиться въ Закавказье, служившее въ теченіе болѣе 15-ти лѣтъ ареной его блестящей боевой дѣятельности. Но судьба рѣшила иначе.

Въ августѣ 1815 года, изъ войскъ, находившихся въ Закавказьѣ, образованъ былъ *Отдѣльный Грузинскій Корпусъ*, въ составѣ: 19-й и 20-й пѣх. дивизій и одной резервной (гренадерской) бригады. Последняя должна была составиться изъ Грузинскаго и Херсонскаго гренадерскихъ полковъ и 17-го егерскаго, которому жаловались преимущества егерскихъ-гренадерскихъ полковъ, съ переименованіемъ въ 7-й карабинерный. Начальникомъ новообразуемой бригады назначенъ былъ ген.-лейт. Котляревскій, все еще находившійся въ это время въ отпуску для леченія ранъ. „Извѣщая васъ о таковой волѣ его императорскаго величества, — писалъ ему Ртищевъ, — я покорнѣйше прошу васъ для всеподданнѣйшаго донесенія увѣдомить меня по нарочной эстафетѣ, можете ли вы и какъ скоро прибыть въ Грузію, для командованія тою бригадою, въ противномъ случаѣ, дайте знать о томъ, ежели здоровье ваше не допуститъ васъ воспользоваться толико лестною монаршею довѣренностью. Для меня же весьма бы пріятно было, если бы ваше превосходительство могли прибыть сюда и принять назначенную вамъ въ команду бригаду“ <sup>3)</sup>.

Но Котляревскій не могъ уже принять этого назначенія. Тяже-

<sup>1)</sup> Рапортъ Котляревскаго Ртищеву отъ 29-го января 1813 г. № 21. На обратномъ пути скончался отъ ранъ герой штурма маіоръ Терешкевичъ.

<sup>2)</sup> Предписаніе Котляревскому отъ 28-го мая 1813 г. № 343.

<sup>3)</sup> Архивъ шт. кавк. воен. округа дѣло за 1815 г. № 217.

лыя увѣчья не поддавались леченію и причиняли ему нескончаемыя страданія. Лишенный возможности продолжать служебное свое поприще, онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку и поселился въ сельцѣ Александровѣ, Бахмутскаго уѣзда. На покупку здѣсь имѣнія выдано было ему въ 1814 году изъ государственнаго казначейства 50 тыс. рублей на 12 лѣтъ. Треть этой суммы бережливый и скромный герой успѣлъ выплатить казнѣ, остальную же часть высочайшимъ рескриптомъ 1820 года „за службу и тяжкія раны и въ пособіе недостаточнаго состоянія“ повелѣно было не взыскивать.<sup>1)</sup>

Для героя Асландуза и Ленкорани началась новая жизнь: мирная, однообразная, молчаливая, но въ то же время жестоко-мучительная. Раздробленная челюсть, рана головы и выходившіе временами осколки раздробленныхъ костей причиняли ему невыразимыя страданія; онъ съ трудомъ говорилъ, а дышать свѣжимъ воздухомъ могъ лишь въ самые теплые лѣтніе дни. Для скорбной жизни молитва сдѣлалась лучшимъ утѣшеніемъ; онъ выстроилъ въ Александровѣ церковь и вызвалъ въ нее изъ родной Ольховатки престарѣлаго протоіерея—своего отца, который и дожилъ съ сыномъ до глубокой старости. Уединеніе раздѣлялъ родственникъ его, изувѣченный подъ Асландузомъ, маіоръ Шульгенъ, и нѣсколько ветерановъ изъ нижнихъ чиновъ, сопутствовавшихъ Котляревскаго во всѣхъ походахъ и бояхъ. Представители минувшей славы, запечатлѣвшіе кровью своею пламенную любовь къ отечеству, они до конца принимали живѣйшее участіе во всемъ, что касалось Кавказа, ревниво оберегая честь и славу, какъ собственную, такъ и бывшихъ своихъ сподвижниковъ. „Я позволю себѣ одно желаніе,—писалъ Котляревскій изъ своего тяжкаго, вынужденнаго' уединенія,—чтобы соотечественники мои были ко мнѣ и сподвижникамъ моимъ столько справедливы, сколько народы чуждые и самые враги побѣжденные. Подвиги во славу отечества должны оцѣниваться по достоинствамъ ихъ, а не по частямъ свѣта, въ коихъ происходили. Кровь русская, пролитая въ Азіи, на берегахъ Аракса и Каспія, не менѣе дорогоцѣн-

<sup>1)</sup> Не лишне замѣтить, что за всю свою жизнь Котляревскій ни разу не бывалъ въ столицахъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, и не имѣлъ въ высшихъ сферахъ рѣшительно никакихъ связей.



на пролитой въ Европѣ, на берегахъ р.р. Москвы и Сены. Пули галловъ и персовъ причиняютъ одинаковыя страданія. Не наша воля лишила насъ счастья участвовать въ священной войнѣ и дѣйствовать на защиту отечества внутри онаго: мы исполняли долгъ служить тамъ, гдѣ государю угодно, и, сражаясь въ отдаленномъ краю, на землѣ персидской, не посрамили земли русской“.

„Чести моей и сподвижниковъ своихъ никому не отдамъ“ — было до конца дней девизомъ доблестнаго героя <sup>1)</sup>).

Славу его не могли затмить даже величаво-грозныя событія 1812 года, и боевая репутація Котляревскаго была настолько громка, что передъ войной 1826 года императоръ Николай I-й приглашалъ его принять командованіе войсками противъ знакомыхъ ему персіанъ. „Увѣренъ, — писалъ государь, — что одного имени вашего достаточно будетъ, чтобы одушевить войска, вами предводительствуемая, утратить врага, неоднократно вами пораженнаго и держающаго снова нарушить тотъ миръ, къ которому вы первый открыли путь вашими подвигами“.

Но „живой мертвецъ“, какъ называлъ самъ себя Котляревскій, съ болью въ сердцѣ долженъ былъ отказаться отъ этого лестнаго предложенія, на которое, при лучшемъ здоровьѣ, пошелъ бы со всѣмъ увлеченіемъ своей пылкой души. „Всемиловѣйшій государь, — отвѣчалъ онъ императору. — Удостоясь получить высочайшій рескриптъ вашего величества, осчастливленный высокомонаршимъ вниманіемъ подданный, желалъ бы излить послѣднюю кровь на службѣ твоей, всемиловѣйшій государь! Но совершенно розстроенное здоровье, а особенно головная рана, недавно вновь открывшаяся, не позволяютъ мнѣ даже пользоваться открытымъ воздухомъ, отнимаютъ всякую возможность явиться на поприще трудовъ и славы. Лишенный снова службою моею покончить пламенное усердіе къ высочайшей особѣ обожаемаго государя, я считаю себя несчастнѣйшимъ“ <sup>2)</sup>). Рассказываютъ, что

---

<sup>1)</sup> Бобровскій, ч. 3 стр. 311. Слѣдя за дѣйствіями кавказскихъ войскъ, Котляревскій, какъ вино изъ его писемъ, былъ озабоченъ проектомъ сооруженія памятника въ Тифлисѣ «Россійскимъ войскамъ персидской войны, начавшейся съ 1802 года и конченной въ 1813 году, малымъ числомъ принесшимъ много пользы отечеству».

<sup>2)</sup> Графъ Соллогубъ.

много лѣтъ спустя, уже за нѣсколько дней до кончины, Котляревскій, въ кругу своихъ близкихъ, приказалъ принести высочайшій рескриптъ, приглашавшій его на службу, и шкатулку, ключъ отъ которой всегда хранилъ у себя. Въ шкатулкѣ оказалось 40 костей, вышедшихъ послѣ Ленкорани изъ его головы, чего онъ до тѣхъ поръ никому не показывалъ. „Вотъ,—сказалъ онъ, указывая на эти кости,—что было причиною, почему я не могъ принять назначеніе государя и служить до гроба престолу и отечеству“. Затѣмъ, обратившись къ племянницамъ, съ улыбкой прибавилъ: „это вамъ останется на память обо мнѣ“ <sup>1)</sup>.

Государь отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ тяжкому положенію героя и 22-го августа 1826 года, въ день своей коронаціи, пожаловалъ ему чинъ генераль-отъ-инфантеріи <sup>2)</sup>.

Въ 1838 году Котляревскій, по совѣту врачей, окончательно переѣхалъ въ Крымъ и поселился близъ Феодосіи на купленной имъ мызѣ „Добрый Пріютъ“. Это былъ незатѣйливой архитектуры двухъ-этажный домикъ, безъ всякихъ признаковъ службъ и домовитости, расположенный одиноко на солончакѣ пустынного морского берега. Небольшой планированный передъ домомъ садикъ, въ который земля была привезена изъ далека, не давалъ никакой тѣни. Столь же пустынно было и внутреннее убранство жилыхъ покоевъ мызы. Здѣсь то и жилъ, воспѣтый Пушкинымъ, „бичъ Кавказа“, въ обществѣ Шультена и нѣсколькихъ двоюродныхъ племянницъ. Въ 1848 году переѣхалъ по сосѣдству старинный другъ Котляревскаго, ген.

---

<sup>1)</sup> «Кавказъ» 1901 г. № 336.

<sup>2)</sup> Милость эта, вѣроятно, и вызвала въ Котляревскомъ стремленіе быть полезнымъ даже и въ его тяжеломъ положеніи. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1836 году, онъ представилъ императору Николаю записку, подъ заглавіемъ: „Правда стараго русскаго солдата“. „Всемилоствѣннѣйшій государь,—писалъ онъ при этомъ государю. Вслкій любящій отечество вѣрный сынъ и преданный престолу подданный долженъ служить государю правдою. Убѣжденный въ сему, лишаюсь тяжкими ранами способности подвизаться на полѣ ратномъ и на поприщѣ гражданскомъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему величеству „правду стараго русскаго солдата“. Удостойте, всемилоствѣннѣйшій государь, воззрѣть на нее, съ свойственнымъ вамъ великодушнѣмъ и милосердѣемъ, и принять какъ дань вѣрноподданнѣйшаго усердія. Не скрою передъ тобою, государь, и самыхъ сокровенныхъ чувствъ моихъ, но коимъ главнымъ побужденіемъ представленія „правды“ сей была мысль, не принесеть-ли она хоть малой пользы августѣйшему наслѣднику престола—радости и надеждѣ твоей и Россіи“.

Писанные самимъ Котляревскимъ черновики обоихъ писемъ его государю хранятся въ рукописяхъ бібліотеки л. гр. Эриванскаго полка. Но гдѣ обрѣтается самая записка и каково содержаніе ея, — остается, къ сожалѣнію, неизвѣстнымъ.

лейт. Ладинскій. <sup>1)</sup>). Однообразіе по прежнему мучительной жизни нарушалось лишь воскресными обѣдами, къ которымъ приглашалось избранное общество Θεодосіи въ „Храмъ Славы“, какъ называли сосѣди мизу Котляревскаго <sup>2)</sup>). Тихо протекали дни героя, страдавшего съ чисто христіанскимъ терпѣніемъ, безъ жалобъ на устахъ. Вставалъ онъ лѣтомъ въ 5 часовъ, а зимой—съ разсвѣтомъ, и тотчасъ же одѣвался; халата не имѣлъ никогда, не позволяя себѣ нѣжиться

<sup>1)</sup> Шамшадилскій герой, затѣмъ—командиръ 7-го карабинернаго полка, а потомъ тайный совѣтникъ и завѣдывавшій при Воронцовѣ гражданской частью на Кавказѣ.

<sup>2)</sup> Очевидецъ такъ описываетъ эти званые обѣды: «Большая зала во 2-мъ этажѣ, съ паркетомъ по срединѣ столомъ и вокругъ него стульями по числу кувертовъ. Другой мебели никакой, а потому всѣ гости ожидали хозяйна стоя. Окна безъ занавѣсей. Стѣны зала побѣлены и безъ картинъ или какихъ либо разводовъ. Направо и налево по двери. Въ полуоткрытую на лѣво дверь видна простая кровать съ постелью, покрытая бѣлымъ покрываломъ. Противъ кровати, у стѣны, письменный столъ безъ признаковъ прибора для письма, книгъ и газетъ. Приглашенныхъ собиралось иногда до 30-ти человѣкъ. Ровно въ часъ разнесся по залу шопотъ: «идеть!» Въ дверь отъ входной направо вошелъ въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ старикъ съ шрамомъ на лицѣ, безъ одного глаза, въ подвязкѣ изъ черной косынки, съ выбитой челюстью. Стоявшіе въ ожиданіи хозяйна гости мигомъ размѣстились у стола противъ своихъ приборовъ. Безмолвно обойдя гостей и подавъ имъ руку, П. С. пригласилъ ихъ жестомъ садиться и самъ сѣлъ за столъ по срединѣ. Затѣмъ два ветерана, вѣроятно, сверстники генерала, внесли племянниковъ Котляревскаго—двухъ мальчиковъ, лѣтъ 6—8, и посадили ихъ на стульяхъ по обѣ стороны генерала. Изъ нихъ одинъ былъ страшный уродъ: горбатый, съ перекосеннымъ лицомъ и непомѣрно выпуклыми глазами, слюнявый и производилъ отталкивающее впечатлѣніе; а другой—полный контрастъ первому: бѣлокурый, со смѣющимися глазами, розовымъ личикомъ,—представлялъ херувима, слѣдѣвшаго съ неба. Обѣдъ обильный, но не продолжительный, безъ тостовъ. Всѣ блюда подносились хозяйну первому, а затѣмъ гостямъ. Во главѣ блюда, вмѣстѣ съ горячимъ жидкимъ, обносились гречневая каша въ миниатюрномъ горшечкѣ, бережно обернутомъ бѣлой салфеткой. Безмолвно начавшійся обѣдъ длился безмолвно до конца. Слышно было, какъ пролетаетъ муха. Затѣмъ, поблагодаривъ гостей краткимъ «благодарю» и отдавъ общій поклонъ, генералъ удалился въ дверь налево—въ свою спальню. Откинувъ въ виду насъ бѣлое покрывало, онъ легъ и вытянулся во весь ростъ на постели. Меня озялъ и подавилъ ужасъ, при взглядѣ на этого, такъ сказать, живой трупъ, а не человѣка, для котораго небитіе еще не наступило, изнемогающаго въ тяжелой борьбѣ съ одной стороны съ физическими страданіями, а съ другой—съ желаніемъ жить въ средѣ привычной ему обстановки». Послѣ обѣда гости приглашались въ нижній этажъ дома, гдѣ за десертомъ и выпивкой развлекались картами, шахматами, журналами и вообще вознаграждали себя за обѣденное молчаніе. «Въ 6-ть часовъ вечера, послѣ чая, разѣзжались, не подавая генерала. И такъ—каждый воскресный день. Въ теченіе слѣдовавшей затѣмъ недѣли генералъ по очереди благодарилъ посѣтителей своимъ визитомъ, посылая имъ карточки, которыя развозилъ лично. Пославъ карточку, онъ ждалъ отвѣта и въ случаѣ, когда посланный, возвратясь, докладывалъ: «вѣжливо просить»,—карета съ генераломъ отвѣзжала отъ подъѣзда и такой хозяинъ не получалъ уже приглашеній на воскресные обѣды. Вообще, отдавая визиты, Котляревскій ни къ кому въ домъ не заходилъ. Зная его, въ уваженіе его недуговъ, этимъ не обижались и всегда, когда онъ отдавалъ визиты, встрѣчали его на подъѣздѣ и привѣтствовали. Тогда дверка кареты отворялась, генералъ подавалъ руку и обмѣнивался нѣсколькими словами». (А. Назимко «Тифл. Лист. 1900 г. № 94). До Ленкорани Котляревскій былъ высокой, крѣпкой, красивый бронецъ, съ сѣрыми, какъ бы стальными глазами. Тяжелая рана лишила его одного глаза и совершенно перекосила лицо. Голову посеребрила сѣдина, но совершенно сѣдымъ Котляревскій не былъ до конца жизни. Воздержанная молодость и всеглашее отвращеніе къ кутежамъ и разгулу сохранили силы крѣпкаго организма, стойко выдерживавшаго даже въ преклонномъ возрастѣ невыразимыя страданія отъ тяжелыхъ ранъ.

даже въ періоды особо тяжкихъ страданій. Обычную одежду его составлялъ длинный сюртукъ изъ грубаго сѣраго сукна, съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ за Мигри—и больше никакихъ отличій. Обѣдалъ Котляревскій въ часть дня, послѣ чего немного отдыхалъ. Остальное время проводилъ за чтеніемъ книгъ и газетъ. Въ теплые дни и когда чувствовалъ себя хорошо—занимался хозяйствомъ на мызѣ. Вечеръ проходилъ въ обществѣ родныхъ и близкихъ. Широкая благотворительность сдѣлалась потребностью его великодушной души. Подобно тому, какъ послѣ штурма Ахалкалакъ онъ въ награду себѣ просилъ помилованія одного отличившагося унтеръ-офицера, которому грозило суровое наказаніе за крупное нарушеніе дисциплины; подобно тому, какъ послѣ Асландуза онъ послалъ съ донесеніемъ и трофеями капитана Быховцева и просилъ Ртищева отправить этого офицера далѣе въ Петербургъ, чтобы тѣмъ доставить ему возможность повидаться съ его родными,—такъ точно и здѣсь Котляревскій оставался неизмѣнно отзывчивымъ ко всякой нуждѣ и снискалъ себѣ благословленіе окрестныхъ жителей всѣхъ исповѣданій за тѣ благодѣянія, которымъ охотно посвятилъ страдальческую половину своей жизни.

Такъ наступилъ 1851 годъ, когда жизнь героя стала замѣтно угасать. Онъ сознавалъ это, но сокрушался лишь о томъ, что не могъ обезпечить старшую изъ своихъ племянницъ, которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безотлучно находилась при немъ. Изъ 15-ти тысячной пенсіи у Котляревскаго, при его щедрости и добротѣ, не оставалось рѣшительно никакихъ сбереженій <sup>1)</sup>). Тогда мелькнула у него мысль жениться на племянницѣ, съ тѣмъ, чтобы оставить ей право на полученіе крупной пенсіи. Онъ написалъ объ этомъ военному министру и, получивъ разрѣшеніе, довольный, назначилъ вѣнчаніе на 19-е октября—день асландузской побѣды, который онъ считалъ счастливейшимъ въ своей жизни. Но смерть была уже близка. Еще 10-го октября Котляревскій принималъ у себя намѣстника Кавказа, князя М. С. Воронцова, который, не смотря на бурю, свирѣпствовавшую на Черномъ морѣ, заѣхалъ въ

<sup>1)</sup> По смерти Петра Степановича въ домѣ найдено было всего 132 рубля, такъ что расходы на погребеніе покрыты были лишь послѣ того, какъ вытребовали пенсію, причитавшуюся за минувшій мѣсяць.

Крымъ навѣститъ стариннаго своего друга. Съ этого дня роковой часъ сталъ приближаться съ особенной быстротой. 19-го числа Петръ Степановичъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ ѣхать къ вѣнцу; совершить же обрядъ на дому воспрещали правила церкви. Онъ былъ въ отчаяніи и непрестанно твердилъ: „Боже мой, Боже мой! я сойду въ гробъ неблагодарнымъ. Это ужасно!“ Душевные волненія подрывали послѣднія силы умирающаго <sup>1)</sup>).

Тѣмъ не менѣе, на другой день, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, кромѣ Ладинскаго и племянницы, настоятельно требовалъ, чтобы его одѣли и везли въ церковь. Тщетно убѣждали его, что онъ можетъ умереть въ дорогѣ, или въ церкви. Котляревскій оставался непреклоннымъ. „Пусть умру я, — отвѣчалъ онъ, — исполняя священный для меня обѣтъ, но не умру неблагодарнымъ“. Это была послѣдняя вспышка той самой необычайной воли, которая нѣкогда вела героя на поля Асландуза и къ стѣнамъ Ленкорани. Чтобы успокоить умирающаго, ему предложили отправить экстренную эстафету въ Одессу къ архіерею съ просьбой разрѣшить совершеніе брачнаго обряда на дому. Петръ Степановичъ согласился и съ большимъ усиліемъ подписалъ письмо. Однако, отвѣтъ могъ получить не ранѣе, какъ дней черезъ пять. Мысль о возможности умереть раньше, невыразимо мучила больного, тѣмъ болѣе, что до послѣдней минуты онъ сохранялъ полную ясность ума. Такъ прошелъ въ глубокихъ волненіяхъ весь день 21-го октября. Настала ночь. Вдругъ умирающій, какъ бы собираясь на послѣднюю отчаянную борьбу со смертью, неожиданно поднялся, спустилъ ноги съ кровати и потребовалъ, чтобы его пересадили въ кресло. Но едва это было исполнено, какъ онъ затихъ и черезъ нѣсколько мгновеній незамѣтно скончался <sup>2)</sup>).

<sup>1)</sup> Племянница Котляревскаго была потомъ щедро обезпечена государемъ.

<sup>2)</sup> Котляревскій былъ погребенъ въ саду мызы «Добрый пріютъ», рядомъ съ умершимъ за три года передъ тѣмъ Шульценомъ, который, какъ бы и послѣ смерти, остался неразлучно вѣренъ своему бывшему начальнику и другу. Надъ могилами ихъ выстроена часовня. Около послѣдней погребенъ 80-лѣтній старецъ Осипъ Филиповъ, сопровождавшій Котляревскаго во всѣхъ бояхъ. Въ началѣ 70-хъ годовъ, усердіемъ знаменитаго художника И. К. Айвазовскаго, память Котляревскаго была почтена достойнымъ монументомъ на той землѣ, гдѣ онъ провелъ свои послѣдніе страдальческіе годы. Выстроенная по плану Айвазовскаго, часовня-музей украшаетъ теперь вершину горы, высящейся надъ Феодосіей. Зданіе въ греческомъ стилѣ, съ шестью колоннами, увѣнчанными фронтономъ, надъ которымъ водруженъ позолоченный крестъ. **Внутрен-**

Такъ сошелъ съ жизненной арены одинъ изъ славнѣйшихъ витязей русской земли, украсившій именемъ своимъ страницы отечественной исторіи, какъ высокій образецъ воинскихъ доблестей и человѣческихъ добродѣтелей. „Среди васъ возросъ и прославился Котляревскій, — говорилъ въ приказѣ по кавказскимъ войскамъ, почти полвѣка спустя послѣ Ленкорани, новый намѣстникъ кавказскій Муравьевъ.—Пусть имя его всегда будетъ въ памяти и сердцѣ вашемъ, какъ примѣръъ всѣхъ воинскихъ доблестей. Воинъ-христіанинъ, строгій къ себѣ, Котляревскій былъ строгъ и къ подчиненнымъ, уклоняющимся отъ исполненія своего долга. Онъ любилъ и берегалъ солдата, самъ раздѣлялъ съ нимъ труды и лишения, неразлучныя съ военнымъ бытомъ. Онъ не пренебрегалъ строемъ; въ дисциплинѣ видѣлъ залогъ нравственной силы, а потому и успѣха, — и войско понимало и любило его. Съ именемъ Котляревскаго оно передало потомству имена Ахалкалакъ, Асландуза и Ленкорани, гдѣ съ малыми силами поражалъ онъ сильныхъ враговъ. Благоговѣя передъ правилами Котляревскаго, среди васъ, воины Кавказа, буду искать ему подобныхъ — и найду ихъ!“<sup>1)</sup>

---

пость часовни, съ находящимся здѣсь образомъ св. Петра, кисти Айвазовскаго, освѣщается окномъ, въ видѣ креста св. Георгія, окаймленного орденскою лентою. Противъ окна — портретъ Котляревскаго въ богатой рамѣ, сдѣланной на средства (180 рублей) офицеровъ и нижнихъ чиновъ Грузинскаго гренадерскаго полка. Рама эта украшена писанными Айвазовскимъ медалями, изображающими группы солдатъ полка въ разныя эпохи его существованія. Вторая половина часовни занята музеемъ, входъ въ который украшенъ двумя древними мраморными гриффонами, поднятыми со дна моря. Во внутренности музея, кромѣ шести картинъ, писанныхъ Айвазовскимъ, хранятся: мраморныя доски съ греческими, римскими и византійскими надписями; древнія статуи изъ терракоты, медали и монеты. Гора, на которой находится часовня, обсажена дровяными и стараніями Айвазовскаго здѣсь разведенъ садъ.

Закладка часовни сдѣлана была въ 1870 г., а открытіе и освященіе въ 1873 г. И то и другое совершено было съ большимъ торжествомъ, при чемъ на закладкѣ епископъ херсонскій, желая въ рѣчи своей охарактеризовать заслуги и значеніе Котляревскаго сказалъ: „Многу славу созда намъ Господь его ради“.

<sup>1)</sup> Приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу 17-го мая 1855 г. № 103.



Портретъ Генерала Котляревскаго, писанный масо крѣпк профессоръ Жива зовемый.



Часовня и луга, сооруженные въ память Г-ля Котляревскаго въ горахъ Севастополя.



Часовня надъ могилою Г-ля Котляревскаго въ Севастополя.



Чурный крестъ внутри часовни надъ могилою Г-ля Котляревскаго.

## Глава XXV.

Отношеніе къ намъ Персіи послѣ Асландуза и Ленкорани. Переговоры о мирѣ. Заключеніе Гюлстанскаго трактата. Отношенія къ Турціи. Претензіи ея на области западнаго Закавказья. Принесеніе присяги на вѣрность Сурхай-ханомъ и успокоеніе Кюринской области. Переговоры съ царевичемъ Александромъ. Смерть тамышинскаго и шекинскаго хановъ. Увольненіе Ртищева и назначеніе преемникомъ ему ген.-лейт. А. П. Ермолова. Общій взглядъ на первый періодъ утвержденія владычества нашего на Кавказѣ съ 1800 по 1817 годъ.

Паденіе Ленкорани и почти поголовное истребленіе гарнизона ея произвело сильное впечатлѣніе не въ одной только Персіи, но и вообще во всѣхъ мусульманскихъ областяхъ Закавказья. Однако, и этотъ успѣхъ, подобно асландузскому, не принесъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, рѣшительныхъ результатовъ. Изумленные и угнетенные въ первое время, персіане снова ободрились, и война, тянувшаяся уже около 10-ти лѣтъ, все еще не могла считаться оконченной. По старому, начались набѣги персидскихъ партій въ Карабагъ; по старому, Аббасъ-Мирза собиралъ войска, а министры Баба-хана, въ намѣреніи выиграть время для вооруженій, снова вошли съ нами въ безконечные переговоры о мирѣ.

Но Асландузъ и Ленкорань не могли, конечно, пройти безслѣдно. Менѣе чѣмъ въ два съ половиной мѣсяца, съ 19-го октября 1812 года по 1-е января 1813 года, персидское правительство лишилось почти всѣхъ англійскихъ орудій (21-го), 36 фальконетовъ и около 10-ти тысячъ войска—въ томъ числѣ 6-ти баталіоновъ регулярной пѣхоты, „коихъ устроеніе стоило имъ весьма много“<sup>1)</sup>. И весь этотъ громадный ущербъ причиненъ былъ всего лишь двухтысячнымъ отрядомъ Котляревскаго.

У сторонниковъ и союзниковъ персидскаго правительства не-

<sup>1)</sup> Всеподданѣйшій рапортъ Ртищева отъ 28-го Января 1813 года № 31.



вольно долженъ былъ родиться вопросъ: способна-ли вообще Персія успѣшно единоборствовать съ Россіей, которая къ тому-же успѣла страхнуть съ себя бремя наполеоновскаго нашествія и побѣдоносно стояла теперь во главѣ цѣлой Европы? Отвѣтъ, конечно, получался отрицательный. И англичане поняли это прежде всѣхъ. Для нихъ стало ясно, что дальнѣйшее упорство персіанъ неизбежно приведетъ къ тому, чего больше всего опасалось англійское правительство, т. е. къ появленію русскихъ войскъ внутри Персіи и къ отторженію отъ послѣдней гораздо большей территории, чѣмъ та, на уступкѣ которой мы настаивали до Асландуза. Вѣроятность этого тѣмъ болѣе увеличивалась, что Ртищевъ, желая рѣшительно понудить персіанъ къ скорѣйшему заключенію мира, рѣшилъ, наконецъ, внести наше оружіе въ предѣлы Персіи. Съ этой цѣлью, предполагалось двинуть сухопутныя войска къ Тавризу, а эскадру каспійской флотилии, съ особымъ, сформированнымъ въ Астрахани десантомъ, — къ Энзели.

Приготовленія наши сразу подвинули впередъ переговоры о мирѣ. Руководившіе тегеранскимъ дворомъ англичане совершенно измѣнили свой образъ дѣйствій. Не имѣя никакой надежды остановить движеніе наше въ глубь Персіи вооруженной рукой, они рѣшили задержать насъ миромъ на тѣхъ рубежахъ, которые мы пріобрѣли въ теченіе ю-ти лѣтней войны съ Персіей и далѣе которыхъ мы сами въ это время не желали идти. Въ этихъ намѣреніяхъ, англійскій посолъ Горъ Узлей принялъ дѣйствительно искреннее участіе въ дѣлѣ установленія мирныхъ сношеній нашихъ съ Персіей и даже началъ понуждать послѣднюю къ скорѣйшему заключенію мира. Считаая, что главный противникъ послѣдняго Мирза Безюркъ желаетъ продолженія военныхъ дѣйствій лишь ради полученія ежегодно 200 тысячъ тумановъ англійской субсидіи, — Узлей объявилъ ему, что если со стороны Россіи будутъ предложены справедливыя условія мира, то англійское правительство почтетъ себя въ правѣ прекратить субсидію, которая „по смыслу трактата, отпускается, чтобы вредить непріятелямъ, а не союзникамъ Англій“ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Дубровинъ, т. VI, стр. 117.

Мѣра эта произвела самое рѣшительное дѣйствіе, и Баба-ханъ, устранивъ Мирзу Безюрка отъ участія въ мирныхъ переговорахъ, передалъ полномочія англійскому послу Горъ Узлею. Послѣдній, преслѣдуя основную свою цѣль, былъ весьма заинтересованъ въ томъ, чтобы, при заключеніи мира, Персія потеряла возможно меньшее пространство нѣкогда принадлежавшей ей территоріи. Не имѣя никакой надежды рассчитывать на уступчивость Ртищева, Узлей возмѣллъ намѣреніе перенести мирные переговоры въ Петербургъ, гдѣ можно было-бы дѣйствовать непосредственно на наше правительство. „Благодаря Богу, — писалъ онъ Ртищеву, — я былъ довольно счастливъ въ томъ, что обратилъ взоры шаха на существенныя его выгоды, открылъ обманы и лукавства министровъ, его сына (Аббасъ-Мирзы) и ожидаю только вашего отвѣта, дабы обязать Баба-хана на отправленіе къ стопамъ государя императора своего чрезвычайнаго посла съ употребительными въ такихъ случаяхъ подарками“.

Цѣль такого посольства была слишкомъ ясна, и Ртищевъ категорически отклонилъ это намѣреніе Узлея, заявивъ, что если посольство отправится лишь для принесенія подарковъ, то таковыя могутъ быть приняты только отъ дружественной державы, т. е. по заключеніи мира; въ послѣднемъ же случаѣ, чрезвычайныя послы должны быть взаимно отправлены къ каждому двору „съ приличными на такой случай привѣтствіями и изъявленіями дружбы“<sup>1)</sup>.

Потерпѣвъ неудачу, но не теряя все таки надежды съ теченіемъ времени добиться большей съ нашей стороны уступчивости, Узлей предложилъ Ртищеву свое дѣйствіе въ заключеніи предварительнаго перемирія на 12 мѣсяцевъ. „Впрочемъ, — добавлялъ онъ, — если бы ваше превосходительство пожелали заключить перемиріе на 15 или 16 мѣсяцевъ, вмѣсто 12-ти, то я надѣюсь имѣть столько вліянія на шаха, что убѣдилъ бы его согласиться на ваши желанія“<sup>2)</sup>. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая склонить Ртищева къ большей уступчивости, Узлей писалъ ему: „что касается *status quo ad presentem*, то въ уваженіе трудностей, какія долженъ былъ я превозмочь,

<sup>1)</sup> Акты кав. археогр. ком., т. V, № 854.

<sup>2)</sup> Письмо Узлея Ртищеву отъ 28-го іюня 1813 г.

дабы согласить на сіе персіанъ (такъ-какъ послѣднія пораженія ихъ дѣлали согласіе сіе еще болѣе затруднительнымъ по ихъ гордости) я надѣюсь, что ваше превосходительство охотно уступите Персіи какуюнибудь малую частицу владѣній, черезъ что докажется милосердіе великаго государя императора, его благодѣтельность и великость души, и въ то же время излечатся раны, кои персіане дѣйствительно чувствуютъ. Обстоятельство сіе я прошу васъ почтительно принять не въ видѣ требованія со стороны Персіи (ибо держава сія согласна на *status quo ad praesentem*), а только какъ простую личную мою просьбу, какъ искренняго друга обѣимъ сторонамъ“. Но всѣ эти предложенія и „просьбы“ были категорически отвергнуты Ртищевымъ. „Одно перемиріе, - отвѣчалъ онъ Узлею, — сколько-бы продолжительно оно ни было не можетъ составить обезпеченія для обѣихъ воюющихъ сторонъ. Если въ прошломъ году, когда Россія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, въ разсужденіи вторженія французовъ, и даже въ Грузіи произведенъ былъ мятежъ царевичемъ Александромъ, я отвергнулъ перемиріе съ Персіей единственно по поводу точно такихъ-же требованій со стороны персидскаго правительства, то тѣмъ болѣе теперъ я не могу и не въ правѣ, безъ нарушенія своихъ обязанностей, сдѣлать какуюлибо уступку изъ владѣній, состоящихъ подъ единственною властью его величества.“

Ртищевъ согласился всего на 50 дней перемирія, какъ на срокъ, совершенно достаточный для заключенія мира, и мѣстомъ для переговоровъ предложилъ избрать сел. Гюлистанъ, лежавшее на рѣкѣ Зейвѣ, у границы Елизаветпольской области и Карабагскаго ханства.

Не смотря на категорическій отказъ нашего главнокомандующаго сдѣлать какуюлибо уступку, Баба-ханъ и Узлей не прекращали настаивать въ этомъ направленіи и добились, наконецъ, того, что Ртищевъ согласился, по подписаніи мирнаго трактата, составить особый актъ, по которому персидскому правительству предоставлялось-бы право отправить особаго посла въ Петербургъ, просить у императора „о всѣхъ надобностяхъ и желаніяхъ, какія имѣетъ персидское правительство, но не какъ требованіе, подле-

жащее непремѣнному удовлетворенію, а единственно, какъ просьбу, исполненіе которой зависитъ отъ милости императора“<sup>1)</sup>).

Большей уступки Ртищевъ не находилъ возможнымъ сдѣлать и, въ случаѣ несогласія персидскаго правительства немедленно приступить къ мирнымъ переговорамъ, грозилъ начать военныя дѣйствія. Угроза эта была тѣмъ болѣе внушительна, что въ это время каспійская эскадра, предназначавшаяся, какъ сказано, для экспедиціи въ Энзели, подошла уже къ талышинскимъ берегамъ<sup>2)</sup>).

Дальнѣйшее упорство могло привести только къ катастрофѣ, и персидское правительство, согласившись относительно Гюлистана, какъ пункта для веденія мирныхъ переговоровъ, назначило своимъ уполномоченнымъ Мирзу-Абуль-Хассанъ-хана, бывшего передъ тѣмъ чрезвычайнымъ посломъ въ Англіи. Съ нашей стороны веденіе переговоровъ взялъ на себя самъ главнокомандующій ген. Ртищевъ. 27-го сентября Мирза-Абуль-Хассанъ прибылъ въ Гюлистанъ, и 1-го октября подписанъ былъ актъ о предварительномъ перемиріи на 50 дней.

Вслѣдъ затѣмъ, приступлено было къ обсужденію мирныхъ условій, при чемъ Мирза-Абуль-Хассанъ объявилъ, что тегеранскій дворъ желаетъ включить въ мирный трактатъ особый параграфъ, по которому персидскому полномочному послу, имѣющему по заключеніи мира отправиться въ Петербургъ, было-бы предоставлено право просить императора о возвращеніи Персіи нѣкоторыхъ областей, отходящихъ по трактату къ Россіи, съ тѣмъ условіемъ, что-бы просьба эта была уважена петербургскимъ кабинетомъ.

Это странное условіе, уничтожавшее самый смыслъ и значеніе мирнаго трактата, было, понятно, отвергнуто Ртищевымъ, который подтвердилъ первоначальное свое согласіе лишь на составленіе особаго сепаратнаго акта, угрожая въ противномъ случаѣ прервать переговоры.

Особенно большія затрудненія въ дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ представило опредѣленіе границъ тѣхъ областей, которыя должны были отойти къ Россіи. Не имѣя никакого представленія о географической картѣ и не зная даже въ точности какія мѣста находились въ дѣй-

<sup>1)</sup> Акты кав. археогр. м., Г. V, № 873.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ Ртищева отъ 15 августа 1813 г. № 140.

ствительномъ владѣнн Россіи и Персіи,—Абуль-Хассанъ не рѣшался согласиться на границы, предложенныя Ртищевымъ. Онъ просилъ, чтобы въ трактатѣ были лишь перечислены отходившія отъ Персіи области, съ присовокупленіемъ, что „границу между ними должны составлять прежнія межи, издревле существующія“. Упорство въ этомъ вопросѣ персидскаго уполномоченнаго, опасавшагося лишиться части принадлежавшихъ Персіи владѣній, было настолько велико, что Ртищевъ нашелся вынужденнымъ предоставить обѣимъ державамъ право, по заключеніи мира и ратификаціи трактата, назначить особыхъ комиссаровъ\* для проведенія, подъ руководствомъ главнокомандующаго, точной границы на условіи *status quo ad praesentem*.

Не мало потребовалось усилій также на то, чтобы добиться признанія господства нашего флага на Каспійскомъ морѣ. Соглашаясь, наконецъ, и на это, Абуль-Хассанъ просилъ Ртищева, въ особое одолженіе, уступить Персіи хоть малую часть занятой нами земли, для доказательства уваженія и доброжелательства Россіи къ повелителю Персіи и для огражденія самого Абуль-Хассана отъ „злоствующихъ клеветъ недоброжелателей мира“. Ртищевъ, для вящаго подтвержденія своей снисходительности, нашелъ возможнымъ уважить просьбу персидскаго уполномоченнаго и предоставилъ Персіи Мигринскій округъ, который по своей пустынности и убійственному климату былъ не только бесполезенъ, но даже и вреденъ намъ: занимая Мигри въ теченіе двухъ лѣтъ, мы потеряли болѣе 800 человекъ изъ одного баталіона, комплектованнаго два раза, и вынуждены были въ концѣ концовъ оставить „сіе смертоносное мѣсто“.

Уступка эта была принята персидскимъ уполномоченнымъ съ большою благодарностью и обязала его къ такой сговорчивости, что всѣ остальные условія наши были приняты почти безпрекословно.

✓ 12-го октября 1813 года уполномоченные подписали Гюлистанскій мирный договоръ, по которому къ составу Россіи присоединялись „навѣчныя времена“ ханства: Карабагское, Ганжинское (Елизаветполь), Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское съ тѣми землями послѣдняго, „которыя, какъ говорилось въ договорѣ, нынѣ состоятъ во власти Россійской имперіи“.

При этомъ, весь Дагестанъ, Грузія съ Шурагельской провинціей и всѣ земли и владѣнія между вновь постановленною границею и кавказскою линіею признаны были Персіей принадлежащими Россіи. Русскій флагъ получилъ господство на Каспійскомъ морѣ и никакая другая держава, даже Персія, не могла имѣть здѣсь военныхъ судовъ <sup>1)</sup>). Обѣ стороны обязались произвести размѣнъ плѣнныхъ и дозволить всѣмъ бѣжавшимъ во время войны жителямъ возвратиться на свои мѣста. Договоромъ обезпечивалось взаимное покровительство торговлѣ, при чемъ персидское правительство обязалось взимать съ русскихъ товаровъ не болѣе 5% пошлины и то только одинъ разъ, „болѣе же никакихъ сборовъ, податей, налоговъ и пошлинъ ни подъ какимъ предлогомъ и вымысломъ не требовать“.

Съ своей стороны, русское правительство обязывалось „тому изъ сыновей персидскаго шаха, который отъ него назначенъ будетъ наслѣдникомъ персидскаго государства, оказывать помощь въ случаѣ надобности, дабы никакіе внѣшніе непріатели не могли мѣшаться въ дѣла персидскаго государства, и дабы, помощью высочайшаго російскаго двора, персидскій дворъ былъ подкрѣпляемъ. Впрочемъ, если по дѣламъ персидскаго государства произойдутъ споры между шахскими сыновьями, то Россійская имперія не войдетъ въ оныя до того времени, пока владѣющій тогда шахъ не будетъ просить объ оной“ <sup>2)</sup>).

Сепаратный актъ изложенъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „посланникъ, имѣющій отправиться отъ персидскаго двора съ поздравленіемъ къ російскому двору, повелѣнный ему отъ своего шаха просьбы представить на волю великаго императора. Главнокомандующій-же російскій общаетъ по возможности употребить стараніе о просьбахъ Персіи“ <sup>3)</sup>).

Хотя Гюлистанскій мирный трактатъ былъ подписанъ уполномоченными, какъ сказано, 12-го октября 1813 г., но по причинѣ европейскихъ войнъ, въ которыхъ Россія принимала руководящую

---

<sup>1)</sup> Статья 5-я.

<sup>2)</sup> Статья 4-я.

<sup>3)</sup> Кавказскій сборникъ т. XXI, стр. 3.

роль, ратификація его послѣдовала лишь 21-го мая 1814 г. въ Парижѣ <sup>1)</sup>).

Такъ состоялось, наконецъ, заключеніе мира, котораго мы безусловно домогались въ теченіе многихъ лѣтъ, и который, какъ говорилось въ высочайшемъ манифестѣ 16-го іюля 1818 г., „оградилъ спокойствіемъ и безопасностью восточные предѣлы Россіи. Онъ заключенъ былъ въ часъ рѣшительный, когда Европа увидѣла новую судьбу свою“.

„Всевышній, — писалъ военный министръ, князь Горчаковъ, Ртищеву, — благославляя на Рейнѣ успѣхи оружія нашего, на спасеніе Европы поднятаго, благословилъ возстановить тишину и спокойствіе на Араксѣ. Вы виновникъ сего послѣдняго, заключеніемъ столь давно желаемаго и столь достохвальнаго мира съ Персією. Вамъ предоставлено было прекратить 17 лѣтъ непрерывно продолжавшуюся войну—сіе да пребудетъ вамъ памятникомъ!“ <sup>2)</sup>).

Въ награду за труды по заключенію мира, Ртищевъ произведенъ былъ въ генераль-отъ-инфантерій, а шахъ приказалъ отпустить ему въ подарокъ 500 тавризовъ шелку и пожаловалъ знаки ордена Льва и Солнца для ношенія на шеѣ на золотой эмалированной цѣпи, съ зеленою шелковою лентою черезъ плечо. На орденѣ и звѣздѣ была сдѣлана персидская надпись въ стихахъ: „Такъ-какъ посредникомъ дружбы Фетъ-Али-шаха съ Россійскимъ императоромъ былъ доброжелатель Ртищевъ, то орденъ персидскаго государства украсилъ его, подобно, какъ солнце отражаетъ лучъ свой на лунѣ.“

Заключивъ трактатъ съ Персією, намъ оставалось еще, для полного водворенія спокойствія на внѣшнихъ границахъ Закавказья, урегулировать отношенія наши къ Турціи, мирный договоръ съ которой былъ заключенъ, какъ сказано выше, 13-го мая 1812 г. въ Бухарестѣ. Относительно шестой статьи этого трактата, гласившей, что границы Россіи и Турціи возстановляются такъ, какъ были до войны, — графъ Румянцевъ писалъ Ртищеву:<sup>3)</sup> „По смыслу оной статьи ясно разумѣется, что она отнюдь не относится до владѣній

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Письмо отъ 20-го ноября 1813 г. № 2270.

<sup>3)</sup> 5-го августа 1812 года. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 917.

и областей, которыя прежде и въ продолженіе послѣдней войны нашей съ Портою добровольно покорились скипетру его величества и присоединились къ Россійской имперіи; а потому и никакія притязанія со стороны Порты на сіи области и владѣнія не должны быть нами приняты и не могутъ быть уважены. Содержаніе оной статьи касается единственно до тѣхъ только крѣпостей и замковъ съ землями, къ нимъ принадлежащими, которые въ нынѣшнюю войну у турокъ завоеваны силою оружія“. Таковыми пунктами оказывались всего лишь двѣ крѣпости: Поті и Ахалкалаки, которыя Ртищевъ и передалъ обратно туркамъ: первую—20-го октября, а вторую—7-го декабря 1812 года.

Но Порты, ссылаясь на ту же статью Бухарестскаго трактата, настаивали на возвращеніи ей и Сухума. Желая сохранить довѣріе къ русскому правительству тѣхъ владѣльцевъ Закавказья, которые добровольно признали надъ собою власть Россіи, императоръ Александръ I-й повелѣлъ резиденцію абхазскаго владѣтеля, крѣпость Сухумъ, не отдавать Портѣ, не смотря ни на какія домогательства ея. Ртищевъ отвѣтилъ туркамъ, что притязанія ихъ на абхазское владѣніе, никогда Портѣ непосредственно не принадлежавшее и всегда сохранявшее свою независимость,—не имѣютъ никакихъ основаній, и что Сухума имъ поэтому не возвратятъ.

Тогда турки прибѣгли къ обычному своему приему—возмущать противъ насъ закубанскихъ горцевъ и населеніе областей западнаго Закавказья. Эмиссары турецкаго правительства появились въ Мингрелии, Гуріи, Абхазіи и среди черкесскихъ племенъ, убѣждая владѣтелей и народъ въ томъ, что по заключенному миру они переданы Турціи и потому могутъ „считать себя освобожденными отъ русскихъ“ <sup>1)</sup>.

Въ Мингрелии и Гуріи воззванія эти были отвергнуты съ рѣшительнымъ негодованіемъ. „Скорѣе подставлю обнаженную выю мою обнаженному мечу,—писалъ Леванъ Дадіани Ртищеву,—<sup>2)</sup> но уже не выйду изъ рабства обожаемаго и августѣйшаго государя. Если бы султанъ наполнилъ домъ мой множествомъ разнообразной

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 589.

<sup>2)</sup> 16-го марта 1813 г. Тамъ же № 588.



славы, возложилъ на меня вѣнецъ и облекъ въ порфиру, то и тогда невысказано, чтобы я вышелъ изъ подданства счастливѣйшему и непорочному російскому престолу“.

Такую-же твердость въ преданности намъ выказалъ и владѣтель Гуріи. Въ одной только Абхазіи, гдѣ продолжалась старая распря дѣтей Кучукъ-бея, турки произвели волненіе и партіи ихъ, съ Арсланъ-беемъ во главѣ, появились на абхазскомъ берегу въ намѣреніи силою овладѣть Сухумомъ, Редутъ-кале и Анакліей. Однако, наши войска, быстро прибывшіе изъ Мингреліи, разсѣяли турокъ. Арсланъ-бей бѣжалъ въ горы, а оставленный имъ народъ явился съ покорностью, присягнувъ на вѣрность и выдалъ аманатовъ <sup>1)</sup>).

Потерявъ надежду отторгнуть отъ насъ области западнаго Закавказья путемъ возмущенія населенія ихъ, эрзерумскій сераскиръ Ахметъ-паша, подписавшій мирныя условія въ Бухарестѣ, обратился къ Ртищеву съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ, по повелѣнію султана, требовалъ, „чтобы царство Имеретинское, также княжества Гуріельское, Мингрельское и Абхазское и разныя другія крѣпости, къ симъ владѣніямъ принадлежащія, кои въ здѣшнемъ краю состоятъ непосредственно въ подданствѣ Російской имперіи, были немедленно отданы подъ власть Порты Оттоманской“ <sup>2)</sup>). Ртищевъ объяснилъ Ахметъ-пашѣ всю нелѣпость подобнаго требованія и для большей внушительности отправилъ въ Имеретію, въ концѣ 1813 года, два баталіона и усилилъ гарнизонъ Редутъ-кале. Эта послѣдняя мѣра привела въ такой трепетъ сераскира, жившаго въ это время въ Поті, что онъ сжегъ форштадтъ, собственный домъ и заперся въ крѣпости.

На этомъ пока и прервались домогательства эрзерумскаго сераскира, тѣмъ болѣе, что и само турецкое правительство, не считая возможнымъ открыто становиться въ непріязненные отношенія къ Россіи, наполнявшей въ это время міръ громомъ своихъ побѣдъ и успѣховъ въ Европѣ,—ограничилось лишь тѣмъ, что выразило нашему посланнику въ Константинополѣ Италинскому крайнее сожа-

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 936. Положеніе наше въ Абхазіи и причины постоянныхъ неурядицъ, происходившихъ въ этой странѣ, подробно изслѣдованы въ слѣдующемъ III томѣ настоящаго труда.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 931.

лѣніе, „что Россія въ отношеніи азіатскихъ владѣній, будто-бы принадлежащихъ султану, пользуется могуществомъ своихъ силъ и первенствующимъ положеніемъ въ Европѣ“.

Встрѣчая рѣшительную неуступчивость какъ со стороны Ртищева, такъ и Италинскаго, Порта рѣшила обратиться со своими претензіями непосредственно къ императору Александру. Но и на этотъ разъ получился не болѣе благоприятный отвѣтъ. Италинскому поручено было, между прочимъ, объявить Портѣ, что „по предмету представленій ея о возвращеніи нѣсколькихъ мѣстъ Азіи, которыхъ она не почитаетъ принадлежностью Россіи, государь императоръ обѣщаетъ рассмотреть оныя со всею существу ихъ приличною умѣренностью и снисхожденіемъ, коль скоро позволятъ нынѣшнія его величества упражненія, имѣющія утвердить на непоколебимомъ основаніи спокойствіе и благоденствіе Европы“.

Этотъ рѣшительный отвѣтъ императора Россіи, которая, по словамъ Италинскаго, — „представлялась теперь Портѣ во снѣ и на яву страшилищемъ, отъ котораго ничто не можетъ ей обѣщать заступленія“, — выслушанъ былъ турецкими министрами съ видомъ „кротости и добросердечья“ <sup>1)</sup>.

Однако, внезапное возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и вызванное этимъ замѣшательство въ Европѣ, снова возбудили въ турецкомъ правительствѣ надежду добиться осуществленія своихъ домогательствъ въ Закавказьѣ. Въ этихъ видахъ, эрзерумскому сераскиру предписано было снова потребовать у Ртищева уступки областей западнаго Закавказья и поддержать это требованіе военными демонстраціями.

Сераскиръ, собравъ 15 т. войскъ, подошелъ къ Ахалцыху въ то время, какъ посланный имъ чиновникъ передавалъ Ртищеву письменное требованіе уступить Имеретію, Грузію, Мингрелію и Абхазію. Въ отвѣтъ на это, Ртищевъ придвинулъ свои войска къ границамъ ахалцыхскаго пашалыка, потребовалъ содѣйствія намъ отъ владѣтелей Гуріи и Мингреліи, испросилъ отправить изъ Крыма къ кавказскимъ берегамъ эскадру съ десантомъ и послалъ рѣшительный отказъ сераскиру. „Требованіе такого рода,—пи-

<sup>1)</sup> Письмо Италинскаго къ Ртищеву отъ 17-го мая 1814 года.

саль ему, между прочимъ, Ртищевъ,—для меня уже не ново. Предмѣстники ваши равнымъ образомъ требовали отъ меня уступки сихъ владѣній, но по благоразумію своему вняли истинѣ моихъ доказательствъ и не входили болѣе ко мнѣ со своими о семъ требованіями... Сама Порта, убѣдясь справедливыми представленіями по сему предмету полномочнаго російскаго посла, находящагося при высочайшемъ турецкомъ дворѣ, которому я сообщилъ подробно всѣ свѣдѣнія, до сего касающіяся, оставила было черезъ главнокомандующихъ въ здѣшнемъ краѣ продолжать притязанія на земли, вами упоминаемыя, и, какъ мнѣ извѣстно, обратилась, по законному порядку, къ объясненіямъ съ кабинетомъ его величества. Но по какому поводу вы изволили возобновить сіи предложенія,—мнѣ неизвѣстно.“<sup>1)</sup> Въ это время получилось извѣстіе о вторичномъ паденіи Наполеона. Порта снова подобострастно смирилась передъ Россіей. Сераскиръ, не отвѣчая на вышеприведенное письмо Ртищева, поспѣшно отступилъ, въ августѣ 1815 г., отъ Ахалцыха, и на границахъ нашихъ съ Турціей водворилось такое-же спокойствіе, какое царило съ конца 1813 года на границахъ съ Персіей.

Пользуясь этимъ затишьемъ, Ртищевъ могъ всецѣло отдаться упроченію внутренняго порядка въ краѣ.

Съ Вѣснинѣ 1813 г. Кюринская провинція уже не въ первый разъ была взволнована Сурхай-ханомъ, ворвавшимся сюда съ трехтысячной толпой своихъ сторонниковъ. Разбитый 12-го іюня у деревни Калханы, Сурхай бѣжалъ въ Персію. Но, потерявъ надежду получить, послѣ Гюлистанскаго договора какую либо поддержку, рѣшилъ снова пробраться въ Казикумухъ. Съ небольшою партіей, не превосходившей 125 человекъ дагестанцевъ разныхъ обществъ, „шатавшихся по Персіи“, Сурхай-ханъ появился, въ срединѣ 1814 г., на границѣ Елизаветпольской области. Но здѣсь партія была разсѣяна и самъ Сурхай успѣлъ скрыться лишь благодаря самоотверженности своего старшаго сына, заплатившаго жизнью за спасеніе 75-ти лѣтняго отца.

Прорвавшись въ Дагестанъ, Сурхай-ханъ въ теченіе еще двухъ лѣтъ продолжалъ тревожить набѣгами кюринскую область и лишь

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 959.

въ іюлѣ 1816 года, отчаявшись въ дальнѣйшей борьбѣ съ нами, склонился на убѣжденія Ртищева и принялъ присягу на вѣрность Россіи <sup>1)</sup>).

Въ Дагестанѣ же, у ансукскихъ лезгинъ, укрывался въ это время и другой смутитель внутренняго спокойствія края, царевичъ Александръ, бѣжавшій сюда изъ Хевсуріи. Положеніе его послѣ заключенія гюлистанскаго мира значительно ухудшилось. Лишившись поддержки Персіи, онъ влачилъ въ горахъ жалкое существованіе, нуждаясь временами даже въ пропитаніи. Аббасъ-Мирза, въ октябрѣ 1813 года, просилъ Ртищева дозволить царевичу выѣхать въ Персію и остаться подъ покровительствомъ ея. Ртищевъ согласился, съ условіемъ, однако, чтобы, во-первыхъ, персидское правительство выдало его намъ въ томъ случаѣ, если бы онъ снова началъ возмущать Грузію; во-вторыхъ, чтобы Александръ выдалъ захваченныхъ имъ въ плѣнъ и находившихся у лезгинъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, а въ-третьихъ, чтобы въ Персію онъ проѣхалъ по той дорогѣ, которая будетъ ему указана нами. Срокъ для отвѣта Ртищевъ установилъ мѣсячный. Александръ въ нерѣшительности колебался, но, все еще рассчитывая на успѣхи и содѣйствіе Сурхай-хана, волновавшаго въ это время, какъ сказано выше, кюринскую область, — отвергъ предложенія Ртищева.

Въ срединѣ 1816 г., прибылъ въ Тифлисъ Келбъ-Али-ханъ, присланный Аббасъ-Мирзою съ 1500 рублей, для вывоза царевича Александра въ Персію. Пользуясь этимъ, а также рассчитывая, что покорность Сурхай-хана лишила царевича послѣдней надежды на лучшее будущее, — Ртищевъ снова вошелъ съ нимъ въ сношеніе, предлагая: или покориться русскому императору, или выѣхать въ Персію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ главнокомандующій обѣщаль ему свое покровительство и гарантировалъ безопасность.

Но Александръ съ безумнымъ упорствомъ настаивалъ, что приметъ покровительство Россіи лишь въ томъ случаѣ, когда ему возвратятъ наслѣдственные владѣнія его, т. е. иными словами сдѣлаютъ царемъ Грузіи, и даже поручилъ передать Ртищеву, что если послѣдній къ исходу августа не согласится на уступку Гру-

<sup>1)</sup> Тамъ же № 766.

зін, то онъ объявляетъ ему войну<sup>1)</sup>. Эта ребяческая выходка едва не кончилась печально. Сосѣднія намъ лезгинскія племена, сильно терпѣвшія отъ голода и недостатка подножнаго корма, обратились къ нашему начальству съ просьбой разрѣшить имъ пасти скотъ на выгонахъ Кахетіи. Ртищевъ согласился, подѣ условіемъ, чтобы они выдали намъ царевича Александра. Послѣдній со слезами умолялъ лезгинъ не выдавать его русскимъ и общалъ уѣхать въ Персію. Но, по обыкновенію, не исполнилъ и на этотъ разъ своего обѣщанія.

Выскивая способы выйти изъ своего тяжелаго положенія, Александръ рѣшилъ обратиться непосредственно къ государю. Повѣреннымъ своимъ онъ избралъ нѣкоего армянина Бастамова, котораго и просилъ съѣздить въ Петербургъ. Но такъ-какъ самому Бастамову ѣхать было невозможно, то онъ передалъ полученныя отъ Александра бумаги, прапорщику Ивану Карганову. Это былъ тотъ самый Каргановъ, который впоследствии стяжалъ на Кавказѣ весьма характерное для себя прозвище „Ваньки-Каина“.

Прибывъ въ Петербургъ, Каргановъ представилъ два письма царевича: одно на высочайшее имя, а другое министру иностранныхъ дѣлъ и повелъ дѣло такъ, что Нессельроде принялъ участіе въ судьбѣ Александра и рѣшилъ „благовидно вызвать его изъ ущелій лезгинскихъ“. Всѣ распоряженія по этому поводу и широкія полномочія въ денежныхъ расходахъ даны были, помимо, однако, Ртищева, начальнику кавказской линіи, ген.-м. Дельпоццо, которому предписывалось принять царевича съ почестями въ Кизлярѣ и, „снабдивъ его приличнымъ экипажемъ и повозками для свиты, отправить кратчайшимъ путемъ, черезъ Москву, въ Петербургъ“. Вызвать же Александра изъ горъ и передать ему письмо Нессельроде поручалось, по волѣ государя, Карганову<sup>2)</sup>. Послѣдній, вернувшись на линію, обнадежилъ Александра многими милостями государя и посовѣтовалъ просить прежде всего денегъ. Царевичъ такъ и сдѣлалъ. Приславъ къ Дельпоццо трехъ человѣкъ изъ числа своихъ приближенныхъ, онъ просилъ для уплаты долговъ 20 тыс. рублей. Дельпоццо не рѣшился, однако, выдать столь крупную

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 908.

<sup>2)</sup> Отношеніе графа Нессельроде къ ген.-м. Дельпоццо отъ 2-го мая 1816 года.

сумму и вручилъ Карганову, для передачи Александру, 11-ть тыс. рублей, кромѣ большого количества вещей и платья, какъ для самого царевича, такъ и для скитавшихся съ нимъ князей. Въстѣ съ тѣмъ, послана была особая депутація для врученія Александру письма Нессельроде, „заключавшаго въ себѣ увѣреніе отъ высочайшаго имени въ монаршемъ на просьбу его благоволѣніи и въ высочайшей къ нему милости“ <sup>1)</sup>).

Каргановъ, однако, передалъ царевичу лишь часть всѣхъ денегъ, а остальные присвоилъ себѣ. Письмо же Нессельроде ясно показывало Александру, что правительство общаетъ ему не Грузинское царство, а лишь прощеніе и забвеніе прежнихъ дѣяній. Этого было мало крамольному царевичу, и онъ рѣшилъ снова войти въ сношеніе съ персіанами, дабы извлечь какую нибудь выгоду изъ письма Нессельроде. Съ этой цѣлью, онъ обратился къ Ртищеву съ просьбой, въ которой говорилъ, что „такъ какъ свита, при немъ служащая, изъ грузинскихъ князей, дворянъ и другаго состоянія людей, по большей части оставлена имъ въ Персіи и находится въ Эривани и Тавризѣ, то прежде исполненія воли императора, (прибыть въ Петербургъ) онъ намѣренъ предварительно извѣстить всѣхъ своихъ людей, чтобы и они могли воспользоваться милостью государя“. Поэтому, Александръ просилъ главнокомандующаго увѣдомить, дозволить ли онъ людямъ его съ такимъ объявленіемъ проѣхать въ Персію?

Только теперъ Ртищевъ узналъ о прямыхъ сношеніяхъ Александра съ Петербургомъ. Обиженный, онъ не преминулъ объяснить государю истинные замыслы царевича и охарактеризовать людей, при посредствѣ которыхъ послѣдній сносился съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. „Прапорщикъ Каргановъ, — писалъ между прочимъ Ртищевъ, —<sup>2)</sup> сверхъ молодости своей и легкомыслія, извѣстенъ всей Грузіи по дурному поведенію и нравственности самой развращенной, неоднократно подвергавшей его уголовному суду, церковнымъ покаяніямъ, и дошедшій наконецъ до такого къ нему

---

<sup>1)</sup> Тамъ же.

<sup>2)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 3-го сентября 1816 года № 106. Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 473.

презрѣнія, что самые грузины убѣгаютъ обхожденія съ нимъ, а благородное общество князей прошлаго года, при дворянскихъ выборахъ, запретило ему въ полномъ собраніи подавать свой голосъ и участвовать въ баллотированіи. Сихъ то свойствъ человѣкъ, потерянный въ своемъ отечествѣ, испросивъ отъ правительства письменный видъ на отъѣздъ въ С.-Петербургъ по своимъ дѣламъ, принимаетъ на себя въ губерніяхъ, имъ проѣзжаемыхъ, ложное названіе чиновника, принадлежащаго къ штату главнокомандующаго въ Грузіи и отъ него отправленнаго съ важными дѣлами, именуется достоинствомъ поручика, какъ я усматриваю сіе изъ сообщеннаго его ко мнѣ рапорта, вѣроятно присвоеннымъ имъ ложнымъ же образомъ, потому что онъ не оказалъ еще никакой заслуги, за которую могъ бы получить столь важное награжденіе, и, являсь передъ министерствомъ, находить такое къ себѣ вниманіе, что на него возлагается весьма важная порученность“.

Однако, изъ этой „порученности“ ровно ничего не вышло, кромѣ потери 11-ти тысячъ, выданныхъ Дельпошцо Карганову, для передачи царевичу Александру, и послѣдній по старому остался въ горахъ Дагестана, въ ожиданіи удобнаго случая пробраться обратно въ Персію.

Не менѣе безпокойства и разнаго рода заботъ причиняло главнокомандующему положеніе дѣлъ въ мусульманскихъ ханствахъ. Въ іюнѣ 1814 года скончался Миръ-Мустафа-ханъ талышинскій, а черезъ два мѣсяца—и Джафаръ-Кули-ханъ шекинскій. Первому наследовалъ старшій сынъ Миръ-Хассанъ-ханъ, а второму—одинъ изъ младшихъ сыновей, полковникъ Измаиль, такъ какъ старшій сынъ хана находился аманатомъ въ Персіи еще со временъ шаха Ага-Магометъ-хана. Перемѣна владѣтеля въ Талышахъ не вызвала никакихъ осложненій; въ шекинскомъ же ханствѣ причинила намъ много заботъ. Большую часть населенія этого ханства составляли армяне, которые обязаны были платить хану деньги даже за право исповѣдыванія христіанской религіи и вообще терпѣли такія притѣсненія, что неоднократно просили избавить ихъ отъ хана и прислать для управленія ими русскаго чиновника, или „даже солдата“.

Казалось бы, что смерть Джафаръ-Кули-хана представляла удобный случай уничтожить въ Шекѣ совершенно ханскую власть, тѣмъ болѣе, что наслѣдникъ, отличавшійся крайне жестокимъ характеромъ, не обѣщаль быть хорошимъ правителемъ. Но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена еще не достаточно сознавалась необходимость сліянія всѣхъ принадлежавшихъ намъ областей съ имперією, подъ сѣнью общаго порядка гражданственности. Строго преслѣдуя принципъ полнаго невмѣшательства во внутреннія дѣла ханствъ, мы иногда доходили до того, что по смерти хана, намъ преданнаго и хорошаго правителя, возстановляли въ ханскомъ достоинствѣ человѣка, завѣдомо сомнительной намъ преданности или порочнаго, и дѣлали это только потому, что вопросы наслѣдія относились ко внутреннимъ дѣламъ ханства. Такъ было и въ данномъ случаѣ. У Исмаиль-хана были соперники, которые оспаривали право на ханское достоинство; христіанская часть населенія не желала его, какъ человѣка жестокаго; мусульманская же, состоявшая преимущественно изъ суннитовъ, ненавидѣла Исмаила, бывшаго шиитомъ. Словомъ, это былъ человѣкъ, отъ котораго всѣ хотѣли избавиться. Въ ханствѣ начались волненія. Населеніе Нухи потребовало, чтобы ханскій диванъ былъ закрытъ и чтобы никто не признавалъ новаго хана. Въ Тифлисъ, кружнымъ путемъ черезъ Кахетію, явилась къ главнокомандующему депутація съ просьбою избавить Шеку отъ Исмаиль-хана.

Ртищевъ убѣждалъ депутатовъ покориться. Послѣдніе упорствовали. Тогда онъ приказалъ арестовать ихъ и предать военному суду. Въ результатѣ: 23 человѣка наиболѣе упорствовавшихъ были наказаны шпицрутенами и сосланы частью въ Сибирь, частью въ Оренбургъ, а остальные отправлены обратно, для водворенія на прежнихъ мѣстахъ жительства. Главнѣйшій соперникъ Исмаиль-хана, бывший владѣтель Шеки, слѣпой Мамедъ-Гассанъ-ханъ, съ десятилѣтнимъ сыномъ, былъ высланъ въ Харьковъ <sup>1)</sup>.

Власть новаго, всѣми нетерпимаго хана была, такимъ образомъ, поддержана нами самыми крутыми мѣрами. Но это только ободрило Исмаиль-хана и еще болѣе разнуздало звѣрскіе его инстинкты.

<sup>1)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 667.



Начались жестокости, напомнившія времена персидскихъ нашествій. И Ртищеву не разъ приходилось сожалѣть о томъ, что онъ пренебрегъ желаніемъ населенія и не уничтожилъ въ Шекѣ ханской власти. Быть можетъ, идея эта, какъ преслѣдовавшая важную государственную цѣль, и получила-бы въ дальнѣйшей дѣятельности Ртищева надлежащее осуществленіе, но долговременная, 42-хъ лѣтняя служба, преклонные годы и болѣзни вынудили его сложить съ себя бремя многосложныхъ заботъ по управленію обширнымъ и малоустроеннымъ еще краемъ.

12-го октября 1816 года, генераль-отъ-инфантеріи Ртищевъ, согласно собственному прошенію, былъ уволенъ отъ должности главнокомандующаго и зачисленъ по арміи; преемникомъ же ему назначенъ генераль-лейтенантъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

„Принявъ здѣшній край въ бѣдственномъ его положеніи,— писалъ Ртищевъ, уходя съ Кавказа, государю, <sup>1)</sup>—обуреваемый внутреннимъ возмущеніемъ противъ правительства, разлившимся во всѣхъ частяхъ Грузіи, тѣснимый напоромъ многочисленныхъ войскъ двухъ сильныхъ державъ—Персіи и Порты Оттоманской, разоряемый вторженіемъ въ Кахетію значительныхъ дагестанскихъ силъ для возстановленія въ Грузіи царемъ бѣглого царевича Александра; также истребляемый смертельною язвою и доведенный до послѣдней крайности чрезвычайнымъ голодомъ, повсемѣстно удручавшимъ здѣшнихъ жителей, въ каковомъ случаѣ требовалось необыкновенныхъ трудовъ и необыкновенной дѣятельности для продовольствія почти 28 тыс. войскъ вашего императорскаго величества, здѣсь находящихся,—если я теперь оставляю оный въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, наслаждающимся внутри совершеннѣйшимъ спокойствіемъ, изобиліемъ во всемъ и ничѣмъ ненарушимомъ благоденствіемъ, а извнѣ безопасностью отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, пріобрѣтенной благословеннымъ миромъ съ Персіею, который при помощи Божіей и при пламеннѣйшимъ усердіи моемъ къ пользамъ службы вашего императорскаго величества я имѣлъ счастье, по высочайшей волѣ вашей, заключить съ сею державою, а прочихъ со-

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ генерала Ртищева отъ 4-го сентября 1816 года № 107.

предѣленныхъ Грузіи народовъ поставить въ уваженіе и покорность высокославнаго російскаго оружія:—то воспоминаніе объ успѣхахъ, увѣнчавшихъ многотрудную заботливость мою о пользахъ здѣшняго края и службы вашего величества пребудетъ навсегда утѣшеніемъ для остатка моихъ дней“.

Если въ приведенныхъ строкахъ и проглядываетъ нѣкоторая, вполнѣ, впрочемъ, понятная, доля пристрастія къ собственной дѣятельности, то нельзя отрицать, что тѣ затрудненія, которыя встрѣчали первые главнокомандующіе въ дѣлѣ утвержденія нашего владычества на Кавказѣ, ко времени Ртищева возросли до наибольшей степени. Борьба на внѣшнихъ нашихъ границахъ, подавленіе волненій, вспыхивавшихъ то здѣсь, то тамъ внутри края; бѣдствія, потрясавшія спокойствіе и благополучіе населенія—дѣлали положеніе Ртищева тѣмъ болѣе тяжелымъ, что правительство наше, занятое политическими событіями въ Европѣ и отчаянною борьбою съ Наполеономъ, естественно не могло удѣлять далекой своей окраинѣ того вниманія, котораго требовали обстоятельства даннаго времени. Всѣ эти причины влекли за собою то, что ген. Ртищевъ былъ какъ-бы предоставленъ самому себѣ и тѣмъ средствамъ, какія находились въ его распоряженіи. И дѣйствительно, онъ не только не могъ разсчитывать на подкрѣпленіе его войсками, но даже по дѣламъ меньшей важности бывалъ вынужденъ приносить жалобы государю на равнодушіе къ себѣ со стороны министровъ. Такъ, напримѣръ, по поводу царевича Александра онъ писалъ, что гр. Нессельроде прекратилъ всякія съ нимъ сношенія, и что на многія весьма серьезныя представленія его не получаетъ въ теченіе двухъ лѣтъ никакого разрѣшенія <sup>1)</sup>. Тоже самое было и съ представленіемъ Ртищева о награжденіи чиновниковъ канцеляріи его по части пограничной <sup>2)</sup>.

Тѣмъ не менѣе, время управленія Ртищева занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ по событіямъ, имѣвшимъ несомнѣнно громадное вліяніе на дальнѣйшія судьбы края. Къ такимъ событіямъ, кромѣ изложенныхъ на страницахъ подлежащаго труда, а также

<sup>1)</sup> Всеподданнѣйшій рапортъ отъ 4 сентября 1816 года.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. IV, № 325.

указанныхъ въ описаніи гражданскаго управленія Закавказьемъ <sup>1)</sup>, относятся:

1) Введеніе въ обращеніе на Кавказѣ ассигнацій, о которыхъ народъ не имѣлъ до того никакихъ представленій. Онѣ были только отчасти извѣстны и принимались одними купцами, имѣвшими торговыя связи съ Россією, при чемъ употребленіе ассигнацій не распространялось тогда далѣе Тифлиса и Баку, какъ находившихся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Астраханью <sup>2)</sup>.

2) Учрежденіе въ Тифлисѣ грузино-имеретинской св. Синода Конторы. Учрежденіе это открыло собою эру благоустройства духовной части въ Грузіи, хотя въ тоже время не обошлось безъ нѣкоторыхъ осложненій: оно довело Ртищева почти до явнаго столкновенія съ высшею центральною духовною властью, изъ за вопроса о привилегіи, которая давалась присутствію синодальной конторы имѣть на президентскомъ мѣстѣ императорскій тронъ, противъ чего и возсталъ Ртищевъ <sup>3)</sup>.

и 3) Устройство горнаго дѣла на Кавказѣ.

Но главнѣйшими событіями, конечно, остаются: знаменитый походъ въ Хевсурію, побѣды Котляревскаго при Асландузѣ и Ленкорани и тѣсно связанный съ послѣдними Гюлистанскій трактатъ, прекратившій многолѣтнюю войну съ Персіей и отдавшій намъ мусульманскія ханства восточнаго Закавказья, вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ господствомъ нашего флага на Каспійскомъ морѣ.

---

Съ уходомъ Ртищева, закончился первый періодъ распространенія владычества нашего на Кавказѣ, протекшій, главнымъ образомъ, въ борьбѣ съ Персіей и Турціей, подѣлившими между собою когда-то могущественное Грузинское царство и считавшими своимъ достояніемъ не только все Закавказье, на пространствѣ отъ Чернаго до Каспійскаго моря, но и дикія ущелья свободныхъ горцевъ главнаго хребта.

Призванные грузинскими царями и симпатіями всего христіан-

---

<sup>1)</sup> Томъ XII.

<sup>2)</sup> Акты кавк. археогр. ком., т. V, № 325.

<sup>3)</sup> Тамъ же, № 508.

скаго населенія Закавказья, взывавшаго къ нашей помощи, мы съ горстью русскихъ войскъ вступили въ 1799 г. въ Закавказье. Появленіе наше было встрѣчено подавляющимъ большинствомъ всѣхъ классовъ населенія съ чувствомъ непритворной радости и сердечнаго умиленія: одно только рѣшеніе царя Георгія XII прибѣгнуть къ покровительству единовѣрной и сильной Россіи вызвало со стороны лучшихъ патріотовъ Грузіи громкія и жаркія выраженія глубокой благодарности.

Малочисленнымъ войскамъ, преодолевшимъ страшныя трудности тогдашняго пути черезъ снѣговыя выси Кавказскаго хребта, предстояла тяжелая задача охранить внѣшнюю безопасность страны; и въ слѣдующемъ же 1800 году два нашихъ баталіона преподають на рѣкѣ Іорѣ жестокій урокъ лезгинамъ, привыкшимъ, вмѣстѣ съ другими разбойничьими горскими племенами, невозбранно пользоваться достояніемъ чуждаго имъ по вѣрѣ и культурѣ грузинскаго народа.

Вслѣдъ затѣмъ, рѣшивъ на вѣки остаться въ Закавказьѣ, мы озаботились устройствомъ обезпеченнаго сообщенія съ нашимъ отечествомъ и проложили черезъ центральную часть Кавказскаго хребта кратчайшій путь, оградивъ его покореніемъ осетинскихъ и другихъ окрестныхъ горскихъ племенъ.

Но это были лишь первые шаги на томъ трудномъ, кровавомъ поприщѣ, которое открылось передъ нами. Унаслѣдовавъ вмѣстѣ съ царствомъ и его права, русская власть не замедлила подчинить себѣ большинство областей, отторгнутыхъ отъ Грузіи политическими бурями предшествовавшихъ вѣковъ, и границы новыхъ нашихъ владѣній быстро раздвинулись съ одной стороны до моря Чернаго, а съ другой—до моря Каспійскаго.

Какія же средства доставили намъ этотъ успѣхъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ сдѣлался возможнымъ?

Прежде всего, конечно, мы обязаны, героической доблести нашихъ войскъ. Немногочисленные рядами, но мощные духомъ, сплоченныя дисциплиной, свято привязанныя къ своимъ знаменамъ, они беззавѣтно шли за своими вождями и, при опытности послѣднихъ, дорожа честию оружія и славою русскаго имени, выказывали необычайные

подвиги мужества и выносливости. Твердое сознание высокаго превосходства россійскихъ войскъ надъ азіатскими полчищами ни на минуту не колебало увѣренности ихъ въ побѣдѣ, какъ-бы ни были многочисленъ противникъ, а благодаря этому, въ умѣлыхъ рукахъ, даже малочисленные наши отряды обращались въ силу, не знавшую никакихъ препонъ.

Изъ этой богатырской среды вышла цѣлая плеяда легендарныхъ героевъ, какъ Котляревскій, Карягинъ и много другихъ, имена которыхъ вѣчно будутъ служить гордостью русскихъ войскъ. Таланты этихъ вождей и глубокая вѣра въ нихъ подчиненныхъ являлись всегда лучшимъ и въ тоже время единственнымъ оплотомъ нашего положенія и вѣрнымъ залогомъ успѣховъ въ неравной борьбѣ.

Нѣкоторое содѣйствіе оказывало намъ и христіанское населеніе Закавказья.

Грузинскій народъ, истомленный тысячелѣтнею борьбою съ внѣшними врагами и истерзанный послѣднимъ нашествіемъ персіанъ (1795 г.), увидѣлъ въ появленіи двухъ русскихъ баталіоновъ зарю новой жизни. Въ памяти большинства все еще свѣжи были страшныя бѣдствія недавняго прошлаго: грабительскіе набѣги лезгинъ, продажа въ рабство, тягость дани турецкимъ пашамъ или персидскимъ сердарямъ, нашествіе Аги-Магометъ-хана, опустошенія, произведенныя имъ въ Тифлисѣ, поруганіе христіанскихъ святынь, жестокое истребленіе женъ и дѣтей.... Всѣ эти страданія, казалось, отходили въ вѣчность, въ чемъ еще болѣе убѣждали побѣды надъ лезгинами, турками и персіанами, отступавшими теперь предъ ликомъ могущественной защитницы христіанъ Закавказья все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Грузіи.

Появленіе наше, однако, нарушило установившійся вѣками строй Грузіи. Новые пришельцы, цѣнившіе исключительно личные заслуги,—мы не могли сразу проникнуть во всѣ особенности феодальнаго строя страны. Сильная, непреклонная, могучая власть не мирилась съ своеволіемъ феодаловъ и съ многочисленными частными привилегіями, шедшими въ большинствѣ случаевъ въ разрѣзъ общему благу народа. Та же власть окончательно подрывала у разныхъ честолюбцевъ надежду играть по прежнему особую роль у себя на

родинѣ. А между тѣмъ, неизбежныя промахи и случайныя злоупотребленія впервые вводимаго нами управленія давали оружіе въ руки нашихъ враговъ. И вотъ, благодаря всему этому, на ряду съ твердой готовностью служить намъ, нерѣдко проявлялись и враждебныя отношенія со стороны тѣхъ изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые, забывъ общее благо и подчиняясь лишь голосу личнаго честолюбія, упорно противодѣйствовали намъ и увлекали за собою темный и легковѣрный народъ.

Тѣмъ не менѣе, вражда и даже открытые бунты, при сознаніи большинствомъ населенія благотворности нашей власти, оканчивались обыкновенно тотчасъ же, какъ только съ нашей стороны проявлялось энергическое воздѣйствіе, и усмиренный народъ покорно подчинялся повинностямъ, налагавшимся на него новыми повелителями. Далѣе этого пассивнаго сочувствія и покорнаго подчиненія, населеніе, однако, не шло, и активное участіе его въ борьбѣ съ внѣшними врагами за свою безопасность выражалось въ очень слабой степени, что являлось слѣдствіемъ, во-первыхъ, прошлой исторіи Грузіи, а во-вторыхъ—организациі ея вооруженныхъ силъ:

Тысячелѣтнія, почти непрерывныя страданія, рядъ тяжелыхъ несчастій иноплеменныхъ и иновѣрныхъ народовъ убили въ грузинахъ стремленіе къ единодушной защитѣ интересовъ своего отечества, но все-таки не уничтожили сознанія государственной обособленности и неизбежности дальнѣйшей борьбы за сохраненіе своего достоянія. Ослабленные, однако, тяжелымъ и долгимъ сопротивленіемъ, грузины могли теперь содѣйствовать намъ только при защитѣ домашняго очага или въ недалекихъ заграничныхъ походахъ. Причиной послѣдняго былъ удѣльный строй Грузинскаго царства, который, при слабости верховной власти съ одной стороны и при своеволіи феодаловъ—съ другой, не могъ способствовать созданію прочной военной системы. Сборъ вооруженныхъ силъ Грузіи сопряженъ былъ всегда съ такими затрудненіями, что, напримѣръ, въ 1785 г., въ борьбѣ Ираклія съ Омаръ-ханомъ, когда послѣдній угрожалъ уже Тифлису, изъ 8-ми тысячъ, призванныхъ царемъ подъ знамена, явилось всего лишь около половины. „Князья предпочитали сидѣть по своимъ замкамъ и не спѣшили на помощь

царю“<sup>1)</sup>). Тоже самое явление наблюдалось и въ борьбѣ Ираклія съ шахомъ Ага-Магометъ-ханомъ во время послѣдняго нашествія его на Грузію въ 1795 г.

Разрушивъ феодальный строй Грузіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военную систему ея, мы, однако, не могли сразу привить ей взаимнѣе лучшую организацію вооруженныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что тогдашній бытъ солдата и условія самой службы были страшны народу, не знавшему до того ни вѣчныхъ узъ суровой дисциплины, ни жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Поэтому, ополченія Грузіи, при всей преданности намъ большинства населенія ея, по прежнему оставались матеріаломъ, совершенно не пригоднымъ для веденія отдаленныхъ зарубежныхъ военныхъ предпріятій.

Что же касается армянъ, то, разбросанные по всему Закавказью, не составляя нигдѣ политическаго цѣлага, пріученные прежней жизнью къ мирной коммерческой дѣятельности, — они оказывали содѣйствіе поставкою продуктовъ войскамъ и могли выказывать свою преданность намъ самоотверженною службою лишь отдѣльныхъ личностей, дѣйствовавшихъ или самостоятельно, или въ рядахъ ополченій той области, къ населенію которой принадлежали.

Точно также не рѣдко встрѣчали мы содѣйствіе и со стороны мусульманскаго населенія, которое, по существу, должно было бы находиться на сторонѣ нашихъ враговъ. Но, подѣленное на массу взаимно враждовавшихъ мелкихъ владѣній, находившихся подъ покровительствомъ турокъ или персіанъ, въ свою очередь оспаривавшихъ первенство вліянія, — оно не могло, конечно, дать намъ дружнаго отпора. Пользуясь этой разрозненностью нашихъ противниковъ, мы направляли наши удары на каждаго изъ нихъ порознь, поочередно подчиняли ихъ своей власти и, при умѣломъ дальнѣйшемъ обращеніи съ вновь пріобрѣтенными мусульманскими подданными, находили въ нихъ иногда добросовѣстныхъ помощниковъ и вѣрныхъ слугъ.

При всемъ томъ, единственнымъ надежнымъ оплотомъ Грузіи и всего христіанскаго населенія Закавказья оставались все таки наши войска, выносившія исключительно на своихъ собственныхъ

<sup>1)</sup> Записки Бурнашова.

плечахъ всю тяжесть долгой, ожесточенной борьбы. Последняя была для насъ тѣмъ тяжелѣе, что мы не могли располагать здѣсь силами, достаточными въ численномъ отношеніи. Въ самые благоприятные періоды мы имѣли въ Закавказьѣ не болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ, разбросанныхъ мелкими отрядами на пространствѣ около 100 тысячъ квадратныхъ верстъ. Тѣмъ не менѣе, ведя на Западѣ тяжелую, но славную борьбу съ могучимъ врагомъ, подчинившимъ себѣ всю Европу и въ мечтахъ о всемірномъ владычествѣ простиравшимъ свои виды на независимую еще Россію; борясь въ то же время въ Закавказьѣ на три фронта, подавляя смуты внутри этого края, терпя иногда даже крупныя неудачи, — мы все таки не только не поступились нигдѣ ни пядью разъ сдѣланныхъ уже пріобрѣтеній, но, наоборотъ, хотя и медленно, но настойчиво раздвигали наши границы и постепенно завоевывали нераздѣльное господство на всемъ пространствѣ древняго достоянія грузинскихъ царей.

Однако, окончательное упроченіе занятаго нами положенія могло свершиться не ранѣе полного вытѣсненія изъ Закавказья нашихъ главнѣйшихъ соперниковъ — турокъ и персіанъ. Исповѣдуя мусульманство разныхъ толковъ и ненавидя взаимно другъ-друга, они до нашего прихода вели ожесточенную борьбу за владычество въ передней Азіи и въ Закавказьѣ. Но появленіе новаго врага, силу котораго они испытали уже ранѣе, заставило ихъ отбросить на время старые свои счеты и ополчиться для общей борьбы, съ цѣлью вытѣснить насъ обратно за грань Кавказскаго хребта, на старую границу по Терекъ и Кубани.

Эти стремленія, быть можетъ, и не были бы столь упорны, если бы турки и персіане не пользовались поддержкой традиціоннаго соперника нашего на Востокѣ — Англіи.

Естественный ростъ Россіи къ югу вызвалъ опасенія англичанъ за свое исключительное господство въ странахъ южной Азіи, и они напрягали всѣ усилія, чтобы затормозить каждый нашъ шагъ въ этомъ направленіи. Ревниво оберегая свои богатыя владѣнія въ Индіи, англійское правительство заботливо ограждало ихъ отъ всякаго внѣшняго соприкосновенія, почему и намѣренія Петра Великаго



завести торговья сношенія съ Индіей вызвали у англичанъ серьезныя опасенія. Послѣднія получили болѣе реальное основаніе послѣ того, какъ императоръ Павелъ, вдохновляемый союзомъ съ Бонапартомъ, двинулъ донское казачье войско „на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія“, съ тѣмъ, чтобы „все сіе раззорить, угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и ласкою привести въ ту зависимость Россіи, въ какой они у англичанъ, и торгъ обратитъ къ намъ“<sup>1)</sup>. Стремясь противодѣйствовать нашимъ успѣхамъ на Востокѣ, англичане не могли, конечно, найти себѣ лучшаго поприща, чѣмъ въ Персіи и Турціи, стоявшихъ, съ одной стороны, на пути естественнаго движенія Россіи въ глубь передней Азіи, а съ другой—на выходахъ ея въ Средиземное море. Поэтому-то, съ первыхъ-же дней появленія нашего за рубежомъ Кавказскихъ горъ, англійское правительство, черезъ своихъ эмиссаровъ, начало дѣятельно интриговать противъ насъ при Тегеранскомъ и Константинопольскомъ дворахъ, не щадя при этомъ никакихъ средствъ и не останавливаясь ни предъ какими способами: золото, клевета, вѣроломство—все было пушено въ ходъ, единственно для того, чтобы не допустить Россію утвердиться на узкомъ перешейкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Интрига эта велась съ рѣдкимъ упорствомъ. И даже въ то время, когда сама Англія нуждалась въ могущественномъ союзѣ Россіи противъ заклятаго своего врага—Наполеона, лелѣявшего съ первыхъ дней своей политической карьеры неотступную мысль нанести ударъ въ самое сердце Англіи,—подозрительность послѣдней въ отношеніи насъ повела къ тому, что, будучи другомъ нашимъ въ Европѣ, она оставалась врагомъ въ Персіи, гдѣ представители ея, одновременно съ агентами Наполеона, домогались своихъ выгодъ, цѣною нашего униженія и ущерба.

Геній русскаго народа вышель, однако, побѣдителемъ и изъ этой борьбы. Горсть русскихъ богатырей, надъ малочисленностью которой вначалѣ глумились наши враги, преодолѣла Кавказскій хребетъ, утвердила владычество наше отъ моря Чернаго до моря Каспійскаго и грудью своей прикрыла истомленные тысячелѣтней борь-

---

<sup>1)</sup> Рескрипты Имп. Павла атаману войска донскаго ген. Орлову 1-му отъ 12-го января 1801 года. Шильдеръ, «Имп. Павелъ I-й» стр. 418.

бой христіанскіе народы Закавказья. Громкія побѣды у подножія Балканъ и Кавказа дали намъ почетный миръ въ Бухарестѣ и Гюлистанѣ, открывшій Россіи свободный выходъ въ Черное море и доставившій безусловное и нераздѣльное господство флага ея на морѣ Каспійскомъ.

Пользуясь послѣдовавшимъ за этимъ успокоеніемъ на внѣшнихъ границахъ Закавказья, мы могли обратить вниманіе на покореніе горной полосы главнаго хребта, гдѣ, въ тылу у насъ, ютились многочисленныя воинственныя, свободолюбивыя, никогда ни предъ кѣмъ не преклонявшіяся горскія племена. Этой борьбой начался новый періодъ утвержденія владычества нашего на Кавказѣ, которому и посвящается слѣдующій—третій томъ настоящаго труда.

---

## Алфавитный указатель.

- ▲ базадзе Давидъ, губ. секр. 234, 235.  
 Абамеликовъ, кн., капитанъ 79.  
 Абаранъ, р. 8, 192, 193, 202, 203.  
 Абасъ-Туманъ, мѣстечко 250.  
 Абашидзе, кн. Дмитрій 67, 135.  
 Абашидзе, кн. Кайхосро 116, 135.  
 Абашидзе, кн. Кагуца 105.  
 Абашидзе, кн. Леванъ 67.  
 Абашидзе, кн. Ростомъ 74.  
 Абашидзе, князя 93, 106.  
 Аббасъ-Мирза, сынъ Баба-хана, наследникъ Персін 5, 6, 8—13, 16, 153, 154, 158, 161, 164, 167, 169—171, 176, 182—184, 186, 191, 195, 199, 201—203, 206, 207, 217, 228, 285, 296, 298, 301, 303—306, 308—311, 313, 335, 355, 369, 391, 408, 429—431, 434, 438—450, 453, 455—459, 461, 463—467, 471, 472, 476, 482—484.  
 Абдулъ-бекъ Эрзинскій 208, 222.  
 Абдулъ-паша Карсскій 370.  
 Абдулъ-Фетъ-ханъ 172, 178, 179.  
 Абусалемъ 479.  
 Абхазская милиція 24, 25, 28, 30, 32.  
 Абхазія, княжество, владѣніе 4, 16, 19, 21—23, 35, 37, 39—51, 53, 104, 139, 151, 272, 382, 510.  
 Абхазовъ, капитанъ 178, 179, 484.  
 Аваловъ, кн. 14.  
 Аваловъ, кн. Соломонъ, майоръ 367.  
 Агарія, ханство 315, 422.  
 Авангистанъ 165.  
 Авандиловъ, полицейскій сотникъ 108.  
 Авчалы, сел. 391.  
 Агатовъ, кн. Татилія 369.  
 Агвева 2-го донской каз. полкъ 166, 383.  
 Адерсѣйджаль, провинція 5, 14.  
 Адриано, полковникъ 214.  
 Азія 281, 345, 379, 431, 432.  
 Акстафа, р. 9.  
 Агуна, владѣніе 315.  
 Агъ-Тепе, сел. 448.  
 Алавердскій монастырь 392.  
 Алазанъ, р. 337, 355, 368, 374, 375, 387—389, 392, 393, 395, 405, 411, 412, 414, 416, 424.  
 Александрійскій гусарскій полкъ 1.  
 Александръ I, Императоръ 1, 38, 42, 61, 107, 133, 169, 273, 284, 343, 376, 377, 398, 428.  
 Александръ, царевичъ 11, 14—17, 21, 58, 67, 81, 110, 191, 197, 227, 228, 232, 233, 242, 244, 249, 283, 284, 335, 337, 349, 351, 355, 369, 386, 387, 389—397, 405—410, 412, 413, 418, 422—424, 453, 456, 458, 513—516.  
 Алп, ур., сел. 69, 70, 85, 193.  
 Альское ущелье 122, 123, 125, 127, 129, 133, 136, 138.  
 Али-Марданъ-ханъ 172, 178, 179.  
 Али-шахъ-заде, сынъ Баба-хана 192, 194, 201—203, 205, 217, 228.  
 Алахъ-Яръ, султанъ карадахскій 471.  
 Алпаны, дер. 220, 222.  
 Амамлы, сел., постъ 5, 8, 9, 166, 194, 195, 202, 203, 383, 457.  
 Амиллахвари, кн., горійскій маршалъ 79.  
 Амиллахвари, кн., майоръ 93.  
 Амраджиби, кн., 14.

- Амираджибовъ, кн., капитанъ 78.  
 Анаги, сел. 356.  
 Анаклія, кр. 16, 19, 51.  
 Анапуръ, сел., кр. 360—364, 384, 394, 395.  
 Анапа, кр. 19, 20, 51.  
 Анастасія, царевна 280.  
 Анатолія, провинція 164, 244.  
 Англія 269, 270, 287, 288, 431—434, 437, 441, 444, 451.  
 Андроникова, княжна Марія 145.  
 Андрониковъ, кн. Захарій 376.  
 Андрониковъ, кн. Іосифъ 408.  
 Андрониковъ, кн. Малхазъ 67, 80, 99, 109, 122.  
 Андрониковъ, кн. Нонія 387.  
 Андрониковъ, кн. 283.  
 Андрониковъ, кн., сигнахскій маршалъ 349.  
 Аносковъ, адъютантъ Ртицева 492.  
 Анцутъ, переваль 416.  
 Апхалаури, сел. 67.  
 Арава, р. 225, 233, 361, 362, 365, 374, 375, 383, 392, 394, 395, 414, 416—418.  
 Араксъ, р. 1, 2, 4, 7—10, 17, 156, 167, 172, 176, 177, 183, 190, 191, 296, 299, 300, 303, 304, 427, 429, 439, 442, 445, 448, 449, 454, 456—462, 466, 477, 479, 494.  
 Аракчеевъ, графъ 2, 7.  
 Арунь, р. 413, 414, 416, 418, 420, 422.  
 Аргунское ущелье 418.  
 Аргусти, сел. 116.  
 Аргутинскій, кн. Соломонъ 281.  
 Ардонъ, р. 225.  
 Аркеванъ, кр. 479—481.  
 Арпачай, р. 7, 17, 59, 71, 194, 289, 429.  
 Арсланъ-бей, см. Шервашидзе.  
 Арсланъ-ханъ 445.  
 Артани, дер. 374.  
 Артигъ (Артикъ), постъ 8, 194, 195, 202, 383.  
 20-я артиллерійская бригада 167, 310, 460.  
 Аскаранъ, кр. 160, 164—166, 169, 170, 176, 181, 182.  
 Асландузь, кр. 450, 453, 456, 462, 465, 468—470, 476, 478, 482, 483, 487, 497, 500.  
 Асланъ-бекъ (онъ-же Асланъ-ханъ кюринскій) 325, 329, 330, 333, 334.  
 Асланъ-ханъ дженгутайскій 322.  
 Ассевъ, полковникъ 166, 181, 182, 275, 297.  
 Аствадатуръ, первенствующій армянскій архієпископъ 403.  
 Астраханъ, г. 381.  
 Ахалкалакъ, кр., область 71, 195—200, 203, 220, 221, 249, 268, 276, 290, 291, 293—295, 370, 378, 383, 428, 438, 454, 497, 500, 509.  
 Ахалцыхъ, г., кр., пашалыкъ 7, 13—15, 17, 51, 59, 60, 67, 72, 79, 87, 97, 99, 107, 109, 112, 118, 119, 121, 138, 144, 146—148, 150, 157, 163, 171, 193—196, 199, 203, 228, 242—270, 275, 295, 343, 370.  
 Ахгердовъ, ген.-м., правитель Грузія 107, 193, 229—235, 260, 261, 265, 272, 340, 445—450, 452.  
 Ахверды-Магома, наибъ 424.  
 Ахметы, сел. 354, 356, 414.  
 Ахметъ-ханъ, тавризскій бекъ 183, 184.  
 Ахметъ-паша 510.  
 Ахъ-булахъ, ур. 9.  
 Ахъ-Огланъ, замокъ 438, 456, 471, 47., 478, 480, 493.  
 Адхуръ, кр. 256, 257, 266.  
 Ачара, мѣстечко 60, 244, 246, 247.  
**Баба-огланъ-бекъ, посланецъ Мустафа-хана Ширванскаго 212, 213.**  
 Баба-ханъ, Фетъ-Али-шахъ 4, 7, 58, 73, 153, 158, 161, 164, 170, 171, 192, 206, 269, 429, 430, 433, 434, 438, 449, 482.  
 Багдадъ, провинція 157.  
 Багдадъ, сел. 96, 97, 118, 136, 138, 147.  
 Баграціонъ, кн. Еремей, поручикъ 240.  
 Базалети, сел. 92.

- Бакинская милиція 214, 215.  
 Бакинскій гарнизонный баталіонъ 384.  
 Бакинскій морской баталіонъ 384.  
 Баградзе, дворянинъ 125.  
 Бактриани, сел. 412.  
 Баку, г., кр. область, провинція 161, 181, 208, 210, 214—216, 218, 220, 221, 284, 310, 384, 443, 451, 457.  
 Бакунинъ, подполковникъ 220, 222.  
 Бакурисъ-хевское ущелье 417.  
 Балабина донской казачій полкъ 382.  
 Балачаури, сел. 392, 394.  
 Блашовъ, министръ полиціи 377.  
 Баратовъ, кн. Давидъ 105, 108.  
 Баратовъ, кн., шт.-кап. 300.  
 Барбало, дер. 13.  
 Барецъаро, сел., укр. 255, 256.  
 Барисахо, сел. 417.  
 Барклай-де-Толи, военный министръ 260, 457.  
 Бассора, провинція 157.  
 Баталь-бей, см. Шерванидзе.  
 Батальщиковъ, хорунжій 286,  
 Батумъ, г., кр. 25, 26, 30, 47, 51.  
 Баязетъ, г., кр., пашалыкъ 5, 193, 244.  
 Бебутовъ, кн. Авесаломъ, маіоръ 79.  
 Бебутовъ, кн. Соломонъ 369.  
 Безобдалъ, гора 10.  
 Бекамп, сел. 100.  
 Бекантъ (Беканы), сел., постъ 8, 10, 383, 457.  
 Бендеръ-Буширъ, г., портъ 288.  
 Богатыревъ, рядовой 174.  
 Богачева донской казачій полкъ 166, 383, 457.  
 Бодбели Іоаннъ, митрополитъ 342, 343, 349, 388, 389.  
 Бодбисхеви, сел. 357, 358, 364, 388.  
 Болоцовъ, полковникъ 148.  
 Болтенко, прапорщикъ 47.  
 Боржомъ, мѣстечко 125.  
 Боржомское ущелье 193, 247, 248, 250, 254, 256, 291, 383.  
 Борчала, дистанція, область 290, 360, 368, 383, 390.  
 Борцовъ, маіоръ 296.  
 Бунтъ, дер. 326.  
 Бухарестскій трактатъ 428, 508, 509.  
 Бухгольцъ, ген.-м. 20.  
 Бухвостовъ, маіоръ 125, 358.  
 Быховцевъ, капитанъ 497.  
 Бѣлевскій мушкетерскій полкъ 23, 24, 49, 79, 94, 96, 104, 123, 132, 382.  
**В**  
 Вазіани, сел. 100, 101.  
 Ванскій кафедральный соборъ 402.  
 Варлаамъ, экзархъ Грузіи, 280, 403.  
 Вартнавское ущелье 8.  
 Варъ-цихе, замокъ 54, 61, 83—87, 94—97, 119, 126.  
 Ваханъ, дер. 79, 91.  
 Ваханское ущелье 122, 126, 129, 138.  
 Велицихе. сел. 371, 388, 392, 395—397.  
 Венедиктъ, архимандритъ 52, 147—149.  
 Вера, р. 105, 108.  
 Веселаго, капитанъ 1-го ранга 441—443, 456, 458, 473, 492.  
 Владикавказъ, г. кр. 276, 361, 363, 394, 395.  
 Владимирскій драгунскій полкъ 271.  
 Воропцовъ, князь 174.  
 Вреде, баронъ, подполковникъ 6, 7, 157, 159.  
 Зронскій капитанъ (онъ же маіоръ), 232, 357, 363.  
**Г**  
 Габаони Николай, протопопъ 74.  
 Гагры, укр. 40.  
 Гамборы, сел. 357, 374, 388.  
 Гамушеванъ, сел. 440, 481, 482, 486.  
 Ганжа, см. Елизаветополь.  
 Ганза, мѣстечко 196.  
 Гаррисъ (Арсъ), англійскій маіоръ 441, 444.  
 Гартискари, сел., постъ 360—362, 372, 385, 394.  
 Гейне, маіоръ 356.  
 Гелатскій монастырь 87, 137.  
 Геловани, кн. Боро, моуравъ лечхумскій 94.  
 Генатели, митрополитъ 80, 91, 92, 98, 110.

- Гендримовичъ, майоръ 94.  
 Георгій XII, царь Грузіи 284, 337.  
 348.  
 Георги-цминда 421.  
 Герюсы, сел. 303.  
 Гилгинъ, р. 215.  
 Гогі-сѣ-цихе, хеоба 242.  
 Гоги, ущелье 138.  
 Годобралидзе, дворянинъ 122, 127.  
 Гокси, сел. 137.  
 Гокча, озеро 9, 204.  
 Гордонъ Робертъ, англійскій посоль  
 435—439.  
 Горы, мѣстечко, укр. 71, 78, 79, 99—101,  
 241, 290, 291, 296, 310, 382.  
 Горностай, люгеръ 384.  
 Градо, дер. 135.  
 Григолетц, р. 30, 31.  
 Григорій, царевичъ 359, 360, 372—  
 375.  
 Громъ, корветъ 384.  
 Грузинская милиція 14, 167, 231,  
 235, 236, 248, 251, 256, 257,  
 261.  
 Грузинскій (Кавказскій) гренадерскій  
 полкъ 28, 33, 68, 69, 71, 94—96,  
 104, 117, 118, 127, 144, 256, 266,  
 291—294, 361, 363, 382—383,  
 389, 455, 460, 465, 481, 485,  
 486, 493.  
 Грузія (Иверія), царство 2, 7, 13—17, 20  
 28, 56, 60, 92, 98, 102, 104, 110,  
 117, 138, 141, 145, 148, 151, 164,  
 166, 171, 174, 191, 194, 195, 226—  
 228, 233, 238, 243—245, 247, 249,  
 261, 265—271, 273, 274, 276, 281  
 —283, 286, 288, 290, 292, 293, 296,  
 310, 324, 332, 337—339, 342, 344  
 —349, 353, 360, 369—371, 373,  
 376, 379, 382, 387, 390—392, 394,  
 399—401, 406, 410, 423, 425—427,  
 433—435, 440, 453—455, 457,  
 474, 493.  
 Гудовичъ, Иванъ Васильевичъ, гр.,  
 ген.-фельдмаршалъ 1, 2, 4, 20, 42,  
 53, 59—64, 68, 71, 75, 76, 207,  
 208, 244, 290, 301.  
 Гудомакарское ущелье 414, 416.  
 Гудошаурское ущелье 414.  
 Гули, сел. 414, 418.  
 Гумри (Александрополь), кр., постъ 8,  
 166, 194, 195, 343, 370, 383.  
 Гургенидзе, кн. Иванъ 418.  
 Гуріамта, сел., кр. 38, 39, 51.  
 Гуріели, кн. Вахтангъ 23.  
 Гуріели, кн. Давидъ 29, 30.  
 Гуріели Мамія, владѣтельный князь  
 Гуріи 29, 31, 38, 39, 94.  
 Гуріели, княгиня Марина 39, 246.  
 Гуріень, р. 330.  
 Гурійская милиція 24, 25, 28, 30,  
 32, 94, 251.  
 Гурія, княжество, владѣніе 4, 19, 23,  
 31, 35, 38, 51, 53, 104, 139, 151,  
 243, 246, 272, 382.  
 Гурлебумъ, майоръ 394, 395.  
 Гуро, дер. 421.  
 Гурьевъ, ген.-м. 208, 210.  
 Гуссейнъ-Кербалай-ханъ, персидскій по-  
 соль 152—154.  
 Гуссейнъ Кули-Ага, сынъ Джевать-  
 хана Ганжинскаго 285.  
 Гуссейнъ Кули-ханъ Эриванскій 8,  
 192—197, 199—201, 203, 228,  
 249, 289, 409.  
 Гюлстанъ—мѣсто заключенія гюлс-  
 танскаго мирнаго договора съ Пер-  
 сіей 12-го октября 1813 г. 504.  
 Гюлстанскій договоръ стр. 506.  
 Гюней, сел. 172.  
 Гялморъ, ур. 177.  
 Давидъ, архимандритъ 87, 137.  
 Давидъ Георгіевичъ, царевичъ 359.  
 Давидъ, царевичъ Имеретинскій 145.  
 Дагестанъ, область 163, 207, 214, 222,  
 223, 269, 289, 301, 315, 316,  
 325, 330—333, 335, 422, 423,  
 435.  
 Дадіани, кн. Георгій 37.  
 Дадіани, кн. Гуріель 26.  
 Дадіани, кн. Леванъ, ген.-м. 21, 27,  
 28, 36, 94, 96, 115, 509.  
 Дадіани, кн. Манучаръ 26.

- Дадіани, княгиня Ніна, правитель-  
ница Мингрелія 21, 27, 29, 36,  
37, 41, 42.
- Дадіани, князья 61, 74.
- Дамгалъ, ур. 124, 125.
- Данилова донской казачій полкъ 384.
- Даниловъ, маіоръ 13.
- Дараутъ-чай (Даравюрдъ) р. 462,  
464—466.
- Дареджапа (Дарія), царевна 145.
- Дарьяльское ущелье 369.
- Дашкесанъ, ур. 312.
- Делижанское ущелье 6, 204, 383, 457.
- Дельпоццо, ген.-м. 239, 361, 514.
- Денцова 9-го донской казачій полкъ  
167.
- Дербентъ, г., ханство, провинція 60,  
174, 208—211, 219, 222, 316,  
331, 384, 451.
- Дербентскій гарнизонный баталіонъ 384.
- Дехвиръ, кр. 74.
- Джава, селеніе 238.
- Джавское ущелье 15, 235, 237.
- Джагора, р. 205.
- Джафаръ-Кули-ага, владѣлец племе-  
ни джебраила 301—303, 305,  
307—309, 312.
- Джафаръ-Кули-ханъ Шекінскій 167.
- Джебраилъ, область 303.
- Джеванширъ, ур. 303.
- Джевать, сел. 296, 471.
- Джевать-ханъ Ганжинскій 285.
- Джегангиръ-ханъ Шагакскій 158, 165,  
218, 219, 221, 223.
- Дженгугай, владѣніе 315.
- Джипи, маіоръ 301, 302, 304, 305, 307.
- Джиханин, сел. 94, 96.
- Джонсъ Гарфортъ, англійскій эмис-  
саръ 4, 163.
- Джораевъ, подполковникъ, 295.
- Джорджадзе, кп. Иванъ 388.
- Джуматели, гурійскій митрополитъ 31.
- Дзегамъ (Загамъ), постъ 6, 204, 205,  
Дзегамское ущелье 204.
- Дзерули, р. 126.
- Диди-гверды, переваль 416.
- Дирби, сел. 100, 101, 115, 147.
- Догумли, караванъ-сарай 216, 219,  
221.
- Додтъ, капитанъ — лейтенантъ 48, 50.
- Донской казачій полкъ 248.
- Досифей, митрополитъ 111.
- Дударевъ, есаулъ 186.
- Думанси, ур., сел. 7, 9, 107, 167,  
196, 198, 248, 265, 291, 292, 294.
- Душегъ, сел. 362, 365, 372, 385, 394.
- Дьячковъ, маіоръ 178—180, 185, 461,  
467, 471, 479, 493.
- Егерскій 9-й полкъ** 5, 24, 28, 60,  
68, 79, 85, 95, 96, 123, 125,  
167, 196, 198, 247, 251, 255,  
357, 364, 383, 393, 414.
- Егерскій 15-й п.** 118, 134, 167, 193,  
196, 231, 248, 251, 382, 383, 392,  
412, 445.
- Егерскій 16-й п.** 394, 414.
- Егерскій 17-й п.** 6, 166, 172, 174, 175,  
181, 182, 187, 189, 204, 296,  
299, 301, 303, 309, 310, 383,  
439, 455, 460, 465—467, 477,  
481, 485, 493.
- Егерскій 19-й п.** 396.
- Егерскій 46-й п.** 271, 291, 294, 295,  
323, 325, 326, 383, 396.
- Ежова 1-го донской казачій п.** 167, 291,  
292, 294, 383.
- Екатерина II, Императрица** 144, 381.
- Елизаветополь, Ганжа, г. кр. округъ**  
ханство 5, 6, 9, 10, 17, 59, 71, 157,  
166, 171, 174, 182, 192, 203—205,  
217, 119—221, 285, 296, 306,  
310, 316, 343, 383, 384, 451, 456.
- Елсеуйское султанство** 364.
- Епиколоновъ Алірамъ, подполковникъ**  
241, 242.
- Есиповъ, маіоръ** 357.
- Ефремъ, патріархъ армянскій** 206.
- Живовичъ, полковникъ** 298, 304,  
306, 307, 312.
- Загамъ (Дзегамъ) см. Дзегамъ**  
**Заки, селеніе** 241.

- Закавказье 2, 3, 6, 13, 19, 21, 22, 30, 35, 42, 44, 51—54, 60, 62, 72, 147, 151, 160, 164, 165, 167, 168, 171, 186, 207, 226, 243, 245—247, 249, 262, 267—271, 273—276, 280, 281, 287, 289, 303, 315, 333, 337, 345, 360, 364, 375—378, 382, 384, 390, 427, 436, 450, 452, 468.
- Зардобъ, селеніе 310—312, 471.
- Зарушадъ, мѣстечко 194.
- Зеганское ущелье 95, 109.
- Зедувани (Зедубани), селеніе 79, 122, 123, 125, 131, 132, 134, 193.
- Зейва, рѣка 504.
- Зейндаръ, селеніе 97.
- Зекарскій переваль 248, 250.
- Зикари, сел. 97, 99.
- Зиахура, дер. 222.
- Змѣя, бригъ 384.
- Зубовъ, гр. Валеріанъ 174, 220.
- И**
- Иверія, см. Грузія.
- Ивлету, форштадтъ 257.
- Извалова донской казачій полкъ 383.
- Измаиль-паша, сынъ Джафаръ-Кули-хана Шекинскаго 169.
- Измаиль-ханъ, шекинскій 516.
- Ильто, р. 4 6.
- Ильяшенко, каштанъ 304, 308, 309.
- Имеретинская милиція 251.
- Имеретія, княжество, область, царство 4, 14, 16, 17, 19, 21—23, 28, 35, 37, 42, 45, 51, 53—69, 71—75, 77—80, 89, 91, 92, 94, 97, 107, 109—117, 119—122, 126, 136—141, 143—151, 166, 167, 191, 193, 194, 217, 227, 228, 242, 244, 246, 248—250, 261, 262, 267, 269, 272, 275, 343, 382, 383, 393, 4 6, 455.
- Ипгуръ, р. 40.
- Индурта, дер. 414.
- Ираклій II, царь Грузіи 14, 255, 284, 337, 348, 390, 391.
- Иранъ, см. Персія.
- Италинскій—русскій посоль въ Константинополь 510.
- Ишпикъ, сел. 326, 327.
- Иоаннъ Георгіевичъ, царевичъ 359.
- Иора, р. долина 174, 355, 358, 371, 374, 375, 388, 405.
- Иосифъ, архимандритъ 31.
- К**
- Кабарда 15, 240.
- Кабарда большая 267.
- Кабарда малая 267.
- Кабардинскій мушкетерскій полкъ 14, 28, 30, 119, 121, 123, 125, 126, 135, 137, 167, 231, 247, 249, 251, 256, 310, 312, 357, 358, 364, 375, 384, 388, 392, 393, 412, 414.
- Кавказская линія 3, 239, 276, 382, 429.
- Кавказскій гренадерскій полкъ, см. Грузинскій гренадерскій.
- Кавказскій хребетъ 13, 19, 54, 225, 405, 409, 410.
- Кавказъ, край 1, 19, 20, 50, 64, 152, 153, 162, 174, 207, 226, 243, 245, 269—271, 273, 276, 288, 289, 321, 322, 340, 341, 347, 376—378, 381, 414, 425, 426.
- Кавтисхеви, дер. 391.
- Казанскій мушкетерскій полкъ 394, 414.
- Казань, корветъ 384.
- Казахская милиція 6, 166, 202, 251, 254, 261, 295, 383.
- Казахъ, провинція, дистанція 205, 217, 360, 364, 368, 390.
- Казбекъ, полковникъ 239, 369, 414, 418.
- Казикумухъ, владѣніе, ханство 315, 327, 329, 331.
- Кайшауръ, гора, постъ 276, 363, 394.
- Какабети, сел. 355, 356, 371.
- Кайма-дагъ, хребетъ 330.
- Калатузозъ, маіоръ 95, 116, 117.
- Каннингъ, англійскій посоль 432, 433.
- Каприоли, сицилійскій посланникъ 430, 433.
- Караагачъ, ур. 358, 359, 364, 371, 388.
- Карабагская милиція 166, 167, 189.



- Карабагъ, ханство, область 5, 6, 8, 9,  
 17, 107, 109, 156, 163, 166, 169,  
 171, 172, 181, 183, 186—191, 204,  
 206, 207, 228, 243, 275, 296, 297,  
 299, 301, 303, 309 313, 335, 345,  
 383, 394, 438 440, 444, 445, 451,  
 455—458, 465, 471—478, 492.  
 Кара-бекъ Магизбердскій 194, 199,  
 289, 370,  
 Каракепекъ, ур. 445, 453, 454.  
 Караклисъ, сел., постъ 383.  
 Караязъ, р. 479, 480.  
 Каргановъ Иванъ, прапорщикъ 514 -  
 516.  
 Карели, сел. 123.  
 Карельское ущелье 125.  
 Карниаръ 192—195, 201.  
 Карсъ, кр., г., пашалыкъ 10, 157,  
 163, 193—195, 199, 203, 244,  
 268, 289, 370.  
 Каргалниа 15—17, 58, 67, 100, 101,  
 125, 126, 134, 171, 191, 193, 194,  
 199, 200, 217, 226, 228, 229,  
 231—233, 244, 250, 256, 261.  
 289, 361, 362, 368, 382, 383.  
 Карвеловъ, протоіерей 229, 230, 234.  
 Картохти, сел., ур. 79, 122—124.  
 Карягинъ, полковникъ 174, 201, 204,  
 306, 307.  
 Каспійское море 4, 161, 166, 171,  
 330, 384, 429.  
 Кахетя 336, 337, 352, 353, 355,  
 357—360, 363—366, 369, 372,  
 374, 375, 383, 384, 386, 387, 389,  
 390, 392, 393, 395, 398 400,  
 405, 411, 4. 2, 423, 453, 456,  
 458, 475.  
 Кал-паша, гора, укр. 259, 263, 264.  
 Кварели, сел., кр. 393, 395.  
 Квеби, сел. 67, 86.  
 Квеша, сел., мѣстечко 18, 28, 194.  
 Квирила, р. 63, 94 96, 118, 135.  
 Квишхети, сел. 255.  
 Кгудуани, дер. 67.  
 Келъ-Али-ханъ Нахичеванскій 182.  
 Келешъ-бей, см. Шервашидзе  
 Кетинисхеви, сел. 79.
- Кехви, сел. 228.  
 Кизикія 375.  
 Кизляръ, г. 210, 267.  
 Кизылдагъ, ур. 172, 175, 177.  
 Кизъ-кала проходъ 313.  
 Кипіани, дворяне 134.  
 Клодтъ-фонъ-Юренбургъ, ген.-м. 357,  
 359, 360, 390, 456, 457, 471.  
 Княжевичъ, маіоръ 118, 138.  
 Коби, сел., постъ 276.  
 Кобуловъ, кн. 358.  
 Ковурма (Гурма-Керши), мостъ 198,  
 199.  
 Кодіашъ, гора 255.  
 Кодоло, кр. 371.  
 Кодоръ, р. 24.  
 Кокла-сердари, гора 257, 260, 264,  
 Коменъ, маіоръ 104, 106, 108.  
 Константинополь, г. 152, 154, 160, 432.  
 Константинъ, царевичъ Имеретинскій  
 61, 70, 77, 80, 86, 94, 97, 102,  
 103.  
 Коробскій, маіоръ 356.  
 Котели, сел. 110, 261, 295.  
 Котляревскій Петръ Степановичъ, пол-  
 ковникъ 172—188, 201, 240, 272,  
 290—295, 297, 309—315, 335,  
 382, 428, 438—440, 442, 443,  
 445, 453 473, 476—485, 487—  
 489, 491—500.  
 Котляревскій Степанъ священникъ 173  
 Краббе (фонъ), полковникъ 394, 395.  
 Краснова 3-го доп. каз. полкъ 460.  
 Крестовая гора 363.  
 Кригеръ, лейтенантъ 474.  
 Криссати (Кристи) англійскій эмис-  
 саръ 467.  
 Кружиковъ, маіоръ 372.  
 Крымъ 22, 52, 59.  
 Ксанка, р. 225, 233.  
 Ксанское ущелье 15.  
 Куба, г., кр., ханство, область 207 --  
 219, 221 224, 243, 249, 269,  
 270, 275, 317, 318, 321, 322,  
 324 327, 331, 335, 345, 384, 451,  
 455.  
 Кубань, р. 51, 436.

- Кузнецовъ, унтеръ-штабъ-есауль 356.
- Кулеви, сел. 60.
- Кулябко, капитанъ, 439.
- Курм, р. 1, 2, 4, 7, 10, 14, 17, 104—106, 108, 156, 227, 254—257, 261, 291, 369, 391, 427, 429, 440 456, 457, 471.
- Куртдагъ 299.
- Кутансъ, г. 28, 30, 47, 54, 60, 61, 63, 64, 69, 70, 74—80, 84 87, 90—92, 94, 115, 118, 119, 126, 132, 135—137, 139, 146, 147, 194, 252.
- Кутатели, архісрей 85.
- Кучукъ-бей, см. Шерванидзе.
- Кюрэхъ-чай, р. 327. 330.
- Кюринская область, владѣніе 325. 327—334, 512.
- Кюри, кр. 327, 329, 333, 334, 378, 384.
- Кызысхеви, сел. 397.
- Кызь-каласи, укр. 205.
- Л**абинсь-карп, ур. 416, 418, 423.
- Ладипскій, 204, 205, 496.
- Лазаревъ, ген.-м. 173, 174, 274, 349.
- Леванъ, царевичъ грузинскій 159, 207 227—235, 237—242, 283, 337.
- Левидкій, плацъ-маіоръ 214—216, 218.
- Легвани, сел. 132, 133.
- Ленкоранка, р. 481.
- Ленкоранъ, кр. 384, 440, 442, 444, 473, 476, 477, 481, 482, 487, 489, 491, 492, 494, 499, 500.
- Леонидзе, кн. Соломонъ 56, 78, 80, 83, 86, 88, 95, 97, 99, 147 149.
- Лечхумская милиція 94.
- Лечхумъ, область, провинція 54, 60, 61, 64, 67, 74, 77.
- Ливанъ, мѣстечко 246.
- Линдсей, англійскій капитанъ 448.
- Лисаневичъ, полковникъ 5, 95, 97, 98, 100, 122, 196, 197, 200, 201, 219—224, 272, 317, 370, 382.
- Литиновъ, дѣйст. ст. сов. 58, 59.
- Ліахва, р. 225, 227.
- Ліахвское ущелье 228, 232, 233.
- Логвиненко, братья, капитаны 320.
- Ломонасхевское ущелье 235.
- Лори, кр. 10.
- Лорткишанидзе, кн. Отія 110.
- Лосіатхевц, область, волость 79, 110, 116, 122, 138.
- Луневъ, унтеръ-оф. 306.
- М**агаро, сел. 396.
- Магизбердъ, кр. 10, 194, 289, 370.
- Маглали, сел. 119, 136.
- Маджасъ-цхали, кр. 253, 254.
- Макаевъ, кн. Александръ, кол. сов. 384, 385.
- Малита, р. 131.
- Мамедъ (Магомедъ)-Али-ханъ, сынъ Баба-хана 5, 8, 10, 171.
- Мамедъ-Гассанъ-ага Карабагскій 361.
- Мамедъ-Садикъ-ханъ 448. 463, 482—484, 490.
- Манави, сел. 355, 396, 397.
- Марани, сел. 119.
- Марди, дер. 257, 260.
- Марплсы, сел. 123, 134, 357.
- Марипа, княгиня, см. Гуріели.
- Марія, супруга Георгія XII 173.
- Марія Кацїевна, супруга царя Соломона II 109, 114, 145.
- Мармазети (Малерети), сел., кр. 236.
- Марткоби, сел. 362, 363, 395.
- Мартыновъ, маіоръ 356.
- Магаани, дер. 354, 357.
- Матуро, дер. 416.
- Матуро-тавскій перевалъ 416.
- Махлиссы, сел. 132.
- Мачабели, князья 226, 231, 232.
- Мачабели, кн. Симонъ 368.
- Мачаваріани, дворянинъ 74.
- Мачаваріани, кн. Ростомъ 92.
- Мачханы Верхніе, сел. 306.
- Мелпковъ, кн. 56.
- Меликъ-Валя, проводникъ 306 308.
- Мерлини, полковникъ 49, 147.
- Мехти-Кули-ханъ Карабагскій 167—170, 187, 189, 301, 303, 306, 308, 311, 455.
- Мешаверъ, р. 16.
- Мешчинъ, гор. 442, 472.

- Мигри, р. 177—180, 184.  
 Мигри, сел., укр. 172, 176—179, 181—188, 190, 291, 296—301, 303, 383, 438, 477, 478.  
 Мигринскій монастырь 184.  
 Микеладзе, княгиня 109.  
 Миллеръ, хорунжій 394.  
 Минась, армянскій архіепископъ 402.  
 Мингрелія, Одпиши, княжество, владѣніе 4, 16, 19—24, 26, 30, 33, 35—37, 45, 48, 53, 54, 58, 68, 94, 104, 139, 151, 243, 382.  
 Мингрельская милиція 24, 28, 30, 32, 94, 96, 251.  
 Мирза-Абуль-Хассанъ-ханъ 505.  
 Мирза-Абуль-Касимъ 450.  
 Мирза-Безюркъ, персидскій каймаканъ 10, 11, 107, 157, 160—166, 206, 248, 407, 446—449, 451.  
 Мирза-Мамедъ-шефи 154.  
 Миртогау, ур. 25, 29.  
 Миръ-Мустафа, ханъ Талышинскій 160, 161, 441—443, 516.  
 Митхо, общество 422.  
 Могилевскій Павелъ, надв. сов., праивитель канцеляріи 76, 82—87, 95, 101, 114, 272, 333, 450, 479.  
 Модинахе, кр., замокъ 92, 93.  
 Моиза, маіоръ 49.  
 Молтаква, р. 30—32, 52, 246.  
 Морской баталіонъ 382.  
 4-й Морской полкъ 48, 49.  
 Морьеръ Джемсъ, секретарь англійскаго посольства 447, 450.  
 Муганло, сел. 388.  
 Муганъ, владѣніе, стень 301, 303, 318.  
 Муравьевъ, намѣстникъ 499.  
 Мурадъ-ханъ проводникъ 462.  
 Мурсовъ Беканъ, тифлисскій лавочникъ 106, 108.  
 Мурза-Асанъ, сынъ Мирзы Безюрка 183.  
 Мустафа-ханъ Ширванскій 163, 168—170, 212, 213, 221, 301, 318.  
 Мухранъ, сел. 361, 362.  
 Мухури, сел., кр. 14, 96, 97, 100, 138.  
 Мцхетскій соборъ 284.  
 Мцхетъ 365, 391.
- Навагинскій пѣх. полкъ** 381.  
 Нагаревъ, селеніе 137.  
 Наджихеви, мѣстечко 36.  
 Наполеонъ, Императоръ 270, 276, 376, 409, 427, 428, 434, 451.  
 Нара, р. 225.  
 Нарское ущелье 237, 240.  
 Нарвскій драгунскій полкъ 166, 167, 355, 357, 358, 361, 375, 384.  
 Насибъ-бекъ, султанъ Шамшадильскій 204, 205.  
 Наумовъ, сотникъ 119.  
 Нахичеванъ, г., кр., ханство 7, 9, 152, 161, 167, 170—172, 176, 182, 183, 186, 191, 195, 201, 206, 228, 296, 299.  
 Небозири, селеніе 131, 134.  
 Небольсинъ, ген.-м. 5, 6, 8, 9, 11, 17, 166, 167, 176, 181—183, 185, 186, 205, 218, 296.  
 Неджефъ-Кули-ханъ, персидскій чиновникъ 440, 442, 443.  
 Нессельроде, министръ 514—516.  
 Нижегородскій драгунскій полкъ 4, 101, 167, 193, 233, 356, 358, 364, 383, 384, 388, 414, 445.  
 Нижегородъ, кн. Ростомъ 60, 67, 80.  
 Никифоровъ, рядовой 133, 134.  
 Николай I, Императоръ 424.  
 Николай, патерь 99.  
 Никольскій, маіоръ 394.  
 Нинезавръ, дер. 69.  
 Ниноцминдели, преосвященный 367.  
 Новицкій, штабсъ-капитанъ 228.  
 Новороссія 52.  
 Нуръ-Магомедъ-ханъ, бекъ 14.  
 Нуха (Шеки), г., кр., область, провинція, ханство 6, 167, 218, 289, 296, 343, 384, 440, 451, 456—458.  
 Нухъ-бекъ, сынъ Сурхай-хана 327.
- О**ловяшниковъ, капитанъ 302, 305—308.  
 Онуфрій, патерь 367.  
 Орбеліани, кн. Дмитрій, ген.-м. 21—34, 36, 38, 42—44, 62—66, 72, 119—123, 125—127, 129—

- 134, 136, 139, 140, 166, 246—249, 256, 257, 260, 263, 281, 389, 391—393, 395—397.
- Орбеліани, князя 63.
- Орбеліани, кн. Луарсабъ, подполковникъ 79.
- Орбеліани, кн., маіоръ 28, 30, 32 364.
- Ордубать, г., 186 206.
- Оручь-бекъ, Федоръ Романовичъ, кизлярскій житель 159.
- Орѣховъ, рядовой 189, 190.
- Осетія, земля 14, 71, 95, 100, 207, 224, 227—231, 233—235, 237, 238, 240—243, 249, 262, 269, 362. 383.
- Осетръ, транспортъ 384.
- Охановъ Кадо, армянинъ, предводитель мятежной шайки 367.
- Г**авалишинъ, маіоръ 441.
- Павель I, Императоръ 358, 381.
- Палавандовъ, князь 14.
- Палавандовъ, полицейскій сотникъ 108.
- Памбакская милиція 166.
- Памбакъ, Памбакская область 5, 8—10, 17, 166, 171, 186, 191, 192, 194, 195, 203, 217, 228, 243, 250, 254, 365, 368, 370, 383, 384, 457.
- Панкисъ, сел. 416.
- Панкисское ущелье 416.
- Пантелевъ, полицейскій сотникъ 108.
- Парнаозъ, царевичъ 227, 228, 337.
- Парфеновъ, подполковникъ 181—183, 187.
- Пасанауръ, сел. 384, 394, 395, 414, 416.
- Паскевичъ, графъ 268.
- Паулучи, Филиппъ Осиповичъ, маркизъ, ген.-л. 9, 196—200, 255, 256, 271, 272, 275—281, 283—287, 290, 293, 294, 300—302, 310, 314, 315, 317—319, 321, 322, 324, 329, 331—335, 339, 340, 342, 343, 345—348, 351, 352, 356, 364—367, 370—376, 377—381, 383—386.
- Пашаанскій бродъ 393.
- Пегисъ-тави, высоты 421.
- Пеи, селеніе 14.
- Персатскій хребетъ 97, 253.
- Персидскій заливъ 288.
- Персія, Иранъ, государство 2—8, 10—13, 15—17, 23, 62, 151—154, 156—168, 170, 172, 174, 175, 186—189, 191, 198, 202, 206, 217, 227—229, 234, 243, 245—249, 267, 270, 283, 285, 287—289, 309, 310, 312, 351, 387, 390, 407, 408, 428—437, 440, 441, 444, 449—452, 455, 466, 467, 471, 473—475, 482.
- Пертишь, дер. 370.
- Петерзаули, сел. 395.
- Петръ III, Императоръ 1.
- Печерскій, полковникъ 10, 193, 196, 197, 248, 392—395.
- Пиразы, дер. 456, 471.
- Пиръ-Кули-ханъ 456—458, 471.
- Писемскій, маіоръ, комендантъ кубинскій 214, 312, 470.
- Питахты, селеніе 123.
- Плахотинъ, прокуроръ грузинскаго верховнаго правительсва 342.
- Подревскій, маіоръ 313.
- Поздѣева 8-го донской казачій полкъ 356, 383.
- Попова 16-го, донской казачій полкъ 166, 310, 322, 325, 383, 460.
- Поповъ, подпоручикъ 430, 431, 434, 435.
- Поталова линейный казачій полкъ 167.
- Порта Оттоманская, см. Турція.
- Портнягинъ, генераль-маіоръ 5, 6, 9, 10, 17, 166, 192—195, 201—203, 250—252, 254, 256—258, 260, 263, 266, 272, 357—361, 364, 365, 374, 382.
- Поскочинъ, подпоручикъ 108.
- Посховъ-чай (Цалка), рѣка 257.
- Поталова линейный казачій полкъ 167.
- Поти, кр., гавань 16, 18, 19, 21—28, 30, 31, 34, 35, 37, 38, 42, 43, 50—52, 67—69, 72, 79, 81, 109, 112, 128, 246, 344, 509.

- Потлогъ 2-й, маіоръ 235, 237, 356.  
 Прасіанъ, сел., 341, 396.  
 Прибыловскій, маіоръ 79, 85, 92, 93,  
 123, 136—138.  
 Прозоровскій, кн., генераль-фельдмар-  
 шаль 2. .  
 Пустошкинъ, контръ-адмираль 20.  
 Пховели, дер. 364.  
 Пшавели, сел. 397.
- Р**ача, область, провинція, уѣздъ 54,  
 78, 94, 97, 228, 240, 242.  
 Редуть-кале, кр. 20, 23—26, 28, 34,  
 42, 43, 45, 49, 51, 52, 79.  
 Репинъ, ген.-л., бакинскій комендантъ  
 208—211, 213, 214, 216—218,  
 275, 316, 317.  
 Реутъ, маіоръ 79, 85, 86, 92, 96,  
 200.  
 Рипсимія Георгіевна, царевна 384.  
 Ріонъ, сел. 137.  
 Ріонъ, р. 22, 24, 25, 31, 52, 94—96,  
 136.  
 Роговцевъ, поручикъ 179.  
 Розень, баронъ, ген.-л. 107, 130—132,  
 134—140, 166, 250, 251, 254, 275.  
 Россія 4, 7, 10, 22, 23, 37—39, 44,  
 46, 50, 51, 58—61, 63—65, 68,  
 72, 75, 81, 86, 102, 103, 111, 114,  
 127, 135, 145, 152, 157, 58,  
 160—164, 170, 173, 209, 213,  
 219, 228, 229, 234, 240, 245,  
 246, 250, 262, 270, 271, 273,  
 275, 278, 282—284, 286, 288,  
 331, 339—341, 344, 378, 384,  
 385, 398, 403, 407, 409, 412, 427—  
 429, 431, 433—437, 441, 444,  
 445, 450 452.
- Ртищевъ, ген.-л. 276, 314, 376—378,  
 381—391, 394, 398—400 402,  
 405—408, 410—413, 422, 426,  
 431, 433—440, 442—450, 453,  
 457—459, 461, 463, 468, 469,  
 472, 476, 481, 484, 489—493,  
 497, 518—520.
- Румянцевъ, графъ 2, 7, 16, 26, 153,  
 154, 158, 159, 171, 245, 319, 433.
- Рустовъ, дер. 323, 324.  
 Рыкгофъ, ген.-м. 21, 33, 58, 59, 61—  
 63.  
 Рябининъ, маіоръ 221.
- С**абетъ, отвѣсная скала 178—180.  
 Сабуе, сел. 393, 395, 412.  
 Саганлугъ, дер. 5, 7, 139, 166, 167,  
 192, 193.  
 Сагареджо, дер. 356—359, 361, 395,  
 396.  
 Сагиновъ, шт.-кап. (онъ же капитанъ)  
 95, 362.  
 Сагурамо, сел. 395.  
 Садгери, крѣпостца 255.  
 Садыкъ-ханъ 482—490.  
 Сазано, дер. 92, 100, 101.  
 Сакаро, сел. 117, 138.  
 Сакинская область 118.  
 Саламидзе, цирюльникъ 108.  
 Саликовъ, капитанъ 14.  
 Сальянцъ, сел. 440, 442.  
 Самеба, монастырь 371, 374.  
 Самсаръ, снѣговой хребетъ 196.  
 Самуръ, р. 222, 316, 318, 319, 321—  
 323, 325, 330.  
 Сапайчаво, кр. 97, 100.  
 Саратовскій мушкатерскій полкъ, 8,  
 166, 202, 251, 264, 266.  
 Саржанлы, переправа 312.  
 Саро, островъ 384.  
 Сахиро, кр. 256.  
 Сачхери, сел. 79, 85.  
 Сашабуро, дер. 365, 372.  
 Свпри, сел. 79, 85, 118.  
 Севарсамидзе, кн., маіоръ 8, 370, 371.  
 Севарсамидзе, прапорщикъ 67.  
 Севастопольскій мушкетерскій полкъ  
 210, 214, 219, 221, 271, 310,  
 312, 316, 318, 326, 383, 384, 455,  
 460, 470.  
 Селимъ-пана, сераскиръ ахалцыхскій  
 17, 58, 59, 67, 72, 81, 244—247,  
 250, 258, 259.  
 Селимъ-ханъ 456.  
 Сеферъ-бей, см. Шервашидзе.  
 Сионскій кафедральный соборъ 284.

- Сибирь 108, 112, 113, 121, 145, 146, 241.
- Сигнахъ, г., кр. 356, 371, 375, 388, 389, 392, 393, 396.
- Сидомоновъ, кн. Іосифъ 369.
- Симоновичъ, полковникъ (онъ-же г.-м.) 28, 30, 33, 45, 46, 48, 51, 52, 68, 69, 71—74, 77—82, 85—87, 90, 91, 94—99, 101—104, 107, 109, 112—121, 126, 132, 134, 136—147, 167, 200, 242, 248—254, 257—259, 263, 267, 272, 382, 393—397, 402, 413, 414, 416, 418—424, 426.
- Соломонъ II, царь Імеретинскій 17, 21, 26, 29, 30, 38, 53—70, 72—87, 89—92, 94—113, 119, 121, 135—150, 160, 164, 166, 171, 191, 227, 228, 240, 244, 248—251, 262, 265, 269, 283, 284.
- Сомхетія, провинція 383, 390, 391.
- Сорокинъ, капитанъ-исправникъ 349.
- Сосланъ-бей, см. Шерванидзе.
- Софроній, митрополитъ 74, 110.
- Сталь, полковникъ (онъ же ген.-м.) 79, 85, 101, 193, 233, 235—38, 261, 265, 272, 349, 361, 382, 387—389, 414, 416—418, 420—423.
- Степановъ, подполковникъ 290, 292, 358, 371.
- Степанъ-цминда, сел. (ст. Казбекъ) 414.
- Стефанъ, архіепископъ, 344.
- Суджукъ-бале, кр., пристань 19, 35, 48, 50, 51.
- Суздальскій мушкетерскій полкъ 363, 384, 394, 414.
- Сулейманъ-бей (Сули-бекъ), предводитель турецкихъ войскъ 135, 196, 246.
- Сулейманъ-ханъ 191.
- Султаніе, селеніе 171, 438.
- Султанлу, переправа 312.
- Султанъ-Буда-Керчи 301—308, 431.
- Султанъ-Гиссаръ, мѣстечко 440, 448.
- Сумбатовъ, кн. Ноніа 102, 104, 105, 108.
- Суплись, Суфлесь, дер., мѣстечко 247, 257.
- Сурамъ, мѣстечко, постъ 14, 67, 71, 77—79, 85, 86, 89—91, 100, 122, 123, 125, 126, 129, 131—134, 255, 261, 265, 383.
- Сурхай-ханъ Казикумухскій 214, 315, 323—330, 333, 334, 512.
- Сухановъ, капитанъ, 118.
- Сухумъ, Сухумъ-бале, кр., приставъ 19, 22, 24, 35, 40, 42—51, 509.
- Схлеби, селеніе, замокъ 232, 238, 241.
- Сысоева доп. каз. полкъ 384.
- Табасаранъ, область 208, 209, 222, 223, 316—318,
- Табукашвили, слуга царя Соломона II 106, 108.
- Таврида 33.
- Тавризь, г. 5—7, 11, 171, 172, 183, 186, 187, 296, 369, 431, 434, 438, 439, 467, 476, 477.
- Таганрогскій драгунскій полкъ 271.
- Талашкросъ-чала, ур. 421
- Талышъ, Талышинское ханство, провинція, область 160—163, 384, 42, 440, 441, 443, 444, 450, 456, 472—479, 481, 482, 490, 492.
- Талыши, селеніе 157, 160, 441—445.
- Тархановъ, князь 68.
- Татевъ, селеніе 181—183, 187, 299, 384.
- Татарская милиція 196, 198, 251, 318, 320.
- Татаръ-ханъ, сел. 327.
- Тегеранъ, г. 156, 157, 159, 163, 164, 171, 206, 287, 430, 433, 438, 450,
- Теймуразъ, царевичъ 159, 160, 164, 202, 235, 337.
- Телавъ, г. 337, 354, 357, 359, 363, 364, 371—375, 387—389, 392.
- Терекъ, р. 225, 436.
- Терешкевичъ, майоръ 182, 183, 185, 187, 300.
- Терещенко, рядовой 133, 134.
- Тертеръ, р. 5, 6, 8, 157, 166, 190, 302, 303, 305, 455, 456.
- Тертеръ, станція, мѣстечко 116.
- Тимчукъ, унт.-оф. 306.

- Титовъ, ген.-маіоръ 167, 256, 257, 263,  
Титовъ, капитанъ 94, 117, 127.  
Тифлисскій мушкетерскій полкъ, 8,  
166, 251, 257, 264, 266, 365, 370,  
383.  
Тифлисъ, гор., 15, 16, 28, 59, 60,  
67, 70, 74, 77, 79, 85, 91, 98—  
105, 107—111, 114, 115, 121,  
122, 140, 145, 147, 160, 166, 169,  
192, 202, 206, 217, 231, 234, 238,  
240, 248, 261, 270, 280, 284, 301,  
302, 316, 330, 334, 337, 342,  
355, 357, 360—365, 370, 372—  
374, 377, 378, 382, 384, 386, 389,  
391, 393, 394, 401—404, 408,  
412, 426, 430, 435, 437, 439,  
445, 454, 462, 472, 473, 476,  
493.  
Тихановскій, подполковникъ (онъ же  
полковникъ) 213, 218, 219, 221,  
362, 363, 365, 374, 392, 393,  
396, 397, 414, 416—418, 420—  
423.  
Тихоцкій, маіоръ 122—129.  
Тіонеты, сел. 354, 355, 357, 372,  
375, 383, 391—393, 397, 412,  
414, 423.  
Тоансцхури, озеро 250.  
Топораванъ-чай, р. 292.  
Топчанъ, р. 313.  
Тормасовъ, Александръ Петровичъ, ген.-  
отъ-кав. 1—7, 9—13, 16, 17, 20,  
23, 25—28, 33, 35—39, 42—48,  
50—52, 64—66, 68—70, 72—74,  
76—85, 89—93, 95, 99—105, 107—  
109, 113—115, 117—121, 127—  
129, 131, 132, 137—141, 145—  
172, 176, 178, 181—183, 187, 190,  
192—195, 198—202, 204, 206—  
213, 216—219, 221, 223, 229—  
231, 233—235, 237—252, 254—  
262, 264—277, 286—288, 316,  
317, 321, 340, 347, 351, 378,  
382.  
Тотлебенъ, гр., ген.-л. 33, 255.  
Трапезундъ, г. 33, 150, 246.  
Триалетія, область 248, 291, 294.
- Троицкій мушкетерскій полкъ 6, 9,  
166, 205, 219, 221, 296, 301—  
306, 308—311, 313, 318, 322,  
384, 431, 481, 485.  
Трусовское ущелье 239.  
Тугъ, сел., ур. 303, 304, 312.  
Турція, Порта Оттоманская 2—5, 7,  
8, 11, 22—24, 29, 44, 46, 47, 50,  
52, 58, 59, 61—63, 104, 138, 157,  
164—166, 200, 201, 243—245,  
249, 266, 269, 270, 272, 287—  
290, 344, 370, 428, 432.  
Туси-швиши Дурмишъ-ханъ, дворянинъ  
235, 236.  
Тхачири, крѣпостца 118.  
Тюмрукъ-богази, крѣпостца 250.
- У**глицкій мушкетерскій полкъ, 220.  
Уджанъ-чменъ, мѣстечко 206.  
Узлей, англійскій посоль 430, 433—  
436, 438, 444, 447, 449.  
Уканахскій переваль 417.  
Улуода, деревня 327.  
Ураковъ, кн., полковникъ 194, 195,  
202.  
Ушакоевъ, маіоръ, (онъ же подполков-  
никъ), 94, 118, 136, 143, 292, 361—  
363, 365, 372, 375, 480, 488.
- Ф**азъ, р. 51.  
Федотовъ, рядовой 306.  
Феть-Али-ханъ-Нурри 157.  
Фить-дагъ, гора 169.  
Фрейгангъ, надворный совѣтникъ 430,  
431, 434, 435.  
Фрейманъ, инженеръ-подпоручикъ 25.
- Х**аджи-Абуль-Хасанъ, тавризскій ку-  
пецъ 430, 435, 439.  
Хаджи-Мамедъ-ханъ 472.  
Ханашинъ, р. 312.  
Хани, волость, селеніе 95, 97.  
Ханійское ущелье 97—99, 109, 138,  
139, 142—144, 147.  
Хатунцовъ, ген.-м., 296, 318, 320—  
330, 333, 334, 382.  
Хахаба, сел. 416.

- Хахмати, сел. 414.  
 Хахматисъ-тавскій переваль 417.  
 Хашми, сел. 363, 365, 367, 371, 395.  
 Хевсурія 405, 406, 408, 410 414, 418 423.  
 Херсонскій гренадерскій полкъ, 13, 106, 123, 125, 167, 251, 256, 310, 318, 322, 323, 325, 355, 358, 359, 362, 383, 384, 393, 414, 445, 493.  
 Хертвисы, укр., сел. 370.  
 Хидырзындъ, постъ ур., 214, 215.  
 Химшіевы, дворяне 244.  
 Хивалугскій переваль (Салаватъ) 218, 219.  
 Хинзырекъ дер., 181, 439.  
 Хопи, р. 20, 94.  
 Хороджа, ур. 416.  
 Хоченлы 198.  
 Худоаферинская переправа, мостъ 8, 9, 167, 76, 299, 311, 312.  
**Ш**алка, раззоренная кр. 193, 194 250, 252, 254.  
 Царо, дер. 414.  
 Цацка, поручикъ 362.  
 Цебельда, общество 37.  
 Церетели, кн. Бери 87.  
 Церетели, княгиня Екатерина 93.  
 Церетели, князь Зурабъ, полковникъ, сахлъ-хуцесъ 56, 57, 60, 62—66, 68, 69, 72—74, 77—79, 85, 89, 90, 106, 111, 113, 115—117, 240, 242.  
 Церетели, кн. Кайхосро, 67, 69, 73, 80, 83, 87, 92, 97, 106, 135, 136.  
 Церетели, кн. Папуна 93.  
 Церетели, кн. Ростомъ 67, 105.  
 Церетели, кн. Семень, 87, 122, 147.  
 Церетели, князь, 63, 106.  
 Цинондали, дер. 372.  
 Цители-цхали, р. 136.  
 Цихисъ-джвари, кр. 255.  
 Цихисъ-джварскій хребетъ 254.  
 Цицикаръ (Цхра-цхро) 13.  
 Цициановъ, кн. 280.  
 Цициановъ, кн. Иосифъ 261.  
 Цициановъ, кн. Павелъ Димитріевичъ, ген.-отъ-инф. 54, 74—76, 168, 169, 174, 204, 262, 274, 284, 296, 321, 324, 340, 343, 349, 379 427.  
 Цнисы, дер. 257.  
 Цопи, р. 193 194.  
 Цулукидзе, кн. Давидъ 75.  
 Цулукидзе, кн. Сехній 67, 80, 91, 92, 98.  
 Цуриковъ, капитанъ 96.  
 Цхинваль, мѣстечко 228, 229, 231, 232.  
 Цхолярисы, гора 133.  
**Ча**ишели, митрополитъ 28.  
 Чала, мѣстечко 265.  
 Чала-убанское ущелье 396  
 Чалдырскій округъ 295.  
 Чаликовъ Папила, старшина Куртатипскій 239.  
 Чалуани, селеніе 122.  
 Чардахлу, ур. 5, 11, 166, 181, 182, 205, 383.  
 Чеботаревъ, унт.-оф. 133.  
 Черное море 4, 18—20, 22, 24, 28, 35, 40, 41, 43, 47, 50—52, 166, 171, 272.  
 Черняковскій, капитанъ 300.  
 Черныя горы 225.  
 Чечня, владѣніе, земля 289.  
 Чешури (Чигури), р. 118, 135.  
 Чешурское ущелье 118.  
 Чилѣевъ, капитанъ-лейтенантъ 161.  
 Чквини, селеніе, кр. 96, 97.  
 Чкондидели, митрополитъ 28.  
 Чолокаевъ, кн. Александръ 384.  
 Чолокаевъ, кн. Григорій 385.  
 Чолокаевъ, кн. Зурабъ 384, 385.  
 Чолокаевъ, кн. Иванъ, подполковникъ 353—355, 383, 384.  
 Чолокаевы, князь 383—385.  
 Чумлаки, дер. 371, 372.  
 Чушиковъ, казакъ 125.  
 Чурукъ-су, р. 24.  
 Чхери, сел., кр., замокъ 86, 92, 94, 96, 132—135, 138.  
**Ш**абранъ, мѣстечко 221.  
 Шагорбели, сел. 227.



- Шамиль, имамъ 424.  
 Шамхорская долина 9.  
 Шамхоры 9, 174, 204, 383.  
 Шамшадильская милиція 205, 251, 254, 261.  
 Шамшадиль, округъ, дистанція, провинція 5, 203—205, 217, 383.  
 Шатиль, сел. 408, 413, 418, 421—424.  
 Шахи, дер. 326.  
 Шахъ-булахъ, замокъ 174, 189, 303, 304, 306, 308, 309, 312.  
 Шахъ-таша, переправа 183, 184.  
 Шегаузъ, сел. 299.  
 Шеки, см. Нуха.  
 Шекинская милиція 166, 167, 218, 219, 221.  
 Шемаха, Ширванъ, провинція, ханство, г., кр. 5, 6, 163, 166, 169, 213, 218, 221, 296, 310, 318, 322, 484, 440, 451, 471.  
 Шемомавали, сел. 79.  
 Шеншинъ 2-й, подпоручикъ 132, 133.  
 Шервашидзе, князь Арсланъ-бей. сынъ Келешъ-бея 22, 24, 41—44, 46, 47, 49, 510.  
 Шервашидзе, кн. Баталъ-бей 41.  
 Шервашидзе, кн. Манучаръ 23, 43.  
 Шервашидзе, кн. Келешъ-бей, Абхазскій владѣтель 22, 41, 44.  
 Шервашидзе, кн. Кучукъ-бей 23—25, 29, 32, 33, 42, 43, 51, 246.  
 Шервашидзе, кн. Сеферъ-бей 22, 41—51.  
 Шервашидзе, кн. Сосланъ-бей 23, 43, 51.  
 Шервашидзе, князя 23, 33, 41, 43, 51.  
 Шерифъ-паша, сераскиръ трапезундскій 29—33, 38, 67, 68, 72, 87, 99, 119, 164, 195, 196, 199, 217, 242, 244, 246, 247, 249—251, 258, 259, 262, 265, 369, 370.  
 Шильды, сел. 393, 395, 396, 412.  
 Ширванская милиція 166, 167, 213, 218, 219, 221.  
 Шихъ-Али-ханъ, бывшій губинскій ханъ 208—223, 315—319, 321—323, 325, 326, 329, 330, 334.  
 Шматовъ, маіоръ 357, 363, 387.
- Шуапко, сел. 423.  
 Шультенъ, капитанъ 293, 494, 496, 499.  
 Шурагельская область, Шурагель 166, 171, 186, 191, 192, 194, 202, 228, 383, 451, 455, 457.  
 Шуша, гор., кр. 6, 59, 157, 166, 177, 181, 182, 189, 295, 299, 303, 304, 306, 307, 309—311, 335, 383, 442, 455, 480.
- Щ**елкачевъ, маіоръ 24, 25, 38, 39, 94, 138.  
 Щеголь, люгеръ 384.
- Э**льзнаурн, ур. 123, 125.  
 Эминъ-паша, сераскиръ эрзерумскій 289.  
 Эмиръ-ханъ, сердаръ 440.  
 Эрзерумъ, г., кр., пашалыкъ 5, 195, 244, 289.  
 Эриванскій, десятникъ 108.  
 Эриванъ, г., кр., область, ханство 1, 2, 5, 7, 10, 17, 71, 147, 152, 186, 191—196, 199, 201, 203—206, 228, 249, 265, 289, 369, 383, 389, 426, 438.  
 Эристовъ, кн. Антонъ 240.  
 Эристовъ, кн. Григорій 105.  
 Эристовъ, кн. Елизабаръ 78, 122.  
 Эристовъ, кн. Гюсифъ 369.  
 Эристовъ, кн. Михаилъ 227.  
 Эристовъ, кн. Раф. пль 388.  
 Эристовъ, кн. Рачисъ 67.  
 Эристовъ, кн. Шанше 240.  
 Эристовъ, кн., подполковникъ 23, 25.  
 Эристовы, князья 106, 226.  
 Эршелн, дер. 222.  
 Эрсн, сел. 208, 222.  
 Этельда, дер. 414.
- Ю**ловъ, царевичъ 227—229, 234, 239, 240.  
 Юсуфъ-паша, сераскиръ 59, 244.  
 Юхари-башъ, волость, мѣсто 222.
- Я**саманское ущелье 11, 205.  
 „Ящерица“, бригъ 384.

## ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

| <i>Страница.</i> | <i>Строки:</i> | <i>Напечатано:</i>      | <i>Слѣдуетъ:</i>                      |
|------------------|----------------|-------------------------|---------------------------------------|
| 6                | 19             | начальниковъ.           | начальниковъ,                         |
| 76               | 26             | объяснялся-бы           | объяснился-бы                         |
| 94               | —              | Хони                    | Хопи                                  |
| 96               | 7              | Джигалши                | Джихалши                              |
| 114              | 7              | Тормасова               | Тормасову                             |
| 132              | 28             | гарнизоновъ             | гарнизоновъ                           |
| 136              | 7              | 29-го іюня              | 29-го іюля                            |
| 154              | 24             | главнокомандующимъ      | главнокомандующимъ                    |
| —                | 12             | вящему                  | вящему                                |
| 171              | 32             | Восполненіе             | Во исполненіе                         |
| 236              | 7              | защищались              | защищались                            |
| 242              | 16             | Хеоба (постоялый дворъ) | тѣсное ущелье съ пещерами для ночлега |
| 259              | 16             | земляного               | земляного                             |
| 314              | 20             | мирзы Паулуччи          | маркиза Паулуччи                      |
| 208              | 7              | деревни                 | деревнѣ                               |
| 383              | 28             | Бочагова                | Богачева                              |
| 394              | 4              | Балаучары               | Балачауры                             |

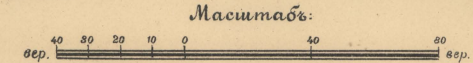


# КАРТА

ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ СЪ 1809 ПО 1817 ГОДЪ,  
СЪ ГРАНИЦАМИ ПО ГЮЛИСТАНСКОМУ ДОГОВОРУ И БУХАРЕТСКОМУ МИРУ.



Составлена въ Военно Историческомъ Отдѣлѣ при Штабѣ Кавказскаго Военнаго Округа Подполковникомъ Уайтманомъ.



АРДЕБИЛЬ

Гравировъ П. Мисай.

ТАВРИЗЪ